

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2014. № 388. Ноябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- ХИМИЯ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES
- CHEMISTRY

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2014. № 388. November

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**,
д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал.
наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома
Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потekaев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**,
канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства
ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**,
д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of
Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State
University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of
Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.;
Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
S. Kulizhskiy, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**,
Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology,
Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
G. Prozumentova, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**,
Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Губанов С.А. Блочный эпитет в творчестве М. Цветаевой	6
Макарова Е.А. Специфика регионального литературно- художественного сборника в книжном пространстве Сибири XIX в.	10
Поплавская И.А. Текст «времена года» и художественная философия «весеннего чувства» в творчестве В.А. Жуковского	17
Прокофьева В.Ю. Семантическое поле «телесность»: роман А. Платонова «Счастливая Москва»	24
Селезнева Е.В. А.П. Чехов как модернист и импрессионист на первоначальном этапе англоязычной рецепции его творчества в 1910–1930-х гг.	30
Хомук Н.В. Роман И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко. Статья 1	35
Шунков А.В. Документальный текст в литературной традиции переходного времени (к вопросу об эволюции документальных жанров в историко-литературных условиях второй половины XVII в.)	42

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Боровинская Д.Н. Экономические и культурные основания креативности	47
Гончаренко М.В. Трансформация мира фактов в смыслы фактов в аналитической философии К.-О. Апеля	54
Донскова Л.И. Системный подход к исследованию управления социокультурным обслуживанием населения как двухуровневой системой	59
Квят А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия	65
Козлов А.Е. Парадоксализация дискурса в философском эссе С. Кьеркегора «Страх и трепет»	76
Хитрук Е.Б. Символическое насилие как основной механизм воспроизводства гендерной поляризации и субординации в теории П. Бурдьё	81

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Полякова Е.А. Музей в контексте актуализационно- адаптационных процессов	86
Ульянова О.С. Особенности погребения умерших как фактор сохранения национальной культуры еврейской общины (на материалах по Томску второй половины XIX – начала XX столетия)	94
Учитель К.А. О неосуществленных постановках Малого оперного театра в середине 1930-х гг.	98
Фортунагов А.Н., Бокова А.В. Преодоление виртуальности. Опыт компаративного анализа социальных значений локальных сообществ в Томске и Нижнем Новгороде	102

CONTENTS

PHILOLOGY

Gubanov S.A. The block epithet in the works of Marina Tsvetaeva	6
Makarova E.A. Specificity of the regional literary collection in the Siberian book space in the 19th century	10
Poplavskaya I.A. The text "Times of Year" and the artistic philosophy of the "spring feeling" in the works by V.A. Zhukovsky	17
Prokofieva V.Yu. Semantic field 'corporeality' in Andrey Platonov's novel <i>Happy Moscow</i> ("Schastlivaya Moskva")	24
Selezneva E.V. First reception of A.P. Chekhov's works in English literary studies	30
Khomuk N.V. I.T. Kalashnikov's novel <i>The Daughter Of The Merchant Zholobov</i> and the Siberian Baroque. Article 1	35
Shunkov A.V. Documentary texts in the literary tradition of the transitional period (on the evolution of the documentary genre in the literary and historical environment of the second half of the 17th century)	42

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Borovinskaya D.N. Economic and cultural bases of creativity	47
Goncharenko M.V. The problem of transformation of the world of facts into meaning of facts in the analytical philosophy of K.-O. Apel	54
Donskova L.I. Systems approach to the study of control over the sociocultural service of population as a two-level system	59
Kviat A.G. "Everything will be different": city picnic as heterotopia	65
Kozlov A.E. Kierkegaard's philosophic essay "Fear and Trembling" in the context of discourse paradox	76
Khitruck E.B. Symbolic violence as the main mechanism for the reproduction of gender polarization and subordination in the theory of Pierre Bourdieu	81

CULTURAL STUDIES

Polyakova E.A. Museum in the context of the processes of update and adaptation	86
Ulyanova O.S. The funeral ceremony as a factor of Jewish traditions conservation (by Tomsk data of the 19th – early 20th centuries)	94
Uchitel K.A. On the unrealized performances at the Small (Maly) Opera Theatre in the middle of the 1930s	98
Fortunatov A.N., Bokova A.V. Overcoming of virtuality. Experience of comparative analysis of the social values of local communities in Tomsk and Nizhny Novgorod	102

ИСТОРИЯ

Бычкова Т.А. Китайская политика администрации Барака Обамы в 2009–2012 гг.	106
Залесов В.Г., Залесов Г.М. Влияние деятельности купца-просветителя П.И. Макушина на архитектурно-градостроительный облик и культурную среду Томска	114
Зленко К.В., Фоминых С.Ф. Петербургский период в жизни и деятельности П.Н. Крылова (1914–1917 гг.)	124
Исупов В.А. Статистические источники по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала Западной Сибири (1939–1948 гг.)	129
Манонина Т.Н. Вклад купцов в благоустройство г. Томска во второй половине XIX – начале XX в.	135
Мишенин С.Е. Деятельность отрядов и групп «Комсомольского прожектора» по повышению эффективности работы железнодорожного транспорта Западной Сибири в 1965–1991 гг.	140
Ходова С.С. История развития взаимоотношений Китая и АСЕАН	148
Хорошенкова А.В. Исследования по истории СССР в вузах Нижнего Поволжья во второй половине XX в.: тенденции и противоречия	155

ПРАВО

Волошин А.В. Принципы правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи в современной России	161
Исабеков К.С. Законодательное регулирование по противодействию торговли людьми в Кыргызской Республике	165
Микულიн А.И. Административно-правовой статус лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении: содержание и особенности	169
Негодина О.А. Механизм отражения личностных особенностей в движениях как основа формализации информации о личности в криминалистике	177

ЭКОНОМИКА

Долженко Р.А. Транзакционные издержки использования новых форм трудовых отношений на примере краудсорсинга и возможные пути их снижения	181
Руди Л.Ю., Тропникова Т.А. Оценка доступности жилья для населения Новосибирской области	188

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Атаманова И.В. Динамика становления профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности студентов технических специальностей	194
Бокхан Т.Г., Берлизова Т.Б., Кузнецов В.Н., Галажинская О.Н. Ценностно-смысловая обусловленность трудностей самореализации при формировании алкогольной зависимости в молодом возрасте	205
Волов В.В. Феномен лицевой экспрессии в психологии	211
Кабачкова А.В., Фролова Ю.С., Дмитриева А.М., Булгакова А.И., Дурас Е.Е., Фомченко В.В. Изменение кровотока нижних конечностей у волейболистов при выполнении одномоментной функциональной пробы	219
Муравьёва О.И., Мацута В.В., Ерлыкова Ю.Н. Факторная структура личностных особенностей предпринимателей малых и крупных городов Сибири	223
Цигулева О.В. Образовательные модели высшей школы в странах Западной Европы и России в рамках Болонского процесса	227

HISTORY

Bychkova T.A. The Chinese Policy of Obama's Administration in 2009-2012	106
Zalesov V.G., Zalesov G.M. Effects of merchant and educator Petr I. Makushin on the architectural character and cultural environment of Tomsk	114
Zlenko K.V., Fominykh S.F. Petersburg period in the life and activity of P.N. Krylov (1914-1917)	124
Isupov V.A. Statistical sources for the research of the military-mobilization and labor potential of Western Siberia (1939-1948)	129
Manonina T.N. Contribution of merchants to the improvement of Tomsk in the second half of the 19th – early 20th centuries	135
Mishenin S.E. The activity of "Komsomol Projector" detachments and groups on the increase of rail transport work efficiency in Western Siberia in 1965-1991	140
Khodova S.S. History of China-ASEAN relations	148
Khoroshenkova A.V. Research on the history of the USSR in the Lower Volga Region universities in the second half of the 20th century: trends and contradictions	155

LAW

Voloshin A.V. Principles of legal regulation of relations on rendering social security assistance in modern Russia	161
Isabekov K.S. Regulatory control to resist human trafficking in the Kyrgyz Republic	165
Mikulyn A.I. Administrative legal status of the subject of administrative proceedings: content and features	169
Negodina O.A. Mechanism of reflection of personality characteristics in movements as a basis for the formalization of identity information in forensics	177

ECONOMICS

Dolzhenko R.A. Transaction costs of using new forms of labor relations by example of crowdsourcing and possible ways of their reduction	181
Rudi L.Yu., Tropnikova T.A. Housing affordability assessment for the population of Novosibirsk Region	188

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Atamanova I.V. Dynamics of engineering students' professionally-oriented foreign language communicative competence development	194
Bokhan T.G., Berlizova T.B., Kuznetsov V.N., Galazhinskaya O.N. Value-semantic conditionality of difficulties of self-realization during alcohol dependence formation at young age	205
Volov V.V. Phenomenon of face expression in psychology	211
Kabachkova A.V., Frolova Yu.S., Dmitrieva A.M., Bulgakova A.I., Duras E.E., Fomchenko V.V. Blood flow change in the lower extremities of volleyball players during functional tests	219
Muraviova O.I., Matsuta V.V., Erlykova Yu.N. Factor structure of personality characteristics of entrepreneurs of small towns and big cities	223
Tsiguleva O.V. Higher education models in West European countries and Russia within the Bologna process	227

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Гутак Я.М., Дьяченко Н.К. Комплексы табулят (кораллы) из разновозрастных отложений девона юго-восточной части Горного Алтая	232
Красноярова Н.А., Чиркова Д.Ю., Серебренникова О.В. Условия осадконакопления и особенности состава рассеянного органического вещества пород нижней юры – палеозоя архинской площади (юго-восток Западной Сибири)	235
Савичев О.Г., Фунг Тхай Зыонг. Эколого-геохимическое состояние поверхностных вод и донных отложений в дельте Меконга (Вьетнам)	246
Слабухина С.В. Изучение морфологической структуры микроландшафтов Васюганского болотного комплекса на основе дешифрирования космических снимков	253

ХИМИЯ

Кирбижекова Е.В., Прозорова И.В., Юдина Н.В. Исследование состава асфальтосмолопарафиновых отложений при образовании обратных водонефтяных эмульсий	257
Сухарев Ю.И., Апаликова И.Ю., Лебедева И.Ю., Кузьмина Н.В. Механизм формирования матрицы сорбентов. Создание модели их строения	263
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	270

EARTH SCIENCES

Gutak Ya.M., Dyachenko N.K. Complexes of tabulate corals of Devonian deposits of different age in the south-eastern part of Gorny Altai	232
Krasnoyarova N.A., Chirkova D.Yu., Serebrennikova O.V. Depositional environment and composition of dispersed organic matter of the lower Jurassic-Paleozoic rocks in the Archinskaya field (south-east of Western Siberia)	235
Savichev O.G., Phung Thai Duong. The ecogeochemical condition of surface waters and bed sediments in the delta of the Mekong River (Vietnam)	246
Slabukhina S.V. Studying the microlandscape morphological structure of the Vasyugan peat by satellite images decoding	253

CHEMISTRY

Kirbizhekova E.V., Prozorova I.V., Yudina N.V. The study of asphaltene-resin-paraffin deposits composition from water-in-oil emulsions	257
Sukharev Yu. I., Apalikova I.Yu., Lebedeva I.Yu. Kuzmina N.V. Mechanism of sorbent matrix formation. Creating a model of its structure	263
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	270

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 83.3

С.А. Губанов

БЛОЧНЫЙ ЭПИТЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Рассматривается блочный эпитет в цветаевском идиолекте, характеризуются варианты вербализации структурных схем блочных эпитетов в текстах М. Цветаевой и их уникальная семантика. Устанавливается, что использование блочного эпитета поэтом позволяет многоаспектно описать ситуацию, объект или лицо, развернуто актуализировать образные и окказиональные семы прилагательного, делает образ наглядным и объемным. Осмысление реалии М. Цветаевой происходит очень эмоционально, неожиданно, поэтому предпринята попытка описать основные типы конфигурации блочного эпитета.

Ключевые слова: эпитет; Марина Цветаева; метонимия; дискурс; идиолект; блочный эпитет.

Остановимся на характеристике так называемого блочного эпитета/эпитетного комплекса (эпитет + определяемое слово) на примере творчества М. Цветаевой. Сам термин введен нами для адекватного описания спаянного признакового высказывания в художественном тексте [1]. Наличие блока эпитетов, его регулярное конструирование составляют специфическую черту идиостиля поэта.

Блочный эпитетный комплекс – это стилизованный под фольклорную эпифразу единый лексико-синтаксический блок, включающий определяемое слово и эпитет, в том числе распространенный, дающий многоаспектную характеристику объекту. Компоненты блока характеризуются цельностью семантики составляющих компонентов словосочетания, их тесной спаянностью. Наиболее часто употребление блочного эпитета в фольклорных произведениях М. Цветаевой:

А сугробы подаются, // Скоро расставаться. // Прощай, вьюг-твоих-приютство, // Воркотов – приятство [2. С. 236]. Такие эпифразы графически фиксируются посредством дефиса, подтверждая тем самым единое значение компонентов. В данном примере перед нами характеристика зимы и вьюги посредством отсылки к образу уюта, волшебства, счастья. Определяемое слово опущено, а три объединенных дефисами компонента представляют собой аппозитивный эпитет (приложение с зависимыми словами). В других случаях такие выражения объединяют эпитет и определяемое слово (*кровь-твоя-кровца, поклон-тот-не-послан, к чаши-идеешь-причастию*).

Стоит отметить, что такого типа эпитет практически не был объектом особого внимания лингвистов. Предлагаемый нами термин «блочный эпитет» отражает его структурную особенность – спаянность его компонентов в единое высказывание. Рассматриваемый тип эпитета частично затрагивался в работе О.П. Лопутько [3], а также в диссертации А.В. Громо-вой [4]. В последней работе близким к блочному эпитету является конфигурация прилагательных, именуемая адъективами с актуализированной семантикой. Как правило, блочный эпитет растворяется в понятии «постоянный эпитет», но отличие блока адъективов состоит в том, что его компоненты не являются застывшими и формульными. Лишь по форме будучи стилизованными под фольклорные эпитеты, они по

содержанию глубоко индивидуальны, компоненты их окказиональны по своей семантике.

Приведем систематизацию выявленных нами блочных эпитетных комплексов по характеру морфологического состава их компонентов и семантике.

Базу для блочного эпитета составляет аппозитивное словосочетание, включающее определяемое слово и эпитет-приложение, особенно характерные для «фольклорного» цикла произведений М. Цветаевой. В составе эпифраз такого рода, как правило, находятся образные слова, близкие по значению, выполняющие функцию характеристики объекта / реалии / лица:

Смотрит: не шелк-янтарь – мусор-товар [2. С. 359]; *филин-сова* [Там же. С. 388]; *У Царицы – семь покоев / Стены все в сетях-тенетах, / Колокольчиках-звонках* [Там же. С. 371]; *Я, твой лодырь, // Твой холоп-лысолоб!* [Там же. С. 361]; *Две слезы-соперницы // В одну слились* [Там же. С. 392]; *Гусли, гусли-самозвоны... гули, гусли-самогуды...* [Там же. С. 379]; *То пророчица великих разлук: // Сово-плакальщица, филин-сова* [Там же. С. 388]; *Что за притча? Что за гость-за-сосед: / Не то в латы, не то в ризы одет!* [Там же. С. 341].

Иногда эпитеты-аппозитивы очень близки по семантике, почти синонимичны, что отражает их сходство с собственно фольклорными аппозитивными клише:

Прощай, мой праведник-монах! / Все яростней разлет-размах, / «Мой персик-абрикосик!» [Там же. С. 378]. Встречается и четырехкомпонентный комплекс: *Вихрь-жар-град-гром была, – // За все наказана* [Там же. С. 399].

Функция эмоциональной характеристики объекта выступает для блочного эпитетного комплекса основной. Наиболее частотными являются блочные эпитеты с первым компонентом *жар* (22) и *царь* (15).

Необходимо отметить, что данные двухкомпонентные выражения могут трактоваться и как аппозитивы, но в силу их разноплановой семантики (суммарной, признаковой) и окказиональности причисляются нами к блочным эпитетным комплексам.

Фразеологичное фольклорное выражение *жар-птица* послужило своеобразным шаблоном, матрицей для конструирования М. Цветаевой таких блочных эпитетов, как: *на жар-груди* [Там же. С. 370]; *жар-девица* [Там же. С. 352]; *жар-корабль* [Там же. С. 344,

361]; *жар-платок* [Там же. С. 358]; *жар-самовар* [Там же. С. 362].

Сочетание *Царь-Девушка*, обозначение главного персонажа и название поэмы, становится базой для образования аппозитивов-эпитетов с первым компонентом *царь*: *царь-буря* [Там же. С. 577]; *царь-дурак* [Там же. С. 601]; *царь-город* [Там же. С. 579]; *царь-мой-лебедь* [Там же. С. 588]; *царь – кумашный нос* [Там же. С. 598]; *царь-парус* [Там же. С. 591]; *царь-хитростник* [Там же. С. 372] и др.

Именной эпитетный комплекс может содержать и экспрессивно-восклицательную частицу, которая усиливает эмоцию: *Что за притча? Что за гость-за-сосед? // Не то в латы, не то в ризы одет!* [Там же. С. 353].

Как уже говорилось, синтаксическая база блочных эпитетных комплексов – сочетание основного слова-субстантива и приложения. На этой базе возникают более сложные эпитетные комплексы с нарушением контактного расположения определяемого слова и эпитета. Дистантность компонентов эпифразы создается в одних случаях глаголом-сказуемым, «вклинивающимся» между компонентами эпифразы, в других – местоимением-определением или местоимением-дополнением и т.д. Чтобы сохранить единство эпифразы, М. Цветаева использует дефис как графическое средство обозначения ее цельности.

Рассмотрим разновидности более сложных структур блочного типа.

1.1. Блочный эпитетный комплекс с глагольным компонентом (44 единицы).

Каторжник койку-обрел-тепльнй. // Пасынок к матери в дом – аминь [Там же. С. 362]; *Как дождичком-бьет-серебром* [Там же. С. 406]; *И снова туман-всколыхнулся-фата* [Там же. С. 405]; *Об одном лишь... Грусть-схватила-жаль* [Там же. С. 413]; *Не орел с орлицей / В спор-вступили-схват* [Там же. С. 414]; *Заработали тут струночки-прислужницы, // Ровно зернышки-посыпались-жемчужинки* [Там же. С. 387]; *Лик-наклоняет-солнце // На белое солнце* [Там же. С. 418].

Данный тип блочного эпитета можно рассматривать как разновидность предыдущего типа, так как он представляет собой сочетание определяемого слова и приложения, находящихся не в контактной, а в дистантной позиции.

Построение блочного эпитетного комплекса фольклорного типа на основе включения в его структуру глагольного слова дает поэту возможность охарактеризовать целую ситуацию: глагол выступает в качестве центрального элемента комплекса, причем часты сравнения левого и правого компонентов относительно глагола (фата, как туман или лик, как солнце).

Глагольный компонент также используется как своеобразное связующее звено между синонимичными или близкими понятиями, где сближение их семантики происходит на уровне фольклорного осмысления, рождается суммарная семантика: *Спор-заводили-беседу; в спор-вступили-схват*.

Глагол в составе блочного комплекса используется в различных морфологических формах настоящего времени (*наклоняет*), будущего (*свяжусь*) и прошедшего (*всколыхнулся*), что говорит об открытости ком-

понентов комплекса к изменямости и о неустойчивости его структуры, возможности привносить новые элементы или трансформировать имеющиеся.

Единственным примером использования блока, эквивалентного предложению, может выступать фраза *Грудь-разломила-сталь* с подлежащим (*сталь*), сказуемым (*разломила*) и дополнением (*грудь*), где наблюдается выход за рамки собственно эпифразы.

На месте глагола-сказуемого в составе блочного комплекса используется деепричастие: оно объединяет единое понятие, передавая нерасчлененное действие и объект действия: *И снится мне, – молвит // Лоб-глядя-чело, // Что красное солнце // На лоб мне сошло* [Там же. С. 388].

Это явление цветаевского идиолекта описано Л.В. Зубовой в рамках поэтического окказионализма. Нам представляется важным подчеркнуть эпифрастичность и образность таких выражений: блочный эпитет, способствуя ритмической стилизации текста под фольклорный сказ, «собирает» компоненты высказывания, обеспечивая их спаянность. Фольклорные поэмы, в которых используется блочный эпитет, дают основание говорить о доминировании признаковой номинации нечистой силы и главных героев.

Тем не менее, несмотря на стилизованность и фольклорность данных эпитетных комплексов, нельзя не сказать об их особой образности и неповторимости, несводимости просто к постоянным эпитетам или их разновидностям – идеалистическому, формульному и т.д. Единое нерасчлененное действие, быстрое, молниеносное, сложное, оформлено в единое высказывание, которое и по форме призвано передать эту динамичность образа, его неустойчивость и интенсивность проявления: *в спор-вступили-схват*.

1.2. Местоименные блочные эпитетные комплексы ситуативной семантики (34 единицы). Данная структура возникает также в результате дистантного расположения определяемого слова и эпитета-приложения, когда они разделены местоимением, имеющим разные синтаксические функции (определения, дополнения, подлежащего) и разную синтаксическую зависимость.

Основная функция употребления блочного, спаянного местоименного эпитетного блока состоит в подчеркивании нерасчлененной, синкретичной характеристики объекта: в каталог его свойств попадает ситуативный атрибут в виде обращения (*царь-мой-лебедь* или *Царь-ты-Дева*). Местоимения в составе комплекса стоят как в именительном падеже, так и, что значительно чаще, в косвенных падежах, что свидетельствует о нерасчлененности высказывания, функционировании его как единого, спаянного комплекса, но с возможностью изменения местоименного компонента (застывшая конкретная форма высказывания).

Местоименный компонент, разрывающий аппозитивное выражение, может выступать в функции:

– определения: *То спесь-ее-льдина // Слезой возила* [Там же. С. 399]; *Вспыхнул пуще корольков-своих-бус* [Там же. С. 395]; *Лежит цвет-наш-трезвенник, как пьяный какой...* [Там же. С. 403]; *Двум юнцам-своим-щечочкам, // Морячочкам-морякам...* [Там же. С. 790];

– дополнения: *Повели, чтоб тем же часом / Вихря-мне-коня седлали* [Там же. С. 351]; *Весь кафтан-ему-шнуровку / Расстегнула на груди* [Там же. С. 387]; *В ковры-вам-подстилки // Вину велю течь!* [Там же. С. 390];

– обращения: *Ври, дурь-ты-деревня...* [Там же. С. 392].

Как видно из приведенных примеров, поэт использует в большей степени личные местоимения (*вы, ты, мне*), а также притяжательные (*свой, наши*). Автор подчеркивает свое отношение к адресату, а также напрямую обращается к нему.

Семантические отношения между компонентами местоименного блока самые разнообразные: это и характеристика объектов, иногда с элементами сравнения (конь, как вихрь; юные, как щенки), и образная, метафорическая интерпретация (слезы – льдины спеси).

Особенностью цветаевского идиолекта в ее произведениях, стилизованных под фольклор, является использование блока эпитетов в целях эвфемистической замены определяемого понятия, которое ощущается поэтом как своеобразное табу. Табуируются следующие понятия:

1) нечистая сила. Чёрта М. Цветаева именует *не-наш, сам-сам*; нечисть получает эпитетное наименование перифрастического характера: *сброд красен-незван, гости нетаковские, слободские*. Данные эпитеты построены по модели фольклорных формул с той лишь разницей, что сами признаки, положенные в основу эвфемизмов-блоков, выбираются автором произвольно;

2) змей. Змей получает следующие характеристики: *зверь-он-яр, летун-хапун*;

3) небо. Особое место в фольклорных поэмах М. Цветаевой занимает образная аппозитивная блочная номинация неба как символа Высших Сил, Того Света. Это такие номинации, как *Зорь-Лазаревна, Синь-Озеровна, Синь-Ладановна, Высь-Ястребовна, Сгинь-Бережок, ладонь-глубизна*. В эпитетах отражается идея зеркальности миров (*ладонь-глубизна*), патронимическая персонификация, внешний облик небес (*лазорь*), морбиальные свойства (*Синь-Савановна, Глыбь-Яхонтовна, Синь-Ладановна*); причем сама

лексема «небо» заменяется метонимическими обозначениями «высь», «синь». Единичной номинацией любви патронимического типа средствами блочного эпитетного комплекса является эпитет-аппозитив *Знобь-Тумановна*.

Редкими, но экспрессивными блочными эпифразами являются трех- и четырехкомпонентные единицы: *Вихрь-жар-град-гром была, – / За все наказана!* [Там же. С. 389]; *Лоб-ему-грудь-плеча // Крестит на сон ночной* [Там же. С. 401]; *Крылышек промежду // Грудку-взял-ей-стан* [Там же. С. 399]; *Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиный* [Там же. С. 409]; *Подымайтесь, воры-коришуны-мятежники!* [Там же. С. 393].

Остановимся на них немного подробнее. Такого рода эпитеты представляют собой именно *эпитетный комплекс*, поскольку имеют в своем составе несколько слов (корней) и развернутую, сложную семантику. Компоненты таких блоков эпитетов как бы точно, дискретно номинируют составляющие элементы той или иной актуальной для поэта ситуации. Так *вихрь, жар, град, гром* имеют общую семантику «проявление силы природы, стихий». Функции многокомпонентных эпитетов и отношения между компонентами могут быть следующими:

– полнота описания ситуации или элементов объекта (*лоб, грудь, плечо*);

– перечисление важных для автора компонентов ситуации, своеобразная образная каталогизация реалий; причем автор сам очень ситуативно, избирательно подбирает признаки предмета, эмоционально, «безмерно», как всегда у М. Цветаевой;

– нагнетание, градация, усиление признаков компонентов ситуации (*воры, коришуны, мятежники*) в сочетании с экспрессивным обращением к лицу.

Итак, блочный эпитетный комплекс – это спаянный эпитетный аппозитивный ряд с дистантным положением эпитета и определяемого слова, выполняющий функцию фольклорной стилизации. Для творческого почерка Марины Цветаевой данный тип эпитета является важной чертой идиостиля, проявлением внимания к сложному осмыслению реалий действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: структурный и семантический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 234 с.
2. Цветаева М.И. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Аспект Пресс, 1996. Т. 3.
3. Лопутько О.П. Постоянный эпитет и история прилагательных // Русский язык в школе. 2004. № 5. С. 81–85.
4. Громова А.В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 28 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 августа 2014 г.

THE BLOCK EPITHET IN THE WORKS OF MARINA TSVETAEVA

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 6-9. DOI: 10.17223/15617793/388/1

Gubanov Sergey A. International Marker Institute (Samara, Russian Federation). E-mail: gubanov5@rambler.ru

Keywords: epithet; Marina Tsvetaeva; metonymy; discourse; idiolect; block epithet.

In the article the block epithet in M. Tsvetaeva's idiolect is considered; options of verbalization of block diagrams of block epithets in M. Tsvetaeva's texts and their unique semantics are characterized. It is established that the use of the block epithet by the poet allows a multidimensional description of a situation, object or person; it is developed to staticize figurative and occasional senses in adjectives; make an image evident and extensive. M. Tsvetaeva's judgment of reality occurs very emotionally, unexpectedly, therefore an attempt to describe the main types of block epithets is made. The block epithet complex is a uniform lexical-syntactic block

stylized by folklore epithet which includes the defined word and the epithet, unextended and extended, giving a multidimensional description of the object. Components of the block are characterized by the semantic integrity of phrase components, their close cohesion. The author of the article offers this term for an adequate and complete description of such a complex phenomenon as it is necessary to describe both components of the attributive statement fully; it plays the central role in the phenomenon or object characteristic, bears evaluation and multidimensional judgment of this concept. Marina Tsvetaeva very often uses such configurations of adjectives and nouns, without dividing the attribute into components, which distinguishes her language from her contemporary poets. The extremely emotional judgment of reality leads to designing complex attributive words; their study is a topical problem of modern linguistics. The base for the block epithet is an appositive phrase including the defined word and the epithet-apposition, especially characteristic for the "folklore" cycle of M. Tsvetaeva's works. Creation of the block epithet complex of the folklore type by introducing the verb in its structure allows the poet to characterize the whole situation: the verb is the central element of the complex, comparisons of the left and right components in relation to the verb (a veil like fog or a face like the sun) are frequent. Pronouns as a part of the complex have both the Nominative and, which is much more often, oblique case forms, which proves that the statement is indivisible, it functions as a uniform, connected complex, but with a possibility of a change of the pronominal component (a set concrete form of the statement). The block epithet complex is a connected epithet appositive row with the distant position of the epithet and the defined word carrying out the function of folklore stylizations. For Marina Tsvetaeva's works this type of epithet is an important idiostyle feature, attention to the complex judgment of life realities.

REFERENCES

1. Gubanov S.A. *Epitet v tvorchestve M.I. Tsvetaevoy: strukturnyy i semanticheskiy aspekt*. Dis. kand. filol. nauk [The epithet in the works of M.I. Tsvetaeva: structural and semantic aspect. Philology Cand. Diss.]. Samara, 2009. 234 p.
2. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works. In 7 vols.]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996. Vol. 3.
3. Loput'ko O.P. Postoyannyi epitet i istoriya prilagatel'nykh [Standing epithet and a history of adjectives]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2004, no. 5, pp. 81-85.
4. Gromova A.V. *Regulyativnyy potentsial prilagatel'nykh v poeticheskom diskurse M. Tsvetaevoy*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Regulatory potential of adjectives in the poetic discourse of M. Tsvetaeva. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 28 p.

Received: 6 August 2014

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СБОРНИКА В КНИЖНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ XIX в.

Исследуется процесс формирования литературно-художественных сборников, рассматриваемых на различных «срезах эпохи» в книжном пространстве Сибири XIX в. в аспекте актуальной на сегодняшний день категории культурного трансфера. Системному целостному анализу подвергаются различные виды и подвиды коллективных сборников – периодические журналы, альманахи, антологии, хрестоматии – в соотношении текста и паратекста, более глубоко и показательно проявляющего динамику отношений текста и читателя.

Ключевые слова: региональный сборник; тип; вид; Сибирь; текст; паратекст; культурный трансфер.

Литературно-художественный сборник в филологической науке определяется как вид книжного издания, предметом которого является литературно-художественное произведение как часть всеобщего, целостного результата литературно-художественного общения. Данный вид книжных изданий имеет две основные разновидности – авторский и коллективный сборники, имеющие настолько характерные отличия от авторских, что они даже получили специальные названия: альманахи, антологии, хрестоматии. Материалом для исследования стал этап формирования собственно региональных литературно-художественных сборников XIX в., отражающих как общие черты по отношению к литературе центра, так и специфические особенности, характерные для книжного пространства Сибири.

В современном исследовании В.В. Баженовой выражена крайне точная мысль о том, что в последние годы весьма плодотворно развивается книговедческое направление филологии, что связано «...с повышенным вниманием к феномену текстualityности, практически ставшему символом искомого синтеза различных общекультурных начал: эстетических, коммуникативных, социальных и пр. Определение текста как генератора множественных смыслов более всего имеет отношение к произведениям, объединённым в некое новое целое, репрезентирующее эстетику той или иной эпохи и моделирующее взаимодействие дискурсов в литературном процессе. Острее это проявляется в литературных сборниках, таких как периодические журналы, альманахи, антологии, хрестоматии, серии / библиотеки и пр.» [1. С. 3].

Исходя из этого, определяется выбор материала, связанный с подобного рода типами и видами изданий. Сам же анализ сборников Сибири и о Сибири предопределил и методику исследования, согласно которой мы исследуем не просто содержательные и эстетические особенности контента интересующих нас изданий, но и соотношение текста и паратекста (Ж. Женетт). Поэтому, начиная с обращения редактора / издателя, предисловия / введения, структуры / композиции сборника, справочного аппарата, иллюстраций, выходных данных, внешнего дизайна книги, органично сопровождающих текст, глубже и показательнее выявляется и его концептуальная составляющая, проявляющаяся динамику отношений текста и читателя.

Типология литературно-художественных сборников уже достаточно изучена в литературоведении. Особенно продуктивным представляется диссертационное исследование В.С. Киселева, в котором практи-

чески впервые были сделаны попытки рассмотрения литературного сборника как художественного целого [2]. Литературно-художественным сборникам Сибири также посвящено достаточно много авторитетных научных работ, но многие из них носят либо библиографический, либо реферативно-описательный характер с элементами аналитики или посвящены какому-то определенному этапу в развитии сибирской литературы [3].

Поэтому, на наш взгляд, изучение региональных, в том числе сибирских литературно-художественных сборников, рассматриваемых как определенные «срезы эпохи», требует более целостного осмысления, осознания специфики контекста развития регионального книгоиздательства, литературной и общественной жизни Сибири на разных этапах ее развития, поновому высвечивающих и современную ситуацию, что определяет актуальность исследования.

Историк книги И.И. Фролова в этом плане убедительно доказывает, что в настоящее время наиболее перспективным является исследование провинциальной литературы и культуры, прежде всего, в «локальных масштабах», т.е. в рамках отдельных областей или исторически сложившихся регионов [4. С. 125]. Действительно, будучи ограничен определенной территорией, исследователь может вести поиск вглубь, благодаря имеющейся доброкачественной источниковой базе (комплекты газет, памятные книжки, указатели местной печати, архивы, воспоминания современников и пр.) для исследования историко-культурной ситуации определенного региона.

Такой методике придерживаемся и мы при изучении формирования и эволюции литературно-художественных сборников Сибири. Особенностью данной работы является системный анализ привлекаемых материалов: не монографическое изучение каждого отдельного этапа развития региональной литературы и издательских практик, а попытки выявить и систематизировать определенные типы и виды литературно-художественных сборников в контексте развивающейся литературно-издательской ситуации в Сибири, начиная с ее зарождения. В процессе сбора материала обнаружился целый ряд текстов, впервые введенных в научный оборот и внесенных в готовящуюся библиографическую опись, что и определило новизну исследования.

Важно помнить, что долгое время характерной чертой выходящих в Сибири книжных изданий была их типологическая нерасчлененность. Так, протоколы, журналы, отчеты научных обществ включали и

текущую ведомственную отчетность, и результаты научных исследований. Газеты и журналы содержали краеведческий исследовательский материал и выполняли чаще всего популяризаторские функции. Памятные книжки сибирских губерний и областей, а также календари вбирали в себя элементы делового, научного и популярного издания.

В это время наблюдалась также слабая дифференциация журнала и периодического сборника как по содержанию, так и по физическим характеристикам. Это явление было обусловлено общим состоянием книжного дела в Сибири, его заметным отставанием от уровня развития в центре, а также слабо определенными читательскими потребностями, на которые можно было бы ориентироваться при создании издания. Специфика нарождающегося литературно-книжного процесса в Сибири заключалась в том, что первыми сибирскими изданиями были не газеты, а журналы, по формату приближенные к жанру сборника. Зарождению их вида способствовали, с одной стороны, мощная сибирская летописная традиция, с другой – закономерный процесс, характерный для развивающегося книгоиздания в отдаленных от Центра регионах в означенный период.

Первым книжным центром Сибири, как известно, стал Тобольск благодаря деятельности братьев Корнильевых, организовавших здесь в конце XVIII в. первую частную типографию, и издательской инициативе ссыльного литератора П.П. Сумарокова, практически на несколько лет обеспечившего сибирский регион местной книжной продукцией¹. Характерно, что издания Сумарокова позиционировали себя как журналы, созданные в Сибири, но не как журналы о Сибири, что было естественно для ситуации конца XVIII в., когда региональный компонент в историко-культурном процессе еще не был выделен особо. Ценность же данной издательской инициативы выразилась в том, что по оформлению эти издания представляют собой типичный вариант *журнала*, но по внутреннему содержанию, характеру статей и художественных текстов уже больше напоминают жанр *альманаха*, приближенный к *сборнику*, причем варианта *серийного*.

С начала XIX в. книжная жизнь в Сибири практически останавливается на несколько десятилетий, хотя остаются и главные тенденции к ее развитию. Выход был найден в сотрудничестве с российскими издателями, заинтересованными в сибирской тематике, активно востребованной эпохой романтизма с ее страстью к экзотике, эстетике героического, обращенностью к миру фольклора и этнографии.

В настоящее время материал, который мы предполагаем исследовать, несомненно требует пересмотра в русле новых концепций в области методологии познания, если учесть, что в современной науке все большую роль начинают играть сближение разных подходов, стирание жестких границ между философией, культурологией, историей и филологией, историей и теорией литературы. В связи с этим описание и анализ исследуемого материала видится в аспекте одной из самых актуальных и востребованных на сегодняшний день категории культурного трансфера, относительно нового исследовательского аспекта, получившего в последние годы достаточно широкое

развитие в области гуманитарных наук. Показательно, что концепт культурного трансфера в современной науке зародился в проблемном поле исследований по культуре и межкультурным взаимодействиям, поэтому данный процесс присутствует практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности [5. С. 23]. Применим он и к издательской деятельности, так как может осуществляться на нескольких уровнях: общих тенденций развития книжного дела, процесса складывания книжных форм и на частном содержательном уровне книгоиздания.

Культурный трансфер Центра и периферии всегда играл большую роль в преодолении отставания Сибири, обогащая ее достижениями Европейской России и подталкивая к дальнейшему развитию. В этом плане образовавшуюся нишу в книжном и литературном деле сибирского региона первой трети XIX в. заняли журнальные издания Григория Спасского, выходившие в Петербурге, но главной проблематикой имевшие темы далеких восточных окраин. Необходимо помнить, что в русской культуре журнал получит типовидовое закрепление только к середине XIX в. Его промежуточными вариантами до этого периода будут *научные сборники*, возникшие в формате академических журналов XVIII в., *повременные сборники*, сформированные по тематическому принципу или по принадлежности авторов к определенному кружку. Сами издатели-авторы были, как правило, писателями-дилетантами, не преследующими коммерческих целей и имевшими крайне ограниченную аудиторию, что соотносимо и с феноменом Спасского.

Характерной особенностью *журнала «Сибирский вестник»*, во многом воплощающего черты *сборника*, стал его подчеркнuto научно-познавательный и просветительский характер, с преобладанием научно-прагматического стиля. В этом плане очень важным является уточнение А.С. Янушкевича по типовидовой классификации журнала, определяющее его как *первое специализированное издание научного типа* [6. С. 24]. Нес он и черты нарождающегося *издания краеведческого типа*, что неразрывно связывалось с романтической теорией «местного колорита».

В 40–50-е гг. XIX в. в сибирской литературно-издательской отрасли намечается явный провал. Отсутствие местной издательской деятельности, неразвитость критики и журналистики, одиночество местных талантов, затерянных в глуши, подавляли многие творческие начинания. В противовес этой кризисной ситуации формируется существенное позитивное явление в лице будущих областников – Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова, основавших в 50-е гг. в Петербурге первое сибирское землячество. Ключевым критерием областнической идеи становится патриотизм, что диктует неперемennые условия для местного литератора – обязательное его возвращение на «родину», пребывание в ее границах и служение ее «интересам» [7. С. 29]. Именно по этой причине Ядринцев отказывает в ценности «Иртышу...» Сумарокова в своей этапной статье «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири», так как для него «это голая риторика и напыщенная ода местным семинаристам, никакого отношения к местной жизни не имевшая» (курсив мой. – Е.М.) [8. С. 83].

Сами же сборники о Сибири в этот период (издаваемые большей частью в столицах) носят явный промежуточный характер по отношению к нарождающимся сборникам классического типа. Для них характерна изначальная размытость в позиционировании понятий «авторский / коллективный сборник» даже на уровне оформления обложки и титульного листа, где имя автора стоит либо после названия, либо числится в категории «составитель», либо вообще отсутствует в выходных данных. Поэтому во многих библиографических указателях эти сборники причисляются к группе коллективных, что дает основание и нам для их включения в свою классификацию.

«Перед нами лежит малоизвестная книжка *“Сибирские мелодии”*, изданная в Петербурге в 1846 году. Автор неизвестен; видно, что он был ссыльный; по крайней мере, во многих стихотворениях он выражает свои изгнаннические чувства и свою тоску...» [Там же. С. 86] (цитата здесь и в дальнейших текстах сборников выделяется курсивом, названия сборников – полужирным курсивом). Так презентует этот малоизвестный сборник далее в своей статье Ядринцев. Действительно, долгое время он определялся в науке как анонимный. И только в 20-е гг. XX в. М.К. Азадовский, опираясь на данные «Русского биографического словаря», установил, что автором «Сибирских мелодий» был не ссыльный, а инженер, находившийся на службе в Сибири, Антон Иванович Штукенберг. В конце 1930-х гг. он был командирован для исследования Забайкальских гор и изысканий по постройке Кругобайкальского пути и пробыл в Сибири четыре года [9. С. 17]. Впечатления этих лет и легли в основу его сборника. Ошибочность же предположения Ядринцева относительно биографии поэта уже другой современный исследователь объясняет тем, что хотя Штукенберг и не был ссыльным, но четыре года, проведенные им в Сибири, воспринимались им самим как изгнание [10. С. 355–359].

Не случайно в стихотворениях этого малоизвестного автора в основном звучат мотивы изгнания, тоски. Для его текстов характерно большое количество сибирских топографических примет: описание Ангары, Енисея, города Кяхты и др. Рубрика «Вместо предисловия» представлена стихами в виде обращения поэта к своему читателю и критику. Чаше всего Сибирь рождает у поэта чувство горечи, душевной боли, как это выражено в стихотворении «Сибирская грусть»: «Конечно, песнь моя угрюма, / Без утешения она; / В ней грустная таится дума, / Негодования полна; / Однако ж, будьте справедливы, / Скажите, что здесь вдохновит, / Какая муза залетит / В ваш край печальный и тоскливый» [11. С. 39]. Очевидно, что стихи откровенно вторичны. По версии Ю.С. Постнова, Штукенберг был знаком с творчеством сибирских романтиков, таких как И. Петров, С. Рассказов, И. Родюков, А. Степанов и др. Это подтверждается тем, что поэт практически повторил многие мотивы и образы и даже поэтические приемы, характерные для них. Судя по всему, именно их творчество утвердило поэта в мысли, что Сибирь может быть отражена в литературе лишь средствами романтической поэзии.

Как стало ясно из библиографических источников, в Петербурге Штукенберг издал еще два стихотворных сборника. Первый из них *«Мелодии»* (1852) начинается с поэтического предисловия, изложенного в типичной романтической эстетике. Но в этом издании сам по себе ценен (в плане разработки справочного аппарата) раздел «Примечания», помещенный в конце сборника, где приводится необходимая для читателя расшифровка монголо-бурятских слов, географических названий и неизвестных понятий. Несомненно важна и последняя, 15-го примечания, в котором значится: «*Большая часть “Мелодии” писана в Иркутске*» [12. С. 3].

Следующий сборник Штукенберга *«Осенние листы»* (1866) [13] позиционируется на обложке и титульном листе как собрание стихотворений Антония Крутогорова (псевдоним Штукенберга). По контенту он приближен к формату *итогового сборника*, но по классификации современного исследователя отнесен к так называемой второй волне подражательных и провинциальных изданий, предельно травестирующих устоявшиеся классические сюжеты и мотивы [14]. По композиции, формату и оформлению это типичный стихотворный сборник, во многом повторявший уже наработанные приемы в русском книгоиздании. К этому времени в полиграфическом и оформительском плане активно используется политипаж – типовой книжный декор для многократного использования в разных изданиях, который более или менее изобразителен: это заставка, виньетка или даже целая иллюстрация, что и воплощается в дизайне сборника Штукенберга.

Сама же сибирская литература в этот период еще только нарождалась, но уже достаточно широка и внушительна была ее география: от западных и восточносибирских до дальневосточных окраин. В этот ареал входило и пространство Урала, так как образ Сибири для русско-европейского сознания было понятием широким даже в географическом отношении: все это было для него определенной зафронтирной зоной, разделяющей «свое» пространство от подчеркнутого «чужого».

«Следует упомянуть еще о поэте не без таланта, смотрителе Верхнеудинского уездного училища Д. Давыдове, писавшем немало местных произведений... Мы видели книжку *“Волишебная скамеечка”*, изд. в Верхнеудинске, 1859 г.», – продолжает перечислять Ядринцев неизвестных или забытых сибирских поэтов [8. С. 91]. Точное название упомянутого им сборника (отсутствующего в НБ ТГУ, но просмотренного нами в РНБ) таково: *«Ширэ гуйлгуху, или Волишебная скамеечка»* [15]. Местом издания значится Верхнеудинск, но на обороте обложки внизу указано разрешение цензуры с уточнением места печати – «Казань, в университетской тип.», что крайне важно, так как впервые сборники сибирских авторов начинают печататься в провинциальных ведомственных типографиях, в том числе и университетских.

Что касается самого Дмитрия Павловича Давыдова, то в связи с его именем опять возникает проблема специфики авторства в сибирской окраине, когда многие местные писатели создавали свои тексты либо

анонимно, либо оставались в неизвестности, либо были причислены к категории «второстепенных», «забытых». Такая судьба типична для многих писателей-сибиряков, не обладающих большим талантом или не могущих пробиться в «большую» литературу в силу целого ряда объективных и субъективных причин. Еще важнее подчеркнуть, что многие из этих региональных культурных деятелей чаще всего так до конца писателями и не стали, но достаточно успешно совмещали свою творческую деятельность с культуртрегерской: общественной, образовательной, просветительской, научной. Эта вырабатывающаяся типология сибирского писателя универсального типа станет также характерной приметой культуры далекого региона, где реализация личности во многом и возможна была в соединении разных составляющих. Сама же проблема авторства достаточно долго существовала в сибирской провинции.

Необходимо особо отметить работу Давыдова в области изучения сибирской этнографии и фольклора, отразившуюся на его творчестве. Живя продолжительное время в Бурятии и Якутии, он собирал песни, легенды, сказки сибирских народов и сам творил под их непосредственным влиянием. Поэма «Волшебная скамеечка» интересна с литературной и типовидовой точки зрения тем, что в ней практически совмещаются три пласта: лирический, фантастический и научный. Поэтому большую информативную ценность представляют «Примечания», помещенные на отдельных листах в конце сборника с расшифровкой неизвестных слов и понятий, большей частью связанных с бурятским языком и народными поверьями.

Как видим, литературно-художественные сборники этого периода представляют ряд случайных и незначительных, но достаточно репрезентативных явлений, чтобы можно было говорить об их *промежуточном характере* по отношению к нарождающимся сборникам классического типа. С одной стороны, они позиционируются как авторские, с другой, сама специфика авторской позиции и степень его участия такова, что по формату это типичные сборники, отражающие некую коллективную мысль, выраженную не только на уровне текста, но и паратекста: общих тем и мотивов, предисловий, комментариев, приложений, указателей и пр. Важность этого периода в развитии региональных коллективных литературно-художественных сборников как раз видится в том, что именно они дали толчок к формированию и структуре паратекста, включающего элементы, в основном добавленные во время процесса дистрибуции редакторами, печатниками и издателями: название, предисловие или введение, иллюстрации и т.п. Как правило, эта категория рассматривается в связи с рамочными компонентами в архитектонике печатного литературного текста, поэтому отражает различные стратегии их авторов-составителей, начиная от эстетической, рекламной вплоть до коммуникативной, задающей диалогическую ситуацию с читателем.

В итоге в сибирских повременных и отдельных изданиях начинают, как было показано, активно вводиться следующие рубрики: приложения, примечания, комментарии, различного рода указатели. Все это говорит о появлении в региональном книжном простран-

стве середины века уже вполне профессиональных изданий с ценным справочно-библиографическим аппаратом, во многом приближенных к категории *сборников научно-популярного типа*.

Важным явлением в книжном процессе Сибири становится постепенное превращение обыкновенного канцелярского документа, воспроизведенного типографским способом, в книгу – специфический продукт духовно-материального производства со своими опознавательными знаками: обложкой, титульным листом, заглавием и выходными данными, со свойственным книге социальным назначением и уже вполне осознанным читательским адресом. Поэтому, несмотря на то, что большая часть перечисленных нами сборников была напечатана в столичных издательствах, в зауральском регионе в этот период продолжает работать и открываться целый ряд собственных литографий и типографий.

Таким образом, вся первая половина XIX в. для сибирского книгоиздания была временем накопления материально-технических (полиграфических) возможностей и культурного (авторского) потенциала. Но на протяжении всего периода оба эти процесса шли параллельными путями, не располагая достаточными условиями для поддержания друг друга. Еще долгое время сибирские авторы свои издательские замыслы связывали с центром, а перечисленные нами сборники во многом являлись промежуточным звеном между видами научно-художественных и собственно литературно-художественных изданий.

Только со второй половины XIX в. начинает происходить кристаллизация формы провинциальной книги и складываться ее видовое, жанровое разнообразие. Тем не менее на пути к этому характерной чертой сибирского книгоиздания оставались его универсальность и синкретичность. Само деление сибирских книг этого периода на производственные, научные, популярные, художественные еще было достаточно условным, что отражалось и на характере литературно-художественных сборников. Тем не менее именно через печать и книгу утверждаются в сибирском пространстве идеи и принципы областничества, формируются навыки общественного самоуправления. К этому времени провинциальная печать уже становится инструментом формирования самосознания региона и важнейшей составляющей общероссийского литературного процесса.

В связи с этим с середины 1870-х гг. разворачивается полемика вокруг проблем местной печати, за которой внимательно следят и в столичной прессе. По-настоящему дискуссия развернется после этапной статьи Д.Л. Мордовцева «Печать в провинции», в которой примут участие журналист, юрист и публицист А.С. Гацкий, издатель «Камско-Волжской газеты» К.В. Лаврский, лидеры сибирского областничества С.С. Шашков и Н.М. Ядринцев, писатель и редактор В.Г. Короленко, а также целый ряд других литературных и общественных деятелей. Итогом этой полемики станет то, что главный вектор оппозиции «столичное – провинциальное» получит значимый переход к оппозиции «регион – центр». Сам же феномен провинции в дальнейшем активизирует направление в современной философии, потребовавшее терминологи-

гической определенности – «региональная философия». Им обозначают «мировоззрение, отражающее своеобразную рефлексию по поводу культурно-исторических противоречий с более значимым (для данного региона) духовным центром» [16].

Осмысление пространственных границ Сибири, ее истории, природы, общих типологических моделей вело к формированию регионального самосознания, что и выразилось в явлении сибирского областничества и той литературы, которая неизбежно возникала в связке с процессами общелитературными. Вполне закономерно в этот период появление различных сибирских литературно-художественных сборников, подготовленных на местах, но изданных в столице. Важно и то, что уровень сибирской печати достиг той отметки, когда некоторые периодические издания уже начинают предпринимать собственные издательские проекты. Одним из таких стал *научно-литературный сборник иркутской газеты «Сибирь»*, изданный в Санкт-Петербурге в 1876 г. [17].

Большим культурным событием станет выход *сборника стихотворений «Сибирские мотивы»* (1886) [18], отпечатанного в Санкт-Петербурге большим тиражом – 5000 экз. – и представлявшего собой вариант крайне продуманной издательской стратегии, рассчитанной как на столичного, так и на местного читателя. Это выразилось в том, что в книгу на равных правах вошли стихи поэтов Сибири (Бальдауфа, Ядринцева, Омулевского) и известных европейских авторов (Пушкина, Некрасова, А. Толстого, Рылеева). Принципиально и то, что данное издание несет в себе черты нарождающегося вида *благотворительного сборника*, доход от которого шел в пользу авторов либо членов их семей или в распоряжение какого-либо благотворительного общества. В данный сборник большим блоком включены стихотворения сибирского поэта, писателя и переводчика И. В. Федорова-Омулевского, умершего в бедности, в память о котором известным деятелем-меценатом И.М. Сибиряковым и была издана эта книга.

Основная же тема сборника – Сибирь, ее природа, люди, значимые события и история сибирского края, что уже несет в себе черты *издания научно-краеведческого* характера. Такой подход к изданию, на наш взгляд, в первую очередь, обусловлен профессиональной установкой на читательское восприятие, так как сборник, прежде всего, был рассчитан на столичного читателя, дабы напомнить сибирякам, проживающим в центре, о родном крае. Важно и то, что, в отличие от предыдущих, этот сборник по сути стал *первой сибирской хрестоматией*. По жанру он действительно близок к изданию с систематически подобранными литературно-художественными, официальными, научными и иными произведениями или их фрагментами.

Уже через несколько лет в Томске в издании Ю.П. Матвеевой под редакцией Ивана Брута² выйдет *вторая сибирская поэтическая хрестоматия – «Отголоски Сибири»* (1889) [19], составленная по тому же принципу. В нее вошли стихотворения как общероссийских, так и сибирских поэтов: К. Рылеева, А. Одоевского, Н. Некрасова, В. Кюхельбекера,

Ф. Бальдауфа, И. Сурикова, И. Омулевского, П. Шумахера и самого Ф. Волховского. Сборник был напечатан в типографии «В.В. Михайлова и П.И. Макушина», издательство которых к этому времени уже стало крупнейшей фирмой, занимающейся реализацией книг по всей Сибири. Несомненно, это отразилось и на оформлении сборника, который хранится в фондах Научной библиотеки ТГУ. Разнообразие шрифтов, витиеватые буквицы, использование красной краски в оформлении, узорчатые виньетки на обороте титульного листа – все это значительно отличает его от сборников, выпускаемых в других сибирских типографиях того времени.

С точки зрения контента и жанровой дефиниции издание представляет собой вид *поэтического коллективного сборника*, где главной является попытка выразить региональное самосознание, сформированное природой края. В его состав входит предисловие редактора, в котором говорится о целевом назначении издания. Изначально заданная диалогичность сборника, связанная с русско-европейским и региональным сознанием, задает и тематику крайне разнообразных стихотворений: от отрывков народных песен, песен рабочих, тюремных заключенных до поэм В. Кюхельбекера. Но всех их объединяет одно – тема Сибири, что задает целостность и самому жанру сборника. В итоге такое разнообразие материала более ярко выявляет основную цель сборника, выраженного в предисловии редактора, – «разбавить повседневность людской жизни <...> найти себе отголосок в душе каждого, искренно полюбившего светлые стороны Сибири и болящего о ее темных сторонах» [Там же. Л. VIII].

В этом сборнике любой читатель мог найти то, что близко ему по духу и соответствовало его интересам. Поэтому он может служить своеобразной иллюстрацией к уже упомянутой нами статье Ядринцева «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты в Сибири», в которой есть общность и в установке, и в отборе материала, и которую автор заканчивает так: «Эта канва, где жизнь вышивала свои узоры, может дать со временем пищу художнику и поэту. Когда появится этот поэт – Бог весть!» [8. С. 94]. В предисловии Волховского-Брута читаем: «До сих пор Сибирь не дала еще ни одного цельного поэта, но “проблески” дарований, но “брызги” вдохновения видны в общем массиве стихов, посвященных Сибири. Отсюда и название сборника – “Отголоски...” В них свое обаяние, ценность первых шагов, памятные строки Бальдауфа, Таскина, Александрова, хоть они и стремились тунгусские или бурятские нравы воспеть на манер Марлинского» [19. Л. IV]. Очевидно, что редактор-составитель расширяет тематические и временные рамки сибирской литературы, показывая не столько ее достижения, сколько возможности, еще не осуществившиеся в полной мере, но оставляющие надежду. В итоге в «Отголосках Сибири» проявляется новый акцент в сибирской тематике – культурное пробуждение края. Особенно это прослеживается в стихах, посвященных открытию Томского университета.

Тем не менее после выхода этого сборника на протяжении достаточно долгого времени не случилось того ожидаемого повторения коллективного поэтического

сборника, которое могло бы подтвердить успех этой книжки и показать процесс развития сибирской поэзии. Связано это было с преобладанием текстов прозаического характера, несущих черты очерковости, документальности и отражающих суровую жизнь далекого края. Важным прорывом в развитии культуры региона стали открытие первого за Уралом Императорского университета и публикаторская деятельность ученых, связанная с развитием изданий научного характера.

Для развивающейся же литературной жизни Сибири проблема заключалась, прежде всего, в том, что начинающие литераторы, разбросанные по крупным сибирским городам, удаленным один от другого на сотни и тысячи километров, не имели на данный период единого литературного центра – своего журнала или хотя бы какого-то общего периодического печатного органа. Поэтому создание коллективных сборников и альманахов приобретало особое значение, так как они не только объединяли, но и выявляли и открывали новые имена писателей, поэтов и критиков.

Самоусовершенствование издательских стратегий вело книгу, нередко существующую в формате приложения к газете или журналу, к ее полной автономии. Это в законченном виде выразилось, пожалуй, в самом мощном региональном издательском проекте последних десятилетий XIX в. – *научно-литературном приложении*³

к газете Ядринцева «Восточное обозрение», получившем название «*Сибирский сборник*», выпуски которого последовательно выходили сначала в Санкт-Петербурге с 1885 г., а затем, с 1888 по 1906 г., в Иркутске.

Главная идея «Сибирского сборника» была направлена на соединение в одном издании разнородного материала с целью всеохватного описания жизни Сибири. Это была актуальная и мощная региональная рефлексия рубежа XIX–XX вв., попытка осмысления положения дел в регионе в рамках его истории и современного на тот момент состояния, осмысления дальнейшего пути развития Сибири. В то же время «Сибирский сборник» послужил своеобразным диалогическим пространством для русско-европейского и сибирского читателя, своеобразным «пунктом обмена» информацией. Его содержание, структура, редакционно-техническое и графическое оформление не вступали друг с другом в противоречие и ориентировались не только на определенную двойственную читательскую аудиторию, но и на специфику этого издания, которое можно определить как *региональный сборник универсального типа*. На наш взгляд, такой вид издания и станет наиболее продуктивной моделью для дальнейшего развития жанра литературно-художественного сборника в книжном пространстве Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Его книга «Училище любви» (в переводе с французского) стала, по сути, первенцем сибирской печати, а три журнала («Иртыш, впадающий в Иппокрену», «Журнал исторический, выбранный из разных книг», «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя»), последовательно выходившие с 1789 по 1794 г., отличались достаточным разнообразием контента и широтой охвата материала.

² Псевдоним редактора «Сибирской газеты» и политического ссыльного Ф.В. Волховского.

³ Понятие «приложение» представляет собой вид издания, дополняющего основной текст материалами справочного, документального художественного характера и, как правило, обогащающего его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова В.В. Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.
2. Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006. 48 с.
3. Азадовский М.К. Сибирь в русской художественной литературе (Опыт библиографического указателя). Иркутск, 1927.
4. Фролова И.И. К вопросу об источниках и перспективах исследования истории книгоиздания и книготорговли в провинции во второй половине XIX в. // Книга. Исследования и материалы. М., 1983. Сб. 46.
5. Лобачева Д.А. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8.
6. Янушкевич А.С. Особенности сибирской краеведческой критики 1810–1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989.
7. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX вв.: Особенности становления и развития региональной литературной традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005.
8. Ядринцев Н.М. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.
9. Азадовский М.К. Бурятия в русской лирике // Жизнь Бурятии. 1925. № 1–2.
10. Постнов Ю.С. «Сибирские мелодии» А.И. Штукенберга // Ю.С. Постнов. Русская литература Сибири первой половины XIX века. Новосибирск, 1970.
11. Сибирские мелодии. СПб. : Типография Военно-Учебных заведений, 1846.
12. Мелодии / сост. А.И. Штукенберг. СПб. : Тип. Э. Веймара, 1852.
13. Осенние листы. Собрание стихотворений Антония Крутогорова [псевд.] / сост. А.И. Штукенберг. СПб. : В типографии и литографии С. Степанова, 1866. 346 с.
14. Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2004. 466 с.
15. Ширэ гуылгуху, или Волшебная скамеечка: [В стихах] / [Соч.] Дмитрия Давыдова. Верхнеудинск : Унив. тип., 1859. Напечатана в Казани. 29 с.
16. Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. URL: <http://www.disserscat.com/content/avstriiskaya-filosofiya-kak-samosoznanie-kulturnogo-regiona> (дата обращения: 10.03.2014).
17. Сборник газеты «Сибирь». СПб. : Издание редакции газеты «Сибирь». Типография Товарищества «Общественная польза», 1876. Т. 1. 484 с.
18. Сибирские мотивы : сб. стихотворений / изд. И.М. Сибирякова. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1886. 144 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 сентября 2014 г.

SPECIFICITY OF THE REGIONAL LITERARY COLLECTION IN THE SIBERIAN BOOK SPACE IN THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 10-16. DOI: 10.17223/15617793/388/2

Makarova Elena A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena_mak2004@mail.ru

Keywords: regional literary collection; type; kind; Siberia; text; paratext; cultural transfer.

The research is performed within the bibliographic direction in philology which has been successfully developing in the recent years. The research is focused on regional literary collections of the 19th century displaying common features with the literature of the centre as well as specific features characteristic of Siberia, which conditions the timeliness and novelty of the research. The description and analysis of the material is made in terms of cultural transfer, a most important and popular category of modern science, as the processes in book publishing in Siberia directly reflected all-Russian tendencies. The research employs the systematic analysis of materials that covers not only the content and its aesthetic peculiarities, but also the interrelation between text and paratext (G. Genette). The series of Siberian literary collections, discovered in the course of research, have been introduced into scientific use and included into the upcoming bibliographic inventory. The specificity of the growing literary and book publishing process in Siberia was that the first Siberian editions in the late 18th century were not newspapers but magazines, similar to local history collections, for instance those by P. Sumarokov and G. Spasskiy. The 1840-50s showed an apparent failure in Siberian literary and book publishing industry. However, that time brought about 'oblastniki' (regionalists), which was a very positive phenomenon in Siberian socio-cultural development. The key ideas of regionalists included patriotism and formation of local literature. The collections about Siberia at this period (for instance, those by A. Stukenberg and D. Davidov) have a definitely intermediate character related to new collections of classical type and the notion of the "author's / multi-authored collection". Only in the second half of the 19th century the provincial book develops its form as well as genre diversity. Due to the constant growing of Siberian publishing, some periodicals undertake their own publishing projects, as is the case with collections "Siberia", "Siberian motives", published in Moscow and St. Petersburg, and "Siberian echoes" published by Mikhailov and Makushin in Tomsk. In terms of type and genre they are variants of scientific and local study publications, the charity collection, and Siberian poetic anthology. The most significant publishing project at the turn of the 20th centuries was a scientific and literary supplement to Yadrintsev's "Vostochnoe Obozrenie", known as "Siberian collections" that was published for twenty years in St. Petersburg and Irkutsk. It was a regional collection of the universal type, which would later become a very productive model for further development of the genre of literary collection in the book space of Siberia.

REFERENCES

1. Bazhenova V.V. *Russkiy literaturnyy sbornik serediny XX – nachala XXI veka kak tseloe: al'manakh, antologiya*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Russian literary collection of the middle of the 20th – early 21st centuries as a whole: an anthology. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2010. 26 p.
2. Kiselev V.S. *Metatekstovyye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze kontsa XVIII – pervoy trety XIX v.* Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Metatextual narrative structures in the Russian prose of the late 18th – the first third of the 19th centuries]. Tomsk, 2006. 48 p.
3. Azadovskiy M.K. *Sibir' v russkoy khudozhestvennoy literature (Opyt bibliograficheskogo ukazatelya)* [Siberia in the Russian literature (Experience of a bibliographic index)]. Irkutsk, 1927.
4. Frolova I.I. *K voprosu ob istochnikakh i perspektivakh issledovaniya istorii knigoizdaniya i knigotorgovli v provintsii vo vtoroy polovine XIX v.* [On the sources and prospects of the research of history of publishing and bookselling in the province during the second half of the 19th century]. In: *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Books. Research and Materials]. Moscow: Kniga Publ., 1983. Issue 46.
5. Lobacheva D.A. Cultural transfer: definition, structure and function in literary interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, issue 8, pp. 23-27. (In Russian).
6. Yanushkevich A.S. *Osobennosti sibirskoy kraevedcheskoy kritiki 1810–1830-kh gg.* [Features of the Siberian regional studies criticism in 1810–1830s]. In: Yakimova L.P. (ed.) *Traditsii i tendentsii razvitiya literaturnoy kritiki Sibiri* [Traditions and trends in the development of literary criticism in Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989.
7. Anisimov K.V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vv.: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Problems of poetics of Siberian literature of the 19th – early 20th centuries: Peculiarities of formation and development of the regional literary tradition. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Tomsk, 2005.
8. Yadrintsev N.M. *Sud'ba sibirskoy poezii i starinnye poety Sibiri* [The fate of Siberian poetry and ancient poets of Siberia]. In: *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk, 1980. Vol. 5.
9. Azadovskiy M.K. Buryatiya v russkoy lirike [Buryatia in the Russian lyrics]. *Zhizn' Buryatii*, 1925, no. 1-2.
10. Postnov Yu.S. *Russkaya literatura Sibiri pervoy poloviny XIX veka* [Russian literature of Siberia in the first half of the 19th century]. Novosibirsk, 1970.
11. *Sibirskie melodii* [Siberian melodies]. St. Petersburg: Tipografiya Voenno-Uchebnykh zavedeniy Publ., 1846.
12. Shtukenberg A.I. *Melodii* [Melodies]. St. Petersburg: Tipografiya E. Veymara Publ., 1852.
13. Shtukenberg A.I. *Osenne listy. Sbornik stikhotvorenyy Antoniia Krutogorova [psevd.]* [Autumn Leaves. Collected Poems by Anthony Krutogorov [pseudonym]]. St. Petersburg: V tipografii i litografii S. Stepanova Publ., 1866. 346 p.
14. Miroshnikova O.V. *Itogovaya kniga v poezii posledney trety XIX veka: arkhitektonika i zhanrovaya dinamika*. Dis. d-ra filol. nauk [The final book of poetry of the last third of the 19th century: architectonic and genre dynamics. Philology Dr. Diss.]. Omsk, 2004. 466 p.
15. Davydov D. *Shire gyl'gukhu, ili Volshebnyaya skamechka: [V stikhakh]* [Shire gyl'gukhu or a Magic bench: [Verses]]. Verkhneudinsk: Universitetskaya tipografiya Publ., 1859. 29 p.
16. Cherepanova E.S. *Avstriyskaya filosofiya kak samosoznanie kul'turnogo regiona*. Dis. d-ra ist. nauk [Austrian philosophy as a cultural identity of the region. History Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 2000. Available at: <http://www.dissercat.com/content/avstriyskaya-filosofiya-kak-samosoznanie-kulturnogo-regiona>. (Accessed: 10th March 2014).
17. *Sbornik gazety "Sibir"* [Collection of the newspaper "Siberia"]. St. Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Sibir", Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1876. Vol. 1, 484 p.
18. *Sibirskie motivy: sb. stikhotvorenyy* [Siberian motifs: collected poems]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1886. 144 p.
19. Brut I. (ed.) *Otголоски Sibiri: sb. stikhotvorenyy raznykh avtorov* [Echoes of Siberia: collected poems by different authors]. Tomsk: Tipografiya Михайлова и Макушина Publ., 1889. 194 p.

Received: 15 September 2014

ТЕКСТ «ВРЕМЕНА ГОДА» И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ «ВЕСЕННЕГО ЧУВСТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО

Впервые описание смены времен года в литературе представлено как единый текст. Проанализированы основные содержательно-структурные особенности данного текста. Художественная философия «весеннего чувства» рассматривается как эстетическая основа авторского текста «времена года» у Жуковского. Предметом анализа становятся стихотворения «Майское утро», «Весеннее чувство», «Овсяный кисель», черновики и планы поэмы «Весна» и баллады «Вадим».

Ключевые слова: времена года; русская романтическая лирика; Жуковский; философия «весеннего чувства»; категория бесконечного; эстетика жизнестроительства.

В современном искусстве особую значимость получают произведения, темой которых является смена времен года, представленная в метамузыкальном, религиозном, экзистенциальном, интермедийном прочтении (см., например, музыкальный цикл «Времена года в Буэнос-Айресе» аргентинского музыканта и композитора Астора Пьяццоллы, фильм «Весна, лето, осень, зима... и снова весна» южнокорейского кинорежиссера Ким Ки Дука, спектакль «Времена... Годы...» македонского режиссера Ивана Поповски, поставленного в Театре музыки и поэзии Елены Камбуровой и др.). В западноевропейской литературе этот сюжет, как известно, становится особенно популярным в эпоху сентиментализма и романтизма. Среди наиболее известных авторов, обращавшихся к нему в данный период, английский поэт Дж. Томсон («Времена года»), французский поэт и философ Ж.Ф. Сен-Ламбер («Времена года»), немецкий поэт Э.Х. Клейст («Весна») [1. С. 125–148], представители романтической пейзажной лирики Вордсворт, Шелли, Гейне, Гюго и др.

Попытаемся определить основные структурные элементы этого типа текста, у истоков которого в западноевропейской литературе оказываются «Труды и дни» Гесиода, «Фасты» Овидия, «Георгики» Вергилия. На формирование текста «времена года» в мировой культуре существенное влияние оказали космогонические и календарные мифы. Если космогонические мифы главным образом описывают пространственно-временные параметры вселенной [2. С. 6], то календарные мифы, изображающие ритуальное годовое событие или смену времен года, воспринимаются как своего рода редуцированный космогонический акт. Данный акт предполагает наличие единой творящей субстанции (Божества) и наполнение созданного в процессе сотворения вселенной пространства. Восприятие мира как акта творения, который каждый год воспроизводится заново, составляет философско-эстетическую основу текста «времена года».

Известно, что важнейшей особенностью космогонических мифов является изображение процесса становления мира как результата «последовательного введения основных бинарных оппозиций: небо – земля <...> и градуальных серий <...> растения – животные – люди и т.д.» [2. С. 7]. Бинарные оппозиции и градуальные элементы осмысливаются в качестве доминантных эстетических характеристик текста «времена года» как производного от космогонических и календарных мифов.

Если общая тенденция космогонических мифов направлена от Божественного к человеческому, от природного к культурному, то в календарных мифах важен сам процесс движения, воспроизводящий циклическую повторяемость, принципиальную воспроизводимость времен года в их заданной последовательности. Цикличность, соединенная с поступательным движением времени внутри каждого отдельного цикла (сутки, сезон, год), передает основные хронологические параметры в тексте «времена года» [3. С. 613].

В связи с тем, что календарь воспринимается в мифологическом сознании как земное отражение небесного порядка, в тексте «времена года» эстетически значимым оказывается обязательное присутствие двух сюжетов: сюжета трансцендентного и эмпирического, религиозно-философского и событийного. Подобная двусюжетность представляет собой взаимодействие и трансформацию кумулятивных и циклических сюжетных схем. При этом важно отметить, что кумулятивная структура «воспроизводит конкретно-чувственное многообразие жизни», а циклическая «выражает идеальное начало целостности и законсообразности бытия» [4. С. 196]. Автор же в тексте «времена года» выступает как своего рода аналог культурного героя, который раскрывает читателю закономерности небесного и земного мироустройства, а также свое переживание времени (природного, религиозного, экзистенциального) и пространства и личностную причастность к ним.

Генетически текст «времена года» воспроизводит модель представлений о мире первобытного человека, в которой образ, по словам О.М. Фрейденберг, выполнял «функцию тождества», представленную в форме равенств и повторений: равенства бога, человека, животного, растения, равенства жизни и смерти, неба и земли. Подобное отождествление актуализирует солярную и вегетативную семантику в данном типе текста. Так, образ «царя», отождествляемого с небом и солнцем, сливается с образом «года», под которым понимается вначале не период времени, а «исчезновение и появление космического тотема». Такой «год» «семантизируется как небо, как круг, как солнце и мрак, зима и лето», как победитель смерти, отражающий принцип «сменяющейся неизменности», «симметрично-обратного повторения» [5. С. 71, 72]. В земледельческий период «год» «обращается в круговоротный пространственный отрезок увядания и расцвета растительности, смена неизменности стано-

вится циклом, т.е. округлым временем; победитель смерти сливается с этим «годом», получает функции оплодотворителя, властителя над плодородием, от которого зависят урожай, приплод животных, новое поколение людей [5. С. 72]. Исходя из этих представлений, археосюжетом текста «времена года» является изображение умирающего и воскресающего божества, а также божества, дающего жизнь, плодородие через приносимую им сакральную жертву.

Текст «времена года», как и всякий другой знаковый объект, характеризуется выраженностью, внешней и внутренней ограниченностью, структурностью [6. С. 61–63]. Как отмечает Ю.М. Лотман, «“быть романом”, “быть документом”, “быть молитвой” означает реализовывать определенную культурную функцию и передавать некое целостное значение. Каждый из этих текстов определяется читателем по некоторому набору признаков» [Там же. С. 62]. К числу таких признаков в тексте «времена года» относится, наряду с вышеуказанными, и аллегорическое уподобление времени дня разным временам года и разным этапам человеческой жизни. Так, утро – полдень – вечер – ночь соответствуют весеннему – летнему – осеннему – зимнему сезонам, а сами сезоны отождествляются с детством – юностью – зрелостью – старостью. Кроме того, времена года могут отождествляться с частями человеческого тела или тела животного, содержать в себе этический (тепло – холод) и эстетический (весенний дорийский лад кифары Аполлона) коды.

Следует отметить, что важную роль в структуре текста «времена года» играют числа «два» и «четыре». Само число выступает здесь как сущностная характеристика мира-текста и как элемент его описания и метаописания. Как известно, число «два» позволяет описывать мир в его бинарных противопоставлениях, а число «четыре» «является образом статической целостности, идеально устойчивой структуры» [2. С. 630]. Числу «четыре» соответствуют четыре времени года, четыре реки рая, четыре природные стихии, четыре темперамента, четыре части света, четыре евангелиста, четыре великих пророка (Исаия, Иеремия, Иезекииль, Даниил), четыре буквы имени Божьего JHVH – Яхве. Геометрическим же выражением числа «четыре» становятся квадрат и крест [7. С. 279]. Оба эти числа чаще всего используются в образной и композиционной системе текста «времена года». Таковы основные содержательные и структурные особенности данного типа текста, которые в творчестве отдельных авторов получают индивидуальное натурфилософское осмысление и художественное воплощение.

Обратимся теперь к анализу весеннего фрагмента в тексте «времена года» В.А. Жуковского. В апреле 1816 г., находясь в Дерпте, Жуковский создает одно из своих лучших лирических стихотворений – «Весеннее чувство». П.А. Плетнев видит в этом произведении высочайшее искусство живописи картин природы, соединенное с авторским одушевлением [8. С. 360]. В.Г. Белинский связывает его основной пафос со «стремлением к бесконечному» [9. С. 182]. Б.М. Эйхенбаум относит это стихотворение к интим-

ной лирике поэта с ярко выраженной песенной мелодикой и композицией [10. С. 372]. Как считает И.М. Семенко, в «Весеннем чувстве» Жуковского «пантеистическое мироощущение дано в чувственно-конкретном образе» [11. С. 113]. По мнению С.А. Матяш, оно представляет собой образец русской натурфилософской лирики, сформировавшейся на песенной основе [12. С. 98]. Определяющим настроением в нем, как пишет А.С. Волгина, оказывается «невывразимое томление», возникающее через взаимопроникновение природного и антропологического начал [13. С. 204, 205]. На наш взгляд, в этом произведении в полной мере воплотилась художественная философия «весеннего чувства», составляющая основу текста «времена года» в творчестве Жуковского. Доминантой этого авторского текста становится описание весеннего преобразования природы и души лирического «я» через экзистенциальное переживание бесконечного. Сам же образ весны у русского поэта «обнаруживает архетипическую связь с темой сотворения мира, провоцирующую творческую активность мироздания: весной вселенная как бы творится заново» [14. С. 84].

Если сущность лирической поэзии заключается, по мнению Ф.В. Шеллинга, в изображении бесконечного в конечном, то движение лирического сюжета возникает из *противоположности* бесконечного и конечного [15. С. 346]. Противоположность этих двух категорий представлена в «Весеннем чувстве» Жуковского через параллельное изображение природного и метафизического планов. Сюжетное движение в этом стихотворении направлено от внешнего мира к внутреннему и затем к высшему, небесному, что позволяет передать и состояние природы, и рефлексию лирического «я», и его выход за пределы телесно-эмпирического пространства. Одноремная динамика в природной и ментальной сферах раскрывается во многом через рифмующиеся глагольные конструкции настоящего, прошедшего и будущего времени: «веешь – светлеешь», «пробудилось – возвратилось», «сияют – улетают», «несется – раздается», «летит – сокрыт», «укажет – скажет». Используемые в этом тексте анафора, лексический и синтаксический повтор, кольцевая композиция в содержательном плане связаны с переживанием автора природного циклического времени с его «сменяющейся неизменностью», что передается через «непрерывную трансформацию лирического переживания» [12. С. 93], а также через формирование песенной ритмико-мелодической структуры стиха. Известно, что это стихотворение изначально создавалась на заданную мелодию немецкого композитора и поэта Августа Генриха фон Вейрауха (1788–1865), дерптского знакомого Жуковского [16. С. 452], а впоследствии было положено на музыку А. Рубинштейном. Песенная основа этого произведения выступает как «форма непосредственного выражения лиризма» [17. С. 107], что позволяет соотносить «Весеннее чувство» с такими песнями и романсами поэта 1808–1814 гг., как «Путешественник», «Желание», «Пловец», «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» и др.

Эстетической основой философии «весеннего чувства» у Жуковского является пробуждение души лири-

ческого «я» как предвестия Воскресения. Семантика бесконечного и связанные с ней мотивы Воскресения и спасения души материализуются здесь в образе «очарованного Там». Оно включает в себя и «весть знакомую», выступающую аналогом небесного зова и сакрального Слова, и «милый голос старины» как оживотворение минувшего, и «край *желанного*» как внутреннее созерцание «неведомого берега», Небесного Града.

Полный текст этого стихотворения, как известно, встречается в письме Жуковского к А.П. Елагиной из Дерпта от 7 ноября 1816 г. Там оно помещается в контекст других произведений поэта 1816–1817 гг., среди которых «Певец в Кремле», «Вадим», «Там небеса и воды ясны!». В них философия «весеннего чувства» получает дополнительные смыслы. Так, в вольном переложении романа Ф.Р. де Шатобриана «Там небеса и воды ясны!» узнаваемое описание пейзажей села Мишенского, родины поэта, воспринимается как метафорическое изображение «родины души», локального земного рая. Здесь визуальные образы картин природы соединяются с внутренними прозрениями-воспоминаниями лирического «я» и получают символическое воплощение в поэтическом «там» как проекции небесного мира в земном, как преломлении бесконечного в конечном. Ср.:

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам –
Все там!..

[18. II. С. 36].

(Все цитаты в статье даются по этому изданию, в скобках римскими цифрами указывается номер тома, арабскими – страница.)

«Певец в Кремле» привносит в эту философию мотив обновления мира как результат действия провиденциальных сил в истории, как проявление «горней благодати» по отношению к «святой Руси», как исполнение русским царем обета искупления и спасения. Не случайно рифмующиеся здесь слова «спасенье» – «Провиденье» воспринимаются как основные концепты художественной историософии Жуковского 1810-х гг. Ср.:

И где же ты, о вождь побед?
Мы гимн поем *спасенья*:
Почто ж спасителя здесь нет?
На праздник *Провиденья*
Мы ныне в Кремль свой притекли <...>

[Там же. С. 45].

И будь сей огонь священный знак,
Что свыше *Провиденье*
На Русь, сквозь самый бедствий мрак,
Сияет во *спасенье*

[Там же].

Здесь Промысел Божий, направленный на сохранение России и ведущий ее к предназначенной ей цели бытия, соединяется со спасением русских людей через молитву-благодарность Богу от лица всей нации и обновлением себя искуплением [19. С. 1919]. Упомянутая в этом стихотворении «Звезда Востока», являющаяся символом Рождества Христова и даро-

ванной всему человечеству возможности искупления первородного греха и личного спасения, неотделима и от спасительной миссии России в Европе. Ср.: «И за развалины Кремля // Парижу мзда: спасенье». В этой связи важно отметить, что вступление русских войск в Париж 19 марта 1814 г. и проведенный там молебен в честь православной Пасхи, состоявшийся 29 марта, расценивались Александром I как «апофеоз русской славы между иноплемениками», как «духовное наше торжество» [20. С. 223].

Присутствующая в этом произведении идея изменения мира под влиянием Провидения должна была получить и визуальное воплощение в виньетке, которой поэт первоначально намеревался украсить отдельное издание «Певца». Об этом он сообщает в письме к А.И. Тургеневу от 21 октября 1816 г. Ср.: «...нельзя ли попросить Алексея Николаевича Оленина сделать виньетку для *Певца*? Вот мысль: Всевидящее око в небесах; лучи его ударили на землю, и тучи разлетелись, и полшара в сиянии; в удаляющихся тучах гаснут молнии» [21. С. 164]. Важно отметить, что здесь воля «Всевидящего ока», направленная с неба на землю, встречается с благодарственной «песнью победы», возносимой от земли к небесам.

Упомянутая в этом письме А.П. Елагиной баллада Жуковского «Вадим», которая, как известно, входит в дилогию «Двенадцать спящих дев», также разрабатывает мотив «весеннего чувства». Представляя собой вольное переложение прозаического романа Х.Г. Шписа (1755–1799) «Die zwölf schlafenden Jungfrauen. Geister – Ritter Roman. Bd. 1–3. Leipzig, 1795–1796», это произведение поэта оказывается внутренне связано с сотериологическими мотивами, с образами Спасителя, Искупителя, о чем отчасти свидетельствует и первоначальное название «Вадима» – «Искупление». Важно отметить, что само событие искупления неотделимо в православной традиции от божественного домостроительства человеческого спасения, под которым понимается «совокупность благодатных действий Бога как Спасителя людей от греха, проклятия и смерти» [19. С. 2101] при сохранении их свободы воли. Именно такое понимание домостроительства встречается в Послании к Ефесянам (3:2–9) и Послании к Колоссянам (1:25) Св. Апостола Павла. Идея Божественного домостроительства человеческого рода, важнейшей целью которой является спасение человечества через его свободную волю, не только объединяет произведения Шписа и Жуковского, но и воспринимается как своеобразная нравственно-религиозная параллель к эстетике жизнестроительства русского поэта, получившей отражение в трех эпитафиях и трех посвящениях к «Двенадцати спящим девам».

В «Вадиме» Жуковского мотив «весеннего чувства» передает состояние необъяснимого томления, предчувствия любви и встречи с «таинственным посетителем». Этот мотив, имеющий ярко выраженный биографический характер, упоминается уже в трех планах баллады «Вадим». Ср. у Шписа: «Часто поднималось *беспокойное чувство* в его сердце; он становился задумчив» [22. С. LI]; в планах к «Вадиму»: «Вадим – его молодость – и характер – *весеннее чувство*» (План № 1),

«Изображение Вадима –

1 – Его характер

2 – *Весеннее чувство* – облака – даль цветы – воды» (План № 2),

«С тех пор Вадим потерял покой – овладела им тоска – стремление – облака, птицы <...> *посреди весны задумчив*; уединение» (План № 3) [18. III. С. 339, 341]; в балладе «Вадим»:

Уже двадцатая весна

Вадимова настала;

И, чувства тайного полна,

Душа в нем унывала <...>

Душой весны был полон лес;

Листочки, развиваясь,

Дышали жизнью молодой

[Там же. С. 109, 110];

в стихотворении «Весеннее чувство»:

Чем опять душа полна?

Что опять в ней пробудилось?

Что с тобой к ней возвратилось,

Перелетная весна?

[18. II. С. 30].

Как можно заметить, в балладе Жуковского «Вадим» мотив «весеннего чувства» является своеобразным «прологом» к эпизоду встречи героя с божественным старцем, а также он воспринимается как начальный этап осознания им своего предназначения искупителя и спасителя. Вместе с тем этот мотив органично передает внутреннее состояние Вадима, его стремление к возлюбленной, которую он любит, не зная ее, движение к «очарованному Там», что вызывает ассоциации с образом «благодатного Гения» из общего посвящения к обеим частям произведения и свидетельствует о присутствии определенных автобиографических черт в образе главного героя. В этом смысле «Вадим», говоря словами современного исследователя, может быть интерпретирован как своего рода «мистическая баллада, разрабатывающая традиционный теософский сюжет, лирически переживаемый автором: история о пробуждении души в урочный час, ее соединении (браке) со своим избавителем-искупителем и мистическом преображении мира» [23. С. 37, 38].

Мотив «весеннего чувства» как ожидаемого преобразования души получает в контексте этого письма и психологическое «наполнение». Оно связано, в частности, с описанием внутреннего состояния А.П. Елагиной в данный период. Встречающаяся в нем философско-эмоциональная лексика: «благословенный покой», «печать неба в душе», «тишина, ясность, неизменяемость», «спокойная вера», «тихое счастье», отражает духовный итог этого непрерывного самостроительства души, ее стремления к бесконечному и выступает в качестве психологической основы текста «времена года» в творчестве поэта.

Сотериологический аспект в философии «весеннего чувства» Жуковского неотделим в этом письме и от размышлений о судьбах поэтов и назначении поэзии. В нем, как известно, упоминается имя «поэта-солдата» А.И. Мещевского (1787 – ок. 1820), сосланного в Оренбург в первой половине 1810-х гг. С просьбой о материальной помощи ему Жуковский неоднократно обращался и к А.П. Елагиной, и к

А.И. Тургеневу. Ср. в письмах к А.П. Елагиной от 10 октября и от 7 ноября 1816 г. из Дерпта: «Виват поэзия! она спасает и ссыльных!»; «Благодарствуйте за Мещевского! Поэзия святое дело! святое во всем смысле этого слова!» [24. С. 184, 194]; в письме к А.И. Тургеневу от второй половины января 1817 г. из Дерпта: «Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека» [21. С. 171]. Важно отметить, что помощь Мещевскому Жуковский неизменно рассматривал как часть своей эстетичекой жизнестроительности [25. С. 412], в которой поэтическое творчество понималось и как путь к «счастливому вместе», и как «ясновидение невыразимого», и как таинственное пробуждение души через слово [26. С. 213].

Философия «весеннего чувства» в письме Жуковского оказывается внутренне соотнесенной и с «философией фонаря», которая, как известно, получает свое законченное воплощение в записи поэта, сделанной в альбоме С.А. Самойловой от 29 августа 1819 г. По утверждению священника Д. Долгушина, «те светлые минуты духовного наслаждения, которые сохраняются воспоминанием, Жуковский и называет фонарями. Хотя они и не могут совершенно рассеять мрак жизни, но все же озаряют его» [27. С. 411]. Здесь же образ фонаря воспринимается как особый духовный свет семейственного круга, как спасительная «память сердца», как преобразующая власть воспоминаний над человеком. Обращаясь к адресату письма, Жуковский говорит: «...зажигайте около себя и в сердцах своих детей фонари свои; а наши будут гореть там и здесь и отвечать вам своим светом; <...> Друзья! На свете только и хорошего, что фонари; дай Бог, чтобы только на всякую минуту был огонь *наготове*! Все прочее шелуха!» [24. С. 193, 194].

Символический подтекст стихотворения «Весеннее чувство» отчетливо проступает на фоне других поэтических произведений и дневниковых записей поэта 1815–1816 гг. Так, идиллия «Овсяный кисель» (1816), рассмотренная в герменевтическом аспекте, обнаруживает свою многоуровневую семантику, в которой важное место отводится религиозно-философским взглядам Жуковского. По мнению И.Ю. Виноцкого, это произведение можно интерпретировать в том числе и как «опыт создания христианской идиллии-притчи», в которой образ растущего колоса воспринимается и как слово Божие, и как Царство Божие, и как «душа человека, созревающая для смерти-жизни и другой жизни» [28. С. 66]. Получившее воплощение в идиллии Жуковского идеи И.Г. Гердера об органической жизни и циклическом развитии всего одушевленного и неодушевленного мира, которые становятся в это время предметом рефлексии русского поэта [29. С. 162], цитаты из «Идей к философии истории человечества» позволяют рассматривать и перевод Жуковского из Гебеля, и «Весеннее чувство» как поэтически воплощенную метафору немецкого просветителя о превращениях «божественного цветка» – жизни человека и его бессмертной души. Ср.: «...*Распускающийся бутон человечности* предстанет в ином мире в таком облике, который и будет подлинным *божественным обликом человека*, таким, что величия и красоты его не сможет представить

ни одно человеческое земное чувство. <...> Цветок перед нами – это сначала проросшее семя, потом побег; появляется бутон, и вот наконец выходит цветок, переживающий свои возрасты по <...> земному распорядку. Подобные перерастания и превращения можно наблюдать у многих существ <...> Как нежен, как хрупок этот взращенный в них (людях. – И.П.) божественный цветок!» [30. С. 133, 135]. Как видим, в идиллии «Овсяный кисель» Жуковский обращается к вегетативной образности, составляющей основу календарных мифов. Здесь образ зерна и его превращений воспринимается как материализация всего годового цикла в тексте «времена года», а также и как аналог сакральной жертвы, приносимой ради плодородия и символически связанной с грядущим Воскресением человечества. Отсюда обращение к архетипам (зерно, цветок, дерево) и ритуалам календарного типа в литературе воспринимается как своего рода художественная эсхатология, выражающая надежду на бессмертие души [31. С. 197].

Формирование философии «весеннего чувства» в творчестве Жуковского связано, говоря словами М.К. Мамардашвили, с «фиксированными точками интенсивности» сознания, изменяющими наше представление о мире [32. С. 32]. В данном случае такими «точками» являются природа, красота, жизнь, смерть, Бог, душа, которые определяют художественную онтологию русского писателя-романтика и получают воплощение в созданных им текстах. Так, уже в первом печатном стихотворении поэта «Майское утро» (1797) встречается сентименталистский набор «знаковых» образов весны. Среди них «Феб златозарный», «грезы», «мечтанья», «бабочка», «цветки», «пчелка золотая», «роза», «горлица нежна». Меланхолические интонации этого произведения «снимают» противоположность бесконечного и конечного в нем и позволяют воспринимать описание пробуждающегося утра как преддверие загробного вечного счастья. Эти же мысли получают почти афористическое оформление в написанном в том же году прозаическом отрывке «Мысли при гробнице». Ср.: «Смерть есть путь в сию вечно блаженную страну; <...> гроб – лестница к небу» [18. VIII. С. 24]. Важно отметить, что уже здесь образ весны, пробуждающегося майского утра соотносится с временными категориями, которые конкретизируются через пространственные реалии. Ср.: «Белорумяна // Выходит заря»; «Феб златозарный, // Лик свой явивши, // Все оживил»; «Горлица нежна // Лес наполняет // Стоном своим. <...> Для чего тшечно // В грусти, тоске // Время проводишь?»; «Счастлив стократ // Тот, кто, достигнув // Мирного брега, // Вечным спит сном». Присутствующая здесь эстетически продуктивная трансформация-преображение временных образов в пространственные и обратно выполняет, на наш взгляд, важнейшую текстообразующую роль в оформлении поэтики «времен года» в творчестве Жуковского.

Важное место в создании этой художественной философии отводится и работе поэта над замыслами описательной поэмы «Весна», оставшимися, как известно, незавершенными. Небольшой стихотворный фрагмент «Пришла весна! Разрушив лед, река», планы и конспекты поэм «Весна» Ж.Ф. Сен-Ламберта (1716–1803), Э.Х. Клейста (1715–1795) и Дж. Томсона (1700–

1748), «Сельский дом» В. Кампенона (1772–1843) и др., созданные в 1806 и 1812 гг., позволяют осмыслить очередной этап развития данной темы в творчестве Жуковского. Главным мотивом, объединяющим все эти фрагменты, является циклический мотив обновления природы и человека, раскрывающийся по принципу «наращения смыслов и углубления взаимодействия “я” с миром» [33. С. 116]. Ср.: «Весна все оживляет»; «Видя обновляющуюся природу, живее чувствуешь ее влияние»; «зрелище пробуждающейся природы»; «чувство, пробуждаемое весною»; «Картины природы оживающей»; «Натура оживлена». Другим важным мотивом оказывается мотив странствования и возвращения человека на лоно природы, в родной дом, в отечество. Он понимается как приобщение к онтологическим основам мира и культуры, как предощущение полноты небесного блаженства уже в земной жизни индивида. Ср.: «О мирное к пенатам возвращенье!»; «Возвращение из города в деревню»; «Возвращение на родину и призывание музыки»; «Какое счастье возвратиться на родину // В свой сельский дом»; «Счастлив сельский человек, возвращающийся на свою родину». Еще один ведущий мотив в этих отрывках – мотив благодарности Богу и вера в бессмертие души. Ср.: «Обращение к Творцу природы»; «Поэт обращается к Творцу, которого мудрость видна в чудесном создании цветов»; «все чувства людей есть влияние самого Божества»; «Укоренять в душе чувство бессмертия. // Один перешед за границу жизни. // Другой пускай питается наслаждением» [18. IV. С. 355–365]. Этот мотив позволяет рассматривать замысел поэмы Жуковского «Весна» в религиозно-эстетическом аспекте как акт созидания Творцом мира, природы и как способность человека соучаствовать в этом процессе через внутреннее самотворчество в соответствии с Божественным Промыслом.

Замысел описательной поэмы «Весна», судя по прозаическим планам и стихотворному фрагменту, должен был включать в себя живописные картины природы, лирические медитации повествователя и сюжет возвращения героя весной к «пенатам своим» с использованием идиллических, элегических, одических и дидактических интонаций. Как отмечает Н.Ж. Ветшева в комментариях к конспектам и планам поэмы, она «должна была стать формулой жизни в единстве этического и эстетического, бытового и творческого» [Там же. С. 602]. В полной мере эта онтологическая «формула жизни» представлена в XII плане. В нем поэт говорит о гармонии внешнего и внутреннего существования человека как идеальном принципе жизни вообще. Ср.: «Жизнь сельская требует невинной души и привычек, правил невинных. Счастлив, кто любит природу, счастлив, кто ее изобразить умеет. Ее картины в разные времена года» [Там же. С. 364]. Приход весны и изображение все одушевляющего «весеннего чувства» были реализованы поэтом в его лирических стихотворениях 1805–1815 гг.: в переводе «Опустевшей деревни» из Голдсмита, в элегии «Вечер», в «Гимне» из Томсона, в «Послании к Плещееву. В день Светлого Воскресения», в послании «К Батюшкову», в элегии «Славянка» и др. Встречающиеся в них поэтические образы весны, имеющие метафорический и аллегорический характер, передают квинтэссенцию этой «формулы жизни». Ср.: «О

сени счастья, друзья весны моей»; «О дней моих весна»; «Творец! весна – Твоей любви изображение: // Воскреснули поля; цветет лазурный свод; // Веселые холмы одеты красотою, // И сердце растворил желаний тихий жар»; «...и ты, любовь весны <...> // Воркуй под сению дубравной, Филомела»; «...природа воскресает, // Когда в поля нисходит светлый май; // Где друг людей находит жизнь и рай»; «Спасительный дух жизни»; «И в светлый день, когда воскресший мир // Поет хвалы Подателю спасенья»; «Любовь есть неба дар; // <...> Кто любит, тот душой, // Как день весенний, ясен». Присутствующая здесь парадигма весенней образности, включающая в себя отеческий кров, духовную родину, молодость жизни, проявление любви и благодати Творца, одушевление природы, спасение человека и его воскресение для вечной жизни – все эти смыслы явно и имплицитно формируют целостную «весеннюю» философию поэта.

Подводя итог, можно сказать, что попытка осмыслить смену времен года в литературе как се-

зонный текст со своими содержательными и структурными особенностями представляется обоснованной и плодотворной. Формирование текста «времена года» в русской поэзии начинается на рубеже XVIII–XIX вв. в творчестве М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского. Художественная философия «весеннего чувства» в лирике Жуковского 1800–1810-х гг. рассматривается в качестве эстетической основы авторского текста «времена года». Целостное оформление текста «времена года» в поэзии «первого русского романтика» может быть представлено через анализ баллады «Светлана» (1813), стихотворений «Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик» (1814), «Летний вечер» (1818), «Близость весны» (1820), «Подробный отчет о луне» (1820), «Приход весны» (1831), «Жаворонок» (1851) и др. Поэтический текст «времена года» Жуковского как образец натурфилософской лирики первой половины XIX в. получает дальнейшее развитие в поэзии и прозе И.С. Тургенева, И.А. Бунина, Б.Л. Пастернака и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. Поэзия английского сентиментализма // Жирмунский В.М. Из истории западноевропейских литератур. Л., 1981.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М., 1997. Т. 2.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М., 1997. Т. 1.
4. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М., 2001.
5. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
7. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
8. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.
9. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1953–1959. Т. 7.
10. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л., 1969.
11. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.
12. Матяш С.А. «Весеннее чувство» В.А. Жуковского // Анализ одного стихотворения : межвузов. сб. Л., 1985.
13. Волгина А.С. Личность переводчика как фактор трансформации образно-философской структуры стихотворения // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 57.
14. Калашикова А.Л. Мотив весеннего преображения души в художественном творчестве Ф.И. Тютчева: фольклорные и христианские традиции // Фольклорная картина мира : сб. науч. ст. Кемерово, 2012. Вып. 2.
15. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1966.
16. Салупере М.Г. Забытые друзья Пушкина // Жуковский и русская культура : сб. науч. тр. Л., 1987.
17. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.
18. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 1999–2012.
19. Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. М., 1992. Т. 2. (Репринтное издание).
20. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 3.
21. Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. М., 1895.
22. Загарин П. В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
23. Виницкий И.Ю. Нечто о привидениях: истории о русской литературной мифологии XIX века. М., 1998.
24. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. М., 2009.
25. Поплавская И.А. Письма А.И. Мещерякова к Жуковскому // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 2.
26. Долгушин Д.В., священник. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009.
27. Долгушин Д.В., священник. Новый Завет в переводе В.А. Жуковского: история создания и публикации // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа : перевод В.А. Жуковского. СПб., 2008.
28. Виницкий И.Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006.
29. Реморова Н.Б. В.А. Жуковский – читатель и переводчик Гердера // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1.
30. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
31. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2012.
32. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1993.
33. Ветшева Н.Ж. Замысел поэмы «Весна» в творческой эволюции Жуковского // Жуковский и русская культура : сб. науч. тр. Л., 1987.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 сентября 2014 г.

THE TEXT "TIMES OF YEAR" AND THE ARTISTIC PHILOSOPHY OF THE "SPRING FEELING" IN THE WORKS BY V.A. ZHUKOVSKY

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 17-23. DOI: 10.17223/15617793/388/3

Poplavskaya Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru, lady-plvs@yandex.ru

Keywords: times of year; Russian romanticist lyric poetry; Zhukovsky; philosophy of the "spring feeling"; category of eternity; aesthetics of life-building.

In the article, for the first time ever, the literary description of times of year changing was represented as a consistent text. The basic substantial-structural peculiarities of the text, including perception of the world as an act of creation, which is rendered every year all

over again; binary oppositions and gradual elements; the recurrence connected with progressive advance of time in each separate cycle (day and night, season, year); existence of two subject-matters: transcendental and empirical, religious philosophical and eventful, representing interaction and transformation of cumulative and cyclic schemes, were analyzed. But the author in the "times of year" text appears as a counterpart of the culture hero, who uncovers to the reader the consistency of superterrestrial and terrestrial world order as well as experiencing of time (natural, religious, existential) and space, transcendence to them. The archetypal plot of the text is the portrayal of the dying and reviving deity, and also the deity that gives life, fertility through his sacred sacrifice. In the composite and figurative system of the text "times of year" an important role is assigned to numbers "two" and "four". The art philosophy of "spring feeling" of Zhukovsky is considered as an aesthetic basis of the author's "times of year" text that is reconstructed on the basis of the analysis of verses "May Morning", "Spring Feeling", "Oat Kissel", draft copies and plans of the poem "Spring" and the ballad "Vadim". The philosophy of Zhukovsky's "spring feeling" includes the description of spring transformation of the nature and the soul of the lyrical "I" as an existential experience of the eternal, awakening of the soul of the lyrical "I", as the presages of resurrection. The poet's semantics of the eternal and the related motives of resurrection and salvation materialize in the image of "charming There". The analysis of the verse "The Singer in the Kremlin" introduces the motive of the world's renewal as a result of actions of the providential forces in history into this philosophy, as manifestation of the "empyrean godsend" in relation to "Holy Russia". In the ballad "Vadim" by Zhukovsky the motive of "spring feeling" transfuses the state of inexplicable vexation of spirit, the prenotion of love and the meeting with "the mysterious visitor". The soteriological aspect in Zhukovsky's philosophy of "spring feeling" is inseparable from his reflections about destinies of poets and the purpose of poetry. The poetic text "times of year" by Zhukovsky as a sample of natural philosophical lyrics of the first half of the 19th century further developed in works of Turgenev, Bunin, Pasternak, etc.

REFERENCES

1. Zhirmunskiy V.M. *Iz istorii zapadnoevropeyskikh literature* [From the history of Western literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. 306 p.
2. Tokarev S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya*: V 2 t. [Myths of nations of the world. An Encyclopedia. In 2 vols.]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1997. Vol. 2.
3. Tokarev S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya*: V 2 t. [Myths of nations of the world. An Encyclopedia. In 2 vols.]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1997. Vol. 1.
4. Broymann S.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001. 418 p.
5. Freydenberg O.M. *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of plot and genre]. Moscow: Labirint Publ., 1997. 445 p.
6. Lotman Yu.M. *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg: Iskusstvo Publ., 1998. 702 p.
7. Bidermann H. *Entsiklopediya simvolov* [The Encyclopedia of symbols]. Translated from German. Moscow: Respublika Publ., 1996. 333 p.
8. Lebedeva O.B. (ed.) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 726 p.
9. Belinskiy V.G. *Polnoe sobranie sochineniy*: V 13 t. [Complete works. In 13 vols.]. Moscow, 1953-1959. Vol. 7.
10. Eichenbaum B.M. *O poezii* [On Poetry]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1969. 552 p.
11. Semenko I.M. *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [Life and Poetry of Zhukovsky]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975.
12. Matyash S.A. "Vesennee chuvstvo" V.A. Zhukovskogo ["Spring feeling" by V.A. Zhukovsky]. In: Kholshevnikov V.E. (ed.) *Analiz odnogo stikhotvoreniya* [Analysis of a poem]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1985. 246 p.
13. Volgina A.S. Translator's Identity as the Defining Factor of Figurative and Philosophical Structure Transformations of a Poem. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 24 (239), issue 57, pp. 203-205. (In Russian).
14. Kalashnikova A.L. *Motiv vesennego preobrazheniya dushi v khudozhestvennom tvorchestve F.I. Tyutcheva: fol'klornye i khristianskie traditsii* [The motif of spring transformation of the soul in artistic works by F.I. Tyutchev. Folklore and Christian traditions]. In: *Fol'klornaya kartina mira* [The folklore picture of the world]. Kemerovo, 2012.
15. Shelling F.V. *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art]. Translated from German by P.S. Popov. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 495 p.
16. Salupere M.G. *Zabytye druz'ya Pushkina* [Pushkin's forgotten friends]. In: Likhachev D.S. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 502 p.
17. Yanushkevich A.S. *Etapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V.A. Zhukovskogo* [Stages and challenges in the creative evolution of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1985. 282 p.
18. Zhukovskiy V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: V 20 t. [Complete works and letters. In 20 vols.]. Moscow, 1999-2012.
19. *Polnyy pravoslavnyy bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar'*: V 2 t. [The Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary. In 2 vols.]. Moscow: Vozrozhdenie Publ., 1992. Vol. 2.
20. Schilder N.K. *Imperator Aleksandr Pervyy. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander the First. His life and reign]. St. Petersburg, 1898. Vol. 3.
21. Zhukovskiy V.A. *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k A.I. Turgenevu* [V.A. Zhukovsky's letters to A.I. Turgenev]. Moscow: Univ. tip. Publ., 1895. 322 p.
22. Zagarin P. *V.A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya* [V.A. Zhukovsky and his works]. Moscow: Lev Polivanov Publ., 1883. 650 p.
23. Vinit'skiy I.Yu. *Nechto o privedeniakh: istorii o russkoy literaturnoy mifologii XIX veka* [Something about ghosts: the story of Russian literary mythology of the 19th century]. Moscow: Moscow Culture Studies Lyceum Publ., 1998. 319 p.
24. Penkovskiy A.B. (ed.) *Perepiska V. A. Zhukovskogo i A. P. Elaginoy* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina]. Moscow: Znaniye Publ., 2009.
25. Poplavskaya I.A. *Pis'ma A.I. Meshchevskogo k Zhukovskomu* [A.I. Meschevsky's letters to Zhukovsky]. In: Yanushkevich A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and materials]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2013. Issue 2.
26. Dolgushin D.V. *V.A. Zhukovskiy i I.V. Kireevskiy: Iz istorii religioznykh iskanii russkogo romantizma* [V.A. Zhukovsky and I.V. Kireevskii. From the history of religious quest of Russian Romanticism]. Moscow, 2009. 350 p.
27. Dolgushin D.V. *Novyy Zavet v perevode V.A. Zhukovskogo: istoriya sozdaniya i publikatsii* [The New Testament translated by V.A. Zhukovsky: the history of creation and publication]. In: *Novyy Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista* [The New Testament of our Lord Jesus Christ]. Translated by V.A. Zhukovsky. St. Petersburg, 2008.
28. Vinit'skiy I.Yu. *Dom tolkovatelya: Poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The house of the interpreter. Poetic semantics and historical imagination of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 322 p.
29. Remorova N.B. *V.A. Zhukovskiy – chitatel' i perevodchik Gerdera* [V.A. Zhukovsky as a reader and translator of Herder]. In: Kanunova F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978.
30. Herder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Outline of a Philosophical History of Humanity]. Translated from German by A. Mikhailov. Moscow: Nauka Publ., 1977. 703 p.
31. Meletinskii E.M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow: Fund Mir Publ., 2012. 331 p.
32. Mamardashvili M. *Karteziantskie razmyshleniya* [Cartesian meditations]. Moscow: Progress Publ., 1993. 350 p.
33. Vetsheva N.Zh. *Zamyсел poemy "Vesna" v tvorcheskoy evolyutsii Zhukovskogo* [The idea of the poem "Spring" in the creative evolution of Zhukovsky]. In: Likhachev D.S. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 502 p.

Received: 16 September 2014

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ТЕЛЕСНОСТЬ’: РОМАН А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Реконструируется семантическое поле ‘телесность’, реализованное в романе А. Платонова «Счастливая Москва»: выделяются ядро, центр и периферия поля, приводятся данные по частотности ключевых слов, предлагаются варианты осложнения структуры семантического поля. Рассматриваются вопросы, связанные с вербализацией когнитивной категории телесности в художественном тексте, анализируется роль слов телесной семантики для концептуальной картины мира писателя.

Ключевые слова: тело; телесность; концептуальная картина мира; лексическая организация текста; семантическое поле; соматизмы.

Одним из наиболее эффективных современных методов лингвистического исследования, ставящим перед собой цель максимально полно описать структуру и содержание лексической и концептуальной систем организации художественного текста, а также раскрыть закономерности отношений, в которые вступают содержательные единицы этих систем, является полевая реконструкция. Ее задача состоит в воссоздании «некоторой многомерной (“объемной”) части или области “лингвистического пространства”, <...> в которой рассматривается определенное лингвистическое явление» [1. С. 22]. Реконструкция семантического поля (СП) представляет собой метод системного классификационного исследования, используемый как в лексикологии, так и в когнитивистике, метод, позволяющий систематизировать лексические средства, дать оценку их статуса в тексте и описать внутрисистемные отношения лексики в текстовом пространстве.

Рассматривая СП как один из базовых содержательных элементов языковой картины мира и форму структурирования единиц лексического уровня, необходимо отметить, что, в отличие от концептуального, или понятийного, поля, представляющего собой «объемное ментальное образование, отражающее окружающую действительность» [2. С. 176] и не всегда имеющего непосредственное отношение к процессам вербализации, реконструкция СП, актуализированных в тексте, предполагает опору на выявление, классификацию и описание конкретных, реализованных в тексте лексических единиц. С этой точки зрения текстовое СП представляет собой совокупность «самых широких семантических группировок слов разных частей речи, основанных на соотносительности с целостным фрагментом действительности» [3. С. 61]. Реконструкция текстового СП, понимаемого именно в таком ключе, предполагает воссоздание той целостности, составные элементы которой, вступая между собой в сложные отношения, образуют смысловое единство более высокого порядка, выводящее исследователя на концептуальный уровень произведения.

Одним из релевантных для концептуально значимой информации текста может стать такой фрагмент действительности, как телесность – сложный и неоднозначный феномен, относительно недавно попавший в поле зрения современной гуманитарной науки, определяемый одновременно и в качестве феномена, и в качестве когнитивной категории. В художествен-

ном тексте телесность может быть репрезентирована целым рядом тематических групп (зачастую слабо связанных между собой), вербализующих данную категорию и создающих текстовое СП телесности, описание которого имеет важное значение как для понимания концептуальной картины мира конкретного писателя, так и для описания специфики его идиостиля.

Необходимо отметить, что реконструкция СП телесности является основным методом, используемым в исследовании способов и языковых средств вербализации этой категории. Реконструкция соответствующего СП и получение его схемы позволяют разработать другие, не менее важные проблемы, такие как выработка терминологического аппарата, отражающего сложность и комплексность телесности как феномена, анализ текстовой реализации лексических единиц, относящихся к СП телесности и т.д. В свою очередь, с помощью анализа текстовой реализации СП становится возможным решение вопроса, связанного с лингвистическим воплощением телесности как лингвокогнитивной категории, имеющей концептуальную значимость для художественного мира романа А. Платонова «Счастливая Москва» и вербализованной не только лексемой *тело*, но и другими языковыми единицами, относящимися к центру и периферии СП.

Неоднозначность существующих интерпретаций понятия ‘телесность’ в современных исследованиях отчасти связана с тем, что данная проблема разрабатывается относительно недавно и в рамках разных гуманитарных наук. О неактуальности этого явления не только для научной, но и для наивной картины мира свидетельствует, в частности, сам факт отсутствия лексемы *телесность* в большинстве толковых словарей русского языка [4–6]. Исключенность данной лексической единицы из традиции отечественного лексикографирования представляет особый научный интерес, поскольку может свидетельствовать о национальной специфике русской языковой картины мира (так, например, в словарях английского языка представлено несколько лексем со значением *телесность* – *corporeality* (*corporeality*), *physicality* и *bodiness*).

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что словари синонимов русского языка эксплицируют семантические связи телесности исключительно с эротичностью и чувственностью, тогда как в современном философском, психологическом и культурологическом дискурсах семантическое наполнение

термина 'телесность' вовсе не исчерпывается эротическими переживаниями и ощущениями. Более того – зачастую они оказываются на периферии сознания индивида, тогда как на передний план выдвигается непосредственное ощущение телом окружающего мира, действительности и ее раздражителей, его реакции на них, а также так называемая *телесность разума* («embodied mind») – понятие, разработанное, например, в работах Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона [7]. В современных теориях американской лингвифилософии человеческое тело выступает в качестве деятельного рецептора и когнитивного агента (от лат. *agitare* – приводить в движение, двигаться), однако в большинстве лингвистических, лингвокогнитивных и лингвокультурологических отечественных работ исследование телесности замыкается на изучении ограниченного ряда концептов – *рука, голова, сердце* и т.д. [8–10], непосредственно относящихся к телу человека исключительно как физическому организму.

Однако и в отечественной науке наблюдается рост интереса к проблеме телесности, в связи с чем стоит выделить монографию «Природа и образы телесности», в которой, с опорой на опыт зарубежной науки, телесность понимается и определяется как «mind-body problem» («проблема взаимоотношения сознания и тела». – В.П.), «сложный системный феномен» и «самоорганизующаяся целостность 'человек – мир'» [11. С. 11, 12]. Данные терминологические словосочетания эксплицируют принципиальную разницу постмодернистской интерпретации и традиции толкования телесности в русле классической философии и отечественной лингвистики (именно по этой причине в толковых словарях русского языка лексема *телесность* либо дана через ссылку на прилагательное *телесный* (в значении 'физический, материальный', 'относящийся к телу (организму) человека'), либо просто отсутствует). Таким образом, телесность в современных гуманитарных исследованиях, в том числе лингвистических, можно исследовать как минимум в трех плоскостях: как когнитивную категорию, как лингвокультурный концепт и как СП, реализованное в тексте.

В романе А. Платонова «Счастливая Москва» телесность предстает одним из важных текстообразующих концептов, реализующихся через СП, которое состоит из многочисленных вербализаторов телесности как категории. Говоря о концепте языковой картины мира, следует помнить, что «содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических и ассоциативных элементов данного понятия, проявляющихся в сочетаемости его вербализаторов» [12. С. 98].

Первый этап реконструкции СП телесности включает в себя анализ его ядра, в качестве которого, прежде всего, выступает полисемант *тело*. Именно вокруг этой лексемы формируется СП, составные единицы которого непосредственно или косвенно связаны с представлениями о теле человека. Представления самого А. Платонова о человеке весьма специфичны, по этой причине и тематические группы, входящие в состав СП телесности, не всегда будут

коррелировать с тематическими группами аналогичного СП, принадлежащего усредненной языковой личности и системе языка.

Усложнение структуры СП связано с проблемой текстовой реализации лексических значений многозначного слова. Частными и требующими отдельной разработки становятся такие вопросы, как механизмы развития и реализация полисемии лексической единицы в словарной статье, конструирование полисемии слова в отдельно взятом тексте, текстовая реализация полисемичной единицы, обусловленная характеристиками идиостиля автора определенного текста, эксплицитная и имплицитная авторская интерпретация тех или иных значений словарной единицы, а также многие другие актуальные вопросы, связанные с реализацией в тексте лексических значений слова, находящихся между собой в системных отношениях. Выделяя ядро анализируемого СП, необходимо обратить внимание на то, что, во-первых, у лексемы *тело* имеется несколько значений, во-вторых, автор может употреблять слово в непривычном и не описанном в словарях значении и, в-третьих, у лексемы *тело* есть синонимы, как зафиксированные в лексикографических источниках, так и контекстуальные, реализованные исключительно в данном тексте. Следовательно, комплексный анализ ядра СП включает в себя лексикографический анализ полисеманта *тело*, его концептуальный анализ и контекстуальный анализ его синонимов.

Попытки комплексного анализа влекут за собой постановку следующих вопросов: каким образом автором производится отбор значений лексической единицы, непосредственно реализуемых в тексте, какие из этих значений в тексте выражены, а какие нивелированы, каким образом в тексте проявляется многообразие предлагаемых словарем значений и осуществляется выражение системных связей между значениями слова и т.д. Выделяя единицы ядерной зоны, можно прибегнуть к статистическому анализу частотных характеристик слов. Так, с помощью программы AntConc устанавливается количество словоупотреблений лексемы *тело* и ее контекстуальных синонимов, встречающихся в тексте романа «Счастливая Москва»: *тело* – 77, *туловище* – 7, *труп* – 7, *организм* – 6, *тельце* – 1. Программный анализ позволяет составить карту ключевых слов и выяснить роль и значимость для текста той или иной лексемы, поскольку характеристика лексемы по частотности служит важным параметром, описывающим индивидуальную (авторскую) картину мира, во многом идентифицируемую при помощи именно доминантных лексем, относящихся к активному словарю автора и / или текста.

Итак, лексема *тело* является ядром СП телесности, а его центр формируется соматизмами, лексемами телесной семантики, обозначающими элементы строения человеческого организма, а на уровне обычного сознания определяемыми как части тела. Однако к соматической лексике могут относиться не только упомянутые части тела и внутренние органы человека, но и различные физические проявления тела и его жизнедеятельности, в частности физиологические выделения, вырабатываемые организмом. Сле-

довательно, центр СП, в отличие от ядра, будет состоять из нескольких пластов соматической лексики, или – в другой терминологии – слотов анатомического фрейма [13. 188, 189]: *голова, рука, нога, сердце, кость* и др., – а также номинаций расширенной соматической сферы (*пот, кровь* и т.д.).

Отметим, что в тексте А. Платонова встречаются абсолютно все группы соматической лексики, что косвенным образом подтверждает высокую степень концептуальной нагруженности телесности для анализируемого романа. Опираясь на наиболее близкую данному исследованию классификацию А.М. Кочеваткина [14], можно выделить следующие группы соматической лексики, реализуемые в тексте романа «Счастливая Москва».

1) Сомонимическая лексика, включающая в себя номинации частей и областей человеческого тела ('рука', 'нога', 'голова', 'живот' и др.): «чувствовал своими *руками* (здесь и далее курсив наш. – В.П.), как греется все более тело ребенка» [15. С. 669] (далее указывается только номер страницы данного издания. – В.П.), «с отросшими на работе *руками*» [С. 695], «Честнова понимала те пустяки, которые она делает сейчас *ногами* и *руками*» [С. 710], «я не *нога*, не *грудь*, не *живот*, не *глаза*, – сама не знаю кто...» [С. 722], «шляпа музыканта, прожившая все долгие невзгоды на его *голове*» [С. 662] и т.д.

2) Остеонимическая лексика, состоящая из названий человеческих костей и их соединений: «внутри его рождалась тоска, она вырастала из-под его нагрудных *костей*» [С. 726], «жизнь его, видимо, еще сковывала своими *костями*» [С. 734], «почувствовала свои *кости*, как сплошь заболевшие зубы» [С. 656] и др.

3) Спланхнонимическая лексика, или номинации внутренних органов: «его *сердце* заходило от боли, мучаясь и не ожидая пощады» [С. 668], «Самбикин почувствовал свое тоскующее, опустевшее *сердце*» [С. 673], «всеобщее существование, основанное даже на одном разуме *желудка*, давно стало бы прекрасным» [С. 713] и др.

4) Ангионимическая лексика, обозначающая элементы кровеносной системы: «вид ее большого, непонятного тела, согретого под кожей скрытой *кровью*» [С. 689], «из нее вышла *кровь*; на снегу, освещенном прожектором, *кровь* казалась желтой, истощенной еще задолго в теле» [С. 719], «разверстое, с тысячами рассеченных сосущих *кровеносных сосудов*, горячее, беззащитное тело» [С. 671] и др.

5) Корнонимическая лексика, которая включает в себя обозначение волос, ногтей и других роговых образований: «она, например, каждый день мыла себе голову, потому что все время чувствовала в *волосах* грязь и даже плакала от огорчения, что грязь никак не проходит» [С. 724], «он ожидал увидеть где-нибудь Москву Честнову, ее милые *волосы*, свисающие вниз через раскрытое трамвайное окно» [С. 727], «все его тело до *ногтей* на пальцах ног» [С. 671] и др.

К соматической лексике зачастую относят и наименования болезней и болезненных состояний, физиологических образований (*опухоль, родинки, родимые пятна*), номинации клеточного и молекулярного уровня (*эритроциты, лейкоциты* и пр.), а также

фрагменты, заменяющие органы или конечности, например протезы. Все эти группы соматической лексики также реализованы в тексте романа, включая и последнюю: так, ножной протез Москвы Честновой в тексте книги наделен особой концептуальной значимостью.

С помощью программы AntConc становится возможным описание частоты употребления приведенных выше соматизмов: *сердце* – 92, *голова* – 56, *глаза* – 44, *рука* – 37, *нога* – 36, *рот* – 13, *мозг* – 11, *кровь* – 11, *слезы* – 11, *волосы* – 10, *пальцы* – 8, *кожа* – 8, *органы* – 2. Полученные данные позволяют наглядно, статистически доказать концептуальную значимость соматизмов для текста романа и сформировать карту лексических единиц, относящихся к тематической группе соматизмов.

Все группы соматической лексики, представленные в тексте романа, зачастую реализуют противоположные или разнящиеся значения, свидетельствуя об амбивалентности многих понятий, ими вербализованных. В этом отношении А. Платонов верен себе, поскольку практические все авторские мифологемы амбивалентны [16, 17]. В качестве примера можно привести глаза, являющиеся буквальным зеркалом души героев романа. В зависимости от душевного состояния персонажа его глаза становятся безмолвными выразителями происходящего или уже произошедшего: так, у жены Груняхина «*глаза* бесцветные, умолкшие от одинокого труда по домашнему хозяйству» [15. С. 751], у Сарториуса «*болят глаза* от тьмы и долгого мучения сердца» [Там же. С. 735], а у Москвы Честновой «*глаза* блестят ясностью счастья» [Там же. С. 652].

Активное использование всех пластов соматической лексики позволяет А. Платонову осуществить лексическую реализацию категории телесности в тексте, а исследователю – выделить ее в качестве одной из доминантных в данном произведении. Анализ многочисленных лексических единиц, относящихся к соматической лексике, показывает, что категория телесности в тексте романа обретает плоть и кровь не только за счет реализации ядра СП (*тело*), но и благодаря другим элементам текстовой парадигмы – центру СП (соматизмы) и его «периферии», представленной, например, описаниям тела в его физических и физиологических проявлениях.

От ядра и центра СП телесности, репрезентированной лексемой *тело*, ее контекстуальными синонимами и многочисленными соматизмами, необходимо осуществить логический переход к периферии СП. Как известно, отнесение тех или иных лексических единиц к периферии СП носит отчасти условный характер. Очевидно, что анализируемые тематические группы находятся на разном расстоянии от ядра и центра СП: какие-то группы будут обнаруживать непосредственную связь с ядром, т.е. телом человека, например тематическая группа «гигиенический уход за телом», а некоторые (например, лексемы *человек, мужчина, женщина, старик* и т.д.) будут вступать с центром СП в паритативные или гипоперонимические отношения.

Тело как физическое воплощение человека не существует само по себе, так же как не существует сама

по себе, в отрыве от индивида, телесность. Реконструируя СП телесности, необходимо учитывать неразрывную взаимосвязь человека с его телом. Понимание тела как одной из форм существования биологического организма обязывает к включению в СП лексемы *человек* и отдельных номинаций, несущих в себе признаки пола или возраста (*мужчина, женщина, старик, старый, молодой, ребенок* и т.д.). Исключение половозрастных характеристик из СП не представляется возможным хотя бы по той причине, что авторские представления о телесности во многом связаны с гендерной, возрастной и другими социальными характеристиками персонажа. К примеру, мужское тело А. Платонов практически полностью игнорирует, тогда как описанию тела главной героини, Москвы Честновой, уделено огромное внимание. Это, однако, не свидетельствует об эротизации женского образа или эксплуатации женской телесности: в представлении А. Платонова идеальный человек вовсе лишен пола и гендерных характеристик (так, в тексте романа слово *женщина* употреблено 48 раз, слово *мужчина* – 6, а *человек* – 138), что, безусловно, связано с его философскими представлениями о человеке и живой материи в целом.

Говоря о теле человека, невозможно проигнорировать такие важнейшие тематические группы, как различного рода телесные модификации (макияж, прическа, шрамы, наколки, протезы и т.д.), процедуры ухода за телом (к примеру, принятие ванны и соответствующие глаголы *мыться, мыть, омывать, купаться, ополаскиваться* и т.д.), жесты и мимика персонажей романа, положение тела в пространстве (*лежать, сидеть, стоять* и т.д.). Исходя из представлений о теле человека как динамической системе, к СП телесности необходимо также отнести глаголы движения и глаголы, обозначающие произведение определенных действий как по отношению к телу или его частям («проникал в кость» [С. 670], «воздух грубо драл ее тело» [С. 655] и т.п.), так и совершаемых ими самими («тело опухло в поздней юности» [С. 652]).

Отвлечение от физиологической конкретики, связанной с телом, и учет особенностей концептосферы, создаваемой А. Платоновым в романе, позволяет эксплицировать непосредственную связь человеческого тела с энергией, материей и веществом, которые также входят в текстовое ассоциативно-семантическое поле телесности, включающее в себя исследуемое СП, поскольку, по справедливому замечанию В.В. Степановой, текстовое ассоциативное поле также может включать в себя «словесные реакции на слово-стимул, отражающие связи явлений объективного мира, слова как единицы наименования элементов картины мира» [18. С. 88]. Концептуально важными являются представления автора о «веществе существования» [19.

С. 88]: поиски вещества жизни занимают одно из центральных мест в деятельности персонажей А. Платонова. В романе «Счастливая Москва», например, этим активно занят Самбикин, отчаянно пытающийся найти резервуар скрытой жизни в мертвом теле человека. Именно в теле, по мнению Самбикина, во многом выражающего философские поиски самого автора, таится то самое сакральное вещество существования, которое способно ликвидировать противопоставленность понятий жизни и смерти. Состояние жизни и момент прекращения физического существования (смерть) неизбежно будут относиться к СП телесности данного текста, поскольку в картине мира А. Платонова эти понятия теснейшим образом связаны с размышлениями о теле и о его состояниях: речь идет не только о жизни и смерти, но и о распыленности человечества в бесконечном космосе, об атомарном строении человеческого тела, которое «летало в каких-то погибших тысячелетиях назад» [С. 676], о тесной взаимосвязи тела человека и космоса, о которой автор пишет следующее: «Сарториус сделал движение рукой – по универсальной теории мира выходило, что он совершил электромагнитное колебание, которое взволнует даже самую дальнюю звезду» [С. 743].

Таким образом, схема СП телесности в романе А. Платонова «Счастливая Москва» включает в себя следующие тематические группы:

- *ядро*: лексема *тело* и ее контекстуальные синонимы (*организм, туловище, плоть, труп*);

- *центр*: соматизмы (части тела и расширенная соматическая сфера);

- *периферия*: положение тела в пространстве и глаголы движения; телесноориентированные действия (действия, обращенные к самому телу); жесты и мимика; телесные модификации; *материя, вещество и энергия*; состояния (*болезнь, жизнь, смерть*); *человек* (и гендерные характеристики – *мужчина, женщина, ребенок* и т.д.).

В рамках концептуальной картины мира А. Платонова данное СП может быть расширено за счет включения тематических групп и отдельных лексем, непосредственно связанных не с самим телом, а с человеком (сфера эмоций, мышления, воображения, самоосознания и когнитивных процессов вообще, сопоставление телесного и телесности с духовностью, представлениями о душе и духе и т.д.). Вербализующие данные сферы человеческого существования лексемы лишь на первый взгляд слабо связаны с телесностью: если вспомнить о *embodied mind* («телесном уме») и о том, что человеческое сознание и любые когнитивные процессы протекают непосредственно в теле человека, включение такой лексики в дальнюю периферию СП телесности будет представляться вполне оправданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартинович Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб., 2008. 256 с.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 354 с.
3. Куликова И.С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова – названия растений в русской художественной картине мира. СПб., 2006. 480 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
5. Толковый словарь русского языка / гл. ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935. 3128 с.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1992. 960 с.

7. Johnson M., Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*. N.Y., 1999. 640 p.
8. Мильникова Н.В. Структура и функционирование концепта «рука» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 19 с.
9. Хунтуужева И.Х. Лингвосемантический концепт «голова» во фразеологии разносистемных языков // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 194–195.
10. Зибров Д.А. Концепт сердце в аспекте концептуальной систематики языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 21 с.
11. Бескова И.А., Бескова Д.А., Князева Е.Н. Природа и образы телесности. М., 2011. 456 с.
12. Ефремов В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 96–106.
13. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
14. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ) : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999. 315 с.
15. Платонов А.П. Котлован. СПб., 2002. 797 с.
16. Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки, 2000. 325 с.
17. Степанова В.В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. СПб., 2006. 272 с.
18. Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. 296 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 сентября 2014 г.

SEMANTIC FIELD 'CORPOREALITY' IN ANDREY PLATONOV'S NOVEL *HAPPY MOSCOW* ("SCHASTLIVAYA MOSKVA")

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 24-29. DOI: 10.17223/15617793/388/4

Prokofieva Varvara Yu. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: prokofieva.varvara@yandex.ru, vava3@mail.ru

Keywords: body; corporeality; semantic field; conceptual picture of the world; somatisms; lexical organization of the text.

Reconstruction of the semantic field is one of the most effective ways to describe the structure and content of lexical and conceptual systems of the organization of the artistic text. Andrei Platonov's novel *Happy Moscow* is anthropocentric as well as his other works. In this novel, the author focuses on the problems of human and his body as a complex object that has complex relationships with human himself as well as with the surrounding reality. The phenomenon of corporeality, described in Platonov's novel, is reflected at all levels of the text. This phenomenon, which is simultaneously a cognitive category, and a text-forming concept, becomes the object of analysis in this article, in which corporeality is considered as a semantic field, consisting of the core, center and periphery. The article reconstructs the semantic field 'corporeality', implemented in Andrei Platonov's novel "Happy Moscow": its core, center, periphery, provides information about the frequency of keywords, offers methods of complications of the structure of the semantic field. Issues of verbalization of cognitive category of corporeality in the text are discussed, the role of the words with corporeal semantics for the conceptual picture of the world is analyzed. The polysemantic unit *body* and its contextual synonyms (*little body*, *corpse*, *body*, *torso*) serve as the core of the semantic field 'corporeality'. The center of semantic field includes multiple layers of somatic vocabulary (names of body parts, organs, physiological secretions, disease states, etc.). It should be noted that all types of somatisms are presented in the text (but unevenly, for example, lexeme *heart* appears 92 times in the text, *head* – 56, *eyes* – 44 times, but *fingers* and *skin* – 8 times each). The periphery contains age-sex characteristics (*man*, *woman*, *man*, *child*, etc.). Mapping the frequency of keywords at the same time shows the following results – lexeme *human* in the text occurs 138 times, and *man* – a total of 6 times. With allowance for features of the conceptual sphere of the novel, the periphery will also include lexemes *matter*, *energy*, *material* ("material existence"), state (*life* and *death*), various kinds of corporal modification, body position in space and verbs signifying motion, gestures and facial expressions, body-oriented actions (actions aimed at the body itself or committed by the body in relation to other objects). In accordance with current knowledge of the *embodied mind* and the experience of learning *mind-body problem*, the periphery of the semantic core will also be cognitive processes (thinking, perception, memory, etc.) the complexly structured semantic field of corporeality is one of the concepts forming the text of the novel *Happy Moscow*, and the result of its analysis demonstrate that Andrei Platonov concentrates on the solution of the problem of the body, its existence in the surrounding reality and ways of self-realization and implementation of contacts with the outer world.

REFERENCES

1. Martinovich G.A. *Tekst i eksperiment: issledovanie kommunikativno-tematicheskogo polya v russkom yazyke* [Text and experiment: a study of communicative and thematic fields in the Russian language]. St. Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2008. 256 p.
2. Karaulov Yu.N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 354 p.
3. Kulikova I.S. *Mir russkoy prirody v mire russkoy literatury. Slova – nazvaniya rasteniy v russkoy khudozhestvennoy kartine mira* [The world of Russian nature in the world of Russian literature. The words – names of plants in the Russian art world picture]. St. Petersburg: Nauka-Saga Publ., 2006. 480 p.
4. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1536 p.
5. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: OGIZ Publ., 1935. 3128 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (eds.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az" Ltd. Publ., 1992. 960 p.
7. Johnson M., Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*. N.Y., 1999. 640 p.
8. Myl'nikova N.V. *Struktura i funktsionirovanie kontsepta "ruka" v russkom yazyke*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Structure and function of the concept "hand". Abstract of Philology Cand. Diss.]. Samara, 2009. 19 p.
9. Khuntuzheva I.Kh. The lingua-semantic concept "HEAD" in the phraseology of typologically different languages. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – The Scientific Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2009, no. 2, pp. 194-195. (In Russian).
10. Zibrov D.A. *Kontsept serdtse v aspekte kontseptual'noy sistematiki yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Concept heart in the conceptual systematics aspect of language. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Irkutsk, 2009. 21 p.

11. Beskova I.A., Beskova D.A., Knyazeva E.N. *Priroda i obrazy telesnosti* [Nature and images of corporeality]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011. 456 p.
12. Efremov V.A. The concept theory and the conceptual space. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2009, no. 104, pp. 96-106. (In Russian).
13. Dem'yankov V.Z., Kubryakova E.S. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. In: Kubryakova E.S. (ed.) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Lomonosov Moscow State University Faculty of Philology Publ., 1996.
14. Kochevatkin A.M. *Somaticheskaya leksika v dialektakh erzyanskogo yazyka (lingvogeograficheskiy analiz)*. Dis. kand. filol. nauk [Somatic lexicon in the dialects of Erzya (linguageographical analysis). Philology Cand. Diss.]. Saransk, 1999. 315 p.
15. Platonov A.P. *Kotlovani* [The Foundation Pit]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2002. 797 p.
16. Kostov H. *Mifopoetika Andreyi Platonova v romane "Schastlivaya Moskva"* [Mythopoetics of Andrei Platonov in the novel "Happy Moscow"]. Helsinki: Publishing Helsinki University Press, 2000. 325 p.
17. Stepanova V.V. *Slovo v tekste. Iz lektsiy po funktsional'noy leksikologii* [The word in the text. From Lectures on functional lexicology]. St. Petersburg: Nauka, SAGA Publ., 2006. 272 p.
18. Bocharov S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [On the artistic worlds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1985. 296 p.

Received: 15 September 2014

А.П. ЧЕХОВ КАК МОДЕРНИСТ И ИМПРЕССИОНИСТ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЦЕПЦИИ ЕГО ТВОРЧЕСТВА В 1910–1930-х гг.

Статья посвящена изучению первого периода восприятия творчества А.П. Чехова в англоязычной литературе и культуре 1910–1930-х гг. На основе представлений о нем В. Вульф, Д.М. Марри, Э. Гарнет, У. Джерхарди и других авторов показана специфика англоязычной рецепции его творчества этого периода: в отличие от российской культуры и литературы, утверждавших чеховский реализм, англоязычная культура изначально воспринимала Чехова как модерниста и импрессиониста.

Ключевые слова: А.П. Чехов; рецепция; англоязычная литература и культура; модернизм; импрессионизм.

Личность и творческое наследие А.П. Чехова занимают важное место в английском литературоведении. Восприятие его творчества определило существенные особенности эстетики и поэтики литературы Англии начала XX в. Поэтому актуальность данного исследования определяется проблематикой рецептивной эстетики, вопросами взаимодействия и диалога различных национальных литератур и культур. Целью настоящей статьи является исследование первоначального этапа рецепции чеховского наследия английской литературой и культурой периода 1910–1930-х гг. Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые в чеховедении специально изучена специфика английской рецепции его творчества в период 1910–1930-х гг. и показано, что, в отличие от российской культуры и литературы, утверждавших чеховский реализм, англоязычная культура изначально воспринимала Чехова как модерниста и импрессиониста.

Первым этапом английской рецепции творчества Чехова стали 1910–1930-е гг., и уже данный период определяется публикацией значимых работ, посвященных творчеству писателя (при этом самые первые упоминания о Чехове в англоязычном мире относятся к 1889 г.) [1. С. 406].

Особую роль в первоначальной англоязычной рецепции творчества Чехова сыграл блумсберийский кружок. «Блумсбери» – «сообщество друзей-интеллектуалов, сыгравшее важную роль в истории английского модернизма. Название группы связано с районом Лондона, где проходили встречи ее участников» [2. С. 63]. Центральной фигурой этого кружка была Вирджиния Вульф; также в его состав входили такие выдающиеся люди своего времени, как писатель и критик Дэвид Гарнет, искусствовед и художник Роджер Фрай, писатель и публицист Леонард Вульф, художник и литературный критик Клайв Белл, писатели Литтон Стрэчи и Майкл Форстер, философ Бертран Расселл, экономист Джон Мейнард Кейнс, критик и журналист Дезмонд Маккарти и другие выпускники Кэмбриджа. Блумсберийцы были едины в отношении к творчеству и искусству как к первооснове общества, которая позволяет реализоваться человеческому потенциалу. Они с воодушевлением встречали все новые тенденции и течения в литературе и искусстве, поскольку были глубоко убеждены в том, что искусство – важнейший признак существования и

развития цивилизации. Служение искусству они считали священным, поэтому выступали против социальных, моральных, эстетических и религиозных запретов викторианской Англии и критиковали утилитарный подход к жизни.

1910–1920-е гг. стали временем создания и расцвета группы, а в 1940-е гг. кружок распался. (Тем не менее вторая волна интереса к блумсберийцам была в 1960-е гг.) Блумсберийцы олицетворяют собой рубеж двух эпох английской культуры – эдвардианской и георгианской. «В декабре 1910 года или около того времени человеческая природа изменилась <...>, – писала Вульф. – Изменились все человеческие отношения: между хозяевами и слугами, мужьями и женами, родителями и детьми. А когда меняются человеческие отношения, происходит смена религии, поведения, политики и литературы» (цит. по: [2. С. 63]). Этот же год знаменателен появлением в блумсберийском союзе Роджера Фрая, который стал организатором первой британской выставки картин французских импрессионистов, постимпрессионистов и кубистов. Полотна Клода Моне, Поля Гогена, Винсента Ван Гога, Анри Матисса, Поля Сезанна и Пабло Пикассо были восприняты представителями кружка как совершенно новое искусство. Картины импрессионистов потрясли Вирджинию Вульф, в связи с ними у нее возникло ощущение принципиально нового периода жизни английского общества и английской культуры.

Именно Вирджиния Вульф, являясь центром этого духовного союза, заслуживает особого внимания. Рожденная в семье философа и издателя Лесли Стивена, она воспитывалась в интеллектуальной среде; постоянными гостями в их доме были литературные знаменитости и видные деятели искусства. Вирджиния Вульф обладала обширной эрудицией в сфере искусства и истории литературы. Её собственный художественный метод можно охарактеризовать как «импрессионистический», «экспериментальный», «психологический». В 1912 г. Вирджиния Стивен выходит замуж за Леонарда Вулфа, известного своими статьями по вопросам колониальной политики Британской империи. В 1917 г. Вульф основали издательство «Хогарт-Пресс», которое публиковало произведения Т.С. Элиота, Р. Уэст, К. Мэнсфилд, Г. Уэллса, Э.М. Форстера, Дж.М. Кейнса и Гертруды Стайн, также они выпускали труды Зигмунда Фрейда на английском языке. «С именем В. Вульф <...> неразрывно связаны теория и художе-

ственная практика литературы модернизма в Великобритании» [3. С. 3].

Модернизм господствовал в западноевропейском искусстве конца XIX – начала XX в. Он проник почти во все сферы искусства, определил основной характер художественной культуры, которая стремилась к созданию новых форм, в том числе посредством переводной литературы [4]. На развитие английского модернизма особое влияние оказала психология Зигмунда Фрейда, а также исследования заведующего первой кафедрой социальной антропологии в Ливерпуле Джорджа Фрейзера. Английские модернисты, отказываясь от традиционных типов повествования, провозгласили технику «потока сознания» в качестве единственно верного способа познания индивидуальности. Именно Вульф, позаимствовав из книги психолога У. Джеймса «Принципы психологии» термин «поток сознания», ввела его в культурный оборот.

В критической статье «Современная художественная литература» (1919) Вирджиния Вульф размышляет о различии между модернистами и их предшественниками, выступая, прежде всего, против английских писателей-реалистов, таких как Дж. Голсуорси, А. Беннет, Г. Уэллс. Вульф считала, что «эти три писателя – материалисты. Именно потому, что они думают не о духе, а о теле, они разочаровывают нас <...> чем скорее английская художественная литература повернется спиной к ним, настолько возможно вежливо, и отправится, пусть даже в пустыню, тем лучше будет для души» [5. С. 69]. «Материалистам» она противопоставляет «спиритуалистов», к которым относит Д. Лоуренса, Д. Джойса и себя. «Действительность, утверждала Вульф, должна осознаваться и воссоздаваться под знаком ее текучести, незавершенности, проблематичности: «Жизнь – это не ряд симметрично расположенных светильников <...> это светящийся ореол, полупрозрачная оболочка» [2. С. 101].

Именно в этом контексте исканий новой модернистской эстетики и поэтики Вирджиния Вульф и обращается к творчеству Чехова. Она подчеркивала важность влияния русской литературы на развитие английского литературного процесса начала XX в. в целом. Будучи преданным почитателем творчества таких русских писателей, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Вульф особо ценила последнего как художника: «Интерес писателей нового направления сосредоточен на темных сторонах психологии. Поэтому в их произведениях акценты распределяются по-новому: все то, что до сих пор обходили вниманием, приобретает у них значение, и поэтому сразу же появляется необходимость в новой форме, которая для нас трудна, а для наших предшественников, вероятно, была уже совсем непостижимой. Только писатель нового направления и только русский писатель, пожалуй, мог заинтересоваться ситуацией, из которой Чехов извлек рассказ, названный им “Гусев”. <...> Чехов отобрал одно, другое, третье и, поместив их вместе, создал нечто совершенно новое» [6. С. 821, 822].

В Чехове ее привлекает внимание к внутренним процессам подсознания: «Человеческое сознание

чрезвычайно интересует его. Он самый тонкий и самый проникательный исследователь человеческих отношений. Но и это еще не все, и это еще не конец. <...> Душа больна, душа излечена, душа не излечена. Вот, что самое выразительное в его рассказах (перевод мой. – Е.С.)» [7]. Вульф отмечает в Чехове новаторские черты, родственные своему собственному художественному методу, «импрессионистическому», «экспериментальному», «психологическому».

Новаторские черты чеховского творчества также отмечены в дневниках английского критика и новеллиста Арнольда Беннета. В частности, в его ежедневнике от 28 апреля 1918 г. можно встретить запись о повести писателя «Скучная история»: «Ночью я долго читал “Скучную историю”. Я уже и раньше читал ее, один или два раза. Сейчас эта повесть показалась мне совершенно новой, полной свежей силы и красоты, по-моему, это одно из самых прекрасных произведений, какие мне когда-либо приходилось читать» [6. С. 806].

Напрямую не относясь к представителям «Блумсбери», английский писатель и критик Джон Миддлтон Марри исследовал Чехова «как автора психологической новеллы» [8. С. 376]. В 1915 г. совместно с С.С. Котелянским он опубликовал сборник А.П. Чехова «“Пари” и другие рассказы». Его выбор пал на те произведения, «в которых первостепенную роль играет свойственный Чехову тончайший анализ “подробностей чувств”, а основой сюжета являются движения души <...>» [Там же]. Дж.М. Марри так высказывается о новаторстве русского писателя: «Когда западная литература, неспособная распознать свою собственную болезнь, бросалась из одного тупика в другой, Чехов в России, неизвестный Западу, ясно видел и понимал, какие избрать пути. Сегодня мы начинаем чувствовать, насколько Чехов близок нам; завтра мы, возможно, ощутим, как бесконечно он опередил нас (здесь и далее перевод мой. – Е.С.)» [9]. Ученый считает произведения писателя всецело новаторскими. Марри рассматривает чеховское наследие исключительно в импрессионистском ключе: «Чехов фактически намного опередил все то, что обычно описывается как современное в литературном искусстве. Художественная проблема, с которой он сталкивается и решает, главным образом, частично лишь представлена сознанию современного писателя – примирить всевозможное разнообразие содержания с возможным единством эстетического впечатления» [Там же]. По мнению ученого, «...его (Чехова) понимание исходит из устойчивого центра, а не постоянно вызывается тысячей случайных контактов. Другими словами, Чехов – не тот, каким мы его так часто представляем, он импрессионист» [Там же].

Джона Миддлтона Марри можно считать одним из основоположников англоязычного чеховедения, на мнение которого опирались все последующие критики и писатели Англии и Америки. В частности, его жена Кэтрин Мэнсфилд, вслед за мужем, испытала на себе огромное влияние чеховского творчества. В англоязычном мире она заслужила звание «английский Чехов». «Современная английская литература не

удовлетворяла Кэтрин Мэнсфилд. Ее критика на английских реалистов начала века в известной мере совпадала с высказываниями писателей, принадлежавших к школе неопсихологизма (Джойс, Вульф и др.)» [6. С. 817]. Форд Мэддокс Форд, Герберт Мюллер, Джозеф Уоррен Бич, «впервые приложившие понятие импрессионизма к литературе, причисляли к этому направлению С. Крейна, М. Пруста, Дж. Конрада, Д.Г. Лоуренса, В. Вульф, Ш. Андерсона, К. Эйкена, К. Мэнсфилд, У. Фолкнера, Т. Вульфа» [10. С. 152]. В свою очередь, в восприятии творчества русского писателя Джон М. Мари также испытал влияние своей супруги: «В Чехове Марри, не без влияния своей жены – Кэтрин Мэнсфилд, <...> видел художника, наиболее близкого своим современникам» [11. С. 103]. Она особенно восхищалась зрелым творчеством писателя: «Я перечла “Степь”. Что тут можно сказать? Это просто одно из самых великих произведений мировой литературы – своего рода “Илиада” или “Одиссея”. Я, кажется, выучу это путешествие наизусть. Есть вещи, о которых говоришь – они бессмертны <...>» [6. С. 816]. Таким образом, можно заключить, что восприятие чеховского творчества писательницей Кэтрин Мэнсфилд и ее мужем Дж.М. Марри осуществлялось в близком к блумсберийцам ключе, а именно в модернистском и импрессионистическом, что было совершенно не характерно для отечественного чеховедения этого времени.

Специальное внимание следует уделить также еще одному английскому творческому тандему, Эдварду и Констанции Гарнетт. Именно благодаря этому английскому критику и драматургу, одному из самых ярких членов блумсберийский кружка, а также его жене, занимавшейся переводами многих русских писателей, Чехов стал широко известен в англоязычном мире. Эдвард Гарнет, «обладая литературным талантом, <...> оказывал большую помощь начинающим авторам, и это обстоятельство помогло Констанции Гарнет войти в круг английских и американских писателей» [12. С. 196]. Он писал монографии и предисловия к переводам русских писателей. Т.Н. Красавченко особо подчеркивает модернистскую позицию Эдварда Гарнетта: «положительные рецензии о Достоевском и Чехове Дж.М. Марри и Э. Гарнетта были частью общей “модернистской кампании” за освобождение искусства, повседневной жизни, личности от викторианских норм <...> “новые углы зрения”, которые связали модернистов с Чеховым, Достоевским и постимпрессионистами» [5. С. 70].

В частности, в статье «Чехов и его искусство» (1921) Эдвард Гарнетт исследует творчество писателя в контексте русской культуры, акцентируя внимание на «чистоте души», которая свойственна всей русской литературе: «<...> однако уже на протяжении двух поколений до Чехова русский гений выражал свой двойной идеал: беспощадную искренность и огромную, идущую от сердца человечность» [6. С. 815]. Эдвард Гарнетт подчеркивает своеобразный гуманизм художника и размышляет о свежем взгляде писателя на современную ему действительность, представляя его, в конечном счете, как модерниста: «Чехов – это “последнее слово” в современной критике жизни

<...> В чем же его особая “современность”? Гибкий и поразительно независимый ум в сочетании с беспощадностью научного подхода к действительности – вот что дало ему возможность постичь и судить современную жизнь с новых позиций» [Там же].

В целом можно утверждать, что Эдвард и Констанция Гарнетт также воспринимали творчество писателя в контексте модернизма, интерпретируя его как проявление новых тенденций в современном искусстве (хотя и не отрывая его от русской литературной традиции).

Именно этот литературный тандем явился опорой дальнейшего формирования наследия Чехова на английском языке. Констанции Гарнетт удалось победить в своеобразном «конкурсе» переводчиков, введших Чехова в английскую литературу и культуру. Чехова пытался переводить, например, и С.С. Котлянский, давний друг Д.Г. Лоуренса, Вирджинии Вульф и других членов группы «Блумсбери». Однако к 1922 г. преимущество переводов Констанции Гарнетт стало очевидным для всех [13]. Ею была переведена почти вся русская классическая литература, а «Тургенев и Чехов были ее любимыми русскими писателями» [12. С. 198]. В течение 1916–1926 гг. Констанция Гарнетт перевела всю драматургию писателя и большую часть его прозы. Данный период совпадает со временем расцвета кружка «Блумсбери», что позволяет предположить, что представители этой группы читали произведения Чехова, в первую очередь, в ее переводах.

Одним из первых фундаментальных трудов о творчестве Чехова в английской культуре стала книга Уильяма Джерхарди «Антон Чехов. Критическое исследование», впервые вышедшая в свет в 1923 г. В книге наиболее полно было раскрыто то понимание Чехова как модерниста и импрессиониста, которое уже сложилось в это время в английской литературе и культуре, во многом благодаря группе «Блумсбери».

Джерхарди был уроженцем Петербурга, поэтому великолепное знание русского языка позволило ему читать Чехова в оригинале, а понимание ментальности русского человека определило адекватность его интерпретаций.

Изучая, с одной стороны, чеховское творчество как продолжение развития русской литературы от Н.В. Гоголя до И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, Джерхарди, с другой стороны, подчеркивает новаторство Чехова [14. С. 79–82]. Новаторскую манеру чеховского письма он объясняет особым мировидением писателя: «Для Чехова литература – жизнь, созданная доступной для понимания благодаря открытию формы – формы, которая невидима в жизни, но она обнаруживается тогда, когда ты мысленно отходишь в сторону для получения лучшего изображения жизни (здесь и далее перевод мой. – Е.С.)» [Там же. С. 85].

С точки зрения Джерхарди, чеховские произведения отражают окружающую действительность во всей ее совокупности и изменчивости, истинно импрессионистически: «Важнейшее отличие между старой традицией и новой (основоположником которой он является) состоит в том, что поскольку представителями старого стиля текучесть жизни не выявлялась такой,

какой она существовала и ощущалась в действительности <...> у Чехова сама текучесть жизни по сути составляет одновременно и форму, и содержание его рассказов; жизнеспособность формы зависит от того, с какой доходчивостью автор показывает нам, что синтез формы и содержания является тщательно спланированным событием» [14. С. 82]. По мнению английского литературоведа, чеховское творчество, в отличие от его предшественников, позволяет читателю постичь полный «вкус жизни», ощущение жизни, существующей как таковой в реальности. В частности, с точки зрения Джерхарди, это проявилось в особой «музыкальности» чеховского творчества, которую ученый исследовал в английском литературоведении одним из первых.

По мнению Джерхарди, «романтическая» литература отображает иллюзорную сторону жизни, отделяя ее от большей части материальной действительности; так называемая реалистическая литература, использующая действительные материальные факты с открытой прямолинейностью <...> и пренебрегающая иррациональной, фантастической стороной жизни, льстит себе, наивно считая себя «близкой жизни» и «реалистичной»; и, наконец, «интроспективная» литература <...> стремится превзойти свою художественную ограниченность, при этом каждая из этих областей непременно беднее, скуднее, чем гармоническое соединение их фундаментальных элементов» [Там же. С. 11]. В творчестве русского писателя Джерхарди обнаруживает сочетание вышеперечисленных направлений, которые существуют здесь в органической взаимосвязи.

Ученый исследует в основном зрелую прозу писателя. В центре его внимания – «Скучная история», «Степь» и некоторые другие произведения. Анализируя их, автор обращается к вопросам жанрового и сюжетного своеобразия, останавливается на литературных реминисценциях писателя. Особое внимание Джерхарди уделяет «Степи» и «Скучной истории», произведениям, которые объединяют не только по-

следовавшая за их написанием поездка Чехова на Сахалин [15], но и общие импрессионистические принципы их создания, которые здесь были впервые использованы писателем.

«Скучная история» рассматривается Джерхарди в связи с размышлениями о новаторской специфике чеховского психологизма. «В ней есть настроение» [14. С. 144]. Данная специфика, по мысли Джерхарди, определяется особой «двойной атмосферой, <...> которая заключается в организации субъективной манеры повествования на основе объективного отношения личности к действительности» [Там же. С. 126]. На материале анализа повести английский литературовед разъясняет, что именно он понимает под «двойной атмосферой» чеховского творчества: «персонажи сами рассказывают о себе, и даже если их исповедь ведет к саморазоблачению, читательская симпатия по отношению к ним сохраняется» [Там же. С. 136].

«Степь» же исследуется литературоведом в сравнении с реализмом Толстого, который у Чехова «доведен до логического завершения», писатель «поднимая свои сюжеты до контекстуального эталона, соединяет их в единое искусное целое» [14. С. 82]. Рассматривая эту повесть, Джерхарди отмечает «восхитительную картину, изображающую приезд маленького мальчика в чужой дом, где ему теперь предстоит жить», эта сцена наполнена особым психологизмом, она «затрагивает за живое, своего рода пронизывает до глубины души» [Там же. С. 142].

Итак, Уильям Джерхарди рассматривает чеховское наследие в аспекте современного искусства и вписывает его в общий контекст модернизма и импрессионизма.

Таким образом, уже на первом этапе англоязычной рецепции творчества Чехова периода 1910–1930-х гг. русский писатель воспринимался как модернист и импрессионист. Это принципиально отличалось от традиционных представлений российского чеховедения данной эпохи, воспринимающего наследие художника преимущественно в контексте реализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерешевская М.А., Литаврина М.Г. Чехов в английской критике и литературоведении // Чехов и мировая литература. Кн. 1 / под ред. З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой; отв. ред. Л.М. Розенблум. М.: Рос. акад. наук, 1997.
2. Энциклопедический словарь английской литературы XX в. / отв. ред. А.П. Сарухян. М., 2005.
3. Грешных В.И., Яновская Г.В. Вирджиния Вулф: лабиринты мысли. Калининград, 2004. (Серия «Мировая классика: интерпретации».)
4. Коротченко Т.В. Краткий обзор подходов к переводческой деятельности в XIX и в первой половине XX в. в Англии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 70–74.
5. Красавченко Т.Н. Литература и другие виды искусства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2009. № 2. С. 66–71.
6. Шерешевская М.А. Английские писатели и критики о Чехове // Чехов. Литературное наследство / под ред. И.И. Анисимова, А. Бушмина, В.В. Виноградова и др. М., 1960. Т. 68. С. 801–832.
7. Woolf V. The Russian point of view // The common reader. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91c/chapter16.html> (дата обращения: 06.06.14).
8. Шерешевская М.А. Переводы // Чехов и мировая литература. Кн. 1 / под ред. З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой; отв. ред. Л.М. Розенблум. М.: Рос. акад. наук, 1997. С. 368–405.
9. Murry J. Middleton. Aspects of Literature. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/14637/pg14637.html> (дата обращения: 06.06.14).
10. Николугин А.Н. Чехов и американская литература // Новые зарубежные исследования творчества А.П. Чехова. М., 1985. С. 152.
11. Красавченко Т.Н. Английская критика о Чехове // Новые зарубежные исследования творчества А.П. Чехова. М., 1985.
12. Тове А.К. Гарнет – переводчик и пропагандист русской литературы // Русская литература. 1958. № 4. С. 196–198.
13. Феклин М.Б. «Пустые годы» переводчицы Констанс Гарнетт. Н. Новгород, 2009. URL: <http://lunn.ru/5469>
14. Gerhardie W. Anton Chekhov: A Critical Study. N.Y.: St. Martin's Press, 1974. 172 p.
15. Новикова Е.Г. Кругосветное путешествие А.П. Чехова как поездка на Сахалин: позиция писателя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 75–81.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 сентября 2014 г.

FIRST RECEPTION OF A.P. CHEKHOV'S WORKS IN ENGLISH LITERARY STUDIES

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 30-34. DOI: 10.17223/15617793/388/5

Selezneva Elena V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: longisquamal@rambler.ru

Keywords: A.P. Chekhov; reception; English literary criticism; Bloomsbury Group; impressionism.

Personality and creative heritage of A.P. Chekhov take up an important place in English literary studies. His works left a special mark on inventions of English writers and dramatists, who found spiritually close traits in his plays and stories. The works of Russian artist are for the first time considered here by English literary critics in the context of impressionism. Material is based on investigation of the first period of Chekhov's heritage reception by English culture referring to 1910-1920. During this period major works dedicated to writer's creative life were published, with the first mention of Anton Chekhov in English critical writing dated from 1889. Special function in this process belonged to Bloomsbury Group where Virginia Woolf was the central figure. The members of this group took a great interest in all new literary and art tendencies since they were sure that art was the main feature of existence and development of civilization. The group took an important part in the history of English modernism. Modernism dominated in West-European Art of the late 19th – early 20th centuries. The members of this tendency presented life in a new way and experimented bravely with prose, poetry and drama. Woolf accentuated the significance of Russian literature which influenced the development of the English literary process of the early 20th century in whole. Being a furious admirer of works of Russian writers such as Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov, Woolf rated especially the last mentioned. She marked innovative Chekhov's traits close to her own impressionistic, experimental and psychological artistic method. Bloomsbury Group identified first reception of Chekhov's works in English literature and culture. An English writer and critic John Middleton Murry researched Chekhov as "the author of a psychological short story". He can be considered one of the founders of English-speaking Chekhov's studies. All subsequent critics and writers of England and America based upon his point of view. Particularly his wife Katherine Mansfield had been influenced by Chekhov's works. Chekhov had been known to English world due to English critic and dramatist Edward Garnett and his wife Constance Garnett who translated many Russian writers. Garnett marked original humanity of the artist and thought of the writer's new viewpoint about present-day reality which also correlated with the impressionistic position of Bloomsbury Group. An English critic and a short-story writer Arnold Bennett also paid attention to the innovative traits of Chekhov's works in his diary. He did it with respect to Chekhov's story "A Dreary Story". The monograph "Anton Chekhov: A Critical Study" written by W. Gerhardie was the first major book published in 1923. In this paper the author considers Chekhov as the artist whose ideas are close to the ideas of neo-psychologists. The scientist researches mature prose of the writer where Gerhardie pays special attention to "The Steppe" and "A Dreary Story". General impressionistic principles of their creation and a trip to Sakhalin unite these stories. Thus mature Chekhov's works, especially "The Steppe" and "A Dreary Story" signify the beginning of Chekhov's impressionism in reception of English literary studies of the early 20th century that revealed this specific character of the Russian writer's works. All this essentially varied from the traditional opinion of the Russian studies of the same century that considered the artist's stories in the context of realism.

REFERENCES

1. Shereshevskaya M.A., Litavrina M.G. *Chekhov v angliyskoy kritike i literaturovedenii* [Chekhov in English criticism and literature studies]. In: Rozenblyum L.M. (ed.) *Chekhov i mirovaya literatura* [Chekhov and world literature]. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 1997. Book 1.
2. Sarukhyan A.P. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' angliyskoy literatury XX v.* [Collegiate Dictionary of English literature of the 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 2005. 541 p.
3. Greshnykh V.I., Yanovskaya G.V. *Virdzhiniya Vulf: labirinty mysli* [Virginia Woolf: the labyrinths of thought]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publ., 2004. 145 p.
4. Korotchenko T.V. Brief review of approaches to translation in England in the XIXth and the first half of the 20th century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2012 no. 6 pp. 70-74. (In Russian).
5. Krasavchenko T.N. Literatura i drugie vidy iskusstva [Literature and other arts]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie. Referativnyy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 66-71.
6. Shereshevskaya M.A. *Angliyskie pisateli i kritiki o Chekhove* [English writers and critics about Chekhov]. In: Anisimov I.I., Bushmin A., Vinogradov V.V. et al. (eds.) *Chekhov. Literaturnoe nasledstvo* [Chekhov. Literary Heritage]. Moscow: USSR AS Publ., 1960. Vol. 68, pp. 801-832.
7. Woolf V. *The Russian point of view*. Available at: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91c/chapter16.html>. (Accessed: 06th June 2014).
8. Shereshevskaya M.A. *Perevody* [Translations]. In: Rozenblyum L.M. (ed.) *Chekhov i mirovaya literatura* [Chekhov and world literature]. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 1997. Book 1 pp. 368-405.
9. Murry J. Middleton. *Aspects of Literature*. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/14637/pg14637.html>. (Accessed: 06th June 2014).
10. Nikol'yugin A.N. *Chekhov i amerikanskaya literatura* [Chekhov and American Literature]. In: Nikol'yukin A.N., Oleynik V.T. *Novye zarubezhnye issledovaniya tvorchestva A.P. Chekhova* [New foreign studies of A.P. Chekhov's works]. Moscow: INION Publ., 1985.
11. Krasavchenko T.N. *Angliyskaya kritika o Chekhove* [English criticism of Chekhov]. In: Nikol'yukin A.N., Oleynik V.T. *Novye zarubezhnye issledovaniya tvorchestva A.P. Chekhova* [New foreign studies of A.P. Chekhov's works]. Moscow: INION Publ., 1985.
12. Tove A.K. Garnet – perevodchik i propagandist russkoy literatury [Garnet – translator and promoter of Russian literature]. *Russkaya literatura*, 1958 no. 4 pp. 196-198.
13. Feklin M.B. "Pustye gody" perevodchitsy Konstans Garnett ["Empty years" of the translator Constance Garnett]. Nizhny Novgorod, 2009. Available at: <http://lunn.ru/5469>.
14. Gerhardie W. *Anton Chekhov: A Critical Study*. N.Y.: St. Martin's Press, 1974. 172 p.
15. Novikova E.G. World tour of A.P. Chekhov as journey to Sakhalin: writer's viewpoint. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 75-81. (In Russian).

Received: 15 September 2014

РОМАН И.Т. КАЛАШНИКОВА «ДОЧЬ КУПЦА ЖОЛОБОВА» И СИБИРСКОЕ БАРОККО. СТАТЬЯ 1

*Государственное задание на выполнение НИР № 2059
«Изучение историко-культурного наследия России (Сибирский аспект)».*

На формирование И.Т. Калашникова повлияло «иркутское барокко». В романе «Дочь купца Жолобова» изображается Иркутск середины XVIII в., периода расцвета этого стиля. Жанровая поливалентность романа ведет к нарушению его целостности, пестроты и неровности стиливой и композиционной формы. В статье через барочную модель лабиринта анализируется природное и сюжетное пространство.

Ключевые слова: И.Т. Калашников; «Дочь купца Жолобова»; Сибирь; барокко; лабиринт.

«Дочь купца Жолобова» (1831) – первый роман И.Т. Калашникова, широко известный, неоднократно переиздававшийся, вызвавший неоднозначные отклики у критиков. Критические высказывания «Московского телеграфа» в лице романтика Н. Полевого свидетельствуют, что роман Калашникова во многом не соответствовал требованиям романтизма, тем более принципам реализма, что подтверждает пренебрежительное отношение к роману В.Г. Белинского.

В последующем внимание к писателю-Калашникову инициировалось прежде всего темой Сибири в литературе и историй сибирской литературы. Контекст областнической литературы менял приоритеты: художественная сторона романов писателя продолжалась оцениваться как низкая, на ее фоне материал сибирской жизни выступал самоценно-художественным и познавательным. Особое внимание уделялось этнографической стороне, на фоне которой литературная модель фабулы выглядела заемной и условной. Калашников по-своему учел критические замечания и во втором романе «Камчадалка» им было достигнуто определенное равновесие материала реальности и художественной формы, в которую этот материал помещен. То, что мы называем «материалом реальности», не следует отождествлять с этнографизмом. Это то, что не учитывается готовой литературной конструкцией, оттеняет ее как «прием», который при всем своем схематизме, однако, не влияет на общее впечатление современного читателя. В дальнейшем, как ни странно, литературность у Калашникова только усиливалась, подчиняя себе эмпирический материал. Таким образом, непосредственные личностные впечатления иркутской жизни отразились лишь в первом его романе. В последующих романах («Камчадалка», «Изгнанники»), как было отмечено, действие переносится в те края, где Калашников не бывал¹.

До сих пор сохраняется положение, отмеченное А.А. Богдановой более полувека назад: «Недостаточно четко определялось место Калашникова в развитии русской прозы. Он выступает ведь не только как писатель Сибири, но писатель общерусский, поэтому интересно проследить, какое значение играл Калашников в истории русской литературы» [2. С. 89]. В рамках областнической литературы Калашников занимает одно из первых мест первопроходца², поставленный в общий ряд русских писателей – весьма

скромное место писателя-романтика второго (а то и третьего ряда). Роман Калашникова называли «краеведческим историческим романом» [Там же. С. 95]. Нужно признать, что перед нами первый и, пожалуй, единственный писатель первой половины XIX в., создавший полномасштабную для того времени картину жизни Сибири. Это была первая попытка создания сибирского эпоса, подрывающая, может быть, своим «несовершенством» собственные высокие запросы, но в то же время попытка не столько слабая, сколько странная и по-своему уникальная.

Бросается в глаза, что у писателя с далекой периферии проявляются архаические литературные пристрастия: активное использование элементов готического романа [4. С. 453, 454], примитивной схемы авантюрно-любовного сюжета, контрастного деления персонажей, которые выступают как марионетки авторской воли; они порой изобразительно колоритны, но сама эта колоритность не позволяет относиться к ним как к людям, к характерам. Эту слабость и условность сразу же уловила критика.

Роман активно переиздавался, раскупался, был широко принят читательской аудиторией, и этот успех отнюдь не объясняется культурным уровнем массовой аудитории или новшеством сибирской темы. Да, и то и другое существенно для рецепции первого романа Калашникова. Но мы упускаем и нечто другое, весьма важное. Этот не только первый роман о Сибири, но и один из немногих романов этого периода, ориентирующийся на жанровую многогранность – не единство, а именно жанровую поливалентность: он относится к ряду первых русских исторических романов, а также бытописательных и социально-критических, поскольку такой критики государственного произвола в отношении личности литература не знала ни до ни после (в социально-психологическом романе эта тема будет выражена иначе)³. Эти жанрово-типологические различия⁴ изначально лишены целостности литературной нормы и устанавливают свое динамичное единство как контрапункт возможных центров жанрово-архитектонической целостности. Такой принцип «конгломерата», «расклада разного», «пестроты» на всех уровнях поэтики является общим принципом культуры барокко. Это ведет к барочной переусложненности формы романа Калашникова.

Что отличает «Дочь купца Жолобова» Калашникова не только от романтических романов его современников, но и от последующих его произведений, так это особая его избыточность, неровность. Он – свод языков, сведений, всевозможных сюжетных положений, стилевых элементов и культурных языков. Интерпретация с определенной точки зрения (краеведение, мифопоэтика, социально-культурная идеология XVIII в., «неистовый романтизм») сразу нарушает специфику такого романа, сводя ее к определенному полюсу и тем самым ограничивая.

В романе «Дочь купца Жолобова» изображается Иркутск середины XVIII в. Эпоха привносит в повествование свои культурные конвенции. Это период рассвета так называемого «иркутского барокко»⁵, возникновение которого историки и культурологи объясняют назначением на церковные кафедры в Сибирь священников-украинцев, привлечших за собой зодчих, иконописцев с украинско-барочной художественной ориентацией. Этот стиль в полной мере отразился в сибирской иконописи и архитектуре. Культура отдельных сибирских центров (связанных, но и автономных в беспредельном первозданном пространстве) имела свою барочную специфику. Как кажется, сама эта культурная аура, сохранявшая свое значение и в начале XIX в.⁶, повлиявшая на ранние впечатления будущего писателя⁷, вводится в роман об иркутской жизни середины XVIII в. и как объект изображения, и через отражение стиля, что способствует возрождению барочных черт в поэтике романа, которые также инициировались некоторыми более общими культурно-историческими причинами, связанными с отражением барокко в русской литературе в этот период (в частности, в творчестве Нарезного и Гоголя).

Такая общая характеристика барочного мира, как «пестрота», сказывается в том, что Сибирь предстает как поликультурное пространство. «Попав в сферу дипломатических отношений России со странами Востока, Иркутск испытал на себе все грани их формирования» [10. С. 9]. Для сибирской экзотики характерна определенная контаминация культуры русских переселенцев и культуры местных народностей⁸, толерантность, межкультурный диалог. В идеологической линии романа утверждается иерархия христианства и просвещения, связанных с коренной русской культурой, по отношению к неразвитым местным народностям (якутам и тунгусам)⁹, но в художественно-образном плане часто возникает парадоксальное их взаимоотражение (напоминающее барочный тип отражения [13]). И сам параллелизм разных культурных языков (русских и бурят) может напомнить барочное соответствие языческих образов и христианских понятий [14]. Языческое и христианское могут дублировать друг друга как образные языки (Венера-мадонна, Христос-Амур). В романе часто возникают параллели (не иерархически-идеологического свойства) между «русским миром» и миром малых народностей Сибири. Так, например, это касается молитвенного обращения главного героя к небу и сцены поклонения духам у бурят:

«Наконец туман поднялся выше вершин гор и разделился на группы облаков, невольно смиряясь при

появлении царя природы, который, выходя из пучин моря, позлащал их благотворным лучом своим <...> – О ты! – говорил он, устремив взор свой к небу. – Ты, погружающий в бездны сие лучезарное светило и вновь возводящий его на небо. Всемогущий творец вселенной. Ты один своею благотворной десницею можешь вывести и меня из бездны несчастья» [15. С. 40, 41].

«Шаман, устремив на восток неподвижные взоры, казалось, ожидал первых лучей солнца. Наконец золотой край его показался из-за синеющих в отдаленности гор – шаман ударил в бубен, и весь народ упал ниц. <...> “Ты, о солнце! Дай нам погоду ведреную и ясную, дабы мы могли с успехом заниматься звериными промыслами. Вы, святые души шаманов! Не откажите нам в вашей помощи и защите от всякой опасности, видимой и невидимой!”» [Там же. С. 72].

Таким образом, основой соответствия христианско-романтической молитвы Алексея и молитвы бурят становится природа: молитва обращена к солнцу, и основой сходства при «конфессиональных» различиях становится пантеизм как выражение общей жизни в единстве материального и духовного, природного и антропоморфного¹⁰. Или, например, «сечение» своего идола бурятом [Там же. С. 60] предстает в параллели с роптанием Алексея против Бога: «...какая телесная боль может сравниться с сим смертельным недугом, который называется отчаянием? Оно овладело его сердцем: он проклинал день своего рождения, роптал на небо и (дерзнем ли сказать?) обвинял творца, сотворившего его для одного мучения» [Там же. С. 192]. Мотив репрезентации духов вещей и животных, свойственный мифологии малых народностей Сибири, имеет отзвук в созерцании героиней романа облаков: «Величественный вид их поразил Наталью. Она начала смотреть на них с величайшим вниманием и замечала их чудесные изменения. То животные, то человеческие фигуры составлялись попеременно из их массы. Воображение Натальи унеслось за пределы вероятности; ей казалось, что она видит в облаках образ отца и Алексея» [Там же. С. 137].

В романе также возникает соответствие пары охотников – русского Брагина и бурята Батура. По логике барочного соответствия (по принципу одновременной параллельности и обратности) соотносятся два «суда»: муки Жолобова под пытками, возносящие героя до сакрального уровня [Там же. С. 125], и наказание тунгуса (которого гонят как животное бичами), низводящее человека до бестиальной роли [Там же. С. 191, 192]. Также возникает параллель линий юродивой Аксиньи и шаманки (мотивы вины соблазнителья, предсказания и пр.). Примеры подобных параллелей, построенных по логике барочного соответствия, в рассматриваемом произведении многочисленны.

Через весь роман проходит столь важная для бурятской культуры мифологема огня¹¹. Шаманка взывает к богам, падая в огонь, что сопровождается авторским примечанием, указывающим на роль огня в ритуале смерти шаманов [Там же. С. 91]. Наговор на Жолобова, что к нему по ночам летает «огненный змей», имеет отношение к восточной мифологии. Мотив землетрясения как выхода поземного огня подчер-

кивает вечную готовность окружающей природы к метаморфозам. От набега разбойников сгорают постройки Неудачина, который после поджигает свой бывший дом, спасая Наталью от сластолюбивого ревизора Крылова, который сам позже погибает на глазах окружающих как грешник, испепеленный внутренним огнем. Это лишь отдельные случаи семантического варьирования мотива, которое имеет отношение к принципу барочного соотношения противоположностей.

Художественно воссоздаваемая сибирская реальность отталкивается от читательского мифа о Сибири (наивно-романтического представления), но в ходе повествования сравнение «там» и «здесь» может создавать обратимое соответствие.

«Непосвященные в таинства отечественной географии часто спрашивают, неужели в Сибири бывает также теплое лето? Бывает, и теплое время начинается гораздо ранее, нежели в здешней столице, где ладожский лед и северные ветры нагоняют стужу и тоску среди мая месяца. В Иркутске, например, начинает таять снег и навевать весною с февраля месяца, к концу марта становится сухо на улицах, и бывают столь теплые дни, что тамошние щеголи гуляют без шинелей, в мае природа облекается брачною одеждою: все начинает цвести и благоухать» [15. С. 18]. Таким образом, автор сначала отталкивается от представлений «там – тепло, здесь – Сибирь, значит холодно», но оказывается «здесь – тепло, а там – холодно». Однако такая перемена признаков не снимает первого противопоставления, оно парадоксально получает изнанку уточнения через свою противоположность [Там же]. Не случайно в сюжет вводится зеркально подобное описание петербургской стороны в качестве «иноного» пространства через рассказ мужа Исаковны. Двойственное положение автора (эти места ему родные, «свои», но он петербуржец, и с этой точки зрения «свое» контаминирует с «чужим») также способствует игре точками зрения на сибирский быт, природу и пр.

О природных картинах у Калашникова писали, много подчеркивая многоаспектность образа Сибири. Это и утопическое Эльдorado с историко-географическим потенциалом возможностей развития. Это и место изгнания и ссылки («крошечное пространство»). Важен мифопоэтический контекст (первобытная изначальность, универсализм). Масштабы раздвигаются в бескрайность. Значима антитеза природы и культуры как глобальных сил.

Калашников часто использует орнаментальный способ построения пейзажа, создавая цепочку живых явлений; картина дробится в узорчатой свободной компановке образов, не давая сосредоточиться на чем-то одном, вовлекая читателя в стихию динамичных переходов от одного к другому (соединяя близкое и дальнее, дольний и горный миры по модели линии S¹²). «Молодая луна, которой весь круг явственно рисовался по причине необыкновенной чистоты воздуха, светлела на западе. Вблизи ее, подобно огромному бриллианту, поверх светло-лилового полога вечерней зари блистала прелестная Венера. С юга смотрел неподвижным взором своим огневидный Юпитер. На севере выходила огромная Медведица... С востока восставали блестящие Кичиги. На высоте горизонта

горела непостижимая группа миров, странно именуемая в Сибири Гнездом Утичьим. Наконец все небо подобилося беспредельному темно-голубому полю, где в блистании вечно горящих огней являлась нескончаемая жизнь, всегда исполненная силы, но всегда одинаковая, всегда безмятежная» [15. С. 58, 59]. В этом описании можно заметить отзвук барочной конклюдзии («мотив фигур, сидящих в чашечках цветов, широко распространенный в украинской книжной гравюре» [17. С. 19]). Часто автор использует живописное нагромождение последовательно уменьшающихся объемов, создающее эффект лабиринтообразной геометрии: «Высокая гора проходила по берегу Байкала. Берег сей, между озером и горою, был так узок, что едва только можно было по нему пробираться на верховой лошади, и во время сильных волнений затопляло водою. Выехав с юга на озеро и потом поворотив по сему берегу с запада на восток, можно было проехать верст с двадцать, далее гора превращалась в совершенный утес, выдававшийся в море и обмываемый морскими волнами. Близ вершины сего утеса был уступ, на который вилась по отлогости горы едва заметная тропинка, столь крутая, что один человек, стоявший на уступе, мог бы защищаться от целой армии. При подошве горы находилась пещера» [15. С. 79, 80].

Движение Алексея, главного героя романа, в Нерчинск через горные перевалы, на краю открывающейся бездны, с «мраком в душе» при мысли о гибели Натальи отражает общую для романа ситуацию затерянности человека в бытии, паскалевскую идею «о несоразмерности человека мировым пределам и о невозможности изнутри человеческого сознания постичь небытие, из которого извлечен человек, и бесконечность, которой он поглощается: человек не знает всецело во внешнем мире находящегося своего “тела, которое станет трупом”, но он не знает и бесконечного внутреннего, новых, интенсивных координат души. Человек Нового времени, обреченный на срединный путь, оказывается, таким образом, на своеобразной мистической сцене, где между безднами небытия и бесконечности, на краю бесконечного хаоса разыгрывается жизнь, как ставка в “рулетке спасения”: Бог или ничто» [18. С. 470].

Природа в романе – интеграл всего разнородного, всего, что соединено силой своего различия, контраста, она в своих картинах, включающих принцип театральности, становится зрительным сочетанием жизни и смерти и несет отзвуки поэтики барочной эмблемы. Она же и поднимается над ними, это форма их единства и инобытия по отношению к ним.

Особые поперечные к общей пейзажной картине конструкции представляют частые примечания автора, которые в целом в своем пояснительном разнообразии служат расширению сюжетного пространства:

«По южную сторону Байкальских гор открылась нашим путешественникам картина, совершенно различная с пустынною и снежною площадью гор.* Они проезжали по зеленеющей долине, которая чем далее проходила к югу, тем более расширялась, а горы, как по бокам ее шедшие, так и пересекавшие ее в разных направлениях, понижаясь мало-помалу, превра-

щались, наконец, в холмы, на которых бродили стада овец и коров, принадлежащих бурятам. Юрты бурятские были разбросаны по всей долине: инда при подошве холма, под тению рощи, инда среди открытого поля, на зеленом возвышении, из которого вытекал прозрачный источник.** Русских селений на сей долине в сие время еще не было ни одного, впоследствии же выстроены на ней поселения Снежное, Алсак и другие, примечательные потому наиболее, что населены отставными воинами, служившими в Италии под начальством великого Суворова, которого имя до глубокой старости своей они не могли произнести равнодушно.***

Примечания: * Там даже в ноябре месяце, когда на горах и на северной стороне лежит глубокий снег, не бывает ни одной снежинки, и дни стоят столь теплые и ясные, что можно ехать в летней одежде.

** Там живут только буряты забайкальские, занимающиеся скотоводством; обитающие же в Иркутском уезде, занимаясь более хлебопашеством, живут в юртах деревянных улусами (селениями) и переменяют местожительство только два раза в год: летом и зимою, имея для того и другого времени года особые юрты. Сверх того, живучи между русскими селениями, они начинают строить и русские дома.

*** Автор сам был свидетелем, как один из сих маститых воинов со слезами на глазах вспоминал о своем незабвенном полководце. Он рассказывал, между прочим, что будто бы Суворов, когда докладывали ему о каком-либо беглом из армии, говаривал: "Ну пусть его погуляет! Овечка отстала от стада, но все-таки рано или поздно, да придет назад!"» [15. С. 63].

Примечания и сами по себе составляют определенную тенденцию вертикальной своей композиции (первое примечание – природный уровень; второе – антропологический; третье – исторический) и при этом спроецированы на текст – образ природного ландшафта. Причем интересно, что через старого воина, суворовского солдата, эти места сближаются с Альпами.

Если внешнее пространство представляет собой огромный простор, в котором теряется человек (поэтому в пути-блуждании ему нужен проводник), то для внутреннего пространства дома характерен принцип сжатия и деления на малые сектора, т.е. определенная лабиринтообразность. Например, дом Хабаровых с маркированными границами (расчлененность, здесь лежит незнакомая родственница, а там – сам Еремей Хабаров). «Дом Хабарова состоял из одной избы с русскою печью, находившеюся при входе на правой стороне. Печь была обращена устьем к окну, и между нею и окном был укреплен пересовец, то есть нетолстая жердочка, на которой висела шерстяная занавеска, служившая вместо перегородки и отделявшая от избы кут, то есть место, где стряпают. У дверей, между печью и стеною, были устроены огромные полаты, на которых и должен был спать Алексей по причине крайней тесноты в избе» [Там же. С. 148].

Это своеобразный «лабиринт», в котором пасует не только воеводша, но и Пирушкин (не заходит; а перед ним у дома останавливался посланный офицер). Внутри этого лабиринтообразного пространства

старшим и младшим Хабаровыми ведется «лабиринтообразное» повествование о взятии крепостей (возникает зеркальное соответствие и контраст места, в котором ведется рассказ, и тоposa крепости, главного «героя» нарратива): в них входят, затем их покидают; после оказывается сопротивление явившемуся с войском Пирушкину; дом Хабаровых становится побарочному своего рода «крепостью». Дом становится барочной «вещью с секретом», который действует против чужих: через «тайный» подпол своего недавно купленного дома Неудачин попадает к запершейся от врагов Наталье; воеводша, с помпой явившаяся в дом Хабаровых, оказывается «комически низвержена» дверным крючком, за который зацепился обруч ее платья: «Наконец воеводша, с помощью Орины и Власьевны поднялась на крыльцо и начала пролезать боком в избные двери. Тут должна была она несколько согнуться, потому что над дверями, как нам уже известно, возвышались полаты. При сем положении обруч, на котором утверждалось ее платье, приподнялся одною стороною кверху и задел за дверной крюк. Воеводша же, не приметив этого, вдруг шагнула через порог, прихлопнула за собою дверь и осталась в столь комическом положении» [15. С. 172]; а перед этим подобное наказание вхождения через затейливые границы в интимный круг переживает подловатый Сибиркин: «Еремей махнул костылем с печи и попал по голове входившего в сие роковое мгновение во дверь Сибиркина» [Там же. С. 162]. Неслучайно, купив дом, в котором расположился ревизор (т.е. чужой, «враждебный» дом), «Неудачин не переходил в него и жил на квартире; но сие, однако ж, не мешало ему знать совершенно расположение сего дома, ибо не только своих домов, но и чужих расположение и фасады были главнейшим предметом его внимания» [Там же. С. 115].

В целом дом открыт внешним метаморфозам. Землетрясение в момент празднования стовора в доме Жолобова эксплицируется как катаклизм, репрезентирующий дальнейшую судьбу героев. Черты барочного беспорядка и натурализма отражены в изображении хаоса вещей в доме Груздева:

«На правой руке от образов, подле окон, стоял большой стол, заваленный бумагами, с которыми вместе лежали старые просвиры, объедки давнишней закуски и т.п. На стульях и под стульями – словом, везде, где только было можно, были разбросаны различные товары в таком отношении между собою, что ни один в свете метафизик не подвел бы их под одну черту вида или рода. Например, подле раскупоренных цибиков чая было брошено заржавленное железо, тут же были навалены разные шелковые материи, подле них стояли бочонки с протухлыми сельдями и так далее. На потолке и стенах, равным образом на письменном столе и стульях, покоились толстые слои пыли, а пол не был мыт с того времени, как Груздев поселился в сей горнице: ибо он думал, как и ныне еще некоторые сибирские богачи полагают, что чем более увеличивается неопрятность, тем более копится богатство. Систематический беспорядок хозяйской горницы отражался во всем доме. Большая часть его была недостроена, на дворе повсюду видны были раз-

рушающиеся амбары, упавшие заборы, груды согнивающих бревен» [15. С. 24].

Этот хаос эксплицирует бытовую деструкцию, которая в свою очередь является эмблемой «душевного хозяйства» хозяина. К малому домашнему катаклизму относится фарсовая сцена падения иконописного образа на голову Груздева и комический страх окружающих по поводу «проделки дьявола», но многозначительность этого «предупреждения» высвечивается через финальную сцену последних минут Груздева в кругу домашних, когда ведется беспорядочный поиск денег умирающего, которому его сын протягивает бумажку с нацарапанным вопросом о деньгах, а тот ее гневно и молча съедает.

Образ дома по-барочному динамизируется в своих признаках благодаря своей пограничности между природным и антропоморфным пространствами¹³, между посю- и потусторонним, между настоящим и историческим временем. Через этот образ создается композиционная рамка: начинается роман с современности повествователя (XIX в.), с изображения «руин» дома Жолобова (это выразительная эмблема Vanitas и ове ществленный памятник жизнестроителя-праведника), а затем повествование отступает на 80 лет в прошлое, а заканчивается показом дома супружеской пары главных героев, претерпевших все бедствия и создавших «настоящий» дом. По художественной логике «руины» дома начала романа чудесным образом преображены в дом добра и любви легендарного по своей тональности финала, тем самым личностью побеждается ничтожа щая сила времени. Таким образом, дом становится своеобразной эмблемой, репрезентирующей положение человека в бытии и во времени.

По модели лабиринта строится пространство романа. Это касается того, что сюжетное пространство разворачивается в двух мало связанных между собой топографических центрах – это Иркутск и Нерчинск. Каждый из двух главных героев (Наталья и Алексей) находится в «своем» городе и претерпевает свои испытания. Сюжетно-событийные пути между этими топосами выстраиваются как запутанная цепь самостоятельных, каузально не связанных между собой событий, имеющих случайный («обрушивающийся») характер. Помимо основного повествовательного времени главной сюжетной линии, она имеет побочные сюжетные линии, развивающиеся в ином темпоральном характере. Например, после эпизода с раз-

бойниками, в котором купец Неудачин потерял завод, дом, дочь, следует несколько глав истории ареста Жолобова, пленение ревизором Натальи, которую спасает Неудачин, неожиданное появление которого автор сопровождает коротким ретроспективным объяснением [15. С. 115]. Подобные ретроспекции, вдруг объясняющие боковые сюжетные линии, связанные с второстепенными персонажами (например, авантюра Сибиркина с подложным письмом из Иркутска Алексеем в Нерчинск), создают параллельные главной линии ответвления. Например, в 7 главе III части время сближения Орины и Алексея повествовательно сжато, тем не менее, как сообщает автор, Сибиркин отсутствовал 1,5 года (т.е. реальное время оказывается гораздо длительнее времени сюжетного события сближения персонажей). Таким образом, природное время, время действия и время повествования значительно расходятся в романе, создавая эффект пространственного неоднородного времени.

Пространство становится интегралом времени. Географическое пространство становится формой исторической памяти, выражает историческую целостность в потенциале своих экономических, культурных и национальных возможностей. Сюжетное передвижение в таком пространстве становится движением вспять во времени: через Хабаровых обрисовывается историческое прошлое, а в пассаже о Чингисхане – абсолютное прошлое [Там же. С. 207].

«Базовая идея Сибири – полюса экзотики – диктовала Калашникову сложное построение сюжета, события которого должны были быть подчинены не реалистической последовательности, характерной для повседневной жизни, а внезапности и случайности» [1. С. 165, 166]. Не только для сюжета в целом, но даже для отдельных глав характерна сжатая конденсация и динамика событий разного плана¹⁴. Динамика резкой смены положений, контрастность исключительных психологических ситуаций, моменты выбора, моральной жертвы – все это черты барочного сюжетостроения. Сохраняется напряженность вовлеченности в резкую смену картин и положений – этот ритм динамической смены не вытекает из эмоциональных задач, характеристики действия; он становится самоценной, даже почти отчужденной силой мира (можно сказать, слепой). События принимают вид либо случайных, либо сугубо необходимых (либо и то и другое).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К.В. Анисимов подчеркивает, что «если в первом романе “краеведческий” слой поэтики базировался на действительно глубоком знании Калашниковым реалий иркутского края, то обстановка последующих произведений имела исключительно литературное происхождение, ибо ни на Камчатке, ни на Колыме писатель никогда не бывал» [1. С. 171].

² Как утверждал сам писатель, «я первый написал Сибирский роман: кому я мог подражать кроме формы» [3. С. 7, 8].

³ Калашников пишет «о произволе несправедливой и развращенной власти, о незаслуженных страданиях представителей купечества и служилой интеллигенции в сер. XVIII столетия» [5. С. 210]; он «одним из первых в русской литературе изобразил “маленьких людей”, преследуемых сильными мира сего» [Там же. С. 213]. В романах Калашникова готические приемы органично совпали со страшной реальностью. Расхожая литературная форма на таком материале вдруг получила вторую жизнь. Не случайно ею воспользовался автор-дилетант, использующий готовую форму для широкого жизненного материала, в подходе к которому становятся важны личностные интенции. Важна автобиографически-документальная природа аутентичности изображаемого, на фоне которого литературный прием (выспренный стиль, высокопарные, сентиментально мелодраматические сцены, готические ужасы) воспринимается с известной долей условности. Просветительский апломб XVIII в., эксплицированный в речах положительных героев и отчасти в комментариях повествователя, однако, не способен завершить кризисность действительности и всех изображенных людских бедствий.

⁴ Так характеризовала жанровую специфику произведений писателя Н.Н. Петрунина: «На границе между историческим и бытовым романом стоят романы И.Т. Калашникова <...> его интересуют не важные, исторические моменты народной жизни (как Загоскина или Лажечникова), а быт и нравы его родной Сибири. В рамки авантюрно-дидактического повествования автор вмещает анекдоты, предания, “истинные происшествия”, проявляя прекрасное знание местной старины, природы, а также провинциальной администрации и ее злоупотреблений» [6. С. 528].

⁵ «Искусство барокко в Иркутске совпадает с бурным расцветом иркутской культуры в восемнадцатом столетии» [7. С. 20]. См. также: [8].

⁶ «Барочная стилистика пришлась настолько по вкусу русским сибирякам, что, проникнув в народную культуру, ее орнаментальные формы, вплоть до XX в. сохранялась в декоративно-прикладном искусстве сибирского региона» [9. С. 21].

⁷ Отчасти отзвуки влияния этой культурной среды отражены И.Т. Калашниковым в написанных позже «Записках иркутского жителя». Описывая свою иркутскую жизнь, писатель особое внимание уделяет такому явлению, как вертеп, отмечая его польско-украинскую (барочную) специфику, указывает на те черты, привлекавшие его в поэзии Державина, которые не укладываются целиком в границы классицизма, а имеют барочный характер, приводит истории известных городских жителей, стиль жизни и характеры которых близки типу ролевой экцентричности человека барокко.

⁸ Виллард Сандерланд, проанализировавший процесс ассимиляции русских местным населением в Северной Сибири, отмечал: «В якутских местностях влияние нерусских казалось особенно сильным» [11. С. 206].

⁹ Идеология сибиряков-просветителей П.А. Словцова и И.Т. Калашникова, осознававших себя принадлежащими имперскому центру, раскрыта в работе Марка А. Содерстрема [12].

¹⁰ В русле этого пантеизма в качестве божества может выступать отдельное природное явление: «Простой народ в Сибири думает, что Байкал всегда наказывает того, кто называет его просто озеро» [15. С. 81].

¹¹ «У бурят огонь – не просто материальное существо стихии, которое олицетворено и антропифицировано. Хозяин или дух огня у них развился до положения особого божества, занимающего одно из почетнейших мест в общем пантеоне» [16. С. 15].

¹² Например: «Нельзя без некоторого удивления видеть, как рука человеческая старалась покорить, так сказать, своей власти недоступный Хамар-Дабан. Дорога, по нем идущая, кажется повешенною на воздухе. Она прикреплена к горе обрубами и идет в виде извилин (en Zigzag)» [15. С. 45].

¹³ «Во время тридцатиградусных морозов в Иркутске дома, несмотря на усиленную топку печей, никогда не нагреваются достаточно и снаружи все покрываются кучтою, то есть мелким пушистым снегом. Окна разрисовываются толстыми слоями узорчатой куржевины, или инея. В комнатах, особенно по ночам, беспрестанно раздается треск лопающихся от стужи бревен, самая земля также с треском раскалывается, и широкие щели расчерчивают в разных направлениях улицы» [15. С. 126]. Зимой в окошке вместо стекла вставляется льдина [Там же. С. 128], что повествователь привязано к предыдущей картине, когда толпа смотрит «как огромные льдины неслись с шумом одна на другую, запруживали реку и принуждали воду подниматься выше и выше» [Там же. С. 126] и одна старушка задает своей товарке странный вопрос: «А случалось ли тебе, Хавронья Пахомовна, замечать, баюнь, что зимой вода теплее, нежели летом?» [Там же. С. 126], а та ей отвечает что тогда «белышко полоскать, так ведь ноженьки-та сделаются лед-ледом...» [Там же. С. 127]. В повествовании Калашникова очень часто создается по-барочному странное варьирование того или другого мотива, как в данном случае «льда».

¹⁴ Т.А. Крючкова при анализе икон иркутского барокко отмечала: «Главный признак барочного стиля – внутренняя динамичность структур, наделение всего изображенного бурным движением и “оживление” (активизация) персонажей» [7. С. 25]; «Рождается “впечатление непрерывного движения, борения <...> Разнонаправленными порывами, красноречивыми жестами наполнена почти каждая икона» [Там же].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 343 с.
2. Богданова А.А. Сибирский романист И.Т. Калашников // Ученые записки Новосибирского государственного педагогического института. Вып. 7. Сер. историко-филологическая. Новосибирск, 1948. С. 87–120.
3. Калашников И.Т. Изгнанники : Повесть. Санкт-Петербург : Издanie Книгопродавца А.Ф. Фарикова (Въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ), 1834. 169 с.
4. Вацуро В.Э. Готический роман в России. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 544 с.
5. Постнов Ю.С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск : Наука, 1970. 404 с.
6. История русской литературы : в 4 т. Л. : Наука, 1981. Т. 2. 656 с.
7. Крючкова Т.А. Иркутское барокко // Иркутское барокко = Irkutsk Baroque : альбом-кат. / [авт. вступ. ст., сост. кат. и прил. Т.А. Крючкова; Вступ. слово Е.А. Зубрий]. М. : Сoreк, 1993. С. 20–27.
8. Болдырев-Казарин Д.Л. Народное искусство Сибири // Сибирская живая старина. Сб. 2. Иркутск, 1924. С. 5–19.
9. Софронова М.Н. Становление и развитие живописи в Западной Сибири в XVII–XIX в. : автореф. дис. ... канд. искусствовед. Барнаул, 2004. 30 с.
10. Зубрий Е. К читателю // Иркутское барокко = Irkutsk Baroque : альбом-кат. / [Авт. вступ. ст., сост. кат. и прил. Т.А. Крючкова; Вступ. слово Е.А. Зубрий]. М. : Сoreк, 1993. С. 7–11.
11. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обычнородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер М. : Новое издательство, 2005. 696 с.
12. Содерстром Марк А. Сибиряки на службе империи: служба и самосознание (случаи П.А. Словцова и И.Т. Калашникова) // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск : Сиб. федерал. ун-т, 2010. 237 с.
13. Софронова Л.А. Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М. : Наука, 1982. С. 78–101.
14. Нам Е.В. Сибирский шаманизм и «шаманский комплекс» в античной культурной традиции (опыт кросскультурного анализа). Томск : Диво, 2007. 208 с.
15. Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова. Романы, повесть. Иркутск, 1985. 637 с.
16. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск : Наука, 1987. 286 с.
17. Алексеева М.А. Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII – начала XVIII в. // Русское искусство барокко. Материалы и исследования. М., 1977. С. 7–30.
18. Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. 733 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 сентября 2014 г.

I.T. KALASHNIKOV'S NOVEL *THE DAUGHTER OF THE MERCHANT ZHOLOBOV* AND THE SIBERIAN BAROQUE. ARTICLE 1

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 35-41. DOI: 10.17223/15617793/388/6

Khomuk Nikolay V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: homuk1@yandex.ru

Keywords: I.T. Kalashnikov; *The Daughter of the Merchant Zholobov*; Siberia; Baroque; labyrinth.

I.T. Kalashnikov's novels are usually considered in the context of the literature of Siberia, with a focus on ethnographism. This is the only writer who has created a full-scale for the time picture of life in Siberia. The immediate impression of Irkutsk life reflected only in the first of his novels, *The Daughter of the Merchant Zholobov*. In subsequent novels (*Kamchadalka*, *Exiles*), the action is transferred to the regions Kalashnikov had never been to. In *The Daughter of the Merchant Zholobov* Kalashnikov portrayed Irkutsk of the middle of the 18th century. This is the period of the dawn of "Irkutsk Baroque". It retained its importance in the early 19th century, influenced the early impressions of Kalashnikov. The novel has many genres: it refers to the first Russian historical novels, to ordinary life descriptions and to social-critical novels. These genre-typological differences were initially devoid of integrity. This principle of "conglomerate", "alignment of different", "motley" at all levels of poetics is the general principle of the Baroque culture. The novel is a collection of information, various storylines, stylistic elements and cultural languages. This leads to the Baroque over-complexity of the novel form, its stylistic and compositional irregularities. The imagery of the novel has the Baroque co-reflection of images and motifs of Russian culture and the culture of local peoples. Kalashnikov often uses the ornamental method of constructing a landscape: the picture is split in the line-free images, combining the near and the far, the earthly and heavenly worlds by the line S model. Often, the author uses a picturesque jumble of successively smaller volumes, creating the effect of labyrinthine geometry. If the external space is a huge scope in which a person is lost, then the space of the house is characterized by the principle of contraction and division into small sectors, i.e. a certain labyrinth. The image of the house dynamizes in its symptoms in the Baroque way due to its marginality between the natural and the anthropomorphic spaces, between the this- and the other-worldly, between the present and the historical time. The plot unfolds in the space between the two little-connected topographical centers – Irkutsk and Nerchinsk. Each of the two main characters (Natalya and Aleksey) is in "his" / "her" town and undergoes his / her trials. The events of the plot between these topoi are built as a tangled chain of independent, causally unrelated random events. For the story as a whole and for the individual chapters compressed condensation and dynamics of events of different planes are typical. This rhythm of dynamic change is not a consequence of emotional problems, characteristics of the action; it becomes self-sufficient, alienated world power. The dynamics of the abrupt change of positions, the contrast of exceptional psychological situations, the moments of choice, moral sacrifice – all these are features of the Baroque plot.

REFERENCES

1. Anisimov K.V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vv.: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii*. Dis. d-ra filol. nauk [Problems of poetics of Siberian literature of the 19th – early 20th centuries: Peculiarities of formation and development of the regional literary tradition. Philology Dr. Diss.]. Tomsk, 2005. 343 p.
2. Bogdanova A.A. Sibirskiy romanist I.T. Kalashnikov [Siberian novelist I.T. Kalashnikov]. *Uchenye zapiski Novosibirskogo gosudarstvenno pedagogicheskogo instituta. Ser. Istoriko-filologicheskaya*, 1948, issue 7, pp. 87-120.
3. Kalashnikov I.T. *Izgnanniki: Povest'* [Exiles: a story]. St. Petersburg: Izdanie Knigoprodavtsa A. Farikova (V tipografii meditsinskago departamenta ministerstva vnutrennikh del) Publ., 1834. 169 p.
4. Vatsuro V.E. *Goticheskiy roman v Rossii* [The Gothic novel in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 544 p.
5. Postnov Yu.S. *Russkaya literatura Sibiri pervoy poloviny XIX v.* [Russian literature of Siberia of the first half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1970. 404 p.
6. Smirnova E.A., Fenomenov K.N. (eds.) *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [The history of Russian literature. In 4 vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. Vol. 2, 656 p.
7. Kryuchkova T.A. *Irkutsk Baroque*. Moscow: Sorek Publ., 1993, pp. 20-27. (In Russian).
8. Boldyrev-Kazarin D.L. Narodnoe iskusstvo Sibiri [Folk art Siberia]. *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian Living Antiquity]. Irkutsk, 1924, vol. 2, pp. 5-19.
9. Sofronova M.N. *Stanovlenie i razvitie zhivopisi v Zapadnoy Sibiri v XVII–XIX v.* Avtoref. dis. kand. iskusstvoved. [Formation and development of painting in Western Siberia in the 17th – 19th centuries. Abstract of Arts Cand. Diss.]. Barnaul, 2004. 30 p.
10. Zubriy E. K chitateliu [To the Reader]. In: Kryuchkova T.A. *Irkutsk Baroque*. Moscow: Sorek Publ., 1993, pp. 7-11.
11. Sanderland V. *Russkie prevrashchayutsya v yakutov? "Obynorodchivanie" i problemy russkoy natsional'noy identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914* [Are Russians transforming into Yakuts? "Foreignization" and problems of Russian national identity in northern Siberia, 1870-1914]. In: Vert P., Kabytov P.S., Miller A.I. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Recent works: anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 696 p.
12. Soderstrom Mark A. *Sibiryaki na sluzhbe imperii: sluzhba i samosoznanie (sluchai P.A. Slovtsova i I.T. Kalashnikova)* [Siberians in the service of the Empire: service and identity (cases of P.A. Slovtsov and I.T. Kalashnikov)]. In: Anisimov K.V. (ed.) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national plot space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2010. 237 p.
13. Sofronova L.A. *Printsip otrazheniya v poetike barokko* [The principle of reflection in the poetics of Baroque]. In: Lipatov A.V. (ed.) *Barokko v slavyanskikh kul'turakh* [Baroque in Slavic cultures]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 78-101.
14. Nam E.V. *Sibirskiy shamanizm i "shamanskiy kompleks" v antichnoy kul'turnoy traditsii (opyt krosskul'turnogo analiza)* [Siberian shamanism and "shamanic complex" in the ancient cultural tradition (experience of cross-cultural analysis)]. Tomsk: Divo Publ., 2007. 208 p.
15. Kalashnikov I.T. *Doch' kuptsa Zholobova. Romany, povesti* [The Daughter of the Merchant Zholobov. Novels, novella]. Irkutsk, 1985. 637 p.
16. Mikhaylov T.M. *Buryatskiy shamanizm: istoriya, struktura i sotsial'nye funktsii* [Buryat shamanism: history, structure and social functions]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 286 p.
17. Alekseeva M.A. *Zhanr konklyuziy v russkom iskusstve kontsa XVII – nachala XVIII v.* [Conclusion genre in Russian art of the end of the 17th – early 18th centuries]. In: Alekseeva T.V. (ed.) *Russkoe iskusstvo barokko. Materialy i issledovaniya* [Russian art of the Baroque. Materials and Research]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 7-30.
18. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Works. In 7 vols.]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1997. Vol. 5, 733 p.

Received: 18 September 2014

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ (К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ЖАНРОВ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.)

Статья посвящена вопросу взаимодействия в русской книжности XVII в. документального и литературного начал. Предметом изучения является особый жанр книжности Древней Руси – «чиновник», в конкретном случае «Чин свадебный», который содержит подробное описание проведения свадебного обряда. На примере книжных памятников XVII в. рассмотрено, как документальный жанр в результате историко-литературных процессов, происходивших в переходный период, постепенно обретал художественные признаки. Особое внимание уделено сочинению Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667), ранее широко не исследовавшееся в отечественной медиэвистике.

Ключевые слова: русская литература второй половины XVII в.; документальный жанр и литература; поэтика древнерусской литературы; авторское начало в древнерусской литературе.

Церемониальный мир XVII в. богат и разнообразен обилием обрядов, имевших как светскую, так и религиозную тематику. Столь же ярким является и описание ритуалов, представленных в особой жанровой форме средневековой книжности – «чиновниках», содержащих подробное изложение процедуры организации и проведения определенного церемониального действия. В условиях перехода литературы от Средневековья к Новому времени исследование книжных текстов, принадлежащих данному жанру, становится актуальным в силу того, что на их примере можно проследить характер взаимодействия двух традиций: документальной и литературной.

«Чиновники» как особый книжный жанр древнерусской литературы («тексты-ритуалы») в ее переходный период находились в динамике и подвергались трансформации. Причины жанровых изменений в первую очередь связаны с подвижностью того или иного обряда / ритуала, требовавшего новой формы его вербализации. Создававшийся новый мир в изменяющихся исторических условиях должен быть явлен посредством слова, которое установит и новый «чин», порядок, новый церемониал, прочитываемый как особый семиотический текст.

Вторая половина XVII в. (эпоха правления царя Алексея Михайловича) в российской истории ознаменована утверждением новой государственной идеологии, нацеленной на установление и укрепление абсолютизма. Алексей Михайлович активно проявлял инициативу во всех сферах государственной деятельности. Живой интерес монарха к делам внутренней и внешней политики приводил к составлению новых или к редактированию уже ранее существовавших церемониальных действий («чинов»), к их подробному описанию в определенных жанровых формах документальной книжности – «чиновниках».

Существование такого редактирования ряда церемониалов и, как следствие, составление их новых текстовых вариантов позволяют поднять проблему необходимости исследования места и роли «чиновников» не только в истории отечественной культуры, но и литературы, определения их места в историко-литературном процессе переходного периода. Критерием определения значения жанровой формы может стать само слово, используемое в вербальной организации

церемониала и фиксирующее его в книжном варианте, а также рассмотрение эволюции отдельных «чиновников» в историко-литературном процессе, их переход из разряда документальных по своей природе текстов в произведения, имеющие признаки художественности. Одним из таких «чинов», который в переходный период развития русской литературы приобрел литературную «прописку» и утвердился не только как один из церемониалов Древней Руси, но и как источник ряда книжных произведений, является «Чин свадебный» [1], в котором представлено описание организации и проведения обряда бракосочетания.

Установлено, что чин сформировался к XVI столетию и тесно был связан с «Домостроем» [Там же] («По содержанию “Чин” близок к “Домострою”, но в текст “Домостроя” “Чин” не включался, хотя списки “Чина” обычно сопровождают списки “Домостроя”: тематическая и идеологическая близость двух памятников осознавалась средневековым читателем» [Там же. С. 588]). Как и любой документальный текст, свадебный «чиновник» давал четкие рекомендации по организации и проведению обряда с соблюдением всех необходимых условий, определявших подготовку к сватовству, выбор времени и места проведения бракосочетания, содержал описание одежд участников свадьбы, их речи, произносимые по ходу проведения обряда, и т.д. Однако видеть в «Чине свадебном» только лишь определенный устав, содержащий в себе перечень обязательных действий и речей участников, не совсем правильно. Исследования показали, что чин вобрал в себя огромный пласт фольклорного материала, правда, уже переработанного согласно законам книжной христианской культуры. Так, например, В.В. Колесов пишет: «Кроме множества остатков язычества, в поэтике “Чина” отражен также символический и образный мир средневекового общества. Текст памятника складывался постепенно и так же постепенно откладывались в нем следы разных периодов развития русской культуры» [1. С. 587]. В.В. Колесовым установлено, что, как и любой другой книжный памятник Древней Руси, «Чин свадебный» существовал в нескольких своих редакциях, отличавшихся друг от друга определенными признаками. «Некоторые варианты чрезвычайно кратки и совершенно безлики в отношении к социальной среде или

времени, когда происходили предполагаемые ритуалом события. Другие редакции наполнялись яркими подробностями и характеристиками, и тем самым «Чин» становился художественным произведением, по типу близким к народной сказке, да и по характеру совершенно народным – с анонимностью автора, с принципиальной возможностью дальнейшего восполнения текста, с характерным для средневековых народных произведений языком» [1. С. 587].

Яркость зрелищного и протяженного во времени (от 2–3 дней до 10) обрядового действия с характерными для него сюжетными линиями и с включением в обряд поэтического пласта, представленного лирическими песнями, позволяла использовать его и как источник беллетристических произведений, для которых сюжетообразующим выступал мотив женитьбы. Такими известными повестями в истории древнерусской литературы, в основе сюжета которых лежит традиция свадебного обряда, являются, например, «Повесть о Петре и Февронии Муромских» [2, 3. С. 11–17] (XVI в.), «Повесть о Тверском Отроче монастыре» (вторая половина XVII в.) [4]. В первом случае повесть строится на фольклорно-мифологических основаниях свадебного обряда [5], с помощью которых Ермолай-Еразм, автор повести, достигает своей цели: показывает торжество христианской добродетели – супружеской верности и любви. Во втором случае уже становится возможным проследить характер «взаимоотношения обряда и повествовательного текста» [4. С. 59], особенности их совпадения в сюжетных точках и расхождения, что и было продемонстрировано С.А. Семячко в специальном исследовании [Там же. С. 41–61] – «Повести о Тверском Отроче монастыре».

Вместе с тем литература XVII в. демонстрирует ряд повестей, сюжеты которых полностью тождественны схеме свадебного обряда и строятся в соответствии с ним. Образцом такой повести является «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» [5]. По наблюдениям С.А. Семячко, в данном случае «между обрядом и текстом можно условно поставить знак равенства. В тексте мы найдем почти все элементы обряда в их традиционном порядке» [4. С. 60]. Таким образом, беллетристика Древней Руси в определенных случаях обнаруживает свою причастность к обрядовой традиции, использованной автором при достижении художественных целей.

В то же время «чиновники», как и любые другие жанры средневековой литературы, находились в подвижном состоянии и были подвержены трансформациям, связанным с функционированием обряда или светского церемониала. Не стал исключением и чин, регламентировавший проведение царской свадьбы, во второй половине XVII столетия он дважды претерпел изменения. Это возможно проследить на примере двух разных редакций свадебного чина, составленных по случаю бракосочетания Алексея Михайловича в 1648 и 1671 гг. Как известно, первая свадьба царя с Марией Ильиничной Милославской (16 января 1648 г.) полностью исключала всё, что могло быть связано с фольклорными традициями. В свадебном чине 1648 г. [6] «бесовские игранья, песни студные

сопельные и трубное козлогласование» были заменены духовными стихами, стихирами из Праздников и Триоди. Причины подобного «культурного аскетизма», проявившего себя во время совершения свадебного обряда, известны. Равно как известно и имя «цензора», по воле которого и была проведена существенная корректировка царской свадьбы, более всего напоминавшей церковную службу. Этим «идеологом» был протопоп Стефан Вонифатьев, сторонник реформирования всех сторон жизни в русском обществе конца 40-х гг. XVII в., духовник молодого царя, глава кружка «ревнителей благочестия» [7. С. 500–503], стремившийся к нравственному оздоровлению русского общества после Смутного времени и негативно относившийся ко всему тому, что противоречило или не соответствовало идее превращения Московского государства во вселенское православное царство.

Однако спустя почти четверть века ситуация кардинально изменится. Второе бракосочетание царя Алексея Михайловича, с Натальей Кирилловной Нарышкиной, будет совершаться уже по совершенно другому сценарию [8], свидетельствующему об иной «степени приобщённости к словесной культуре» и «о возвысившемся статусе слова, о том, что место слова в культуре заметно укрепилось» [9. С. 233]. Детальный анализ свадебного чина 1671 года, его текстологическое исследование, осуществленное Л.И. Сазоновой [Там же. С. 231–242], выявили не только новации в организации самого хода торжества 1671 г. (очередность совершаемых действий, их участники, описание места проведения), но и роль слова, звучащего на протяжении всего церемониала. «Придворный церемониал все больше насыщался текстами. Коммуникативной функцией наделены все церемониальные действия, растянувшиеся более чем на две недели. Здесь звучат и прямая, и косвенная речь» [9. С. 233]. В то же время свадебный чин 1671 г. содержит текст приветственной орации, обращенной к царю Алексею Михайловичу и принадлежащей перу Симеона Полоцкого [Там же. С. 239–242]. «Авторство Симеона Полоцкого в создании текста свадебного приветствия в Чине 1671 г. можно считать установленным» [Там же. С. 236]. Все эти отмеченные детали и выявленные новые факты работы над составлением свадебного чина 1671 г. свидетельствуют о том, что «чиновник» имеет и историко-литературное значение. Книжный памятник, принадлежащий эпохе переходного времени, помимо своей сугубо практической, утилитарной функции (представить подробное описание церемониала), выполняет и художественно-эстетическую функцию, о чем свидетельствуют и стилистика памятника, и особые риторические приемы, использованные в речах участников церемониала. Так, например, Л.И. Сазонова называет один из таких приемов, использованный в приветственной орации Алексеем Михайловичем, – параллелизация, позволяющая сопоставить событие из жизни царя с событиями священной истории, сравнить Алексея Михайловича с библейскими героями. В конечном итоге можно говорить о том, что «чиновник», изначально чисто документальный по своей природе жанр, приобретает литературные признаки, свойственные текстам переходного

времени. Из церковного обряда Чин свадебный 1648 г. трансформируется в текст, имеющий светскую направленность, обладающий признаками театрализации, с включением в общее действие церемониала торжественных орнаментальных речей его участников, с распределением их ролей в общем чине.

Литературность «свадебного чиновника» подтверждается и другими фактами. Так, например, торжественные приветственные орации, написанные Симеоном Полоцким и включенные им в общий ход чина, тематически совпадают с его же виршами, вошедшими в «Рифмологион» (1680 г.). Текстологический анализ ораций из свадебного чина и стихов из поэтического сборника, проделанный Л.И. Сазоновой, не только доказывает их принадлежность перу одного автора, но и подтверждает, что документальный текст (инструктивного, регламентирующего характера) в переходный период русской литературы вполне мог быть подвергнут литературной обработке и послужить источником для литературного сочинения, стать его основой.

Русская литература переходного времени дает возможность познакомиться с еще одним книжным произведением, в котором представлены авторская интерпретация свадебного чина, его свободное изложение, причем одновременно он используется как композиционный прием в оформлении и построении целой книги. Таким книжным памятником является сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» [10] (1666–1667 гг.), содержащее два варианта свадебного действия. Один вариант, размещенный в первой главе «О царех, о царицах, о царевичах, о царевнах», дает описание царской свадьбы, другой – в 13-й главе «О житии бояр, и думных, и ближних, и иных чинов людей» – знакомит с правилами организации и проведения свадебного обряда в народной среде.

Сразу отметим, что включение автором описания свадебных традиций в начало и в конец книги позволяет оценить это как особый композиционный прием, создающий кольцевое обрамление всего повествования. Отмеченный прием выполняет вполне конкретную функцию: с его помощью становится возможным создать целостную картину устройства русского общества середины XVII в. Рассмотрение церемониального действия позволяет показать все уровни русского общества: от царя до простого человека, занимающего низшую ступень социальной иерархии («...и чин той свадьбъ бываетъ противъ того жъ, какъ въ царской свадьбѣ написано» [Там же. С. 171]). В итоге описание свадебного чина, введенного в текст книги, помимо своей информативно-познавательной функции (Котошихин адресует сочинение европейскому читателю, именно для него он и пишет книгу о нравах, обычаях, традициях московского общества середины XVII в.), выполняет функцию сюжетостроения, являясь одним из основных элементов единого текста. Сопоставительный анализ начальной и финальной глав книги, содержащих описание русского свадебного чина, позволяет сделать вывод относительно той роли, которую играл церемониал в жизнестроительстве представителей различных социальных слоев русского обще-

ства. На примере свадебного обряда становится возможным умозаключение, которое служит проекцией на все повествование: ритуализованным формам жизни русского двора Котошихин противопоставляет описание повседневного быта простого человека. Важно отметить, что основным художественным приемом, на котором строится весь текст, является антиномия, привносящая в текст всего сочинения контрастность, зрелищность и эмоциональность в изображении отдельных фрагментов сочинения. И описание свадебного обряда является одним из таких примеров, который позволяет читателю составить целостную картину жизни русского человека середины XVII в., воспринять русский мир во всем его многообразии национальных традиций. Мир, воссоздаваемый автором в книге, предстает как с внешней, парадной, стороны, так и с внутренней – вскрывая остросюжетные линии интриг, разыгрываемых до и во время проведения свадьбы. Котошихина как книжника и автора сочинения интересует прежде всего внутреннее наполнение обряда, поскольку именно оно дает возможность показать характер человека, увидеть его истинное лицо, тщательно скрываемое за атрибутами торжественного церемониала. Именно поэтому Котошихин предельно сухо и лапидарно описывает внешнюю сторону царского свадебного обряда, приводя общие сведения о том, как и где проводится свадьба царя, кто в ней принимает участие, какова общая продолжительность торжества, в каких одеждах должны быть главные виновники праздника и приглашенные гости, какие блюда подаются на свадебный стол и описывая прочие детали, связанные с устройством всего свадебного чина. Однако эта документальная часть чина менее всего интересна с литературной точки зрения. Котошихин как протоколист (служба писцом в Посольском приказе вполне могла сформировать у него документальный стиль, которому он и следует) точен в описании составляющих свадебного церемониала, который он знает хорошо. Так, например, Котошихин действительно говорит о том, что царская свадьба не допускает какого-либо эмоционального буйства: «...а на дворѣхъ чрезъ всѣ ночи для свѣтлости жгутъ дрова на устроеныхъ мѣstechъ; а иныхъ игрѣ, и музыкѣ, и танцовѣ на царскомъ веселіи не бываетъ никогда» [10. С. 14].

Литературная, художественная ценность памятника проявляется в тех его фрагментах, где автор позволяет себе отойти от официальной темы и сделать своего рода отступление, имеющие уже сюжетное начало. Именно в этих случаях документальный текст, содержащий в себе описание свадебного чина, расцвечивается литературными элементами. Так, например, своеобразным прологом к детальному описанию царского свадебного чина, представленного с 11-й по 23-й статью первой главы «Сочинения...», является рассказ о несостоявшейся в 1647 г. свадьбе Алексея Михайловича с Евфимией Федоровной Всеволожской. Известное историческое событие из жизни молодого царя автором интерпретировано в средневековой книжной традиции как вторжение дьявольских сил в жизнь праведного человека, своими действиями приводящих его к страданиям и крушению благих

намерений. «И свѣдавъ царь у нѣкоторого своего ближнего человекѣ дочь, дѣвицу добру, ростомъ и красотою и разумомъ исполнену, велѣлъ взяти къ себѣ на дворъ и отдати въ береженіе къ сестрамъ своимъ царевнамъ, и честь надъ нею велѣлъ держати яко надъ сестрами своими царевнами, доколѣ збудется веселіе и радость. И искони въ Російской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои: аще человекѣ хотя мало приидеть въ славу и честь и богатство, возненавидѣти не могутъ. У нѣкоторыхъ бояръ ближнихъ людей дочери были, а царю объ нихъ къ женидбѣ ни объ единой мысли на пришла: и тѣхъ дѣвицъ матери и сестры, которые жили у царевенъ, завидуя о томъ, умыслили учинить надъ тою обранною царевною чтобъ извести, для того: надѣялися, что по ней возьметъ царь дочь за себя котораго иного великаго боярина или ближнего человека; и скоро то и сотворили, упоиша ея отравами» [10. С. 5, 6]. В небольшом по объему фрагменте, предшествующем детальному описанию свадебного чина, автору удалось показать обобщенный портрет московского двора и на фоне тех козней и интриг, которые умело плетѣтъ лицемерное окружение царя, контрастно представлен образ самого государя, тяжело переживающего произошедший случай. «Царь же о томъ велми печалень былъ и многа дни лишень был яди; и потомъ не мыслить ни о какихъ высокородныхъ дѣвицахъ, понеже позналъ о томъ, что то учинилося по ненависти и зависти» [Там же. С. 6].

В финальной 13-й главе сочинения Котошихина мотив обмана и подлога при сватовстве получит свое дальнейшее развитие, но теперь с его помощью представлены нравы сословий русского общества, находящихся на нижних ступенях социальной иерархии. Котошихин на обширном текстовом пространстве финальной главы (пять статей главы, начиная с 10-й) рисует картину обмана – распространенное явление при сватовстве. Это явление характеризуется им как распространенное в том случае, когда девица не лишена того или иного физического изъяна (хромота, немота, глухота и др.). В этих случаях применяются проверенные временем «технологии обмана» потенциального жениха в русском обществе: подмена убогой дочери здоровой («показываютъ другую или третью дочь» [10. С. 176]). «Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ нибуды худымъ, и вмѣсто еѣ на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье в-ыное. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ неѣ подставляють стулы, потому что видѣтца добродородна, а на чемъ стоитъ того не видѣтъ» [Там же. С. 177]. Последствия свадебного обмана раскрываются уже позже, после венчания, когда молодой супруг впервые видит избранницу в ее истинном облике, далеко от идеального женского образа: «...а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по зговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, которые имя въ записяхъ своихъ напишутъ, а не

тоѣ, которую сперва смотрѣлицѣ показывали, и тотъ человекѣ женися на ней того дни въ лицо еѣ не усмотритъ, что она слѣпа, или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ что она нѣма или глуха, потому что въ тое свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна и того потомужъ не узнаетъ, потому что въ то время еѣ водятъ свахи подъ руки, а какъ отвѣнчався и отъ обѣда пойдетъ съ нею спать, и тогда при свѣчѣ еѣ увидитъ, что добрѣ добра, векъ съ нею жить, а всегда плакать и мучитца, и потомъ умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ еѣ бьетъ и мучитъ всячески...» [10. С. 176].

В итоге описание свадебного чина (статьи с 11-й по 23-ю главы I «О чину, какъ устраиваютъ свадебный чинъ» [10. С. 8–16]) выходит за пределы жанровой традиции документа и обретает черты и признаки сочинения с элементами публицистики, в котором автор создает обобщенный образ современника с присущими ему чертами характера. Благодаря этим особенностям сочинение Котошихина органично вписывается в литературный контекст своей эпохи, для которой свойственны секуляризация авторского мышления, поиск новых приемов в изображении героя и события, субъективность авторского взгляда на предмет изображения, введение в текст особых приемов, имитирующих непосредственную апелляцию автора к читателю, из чего создается эффект диалога двух субъектов речевого высказывания. Например: «Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ таково на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ» [Там же. С. 178]. Словом, сочинению Котошихина присущи те художественные особенности, которые традиционно относят к литературным процессам, имеющим переходный характер.

В рассматриваемом случае есть еще один момент, на который следует обратить внимание. Он связан с трансформацией чина (в данном случае свадебного) в текст, обретающий литературную, художественную природу. Весьма интересно то, что сочинение Григория Котошихина, содержащее в себе описание царского свадебного чина, по времени написания находится между двумя разными его редакциями 1648 и 1671 гг., ссылки на которые приводились выше. Такое положение дает возможность проследить, как в течение почти четверти века меняется представление автора о природе документального текста, об его литературном потенциале. В результате свободной авторской переработки текста чиновника и введения его в пространство другого текста он начинает восприниматься и оцениваться совершенно по-новому. Вполне очевидно то, что для автора он служит основой, базой для создания своего варианта текста. При этом изначальная форма документа не является сдерживающим фактором для творческих возможностей автора, которые проявляются при написании сочинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чинъ свадебный* // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 216–240.
2. *Мита Аюми*. Отражение свадебной обрядности в «Повести о Петре и Февронии» // Мита Аюми. Поэтика сюжета «Повести о Петре и Февронии»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997.

3. Дмитриева Р.П. «Повесть о Петре и Февронии». Подготовка текстов и исследование. Л.: Наука, 1979. 340 с.
4. Семычко С.А. Повесть о Тверском Отроче монастыре. Исследование и тексты. СПб.: Наука, 1994. 135 с.
5. Росовецкий С.К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры: Новые открытия: письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1975. М.: Наука, 1976. С. 27–37.
6. Чиновный список («чиновник») свадьбы царя Алексея Михайловича с Марьей Ильиничной Милославской // РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Отд. IV. Рубр. II. № 23. Л. 1–145.
7. Ромодановская Е.К. Стефан Вонифатьев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 500–503. Ч. 3.
8. Чиновный список свадьбы царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, дочерью дворянина Кирил. Полуект. Нарышкина // РГАДА. Ф. 135. Отд. IV, рубр. II. № 28. Л. 1–106.
9. Сазонова Л.И. Свадебное приветствие царю Алексею Михайловичу в Чине бракосочетания (1671 г.) // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008.
10. Котошихин Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. 3-е изд.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2014 г.

DOCUMENTARY TEXTS IN THE LITERARY TRADITION OF THE TRANSITIONAL PERIOD (ON THE EVOLUTION OF THE DOCUMENTARY GENRE IN THE LITERARY AND HISTORICAL ENVIRONMENT OF THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 42–46. DOI: 10.17223/15617793/388/7

Shunkov Aleksandr V. Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Keywords: Russian literature of the second half of the 17th century; documentary genre and literature; poetics of Old Russian literature; the author beginning in the ancient Russian literature.

The article is devoted to the interaction of documentary and literary beginnings in Russian booklore in the 17th century. The object of study is a special booklore genre of Ancient Russia – "ceremonials", in a particular case, "wedding ceremonial" that contains a detailed description of the wedding ceremony. The article considers how the documentary genre acquired art features during the historical and literary processes of the transitional period on the example of the literary monuments of the 17th century. The author pays particular attention to the literary composition by Grigory Kotoshikhin "On Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich" (1666–1667), previously not widely investigated by the domestic medievalists. However, the literary monument of the transitional period taken for the research allows tracing the interaction of two traditions: documentary and literary in the framework of the author's text. At the same time, the conducted analysis shows the creative evolution of the author's ideas about the nature of the documentary genre. Ritual text serves the author as a basis for building the plot of his own work and does not hold back his creative possibilities. In this regard, Grigory Kotoshikhin's work is significant and fits well into the processes that took place during the transitional period in the development of Russian literature. While considering the work, the comparison of two variants of "wedding ceremonial" is emphasized that the author introduced – the royal wedding ceremony and the folk tradition of wedding celebration. The comparison reveals individual artistic techniques the author introduced in the text of originally documentary nature. Resulting the creative work made by the author in his essays based on the perception of the Western reader, the literary monument goes beyond the genre tradition of the document and finds the characteristics and attributes of the work with elements of journalism, in which the author creates a generic image of a contemporary, with his characteristic traits. Due to these peculiarities, Grigory Kotoshikhin's work fits the literary context of the epoch. The epoch was characterized by secularization of the author's thinking, searching for new techniques in the image of character and events, the subjectivity of the author's view on the subject of the image, introduction of special techniques to the text that simulated a direct address to the reader, which creates the effect of a dialogue between two subjects of the verbal expression.

REFERENCES

1. *Chin svadebnyy* [Wedding ceremonial]. In: Likhachev D.S., Dmitriev L.A., Alekseev A.A., Ponyrko N.V. (eds.) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus Literature]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. Vol. 10, pp. 216–240.
2. Mita Ayumi. *Poetika syuzheta "Povesti o Petre i Fevronii"*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Poetics of the story "The Tale of Peter and Fevronia". Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 1997.
3. Dmitrieva R.P. *"Povest' o Petre i Fevronii". Podgotovka tekstov i issledovanie* ["The Tale of Peter and Fevronia." Preparation of texts and research]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 340 p.
4. Semyachko S.A. *Povest' o Tverskom Otroche monastyre. Issledovanie i teksty* [The Tale of the Page Monastery of Tver. Research and texts]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 135 p.
5. Rosovetskiy S.K. *Povest' o zhenit'be Ivana Groznogo na Marii Temryukovne* [The Tale of the marriage of Ivan the Terrible and Maria Temryukovna]. In: Likhachev D.S. (ed.) *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya: Ezhegodnik. 1975* [Monuments of Culture: New Discoveries: writing. Art. Archaeology: Yearbook. 1975]. Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 27–37.
6. *Chinovnyy spisok ("chinovnik") svad'by tsarya Aleksey Mikhailovicha s Mar'ey Il'ichnoy Miloslavskoy* [Ceremonial list of the wedding of Tsar Alexei Mikhailovich and Maria Ilinichna Miloslavskaya]. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 135. Dep. IV. Rubr. II. No. 23. Lists 1–145.
7. Romodanovskaya E.K. *Stefan Vonifat'ev*. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of scribes and literature of ancient Russia]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1998. Issue 3, pt. 3, pp. 500–503. (In Russian).
8. *Chinovnyy spisok svad'by tsarya Aleksey Mikhailovicha s Natal'ey Kirillovnoy Naryshkinoy, docher'yu dvoryanina Kiril. Poluekt. Naryshkina* [Ceremonial list of the wedding of Tsar Alexei Mikhailovich and Natalya Kirillovna Naryshkina, the daughter of a nobleman Kirill Poluektovich Naryshkin]. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 135. Dep. IV. Rubr. II. No. 28. Lists 1–106.
9. Sazonova L.I. *Svadebnoe privetsvie tsaryu Alekseyu Mikhailovichu v Chine brakosochetaniya (1671 g.)* [Wedding greet of Tsar Alexei Mikhailovich in the wedding ceremonial (1671)]. In: Pokrovskiy N.N. (ed.) *Poetika russkoy literatury v istoriko-kul'turnom kontekste* [The Poetics of Russian literature in historical and cultural context]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2008, pp. 233–243.
10. Kotoshikhin Grigoriy. *O Rossii v tsarstvovanie Aleksey Mikhailovicha* [Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. 3rd edition. St. Petersburg, 1884.

Received: 17 September 2014

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.37

Д.Н. Боровинская

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ

Статья посвящена выделению экономических и культурных оснований креативности в рамках подхода культурных индустрий. Проведён анализ актуальных зарубежных исследований в области культурных индустрий с целью определения содержания креативности во взаимодействии с экономикой и культурой. Выделены признаки культурных индустрий, характерные черты культурного производства, а также дана характеристика создателей культурных благ.

Ключевые слова: экономика культуры; подход культурных индустрий; экономические признаки креативности; креативная экономика; культурные блага; признаки культурных индустрий; характерные черты культурного производства; создатели культурных благ.

Сегодня научная значимость изучения креативности обусловлена необходимостью совершенствования многогранной деятельности людей, формированием методов мотивации, решением практических задач общества, изменением системы ценностей и проектированием возможностей.

В последнее время с экономической точки зрения всё больший интерес вызывает креативность как процесс создания и распространения новой утилитарной ценности (наделенной потребительскими качествами), что является результатом отражения социально-экономических проблем современной эпохи. Раскрытие возможностей эффективного развития хозяйствующего типа личности «homo economicus», где приоритет отводится интеллекту, рационализму и аналитической деятельности, – задача, которую ставят сегодня перед собой экономисты.

Тесная взаимосвязь экономики и креативности подробно раскрывается преимущественно в зарубежной литературе по ряду направлений. Так, Р. Солоу [1] отмечает определяющую роль технологий в экономическом развитии общества. Э. Улльман [2] в своих работах по региональному развитию особую роль отводит человеческому капиталу. Роль городов и регионов в области передачи и распространения знаний подчеркивает Дж. Джейкобс [3]. Масштаб и разнообразие разрастающихся городов обуславливают взаимосвязь между экономическими субъектами, что приводит к генерации новых идей и инноваций. Изучая роль креативности в экономическом развитии муниципальных районов, А. Андерссон [4] отмечает важность знаний, культуры, коммуникаций и креативности в процветании региона. В более поздних исследованиях Р. Барро [5] и Э. Глейзер подтверждают связь между человеческим капиталом и экономическим ростом на национальном уровне.

В своем исследовании американский экономист и социолог Р. Флорида [6] использует структурные уравнения и аналитические модели, позволяющие более полно раскрыть данный вопрос, а также выделить и охарактеризовать основные факторы, влияющие на концентрацию креативного класса и человеческого капитала на региональном уровне. Это так называемые факторы «3 T» экономического развития: технология, талант и толерантность.

В экономическом дискурсе креативность представит не только как потенциальный генератор инноваций [7], но и как основа формирования ценностей путем рационального и иррационального процессов принятия решений [8].

При всём многообразии теорий креативности с экономической точки зрения собственно термин «креативность» представляет определенные трудности для определения. В ходе развития науки выделяется всё больше сущностных признаков креативности, что составляет основу содержания нашего знания об изучаемом объекте. При этом значимость того или иного ранее выделенного характерного признака подвержена изменениям. В связи с этим много дискуссий возникает вокруг оригинальности и уникальности ввиду массового производства копий предметов искусства. Человек, создавая то или иное произведение искусства, заведомо определяет для него признак оригинальности и уникальности. Однако ряд исследований в области искусственного интеллекта, где речь идёт о «комбинационной креативности», «исследовательской креативности» компьютеров, вызывает некоторые сомнения относительно оригинальности нового полученного продукта. На наш взгляд, оригинальность проявляется в единичном исполнении, и только человек способен сформировать данный признак. К сожалению, если учитывать результаты работы роботов-художников («Paul», Франция, 2011), роботов-композиторов («EMI-Experimental in Music Intelligence», США), то будет сложно рассуждать об оригинальности в полном смысле этого слова.

Наряду с такими признаками, как новизна и адаптивность, отдельного внимания экономистов заслуживает ценность как источник и мотивация всего экономического поведения. Креативный продукт может являться результатом ранее не известной комбинации знакомых идей. Это применимо, в том числе, и к алгоритмическим задачам, предполагающим использование известной последовательности операций. Новизна и оригинальность проявляются также и через неизвестную комбинацию незнакомых идей, что в большей степени присуще эвристическим задачам. Важную роль и в том и в другом случае играют объём и качество знаний. В дополнение к существующим критериям креативности следует добавить утилитар-

ность, важность продукта с точки зрения потребностей общества, а также адаптивность как наиболее актуальные признаки.

Экономическая ценность обусловлена, прежде всего, тем, что креативный продукт, как и любой другой продукт деятельности человека, имеет свою цену и стоимость, которую формирует рынок. Культурная ценность, по мнению Д. Тросби, содержится в некоторых аспектах культурных феноменов и обладает рядом характеристик: аутентичная ценность (эстетические характеристики: красота, гармония); духовная ценность (религиозный контекст); социальная ценность; историческая ценность; символическая ценность; ценность подлинности.

Общее, что объединяет оба вида ценностей, по мнению автора, – это совокупность коммуникативного и функционального аспектов. Для креативного продукта актуальным становится именно смысловая нагрузка, где приоритет отдаётся преимущественно коммуникации и системе означивания, нежели функциональности. Далее мы подробно остановимся на ценностном аспекте, так как именно ценности (особенности их формирования и распределения) являются исходной точкой в процессе исследования экономистов и культурологов.

В целом существующее многообразие признаков креативности вызывает постоянные дискуссии как в отечественной, так и зарубежной практиках. Актуальные исследования в этой области принадлежат сфере экономики во взаимосвязи с культурой. Так, подходы к культуре, предложенные политической экономией и социологией культуры, позволяют комплексно и содержательно раскрыть противоречивый термин «креативность».

Широкое распространение с позиции экономического дискурса креативность получила за рубежом. В основу современного понимания креативности как результата порождения эпохи постмодерна легло тесное взаимодействие сфер экономики и культуры. Культурное производство и потребление всё чаще вписываются в промышленные рамки, а потребляемые культурные блага рассматриваются как товары. В связи с этим экономические концепции становятся призмой, через которую изучаются, в частности, культура и культурные индустрии.

Основы культурного контекста экономической деятельности были заложены ещё в классических теориях политической экономии Адама Смита и Дэвида Рикардо. Однако стоит отметить, что широкое развитие термин «экономика культуры» как междисциплинарное направление получает лишь в 1960-е гг. в связи с активным развитием частного бизнеса в культурном производстве.

Зарубежные исследования в этой области характеризуются многообразием подходов, основу которых составляют культурная индустрия [9], культурные индустрии [10], креативные индустрии [11], креативный класс [12].

Наиболее полные исследования культурных (креативных) индустрий, предложенные политической экономией, представлены в работах североамериканских и европейских исследователей: Г. Бекера,

Н. Гарнэма, П. Голдинга, Р. Макчесни, Б. Мьежа, Г. Мэрдока, Р. Петерсона, А. Турена, Д. Хезмондалша, Д. Хокинса, Н. Хомского, Г. Шиллера и многих других. Отдельного внимания заслуживают работы упомянутого выше австралийского исследователя Д. Тросби и новозеландца Б. Райена, посвященные экономическим аспектам культурной деятельности и культурному контексту экономики и экономического поведения.

В рамках такого междисциплинарного направления, как экономика культуры (в отдельных случаях экономика искусства [15]), при изучении креативности в зарубежной литературе широко используются, по сути, схожие между собой термины – «экономика креативности» [13] и «креативная экономика» [14].

На наш взгляд, предмет исследований в области экономики креативности заключается преимущественно в раскрытии способов оценки культурных благ в экономическом и культурном отношении, а также в интерпретации креативности как упорядоченного процесса, поддающегося анализу в категориях рациональности. Для того чтобы связать концепцию креативности как культурного явления с наблюдаемой экономической реальностью, Д. Тросби вводит в оборот модель, основанную на создании культурной и экономической ценности. По мнению автора, в сфере культурного производства креативность может быть разумно понята в её реальных проявлениях лишь в том случае, если принимать во внимание экономические соображения. При этом все результаты креативной деятельности как культурные блага включают одновременно и культурные, и экономические ценности, тогда как обычные блага обладают лишь экономической ценностью.

В связи с этим представляется не достаточно проработанным вопрос относительно того, как рассматривать креативность исключительно с позиции культурной ценности – при том, что истолкование креативности как иррационального процесса вообще возможно лишь при использовании рациональной модели принятия решений.

Современный анализ принятия решений предполагает деление креативного процесса на составляющие стадии, каждой из которых присуща определенная функция. Сформировав модели «чистой» креативности и расширенную модель, вводящую экономические переменные, Тросби предлагает рассматривать креативность как процесс вынужденной оптимизации, когда художник выступает в качестве рационального максимизатора индивидуальной полезности в зависимости от внутренних и внешних ограничений [15. С. 152, 153].

Понятие «креативная экономика» используется преимущественно североамериканскими экономистами, у них в качестве предмета исследования выступают условия развития креативности в форме рыночного продукта, а именно – финансовых трансакций (под трансакциями понимается обмен, результатом которого является получение прибыли [14]) творческих продуктов, законодательных норм, регулирующих оборот творческих продуктов. При этом само по себе творчество не обладает экономической стоимостью. «Чтобы творчество приносило деньги, оно

должно быть оформлено, воплощено в продаваемом продукте. Продукт, в свою очередь, требует рыночного пространства с активными продавцами и покупателями, требует введения некоторых законодательных и регулирующих норм... Творчество ведет к производству экономического продукта» [16. С. 36].

Основными параметрами роста креативной экономики, согласно американскому исследователю Р. Флориде, являются: систематическое инвестирование в креативность в форме затрат на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу, увеличение профессионалов, занятых креативной технической работой, увеличение практической отдачи от исследований в течение последнего столетия, а также увеличение числа работающих в области культуры и художественного творчества.

В понятие «креативная экономика» Р. Флорида включает три сферы: инновации (техническая креативность), бизнес (экономическая креативность) и культуру (художественная и культурная креативность), являющиеся единым целым. Именно такое деление сфер обусловлено их детерминацией согласно подходу культурных индустрий.

Для более полного определения объема и содержания понятия «креативность» обратимся к специфике культурных (креативных) индустрий. Для этого проанализируем актуальные зарубежные исследования в этой области по ряду оснований. Во-первых, выделим признаки культурных (креативных) индустрий и обозначим границы деятельности, в рамках которых формируется креативный продукт. Это позволит объяснить многовариантность в понимании термина «креативность». Во-вторых, определим характерные черты производства культурных благ, к которым, по мнению зарубежных авторов, относятся креативные продукты. Деятельность по созданию культурных благ является сложным многоуровневым процессом, требующим детального изучения. В-третьих, охарактеризуем создателей культурных благ.

Признаки культурных (креативных) индустрий.

Одной из главных особенностей в исследовании культурных индустрий за рубежом является то, что креативность рассматривается как движущая сила, напрямую связанная с развитием новых условий труда, стилей жизни, форм общения.

Используя вместо термина «искусство» термин «символическая креативность», английский исследователь Д. Хезмондалш утверждает, что она составляет основу ключевых и периферийных культурных индустрий. Автор акцентирует свое внимание на так называемой индустриализированной символической креативности, отводя особую роль культурным индустриям [17].

Индустрии, составляющие основу современной экономики, классифицируются как культурные и креативные. В международной практике большинство специалистов эти определения используют как альтернативные термины. На наш взгляд, это связано, в первую очередь, с пониманием (выделением существенных характеристик) культуры.

Креативность не ограничивается духовными ценностями, связанными исключительно со сферой искусства. Креативные индустрии трактуются в широ-

ком контексте политики информационного общества и тесно связаны с такими понятиями, как авторское право, средства массовой информации, общество знаний, интеллектуальная собственность [18].

В зарубежной литературе к категории креативных индустрий помимо «информационных индустрий» относят «индустрии досуга», включая спорт и туризм [19], «индустрии развлечений», а также «медийные индустрии».

Всё чаще результат творческой деятельности – идея – имеет экономическое применение или представляет собой итоговый рыночный продукт. Д. Хокинс определяет творческий продукт как экономический товар или услугу, возникающие в результате творческого процесса и обладающие экономической ценностью или стоимостью. Создание креативного продукта осуществляется в искусстве, науке. Более того, творчество, по мнению Д. Хокинса, присутствует и на всех уровнях бизнеса – от управления компанией до разработки, брендинга и формирования отдельного продукта. Связывая производные творчества с интеллектуальной собственностью (авторское право, торговая марка), британский исследователь выделяет такие ключевые креативные индустрии, как реклама, компьютерное программирование, фотография, дизайн, кино, видео, музыка, издательское дело, телевидение и радио, видеоигры. Под творчеством подразумевается всё его многообразие форм, включая науку и патентное право, где именно интеллект представляет новую форму собственности.

Общее, что может объединять современные точки зрения в рамках подхода культурных (креативных) индустрий, – культура как система ценностей и символов, в основе своей предполагающая креативные начала.

В своё время представители Франкфуртской школы критической теории Т. Адорно и М. Хоркхаймер термин «культура» приравнивали в идеальном её состоянии к искусству, а именно к особым формам человеческого творчества [20]. Столь узкое понимание культуры является предметом споров многих отечественных и зарубежных исследователей.

Если учитывать более широкую коннотацию термина «творчество», а именно как высшую и специфическую форму развития, характерную для человека, то результаты всех культурных индустрий появляются благодаря исключительно высшему виду деятельности человека.

Развитие культурных (креативных) индустрий обусловлено экономическим контекстом культуры. Специалисты в этой области выделяют три разноплановых сегмента:

1. Искусство в традиционном его понимании (музыка, театр, изобразительные искусства и др.), в том числе и новейшие формы практик (видео-арт, компьютерное искусство). При этом к искусству, как правило, относятся индустрии, целью функционирования которых является получение прибыли.

2. Индустрии, занятые не только производством и распространением культурных товаров и услуг: широкое вещание (телевидение, радио), киноиндустрия, издательская деятельность, включая печать и публикации в электронном виде.

3. К культурным индустриям зарубежные исследователи относят индустрии, в основном действующие вне культурной сферы, но производящие культурные продукты: реклама, маркетинг, туризм, архитектурные услуги.

Культурные индустрии представляют собой комплекс институтов (в основном коммерческих компаний, а также государственных и некоммерческих организаций), которые участвуют в производстве социального смысла. Д. Хезмондалш утверждает, что почти все определения культурных индустрий будут включать в себя телевидение (в том числе кабельное и спутниковое), радио, кинематограф, газеты, журналы и книгоиздание, звукозаписывающую индустрию, рекламу и исполнительские искусства. Все это виды деятельности, первичной целью которых является общение с аудиторией, создание текстов [21. С. 27, 28].

В этом случае коннотации слова «культура» в современной функциональной ориентации, включающие все три сегмента, обладают рядом характерных черт подобной деятельности, среди которых специалисты чаще всего выделяют следующие: основания креативности; формирование и распространение символического смысла; тесная взаимосвязь продукта культуры с некоторой формой интеллектуальной собственности.

Данные характеристики применимы преимущественно к видам деятельности по созданию продуктов, имеющих отношение к интеллектуальным, художественным аспектам жизни человека. Учитывая всю сложность определения термина «культура» на современном этапе развития научной мысли, мы полагаем, что вышеперечисленные черты – не достаточное условие для того, чтобы на конкретный вид деятельности могло проецироваться всё многообразие определений культуры, так как разнообразные формы культурной деятельности, например спорт и туризм, отдельные виды развлечений (киноиндустрия, видео- и компьютерные игры) или же программирование, обуславливают необходимость корректировки (изменения и расширения) перечня характерных черт.

С одной стороны, перечисленные характеристики ограничивают культурную деятельность, так как не учитывается прикладная наука, которая не направлена на передачу смысла. С другой – границы между видами деятельности по созданию креативного продукта становятся размытыми. Всё то, что имеет потенциальный влиятельный смысл на общественное сознание, соотносится с креативностью.

Безусловно, культурные товары и услуги – результат культурных индустрий – представляют собой совокупность экономических и культурных ценностей. Однако в целом деятельность в сфере культурных индустрий нацелена, в первую очередь, на формирование и распространение экономической ценности. Интенсивная коммерциализация мира искусства есть твёрдое свидетельство влияния на него экономического фактора. Например, креатив на заказ, курс графического дизайна для тех, кто хочет превратить хобби в доход. Тесная взаимосвязь креативности и коммерции подробно представлена в работах П. Бурдьё [22].

Учитывая то, что культурные индустрии представляют собой совокупность нескольких сфер одновре-

менно, выделим ряд обобщающих их признаков: многообразие форм, обусловленных широтой охвата (искусство, интеллектуальная собственность, наука и т.д.); наличие в основе креативной составляющей; нацеленность на получение прибыли (креативность / коммерция); тесная взаимосвязь с искусством; прева-лирование символического смысла исходя из узкого понимания термина «культура».

Характерные черты культурного производства как процесса. В качестве основных составляющих культурного производства выделим собственно саму деятельность, предмет производства и средства производства.

Характеризуя деятельность по созданию новых культурных благ, стоит отметить ряд черт. Во-первых, рисковый характер, обусловленный тесной взаимосвязью с бизнесом. Культурные индустрии представлены преимущественно бизнес-структурами, производящими нематериальные товары. К ним относятся различные сегменты, составляющие, как правило, основу экономик многих развитых стран. Широкое распространение получили транснациональные корпорации, целенаправленно вкладывающие огромные средства в кино, телевидение. Однако многие культурные товары не имеют успеха, даже те, которые, казалось бы, просто обречены стать востребованными.

Процесс создания новых комбинаций, схем и алгоритмов характеризуется высоким уровнем неопределённости и риска, сложностью прогнозирования результатов, в том числе и жизненно необходимых.

Во-вторых, в качестве другой характерной черты особо стоит выделить высокий уровень конкуренции. Экономика представляет собой динамичную систему. Свое развитие получают процессы образования конгломератов, альянсов, происходит постоянный процесс слияний и приобретений, создания различных партнерских союзов. Увеличение количества крупных предприятий частного сектора вызывает необходимость и роста конкурентоспособности на рынке, где главным капиталом, с экономической точки зрения, выступают специалисты с развитым креативным мышлением. Креативность становится основным источником конкурентного преимущества.

В-третьих, не вызывает сомнений и тот факт, что деятельность по созданию культурных благ является сложным многоуровневым процессом. С одной стороны, этот процесс может быть связан с рождением новой идеи, с другой – с внедрением этих новых идей, например в форме результатов научных исследований и разработок в практику.

Ярким примером может послужить инновационный цикл, который традиционно включает в себя период создания новации и жизненный цикл (внедрение, коммерциализация, рутинизация и превращение в традиционный продукт). Вначале рождаются идеи, в том числе и креативные, которые, безусловно, могут быть лишены практического смысла. Однако, на наш взгляд, креативность является не только предпосылкой для развития инноваций, так как это сложный процесс, имеющий результат; инновация – реализация на практике новой идеи, чаще всего полученная при помощи креативного мышления. И здесь мы согла-

симся с мнением британского специалиста Ч. Лэндри, что для успешного воплощения инновации в практическую деятельность не достаточно одной лишь творческой идеи, хотя и не исключаяющей ее наличие.

При оценке культурных индустрий за рубежом широко используется подход, предложенный Б. Райеном. Автор подробно анализирует стадии культурного производства, которые заключаются в создании (рождение замысла, исполнение, перенос на конечный носитель), воспроизводстве (дублирование), распространении (маркетинг, реклама, дистрибуция и оптовая продажа), розничной продаже.

Сложность именно стадии создания заключается в многоуровневости. И здесь уместно вспомнить широко известный последовательный метод, основанный на исследовании креативности через серию хронологических стадий, составляющих полный процесс: подготовка, инкубация, озарение и верификация или переработка [23].

Создание культурных благ следует отнести к деятельности более высокого и сложного труда, который требует более высоких издержек (рабочего, а порой и свободного времени), тем самым формируя и более высокую стоимость.

С экономической точки зрения специфика культурного производства на стадии создания заключается, во-первых, в сложности, а порой и невозможности вычислить труд, материализованный в создаваемом продукте. Во-вторых, в отсутствии определённого алгоритма формирования окончательной стоимости культурных товаров и услуг.

В качестве основных черт деятельности по созданию культурных благ выделим следующие: риск, конкуренция, многоуровневость.

Создатели культурных благ. Первой особенностью современного подхода культурных (креативных) индустрий является то, что, с одной стороны, акцент делается на проектные группы [24], креативные классы [25], т.е. на тех, кто работает профессионально, создавая и распространяя креативные продукты. И речь в данном случае не идёт о каких-то особо одарённых исполнителях. Появлению результатов культурной деятельности способствует сотрудничество нескольких индивидов на основе разделения труда. С другой стороны, «...креативность не ограничивается креативным классом. В труде фабричных рабочих и даже самого низкооплачиваемого обслуживающего персонала всегда был свой творческий элемент» [26. С. 25]. Элемент, возможно, и есть, однако это никоим образом не свидетельствует о наличии креативности, например, как системного процесса, непрерывной практики по созданию и реализации (внедрению) новых, ценных, часто утилитарных идей и артефактов у работников всех уровней производства.

В качестве второй особенности в исследовании создателей креативного продукта можно выделить широкое понимание того, кто относится к создателям культурных благ. Существующие варианты иерархий создателей культурных благ основаны, как правило, на определённом перечне выполняемых функций. Например, Г. Гарднер отмечал существование пяти типов личности, проявляющей креативность. Это лю-

ди, решающие проблемы, создатели теорий, артистичные натуры и изобретатели, работники-энтузиасты и общественные активисты [27].

В нашем исследовании мы ссылаемся на структуру проектных групп, предложенную Б. Райеном, в которую могут входить: первичные креативные работники, технические работники, креативные менеджеры, маркетинговые работники, собственники и руководство, неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие.

Третья особенность – нацеленность на изучение условий, с которыми сталкиваются работники культуры [28].

В качестве четвертой особенности отметим, что черты отдельных групп создателей креативного продукта тесно соотносятся с экономической моделью человека *homo economicus*, где широко используется акроним REMM («resourceful, evaluative, maximizing man», т.е. «изобретательный, оценивающий, максимизирующий человек»), предложенный в свое время В. Меклингом и К. Бруннером.

Изобретательность, оценивание и максимизация имеют общую основу. Индивид появляется на свет не как чистый лист бумаги, на котором впоследствии должен фиксироваться его социальный опыт; он обладает биологической и генетической наследственностью [29]. При этом К. Бруннер подчеркивает два аспекта этой наследственности. Один аспект присущ всем людям. Он включает широкий потенциал и общую предрасположенность к поведению определённого рода. Как предрасположенность, так и потенциал не зависят от социального окружения. Они влияют на шаблоны поведения, возникающие как реакция на социальное окружение, в том числе на доминирующие социальные институты. Кроме того, биологическая наследственность обнаруживает большое разнообразие специфических форм и интенсивности проявления общих черт. Наблюдается и огромное разнообразие в индивидуальных способностях.

Изобретательность также влияет на оценку множества возможностей, которыми обладает каждый отдельный человек.

Некоторые аспекты оценивающего поведения отражены в работе К. Бруннера и А. Мелтцера, где авторы полагают, что человеку свойственно оценивать, и его нельзя считать равнодушным. Он соучастник этого мира. «Он дифференцирует, сортирует и упорядочивает состояние мира, и в процессе этой деятельности редуцирует все объекты, с которыми сталкивается, до соразмерной ему величины. Он предпочитает большее количество благ, имеющих положительную оценку. Кроме того, оценка зависит от контекста. Любое фиксированное приращение положительно оцениваемого блага всё ниже, по мере того, как растёт его общее количество, доступное для индивида. Человек стремится вступать в обмен по всем направлениям. Он всегда готов поступиться некоторым количеством любого имеющего ценность блага в обмен на некоторое количество альтернативного блага, которое он ценит выше. Его оценки тяготеют к тому, чтобы быть транзитивными, что является выражением непротиворечивости системы этих оценок» [30].

И, наконец, «максимизирующий человек», который признаёт, что все ресурсы, включая его собствен-

ное время, ограничены. Задача такого человека – обеспечить себе наилучшее положение при тех ограничениях, с которыми он сталкивается. Это осуществимо на основе несовершенной информации, и при этом человек познает, что само по себе принятие решений связано с издержками.

Итак, в основу нашего анализа лёг подход культурных индустрий, где внимание акцентируется на креативности особого типа, связанной с созданием и распространением культурных символов в форме культурных благ.

Ввиду того что наблюдается определённая синонимичность в использовании терминов «культурный» и «креативный», подход культурных индустрий не позволяет соотносить креативность исключительно с искусством, учитывая всё многообразие форм культурной деятельности. При этом искусство подпадает под категорию индустрий (промышленных, полупромышленных), характеризующихся тесной взаимосвязью с коммерцией в культурном производстве. Обусловлено такое видение прежде всего спецификой понимания термина «культура» в зарубежной практике.

Развитие креативности связано с получением прибыли, удовлетворением потребностей и интересов, что провоцирует рациональное, осмысленное поведение людей в пользу экономически выгодного положения.

В качестве особенностей исследования креативности за рубежом согласно подходу культурных индустрий выделим следующие: узкая коннотация термина «культура» через символы; широкое понимание термина «искусство», тесно взаимосвязанное с креативностью; многовариантность использования креативности; наделённость креативного продукта одновременно и культурными, и экономическими ценностями.

В результате комплексного анализа подходов к культуре с позиции политической экономии и социологии культуры по ряду оснований было выявлено современное содержание термина «креативность», тесно взаимосвязанное с многообразием форм культурной деятельности, коммерцией, риском, конкуренцией, совокупностью экономических и культурных ценностей, особенностями процесса формирования конечного продукта, культурных индустрий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Solow R.A. Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. № 70. P. 65–94.
2. Ullman E.L. Regional development and the geography of concentration // *Papers and proceedings of the Regional Science Association*. 1958. № 4. P. 179–198.
3. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. N.Y. : Random House, 1961. 458 p.
4. Andersson A.E. Creativity and Regional Development // *Papers of the Regional Science Association*. 1985. V. 56, № 1. P. 5–20.
5. Barro R.J. Economic Growth in a Cross Section of Countries // *Quarterly Journal of Economics*. 1991. № 106(2). P. 407–443.
6. Florida R., Mellander C. The Creative Class or Human Capital? Explaining Regional Development in Sweden. Toronto : The Martin Prosperity Institute at The Joseph L. Rotman School of Management, University of Toronto, 2006. 39 p.
7. Mansfield E. Innovation, Technology and the Economy: Selected Essays of Edwin Mansfield. Aldershot : Edward Elgar, 1995.
8. Throsby D. Economics and Culture. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 228 p.
9. Adorno T.W. The Cultural Industry: selected Essays on Mass Culture. London : Routledge, 1991.
10. Huet A., Ion J., Lefebvre A., Miegé B. Capitalisme et Industries Culturelles. Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble, 1978.
11. Caves R. Creative Industries. Cambridge : Harvard University Press, 2000.
12. Florida R. The rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. N.Y. : Basic, 2002.
13. Throsby D. Economics and Culture. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 228 p.
14. Howkins J. The Creative Economy: How people make money from ideas. London : Allen Lane, Penguin, 2002. 288 p.
15. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.
16. Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М. : Классика-XXI, 2001. 256 с.
17. Hesmondhalgh D. Media Production. Maidenhead and Milton Keynes : Open University Press; The open University, 2006.
18. Garnham N. Concepts of culture: public policy and the cultural industries (Originally published as a pamphlet by the Greater London Council) // Reprinted in *Cultural Studies*. 2000. № 1 (1). P. 23–37.
19. Roberts K. The Leisure Industries. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.
20. Adorno T., Horkheimer M. The Culture Industry Enlightenment as Mass Deception // *Mass Communication and Society*. L. : Edward Arnold, 1977/1944. P. 349–383.
21. Хезмондвали Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнарева ; под науч. ред. А. Михалева. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014.
22. Bourdieu P. The Rules of Art. Cambridge : Polity Press, 1996.
23. Wallas G. The Art of Thought. N.Y. : Harcourt Brace & World, 1926.
24. Ryan B. Making Capital from Culture. Berlin ; N.Y. : Walter de Gruyter, 1992.
25. Florida R. The Rise of Creative Class. N.Y. : Basic Books, 2002.
26. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2005. 421 с.
27. Gardner H. Creating minds. N.Y. : Basic, 1994.
28. Garnham N. Capitalism and Communication. L. : Sage, 1990.
29. Barrash D. The Whisperings Within. N.Y. : Harper and Row, 1979.
30. Brunner K., Meltzer A. The Uses of Money: Money in the Theory of an Exchange // *American Economic Review*. 1971.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 сентября 2014 г.

ECONOMIC AND CULTURAL BASES OF CREATIVITY

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 47–53. DOI: 10.17223/15617793/388/8

Borovinskaya Daria N. Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: sweetharddk@mail.ru

Keywords: economics of culture; approach of cultural industries; economic signs of creativity; creative economy; cultural benefits; signs of cultural industries; characteristic features of cultural production; creators of cultural goods.

In the introduction part of the article the author gives a proof of the issue topicality, defines the goal and formulates the problem of the research. Lately, creativity as the process of creation and distribution of new utilitarian value (allocated with consumer qualities) has caused increasing interest from the economic point of view, which is a result of reflection of social and economic problems of the modern era. With all the variety of theories of creativity the term "creativity" presents certain difficulties for definition. With science development more and more intrinsic signs of creativity are allocated, which makes the basis of the content of our knowledge of the studied object. The importance of this or that earlier allocated characteristic sign is subject to changes. Creativity has become widespread abroad from the perspective of economic discourse. The basis of the modern understanding of creativity as a result of the product of the postmodern era is the close coordination of economy and culture. Cultural production and consumption increasingly fit into the framework of industrial and consumable cultural benefits are considered as goods. In this regard, the economic concepts become a prism through which we study, in particular, the culture and the cultural industries. In the main part of the article for a more complete definition of the scope and content of the concept "creativity" the author refers to the specificity of cultural (creative) industries. For this purpose we analyzed relevant overseas studies in this area for a number of bases. Firstly, signs of cultural (creative) industries were singled out and the boundaries of the activities in which a creative product is formed were indicated so that it was possible to explain the multivariate understanding of the term "creativity". Secondly, the characteristic features of the production of cultural goods which, according to foreign authors, are creative products. Efforts to establish cultural goods is a complex multi-level process that requires a detailed study. Thirdly, the creators of cultural goods were characterized. At the end of the article the author summarizes and concludes. Cultural industries approach focuses on a special type of creativity related to the creation and dissemination of cultural symbols in the form of cultural goods. In view of the fact that there is a certain synonymy in the use of the terms "cultural" and "creative" the approach of cultural industries does not allow creativity to relate solely to the art, given the diversity of all forms of cultural activity. In this case, the art falls under the category of industries (industrial, semi-industrial), characterized by a close relationship with commerce in cultural production. Such a vision is due especially to the specifics of understanding of the term "culture" in the international practice. The development of creativity is associated with profit, meeting the needs and interests, which provokes a rational, sensible behavior in favor of economical situation. The author identifies the following features of the study of creativity abroad according to the approach of cultural industries: narrow connotation of the term "culture" through symbols; broad understanding of the term "art" closely related to creativity; multiple use of creativity; creative product simultaneously possessing cultural and economic values.

REFERENCES

1. Solow R.A. Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1956, no. 70, pp. 65-94.
2. Ullman E.L. Regional development and the geography of concentration. *Papers and proceedings of the Regional Science Association*, 1958, no. 4, pp. 179-198.
3. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961. 458 p.
4. Andersson A.E. Creativity and Regional Development. *Papers of the Regional Science Association*, 1985, vol. 56, no. 1, pp. 5-20.
5. Barro R.J. Economic Growth in a Cross Section of Countries. *Quarterly Journal of Economics*, 1991, no. 106(2), pp. 407-443. DOI: 10.3386/w3120
6. Florida R., Mellander C. *The Creative Class or Human Capital? Explaining Regional Development in Sweden*. Toronto: The Martin Prosperity Institute at The Joseph L. Rotman School of Management, University of Toronto, 2006. 39 p.
7. Mansfield E. *Innovation, Technology and the Economy: Selected Essays of Edwin Mansfield*. Aldershot: Edward Elgar, 1995.
8. Throsby D. *Economics and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 228 p.
9. Adorno T.W. *The Cultural Industry: selected Essays on Mass Culture*. London: Routledge, 1991.
10. Huet A., Ion J., Lefebvre A., Miegé B. *Capitalisme et Industries Culturelles*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1978.
11. Caves R. *Creative Industries*. Cambridge: Harvard University Press, 2000.
12. Florida R. *The rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic, 2002.
13. Throsby D. *Economics and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 228 p.
14. Howkins J. *The Creative Economy: How people make money from ideas*. London: Allen Lane, Penguin, 2002. 288 p.
15. Throsby D. *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture]. Translated from English by I. Kushnareva. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2013. 256 p.
16. Howkins J. *Kreativnaya ekonomika. Kak prevratit' idei v den'gi* [The Creative Economy: How people make money from ideas]. Translated from English. Moscow: Klassika-XXI Publ., 2001. 256 p.
17. Hesmondhalgh D. *Media Production*. Maidenhead and Milton Keynes: Open University Press; The Open University, 2006.
18. Garnham N. Concepts of culture: public policy and the cultural industries (Originally published as a pamphlet by the Greater London Council). Reprinted in *Cultural Studies*, 2000, no. 1 (1), pp. 23-37.
19. Roberts K. *The Leisure Industries*. Basingtoke: Palgrave Macmillan, 2004.
20. Adorno T., Horkheimer M. *The Culture Industry Enlightenment as Mass Deception*. In: Adorno T., Horkheimer M.(eds.) *Mass Communication and Society*. London: Edward Arnold, 1977/1944, pp. 349-383.
21. Hesmondhalgh D. *Kul'turnye industrii* [Cultural industries]. Translated from English by I. Kushnareva. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2014.
22. Bourdieu P. *The Rules of Art*. Cambridge: Polity Press, 1996.
23. Wallas G. *The Art of Thought*. New York: Harcourt Brace & World, 1926.
24. Ryan B. *Making Capital from Culture*. Berlin ; New York: Walter de Gruyter, 1992.
25. Florida R. *The Rise of Creative Class*. New York: Basic Books, 2002.
26. Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative Class: people who are changing the future]. Translated from English. Moscow: Klassika-XXI Publ., 2005. 421 p.
27. Gardner H. *Creating minds*. New York: Basic, 1994.
28. Garnham N. *Capitalism and Communication*. London: Sage, 1990.
29. Barrash D. *The Whisperings Within*. New York: Harper and Row, 1979.
30. Brunner K., Meltzer A. The Uses of Money: Money in the Theory of an Exchange. *American Economic Review*, 1971, vol. 61, no. 5, pp. 784-805.

Received: 18 September 2014

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА ФАКТОВ В СМЫСЛЫ ФАКТОВ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ К.-О. АПЕЛЯ

Обосновывается, что intersubъективность единой интерпретации мира как таковая определяется коммуникативным сообществом, априорность которого предопределена трансцендентальностью языковой игры. Импликативность дискурса по отношению к предпосылке познания рассматривается не как историческая, а как априорная. Значение фактора мира (внеязыковой действительности) имеет особое содержание; мир фактов – мир смыслов – это дихотомия, перманентно определяющая актуальность конкретного априорного выбора субъекта познания.

Ключевые слова: коммуникативное сообщество; К.-О. Апель; импликативность дискурса; конвенциональность; понимание.

Признав ранее необходимость применения конвенционального критерия по умолчанию в постпозитивизме с точки зрения разрешения проблемы верифицируемости знания посредством intersubъективности [1], мы можем констатировать определённую ограниченность языка уже *устоявшейся* (как бы уже имеющейся) моделью языка [2. С. 27]. В связи с этим возникает вопрос о том, *каким образом* уже (до момента конституирования теории, гипотезы и т.д.) «случилась» модель языка? Другими словами, вопрос в том, что язык (конкретным образом функционирующая модель) как динамический объект, имеющий, соответственно, начало – протекание / длительность – окончание, функционирует совершенно конкретным способом, понимание которого возможно для нас исключительно *a posteriori*, т.е. из сконструированного им дискурса; при этом и сам феномен динамичности модели указывает на фактор исключительно апостериорной возможности понимания, несмотря на то что только наше пошаговое *следование за* (или вместе с) динамической моделью гарантирует понимание чего-либо, в конечном итоге репрезентированного моделью¹.

«(Понимая предложения Гёте, мы понимаем самих себя, т.е., в частности: язык, который мы разделяем с Гёте, и заключённую в нём возможность понимать мир). Также и знаменитый “герменевтический круг”, в соответствии с которым мы уже должны иметь возможность уточнять наше предпонимание, опираясь на методически оформленные процедуры понимания ... в предложениях о смысле предложений, т.е. в предложениях о языке, субъект языка, согласно Витгенштейну, также, в конце концов, имеет дело с самим собой...» [3. С. 113, 114], – отмечает К.-О. Апель². Значит, если иметь в виду указанный принцип «герменевтического круга», то предпонимание – это элемент, абсолютно интегрированный в данный *круг* / модель, что само по себе совершенно никак не может помочь в уточнении процедуры нашего пошагового (осмысленного) *следования*. То есть понимание как использование схемы, конституирующей дискурс, априорно в силу трансцендентального характера как субъекта, так и языка. Поэтому ситуация, de facto предложенная «герменевтическим кругом», не может указать выход за пределы данного *круга*. Следовательно, вопрос об уже имеющейся модели языка – это вопрос в контексте рефлексии над «понятием осмысленного языка» [3. С. 115], которая является атрибу-

том наук о духе. Другими словами, конструирование методологии той или иной модели (языка) является констатацией анализа представленных в ней возможных / имеющихся, в самом широком смысле, причинно-следственных отношений, ограниченных фактором трансцендентального. Если учитывать различие между возможными и актуальными положениями вещей, которые Л. Витгенштейн рассматривает как интенции и конвенции соответственно, то следует также признать, что именно интенциональная составляющая модели, в любом случае присутствующая как возможный ряд не актуализированных в ней элементов, обуславливает динамику последней в связи с образующимся множеством её возможных интерпретаций. В этой связи понятие кварка [1] может быть примером с точки зрения интенциональности, определяющей множество интерпретаций: кварк как элементарная (фундаментальная) частица Стандартной модели, безусловно, определённым образом *соотносится* с бозоном Хиггса, также являющимся элементарной частицей, обладающей нулевым спином. Дело в том, что обе частицы, во-первых, *заданы* трансцендентальным представлением о делимости, а во-вторых, обе эти частицы (их *деятельность*) могут быть актуализированы исключительно не-целостно, т.е. при определённых условиях и только в определённых аспектах – целиком ни кварк, ни бозон «не производят действия» [4]³. Из чего следует, что именно дихотомия «целостность – делимость» предопределяет множество данной (интерпретационной) модели, что и задаёт её динамику.

Однако рассматриваемая нами проблема (проблема *противостояния* «logic of science» и наук о духе) связана с тем, что К.-О. Апель определяет как смещение смыслов факта. Дело в том, что последнее возможно в связи с перераспределением субъектно-объектных отношений: «...проблема сознания как субъекта... научного познания, можно сказать, устранена. Эти *языки* науки как «semantical frameworks» («семантические каркасы») представляют собой новый субстрат априорных правил, в которых заранее выносятся решение о возможном описании и объяснении “вещей в той мере, в какой они образуют некую закономерную взаимосвязь”» [3. С. 171].

Таким образом, исключение (кантовского) субъекта познания привело к фактическому исключению и объекта познания, так как теории, гипотезы и т.д. теперь должны соотноситься с логической согласован-

ностью языка и пр. Факт (однозначно являясь лингвистической репрезентацией объекта, в широком смысле) теперь *не должен* и *не может* соотноситься с объектом или положением вещей в силу того, что при данных правилах игры синтаксически-семантические структуры непосредственно *гарантируют* интересубъективную значимость науки. Поэтому, ввиду изложенного, множество интерпретаций модели (языка, теории и др.), предопределённое интенционально, свидетельствует не о перманентной априорной *неопределённости* субъекта познания, а исключительно об априорной приоритетности семантико-синтаксической языковой структуры, постулируя таким образом некую *самодостаточную* систему означаемого. Так и происходит трансформация субъекта познания в пределах данной схемы, ориентирующейся на классический принцип соответствия факта действительности. Другими словами, субъект познания, конституирующий объект познания, по определению, теперь либо *воспринимает* существующий объект *так-то* посредством семантико-синтаксической структуры, либо в силу не совсем понятных причин не воспринимает его. И в этой ситуации, конечно же, речь идёт об элиминировании субъектно-объектных отношений. Именно поэтому «...современные логики науки, исходящие из семиотической или же аналитически-языковой основы рефлексии, постулируют, что путём *интерпретации* знаков должно быть достигнуто нечто вроде интересубъективно единой *интерпретации* мира» [3. С. 174].

Из этого следует, что интересубъективность единой интерпретации мира как таковая определяется коммуникативным сообществом, априорность которого предопределена трансцендентальностью языковой игры. Такое положение дел отсылает нас к «иррациональному решению» К. Поппера, так как априорность интересубъективности трансцендентальна вне всякого сомнения. Но и в рамках данной схемы рассуждения появляется вопрос о предпосылке / аргументе познания. По сути, невзирая на принятие нами всевозможных правил-ограничителей и признание предельных контекстуальных аргументов, сам по себе возникает вопрос о достоверности / правомерности схемы рассуждения, причём данный вопрос возникает, как это ни странно на первый взгляд, интересубъективно, т.е. априорное коммуникативное сообщество озабочено возможностью *легитимации* данной схемы в принципе. Это свидетельствует о том, что схема, репрезентирующая определённый аргумент, и проблема достоверности самой данной схемы взаимосвязаны приблизительно так же, как язык – метаязык⁴. Поэтому рассуждение К.-О. Апеля: «...для того, кто аргументирует... – это является предельным, тем, что не может вводить в заблуждение... когда речь идёт о предельном основании... философствующему не надо выбирать, будет ли он принадлежать к критическому сообществу догматически или же в силу “иррационального решения”...» [3. С. 195], свидетельствует не только об отсутствии фактической разницы между догматикой и иррациональностью, но и о том, что предпосылка познания / аргумент – основание любой конституируемой (всей) схемы; т.е. дискурс – это её *следствие*, дискурс имплицативно обусловлен [5]⁵.

Следовательно, проблема сводится к основанию такого рода предпосылки / аргумента. Разрешение этой проблемы посредством сведения данного основания к истории коммуникативного сообщества [3. С. 195–196] представляется не совсем оправданным вследствие рациональной неопределённости самой данной истории. Отсутствие *предпоимания* (как в примере с герменевтическим кругом) не проясняет ситуацию, а ещё более усугубляет невозможность *понимания*. Имплицативность дискурса по отношению к предпосылке познания, скорее, не исторична, а априорна.

Исходя из вышесформулированного, возникает вопрос относительно значения трансцендентальной языковой игры с точки зрения конституирования новой языковой игры. Так как априорный статус предпосылки познания имплицитно предполагает возможность чего угодно, то конкретный вариант (актуализации) той или иной реализовывающейся языковой игры, очевидно, определяется всё-таки априорностью аспекта видения, по Л. Витгенштейну, по отношению к которой и возникают проблемы с точки зрения теории познания. То есть априорность выбора, во-первых, транслирует необходимость *последнего основания* (схемы), во-вторых, постулирует и некую предопределённость самой схемы, репрезентацией которой является языковая игра. Следовательно, схема может быть представлена в качестве результата *взаимодействия* априорного выбора и реализованного посредством пошагового алгоритма, представленного схемой / языковой игрой, актуальной для действующего субъекта. В этом случае сверхважным является значение фактора *мира* (внеязыковой действительности); мир фактов – мир смыслов – это дихотомия, перманентно определяющая актуальность конкретного априорного выбора субъекта познания.

К.-О. Апель отмечает следующее: «...для отдельного человека должно быть возможно вводить новые правила, которые, не исключено, *фактически* не подлежат проверке в существующем коммуникативном сообществе на основании «парадигмы» существующей языковой игры... Таков случай всех *непонятных* первооткрывателей и научных изобретателей новых методических начинаний...» [3. С. 253]. Но всё «непонятное», с точки зрения истории коммуникативного сообщества, тем не менее, одновременно и появляется из той же (*исторической*) области⁶. Поэтому вопрос о возможности введения новых правил субъектом познания как членом коммуникативного сообщества напрямую связан с тем, что К.-О. Апель определяет как компетенцию, обуславливающую (при определённых условиях) осуществление рефлексии «над собственным языком или формой жизни и для осуществления коммуникации со всеми другими языковыми играми» [3. С. 253]. Другими словами, трансцендентальная языковая игра, предвосхищаемая конкретной языковой игрой [3. С. 253], делает возможным использование тех принципов, которые мы называем априорными и которые обуславливают, таким образом, формирование компетенций, необходимых для рефлексирования над уже существующей историей парадигмы, языковой игры и т.п. Если при этом мы

будем учитывать, что субъект познания может быть как коллективным, так и индивидуальным, то нам необходимо уточнение: индивидуальный субъект познания, обладая вышеуказанной компетенцией, сможет рефлексировать и, соответственно, формулировать новое знание (это касается первооткрывателей и научных изобретателей, по К.-О. Апелю), но *такое* знание может приобрести качество знания в глазах коллективного субъекта познания (коммуникативного сообщества) только при появлении у последнего соответствующей компетенции, до этого момента коммуникативное сообщество лишено возможности коммуникации с другими языковыми играми. Однако если данная компетенция всё-таки возникла хотя бы и у одного-единственного представителя априорного коммуникативного сообщества, это указывает на то, что данная компетенция сформировалась в рамках истории этого коммуникативного сообщества, т.е. без последней компетенция была бы невозможной. Из чего следует, что возможность реализации конкретной языковой игры, как для одного, так и для всех членов коммуникативного сообщества, определяется фактором трансцендентальности языковой игры как феномена.

Фактор трансцендентальности языковой игры представляется весьма значимым и с точки зрения правил «возможного обозначения мира»: «...мы больше не полагаемся на кантовский тезис о сформированных до нас в синтетических суждениях априорных мировых закономерностях, а сознательно и произвольно конструируем то, что должно считаться априори возможным значения суждений: правила логической семантики» [3. С. 39]. То есть посредством бесконечной иерархизации метаязыка мы пытаемся *соотнести* истинность обозначающего (языка) и обозначаемого (мира), при этом мы полагаем, что данное *соотнесение* будет, безусловно, «истинным». Таким образом, правила соотношения элементов предопределяют *истинность* конституируемой ими схемы и т.д. К.-О. Апель обращает внимание на то, что такого рода конструирование приходит, *в принципе*, к противоречию с теорией истины, но, с позитивистской точки зрения, невзирая на явную догматичность подобного утверждения, конвенциональная природа данного типа конструирования вполне удовлетворяет требованиям. Имеет ли отношение эта конвенциональность к вопросу о трансцендентальности языковой игры? Следуя К.-О. Апелю, скорее всего, да, так как актуализация конкретной конвенции является не чем иным, как реализацией *конкретной* языковой игры, обусловленной фактором своей трансцендентальности. В таком случае проблема истины *соотнесения*, очевидно, также может быть объяснена посредством феномена конвенциональности. «Надо избавиться от вредной привычки *путать означаемое с референтом*» [5. С. 62], – указывает У. Эко, определяя содержание понятия «значение».

Проблема иерархизации метаязыков и, соответственно, проблема наиболее «высокого» метаязыка в его отношении к обыденному языку (по сути, проблема *следования* в бесконечность...) указывает не только на бесперспективность следования в *таком*

направлении⁷, но и на (логико-семантико-синтаксическую) некорректность противопоставления языка обыденного и метаязыка. «Из обыденного языка логические семантики заимствуют спекулятивную точку зрения («значение!») своей конструкции правил, и эта точка зрения должна подтверждаться, когда правила установления значения ... допускают определённую объективную интерпретацию системы, т.е. её определённый перевод на понятия обыденного языка» [3. С. 41], – приходит к заключению К.-О. Апель, так как всем этим заимствованиям просто нет и не может быть другого *основания*.

Другими словами, проблема «фактической правильности языковых предложений» [3. С. 42] – это проблема, предопределённая отношениями языковых знаков и внеязыковых фактов. Учитывая игнорируемую логическим позитивизмом дихотомию «истин факта» и «истин разума» [3. С. 42], можно предположить, что отношения между языковой и внеязыковой действительностью, определённым образом а priori конструируемые в конкретном дискурсе, являются для субъекта познания не чем иным, как тем, что К.-О. Апель называет самополаганием связующего рассудка: «Одни лишь правила “логического синтаксиса» и “логической семантики” не позволят понять ни единого связанного с миром значения, которое, тем не менее, нечто говорит пользователям языка. Если для нас здесь что-то и доступно, то только при условии, что «значение» в смысле значительности ... *предполагается* заранее... и это заранее предполагаемое значение... мы, люди, как бы там ни было, артикулируем с помощью языка» [3. С. 42].

Л. Витгенштейн абсолютно прав, утверждая, что мир – это факты в логическом пространстве [6], и это ни в коей мере не противоречит его же утверждению относительно понимания посредством *сопричастности* той или иной форме жизни [7]. Вопрос только в основании данной сопричастности, т.е. каким образом данная сопричастность становится актуальной. Следовательно, механизм сопричастности посредством корреляции двух систем (мира фактов и мира языковых знаков), по умолчанию, остаётся нетранспарентным для субъекта познания, конституирующего на основании данного механизма дискурс познания. Объяснение данного процесса путём отсылки к «чистому самополаганию связующего рассудка» [3. С. 42], традиционному для логического позитивизма, не может помочь в разрешении указанной проблемы соотнесения в силу того, что основным атрибутом верификации знания является всё-таки *интерсубъективность*, т.е. данное *основание* (интерсубъективность), по определению, не предполагает качества *последнего порядка*. Значит, имплицативность дискурса «развивается» определённым образом (*так-то*) в силу своей изначальной заданности, о которой интерсубъективности нам ничего не сообщает.

В этой связи, с точки зрения сравнения видения *logic of sciences* и наук о духе, весьма продуктивным может быть анализ трансцендентально-герменевтической проблемы самого К.-О. Апеля: «...в современной человеческой цивилизации не сохранился отмечаемый всеми знатоками первобытных культур ква-

зимоначеский характер *языковых игр* (в смысле Витгенштейна), «сплетённых» с архаическими формами жизни. Различие языковых игр как форм жизни, конечно, не исчезло, но оно в какой-то мере переиграно языковой игрой науки (при всех своих сложностях всё же устанавливающей коммуникативное единство)...» [3. С. 256].

Дело в том, что данный тезис К.-О. Апеля является трендовым с точки зрения логического позитивизма, так как по факту утверждает приоритетность науки как одной из форм жизни, тем самым, соответственно, отказывая в приоритетности всем другим формам жизни, элиминируя синкретичность мышления, которая, в свою очередь, на протяжении истории обуславливала возможность различных приоритетов (науки, религии, мифа). Если исходить из возможности синкретизма мышления, то конституирование приоритета того или иного понятия в тот или иной период становится более обоснованным.

В качестве примера воспользуемся следующим рассуждением Н. Хомского: «Ньютон считал своё открытие действия на расстоянии, вопреки базовым принципам механистической философии... Абсурдом... Тем не менее, он был вынужден заключить, что этот Абсурд «действительно существует». «Ньютон не имел тому вообще никакого физического объяснения»... Ньютон продемонстрировал, что «чисто мате-

риалистическая или механистическая физика» «невозможна». Ничто не умалило силы суждения Дэвида Юма, что, опровергнув самоочевидную механистическую философию, Ньютон «возвратил изначальные тайны [природы] в тот мрак, в котором они всегда пребывали и будут пребывать»» [8. С. 81, 82].

Таким образом, рассуждая об априори коммуникативного сообщества и о его предполагаемых компетенциях, мы с очевидностью должны признать следующее: во-первых, верификация знания, являясь неотъемлемым и завершающим этапом конструирования модели, становится возможной в силу интересубъективности знания / дискурса; во-вторых, дискурс, учитывая внутреннюю структуру его отношений, обладает качеством имплицативности, которое предопределяет его разнообразие и многомерность (множество вариантов интерпретационных моделей). Принимая во внимание то, что Н. Хомский определил как утрату нормы науки и требования понимаемости в связи с открытиями И. Ньютона [8. С. 83], необходимо констатировать, что именно посредством феномена *понимаемости* субъект познания тем или иным приемлемым для него способом конституирует определённый дискурс, в котором происходит перераспределение смыслов (смысла *мира* и смысла *факта*) посредством априорности имплицативности дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проблема интеллектуальной интуиции и пр. в данном контексте не рассматривается.

² «...и именно поэтому философия и наука о духе для него (Витгенштейна. – М.Г.) невозможны как науки, так как они... имеют дело не с встречающимися внутри мира фактами, а с языком как условием смысла фактов» [3. С. 114].

³ Здесь нельзя не воспользоваться выводом Ф. Капры: «Современная физика самым драматическим образом подтвердила... что все используемые нами для описания природы понятия ограничены, что они являются не свойствами действительности, как кажется нам, а продуктами мышления...» [4. С. 112].

⁴ Примером может быть следующее: рассуждение (доказательство вины или её отсутствия) героя Конан Дойля мистера Ватсона с точки зрения самого мистера Ватсона будет аргументированным и безупречным, но с точки зрения его друга (и его дедуктивного метода) мистера Шерлока Холмса оно будет совершенно абсурдным. То есть Ватсон как член априори коммуникативного сообщества создал схему / рассуждение, в рамках которой всё согласовано, но Холмс, тоже как член того же сообщества, опровергая рассуждения своего друга, фактически осуществляет возможность легитимации предложенной схемы, и поскольку данная схема не согласуется (в данном случае) с дедуктивным методом, с мета-схемой, постольку в этой мета-схеме схема / рассуждение Ватсона невозможна ввиду её абсурдности. Однако вне применения в качестве *проверки* мета-схемы Холмса, что само по себе является необходимым условием априори, схема Ватсона сохраняет свою актуальность.

⁵ Здесь для прояснения можно воспользоваться следующей «параллелью», сформулированной У. Эко: «...структуры разных языков и исторические сложившиеся коды могут существовать, но это не структура языка как такового, не некая Пра-Система, не Код Кодов. Последний никогда не станет нашей добычей. Никакое металингвистическое изучение элементарных механизмов языковой деятельности невозможно именно потому, что в основе нашего говорения о механизмах таковой деятельности лежит сам язык. Изучать язык – значит только ВОПРОШАТЬ язык, давая ему жить своей жизнью» [5. С. 31].

⁶ Здесь очень кстати пример И. Лакатоса относительно пролиферации научных теорий, т.е. теория появляется тогда, когда она *определённым образом* подготовлена развитием научной парадигмы (имплицитно представлена в схеме действующей / сложившейся парадигмы) и т.д.

⁷ Для этого достаточно вспомнить проблему «третьего человека» у Аристотеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаренко М.В. Принцип интересубъективности и значение верификации знания в неопозитивизме // Философия науки. 2014. № 2.
2. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 23–29.
3. Апель К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.
4. Капра Ф. Дао физики. Общие корни современной физики и восточного мистицизма. М. : София, 2008. 416 с.
5. Эко У. Отсутствующая структура. СПб. : Symposium, 2006. 544 с.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 5–73.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 78–319.
8. Хомский Н. О природе и языке. М. : КомКнига, 2005. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 сентября 2014 г.

THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF THE WORLD OF FACTS INTO MEANING OF FACTS IN THE ANALYTICAL PHILOSOPHY OF K.-O. APEL

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 54–58. DOI: 10.17223/15617793/388/9

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: communicative community; K.-O. Apel; implicative discourse; conventionality; understanding.

This article considers the problem of the transformation of the world of facts into meaning of facts in the analytical philosophy of K.-O. Apel. The article proves that the inter-subjectivity of the unified interpretation of the world as such is defined by communicative community, whose apriority is predetermined by the transcendence of the language game. Implicative discourse with respect to the background knowledge is considered not as historical, but as a priori. The value of the factor of the world (extra linguistic reality) has a specific content; the world of facts – the world of meanings (facts) is a dichotomy permanently determining the relevance of a particular aprioristic choice of the subject of knowledge. It is established that why the scheme representing a certain argument and the problem of reliability of this scheme are interconnected like language and meta-language. Therefore, the limit base K.-O. Apel indicated shows not only the absence of the actual difference between dogma and irrationality, but also that the background of knowledge / argument is the basis of any constituted scheme; i.e. discourse is its consequence, discourse is implicatively caused. Also an assumption is formulated that the problem of the "factual correctness of language sentences" is a problem predetermined by the relationship of linguistic signs and extra-linguistic facts. In consideration of the dichotomy of "truths of facts" and "truths of reason" ignored by logical positivism, it can be argued that the relationships between the linguistic and extra-linguistic reality, in a certain way a priori formed in a specific discourse, for the subject of knowledge are what K.-O. Apel calls self-positing of binding reason. Therefore, a priori reasoning about the communicative community and its (possible / expected) competences we must recognize the following: first, this competence was formed within the history of the communicative community; second, verification of knowledge, being an integral and final stage of the model construction, becomes possible due to the inter-subjectivity of knowledge / discourse; thirdly, discourse, considering the internal structure of its relations, has implicative quality, that determines its diversity and ambiguity / multidimensionality (many options of interpretation models).

REFERENCES

1. Goncharenko M.V. The principle of intersubjectivity and the importance of knowledge verification in neo-positivism. *Filosofiya nauki*, 2014, no. 2, pp. 3-13. (In Russian).
2. Surovtsev V.A. Analytical Philosophy: General and Nuance. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 8, pp. 23-29. (In Russian).
3. Apel K.-O. *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennoy, B. Skuratov. Moscow: Logos Publ., 2001. 344 p.
4. Capra F. *Dao fiziki. Obshchie korni sovremennoy fiziki i vostochnogo mistitsizma* [The Tao of Physics. Common roots of modern physics and Eastern mysticism]. Translated from English by V.G. Trilis Moscow: Sofiya Publ., 2008. 416 p.
5. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura* [The absent structure]. Translated from Italian. St. Petersburg: Symposium Publ., 2006. 544 p.
6. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Translated from English. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 5-73.
7. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Translated from English. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 78-319.
8. Chomsky N. *O prirode i yazyke* [On Nature and Language]. Translated from English. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 288 p.

Received: 26 September 2014

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ НАСЕЛЕНИЯ КАК ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМОЙ

Социокультурное обслуживание – многоуровневый и многоаспектный объект – рассматривается как общественная подсистема, для которой характерны функции самоорганизации и организации. Системный подход к распределению функций и задач позволяет представить управление данным социальным объектом как систему и как процесс. Структура системы включает процессы, связи (иерархические, функциональные, межфункциональные), а также формальные и неформальные отношения. Характеристика нормативной системы (правила и нормы) обеспечивает ее устойчивость.

Ключевые слова: социокультурное обслуживание как социальная система; система управления; двухуровневая система; системный подход; взаимоотношения субъектов социокультурной деятельности.

Социокультурное обслуживание населения как подсистема охватывает блок обслуживающей деятельности в духовной и социальной сферах. К социокультурному обслуживанию в этом случае относятся услуги: лечебные, образовательные, воспитательные, оздоровительные, культурные, познавательные, развлекательные, туристические и др. Общее, что объединяет эти услуги, – особая социальная значимость, так как они непосредственно связаны с человеком, его потребностями и духовным миром, т.е. их потребление влияет на духовное возрождение общества и на социализацию каждого отдельного человека. В российской практике такие услуги, как образовательные, медицинские, культурные, принято относить к социальной сфере. Они объединены общей целью, которая достигается с помощью социальной политики. С точки зрения государства и общества главный принцип, согласно которому выстраивается социальная политика, – это обеспечение элементарных прав человека на получение образования, оказание медицинской помощи [1].

В России в настоящее время наблюдается глубокая дифференциация в объемах и структуре потребления услуг по регионам и территории проживания. В структуре потребления практически отсутствуют услуги социально-культурного характера, а для большинства россиян характерен минимальный уровень их потребления. При этом наиболее уязвимыми оказались представители старшего поколения, для которых обеспечивается минимальный уровень жизни. В обществе нарушение баланса интересов различных социальных групп сопровождается, с одной стороны, дифференциацией модели поведения в социальных практиках, с другой – повышением социальной напряженности и нарастанием социальных конфликтов.

В организации социокультурного обслуживания наиболее актуальны проблемы участия государства, на наш взгляд, по следующим причинам: 1) нужно исходить из российской специфики, обусловленной природными, социальными, структурными, демографическими особенностями; 2) на протяжении многих лет только государство занималось поставкой социальных услуг; 3) наличие в настоящее время в России проблемных городов и целых регионов.

Тенденция децентрализации управления обуславливает перевод полномочий на нижний уровень.

Именно на местном уровне необходимо обеспечить доступность социокультурных услуг, особенно для социально уязвимых категорий населения, с помощью государственных дотаций. При этом государство стремится освободиться от функции непосредственного предоставления гражданину социальных услуг, отводя себе роль законодателя и посредника [2].

В системе управления социокультурным обслуживанием необходимо учитывать следующие положения.

Важность развития социокультурного обслуживания в границах определенной территории или сообщества (страны, региона, города, поселка и т.д.). Именно в крупных сообществах (городах) с развитой инфраструктурой имеются широкие возможности использования инновационных элементов в обслуживании, а также в трудовой и общественной жизни населения (переподготовка и повышение квалификации персонала и др.).

Широкая демократизация управления обуславливает сочетание методов государственного регулирования с методами общественной регуляции и саморегуляции граждан.

В системе управления необходимо учитывать реальные условия и социокультурное своеобразие территории, ее ресурсный потенциал, уровень развитости инфраструктуры, кадровую обеспеченность, уровень готовности субъектов деятельности к реализации новаций и т.д. В развитии обслуживания приоритетно активное участие самих граждан, общественных организаций, творческих союзов, фондов, профессиональных сообществ и др. В этом случае управление социокультурным обслуживанием приоритетно осуществлять не верхними звеньями, а нижними уровнями, причем с привлечением тех субъектов, чьи интересы затрагивают результаты управленческих преобразований.

Вопросы социального управления рассматривали в своих работах Аристотель, Н. Макиавелли, Г. Гегель, К. Маркс, а также современные авторы М. Марков, Г.И. Петров, В.И. Франчук, А.В. Сергейчук. В самом общем виде социальное управление определяется как один из основных видов управления, основная функция которого заключается в обеспечении реализации потребностей общества и его подсистем.

Расширенное понятие приводит А.В. Сергейчук: «Это социальный процесс целенаправленного взаимодействия нескольких элементов, различных в це-

лях, в распределении результатов ее достижения, полномочий, средств, функций, составляющих целевую деятельность» [3. С. 38]. На наш взгляд, оно достаточно точно отражает подход к управлению социальными системами.

Специфика управления социокультурным обслуживанием населения характеризует взаимосвязанность социальной и культурной подсистем, в которых принимаются механизм контроля и нормативная система регулирования деятельностью. Это составляет основу для системы действий, подчеркнем, как в обслуживающем процессе, так и в управленческой деятельности. Все это формирует междисциплинарный характер нашего исследования.

В данном случае необходимо подойти к решению проблемы на основе системного подхода, с помощью которого управление социальной системой предполагает его всестороннее рассмотрение как системы и процесса во взаимодействии с окружающей средой.

Социокультурное обслуживание в качестве объекта исследования выступает:

- как общественная подсистема, в которой создаются условия для удовлетворения социальных и духовных потребностей индивидуума или социальной группы, сохраняется нормативная культурная традиция, разделяемая в той или иной степени всеми членами общества и передаваемая от поколения к поколению через различные социальные процессы;

- социальная система, в которой совокупность взаимосвязанных элементов в отношениях и процессах ориентирована на удовлетворение социальных и духовных потребностей в рамках организованной деятельности (государственной и общественной).

Необходимо всесторонне охарактеризовать социокультурное обслуживание как социальный объект, выявить связи, отношения, процессы и описать свойства системы в количественных и качественных показателях.

Для этого приведем виды системы по разным признакам: функциональному назначению и степени общности.

Первый классификационный признак – по функциональному назначению. Исходя из деления социальной сферы, выделим подсистемы: образование, здравоохранение, культура, социальная защита. Эти подсистемы можно рассматривать, в свою очередь, как системные объекты. В результате основные функции подсистем – повышение уровня образования, улучшение здоровья, создание условий для отдыха и проведения досуга и т.д. Диспропорции в развитии данных подсистем приводят к снижению реализуемости главной цели общества.

Второй признак классификации – по целостности социальных систем, или степени общности. Исходя из системы организации обслуживания населения в любом государстве, возможно представить многоуровневую модель системы по схеме: государство – регион – территория (поселок, город) – организация – группа (коллектив).

Первый уровень – система представляет социокультурное обслуживание на определенной территории. Территориальная общность и ее состояние влия-

ют на характер поведения ее членов в обслуживании, которое проявляется в контактах, особенно в формальных и неформальных отношениях. Система имеет общенаучное значение в теоретическом и практическом плане, может быть объединена социальной политикой на уровне государства, региона, общества. Система представляет собой важнейший социокультурный институт общества, государства или определенной территории.

Второй уровень относится к изучению в системе горизонтальных социальных связей, где осуществляются ориентировка и коммуникация индивидов в системе учреждений и институтов, происходит выбор партнеров, конкретных путей действия и т.п. На этом уровне осуществляется деятельность всех организаций и учреждений по обеспечению услугами по данным направлениям. В организационном плане услуги оказывают организации, основанные на различных формах собственности: бюджетные, коммерческие и некоммерческие. Субъектами социокультурной деятельности выступают лица, проживающие в регионе, способные направить инициативную и самостоятельную деятельность на решение конкретных программ и проектов социально-культурного значения (сохранение исторической и культурной среды, памятников истории и культуры, работа с детьми и подростками, экология культуры и др.).

Однако, независимо от уровня и функционального назначения, для системы характерны общие черты: объект обслуживающего воздействия – человек; внутренняя среда включает подсистемы (деятельность, нормы и правила, взаимодействие, личность); общественные отношения с окружающей средой (факторы: социальные, природные, экономические, политические, научно-технические). Для системы также свойственны принципы самоорганизации и адаптации.

За счет самоорганизации внутренние элементы сохраняют определенное постоянство среди изменяющегося окружающего мира. Функция адаптации связана не только с адаптацией системы к окружающей среде, но и ее развитием.

В системе управления социальным объектом необходимо:

- если акцент на процессах самоорганизации, то актуальны способы и формы социального контроля в системе обслуживания (нормативная система);

- если акцент на организации и управлении, то актуально использовать целевой подход к управлению социальным объектом (цели и средства).

Соотношение этих функций, изучение и учет закономерностей, оценка пределов воздействия функции самоорганизации будут характеризовать систему управления социальным объектом и ее эффективность.

Совокупность конкретных функций на любом уровне системы характеризуется как социальная деятельность. Первоосновой для выделения социальных функций является формулирование целей и задач каждого уровня системы. В результате формируется вектор целей подуровня, который согласуется с векторами вышестоящего уровня.

Среди основных задач общества любого государства наиболее приближенной к удовлетворению

граждан в социокультурном обслуживании можно считать:

- создание и поддержание благоприятных условий и воспроизводства рабочей силы;
- получение образования, социализация для нормального развития личности и формирования творческой личности;
- осуществление контроля за использованием природных ресурсов и состоянием окружающей среды [1].

Выделим в многоуровневой системе «социокультурное обслуживание» основные компоненты, которые рассмотрим как предмет управления. Для этого важно проанализировать отношения с окружающей средой (социальной, экономической, политической, культурной) и процессы, происходящие в системе. В качестве подсистем мы выделили социальную, экономическую, политическую, которые, в свою очередь, служат внешней средой для подсистем более низкого уровня.

В таком варианте используется схема (подобно «цепи»): социальные отношения – функции – задачи:

1-я система – социальная, характеризует отношения равенства и различия в положении (статусе) различных социальных групп. Оно выражается в различиях потребления услуг жизнеобеспечения, а также социально-культурного характера. К этому можно отнести социальные нормы, показатели уровня и качества жизни, занятость, доходы, социальную защиту населения и др.;

2-я система – экономическая, характеризует связи и отношения по поводу собственности и ее использования, обмена, распределения и потребления товарно-денежных ресурсов. Система обслуживания населения имеет собственную материальную базу, где протекают процессы обслуживания (учреждения образования, здравоохранения, культуры, организации социальной помощи населению, реабилитационные, оздоровительные комплексы);

3-я система – политическая, характеризует отношения, связанные с властью, ее овладением, удержанием, распределением и использованием. Как подсистема обеспечивает реализацию демократии, прав и свобод граждан, формирование трудовой мотивации людей, развертывание социального партнерства, формирование социального законодательства и т.д.;

4-я система – управления, характеризует отношения с другими сферами, осуществляя их интеграцию. Связи и процессы рассматриваются как организационно-управленческая подсистема, в которую, с точки зрения теории управления, входят представительные и исполнительные органы управления.

В каждой из них формируются социальные отношения и, соответственно, функции и задачи:

- реагирование на внешнюю среду и изменение потребностей, т.е. это функция социальной связи, отвечающая за поддержку существующих в обществе образцов, ценностей и норм потребления;
- планирование цели, обеспечение условий для удовлетворения потребностей людей, т.е. функция, удовлетворяющая потребности в обществе и мире;
- обеспечение их согласования с потребностями и интересами других социальных групп, т.е. функция

согласования общих и частных интересов, поддержания социального порядка, формирования нормативной системы;

- координация взаимоотношений всех элементов, т.е. функция управления отношениями всех функциональных подсистем.

Каждую из этих функций (задач) в системе выполняют определенные внутренние подсистемы (элементы): адаптации – социальная подсистема; целеполагания – экономическая; согласования – политическая; интеграции – управляющая (регулирующая) подсистема.

Необходимо сформировать систему управления, в которой надо предусмотреть выполнение этих функций. Основная задача – интеграция отношений и внутренних процессов, в которой управление предполагается рассмотреть как систему и как процесс.

Как система – это механизм способов, с помощью которого система на практике проводит политику по улаживанию разного рода противоречий: индивидуальных, групповых, национальных, территориальных, классовых и т.п.; создает условия и способствует удовлетворению социальных, культурных потребностей разных групп населения.

Как процесс – это деятельность, связанная с реализацией удовлетворения потребностей, властных полномочий субъектами обслуживающей деятельности (регламентирует нормы и правила), а также управленческие действия, которые логично связываются друг с другом, обеспечивая достижение поставленных целей [4].

При реализации этих функций социальная система должна стремиться к состоянию равновесия и гармонизации общества, поддерживать единство и внутреннюю координацию своих частей, иметь средства для определения достижения целей и мобилизации собственных ресурсов, приспосабливаться к своему окружению.

На каждом уровне системы содержание функций обусловлено спецификой задач, которые выполняются на соответствующем уровне. Следует учитывать ряд отличительных особенностей системы как на макро-, так и микроуровне, которые проявляются в распределении функций и задач.

Для верхнего уровня системы (макросистемы) характерны следующие особенности: подсистемы охватывают крупные сообщества (территории); широкие и долгосрочные аспекты поведения системы (социальные проекты, программы по обслуживанию населения); глобальные стандарты, законы, нормы и правила, принимаемые и одобряемые в обществе (в определенной сфере обслуживания).

Для микроуровня системы (организаций) свойственно, что подсистемы охватывают небольшие группы, сообщества; краткосрочные проекты деятельности; стандарты, нормы и правила, принимаемые в определенной сфере обслуживания или организации. В деятельности системы на каждом уровне в большей осуществляются мере функции:

- макроуровень: координирование, согласование, концептуальная, целеполагания, нормативная, методологическая, регулятивная;
- микроуровень: методическая, управленческая, нормативная, технологическая, диагностическая.

Предоставление услуг человеку организациями имеет ряд преимуществ: позволяет учитывать разнообразные факторы (территориальные, природные, социальные), варьировать качество и объем предоставляемых услуг в соответствии с потребностями местного населения [5]. Следует отметить, что организации не всегда могут предоставлять услугу в достаточном объеме, а также принимать в расчет последствия предоставления ими услуг (широкомасштабные экологические последствия). Поэтому масштабные социальные проекты в развитии инфраструктуры обычно осуществляются с максимальным учетом интересов крупных сообществ. Однако все актуальные социальные проблемы не могут быть решены по отдельности. Их решение возможно при наличии целостной нормативной системы, которая соответствует современному этапу развития общества и активной роли в этой среде самого человека.

Отношения системы с внешней средой обуславливают выполнение функций и задач, которые образуют вектор целей для нижестоящей системы, формируя отношения между уровнями системы.

Поэтому необходимо рассмотреть процессы, взаимоотношения, происходящие в системе на разных уровнях, и представить структуру системы. Структура системы – это логическая взаимосвязь и взаимозависимость уровней системы и подсистем, построенная в такой форме, которая позволяет наиболее эффективно достичь цели системы «социокультурное обслуживание».

Поскольку социокультурное обслуживание – это многофункциональная, многоуровневая система, то связи элементов (подсистем) могут разделяться на иерархические, функциональные, межфункциональные.

Иерархические связи характеризуют отношения участников социально-культурной деятельности разных уровней системы (по вертикали), т.е. по принципу субординации. Так как распределение функций может происходить сверху вниз или снизу вверх, то в первом случае формируется централизация управления, а во втором – децентрализация управления.

Распределение функций сверху происходит исходя из глобальной, целевой функции вышестоящего уровня системы с последующим формированием целей для нижестоящих уровней. Однако в этом случае возникает излишняя бюрократизация верхних уровней системы управления, в которой не учитываются условия территории, человека и его потребностей.

Распределение функций снизу осуществляется исходя из конкретных местных задач (определенной территории, условий жизни и возможностей населения), требующих своего решения. Однако возникает опасность игнорирования важных стратегических целей и задач и концентрации усилий лишь на выполнении местных задач.

Функциональные связи представляют собой взаимодействие подсистем, которые выполняют одни и те же функции на разных уровнях системы. Например, образовательные функции могут выполнять комитет по образованию, школа, общественные организации. При этом школа и общественные организации будут находиться на более низком уровне системы.

Межфункциональные связи существуют между подсистемами одного и того же уровня (по горизонта-

ли), т.е. по принципу координации. Организационные формы взаимодействия субъектов социокультурной деятельности разнообразны и осуществляются на договорной основе. К примеру, на региональном уровне это заключение договоров, контрактов, соглашений на проведение совместных масштабных мероприятий, грантов, целевых программ, а также благотворительная помощь нуждающимся организациям со стороны государственных органов и учреждений культуры.

В данном случае взаимодействие относится к способам, с помощью которых партнеры согласуют свои цели и средства их достижения, распределяя дефицитные (редкие) ресурсы. Можно предложить различные формы взаимодействия: кооперация, конкуренция и конфликт. Отметим характерные признаки этих отношений. Так, в кооперации связи прочны и постоянны, содержательны и предметны. В конкуренции контакты носят эпизодический характер, партнеры почти не сотрудничают, работают обособленно. В конфликте партнеры борются за свои ресурсы, сотрудничество отсутствует. Взаимодействие субъектов социально-культурной деятельности предполагает их единство в решении тех или иных социальных проблем. Например, социальная реабилитация инвалидов может осуществляться с привлечением организаций здравоохранения, санаториев, пансионатов и туристических комплексов.

В социологии важное значение придается формальным и неформальным организациям (группам) внутри единой интегрированной системы. В формальной структуре социальные позиции и взаимосвязи между ними основаны на правилах, регламентах, положениях и закреплены в официальных документах (к примеру, в законах, положениях, стандартах, должностных инструкциях) [6].

Неформальная структура включает взаимосвязи, сформированные на основе личностных характеристик и отношениях престижа и доверия. Так как время постоянно рождает новые духовные потребности, то их практически невозможно удовлетворить только с помощью формальных структур (специальных органов и учреждений). Актуальны многочисленные социальные инициативы и начинания, непрерывно возникающие в культурной среде города и села. Они являются и результатом, и необходимым условием непосредственного общения как детей, подростков, так и старшего поколения, потребностью их участия в общественных и культурных мероприятиях.

При этом необходимо формальные и неформальные отношения подчинять единым целям системы «социокультурное обслуживание» и ее организации.

Связи элементов (подсистем) иерархические, функциональные, межфункциональные в целом можно определить как ролевые, поскольку в социальных системах речь идет о людях. Особое значение в социальной системе уделяется ее ролевой структуре – обобщенному социальному показателю, в котором могут быть представлены и функциональные, и иерархические структуры. Соблюдение определенных правил и норм поведения создает условия относительно обособленного функционирования и развития всей системы «социокультурное обслуживание».

В целом необходимо разработать политику управления социальным объектом и сформировать нормативную систему и правила, за счет которых осуществляется управленческая деятельность и создаются условия для этого.

В зависимости от характера связей внутри системы и между системой и средой нормативные формы поведения могут быть различными. К примеру, посредством достижения результатов нормам соответствуют, в первую очередь, общепринятые законы. Существуют нелегальные, не одобряемые обществом формы поведения, а также обман, в котором взаимодействие участников приводит к нарушению законов. В связи с этим вырабатываются средства воздействия, адекватные степени их нарушения.

Для обеспечения нормативного единства в развитии социокультурного обслуживания и всех составляющих элементов принципиальное значение имеют социальные стандарты. Нормативная система в этом случае включает два уровня: первый – это общие правила и нормы, законы, одобряемые в нашем обществе, государстве, а также специфические, которые включают социальные стандарты по сферам (образование, здравоохранение); второй – нормы и правила, касающиеся конкретной деятельности обслуживающих организаций. Часть правил при этом задается вышестоящим уровнем системы, а часть разрабатывается в самой организации. Поэтому необходимо создать такую нормативную систему (нормы и правила), задаваемую обществом, государством, которая разграничивает права и обязанности (власть и полномочия) между уровнями для осуществления всех функций системы.

В социокультурном обслуживании Правительство РФ обеспечивает проведение единой государственной социальной политики, которая включает реализацию конституционных прав граждан в области социального обеспечения; принимает меры по реализации прав граждан на охрану здоровья; разрабатывает и осуществляет меры по развитию физической культуры, спорта и туризма, а также санитарно-культурной сферы [7].

Распределение функций осуществляется по уровням: на общегосударственном – стратегические, на уровне крупных сообществ – тактические, а на местном – оперативные в обслуживании граждан (при сохранении автономии организаций в определении обслуживаемой деятельности и расходовании ресурсов: трудовых, материальных, финансовых).

В целом среди функций социокультурного обслуживания граждан РФ особенно значимы научная и целеполагания. Основные задачи: на макроуровне – разработка социальной политики, ее контроль, распределение полномочий и обязанностей (субъектов управления), на микроуровне – исполнение политики и осуществление контроля.

Современная социальная политика проявляет особое внимание к социальным категориям населения с невысокими доходами, лицам молодого и старшего возрастов, а также способствует активизации различных слоев населения.

В этих условиях в управлении системой «социокультурное обслуживание», во-первых, необходимо найти баланс рыночного механизма и государственного регу-

лирования; во-вторых, функции – координирующие и интегрирующие – осуществляются как государственными органами, так и с помощью широкого спектра средств общественных согласований, а также при взаимодействии всех участников социокультурных отношений.

Нормативная характеристика социальной сферы России позволяет увидеть общие контуры. Рассматривая систему управления социокультурным обслуживанием, важно выявить права, полномочия и обязанности и распределить их по уровням: государство – регион – город.

1. На уровне государства: основные функции – выработка основных гарантий, разработка и обеспечение единых социальных стандартов в охране здоровья и образовании (с учетом мировых стандартов); создание правовой базы, обеспечивающей доступность социальных благ для всего населения страны; разработка концепции целевых федеральных программ; создание эффективной системы контроля и социального мониторинга. При этом контрольная функция осуществляется по отношению не только к организациям (учебным и медицинским), но и населению, состоянию его здоровья, образовательному уровню.

2. На уровне региона: органы государственной власти и управления субъектов Российской Федерации непосредственно осуществляют реализацию государственной федеральной социальной политики, а также решают собственные социально-экономические задачи с учетом территориальных интересов. В программах социально-культурного развития регионов предусматривается совершенствование отдыха людей, развлечений, концертно-зрелищной и физкультурно-оздоровительной работы, борьба с алкоголизмом, наркоманией, правонарушениями, профилактика антисоциального поведения. На этом уровне осуществляются функции: выработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере здравоохранения, образования. Полномочия: установление региональных стандартов медицинской помощи на уровне не ниже стандартов, установленных федеральным органом исполнительной власти.

3. Местное самоуправление является основным исполнителем социально-культурной политики. Полномочия местного самоуправления в социальной сфере – это обеспечение социальной политики государства по вопросам образования, здравоохранения, социального обеспечения и защиты населения, а также культуры. Для достижения указанных задач органы местного самоуправления должны не только обладать соответствующими полномочиями, но и возможностью их реализации (наличие финансовых, материальных, инфраструктурных, трудовых ресурсов). Именно поэтому органы местного самоуправления как наиболее приближенные к населению органы власти, реализуя свои полномочия в социально-культурной области, призваны осуществлять в первую очередь поддержку социально «слабых» групп населения. Функции местного самоуправления в социальной сфере – планирование, регулирование и контроль деятельности организаций в области образования, здравоохранения, социальной защиты; обеспечение качества и доступности обслуживания, а также контроля за соблюдением государствен-

ных стандартов качества. К их исключительной компетенции относятся разработка и принятие местных нормативов (по финансированию, выдаче лицензий); проведение мониторинга здоровья человека, уровня его образованности; формирование целевых программ по проведению мероприятий: профилактических, санитарно-гигиенических, противоэпидемических и природоохранительных.

Таким образом, системный подход к распределению функций, задач по уровням системы «социокультурное обслуживание» позволяет увидеть общие кон-

туры социальной политики по уровням управления. Важно выявить права и обязанности (полномочия и обязанности), определить цели и средства, распределить их по уровням: государство – регион – город. Эффективность управления системой определяется ее соответствием структуры общества (группы) проводимым реформам и социальной политике. В результате можно строить различные модели управления системой «социокультурное обслуживание».

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 16.03.2014).
2. Соболева И. Социальная политика как фактор устойчивого развития // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3. С. 67–73.
3. Сергейчук А.В. Социология управления : учеб. СПб. : Бизнес-пресса, 2002. 240 с.
4. Теория управления : учеб. / под ред. Ю.В. Васильева, В.Н. Парахиной, Л.И. Ушвицкого. 2-е изд., доп. М. : Финансы и статистика, 2005. 608 с.
5. Управление и организация в сфере услуг: теория и практика : пер. с англ. 2-е изд. СПб. : Питер, 2002. 751 с.
6. Франчук В.И. Основы общей теории социального управления. М. : Ин-т организационных систем, 2000. 180 с.
7. Послание Президента России Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646 (дата обращения: 16.03.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, политология, социология» 27 июня 2014 г.

SYSTEMS APPROACH TO THE STUDY OF CONTROL OVER THE SOCIOCULTURAL SERVICE OF POPULATION AS A TWO-LEVEL SYSTEM

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 59-64. DOI: 10.17223/15617793/388/10

Donskova Lyudmila I. I. Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: donskovaL@yandex.ru

Keywords: sociocultural service as social system; control of the system; two-level system; system approach; interrelation of the subjects of sociocultural activity.

The expansion of the sphere of service, including the working conditions, routine, leisure and the social organization, increases its social significance in the vital activity of the person and the society on the whole. The services of sociocultural nature are increasing in the structure of consumption, so they form the way of life (routine) conditions and leisure; they contribute to the economical utilization of free time, to improvement of the quality and the standard of living of the population. Special significance in the social practice in the process of satisfaction of the needs of individual acquire not only individual demands, but also control processes of people's social actions. This causes not only the need of the scientific examination of service as a social system, but also creating the system of organization and control. The structure of the system which characterizes connections and relations ensures stability of the system. Sociocultural service as a social system is a multilevel, multifarious object. The system is characterized as an open one, it includes organizing elements which interact between themselves and surroundings. The system approach to the distribution of functions and tasks according to the levels of the system makes it possible to examine management as a system and as a process. The structure, which characterizes the connections: hierarchical, functional, interfunctional, and also formal and non-formal relations, reflects the characteristics of the system: integrity and goal achievement. It is necessary to develop the policy of control of a social object and to form rules and regulations due to which the conditions are created and administrative activity is realized. The normative system, in which the rights and responsibilities are distributed according to its level, makes it possible to find the balance of centralization and decentralization in control and to preserve the structure of a multilevel system. The normative characteristic of the social sphere in Russia makes it possible to see the overall outlines of control levels. It is important to reveal the rights and the responsibilities (authority and responsibility), the purposes and the means, to distribute them according to the levels: state – region – city. The effectiveness of system control is determined by its correspondence to the structure of society (group), to the conducted reforms and social policy. As a result, it is possible to build different models of control of the system "sociocultural service".

REFERENCES

1. *Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g, no. 1662-r* [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. Approved by order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r]. Available at: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>. (Accessed: 16th March 2014).
2. Soboлева I. Sotsial'naya politika kak faktor ustoychivogo razvitiya [Social policy as a factor of sustainable development]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2003, no. 3, pp. 67-73.
3. Sergeychuk A.V. *Sotsiologiya upravleniya* [Management Sociology]. St. Petersburg: Biznes-pressa Publ., 2002. 240 p.
4. Vasil'ev Yu.V., Parakhina V.N., Ushvitskiy L.I. (eds.) *Teoriya upravleniya* [Management Theory]. 2nd edition. Moscow: Finansy i statistika Publ., 2005. 608 p.
5. Haksever K., Render B., Russell R., Merdik R. *Upravlenie i organizatsiya v sfere uslug: teoriya i praktika* [Service Management and Operations: Theory and Practice]. Translated from English. 2nd edition. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 751 p.
6. Franchuk V.I. *Osnovy obshchey teorii sotsial'nogo upravleniya* [General theory of social control]. Moscow: Institute of Organizational Systems Publ., 2000. 180 p.
7. *Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu. 12 dekabrya 2013 g.* [Address of the President of Russia to the Federal Assembly. December 12, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/. (Accessed: 16th March 2014).

Received: 27 June 2014

«ВСЕ БУДЕТ ИНАЧЕ»: ГОРОДСКОЙ ПИКНИК КАК ГЕТЕРОТОПИЯ

Статья открывает цикл публикаций по результатам исследовательского проекта, посвященного мероприятию «Городской пикник», которое ежегодно организует группа гражданских активистов из Омска. В рамках междисциплинарной методологии, сочетающей гетеротопологию М. Фуко с фреймовой теорией И. Гофмана, рассмотрены конкретные проявления основных признаков гетеротопии и особенности их осмысления создателями и посетителями «другого пространства».

Ключевые слова: урбанистика; социология города; гуманитарная география; гетеротопия; пространство; фрейм; постмодернистский город.

«Непрозрачное и противоречивое определение», «насколько популярное, настолько же и сбивающее с толку», «странное слово» – такие формулировки прочно закрепились в пост-фуколтианской критике понятия «гетеротопия» [1–4]. Судьба его не совсем обычна: как утверждают М. Дехане и Л. Де Каутер, с момента первых упоминаний этого термина в конце 1960-х гг. он был «скорее интригующим слухом, чем кодифицированным понятием», поскольку единственная работа М. Фуко, посвященная собственно гетеротопии и изначально не предназначенная для печати, была опубликована только в 1984 г., все это время оставаясь «источником как вдохновения, так и замешательства в среде урбанистов и теоретиков архитектуры» [5. С. 4]. Интересно также и то, что этот небольшой текст под названием «Des espaces autres» («О других пространствах»), в «чистом» фуколтианстве считающийся второстепенным, приобрел поистине легендарный статус в той междисциплинарной области знаний, которую в зарубежной науке называют «space & place studies»¹, и стал настоящим манифестом пространственного поворота в современном социально-гуманитарном знании [6].

Действительно, в этой работе Фуко не дает четкого определения гетеротопии, ограничиваясь лишь кратким объяснением этимологии введенного им термина: «...в каждой культуре... существуют реальные, подлинные места, вписанные в конкретные общественные институты, но служащие своего рода «контрместоположениями», своего рода фактически реализованными утопиями, в которых... все остальные реальные местоположения, какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются: места, находящиеся за пределами всех остальных мест, хотя, несмотря на это, они фактически локализуемы. Поскольку эти места были абсолютно иными, нежели все места, которые они отражают и о которых говорят, я назову их... гетеротопиями» [7. С. 196].

Как ни парадоксально, именно эта абстрактность и неопределенность, многократно раскритикованная интерпретаторами Фуко как слабое место теоретических построений, оказалась ключевым достоинством этой концепции, обеспечив ей свободу применения в самых разных направлениях исследований – от социологии города до культурной антропологии, от гуманитарной географии до теории литературы. Кроме того, вполне возможно, что Фуко намеренно отказался от внятных определений, более жестко

фиксирующих суть гетеротопии, и в таком случае трактовать это понятие следует не как неопределенное, а как принципиально неопределимое, ускользающее от раз и навсегда заданных дефиниций, идеологически родственное как современным ему принципам ризомы, нон-финальности, ацентричности [8], так и более поздним концепциям «пространства потоков» [9] и «текучей современности» [10].

Особенно перспективным представляется применение гетеротопологии Фуко в исследованиях постмодернистского города [1, 11–13], который утратил свою сингулярность и стал многослойным и раздробленным [14], расщепленным и разъединенным [15], пограничным [16], гибридным [17], культурно многообразным, сегментированным, фрагментированным, плюральным, противоречивым и конфликтным [18]. Важным шагом в этом направлении стал прошедший в 2005 г. в Бельгии colloquium Европейской ассоциации архитектурного образования (EAAE) «The rise of heterotopia» («Расцвет гетеротопии»), по результатам которого тремя годами позже была издана коллективная монография «Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society» («Гетеротопия и город: публичное пространство в постгражданском обществе») под редакцией М. Дехане и Л. Де Каутера [19]. В сборнике представлены не только теоретические работы, осмысляющие и переосмысляющие концепцию Фуко (некоторые их положения будут рассмотрены ниже), но и множество примеров ее приложения к исследованиям различных городских феноменов – моллов, закрытых охраняемых микрорайонов, пляжей и парков, пустырей, этнических кварталов, вокзалов и аэропортов, музеев, кладбищ и т.п. Однако, как справедливо отмечает Н. Харламов в своей рецензии на эту книгу, для ее авторов характерно внимание «...к устройству пространства, архитектуре и планированию, популяциям и социальным движениям. Фигура же отдельного человека, обитателя гетеротопии, и проблема отношения человека и города вообще и человека и гетеротопии в частности в книге практически не поднимается» [4. С. 194, 195].

Редким примером «человекоориентированного» подхода к исследованию гетеротопии можно назвать проект Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ «Гетеротопология Москвы: фреймы, потоки и места маргинализации» (2007–2008), в рамках которого наблюдатели на протяжении года фиксировали особенности поведения посетителей торгового центра «Охотный ряд» [20. С. 255–302]. Материал, собран-

ный в ходе этих наблюдений, был интерпретирован в контексте фреймовой теории И. Гофмана. Как оказалось, методология, предложенная в его знаменитой работе 1974 г. «Frame analysis: An essay on the organization of experience» («Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта»), весьма продуктивна в исследованиях конкретных ситуаций взаимодействия человека с гетеротопиями – ведь для таких пространств особенно актуален вопрос, являющийся отправной точкой фреймового анализа: «Я исхожу из того, что, оказываясь в какой бы то ни было ситуации, люди всегда задаются вопросом “Что здесь происходит?”» [21. С. 68]. Термин «фрейм» (от англ. *frame* – рамка, каркас) в самом общем виде «обозначает широкий круг понятий, связанных со структурированием реальности, в широком смысле это “форма”» [22. С. 42]. Под фреймами Гофман понимает «определения ситуации, основанные на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события» [Там же. С. 43].

Исследование, о котором пойдет речь в этой статье, также представляет собой кейс-стади, совмещающее гетеротопологию Фуко и теорию фреймов Гофмана, с той лишь разницей, что предметом авторского интереса в данном случае было не то, как ведут себя люди, попавшие в «другое пространство», а то, как они его осмысливают, структурируя и интерпретируя свой опыт. В связи с этим методология, предложенная в проекте «Гетеротопология Москвы» и взятая за исходный образец в данном исследовании, подверглась значительным изменениям: вместо наблюдения был использован дискурс-анализ с некоторыми элементами лингвокогнитивного анализа (в частности, были применены такие традиционные для этого направления методы, как когнитивное моделирование, анализ семантических категорий, прототипов и метафор).

В качестве гетеротопии в данном исследовании был рассмотрен однодневный массовый праздник под названием «Городской пикник» (далее ГП), который с 2012 г. ежегодно организует в Омске группа гражданских активистов без участия городских властей. ГП проходит на территории частной спортивной базы недалеко от центра города, средства на аренду и некоторые другие статьи расходов (подготовка газона, сцена, оформление площадки, охрана, биотуалеты, вывоз мусора и др.) собираются при помощи народного финансирования и привлечения нескольких коммерческих спонсоров. Причиной выбора этого мероприятия как объекта гетеротопологического исследования стала, во-первых, сама идеология ГП – как будет показано ниже, вся она проникнута мотивом инаковости, стремлением преодолеть привычный дискомфорт провинциальной городской среды. Во-вторых, ГП сочетает в себе уникальность (по словам организаторов, точных аналогов у этого мероприятия нет) с масштабностью (по приблизительным оценкам в 2012 г. на пикнике было около 5 000 посетителей, в 2013 г. – около 7 000, в 2014 г. – более 10 000), что выводит его за рамки микропространственных тактик, характерных для современного российского городского активизма². И наконец, еще одно важное обстоятельство: хотя пространств и практик, подобных

«Городскому пикнику», – так называемых третьих мест [23], «альтернативных городов в рамках уже существующего города» [24], анклавов поствиртуальной городской культуры [25] или, по образному выражению одного из посетителей ГП, «хороших городских вещей»³, – в российских городах становится все больше, попытки их научного осмысления пока немногочисленны, а развлекательные издания, ставшие флагманами урбанистического бума последних лет («Афиша Город», «The Village», «Большой город»), в основном ограничиваются столичной повесткой дня.

Таким образом, описываемое исследование должно было ответить на два главных вопроса:

1. В чем проявляется гетеротопическая сущность ГП? Какие его черты позволяют квалифицировать его как гетеротопию?

2. Как осмысляет эту гетеротопию реальная и потенциальная аудитория ГП – его организаторы, участники и посетители, представители средств массовой информации и органов власти?

Материалом дискурс-анализа стал корпус вербальных и визуальных текстов о «Городских пикниках» 2012, 2013 и 2014 гг., включающий в себя:

- сообщения, комментарии и дискуссии организаторов, участников и посетителей ГП, опубликованные на его официальном сайте и в посвященной ему группе в социальной сети «ВКонтакте», а также в блогах;
- публикации в СМИ (новостные заметки, репортажи, интервью с организаторами);
- логотипы, рекламные плакаты и карты ГП; фотографии и фотоколлажи, выполненные организаторами, участниками, посетителями и журналистами;
- пространственный текст ГП (зонирование и оформление территории).

Прежде чем перейти к результатам дискурс-анализа материалов о ГП, приведем основные признаки гетеротопии, описанные Фуко и его последователями:

1. В гетеротопиях одновременно концентрируются, оспариваются и переворачиваются все остальные, реальные пространства [7. С. 196]. Более того, гетеротопия сама состоит из множества абсолютно разных гетеротопий [26. С. 91].

2. Один из наиболее распространенных типов гетеротопии – девиационные гетеротопии, «куда мы помещаем индивидов, чье поведение является девиантным по отношению к среднему или к требуемой норме» [7. С. 198]. Далее Фуко приводит несколько примеров: дома отдыха, психиатрические клиники, тюрьмы, дома престарелых. Учитывая общий стиль эссе «О других пространствах», можно предположить, что этот список не является исчерпывающим, поэтому понятие девиационной гетеротопии вряд ли стоит толковать буквально – суть его скорее состоит в самой идее отклонения от нормы. М. Дехане и Л. Де Каутер называют гетеротопию пространством отличия, инаковости, «другости» и описывают ее сущность метафорой укрытия: «это не крепость, не охраняемая резиденция; убежище открыто именно для тех, перед кем закрыты ворота крепости и городские стены» [26. С. 97, 98].

3. Гетеротопия сочетает в себе несколько пространств (возможно, несовместимых), воспроизводя

их или как бы отсылая к ним [7. С. 200]. В этом контексте обычно рассматривается популярный у исследователей феномен тематических парков [27, 28].

4. Гетеротопия – это еще и гетерохрония: «...гетеротопия начинает функционировать в полной мере, когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [7. С. 200]. Развивая эту мысль, Дехане и Де Каутер высказывают следующее соображение: «Возможно, гетеротопию гораздо легче определить категорией времени, чем пространства. Это не просто пространство, а хронотоп» [26. С. 92].

5. Существуют гетеротопии вечностные, задача которых – «все накопить, сформировать своего рода общий архив, запереть в одном месте все времена, все эпохи, все формы, все вкусы» (музей, библиотека), и временные, «которые подчеркивают наиболее ничтожное, наиболее преходящее, наиболее непрочное во времени» (ярмарки, праздники), причем два этих типа могут сочетаться [7. С. 201].

6. Гетеротопия одновременно открыта и замкнута, изолирована и проницаема; чтобы попасть туда, как правило, нужно получить разрешение, совершить какие-либо поступки или пройти через обряды и очищения [Там же. С. 202]. Интерпретируя это свойство в аспекте оппозиции приватное / публичное, Дехане и Де Каутер называют гетеротопии «полупубличными пространствами коллективного пользования», которые одновременно открыты для публичного доступа, но могут также закрываться, исключая и вычеркивая непосвященных [5. С. 6]. Для описания этого пограничного положения гетеротопии между публичностью и приватностью они предлагают понятие клубного пространства, введенное К. Уэбстером: «Это замкнутые миры гольф-клубов, закрытых сообществ, братств, либо более открытые организации и группы по интересам – бойскауты, местные общественные организации, шахматные клубы, карнавалы ассоциации. Используемые ими пространства могут быть частными, предоставляемыми для собраний клуба в порядке общественной работы; это также может быть частная собственность клуба или гостиния одного из его членов» [26. С. 99].

7. Помимо того что гетеротопия стирает грань между публичным и приватным, она также находится вне категорий политического и экономического [Там же. С. 91]. Это «пространство потлача», разрушающее привычную экономическую логику и поощряющее практики жертвования, дарения, мотовства. Это не означает, что гетеротопия полностью лишена экономического базиса – суть в том, что вместо получения прибыли она нацелена на производство общественных благ за счет государственных субсидий, частных пожертвований или корпоративного спонсирования. Однако учитывая возрастающую повсеместную коммодификацию, гетеротопии тоже попадают под влияние экономики услуг, культурной индустрии, экономики досуга и экономики впечатлений, что позволяет говорить о процессах экономизации гетеротопии, или гетеротопизации экономики [Там же. С. 98]. Что касается политики, «гетеротопия легко может исполнить парapolитическую, протopolитическую или инфра-

политическую роль, если обитатели этой экспериментальной территории захотят однажды выйти из тени» [26. С. 100].

8. Не являясь ни политическим, ни экономическим пространством, гетеротопия есть не что иное, как «культурная сфера» – пространство религии, искусства, спорта, досуга [Там же. С. 91], где люди ни работают, ни действуют (в арендовском понимании действия). Гетеротопия прерывает повседневность, предоставляет пространство для ритуалов, игр, культурных состязаний [Там же. С. 98]. Наиболее характерная для гетеротопии форма деятельности – игра. Сопоставляя понятие гетеротопии с концепцией «человека играющего» Й. Хейзинга (где игра определяется как акт свободной воли, выходящий за пределы повседневности, не имеющий практической цели, ограниченный в пространстве и времени, регламентированный определенными правилами, часто ассоциирующийся с клубом или с определенной группой общности, возможно, частично скрытый или замаскированный), Дехане и Де Каутер находят эти феномены очень близкими [Там же. С. 95].

9. Гетеротопии могут быть иллюзорными – в этом случае они «изобличают, как еще более иллюзорное, все реальное пространство, все местоположения, по которым разгорается человеческая жизнь», – либо компенсаторными, т.е. создающими «другое реальное пространство, настолько совершенное, настолько тщательно и хорошо устроенное, насколько наше беспорядочно, плохо устроено и запутано» [7. С. 203].

10. Гетеротопию трудно «читать». Используя термин, которым Гофман называл ошибку при определении фрейма ситуации, В. Вахштайн называет гетеротопию «специфической формой мисфрейминга» [20. С. 293].

Теперь рассмотрим, как перечисленные свойства гетеротопии проявляются в «Городском пикнике».

Инаковость, необычность. Эти характеристики были предзаданы организаторами еще на этапе коллективного обсуждения возможных вариантов слогана ГП в социальной сети «ВКонтакте», где из предложенных девизов «Не только есть!», «Не хлебом единым», «Ешь, пей, играй и друзей не забывай», «Уберем, где нагадили», «Отдых и искусство – вот что нужно человеку» и «Все будет иначе!» был выбран именно последний (ВК: 3.09.2012). При этом подчеркивалось отличие задуманного мероприятия от массовых праздников, организованных городскими властями (отметим также ярко выраженные здесь признаки гетеротопии-укрытия):

Мы давно перестали посещать с семьями, детьми и друзьями массовые городские праздники, так называемые народные гулянья. К сожалению, сегодня в городе нет организованного массового досуга для взрослых образованных людей, когда на общедоступных площадках исключено было бы встретиться с гражданами в состоянии алкогольного опьянения, принять участие в каких-либо конкурсах без опасения нарваться на чужую грубость, хамское отношение или оказаться вовлеченным в действо низкопробного характера. Такое впечатление, что массовый досуг в Омске организуют люди с дурным вкусом и лишь

для галочки. А после проведения таких гуляний, как правило, вся территория отбушевавшего праздника сильно замусорена и непригодна для прогулок ещё продолжительное время. Поэтому мы сами решили организовать для омичей Городской пикник – праздник, свободный от алкоголя и ориентированный на ценности современного человека, горожанина с активной жизненной позицией и заботящегося о своём здоровье и здоровом будущем своих детей (ВК: 11.08.2012).

Мотив **девиационной гетеротопии** также звучал во многих сообщениях потенциальных участников и посетителей ещё до первого ГП и затем повторялся почти во всех отзывах по итогам посещения каждого из трех пикников – как в социальных сетях, так и в прессе; при этом чаще всего ГП противопоставляли другим видам мероприятий или подчеркивали его необычность для Омска:

Господа и дамы! Если у вас принято субботы проводить дома или в каком-нибудь злочном заведении, пора изменить своим привычкам! Завтра все уважающие себя ценители прекрасного и ужасного соберутся в одном месте: на Первом Городском пикнике! Я надеюсь, вы не думаете, что пикник – это такая большая пьянка с шашлыками? Пикник, между прочим, – это культурное мероприятие (Блог 2: 7.09.2012).

***

Комментатор 1: Просто про пикник подумалось, что это как **Агро-Омск** [агротехническая выставка-ярмарка, ежегодно организуемая министерством сельского хозяйства и продовольствия Омской области – прим. авт.], только без тракторов и животных. А оказалось, что нет. *Комментатор 2:* Как раз и хотели, чтобы не было похоже на **Агро-Омск**. **Орг**и [организаторы – прим. авт.] придумали хороший слоган «Всё будет иначе» и старались его придерживаться (Блог 1: 9.09.2012).

***

Атмосфера мимимишечная, в городе я подобного не видела никогда (Блог 3: 9.09.2012). Впервые в жизни мне было комфортно находиться на мероприятии с большим количеством людей! (ВК: 8.09.2012). Я приглашаю всех принять участие в пикнике – это действительно замечательное событие, очень редкое для нашего города (Блог 4: 1.07.2013). В Омске что-то произошло! И не просто что-то. То самое единение, беззаботность и доброжелательная атмосфера. Выход за рамки «городской обыденности» (ВК: 7.07.2013). Близится 6 июля, день второго городского Пикника (...). На спортивной базе (...) будут происходить чудеса: люди сами организуют праздник (Блог 4: 4.07.2013). Бублики на деревьях, страус из туалетной бумаги, фото ботинков в холодильнике... На пикнике было чему удивиться (СМИ 1: 6.07.2014).

Помимо этого, идея ГП как пространства отличия проявлялась в свойственных ему принципах **гетерогенности и плюральности**:

Не хватает в Омске таких живых мероприятий, мероприятий, объединяющих в одном месте разных людей. Понятно, что все тусуются по своим клубам по интересам, но ведь многие совсем не прочь похо-

дить-посмотреть и вдруг заняться ещё чем-то новым (отзыв посетителя, ВК: 9.09.2012). Согласно подсчётам организаторов, на пикник пришло около 5 тысяч горожан, среди них были не только молодые омичи, но и люди среднего и даже старшего возраста (СМИ 2: 10.09.2012). В этом году (...) было больше площадок, следовательно, было больше разнообразия, и больше шансов найти что-то интересное для каждого (отзыв участника, Блог 5: 8.07.2013). Так ведь идея пикника и заключается в многообразии всего происходящего. Это важно! (ответ одного из организаторов на вопрос интервьюера «Какую площадку пикника вы сами считаете самой важной?»); СМИ 3: 11.09.2013). Мне (...) показалось, что изюминка как раз в этом – в большом количестве разных площадок по интересам. Иди, куда тебя душа зовет! (отзыв посетителя, ВК: 5.07.2014).

Впрочем, в 2012 г. некоторые посетители, пришедшие на мероприятие с детьми и разочарованные отсутствием специально подготовленных для них развлечений, отмечали несоответствие «Городского пикника» постоянно звучащей в других отзывах идее «праздника, комфортного для всех» (после первого ГП этот недостаток был исправлен организаторами). По этой же причине все три года в отзывах посетителей не утихают споры по поводу музыкального репертуара и громкости звука на главной сцене ГП.

К 2014 г. разнообразие площадок ГП достигло таких масштабов, что в отзывах посетителей стали появляться критические замечания на этот счет:

Несмотря на многие интересные моменты в целом было скучновато! Практически не покидало чувство бессмысленности всего вокруг происходящего! Когда нет смысла, единого организующего принципа, даже очень интересные вещи становятся гораздо менее интересными и яркими. Короче говоря, не хватило чувства, ради чего всё это делается, общей тематичности пикника! (отзыв посетителя, ВК: 5.07.2014). Именно на эту разобценность обратили внимание омичи (...). Большая территория, огромный наплыв публики и обширный выбор площадок для отдыха. Как следствие, зрители разделились на разные по размеру группы в зависимости от настроения, интересов, принадлежности к субкультурам и прочих критериев. Несмотря на восторженные и благодарные отзывы, омичам не хватило единения, которое достигалось, пожалуй, лишь у главной сцены (СМИ 1: 6.07.2014).

Принимая во внимание одно из ключевых высказываний организаторов «Мы хотим создать именно пространство, а не просто набор площадок» (СМИ 4: 20.06.2013), можно сделать вывод, что подобная ацентричность не является их принципиальным выбором. Это скорее неизбежное следствие анклавной функции ГП: на сегодняшний день в Омске нет ни одного по-настоящему благоустроенного, отвечающего современным требованиям парка; другие типы третьих мест здесь пока не приживаются (несколько попыток открыть антикафе не увенчались успехом из-за отсутствия стабильного спроса на развлечения такого рода), а новые городские коммуникативные практики (фримаркеты, букросинг, офлайн-квесты и т.п.) реализуются слишком дискретно и эпизодично.

Рассуждая о том, как в ГП проявляются идеи инаковости, девиантности и гетерогенности, нельзя не отметить одну любопытную деталь. В 2013 г. стихийно сложившимся маскотом⁴ второго «Городского пикника» стал неизвестный посетитель в маске коня, герой многочисленных фотоотчетов в социальных медиа и публикаций в СМИ, причем последние упоминали его в сильнейшей позиции текста – заголовке, наряду с указанием на визит губернатора Омской области, также посетившего ГП: «Городской пикник: губернатор, конь в пальто и хиппи» (СМИ 5: 6.07.2013); «От губернатора до коня в пальто: Городской пикник объединил омичей» (СМИ 6: 8.07.2013). Всеобщая фиксация на этом персонаже, не вполне соответствующая масштабу его девиантности, может указывать на то, что он стал живым воплощением гетеротопии, символом Другого в коллективном опыте посетителей ГП.

То, как были сопоставлены и бессознательно противопоставлены в этих текстах формально никак не связанные друг с другом фигуры человека-коня и губернатора, демонстрирует еще одну гетеротопическую черту ГП – **оспаривание и переворачивание реального пространства**. Здесь, безусловно, напрашивается аналогия с инверсией оппозиции король / трикстер в бахтинской теории карнавала⁵, происходит также вполне карнавалы процесс, который в терминологии Гофмана называется обращением фрейма – в данном случае фрейма *ВЛАСТЬ*:

Чиновники – губернатор Виктор Назаров и сенатор Андрей Голушко – там были, но только в качестве гостей (СМИ 7: 15.07.2013). *По-настоящему верную позицию выбрали организаторы (...), дав понять, что губернатор ничем не отличается от тысяч остальных участников. В этом моменте и проявилась вся суть пикника. (...) организаторам и участникам удалось создать собственную повестку дня, сконструировать такие правила игры, согласиться с которыми пришлось и губернатору* (СМИ 8: 10.07.2013).

Кроме того, для ГП характерен карнавалы мотив снятия ограничений. Приведем в качестве примера слова одного из участников ГП, художника С. Баранова, комментирующего процесс украшения забора спортивной базы, на территории которой проходит ГП, пиктограммами «Бегай, как хочешь», «Прыгай, как хочешь», «Летай, как хочешь» и т.п.:

Жил-был забор. Самый обыкновенный забор – длинный, серый и пыльный. (...) этот забор уже стал частью визуального пространства Городского пикника – территории свободы. А в остальные от проведения пикника 364 дня в году он «украшает» территорию спортивной базы (...). Поэтому к очередному пикнику решено было расписать забор (...). Придумался проект «Свобода движения» (Блог 6: 8.07.2013).

Главным объектом оспаривания на ГП является Омск. Это происходит как в лефевровском духе заявления «права на город» [29], так и в форме коррекции фрейма *ОМСК*:

Городской праздник мы с друзьями придумали после выборов мэра, во время которых занимались общественным наблюдением за процессом голосования.

Тогда мы пришли к тому, что многие омичи, как и мы, уверены: все уже решено за нас и мы не хозяева города. После выборов, сев размышлять, что делать дальше в такой обстановке всеобщего уныния, мы пришли к выводу, что неплохо было бы провести городской праздник (интервью с организаторами, СМИ 9: 10.09.2012). *Думаю, это первая серьезная заявка на то, что это наш город, а не город быдла* (Блог 7: 9.09.2012).

***

Комментатор 1: Раньше не мог понять, в чем разница между Омском и Новосибирском. Теперь начинаю понимать. Люди ни во что не верят, людям ничего не надо. Это нормально для запашистого Омска. Пойду лишь только для того, чтобы пообщаться с настоящими, живыми людьми. Комментатор 2: Да, с верой в людей у нас сложно в городе, есть причины. Но (...) пикник как раз и помогает увидеть, что человек не одинок даже в Омске. (...) Кто бы что ни говорил, но Омск не совсем пропащий город. Организаторы сообщают, что бюджет Пикника наполняется за счёт омичей сейчас нормально (из комментариев к заметке, СМИ 10: 1.07.2013).

***

Три года назад мне казалось, что в Омске очень мало таких вот талантливых и активных людей. Но 1-й Пикник все изменил. Я увидел, что их тысячи (ВК: 6.07.2014). *Омск – мерзкий городишко, это всем известно. Но покинуть его невозможно – даже не пытайтесь. Омск – это приговор. Впрочем, у любого мифа есть обратная сторона. У мифа о «мерзком городишке» Омске стимул – доказать хотя бы самим себе, что помирать еще рано, можно вполне комфортно существовать где угодно. Именно на этой идее родился «Городской пикник»* (Блог 8: 6.07.2014).

Мотив «преодоления» Омска выражается и в метафорах, используемых организаторами и посетителями при описании ГП:

Омск – это «Титаник». Помните, когда уже стало ясно, что шлюпок не хватит и многие погибнут, группа музыкантов играла на палубе веселую музыку. Я думаю, это роль всех хороших людей сейчас – продолжать играть веселую музыку, несмотря ни на что (сообщение организаторов, Блог 9: 15.04.2013). *(...) я везла на спортбазу, где будет проходить пикник, семена травы для газона на большой поляне (...). Пикник сейчас – это пока ещё только семена. Мы их бросили в почву, и они обязательно взойдут, если их хорошо поливать* (сообщение в персональном блоге одного из организаторов, Блог 10: 20.06.2013). *Городской пикник, как свежий ветер Омска* (заголовок заметки, СМИ 11: 1.07.2014).

Ярким примером противопоставления «живого» ГП «мертвому» Омску является изображение, выложенное организаторами накануне второго ГП в социальной сети «ВКонтакте» без каких-либо пояснений (рис. 1).

Интерпретируя это изображение поверхностно, можно сказать, что опустевшие улицы демонстрируют популярность ГП (в нижнем правом углу написано «Дома тоже никого», далее название «Городской пикник» и адрес базы).

Рис. 1. Омск как «зомбитаун»

Более глубокий анализ, учитывающий символический статус запечатленного на этой фотографии места (это одна из главных точек омского исторического центра – перекресток улиц Ленина, Щербанева и Партизанской), обнаруживает здесь визуализацию стереотипа «Омск – мертвый город» и приглашение омичей в альтернативное, живое пространство ГП, что безошибочно считывают те, кому предназначался данный снимок:

Комментатор 1: а как же городской? [скульптура на углу Ленина и Щербанева – прим. авт.] Комментатор 2: он мертвый. Комментатор 3: Омск. Комментатор 4: зомбитаун... (ВК: 3.07.2013).

Взамен реального «зомбитауна» организаторы и участники ГП создают **компенсаторную гетеротопию**, масштаб которой в их представлениях варьирует от целого идеального города⁶ до образа идеального городского публичного пространства:

Идея такая: создать инсталляцию города, который нам нравится. Для этого на территории пикника создаётся распределённая площадка, включающая четыре отдельных тематических участка: исторический центр, парк, жилой район, деловой район. Каждая площадка будет снабжена небольшой выставкой репродукций хороших образцов организации территории города. А люди изготавливают с помощью ножниц, маркеров, палочек различные объекты инфраструктуры и организуют пространство. Приходите, посмотрите, предложите, сделайте... тогда у нас и будет снова город, в котором хочется жить (описание проекта «Строим город сами» на втором ГП: ВК: 26.06.2013; Блог 4: 4.07.2013).

***

Это уже третий праздник нового для Омска формата: широкими силами общественности, с участием омских художников, музыкантов, общественных деятелей и просто активных граждан, на один день создается пространство, где красиво и интересно (СМИ 12: 22.06.2013). Людей, которые хотят быть людьми, достаточно много для того, чтобы организовать чисто человеческое и просто чистое пространство (Блог 8: 8.07.2013). Задача праздника – на один день «собрать» красивое общественное пространство, создать место для знакомства и реализации проектов активных людей (сообщение органи-

заторов, Блог 9: 2.07.2014). Спасибо за потрясающий день – такой, каким он может и должен быть в середине лета у нормальных людей, которым хорошо, приятно и нескучно ходить и бродить, смотреть на красивых друг друга, валяться на траве и заниматься необязательными, но необходимыми летом вещами (ВК: 5.07.2014).

Четыре последних текста также демонстрируют, как в темпоральном фреймировании ГП («один день») проявляются его **гетерохронные черты**. Вместе с тем ГП является интересным примером **сочетания вечностной и временной гетеротопии**, о возможности которого говорил Фуко. В этом смысле особенно показательны арт-проекты третьего ГП: инсталляция «Медиа через призму искусства», фиксирующая историю развития российских медиа 1999–2010-х гг. в интерактивных экспонатах, графике и живописи; выставка С. Баранова «Бабушка Ия и ее клоуны», посвященная народной художнице, которая много лет шила оригинальные куклы и продавала их на одной из центральных улиц Омска; фоторетроспектива любительских снимков из семейных архивов омичей.

Концентрационный характер гетеротопического пространства ГП (см. выше первый признак гетеротопии) заключается в его стремлении вобрать в себя «все лучшее» и «всех лучших» в Омске:

Мы хотели собрать всех хороших, интересных людей (СМИ 13: 10.09.2012). Здорово, столько прекрасной молодёжи в одном месте (ВК: 9.09.2012). Мы (...) знали (...) что нормальных, современных, красивых людей у нас не так уж мало, просто где они – никто не знает. И нам пришла в голову идея устроить праздник, в котором все они смогли бы поучаствовать (интервью с организаторами, СМИ 3: 11.09.2013). Никогда не видела в Омске такого количества адекватных и приятных людей в одном месте (ВК: 7.07.2013). Как правильно было замечено в twitter, Омск сжался до размеров лыжной базы на Березовой, 4. Просто нереальная концентрация молодых, красивых и творческих людей в одном месте (Блог 11: 7.07.2013). Лично для меня это был день большого счастья и единения со всем хорошим в Омске (сообщение организаторов, Блог 9: 15.04.2013). В очередной раз удивили! Столько драйва в Омске не собрать за целый год! (ВК: 6.07.2014).

Эта интенция обнаруживается и в том, как ГП **воспроизводит другие пространства и практики**, представляя весь спектр возможных городских развлечений:

Комментатор 1: Вы мне объясните, что там горожанин может такого увидеть, что он без пикника в субботу, в обычную свою субботу, не увидит? Комментатор 2: Тут все в одном месте. Т.е. обычный вроде минипарк на свежем воздухе + музон + игры + лекции + инсталляции + разные секции. (...) Где такое увидишь? (Блог 1: 3.07.2013); см. также полную версию программы третьего ГП на официальном сайте мероприятия [30].

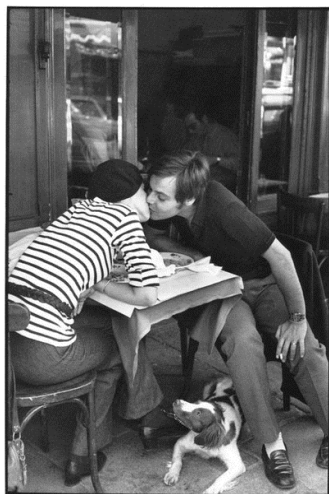
Подобно другому пространственному типу гетеротопии – тематическому парку, ГП **содержит отсылки к другим культурам**:

Также гости могли проверить свои знания в английском и послушать о чужой культуре. Волонтеры из Мексики, Малайзии, Индонезии, Марокко, Велико-

британии, Индии и Гонконга были открыты для диалога (СМИ 14: 9.07.2013).

Большинство площадок ГП сами по себе являются «гетеротопиями в гетеротопии», как, например, мно-

гочисленные игротеки, спортивные, танцевальные и театральные зоны, выставки, инсталляции и перформансы и т.п. Рассмотрим несколько характерных примеров, превращающих ГП в **гетеротопию-фрактал**.

а

б

Рис. 2. «Французская кофейня» на «Городском пикнике»: прототип и реальность

а

б

Рис. 3. Отдых от отдыха на «Городском пикнике»

Инсталляция «Кофе с француженкой» была анонсирована в программе ГП знаменитым кадром фотохудожника А. Картье-Брессона (рис. 2, а). Эта фотография очень популярна в социальных сетях – инструмент Google «Поиск по картинке» соотносит ее с поисковым запросом «старый Париж». Анонс сопровождается следующим текстом:

Любите ли Вы кофе? А путешествия? А бывали Вы в Париже? Если любите, бывали или мечтаете побывать, приглашаем Вас на инсталляцию «Кофе с француженкой». Во «французской кофейне», которая будет работать только на Городском пикнике, можно выпить кофе, полистать книжки о Париже и поговорить на французском! А также посмотреть на Париж глазами устроителей площадки, узнать о кофе как о времени препровождения, вспомнить о своих путешествиях и помечтать о новых! (ВК: 12.06.2013).

«Сижу под бульваром [речь идет о городском пейзаже, висящем на заднике площадки – прим. авт.], а как будто на нем», – так комментировали свой гетеротопический опыт гости «портативного Парижа» на ГП (рис. 2, б).

Несколько иначе воплощалась фрактальность гетеротопии ГП на двух предоставленных коммерческими спонсорами площадках (рис. 3, а, б), где можно было воспользоваться бесплатным wi-fi, подзарядить телефоны, планшеты и ноутбуки и расположиться на удобных сиденьях, то есть буквально отдохнуть от «Городского пикника», отдохнуть от отдыха. В «Зеленой зоне wi-fi» от компании «Мегафон» (2013 г.; рис. 3, а) мы видим мягкие кресла-мешки и искусственную «лужайку», компенсирующую несовершенство реального газона на территории спортивной базы, где проходит ГП.

Создатели «Зоны отдыха ДубльГИС» (2014 г.; рис. 3, б), помимо кресел-мешков, установили на своей площадке офисную мебель и тент, защищающий посетителей от солнца. Обе зоны, по сути, есть воплощенное Другое «Городского пикника», гетеротопия гетеротопии.

Как и любая гетеротопия, ГП является **одновременно открытой и закрытой, изолированной и доступной территорией**, иногда напоминающей **клубное, полупубличное пространство**. Перед первым ГП планировалось, что попасть туда можно будет

либо за небольшую плату, либо по предъявлении флаера (первый вариант вскоре был отброшен, так как бесплатный вход был требованием арендодателя):

Организатор 1: Флаеров будет много, человек без флаера сможет купить его на входе (крайний вариант, так как кто захочет – сможет получить бесплатно). *Комментатор*: То есть флаеры – лишь путь некоего создания «значимости» и «причастности» (ну и информационная раздатка)? Ок:) *Организатор 2*: ну и способ адресно пригласить определенную целевую аудиторию (обсуждение в группе ГП, ВК: 18.08.2012).

После того как организаторы решили обойтись без флаеров и окончательно сделали выбор в пользу свободного доступа на ГП, роль входного ритуала стали играть правила поведения на территории праздника:

Главное, чтобы абсолютно все ответственно подошли к делу: не употребляли алкогольных напитков, не мусорили и в целом вели себя спокойно (интервью с организаторами, СМИ 15: 5.09.2012). Спиртное не будет продаваться и организаторы оставляют за собой право удалять посетителей со спиртными напитками (официальный плакат первого ГП, ВК: 4.09.2012). По всей территории будут стоять коробки для мусора. Просим вас выкидывать мусор только туда. Разводить костры и использовать мангалы на пикнике нельзя. Курить на территории лыжной базы, где проходит пикник, нельзя, потому что будет много детей и некурящих людей и потому что это запрещено новым федеральным законом. Такая же история со спиртными напитками – нельзя и не продавать (сообщение организаторов, ВК: 6.07.2013). Очень свежо и приятно было на территории пикника. Это как-то само собой было, а оценили свежую атмосферу дня, когда вышли за территорию – у ворот сразу окунулись в табачный дым... Странное явление, как будто стеной обнесена база была (отзыв посетителя, ВК: 7.07.2013).

Пытаясь разметить границы «клуба», перед первым ГП организаторы также транслировали прототипический образ идеального посетителя: «взрослые, образованные люди»; «современный человек, горожанин с активной жизненной позицией и заботящийся о своём здоровье и здоровом будущем своих детей» (ВК: 11.08.2012); «люди, которые мало участвуют в мероприятиях для ширнмассы»; «это для деятельной интеллигенции, не для случайных прохожих» (Блог 10: 9.09.2012). Более откровенно формулировали образ «чужих» посетители ГП, торжествуя по поводу отсутствия на празднике нежелательных лиц (эта тема присутствует почти во всех отзывах 2012–2014 гг.): «здесь не было пьяных неадекватов» (Блог 3: 9.09.2012); «полное отсутствие гопоты» (Блог 12: 9.09.2012); «о чудо, я не видел ни одного баклана с быдло-пивом!!!» (ВК: 9.07.2013); «столько народу, никто не пьёт, не курит и не матерится!!!!» (ВК: 5.07.2014). В этом настойчивом вычеркивании неопосвящённых снова проявляются уже описанные признаки девиационной гетеротопии, гетеротопии-укрытия. Изолированность ГП обусловлена еще и его географическим положением: «Достаточно удачно выбрано место. И в центре, и просторно, но и левых

пассажиров мимо не ходит, только гости вечеринки» (отзыв посетителя, Блог 12: 9.09.2012). «Место оказалось, хотя и близко к центру, довольно удаленным от основных магистралей. Поэтому случайной публики практически не было» (СМИ 16: 9.09.2012). Таким образом, маргинальный мотив «пикника на обочине», заимствованный из названия романа А. и Б. Стругацких и часто обыгрываемый в отзывах участников ГП и публикациях о нем в СМИ, можно трактовать двояко: обочинность как идеологическая альтернативность и как удаленность от реального городского пространства Омска.

Особый интерес представляет ГП в контексте отношений понятия гетеротопии с **категориями экономического и политического**. На первый взгляд, ГП является классическим примером описанного Дехане и Де Каутером пространства, разрушающего привычную экономическую логику: на территории ГП действуют практики экономики дарения (буккроссинг и фримаркет), биотуалеты фактически работают по принципу «заплати, сколько считаешь нужным» (рядом с каждым из них стоит коробка с надписью «20 рублей. Мы вам верим!»), да и сам по себе ГП – набор разнообразных бесплатных развлечений на целый день. В то же время в ГП многообразно представлены проявления процесса коммодификации и экономизации гетеротопии, о котором говорят те же авторы (см. седьмой признак гетеротопии). В частности, ГП финансируется не только частными пожертвованиями горожан, но и взносами коммерческих участников, многие из которых продают свои товары и услуги на территории праздника (добавим также, что затраты на первый, «малобюджетный», ГП компенсировались в основном личными средствами организаторов). Неоднозначным является и вопрос об участии государства в ГП. С одной стороны, ГП традиционно позиционируется организаторами как «*первый городской праздник, организованный горожанами, без администраций, организаций и корпораций*» [30]. Но спортивная база, ежегодно арендуемая организаторами, принадлежит двум собственникам, один из которых – департамент по делам молодежи, физической культуры и спорта городской администрации Омска:

Площадка (...) наполовину принадлежит городу, а наполовину – частному лицу. И с тем и с другим мы договорились о бесплатной аренде. Это, кстати, демонстрация прекрасного поведения властей: мы обратились к ним по поводу площадки и попросили больше никак себя не проявлять, и, к нашему удовольствию, они именно так и делают (интервью с организаторами, СМИ 4: 15.07.2013).

Тем не менее после второго ГП оптимизм организаторов сменился на возмущение тем, что директор вышеупомянутого департамента попытался «присвоить» ГП, включив его в свой отчет о муниципальных мероприятиях, проведенных в 2012–2013 гг. Отдельного подробного рассмотрения заслуживает проблема многочисленных мисфреймингов, возникающих у посетителей ГП как результат устойчивого соотношения его с более привычным фреймом **ПОТРЕБЛЕНИЕ**.

Аналогичным образом ГП лишь в первом приближении кажется внеполитическим пространством («*Без политики*», – кратко гласит одно из шести ключевых правил этого праздника [30]). В действительности же его протополитический потенциал очевиден как иронизирующим на эту тему посетителям («*А вы с властью-то согласовали? Власть дала дозволение? А то раз соберутся граждане, соберутся два, а там глядишь – антигосударственный переворот!*»; Блог 1: 6.09.2012), так и городским властям (в этом ключе стоит детально проанализировать историю с «неформальным» визитом губернатора на второй ГП). Не менее интересны проблема распределения власти на ГП (в том числе с точки зрения уже упомянутого выше эффекта ацентричности) и динамика отношений в ролевой системе организаторы / участники / посетители в 2012, 2013 и 2014 гг. Эти аспекты, а также конкретные механизмы фреймирования гетеротопии ее создателями, участниками и посетителями, будут отражены в следующих публикациях о «Городском пикнике».

Приложение 1. Ссылки на блоги

1. URL: <http://omchanin.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
2. URL: <http://mypravda.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
3. URL: http://vera_cruiser.livejournal.com (дата обращения: 31.08.2014).
4. URL: <http://hedgeapple.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
5. URL: <http://yakovlev-ma.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
6. URL: <http://klaustromax.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
7. URL: <http://tor4annen.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
8. URL: <http://skadi-omsk.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
9. URL: <http://imaginarycity.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).

10. URL: http://e_n_z.livejournal.com (дата обращения: 31.08.2014).
11. URL: <http://presumptia.livejournal.com> (дата обращения: 31.08.2014).
12. URL: avpupkoff.livejournal.com (дата обращения: 31.08.2014).

Приложение 2. Ссылки на публикации в СМИ

1. URL: <http://top55.info/news/newsid/13987> (дата обращения: 31.08.2014).
2. URL: http://omskpress.ru/news/34092/pervy_gorodskoy_piknik_posetili_tsyach_omichey (дата обращения: 31.08.2014).
3. URL: <http://kvnews.ru/gazeta/2013/sentyabr/34/65182=print> (дата обращения: 31.08.2014).
4. URL: <http://ria7.ru/3770> (дата обращения: 31.08.2014).
5. URL: <http://omskzdes.ru/society/9834.html> (дата обращения: 31.08.2014).
6. URL: <http://www.omsk.aif.ru/dosug/afisha/114742> (дата обращения: 31.08.2014).
7. URL: <http://bk55.ru/news/article/19896> (дата обращения: 31.08.2014).
8. URL: http://issuu.com/97660/docs/g7_21_small# (дата обращения: 31.08.2014).
9. URL: <http://www.omsk.aif.ru/dosug/afisha/113959> (дата обращения: 31.08.2014).
10. URL: <http://blog.bk55.ru/?p=5980&cpage=1#comments> (дата обращения: 31.08.2014).
11. URL: <http://www.bk55.ru/mc2/news/article/3064> (дата обращения: 31.08.2014).
12. URL: <http://rmx.ru/poster/events/?EventID=6070> (дата обращения: 31.08.2014).
13. URL: <http://omsk.rfn.ru/mews.html?id=11315677&cid=7> (дата обращения: 31.08.2014).
14. URL: <http://www.metronews.ru/goroda-metro/kak-proshel-glavnyj-piknik/XKFmgH---Az7xV0eUgWCuxy0K9NM6nQ> (дата обращения: 31.08.2014).
15. URL: <http://www.metronews.ru/novosti/omichej-obedinit-piknik/XKFmgH---HNxcLFmmfCcJWMRcuPyxQ/> (дата обращения: 31.08.2014).
16. URL: <http://omsk.zaotdih.ru/news/gorodskoj-piknik-dubl-raz> (дата обращения: 31.08.2014).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Букв. «исследования пространства и места».

² См. некоторые характерные примеры: URL: <http://partizaning.org/?cat=6> (дата обращения: 31.08.2014). (Блог 1: 5.09.2012). Здесь и далее ссылка на блог для краткости помечена словом «Блог» и порядковым номером источника в прил. 1, далее указана дата сообщения или комментария. Ссылки на материалы прессы также обозначены аббревиатурой «СМИ», порядковым номером публикации (прил. 2) и ее датой; ссылки на официальную группу «Городского пикника» в социальной сети «ВКонтакте» отмечены аббревиатурой «ВК» и датой сообщения или комментария.

³ Маскот – это персонаж-талисман, олицетворяющий некое сообщество, мероприятие или бренд (например, маскоты университетов в западных странах, Олимпийский Мишка, клоун McDonald's).

⁴ К сожалению, объем данной статьи не позволяет рассмотреть параллели между концепцией карнавальной культуры Бахтина и гетеротопологией Фуко более подробно; здесь приведены лишь наиболее очевидные проявления карнавальности «Городского пикника» в контексте гетеротопических механизмов оспаривания и переворачивания.

⁵ Характерная деталь: коллективный блог организаторов, их группа в социальной сети «ВКонтакте», а также сайт об их проектах (не путать с группой и официальным сайтом ГП) называются «Придуманный город».

ЛИТЕРАТУРА

1. Soja E. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford : Basil Blackwell, 1996. 334 p.
2. Defert D. Foucault, space, and the architects // Documenta X: The Book: Politics Poetics / ed. by C. David, J.-F. Chevrier. Ostfildern, Germany : Cantz, 1997. P. 264–283.
3. Cenzatti M. Heterotopias of difference // Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society / ed. by M. Dehaene, L. De Cauter. London : Routledge, 2008. P. 75–85.
4. Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // Философско-теоретический журнал. 2010. С. 189–197.
5. Dehaene M., De Cauter L. Heterotopia in a postcivil society // Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society / ed. by M. Dehaene, L. De Cauter. London : Routledge, 2008. P. 3–9.

6. Kuntz A.M. Turning from time to space: Conceptualizing faculty work // *Higher Education: Handbook of Theory and Research*. 2009. V. 24. P. 355–388.
7. Фуко М. Другие пространства // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью* / пер. Б.М. Скуратова ; под общ. ред. В.П. Большакова. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. Я.И. Свирского ; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. 895 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. под науч. ред. О.И. Шкаратан. М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
10. Бауман З. Текучая современность / пер. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
11. Ellin N. Postmodern urbanism. Oxford : Blackwell. 1995. 368 p.
12. Watson S., Gibson K. Postmodern cities and spaces. Cambridge, MA : Blackwell, 1995. 269 p.
13. Dear M.J. The Postmodern urban condition. Oxford : Blackwell, 2000. 352 p.
14. Marcuse P. The layered city // *The urban lifeworld: Formation, perception, representation* / ed. by P. Madsen, R. Plunz. London ; New York : Routledge, 2002. P. 94–114.
15. Graham S., Marvin S. Splintering urbanism. London : Routledge, 2001. 479 p.
16. Garreau J. Edge city: Life on the new frontier. N.Y. : Anchor Books, 1992. 546 p.
17. Sandercock L. Cosmopolis II. Mongrel cities of the 21st century. London ; New York : Continuum, 2003. 261 p.
18. Perrone C., Manella L., Tripody L. Everyday life in the segmented city. Emerald, 2011. 333 p.
19. Dehaene M., De Cauter L. Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society. London : Routledge, 2008. 358 p.
20. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
21. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М. : Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
22. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта* / И. Гофман ; пер. под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М. : Институт социологии РАН, 2003. С. 7–57.
23. Oldenburg R. The great good place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, hair salons, and other hangouts at the heart of a community. N.Y. : Marlowe & Company, 1989. 338 p.
24. Hou J. Insurgent Public Space: Guerrilla Urbanism and the Remaking of Contemporary Cities. London ; New York : Routledge, 2010. 289 p.
25. Квят А.Г. Кафе без еды, фастфуд как медиа, временный парк: поствиртуальность и город 3.0 в России // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. № 3 (23). В печати. См. препринт: URL: https://www.academia.edu/attachments/34158178/download_file?st=MTQwOTUxODMyMywODguMjMyLjEyNC42MSw3MjMzNjIx&s=swp-toolbar (дата обращения: 31.08.2014).
26. Dehaene M., De Cauter L. The space of play. Towards a general theory of heterotopia // *Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society* / ed. by M. Dehaene, L. De Cauter. London : Routledge, 2008. P. 87–102.
27. Sorkin M. Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space. N.Y. : Hill and Wang, 1992. 252 p.
28. Kern K. Heterotopia of the theme park street // *Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society* / ed. by M. Dehaene, L. De Cauter. London : Routledge, 2008. P. 105–115.
29. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford : Blackwell, 1991. 225 p.
30. Городской пикник: официальный сайт. URL: <http://2014.picnicomsk.ru> (дата обращения: 31.08.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 сентября 2014 г.

"EVERYTHING WILL BE DIFFERENT": CITY PICNIC AS HETEROTOPIA

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 65–75. DOI: 10.17223/15617793/388/11

Kviat Alexandra G. University of Warwick (Coventry, United Kingdom). E-mail: akvyat@yandex.ru

Keywords: urban studies; urban sociology; human geography; heterotopias; space and place; frame; postmodern city.

Foucault's lecture "Of Other Spaces", which was delivered in 1967 and remained unpublished until 1984, was extremely influential for space and place studies and even became a manifesto of the spatial turn in the humanities and social sciences. The term "heterotopia", introduced in this lecture, has had a great impact on many different fields from urban sociology and human geography to cultural anthropology and literary theory but also has been criticized for opacity, inconsistency and incoherence. This article presents first results of the research project that tries to concretize and operationalize the concept of heterotopia and aims to demonstrate how it can be used in research on new Russian urban culture phenomena. Using interdisciplinary methodology that combines Foucauldian heterotopology with Erving Goffman's frame theory, I undertake a case study of Omsk annual DIY urban public event called City Picnic to analyze how particular "other space" manifests itself and how it is being conceptualized by its creators and visitors. These research questions were answered by means of discourse analysis supplemented with some traditional cognitive-linguistic methods such as cognitive modelling and mapping, semantic category analysis, prototype analysis, and conceptual metaphor analysis. Data collected for discourse analysis includes various verbal and visual texts about 2012, 2013 and 2014 City Picnics: (1) posts, comments and discussions on its official website, in its group on social networking service "VKontakte", and in blogs; (2) media publications; (3) City Picnic logotypes, posters, banners, and maps; (4) photographs and photoshopped images made by City Picnic coordinators, members, visitors and journalists; (5) "spatial text" (zoning and design of the City Picnic territory). As a result, City Picnic was described as a space that exhibits the following heterotopological characteristics: otherness, alterity, and deviance; heterogeneity and diversity; contesting and inverting of the real spaces and places; compensatory intention; heterochronism; combination of eternitary and chronic heterotopias; concentration and representation of other spaces, places, practices and cultures; fractality; semi-publicness; being the other of the political and the other of the economical. The article concludes with the outline of further directions of City Picnic heterotopology that will require analysis of its para-political potential and discussion of the public space commodification problem as well as its framing / misframing mechanisms study that will shed light on the process of "reading" heterotopia.

REFERENCES

1. Soja E. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Basil Blackwell, 1996. 334 p.
2. Defert D. *Foucault, space, and the architects*. In: David C., Chevrier J.-F. (eds.) *Documenta X: The Book: Politics Poetics*. Ostfildern, Germany: Cantz, 1997, pp. 264–283.

3. Cenzatti M. *Heterotopias of difference*. In: Dehaene M., De Cauter L. (eds.) *Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society*. London: Routledge, 2008, pp. 75-85.
4. Kharlamov N. Geterotopii: strannye mesta v gorodskikh prostranstvakh postgrazhdanskogo obshchestva [Heterotopia: strange places in the urban spaces of post-civil society]. *Siniy divan*, 2010, no. 15, pp. 189-197.
5. Dehaene M., De Cauter L. *Heterotopia in a postcivil society*. In: Dehaene M., De Cauter L. (eds.) *Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society*. London: Routledge, 2008, pp. 3-9.
6. Kuntz A.M. Turning from time to space: Conceptualizing faculty work. *Higher Education: Handbook of Theory and Research*, 2009, vol. 24, pp. 355-388.
7. Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French by B.M. Skuratov. Moscow: Praxis Publ., 2006. Pt. 3, pp. 191-204.
8. Deleuze G., Guattari F. *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by Ya.I. Svirskiy. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: Astrel' Publ., 2010. 895 p.
9. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2000. 608 p.
10. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [The fluid modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 240 p.
11. Ellin N. *Postmodern urbanism*. Oxford: Blackwell, 1995. 368 p.
12. Watson S., Gibson K. *Postmodern cities and spaces*. Cambridge, MA: Blackwell, 1995. 269 p.
13. Dear M.J. *The Postmodern urban condition*. Oxford: Blackwell, 2000. 352 p.
14. Marcuse P. *The layered city*. In: Madsen P., Plunz R. (eds.) *The urban lifeworld: Formation, perception, representation*. London ; New York: Routledge, 2002, pp. 94-114.
15. Graham S., Marvin S. *Splintering urbanism*. London: Routledge, 2001. 479 p.
16. Garreau J. *Edge city: Life on the new frontier*. New York: Anchor Books, 1992. 546 p.
17. Sandercock L. *Cosmopolis II. Mongrel cities of the 21st century*. London ; New York: Continuum, 2003. 261 p.
18. Perrone C., Manella L., Tripody L. *Everyday life in the segmented city*. Emerald, 2011. 333 p.
19. Dehaene M., De Cauter L. *Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society*. London: Routledge, 2008. 358 p.
20. Vakhshayn V.S. *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of everyday life and the theory of frames]. St. Petersburg: the European University in St. Petersburg Publ., 2011. 334 p.
21. Hoffman E. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Translated from English. Moscow: RAS Institute of Sociology Publ., 2003. 752 p.
22. Batygin G.S. *Kontinuum freymov: sotsiologicheskaya teoriya Irvinga Gofmana* [Continuum of frames: a sociological theory of Erving Hoffman]. In: Hoffman E. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Translated from English. Moscow: RAS Institute of Sociology Publ., 2003, pp. 7-57.
23. Oldenburg R. *The great good place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, hair salons, and other hangouts at the heart of a community*. New York: Marlowe & Company, 1989. 338 p.
24. Hou J. *Insurgent Public Space: Guerrilla Urbanism and the Remaking of Contemporary Cities*. London ; New York: Routledge, 2010. 289 p.
25. Kvyat A.G. Kafe bez edy, fastfud kak media, vremennyy park: postvirtual'nost' i gorod 3.0 v Rossii [Cafe without food, fast food as media, temporary park: post-virtuality and the 3.0 city in Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*, 2014, no. 3 (23) (In print). Preprint available at: https://www.academia.edu/attachments/34158178/download_file?st=MTQwOTUxODMyMywODguMjMyLjE5NC42MSw3MjMzNjIx&s=swp-toolbar. (Accessed: 31st August 2014).
26. Dehaene M., De Cauter L. *The space of play. Towards a general theory of heterotopia*. In: Dehaene M., De Cauter L. *Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society*. London: Routledge, 2008, pp. 87-102.
27. Sorkin M. *Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space*. New York: Hill and Wang, 1992. 252 p.
28. Kern K. *Heterotopia of the theme park street*. In: Dehaene M., De Cauter L. *Heterotopia and the city: Public space in a postcivil society*. London: Routledge, 2008, pp. 105-115.
29. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991. 225 p.
30. Gorodskoy piknik: ofitsial'nyy sayt [City Picnic: official website]. Available at: <http://2014.picnicomsk.ru>. (Accessed: 31st August 2014).

Received: 18 September 2014

ПАРАДОКСАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСА В ФИЛОСОФСКОМ ЭССЕ С. КЬЕРКЕГОРА «СТРАХ И ТРЕПЕТ»

Анализируются некоторые повествовательные стратегии, используемые С. Кьеркегором для создания эффекта парадоксализации исходного дискурса. Многоголосое творчество датского философа представляет сложный эстетический феномен, цельность которого обусловлена не единой системой взглядов, а сложным внутренним архитектурным единством. В отличие от Канта и Гегеля, Кьеркегор приводит читателя к мысли о невозможности конечного знания, показывая, что многократно повторенная и воспроизведенная ситуация обретается разумом в пределах языкового сознания. Демонстративный отказ от догматического знания и приведение сакрально значимой ситуации к профанной интерпретации позволяют рассматривать философское эссе С. Кьеркегора как интеллектуальную провокацию, предвосхищающую аналогичные опыты П. Фейерабенда, Ж. Деррида и пр.

Ключевые слова: нарратив; дискурс; фабула и сюжет; экзистенциализм; С. Кьеркегор.

«Страх и трепет» С. Кьеркегора, равно как и другие его философские труды, кажется невозможным включить в контекст классической немецкой философии. В то время как пределы мышления, представленные в антиномиях И. Канта, изменяются под действием диалектики Г.В.Ф. Гегеля, а иррационализм в духе А. Шопенгауэра только начинает проникать в культурное сознание читателей и философов, работы датского мыслителя обозначают оригинальную траекторию философской мысли. Религиозный экзистенциализм Кьеркегора (в XIX в. практически не имеющий аналогов в истории французских и немецких школ) оказывается самоосновной и внутренне замкнутой системой, существуя как будто вне сложившихся традиций. Видимая несвоевременность работ датского мыслителя позволяет сделать предположение об эстетическом значении и рассмотреть его работы в контексте жанра философского эссе, явно противопоставленного академическому трактату. Демонстративное неприятие Кьеркегором эстетического и эстетиков как людей, *находящихся на низшей ступени посвящения Богу*, на наш взгляд, является свидетельством особого значения этой категории в сознании философа и писателя¹.

Возможным инструментом при анализе эстетических свойств произведений Кьеркегора является аналитика повествовательного дискурса [19], т.е. ряд нарратологических практик, направленных на реконструкцию и де-конструкцию интенций говорящего. Сам факт того, что большинство произведений С. Кьеркегора опубликовано под разными именами, а собранные воедино произведения не образуют гармонического целого, показывает, что общая метазадача философа отнюдь не сводилась к созданию целостной и внутренне непротиворечивой системы знания². Большинство произведений Кьеркегора 1840-х гг. типологически связано с постромантическим типом сознания, однако каждая из выбранных языковых и философских масок Кьеркегора совершенно по-разному отражает эстетическое сознание эпохи.

Вектор задан диссертацией Сёрена, предметом рассмотрения которой стали виды иронии (т.е. определенная коммуникативная стратегия). Избранная для анализа личность Сократа – автора, в большей мере являющегося героем, – сверхпоказательна³. Споря с

софистами и противопоставляя майевтику методам спекулятивного мышления, «овод» Сократ был неудобным собеседником, провоцирующим своих оппонентов. Рассматривая различные виды смешного, комического и юмористического, Кьеркегор фактически описывал различные модусы мышления. Впоследствии он возвращается к этим модусам в своих работах. Знаменательно, что юмор, ирония и «интересное» становятся объектами его рефлексии в работах, значительно отстоящих от этого комплекса идей – «Природе страха», «Страхе и трепете» и пр.

Метод Кьеркегора в аспекте наррации можно назвать оригинальным и исключительным. Большинство библейских сюжетов при их онтологическом значении рассматриваются в работах его предшественников как фабулы, т.е. определенная цепь событий в их причинно-следственной взаимосвязи [18]. Такое отвлечение позволяет, кстати говоря, сохранить некоторый догматический смысл, присущий этим сюжетам изначально. Однако взятые Кьеркегором как докса ветхозаветные и новозаветные сюжеты: первородный грех, искушение Авраама, воскрешение Лазаря, подвергаются далее значительным трансформациям, в результате которых они обретают исключительно парадоксальный смысл.

Парадоксализация повествовательного дискурса становится ключевой повествовательной стратегией, которая, как будет показано ниже, становится не только эстетическим приемом, но и инструментом познания. Подобная интенция характерна для модернистов XX в.: Ф. Кафки, Д. Джойса и особенно Г. Гессе⁴.

Композиция философского эссе «Страх и трепет» необычна: два предисловия (одно из них названо в русском переводе «Вступление от чистого сердца»), отделенных друг от друга небольшой, но полностью самостоятельной главой «Общий смысл» и риторическим «Похвальным словом Аврааму» (своего рода abstract дальнейших рассуждений), три сопряженных главы, связанные с проблемами этического, и заключение (которое практически обрамляет и завершает произведение). Такая структура на внешнем уровне определяет композиционную диспропорцию, которая компенсируется архитектурным единством⁵.

Как известно, произведение написано от лица Иоакеннеса де Силенцио – вымышленной фигуры,

которая, согласно комментарию С. Исаева и Н. Исаевой, действует как персонаж. Иоаханнес не является профессиональным философом и всячески подчёркивает свой дилетантизм: такая позиция подразумевает отказ от системы и открывает возможность некоторого свободного философствования – или творчества⁶. В то же время эта стратегия не выдержана до конца, поскольку повествователь постоянно заявляет о своей эрудированности не только в вопросах философии, но и различных культурных контекстах. В нарративном смысле данная интенция представляется чрезвычайно важной: «Он пишет, поскольку для него это роскошь, – тем более притягательная и очевидная, чем меньше тех, кто покупает и читает им написанное» [11, 12]. Уже здесь диалектика слова открывает иллюзивную пропасть: произведение создается не для того, чтобы оно было прочитано, и в то же время оно обращено к читателю, направлено к нему.

«Общий смысл» является наиболее прецедентной частью работы: на шести страницах повествователь обозначает краевые точки своего мировидения. Именно здесь происходит парадоксализация исходного дискурса: библейской истории, статической с точки зрения истин и догм, сообщается импульс, порождающий динамику. Используя терминологию М.М. Бахтина, связанную с теорией эпоса и романа, можно утверждать, что такой тип повествования уничтожает эпическую дистанцию, отделяющую повествуемую действительность «от современности, то есть от времени певца (автора и его слушателей)»⁷ [3. С. 450]. Повествователь делает неизменную библейскую историю вероятностной, создавая четыре альтернативных сценария. Эти сценарии скреплены описанием человека, одержимого мечтой увидеть Авраама и взойти на гору Мориа⁸.

Авраам, становясь героем творимого Кьеркегором сюжета, обнаруживает самую возможность колебаться и сомневаться в провидении; его поступки становятся мотивированными эмоциями и переживаниями. Каждый вероятный исход, исключая все остальные, фактически обозначает самостоятельное направление мысли; в каждом моделируемом сценарии запечатлевается глобальный культурный и исторический опыт.

Становится очевидным, что библейский сюжет обретает нарративность и осуществляется в ходе рассказывания, изменяясь и трансформируясь по воле говорящего⁹. Всякий раз обретая свойство рассказываемости, догматическое знание становится дискурсом, который в силу своей подвижности исключает онтологические константы. Представляется уместным вспомнить слова П. Рикёра: «...размышлять о значении – значит, определенным образом разрушать понятие» [14. С. 427]. Таким образом, размышляя о вере, представленной фигурой ветхозаветного патриарха, Кьеркегор тем самым (вопрос о намеренности такой интенции остается открытым) показывает несостоятельность существующего знания.

В этом отношении особого внимания заслуживает *повторение* (Gjentagelsen), не только как категория мышления Кьеркегора, но и как особый нарративный прием. Как замечает О. Ковалев, анализируя принцип повтора, «...важен не просто факт соотнесения двух

версий (нарративов), одной и той же истории, а именно повторение с большими или меньшими вариациями [12. С. 162]»¹⁰. Отметим, что исследованию данного феномена посвящена одноименная книга Кьеркегора: здесь история из частного жизненного опыта многократно пересказывается, в результате чего страдания молодого человека и плач Иова становятся тождественными. Иными словами, повторение в системе философских взглядов Кьеркегора не есть создание эквивалента: в математическом смысле каждая пересказанная, повторенная история представляет производную от оригинала.

Несмотря на то что Иоаханнес далее раскрывает диалектическое содержание сюжета о ветхозаветном патриархе, эта диалектика несет отпечаток парадоксальности, исключая самую возможность системного как безупречного – внутренне не противоречивого и логического – мышления. По словам повествователя, «...вера начинается как раз там, где прекращается мышление» [11. С. 66], поэтому, представляя сюжет об Аврааме как объект рефлексии, повествователь тем самым включает веру в сферу мышления, т.е., обращая данное высказывание в противоположное, прекращает веру (точнее, верование как некоторый процесс). Посредством этого уничтожается инвариантность сюжета: Авраам из героя и символа становится человеком, поступки которого обретают не только телеологическую, но и этическую меру.

Достигая своего предела в «Похвальном слове» (или «Славословии»), возможная нарративизация исходного сюжета «иссыкает»: многократно рассказанная и растворенная в этом повторении история уходит на читательскую пресуппозицию.

Три главы, составляющие вторую часть эссе, как отмечалось выше, построены по иному принципу, в большей мере соответствующему классическому трактату. Три заданных вопроса: о телеологическом устранении этического, абсолютном долге перед Богом и, наконец, мере этической ответственности между избранными героями повествования, внешне должны завершать основные умозаключения. Однако вместо решения задачи повествователь демонстрирует бесконечность самих поисков такого решения. Обращаясь к метафорам когнитивной лингвистики, такой путь мышления можно назвать «блужданием вокруг денотата» [13. С. 25].

Сократив и в конечном итоге уничтожив абсолютную дистанцию, представив Авраама в ситуации этической ответственности, повествователь далее обращается к широкому кругу аналогий, в результате чего избранный сюжет изучается в контексте многочисленных дериватов¹¹. Рассматриваемый сюжет объединяется в повествуемом дискурсе с античными и новозаветными историями; всякий раз оценивается аксиологическая ценность приведенной аналогии. Так, в результате расширения данного круга в первой главе упоминается сюжет о Богородице (ср. с темой матери и ребенка, заданной в эссе изначально), во второй анализируется одна из догм Евангелия от Луки, в третьей – предание из Книги Товита. Эти сюжеты скреплены мотивами западноевропейской поэзии и драматургии; так, в единый круг ассоциаций и аналогий

попадают Агамемнон, Брут, Фауст и пр. Все эти герои, герои большой западноевропейской культуры, наделены даром слова и самой возможностью говорения. Сплетая неразрывную сеть из отдельных сюжетов и мотивов, составляющих культурное бытие европейского читателя XIX в., Кьеркегор показывает обнаруживающийся кризис повествования. Этот кризис связан с невозможностью вербализации опыта – с молчанием Авраама: «Авраам не может говорить: то, что разъяснило бы всё, он не может сказать (то есть сказать так, чтобы быть понятым)...» [11. С. 132].

Этот не собственно онтологический, но в большей мере гносеологический парадокс приводит повествователя к невозможности дать исчерпывающий ответ на поставленные вопросы: их риторические функции в полной мере становятся явными к концу произведения. Осуществленный поиск аналогий (так или иначе связанный с феноменом *опосредования*, с чем ожесточенно спорит повествователь) позволяет установить исключительность произошедшего¹². Иными словами, наделяя нарративностью рассматриваемый сюжет, повествователь осознает невозможность восстановления причинно-следственных отношений, т.е. фабулы.

В сильной позиции произведения – последнем абзаце – находит свое развитие метафора Гераклитова познания. Семантика этой метафоры не сводится к единому значению: с одной стороны, это связано с духовным опытом, воспроизвести который практически невозможно, с другой – с опытом чтения и постижения произведения. Эта метафора показывает и потенциальное умножение вероятных исходов, и приращение новых смыслов, и искажение их в результате интерпретации. Неподвижности исходного сюжета противопоставляется дискурсивная динамика, открывающая поле для новых возможностей и смыслов. Одновременно эта метафора как бы перечеркивает всё сказанное выше, провоцируя читателя начать чтение сначала, отрешившись от больших и малых кругов, начертанных в повествовании¹³.

Опыт такого пере-чтения может дать неожиданные результаты, обнажая суть иронического и комического в произведении С. Кьеркегора. Так, возвращаясь к позиции дилетанта, отметим, что самая возможность сопряжения отстоящих друг от друга сюжетов и мотивов может объясняться отсутствием определенных языковых и культурологических компетенций. Характеризуя личность мыслителя, автор пишет: «Этот человек не был ученым экзегетиком, он не знал иврита; знай он иврит, он, наверное, с лёгкостью понял бы и эту повесть, и самого Авраама» [11. С. 24]. Непонятый Авраам, равно как и вся авраамическая ветвь мировых религий, равно как и само таинство акеды (в

высшем смысле представляющей дар Бога¹⁴ [20]), становится метафорой общечеловеческого знания и сознания, растворенного в памятниках мировой культуры.

Такое прочтение открывает альтернативное содержание философского эссе С. Кьеркегора: произведение датского мыслителя оказывается интеллектуальной провокацией (или мимически-патетически диалектической компиляцией, если следовать русскому переводу «Заключительного ненаучного послесловия» к «Философским крохам»), напоминающей не только романы М. Пруста и В. Набокова, но и трактаты М. Хайдеггера или же – в крайнем воплощении – Р. Барта и Ж. Деррида. Размышления о языке, возникающие по ходу развертывания мысли, показывают, что наряду с восстановлением общих сюжетных свойств самая попытка подобной экзегезы представляет *reductio ad absurdum*.

Здесь представляется уместным вспомнить значение иронического и «интересного» в художественном мире С. Кьеркегора. Безусловно, отдавая свои рассуждения Иоанннесу, автор тем самым слагал с себя этическую ответственность, целиком и полностью растворяя ее в эстетическом опыте письма. В этом смысле опыт вербализации экзистенциальной ситуации в равной мере может быть рассмотрен как реализация эстетического в философском дискурсе. Язык культуры, находящийся в состоянии покоя, приходит посредством такой эстетизации в возмущение, а составляющие его диалекты начинают бороться и враждовать [1. С. 535]. Такое возмущение очень продуктивно с точки зрения философии науки: демонстрируя уязвимость и истощенность существующей интеллектуальной системы, оно в то же время знаменует смену парадигмы, предвещая качественные изменения самого сознания мыслящего субъекта [8].

Сам факт того, что творчество С. Кьеркегора позволяет увидеть ростки «иных миров» [6] (точнее, иных философских систем: психоанализ, неокантианская феноменология и, наконец, экзистенциализм), показывает, что Кьеркегор и его пишущие герои вступали в область неведомого и непознанного, давая этому имена, поверяя и верифицируя существующие в гуманитарном знании индексы. Кажется правомерным утверждать, что осознание фикциональных возможностей философского дискурса, наряду с его парадоксализацией, и приведением различных категорий к общеэстетическому знаменателю, показывали несостоятельность догм прошлого и формировали тот самый императив, осознание которого приведет к новым, до этого немыслимым коллизиям в неклассический и постнеклассический философии Западной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такое отторжение, на наш взгляд, является коммуникативной стратегией, скрывающей истинные цели письма.

² О.А. Донских замечает: «Кьеркегор движется путем, диаметрально противоположным гегелевскому. Гегель обустроивает царство духа, Кьеркегор демонстрирует невозможность обустройства. Гегель как римский легионер сначала строит лагерь, а потом начинает этот лагерь обживать, а Кьеркегор заставляет этого легионера думать о той неизвестности, которая лежит за пределами лагеря. Гегель начинает с общей картины, Кьеркегор начинает с Я» [6. С. 164]. Детальный анализ псевдонимов-масок Кьеркегора предпринят Н.Б. Тетенковым [16].

³ Ср.: «Но потому это и не так, и, подобно тому как Господь сотворил мужчину и женщину, он создал героя, а с ним – поэта или писателя. Последний не может делать того, что первый, он способен лишь восхищаться героем, любить его, радоваться ему. Однако он так же счастлив и не менее, чем тот, первый, ибо герой – это как бы его собственная лучшая сущность, в которую он влюблен; при этом он радуется,

что это все же не он сам, и его любовь может поистине быть восхищением» [11. С. 28]. В данном фрагменте «Общего смысла» практически представлена герменевтическая модель творчества [2], позволяющая рассматривать отношения автора и героя через призму отношений Бога и человека.

⁴ Одной из наиболее ёмких метафор, позволяющих описать исследовательский метод Кьеркегора, является игра в бисер [5]. Эта метафизическая практика, описанная Г. Гессе в одноименном романе и «Паломничестве в страну востока», представляет рефлексии о пройденном культурой пути. Записки И. Кнехта, данные в конце романа Гессе, типологически связаны с нарративом Кьеркегора.

⁵ В ряде произведений Кьеркегора телесные метафоры могут быть рассмотрены в сравнении с самими текстами. Так, различные диспропорции и композиционные сдвиги соотносятся с телом повествователя. См.: «Несоразмерность в построении моего тела состоит в том, что у меня, как у новоголландского зайца, слишком короткие передние ноги и слишком длинные задние» [9. С. 81]; «...спина у меня специально была вывихнута еще в детстве, как это делают с канатоходцами» [11. С. 43].

⁶ См.: «...я же охотнее всего говорю об этом по-человечески, как будто все случилось только вчера, позволяя лишь самому величию быть тем расстоянием, которое либо подымает на недостигаемую высоту, либо осуждает» [11. С. 47]. Знаменательно, что русские формалисты 20-х годов часто использовали аналогичную стратегию, отрицая традиционный академизм в статьях и манифестах. Наиболее характерна маска рассуждающего дилетанта для В.Б. Шкловского.

⁷ Ср.: «...путешествие длилось три дня и большую часть четвертого и даже эти три с половиной дня должны были длиться бесконечно дольше, чем та пара тысячелетий, которая отделяет меня от Авраама» [11. С. 66].

⁸ Заметим, что Кьеркегор сознательно отбирает исключительно кризисные, лиминальные варианты сюжета. Можно найти компромиссные интерпретации, связанные с верой Авраама в чудо воскрешения. Например: «Это требовалось для испытания веры Авраама, и он мужественно выдержал это испытание, так как веровал, что Бог силен воскресить Исаака и из мертвых. Почему и получил его в предзнаменование» [15. С. 61]. Однако Авраам Кьеркегора лишен этого знания (так данный сюжет мог быть прочитан только в контексте Нового завета). Вместе с тем Авраам Кьеркегора, совершающий путь до горы Мориа, буквально становится Сизифом Камю, воплощая вечное движение рыцаря абсурда к непостижимой цели [7].

⁹ Кроме того, каждый представленный сценарий находит отчётливую (практически психоаналитическую) параллель: отношения отца и сына соотносятся с отношениями матери и сына. Отец, отдающий сына на заклание, и чернящая свою грудь мать становятся тождественными символами, рефлексия над которыми составляет один из контрапунктов философского эссе Кьеркегора.

¹⁰ Закономерно, что, анализируя трактаты С. Кьеркегора и романы Ф.М. Достоевского, М.М. Бахтин называл соединение множества неслиянных и равноправных голосов полифонией [2]. Метод Достоевского, наделяющего своих героев (или *концептуальных персонажей*, с точки зрения Н.Б. Тетенкова) возможностями авторства, во многом близок идеям С. Кьеркегора.

¹¹ Фактически Кьеркегор создает один из первых культурно обусловленных словарей сюжетов, точнее рассуждает о реализации одного из библейских сюжетов в мировой культуре. В то же время, учитывая нелинейность культурного пространства, кажется уместным провести аналогию с созданием некоторой адаптивной сетки, позволяющей достичь более точного решения [4]. Однако в противоположность точным наукам построение такой сетки в философии культуры исключает здесь самую возможность однозначного и точного решения.

¹² «Либо существует парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит в абсолютном отношении к абсолюту, либо Авраам погиб» [11. С. 137]. Любопытно, что Толстой, не будучи знаком с произведениями Кьеркегора, пишет: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни» [17. С. 248]. Общим в мировоззрении русского писателя и датского философа также является осмысление статики и движения в контексте учения элзетов.

¹³ Близкий прием использован в «Повторении»: «Дорогой читатель! Извини, что я обращаюсь к тебе так запросто, но это ведь останется между нами. Будучи воображаемой личностью, ты отнюдь не представляешься мне во множественном числе, но именно в виде единицы, так что всё-таки нас двое – ты да я» [10. С. 114]. Очевидно, что и в данном произведении Кьеркегор уделял особое внимание феноменологии чтения.

¹⁴ Фактически рассуждения об этической ответственности Авраама как героя повествуемого сюжета связаны с рассуждениями об этике Нового Завета и сюжете распятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. 300 с.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 447–483.
4. Вальгер С.А., Федорова Н.Н. Применение алгоритма адаптации расчетной сетки к решению уравнений Эйлера // Вычислительные технологии. 2012. Т. 17, № 3. С. 24–33.
5. Гессе Г. Игра в бисер / пер. с нем. Д. Каравкиной и В. Розанова. М. : Художественная литература, 1969. 416 с.
6. Донских О.А. Ростки иных миров (о понятии бесконечности у Достоевского) // Нарративные традиции славянских литератур. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2007. С. 162–181.
7. Камю А. Бунтующий человек. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
8. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налётова. М., 1975.
9. Кьеркегор С. Или-или: фрагмент из жизни : в 2 ч. / пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб. : Изд-во РХГА, 2011. 822 с.
10. Кьеркегор С. Повторение / пер. с дат. П. Ганзена. М. : Лабиринт, 2008. 203 с.
11. Кьеркегор С. Страх и трепет: диалектическая лирика Иоханнеса де Силенциу : пер. с дат. М. : Академический проект, 2011. 153 с.
12. Ковалев О.А. Нарративные стратегии в литературе (на материале творчества Ф.М. Достоевского). Барнаул : Изд-во АГУ, 2009. 198 с.
13. Япон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24–33.
14. Рикёр П. Конфликт интерпретаций / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М. : Академический проект, 2008. 695 с.
15. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия // Труд и издание Архимандрита Никифора. М., 1891. 1021 с.
16. Тетенков Н.Б. Диалогическая гносеология С. Кьеркегора : дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2006.
17. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Художественная литература, 1981. Т. 7. 502 с.
18. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М. : Аспект-Пресс, 1999. 336 с.
19. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь, 2001. 192 с.
20. Хорн-Праузер О. О еврейской библии // От Авраама до современности. Лекции по еврейской истории и литературе. М. : РГГУ, 2003. С. 52–79.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 сентября 2014 г.

KIERKEGAARD'S PHILOSOPHIC ESSAY "FEAR AND TREMBLING" IN THE CONTEXT OF DISCOURSE PARADOX

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 76-80. DOI: 10.17223/15617793/388/12

Kozlov Alexey E. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Keywords: narrative; discourse; plot and story; existentialism; Kierkegaard.

The article is the study of narrative and discourse strategies in the philosophic essay of Søren Aabye Kierkegaard. The first part of the article presents different types of narrative modes and discourse strategies in the novels and essays of Kierkegaard. Many voices and tones in the narrative, in our mind, are connected with the individual style of the author. His strategy can be compared with modernistic representation (for example, H. Hesse, V. Nabokov, F. Kafka). In contrast to Kant or Hegel, Kierkegaard's narration is not confined to the formation of a complex worldview system: his heroes (or conceptual characters) represent opinions, judgments, but not the truth in the absolute meaning. The plot in his essay shows that the truth and the obvious are determined by linguistic consciousness. So, his existentialism is connected with philosophy and language that gives a skeptic focus to the dogmatic meaning. We can apply methods of narratology as the analytics of narration discourse for reconstruction of Kierkegaard's intentions. Most Kierkegaard's essays are closely connected with the post romantic type of the aesthetic worldview. His philosophic dissertation is beginning of this way: here we can see different types of irony (as different discourse strategies) or narration modes that will be used in his original papers. The main part of the article is devoted to the analysis of discourse strategies in the "Fear and Trembling". Kierkegaard's narration presents the structure of an episode (fabula) as a plot (story-telling). This presentation deletes the absolute epic distance: Abraham and Isaak stay vulgar humans, not culture and sacral symbols. One of the main motifs in the "Fear and Trembling" is dilettantism and linguistic incompetence: "He did not know Hebrew, if he had known Hebrew, he perhaps would easily have understood the story and Abraham". All situations repeated in the essay represent a closed worldview, where association and random compliance play the main role. It also becomes obvious that the mask of a dilettante is not true. The wide range of texts, big specter of motifs and themes present a high degree of reflection. The author constructs a big adaptive net: that is a metaphor of the bridge between the Old Testament and the New Testament. The sacrifice of Abrahama is absurd, but it is connected with a new type of worldview – the one we can see in the New Testament. The emphatic rejection of dogmatic knowledge and bringing the sacred situation to the profane one allows considering the philosophical essay of Kierkegaard as an intellectual provocation anticipating similar experiments of Feyerabend, Derrida, et al.

REFERENCES

1. Barthes R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikova. Moscow: Progress Publ., 1989. 616 p.
2. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the hero. To the philosophical foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000. 300 p.
3. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Problems of literature and aesthetics. Various works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 447-483.
4. Val'ger S.A., Fedorova N.N. Solution of Euler equations using adaptive meshes. *Vychislitel'nye tekhnologii – Computational Technologies*, 2012, no. 3, pp. 24-33. (In Russian).
5. Hesse H. *Igra v biser* [The Glass Bead Game]. Translated from German by D. Karavkina, V. Rozanov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. 416 p.
6. Donskikh O.A. *Rostki inykh mirov: (o ponyatii beskonechnosti u Dostoevskogo)* [The sprouts of other worlds: (on the concept of infinity in Dostoevsky)]. In: Romodanovskaya E.K. (ed.) *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur* [Narrative traditions of Slavic literatures]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2007, pp. 162-181.
7. Camus A. *Buntuyushchiy chelovek* [The Rebel]. Translated from French by I.Ya. Volevich, Yu.M. Denisov, A.M. Rutkevich, Yu.N. Stefanov. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 415 p.
8. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by I.Z. Naletova. Moscow, 1975.
9. Kierkegaard S. *Ili-ili: fragment iz zhizni: v 2 ch.* [Either/or: A fragment of life. In 2 pt.]. Translated from Danish by N. Isaeva, S. Isaev. Sankt-Peterburg: Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2011. 822 p.
10. Kierkegaard S. *Povtorenie* [Repetition]. Translated from Danish by P. Ganzen. Moscow: Labirint Publ., 2008. 203 p.
11. Kierkegaard S. *Strakh i trepet: dialekticheskaya lirika Iohannesa de Silentsio* [Fear and Trembling: Dialectical Lyric by Johannes De Silentio]. Translated from Danish. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 153 p.
12. Kovalev O.A. *Narrativnye strategii v literature (na materiale tvorchestva F.M. Dostoevskogo)* [Narrative strategies in the literature (based on the works by Fyodor Dostoevsky)]. Barnaul: Altai State University Publ., 2009. 198 p.
13. Lyapon M.V. *Otsenochnaya situatsiya i slovesnoe samomodelirovanie* [The estimative situation and verbal self-modeling]. In: Shmelev D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 24-33.
14. Ricoeur P. *Konflikt interpretatsiy* [The conflict of interpretations]. Translated from French by I.S. Vdovina. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2008. 695 p.
15. Bazhanov N. *Illyustrirovannaya polnaya populyarnaya bibleyskaya entsiklopediya* [The Illustrated Biblical Encyclopedia]. Moscow: A.I. Snegireva Publ., 1891. 1021 p.
16. Tetenkov N.B. *Dialogicheskaya gnoseologiya S. K'erkgora*. Dis. kand. filos. nauk [Dialogical epistemology of S. Kierkegaard. Philosophy Cand. Diss.]. Arkhangel'sk, 2006.
17. Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Collected works. In 22 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. Vol. 7, 502 p.
18. Tomashevskiy B.V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1999. 336 p.
19. Tyupa V.I. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* [Narratology as the analytics of the narrative discourse]. Tver: Tver State University Publ., 2001. 192 p.
20. Horn-Prauzer O. *O evreyskoy biblii* [On the Hebrew Bible]. In: Fishman D.E., Vysotsky B.L. (eds.) *Ot Avraama do sovremennosti. Lektsii po evreyskoy istorii i literature* [From Abraham to the present. Lectures on Jewish history and literature]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2003, pp. 52-79.

Received: 18 September 2014

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ГЕНДЕРНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ И СУБОРДИНАЦИИ В ТЕОРИИ П. БУРДЬЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А).

Анализируется тема мужского господства в творчестве французского социолога и философа Пьера Бурдьё. Эксплицируется процесс натурализации половых различий и мужского доминирования посредством инкорпорирования в сознание социальных агентов бинаризирующей социальной схемы. Раскрывается механизм инкорпорирования как длительный процесс соматизации, т.е. запечатления в телах социальных агентов полового измерения, встраивающего индивида в бинарную социальную модель и вынуждающего других индивидов бесконечно воспроизводить дуалистические принципы социального устройства.

Ключевые слова: мужское господство; маскулинность; фемининность; символическое насилие; соматизация; натурализация.

Тема мужского господства появляется в творчестве П. Бурдьё в связи с двумя значимыми аспектами. Во-первых, социальное пространство средиземноморской Кабилии, которое выступает материалом для данной работы, традиционно акцентирует мужественность и мужское как социально значимые характеристики. Вследствие этого сама дихотомия маскулинное / фемининное в этой области становится явно прочерченной, «осязаемой» для исследователя. С другой стороны, символическое насилие, переплавляющее объективные структуры социума в ментальные установки субъекта, вряд ли может иметь более яркое и актуальное в большей или меньшей степени для каждого человека выражение, чем в стратегии и практиках гендерной схематизации. Как отмечает Майкл Буравой, мужское господство выступает для П. Бурдьё «прототипом символического господства, то есть господства, не понимаемого как таковое» [1. С. 132]. Тысячелетиями налаженное производство и воспроизводство гендерной дихотомии представляет собой яркий материал для демонстрации более общих и фундаментальных законов инкорпорации социальных схем. «Естественность» мужского господства, в равной степени с «естественностью» противостояния полов, есть результат длительной мифологизации, невозможной в свою очередь без бесконечного ритуализованного повторения совершенно определенных ментальных установок, их внедрения в самосознание и тело социальных агентов. «Именно посредством социализованного тела (т.е. габитуса), – подчеркивает П. Бурдьё, – и ритуальных практик (частично вырванных из временного контекста с помощью стереотипизации и бесконечного повторения) прошлое продолжает воспроизводиться, пока существует коллективная мифология, относительно независимая от непостоянства индивидуальной памяти» [2. С. 289].

Средиземноморье представляет собой ареал с явно выраженной подчеркнутой ориентацией на маскулинность. Эта особенность прослеживается со времен Древней Греции, культура которой является фундаментом всей западно-европейской цивилизации. Однако для большей эффективности исследовательского труда необходимо, с точки зрения П. Бурдьё, анализировать то общество, которое может быть непосредственно

наблюдаемо. В непосредственном взаимодействии с собой такое общество с большей степенью вероятности раскроет исследователю весь «универсум социальных отношений», а также станет источником необходимого материала для анализа процесса функционирования и усвоения социальных схем. Кабилия в этом смысле для П. Бурдьё выступает уникальным единством традиционных средиземноморских установок, с одной стороны, и доступности во времени – с другой. В процессе анализа особенностей этого социума для исследователя как будто в непосредственной близости раскрывается ментальный исток западно-европейской культуры, в том числе и основа гендерного распределения ролей.

Первое, что отмечает П. Бурдьё относительно доминирования мужчин в Кабилии, это полная «естественность» их привилегированного положения в обществе. Разделение полов, равно как и субординация между ними, представляется как исконный нерушимый «порядок вещей», находящий свою реализацию практически во всех сферах жизнедеятельности индивида. «Господствующее видение разделения полов, – пишет П. Бурдьё, – выражается в речевых практиках в виде пословиц, поговорок, загадок, песен, стихов, а также в графических представлениях: настенных рисунках, орнаментах на горшках или тканях. Но оно также находит свое выражение и в технических объектах и практиках: в структуре пространства, например, и особенно – внутреннего устройства дома, или в оппозиции между домом и полем, а также в организации времени, аграрного года или дня, а в более общем виде – в любых практиках, почти всегда одновременно технических и ритуальных, и особенно во всех техниках тела, позах, манерах, умении себя держать» [Там же. С. 292]. Натурализация половых различий оказывается успешной постольку, поскольку объективные принципы социального устройства находят отражение и подтверждение в ментальных установках индивидов. Корреляция субъективного и объективного, таким образом, выступает залогом легитимации существующего гендерного порядка, вследствие чего доминирующее положение мужского пола выглядит как само собой разумеющееся, неизбежное, природное.

Ориентация на маскулинность, успешно натурализуемая традицией, предполагает отождествление

мужского и человеческого как такового. Приоритет мужского, таким образом, выступает залогом его универсализации. «Мужчина (vir), – подчеркивает П. Бурдьё, – это особое существо, которое живет как существо универсальное (homo) и фактически и юридически обладает монополией на понятие человека вообще, то есть на универсальность; он социально уполномочен чувствовать себя носителем всех форм человеческого существования» [Там же. С. 293]. Такая нормативность мужского полагает и легитимирует ряд бинаризирующих оппозиций, встраиваемых в социальное пространство посредством бесконечно повторяющихся мифоритуальных практик противопоставления подлинно человеческого / истинно мужского и женского. Данные практики пронизывают фактически все проявления социальной сферы, распределяя их в соответствии с двумя символическими полюсами: мужского (внешнего, активного, уважаемого) и женского (внутреннего, пассивного, недостойного). Это распределение проявляется также в общепринятом представлении о том, к какому роду деятельности «естественно» предрасположены представители того или иного пола. Так, для Кабилии это соответствие предельно наглядно. Женщины предназначены для выполнения самой малопrestижной, монотонной и даже унижительной работы. В то время как мужчинам атрибутируются наиболее публичные, зрелищные, рискованные виды деятельности.

Таким образом, поляризация мужского и женского образа жизни методично подтверждается самим устройством социальной жизни, ритуально повторяющимся в объективной жизнедеятельности социума и субъективно воспроизводимым в установках, ожиданиях и восприятиях индивидов. «Эти универсально применяемые схемы мышления, – пишет П. Бурдьё, – казалось бы, всегда фиксируют различия, вписанные в саму природу вещей, и постоянно подтверждаются самим ходом вещей, и особенно биологическими и космическими циклами, а также согласием всех тех, в чьи представления они вписаны» [Там же. С. 294, 295]. Таким образом, совпадение объективного «порядка вещей» и субъективного восприятия (или даже одобрения) этого порядка создают поле естественности, в рамках которого сконструированные схемы социума представляются изначально данными.

Особой убедительности данный процесс натурализации достигает благодаря тому, что П. Бурдьё называет *соматизацией*. Соматизация означает, что бинарность ментальных установок, равно как и бинарность внешнего социального порядка, находит свое последнее подтверждение и «естественную» реализацию в телах социальных агентов, которые превращаются в носителей субъективно / объективной дихотомии и демонстрируют, таким образом, нерушимый «природный» характер гендерной поляризации и субординации. В соответствии с указанным принципом продуцируются два типа телесности, существенные черты которых воплощают противоположность между двумя социальными / ментальными полюсами. «Постепенная соматизация фундаментальных отношений, – пишет П. Бурдьё, – конституирующих социальный порядок, приводит к формированию двух ти-

пов “природы”, то есть двух систем натурализованных социальных различий, которые одновременно вписаны как в телесный экзис (в форме двух противоположных и взаимодополняющих типов поз, походки, осанки, жестов и тому подобное), так и в рассудок, воспринимающий все это сквозь серию дуалистических оппозиций» [Там же. С. 297]. Тело начинает демонстрировать символическое распределение социальных ролей, реализуя и одновременно легитимируя символическое насилие, репрессивно разделяющее социум на «естественно» доминирующих и «естественно» доминируемых. Женщины Кабилии, например, будучи предназначены, по общему представлению, для работы в согнутом состоянии (сбор плодов низкорастущих растений, прополка, перенос зерна или навоза на собственной спине), воплощают при этом понятие «кривое», противопоставляемое всему прямому, что, безусловно, может быть преимущественно атрибутировано мужскому полу. Согнутое положение символизирует кривость, которая, в свою очередь, связывается с определенными чертами характера. Именно поэтому, как считает П. Бурдьё, одной из значимых черт женского характера традиционно признается хитрость: если уж женщина и проявляет свою индивидуальность, то это не может произойти «прямым» способом, но лишь в обход, исподтишка, криво или коварно. Таким способом образуется крепкая соматическая социальная связка: согнутое – хитрое – подчиненное.

Что заставляет женщин снова и снова из поколения в поколение занимать эту социальную нишу? С точки зрения П. Бурдьё, вопрос может быть поставлен именно таким образом, поскольку, сообразуя свой внутренний мир и свои внешние проявления (в том числе позы, походку, жесты, кутикуляцию) с указанной дуалистической социальной схемой, женщина в определенный момент своей жизни все-таки «дает согласие» на соответствие униженному положению. Без этого согласия система не могла бы функционировать. Как отмечает П. Бурдьё, «в действительности, принуждение, производимое символическим насилием, реализуется посредством вынужденного признания, которое доминируемые не могут не даровать доминирующим, поскольку, чтобы мыслить самих себя и доминирующих, они располагают лишь теми мыслительными инструментами, что являются общими как для доминируемых, так и для доминирующих» [Там же. С. 299]. Другими словами, общность смыслового поля культуры представляет женщинам сложившийся порядок вещей как неизбежную природную данность и тем самым вынуждает их признать легитимность системы и занять в ней соответствующую позицию. Таким образом, внутренние установки субъекта (являющиеся продуктами длительного социального внушения) объективируются во внешнем социальном порядке, который в свою очередь посредством согласия социальных агентов вновь инкорпорируется в сознание и телесную организацию следующего поколения индивидов.

Безусловно, согласие не дается посредством серьезного осмысленного решения. Скорее, принятие бинарной социальной модели основывается на бессознательном восприятии неотрефлексированных схем

мышления. Индивид принимает к оперированию данные схемы, исходя из убеждения / ощущения, что они являются единственно возможными, бытийными основами всякого социального существования. Это выражается, в частности, и в использовании якобы нейтральных категорий для самопонимания и самообозначения. Поскольку большая часть используемых в социуме категорий встроена в систему отношений господства, характеристика себя с помощью определенного набора атрибутов уже сама по себе является частью механизма включения. «Так, например, – уточняет П. Бурдье, – каждый раз, когда подчиненный использует по отношению к себе одну из категорий, входящих в господствующую систему различий (например, блестящий / серьезный, изящный / вульгарный, уникальный / общий и так далее), он применяет к себе, сам того не зная, господствующую точку зрения, в определенном смысле принимая для самооценки логику негативных предрассудков» [2. С. 300, 301].

Итак, символическое насилие, проявляющееся в невидимых механизмах инкорпорирования и натурализации сконструированных бинарных социальных схем, с точки зрения П. Бурдье, представляет собой сущность мужского господства. Без этой репрессивной составляющей подчеркнутая ориентация на норму маскулинности в культуре просто не могла бы занимать столь бесспорные и безальтернативные позиции. Главная точка приложения символического насилия, по Бурдье, касается телесности, а именно: формирования особого феномена культуры, демонстрирующего естественность и неизбежность гендерной поляризации и субординации – феномена пола, полового измерения телесности. «Самое важное, – пишет П. Бурдье, – это постараться воссоздать способ действия, свойственный габитусу, который приобрел определенные половые характеристики и навязывает их другим, а также условия его формирования» [Там же. С. 303]. Габитус как инкорпорированная система практически ориентированных схем восприятия, мышления и действия производит структуры мира и телесности, имеющие половое измерение. «Посредством постоянной работы по воспитанию, – продолжает П. Бурдье, – социальный мир конструирует тело одновременно и как вещь, имеющую определенные половые характеристики, и как хранилище категорий восприятия и оценивания, способных воспринять объект сквозь призму половых признаков, которые применяются к самому телу в его биологической ипостаси» [Там же].

В итоге тело может быть понято и описано как некое запоминающее устройство, на котором откладываются и благодаря которому впоследствии воспроизводятся бинаризирующие механизмы культуры. Половое измерение телесности, таким образом, не является биологической эссенциальной данностью, как это преимущественно фиксируется в обыденном сознании благодаря многовековой работе по искусственной натурализации пола. Тело конструируется в соответствии с бинарностью традиционной социальной модели, а следовательно, воплощает один из двух легитимированных вариантов половой дихотомии. Символическое насилие в первую очередь осуществ-

ляется посредством маркирования тел, при котором биологически нейтральное тело воспринимает половое измерение и становится его символическим носителем, в прямом смысле демонстрируя бинарные оппозиции в двух противоположных способах самопредставления. Обретшее благодаря телу видимость естественности, эссенциальности, бытийности половое измерение призвано обратить на себя внимание других социальных агентов и вовлечь их таким способом в общую биполярную систему социальности.

Анатомические различия между телами, особенно в плане репродукции, асоциальны. Однако как любая объективность в мире эта первоначальная дифференциация могла бы дать основания для различных интерпретаций. То, что первичное разграничение базирует биполярную половую модель, – признак вовлеченности тела в определенные интерпретативные схемы. Сам пол – знак этой вовлеченности.

Таким образом, по глубокому убеждению П. Бурдье, «сексизм – это эссенциализм, так же как этнический или классовый расизм. Он стремится свести исторически сформированные социальные различия к биологической природе, функционирующей как некоторая сущность, из которой неумолимо выводятся все жизненные акты» [Там же. С. 305]. Более того, это практически самый трудноискоренимый вид эссенциализма, поскольку его основания «прочитываются» в телах, запечатлены в них и своей «биологической» очевидностью «требуют» реализации скрытого в них содержания. Половое измерение телесности в данном контексте может быть понято как императив гендерной поляризации и субординации. Императив, ставший видимым и ощутимым, демонстрируемый как бытийная неизбежность каждым социальным агентом. «Такая работа, – продолжает П. Бурдье, – меняя местами причины и следствия, представляет натурализованную социальную конструкцию (т.е. разные габитусы, произведенные различными социальными условиями, которые сами являются социальными конструктами) как оправдание природой произвольного представления о природе, лежащее в основании как самой реальности, так и представлений о ней» [Там же].

Инкорпорированность бинарной социальной схемы в тела и сознание социальных агентов является условием функционирования всей системы. Производство доминирующих и доминируемых, а также четкой границы между ними признается настолько естественным, что борьба с существующим положением вещей оказывается просто немислимой. Женщины в этих отношениях господства сами «работают» на бинарную социальную модель, поскольку воспринимают и мыслят происходящее в тех же категориях, что и мужчины. Наиболее явно эта бессознательная поддержка бинарного социального режима проявляется тогда, когда формально область женских прав и свобод в обществе расширяется (законодательно вводятся права голоса, образования, доступа к определенным профессиям). Внешнее исключение женщин из ранее запретных областей сменяется их самоисключением, поскольку униженная социальная ниша, внедренная в их тела и сознание, является не столько

внешним фоном их жизни, сколько самим способом существования.

Разрыв системы сексизма труднодостижим не только посредством внешнего воздействия (наподобие рассмотренного выше – законодательно), но и посредством личного волевого решения одного или группы социальных агентов. Те, кто желает приступить к реформированию и либерализации существующей системы, несомненно, обладают телами, которые в свою очередь уже являются носителями информации, принуждающими своих обладателей как минимум воспроизводить определенный набор жестов, особенностей походки, мимики, включенный и одновременно включающий агента в сеть разнородных поляризующих механизмов. В такой же степени эта власть тела обуславливает способ существования доминирующих: посадка головы, осанка, походка создают чувство дистанции и его социальные проявления само собой, т.е. еще вне и до всякого внешнего воздействия. Эта сила «есть социальное трансцендентальное, ставшее телом и функционирующее как *amot fati*, это телесная предрасположенность осуществлять свою самость, ставшую социальной сущностью, и таким образом превращенная в судьбу» [2. С. 310]. Таким образом, социальные агенты являются безусловными заложниками своих тел, сформированных посредством инкорпорирования внешних социальных схем и определяющих также набор категорий сознания, восприятия, мышления и действия.

В итоге социальное пространство заполняется мужскими и женскими телами, на визуальном и ментальном уровнях демонстрирующими «естественность» полового измерения тел, «естественную» противоположность полов, а также «естественную» доминируемого положения женщин. Эта биологизированная социальность на телесном уровне облекает в жесты, позы и манеры дуалистический принцип общественного устройства. При этом агенты, являющиеся носителями тел мужского и женского пола, ориентированы на маскулинность как на социальную норму, отводя женщинам роль «тени», призванной подчеркивать безусловность основного императива, его безальтернативность. «Я полагаю возможным утверждать, – пишет П. Бурдье, – что пол женщин является продуктом работы по конструированию, стремящейся сделать из них своего рода негативное существо, определенное в основном через лишение мужских свойств и наделение уничижительными характеристиками» [Там же. С. 315, 316].

Особенно выразительно это искусственно созидаемое женское предназначение проявляется в процессе социализации мальчиков, весь сложный путь которой направлен на постепенное отмежевание от всего женского / материнского. От подкладывания, в Кабилии например, в постель к роженице и новорожденному атрибутов мужественности, таких как нож или камень, до ритуальной стрижки волос, выхода на рынок и обрезания. Весь ход оужествления предполагает обретение мальчиком позитивного / мужского содержания, что возможно лишь посредством дистанцирования от женского.

Иметь тело, маркированное полом; проявлять это половое измерение, в том числе и в четко регламен-

тированных отношениях с противоположным полом (призванных воспроизводить бинаризирующий дискурс культуры из поколения в поколение), – таков политический посыл соматизации. Посредством телесности как универсального запоминающего устройства объективные отношения господства визуализируются и инкорпорируются в сознание социальных агентов. Вследствие этой легитимирующей функции тела оно может быть понято и рассмотрено как тело политическое. «Социально сформированное биологическое тело, – подчеркивает П. Бурдье, – есть тело политизированное, или, если хотите, инкорпорированная политика. Фундаментальные принципы андроцентрического видения мира натурализуются в форме элементарных позиций и диспозиций тела, которые воспринимаются как естественное проявление естественных тенденций» [Там же. С. 323, 324].

Политика, будучи фундирующим элементом описанной социальной игры, продуцирует распределение индивидов на две противостоящие друг другу, но в целом поддерживающие сконструированный социальный порядок группы. Одна из этих групп воспринимает и затем воспроизводит доминируемое общественное положение, другая же пользуется некими трансцендентальными предпочтениями и образует группу доминирующих. Неверно думать, однако, что мужчины как привилегированная группа находятся в объективно лучшем положении. Содержание категории «мужественность» выстроено на противопоставлении мужского и женского, а значит, существенно зависит от своей противоположности. Такая корреляция, с точки зрения П. Бурдье, является источником постоянного страха, который сопровождает индивидов мужского пола. Это страх, опасющийся возможного слияния с женским, возможного провала в достижении нелегкой задачи становления мужчиной. Страх, вызываемый женственностью, делает доминирующую группу социальных агентов заложниками собственных социальных предпочтений, их «пленниками» и даже «жертвами». «Поэтому, – продолжает П. Бурдье, – эта привилегия имеет обратную сторону в виде постоянного напряжения или усилия (иногда доводимого до абсурда), навязываемого каждому мужчине необходимостью доказать свою мужественность» [Там же. С. 325].

Становление мужчиной предполагает, таким образом, как наличие определенных прав, так и наличие обязанностей, главной из которых является обязанность подтверждать свою мужественность. Очевидно, что момент, когда мужественность окончательно достигнута, невозможен, поскольку угроза слияния с женственностью непреходяща. В итоге и женщины, и мужчины, в прямом смысле сконструированные социумом в своем половом измерении, вынуждены воспроизводить отношения господства, в которых по существу ни один агент не является господином, но все так или иначе соподчинены друг другу и вместе – бинаризирующему социальному дискурсу. Женщины реализуют свое подчиненное положение посредством того, что уступают общественное пространство, область политики и серьезных дел мужчинам. В то же время мужчины подчиняют свою жизнь

погоне за капиталом маскулинности в надежде обосновать свое привилегированное положение.

Немалое значение в обретении символического капитала имеет так называемый «обмен женщинами». Это процесс, благодаря которому мужчины обосновывают свою мужественность, используя женщин как объекты. Демонстрация обладания этими объектами (права такого обладания закрепляются за отцом, мужем или братом), а также умелой манипуляции с ними (например, зачатие наследника мужского пола, количество таковых наследников) существенно повышает социальный статус мужчины. Положение дочери, жены или сестры представляется, таким образом, естественным предназначением женщины, в свете которого она воспитывается, для которого она готовится не только ментально, но и телесно (обретая специфические навыки держать себя и ухаживать за собой, предлагая себя мужчине как ценный предмет для его самоутверждения).

«Символическая борьба, – подытоживает П. Бурдьё, – управляет миром. Все социальные игры,

от борьбы за честь кабилских крестьян до научного, философского или художественного соперничества... включая и войну, представляющую собой предельный случай всех возможных игр, устроены так, что мужчина не может в нее войти, не поддавшись желанию играть, то есть желанию победить или, по крайней мере, быть на высоте идеи и идеала игрока, требуемых игрой» [Там же. С. 352]. Другими словами, символическое насилие, являющееся властным нервом культуры, пронизывает всю область социального, конструируя и принуждая к воспроизводству в телах и сознании социальных агентов базовой дихотомии прямое / кривое, внешнее / внутреннее, активное / пассивное, мужское / женское. Вследствие этих репрессивных механизмов социальное пространство оказывается наполненным телами, запечатлевшими в себе фундаментальный императив маскулинно ориентированной культуры. Гендерная поляризация и субординация представляются, таким образом, натурализованными диспозициями социума, демонстрирующими неизбежность и безальтернативность традиционного социального порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буровой Майкл. Восемь бесед с Пьером Бурдьё (конспект выступления в университете Витвортерсренда (ЮАР), март 2010 г.) // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 128–133.
2. Бурдьё Пьер. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–365.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 сентября 2014 г.

SYMBOLIC VIOLENCE AS THE MAIN MECHANISM FOR THE REPRODUCTION OF GENDER POLARIZATION AND SUBORDINATION IN THE THEORY OF PIERRE BOURDIEU

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 81–85. DOI: 10.17223/15617793/388/13

Khitruk Ekaterina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Keywords: masculine domination; masculinity; femininity; symbolic violence; somatization; naturalization.

Gender separation and subordination are presented in the traditional culture as the primordial "order of things" that has found its realization in almost all positions of individual's life. Naturalization of sexual difference is successful enough because the objective principles of social order are also reflected in the mental attitudes of individuals. Some correlations between the subjective and the objective are presented as security legitimization of the existing gender order, so that the dominant male appears a matter of course, inevitable and natural. The naturalization process under discussion reaches its particular meaning due to what Bourdieu called somatization. The latter means binary mental attitudes and binary external social order are confirmed. The "natural" realization of the order is in the bodies of social agents that become carriers of the subjective / objective dichotomy and thus demonstrate the indestructible "natural" character of gender polarization and subordination. In accordance with the principle mentioned above two types of physicality are produced; their essential features present a contrast between the two social / mental poles. Human body falls to demonstrate the symbolic distribution of social roles, realizing and legitimizing symbolic violence at the same time. The violence separates the "naturally" dominant and "naturally" dominated individuals. As a result, the body can be understood and described as a kind of memory storage, which records binarized culture mechanisms and reproduces them in a time. So, the sexual dimension of physicality is not an essential biological thinking, as it is implied in everyday consciousness due to the artificial naturalization of sex for centuries. The body is constructed in accordance with the binarity of the traditional social model and, therefore, represents one of the two variants of legitimized sexual dichotomy. Symbolic violence is primarily carried out according to labeling bodies, in which biologically neutral body perceives its sexual dimension and becomes one of its symbolic carriers. As a matter of fact this violence literally demonstrates the binary oppositions in two opposite ways of self-representation. Gender dimension that found visibility of the natural, the essential, beingness due to body is destined to draw attention of other social agents and this way to involve them in the overall bipolar system of sociality. Gender polarization and subordination are presented as naturalized dispositions of society demonstrating the inevitability and there is no alternative of the traditional social order.

REFERENCES

1. Burawoy M. Vosem' besed s P'erom Burd'e (konspekt vystupleniya v universitete Vitvortersrenda (YuAR), mart 2010 g.) [Eight interviews with Pierre Bourdieu (synopsis of his speech at epy University of the Witwatersrand (RSA), March 2010)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2012, no. 3, pp. 128–133.
2. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practice]. Translated from French. Moscow: Institute for Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg: Aletyia Publ., 2005, pp. 286–365.

Received: 03 September 2014

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 006.91

Е.А. Полякова

МУЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛИЗАЦИОННО-АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Процесс становления и развития музея зависит от потребностей общества, которые выражаются в формировании системы социальных ожиданий, влияющих на актуализацию определённых культурных форм и их социальных институций. Жизнеспособность актуализированной музейной формы зависит от адаптационных процессов, позволяющих музею приспособиться к социальным трансформациям. Ценностный и информативно-экспрессивный потенциалы музейных собраний, реализуемые посредством организационно-управленческой, научно-исследовательской, культурно-образовательной и репрезентирующей деятельности, выступают факторами актуализационно-адаптационных процессов.

Ключевые слова: музей; факторы актуализации; ожидания; способы адаптации; репрезентация.

Культура, под которой понимаются не только духовные и материальные ценности, но и различные культурные формы и их институции, является критерием уровня развития общества. Культурная форма есть матрица, содержание которой наполняется с учётом конкретной социально-исторической ситуации и из множества культурных форм складывается культура во всём своём разнообразии. На определенных исторических этапах социум порождает новые, необходимые ему культурные формы. Музей является оптимальной культурной формой, решающей задачи документирования и трансляции социального опыта.

Первостепенным фактором становления музея как культурной формы и социальной институции выступает актуализация (от лат. *actualis* – деятельный, действенный) как конкретных потребностей общества в определённый период, так и конкретных способов их удовлетворения, что предполагает и актуализацию определённой части накопленного человечеством опыта. В энциклопедических словарях актуализация трактуется как «действие, направленное на приспособление чего-либо к условиям данной ситуации», «реализация, приведение в исполнение идеи, плана», «придание степени важности явлению или действию», «осуществление, реализация, приведение в действие», «переход из состояния возможности в состояние действительности», «операция, состоящая в адаптации устаревшего к современным требованиям» [1].

В XXI в. появляется ряд диссертационных исследований, затрагивающих вопросы актуализации. Наиболее часто термин «актуализация» употребляется в работах философского, литературоведческого и психолого-педагогического характера [2] и трактуется как «средство смыслообразования», «такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишённое автоматизма» [3. С. 16–19].

Термин «актуализация» в контексте музейной теории и практики был использован З. Странским. Он отмечал, что направления музейной актуализации обусловлены потребностью социума в том или ином социокультурном опыте, необходимом в конкретный период и конкретной культуре [4]. О.В. Сапанжа, развивая эту мысль, добавляет, что в «музее как подсистеме культуры осуществляется актуализация культу-

ры, демонстрация ее зримых моделей. Метасистема задает своеобразную систему координат для развития музея. В свою очередь, музей выбирает адекватные инструменты для реализации задач, диктуемых метасистемой. Иными словами, музей актуализирует опыт, необходимый на определенном участке развития культурных форм» [5. С. 18]. Далее автор отмечает, что актуализация культуры, обусловленная музейностью (специфическим отношением человека к действительности) и потребностью воссоздания некой исторической реальности, направлена на формирование музейной модели действительности, соединяющей «прошлое и настоящее». Обобщая взгляды двух исследователей, можно констатировать, что актуализация средствами музея востребованного культурного опыта способствует его адаптации к определённому периоду развития общества, поскольку музей как культурная форма не только становится отражением социокультурных потребностей, но и является «изоморфным структуре самой культуры как её подсистема» [Там же. С. 27].

С нашей точки зрения, понятие актуализации находится в тесной взаимосвязи с термином «экспектация». В психологии под ним понимается «система ожиданий или требований относительно норм исполнения социальных ролей» [6. С. 5]. Характер экспектаций, которые подразделяются на предписывающие и предсказывающие, является неформализованным и не всегда осознаваемым. Так, предписывающие экспектации связаны с установлением должного характера исполнения социальной роли, а предсказывающие – с определением вероятностного характера исполнения, учитывающего индивидуальные особенности и конкретную ситуацию.

Экспектации можно рассматривать как фактор актуализации той или иной музейной формы и также разделить их на предписывающие и предсказывающие. К предписывающим относятся характер и формы реализации музеем его социальных функций, которые нацелены на документирование, сохранение и трансляцию социальной действительности в ее историческом и современном аспектах. Становление музея как культурной формы обусловлено предписывающими экспектациями. Так, например, потребности и ожидания социума в условиях агональной культуры

античности повлияли на бытование «мусеев», в которых осуществлялось накопление, демонстрация объектов, подтверждающих наличие особого эллинистического культурного пространства. Потребность в формировании нового образа представителей светской и церковной элиты эпохи Возрождения стала одним из главных факторов создания частных дворцовых коллекций и музеев, отражавших гуманистические идеалы. Многие из них являлись прообразами академий, а их собрания служили базой для научной и творческой деятельности ученых-исследователей и художников.

Предсказывающие экспектации непосредственно связаны с актуализацией той или иной музейной формы, поскольку они, так же как и в психологии, носят вероятностный характер, базирующийся на предположениях. В отличие от психологии, в музеологии, с точки зрения автора, предсказывающие экспектации основываются на таких понятиях, как профиль музея, миссия музея, целевая аудитория музея и социально-политическая, экономическая и культурная ситуации. Предсказывающие экспектации в большей степени характерны для целенаправленно созданных музеев, зачастую узкопрофильных (прикладных знаний, сельскохозяйственных и пр.), предназначенных для решения определённых задач, а не комплексных музейных институций, эволюционировавших от разнородных коллекций.

Фактически совокупность предписывающих и предсказывающих экспектаций является механизмом актуализации той или иной формы музея. Так, осознание обществом роли и возможностей музея в сфере сохранения и трансляции культурного наследия (предписывающие экспектации) в сочетании с предположением (предсказывающие экспектации) о презентации достижений промышленного дизайна как факторе, способствующем эстетизации населения и развитию городского ландшафта, стали причиной создания промышленных музеев. Гипотеза о том, что реформированию системы образования будет способствовать наглядный метод обучения, стала причиной создания педагогических музеев, ориентированных на нужды учителей. Ожидания инициаторов создания как в первом, так и во втором случаях актуализировали соответствующие музеи в России и Европе, а их ожидания относительно результатов реализации социокультурных функций были оправданы.

В случае если экспектации не оправдываются, форма того или иного музея, несмотря на актуализацию в определённый период, не проходит полной адаптации и утрачивается. В качестве примера можно привести ситуацию с авторскими детскими музеями 20–30-х гг. XX в. Несмотря на полную реализацию предписывающих экспектаций (формирование фонда, разработка и реализация технологий, ориентированных на задачи внешкольного образования, воспитания, творческого развития и социализации детской аудитории), актуализировавших форму детского музея-мастерской, она не смогла стать жизнеспособной в условиях смены социального режима, установления жёсткой идеологии (детские музеи стали возрождаться в России в конце XX в.). Изначальные предска-

зывающие экспектации уже не вписывались в официальную образовательно-воспитательную политику государства, что в конечном итоге и повлияло на их ликвидацию. Следовательно, можно констатировать, что актуализация той или иной культурной формы будет находиться в непосредственной зависимости от социально-политических и социокультурных трансформаций. Деятельность музея как идеологического учреждения напрямую зависит от существующей политической системы, которая вырабатывает для него соответствующую систему экспектаций.

Актуализация музея как образовательной формы культуры зависит и от таких факторов, как ценностный, или аксиологический, и информативно-экспрессивный потенциал собрания. При этом либо в качестве доминирующего может выступать какой-то один фактор, либо оба могут быть равнозначными и образовывать совокупность. Так, сформированный в рамках документирующей деятельности аутентичный фонд, обладающий свойствами информативности, экспрессивности и аттрактивности, способен пережить социальные трансформации общества, заполнить научные, культурные лакуны за счет переосмысления и репрезентации своего собрания.

Аксиологический фактор актуализации музея обусловлен ценностным отношением к документированию материального и нематериального наследия, отражающего этапы историко-культурного развития социума. При этом аутентичность фонда создаёт базу для актуализации вследствие особого статуса вещи при трансляции информации на подсознательном и чувственном уровнях. Мифологическое мышление, предшествовавшее рационально-сциентистскому и уживающееся с ним, опиралось на зрительные образы, возникающие в правом полушарии под воздействием прежде всего предметного поля окружающей действительности. Образ, создаваемый вещью, многозначен в силу того, что сама вещь способна таить в себе разные смыслы, и актуализация каждого из них зависит от конкретного культурно-исторического контекста [7. С. 128]. Музей осуществляет актуализацию истории и культуры в соответствии с характерным для каждого конкретного этапа ценностным отношением к событиям прошлого и настоящего, выраженным через вещи.

Примером может стать деятельность Музея истории религии (1930). В его фондах сосредоточен аутентичный материал, свидетельствующий о различных религиозных верованиях, традициях, обычаях и пр. В советский период презентация собрания находилась в тесной взаимосвязи с атеистической идеологией и политикой атеистического государства. В этом же ключе работали многие музеи, имевшие религиозные коллекции. Со сменой в постсоветский период культурных ориентиров был переосмыслен ценностный потенциал собрания, осуществлена его репрезентация, нацеленная на формирование у аудитории комплексного представления о религии как основополагающей части культуры каждой нации. Таким образом, аутентичность музейных собраний обуславливает их востребованность (актуальность) в различных социальных условиях.

Информативно-экспрессивный фактор актуализации обусловлен тем, что музей как культурная форма, изоморфная самой культуре, ориентирован на формирование переживаний аттрактивного и ассоциативного характера, возникающих на основе транслируемой информации. Он не только приближает к адресанту дистанцированное прошлое, но делает его (адресанта) эмоционально сопричастным некой исторической реальности. В контексте сюжета важным представляется положение отечественного психолога Г.Г. Шпета о коллективных переживаниях как основе единения коллектива. «Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их переживаниях как “откликах” на происходящее перед их глазами, умами и сердцем». «Каждый исторически образующийся коллектив – народ, класс, союз, город, деревня и т.д. – по-своему воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит объективно текущую обстановку, условия своего бытия, само это бытие, и именно в этом его отношении ко всему, что объективно есть, выражается его “дух” или “душа”» [8. С. 9, 110, 111]. Музей функционирует на основе апелляции к коллективным переживаниям, так как только на этом уровне они становятся понятны адресату. Таким образом, информативно-экспрессивный фактор теснейшим образом сопряжён с коммуникативной функцией музея. Гибкость последней позволяет музею адекватно реагировать на различные социокультурные ситуации, решать необходимые на каждом историческом этапе задачи.

Наиболее ярко проиллюстрировать информативно-экспрессивный фактор актуализации можно на примере ленинских музеев. В послеоктябрьский период с целью гражданско-патриотического воспитания населения страны в рамках господствующей идеологии актуализируется наследие Октябрьской революции, жизни и политического наследия В.И. Ленина [9], что находит отражение в собраниях многочисленных музеев разных уровней, прозе и поэзии, живописи и пр. Коллекции этих музеев, за исключением крупных столичных, были преимущественно представлены сходным иллюстративным материалом. Первичность образовательно-воспитательного потенциала гармонично вписала их в воспитательную систему советского государства, но и обусловила их уязвимость при смене политического режима, когда были пересмотрены многие факты истории, включая и историческое, литературное и художественное наследие революции и ленинщины. Произошла массовая ликвидация соответствующих музеев. Впоследствии часть музеев осуществила репрезентацию собрания, расставив новые акценты в культурно-образовательной деятельности, что позволило сделать музеи вновь востребованными. Указанные процессы характерны для музеев, преимущественно ориентированных на решение образовательно-воспитательных задач, зависящих от потребностей конкретного исторического периода (школьные, педагогические и пр.).

В большинстве случаев ценностный и информативно-экспрессивный факторы актуализации находятся в тесной, взаимообуславливающей связи. Ярким примером являются этнографические музеи под от-

крытым небом. В основу их концепции в обязательном порядке заложено освоение как материальной, так и нематериальной (ремёсла, фольклор, технологии и пр.) составляющей наследия в рамках культурно-образовательной деятельности, что способствует осознанию сопричастности с транслируемой культурой. Таким образом, смысл актуализации той или иной музейной формы может быть объяснён необходимостью воссоздания объективной модели действительности, исторической реальности и потребностями в формировании национального мировоззрения в результате осознания обществом потребности в тех или иных культурных ориентирах.

Актуализация музея находится во взаимосвязи с адаптационными процессами, от которых зависит жизнестойкость актуализированной культурной формы. Первые идеи, связанные с адаптационным характером музейной деятельности, прослеживаются в работах К. Хадсона [10. С. 9–11, 13] и З. Странского [4], трактовавших музей как адаптивную модель и адаптивно-адаптирующую систему. Исследование роли адаптации в процессе становления и развития музея как культурной формы становится особо актуальным в музейной науке XXI в. Осмысление адаптивных функций музея как культурной формы происходит в работах А.В. Калякиной, предложившей инкорпорационную, интеграционную, инновационно-презентативную, модернизационную, ревитализационную модели адаптации [9. С. 16–22]. Е.Н. Мастеница отметила «адаптивность музея как социокультурного института» и его «проектность как культурной модели» [11. С. 30]. О.С. Сапанжа разработала культурологическую теорию музейности [12]. О.Н. Шелегина предложила адаптационный подход к исследованию музейного мира в исторической перспективе [13].

В рамках настоящего исследования важными являются заключения О.С. Сапанжи о музейности как «механизме адаптивно-адаптирующей деятельности человека» и роли музеализации в репрезентации социального опыта с целью его сохранения [12. С. 43]. В работе О.Н. Шелегиной представлена выделенная на основе иерархической модели мотиваций А. Маслоу и иерархической модели адаптации Л.В. Корель многоуровневая структура адаптации. Она предполагает формирование адаптивного потенциала; создание адаптационного механизма, обеспечивающего выживаемость; разработку и реализацию адаптивной тактики; формирование адаптивной стратегии; достижение результата адаптированности и формирование адаптивной культуры, предполагающей превентивную адаптацию и формирование позиций влияния – адаптивирования [13. С. 68, 69]. О.Н. Шелегина отмечает, что для реализации «адекватной модели» необходимо учитывать рациональность и оригинальность решения: «...инновационные модели адаптации музеев тем быстрее распространяются в обществе, чем нагляднее для остальных участников адаптационного процесса их результативность и эффективность» [Там же. С. 71]. Таким образом, потенциал музея как адаптивной системы может быть определён его способностью к удовлетворению социокультурных потребностей социума. Различные адаптационные теории, под-

ходы, отдельные адаптационные явления или их аспекты, получившие осмысление на современном этапе развития музейного знания, позволили О.Н. Шелегиной определить музейную адаптацию как «процесс и результат приспособления к изменениям во внешней сфере и внутренней структуре музея, направленные на адекватное, в соответствии с миссией, функционирование и развитие, а также приспособления (адаптирования) – влияния на внешнюю среду для реализации своей миссии» [Там же. С. 69].

Вместе с тем в указанных работах не обозначены и не получили освещения способы адаптации музея как культурной формы. С точки зрения автора, первым способом адаптации выступает организационно-управленческая деятельность, во многом носящая субъективный характер, но определяющая другие способы. Прежде чем охарактеризовать организацию и управление музеем как способ адаптации, следует остановиться на моделях организации музея как формы культуры в целом и образовательной в частности.

В.П. Грицкевич на основе работ К. Помяна выделяет по организационному принципу четыре модели музея: традиционную, филантропическую, революционную, коммерческую [14. С. 66, 67]. Так, способом адаптации дворцовых древлехранилищ, ризничных собраний и сокровищниц стало их преобразование, совершённое в связи с желанием владельцев (организаторов-учредителей), в публичные музеи. Так были созданы галерея Азиния Поллиона, ватиканские музеи, Лувр, Оружейная палата и пр. К таким музейным собраниям предусматривался доступ публики в соответствии с нормативными документами (положениями, уставами) и при соблюдении посещающими ряда правил. Филантропическая модель подразумевала безвозмездную передачу частной коллекции её создателем обществу. В качестве примера следует привести коллекции гемм, подаренные Риму Юлием Цезарем, выстроившим для них специальное здание; собрания античной скульптуры, подаренные Венеции Джованни и Доменико Гриванни; переданное в дар Москве собрание русской живописи братьев Третьяковых и пр. Революционная модель музея основана на организационно-управленческой деятельности новой власти, регламентируемой соответствующими декретами и предусматривающей национализацию наследия из частной и церковной собственности. Таким путём были открыты Музей французских памятников Александра Лёнуара; провинциальные музеи Франции периода наполеоновских войн; советские музеи, основанные после событий 1917 г., и пр. Коммерческая модель строится в соответствии с организационно-управленческой деятельностью отдельных учреждений, организаций, обществ. Она направлена на целенаправленное формирование музейных коллекций путём закупки и экспедиционных сборов, а в её основе изначально лежит перспективный план комплектования. Эта модель была положена в основу Британского музея, музея Метрополитен, музеев «местного края», музеев различных обществ и учреждений и пр.

С организационно-управленческой деятельностью, которая, с точки зрения автора, является базисом

адаптации, тесно связан личностный фактор. Так, адаптация музея как культурной формы в пространстве Сибири произошла благодаря деятельности отдельных персон, таких как А.М. Карамышев и Э. Лаксман, создавших Иркутский музей; Ф.И. Балдаур, Г.Б. Пранг и П.А. Весолопов, открывших Нерчинский музей; П.К. Фролов и Ф.В. Геблер, основавших Барнаульский горный музей.

Для всех вышеназванных моделей характерен административный метод управления, особенно в рамках организации документирующей и тезаврирующей деятельности. Музей в классическом понимании является учреждением с чётко регламентированной системой должностных обязанностей, отлаженным и устоявшимся механизмом работы, фиксированной номенклатурой. Н.А. Никишин и А.В. Лебедев отмечают такие достоинства административного метода управления, как «единая и устойчивая во времени целевая ориентация», «слабые горизонтальные и сильные вертикальные связи», «высокий уровень ответственности за выполнение нормативов и распоряжений», «стабильная специализация производственных и управленческих функций» [15. С. 8]. Таким образом, благодаря стандартизации и в некотором смысле бюрократизации достигается одна из главных задач организационно-управленческой деятельности музея – качественная реализация выбранной миссии.

Не менее важным способом адаптации выступает научно-исследовательская деятельность музея, реализуемая через «передаваемый от поколения к поколению музейный фонд». Генезис музея как культурной формы, начиная с протомузейного этапа, неразрывно связан со становлением научного знания. В Афинском Ликее Аристотелем и Теофрастом были заложены основы систематизации и классификации животного и растительного мира; в Александрийском музее работали Птоломей, Страбон, Эратосфен, давший начало таким наукам, как астрономия, геодезия, картография; анатомические театры и университетские музеи стали своеобразным «инструментом» развития многих профильных наук и пр. На современном этапе роль музеев в развитии научного знания не столь заметна в связи с наличием многочисленных специализированных научных учреждений. Вместе с тем тип научного музея, создаваемого прежде всего с научно-исследовательскими целями и представленного прежде всего музеями, находящимися в ведомстве РАН, рядом вузовских музеев, по-прежнему значим в отечественной типологии. Научно-исследовательская работа является основой существования музеев разных типов, видов и профилей, а её результаты определяют уровень научно-фондовой, экспозиционной, образовательно-просветительной деятельности музеев, основная миссия которых заключается в выявлении, сохранении, изучении и трансляции культурно-исторического наследия.

Научно-исследовательская деятельность как способ адаптации находится в тесной взаимосвязи с ценностным потенциалом музейного собрания (первый фактор актуализации), осмысление которого является обязательным условием его жизнеспособности. Примером адаптивного потенциала научно-исследова-

тельской деятельности могут служить появившиеся в эпоху Ренессанса «натуркамеры» – естественноисторические собрания. Лежавшая в их основе идея полезности для развития естествознания (Улиссе Альдрованди, известный натуралист XVI в., автор ряда трудов о животном мире, работал в студиоло Франческо I, где занимался описанием и систематизацией предметов натуральной истории) не только способствовала пересмотру миссии музея, выделению научно-исследовательского аспекта его деятельности, но и адаптации музея к условиям эпохи Просвещения, кардинально изменившей методологию познания и обосновавшей «принципиально новую модель мира как движущейся и изменяющейся реальности» [16. С. 54]. Другим примером может являться научно-исследовательская деятельность советских музеев послевоенного периода в области консервации, реставрации и реконструкции повреждённого, а зачастую и утраченного материального наследия. В результате комплекса восстановительных мер музеи вновь были полноценно включены (адаптированы) в культурное пространство.

Кроме того, научно-исследовательская деятельность выступает способом адаптации музея при смене его статусной позиции. Так, некоторые школьные музеи послевоенного периода, активно занимавшиеся научными исследованиями и собравшие значительный материал, были переведены в новый статус и получили звание народного музея. Например, повысил статус музей «А музы не молчали» школы № 235 г., посвящённый искусству блокадного Ленинграда Санкт-Петербурга [17. С. 157, 158]. Некоторые школьные музеи перестроечного периода избежали ликвидации ввиду сосредоточения в их фондах большого количества введённого в научный оборот аутентичного материала, например, Народный 56-й гвардейской Смоленской краснознамённой стрелковой дивизии МБОУ СОШ «Гимназия № 42» г. Барнаула [18].

Культурно-образовательная деятельность музея в ее визуальном, вербальном и виртуальном вариантах также выступает способом адаптации. Традиционно расширение форм культурно-образовательной деятельности приводит к расширению состава аудитории, заинтересованной в этих формах, и, следовательно, обеспечивает адаптацию к потребностям нового поколения и изменённой социальной реальности. Так, принцип публичности музея, достигаемый доступностью собраний посредством их презентации в рамках стационарных экспозиций и выставочных проектов, предполагал использование новых форм показа, что способствовало преобразованию дворцовых и частных сокровищниц, например Эрмитажа, в новую культурную институцию, востребованную социумом. Примером адаптации культурно-образовательной деятельности музея в условиях социальных реалий первых лет советской власти может служить опыт Омского научно-педагогического музея, изменённая коммуникативная концепция которого органично вписалась в общегосударственные меры, ориентированные на политическое воспитание и просвещение населения [19]. Ещё одним примером являются отечественные музеи-заповедники, историко-культурные и

историко-архитектурные. При их организации в последней четверти XX в. начинают использоваться инновационные формы и технологии культурно-образовательной деятельности: рекреационные мероприятия, ансамблевый метод показа, презентация движимого и недвижимого наследия в их жизненной взаимосвязи, метод погружения в прошлое и пр., избирается ориентация на аудиторию в ее национальном масштабе. Результатом этого стало не только утверждение новой музейной формы и её повсеместное распространение, но и её адаптация на протяжении изменчивых социальных реалий конца XX – начала XXI в.

На разных исторических этапах социальная деятельность, во многом обусловленная господствующими политическими взглядами, оказывает непосредственное влияние на музей в целом и культурно-образовательную деятельность в частности. Этот вид деятельности наиболее заметен обществу вследствие его непосредственной ориентации на аудиторию, и именно он в первую очередь подвергается трансформации, например, музеи советского периода с их типовыми экспозициями; музеи постсоветского периода с их ориентацией на творческую и рекреационную деятельность и пр. Таким образом, культурно-образовательная деятельность обладает большой гибкостью, что является особо ценным качеством в адаптационных процессах.

Говоря о культурно-образовательной деятельности, следует отдельно рассмотреть такой способ адаптации, как репрезентация. Репрезентация является своеобразным синтезом научно-исследовательской и культурно-образовательной деятельности и составляет неотъемлемую часть современных коммуникативных технологий. Первоначально в рамках музейной коммуникации осуществляется презентация (общественное представление) событий, явлений, фактов в соответствии со сложившейся системой научного знания и требованиями социальной реальности. Именно по этому принципу осуществлялась коммуникация в дореволюционных, а впоследствии и советских музеях. Впервые репрезентация как способ адаптации была использована в первые годы советской власти при показе культовых коллекций в рамках антирелигиозной политики. Но развитие и закрепление в социальной практике этого способа происходят в постсоветский период с характерной для него ломкой стереотипов. Современный этап развития общества, отмечаемый большой дистанцированностью аудитории от исторических реалий, обуславливает необходимость репрезентации, т.е. наполнение коллекций новыми, актуальными смыслами.

Термин «репрезентация» является весьма востребованным в научной, культурной и социальной сферах. Это выражается как в теоретическом осмыслении понятия в рамках научных работ, так и в практической деятельности в рамках различных дискурсов. Наиболее активно репрезентация осмысливается в контексте научной методологии, философского знания, литературоведения. Вместе с тем термин начинает проникать и в социокультурную сферу в целом и музейную в частности. Наиболее приближенной к

потребностям музея является трактовка репрезентации в парадигме философского и культурологического знания. В рамках настоящего исследования был осмыслен ряд научных трактовок на предмет возможности применения ключевых идей о репрезентации к потребностям теоретической и практической музеологии.

Термин «репрезентация» полисемантичен. Так, Д. Гриндер и Р. Бендлер трактуют его как «личностную модель понимания мира», а Г. Богин – как «способность накапливать информацию» [20. С. 149]; М. Вартофский как «специфический человеческий способ познания» [21. С. 30]; В. Карпович – как «способ представления реальности соответствующим познавательным механизмом» [22. С. 19]; П. Шаблей – как «переоценку смысла, порождаемую конфликтом интерпретаций действительности» [23. С. 171]; Е.В. Иванова – как «смыслогенерирующий механизм» [20. С. 149]. Три последние трактовки термина логически вписываются в концепцию музея как накопителя и транслятора различных явлений, событий, фактов и как модели действительности десантированного прошлого.

Е.В. Иванова, исследуя философский текст и выделяя его смыслы, установила, что репрезентация является смыслогенерирующим механизмом. Концепции, выдвинутые этим автором, являются весьма привлекательными для музея как образовательной формы культуры, поскольку он также является визуализированным текстом, содержащим множество смыслов. Е.В. Иванова отмечает способность репрезентации генерировать смыслы и конструировать собственную реальность. Те же тенденции мы наблюдаем и в музее. При помощи репрезентации происходит переосмысление и трансляция исторической реальности; формирование моделей дистанцированного прошлого в актуальной и более информативной форме, нежели предшествующая презентация, для посетителей. Посредством репрезентации в музее происходит воспроизведение системы смыслов, соответствующей отдельной области познания. Музей как образовательная форма культуры исторически нацелен на генерацию и трансляцию смыслов, которые в ходе развития первоначально презентуются, а впоследствии репрезентируются для посетителей – активных создателей смыслов.

Вместе с тем Е.В. Иванова отмечает, что «репрезентация как смыслогенерирующий механизм, способный заключать в тексте высококонцентрированную информацию из различных областей знания, предполагает последующую трансляцию этих смыслов. Формами трансляции смыслов являются понимание (познание) и объяснение (интерпретация)» [Там же]. Понимание репрезентируемых в рамках и экспозиций, и выставок новых неоднозначных смысловых моделей музейной действительности делает актуальными вопросы музейной коммуникации. Её схему предложил А. Хупер-Гринхил. Она, в отличие от разработанной Д. Камероном, предусматривала не только прямую связь (экспозиционер → музейные предметы → посетитель), но и обратную (упряжка коммуникаторов (музейные работники) → музейные предметы ↔ активные создатели смыслов (посетители) [24. С. 217]. Акт коммуникации является успешным,

состоявшимся, если наблюдается зона совпадения смыслов, формируемых музейными работниками, и понятых, прочтённых посетителями. При этом чем шире зона смысловых совпадений, тем в большей степени коммуникация носит гносеологический характер. В данном случае смыслом выступает система отношений, формируемых экспозиционером и воспринимаемых посетителем.

Так же как и в философском тексте, смыслогенерирующая репрезентация в музейном пространстве выполняет несколько функций: организующую (формирование пространственно-визуального текста), транслирующую (трансляция явных и неявных смыслов), актуализирующую (транслируемые смыслы должны быть востребованными, актуальными, важными для конкретного социума), аккумулирующую (накопленные смыслы могут быть актуальными не только для современного, но и для последующего поколения) и конструирующую (музейная репрезентация ставит своей целью конструирование музейной модели действительности как искусственно сконструированной реальности). Музейная коммуникация, осуществляемая посредством репрезентации, подчинена задачам создания новой реальности, отображающей модель дистанцированного прошлого в парадигме научного знания. П. Шаблей отмечает, что для этого «обобщённые символические формы исторического знания накладываются на интерпретацию прошлого, создают и поддерживают наши представления о современной нации, великом и справедливом государстве, легендарных предках, героических событиях и людях» [23. С. 171]. Таким образом, воспринимаемая в музее картина мира будет зависеть от репрезентации в её эмпирической и теоретической составляющих [22].

Говоря о роли репрезентации в дальнейшем развитии музея как образовательной формы культуры, следует отметить выделяемую М. Вартофским внешнюю и внутреннюю репрезентации [21. С. 23]. В музейной практике внешняя репрезентация выражается в воссоздании модели реальности – формировании смыслов (экспозиционно-выставочная деятельность), а внутренняя репрезентация – в их прочтении, т.е. интерпретации и осознании (вербальные формы музейной коммуникации и индивидуальная рефлексия). Из этого следует, что репрезентация, ставящая своей целью формирование новых смыслов, способствует выработке у посетителя потребности в рефлексии, делает его активным интерпретатором смыслов, актуализируя тем самым музей как образовательную форму культуры.

Итак, решающее значение в формировании музея как культурной формы и социальной институции сыграли актуализационно-адаптационные процессы. Потребность общества в просвещении актуализировала образовательную миссию музея, находившуюся в непосредственной зависимости от сложившейся системы социальных ожиданий, базирующихся на ценностном и культурно-образовательном потенциале собраний. Дальнейшее развитие музея происходило в результате его адаптации к изменчивым социальным условиям. Факторами актуализационно-адаптационных процессов выступают ценностный и инфор-

мативно-экспрессивный потенциалы музейных собраний, реализуемые посредством организационно-управленческой, научно-исследовательской, культур-

но-образовательной и репрезентирующей (смыслогенерирующей) видов деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуализация // ВСловаре.ру : комплексный онлайн словарь. URL: <http://vslovar.ru/slovo/aktualizatsiya> (дата обращения: 12.06.2014).
2. Лопаткова И.В. Оптимизация личностной адаптации первокурсников посредством актуализации их Я-концепции в художественно-творческой деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2003. 28 с.
3. Соловьёва В.С. Актуализация как средство смыслообразования в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2005. 19 с.
4. Странский З. Понимание музееведения // Музееведение. Музеи мира : сб. науч. трудов НИИ культуры. М., 1991. С. 8–26.
5. Сапанжа О.С. Основы музейной коммуникации : учеб. пособие. СПб. : НП-Принт, 2007. 143 с.
6. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М. : АСТ, 2001. 800 с.
7. Рындина О.М. «Философия вещей» как универсалия традиционного мировоззрения // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск, 2004. С. 127–139.
8. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб. : П.Э.Т., Алетея, 1996. 156 с.
9. Калякина А.В. Адаптация российских музеев к новым социально-экономическим условиям. 1990-е годы (на материалах группы ленинских музеев) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 26 с.
10. Хадсон К. Влиятельные музеи / пер. с англ. Л. Мотылев. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 194 с.
11. Мастеница Е.Н. Феномен музея: опыт музеевческой рефлексии // Вопросы музеелогии. 2011. № 1(3). С. 20–30.
12. Сапанжа О.С. Культурологическая теория музейности : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб. : СПбГУ, 2011. 43 с.
13. Шелегина О.Н. История и современные тенденции развития музейного мира Сибири (адаптационный подход) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 384 с.
14. Грицкевич В.П. История музейного дела до конца 18 века. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : СПбГУКИ, 2004. 406 с.
15. Никишин Н.А., Лебедев А.В. Информационный менеджмент как технология организации музейной деятельности // Музей будущего: Информационный менеджмент. М., 2001. С. 7–16.
16. Сотникова С.И. Музеелогия: пособие для вузов. М. : Дрофа, 2004. 192 с.
17. Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике. М. : Мин-во культуры РФ; Рос. ин-т культурологии, 2001. 223 с.
18. Школьные музеи Боевой Славы // Генеалогический форум «Всероссийское генеалогическое древо». URL: <http://forum.vgd.ru/post/192/23800/p1238503.htm> (дата обращения: 19.06.2014).
19. Полякова Е.А. Трансформация форм культурно-образовательной деятельности педагогических музеев в 20–30 гг. XX в. (на примере Омского научно-педагогического музея) // Вестник Томского государственного университета. 2006. Вып. 4, приложение 7. С. 76–81.
20. Иванова Е.В. Смыслогенерирующая репрезентация // Омский научный вестник. 2008. № 1 (63). С. 148–151.
21. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание : пер. с англ. М. : Прогресс, 1988. 506 с.
22. Карпович В.Н. Репрезентация, объективность научного знания и логика науки // Вестник НГУ. Сер. Философия. 2010. Т. 8, № 2. С. 18–23.
23. Шаблей П.С. Символические формы репрезентации истории Казахстана и современность // История и современность. 2009. № 2(10). С. 170–193.
24. Воронцова Е.А. Музееведение как научная дисциплина // Музейное дело России. М. : БК, 2003. С. 211–222.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 19 сентября 2014 г.

MUSEUM IN THE CONTEXT OF THE PROCESSES OF UPDATE AND ADAPTATION

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 86–93. DOI: 10.17223/15617793/388/14

Polyakova Elena A. Barnaul Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elena2873@mail.ru

Keywords: museum; factors of actualization; expectations; ways of adaptation; representation.

The process of formation and development of museum as a cultural form and a social institution depends on the needs of the society in preservation and transmission of the tangible and intangible heritage. The primary factor in this process is actualization (update), interpreted as a need of society in particular socio-cultural experiences, necessary in a certain period and for a certain culture. Update of the demanded cultural experience by means of the museum contributes to its adaptation to the specific period of development of the society. The processes of update depend on the prevailing social system of social expectations. Formation of the museum as a cultural form is caused by the prescriptive expectations connected with documentation and translation of social reality in its historical and contemporary perspectives. Predicting expectations are probabilistic in their nature and related to actualization of a particular form of the museum. Actualization of the museum as a cultural form depends on the valuable, informative and expressive potential of the collection. The viability of the actualized museum form is determined by the degree of its inclusion in the adaptation processes which allow museums to adapt to social transformations. The first way to adapt is the organizational and managerial activity, determined by other methods, such as scientific research, cultural and educational activities. Adaptability of scientific and research activities is caused by contiguity of the genesis of the museum as a cultural form and emergence of scientific knowledge. Expansion of cultural and educational activities of the museum in its visual, verbal and virtual options leads to the enlargement of the audience interested in the forms and therefore provides its adaptation to the needs of a new generation. Modified social reality requires adjusting the interpretation of reality and therefore representation of collections. It is a synthesis of research and cultural and educational activities and allows to reassess the meaning of the museum collections. In formation of the museum as a cultural form the crucial role is played by the processes of update and adaptation. The society needs for documentation and translation of social experience, formed in accordance with the system of the social expectations, influenced update of the museum as a cultural form and social institution the viability and development of which depends on the degree of inclusion in the adaptation processes.

REFERENCES

1. Aktualizatsiya [Actualization]. In: *VSlovar.ru: kompleksnyy onlayn slovar'* [VSlovar.ru: comprehensive online dictionary]. Available at: <http://vslovar.ru/slovo/aktualizatsiya>. (Accessed: 12th June 2014).

2. Lopatkova I.V. *Optimizatsiya lichnostnoy adaptatsii pervokursnikov posredstvom aktualizatsii ikh Ya-kontseptsii v khudozhestvenno-tvorcheskoy deyatel'nosti*. Avtoref. dis. kand. psikhologicheskikh nauk [Optimization of personal adaptation of freshmen through actualization of their self-concept in artistic and creative activities. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Tver: Tver State University Publ., 2003. 28 p.
3. Solov'eva V.S. *Aktualizatsiya kak sredstvo smysloobrazovaniya v khudozhestvennom tekste*. Avtoref. dis. kand. filolog. nauk [Actualization as a means of sense formation in a literary text. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tver: Tver State University Publ., 2005. 19 p.
4. Stranskiy Z. [Understanding Museology]. *Muzevedenie. Muzei mira: sb. nauchnykh trudov NII kul'tury* [Museology. Museums of the world: a collection of scientific works of the Research Institute of Culture]. Moscow, 1991, pp. 8-26. (In Russian).
5. Sapanzha O.S. *Osnovy muzeynoy kommunikatsii* [Fundamentals of museum communication]. St. Petersburg: NP-Print Publ., 2007. 143 p.
6. Golovin S.Yu. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of a Practical Psychologist]. Moscow: AST Publ., 2001. 800 p.
7. Ryndina O.M. "Filosofiya veshchey" kak universal'ya traditsionnogo mirovozzreniya ["The philosophy of things" as a universal of the traditional worldview]. In: Ryndina O.M. (ed.) *Traditsionnoe soznanie: problemy rekonstruktsii* [Traditional consciousness: the problems of reconstruction]. Tomsk: NTL Publ., 2004, pp. 127-139.
8. Shpet G.G. *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic Psychology]. St. Petersburg: P.E.T., Aleteyya Publ., 1996. 156 p.
9. Kalyakina A.V. *Adaptatsiya rossiyskikh muzeev k novym sotsial'no-ekonomicheskim usloviyam. 1990-e gody (na materialakh gruppy leninskikh muzeev)*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Adaptation of Russian museums to the new socio-economic conditions. The 1990s (on the materials of the group of Lenin museums). Abstract of History Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 26 p.
10. Hudson K. *Vliyatel'nye muzei* [Museums of Influence]. Translated from English by L. Motylev. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2001. 194 p.
11. Mastenitsa E.N. Phenomenon of a museum: The attempt of museological reflection. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*, 2011, no. 1(3), pp. 20-30.
12. Sapanzha O.S. *Kul'turologicheskaya teoriya muzeynosti*. Avtoref. dis. d-ra kul'turologii [Cultural theory of museality. Abstract of Culture Dr. Diss.]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2011. 43 p.
13. Shelegina O.N. *Istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya muzeynogo mira Sibiri (adaptatsionnyy podkhod)*. Dis. d-ra ist. nauk [History and current trends in the development of the museum world of Siberia (adaptive approach)]. History Dr. Diss.]. Novosibirsk, 2012. 384 p.
14. Gritskovich V.P. *Istoriya muzeynogo dela do kontsa 18 veka* [History of museology before the end of the 18th century]. 2nd edition. St. Petersburg: SPbGUKI Publ., 2004. 406 p.
15. Nikishin N.A., Lebedev A.V. *Informatsionnyy menedzhment kak tekhnologiya organizatsii muzeynoy deyatel'nosti* [Information management as a technology of museum activity organization]. In: Lebedev A.V., Ivanova E.L., Lebedeva E.A. *Muzej budushchego: Informatsionnyy menedzhment* [Museum of the Future: Information Management]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2001, pp. 7-16.
16. Sotnikova S.I. *Muzeologiya* [Museology]. Moscow: Drofa Publ., 2004. 192 p.
17. Yukhnovich M.Yu. *Ya povedu tebya v muzey: ucheb. posobie po muzeynoy pedagogike* [I will take you to the museum: a book on museum education]. Moscow: RF Ministry of Culture; Russian Institute of Cultural Studies Publ., 2001. 223 p.
18. *Shkol'nye muzei Boevoy Slavy* [School museums of the Battle Glory]. Available at: <http://forum.vgd.ru/post/192/23800/p1238503.htm>. (Accessed: 19th June 2014).
19. Polyakova E.A. *Transformatsiya form kul'turno-obrazovatel'noy deyatel'nosti pedagogicheskikh muzeev v 20-30 gg. XX v. (na primere Omskogo nauchno-pedagogicheskogo muzeya)* [Transformation of cultural and educational activities of educational museums in the 1920-1930s (on the example of Omsk research and educational museum)]. In: Mayer G.V. (ed.) *Sovremennye problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii* [Modern problems of Russian and general history]. Tomsk, 2006, pp. 38-41.
20. Ivanova E.V. The representation generating sense. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2008, no. 1 (63), pp. 148-151. (In Russian).
21. Wartofsky M. *Modeli. Reprezentatsiya i nauchnoe ponimanie* [Models. Representation and the scientific understanding]. Translated from English. Moscow: Progress Publ., 1988. 506 p.
22. Karpovich V.N. Representation. Objectivity and the logic of science *Vestnik NGU. Seriya Filosofiya*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 18-23. (In Russian).
23. Shabley P.S. Simvolicheskie formy reprezentatsii istorii Kazakhstana i sovremennost' [Symbolic forms of representation of Kazakhstan history and modernity]. *Istoriya i sovremennost'*, 2009, no. 2 (10), pp. 170-193.
24. Vorontsova E.A. *Muzevedenie kak nauchnaya distsiplina* [Museology as an academic discipline]. In: Kaulen M.E., Kossova I.M., Sundieva A.A. (eds.) *Muзейnoe delo Rossii* [Museology of Russia]. Moscow: VK, 2003, pp. 211-222.

Received: 19 September 2014

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБЕНИЯ УМЕРШИХ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПО ТОМСКУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ)

Статья посвящена рассмотрению процесса организации похорон, существовавшего в еврейской общине в Томске во второй половине XIX – начале XX столетия как одного из показателей сохранения национального самосознания. Исследуются особенности обычая захоронения, принятые в иудаизме, и специфические черты, которые возникли в Сибири. Анализируются вопросы деятельности погребального общества в Томске, обязанности его членов и отношения внутри общины, а также изучается законодательная база деятельности этих обществ в указанный период.

Ключевые слова: еврейская община; захоронение; погребальное общество; Томск.

Существование любого народа вне своей земли предопределяет трудности в сохранении национальной культуры. Показательным примером может служить история евреев, чьи общины существовали на огромной территории, с разными геополитическими и культурными особенностями. Говорить о существовании общины, по мнению исследователей, можно при наличии нескольких признаков: во-первых, это складывание устойчивой и численно достаточной этнической общности в том или ином месте и, во-вторых, когда к необходимости выжить в новом месте добавляется устойчивое стремление жить по законам своих предков, потребность национального самосохранения [1. С. 8]. Особенности становления и развития еврейской общины в том или ином месте не раз становились предметом изучения различных исследователей. Тем не менее некоторые аспекты существования еврейской общины в Сибири, возникшей фактически вопреки действовавшему российскому законодательству в XIX столетии, требуют дополнительного изучения. В данной работе изучается организация похорон умерших членами еврейской общины в Томске, так как особенности процесса погребения можно рассматривать в качестве одного из показателей сохранения национальной культуры и этнического самосознания.

Точная дата появления еврейского кладбища в г. Томске неизвестна, но с уверенностью можно сказать, что места, где из года в год евреи хоронили умерших, появились задолго до складывания общинных институтов. При этом особенности похоронного ритуала не соблюдались. И только с зарождением еврейской общины элементы похоронного обряда стали соблюдаться и в Томске.

Определить точное время появления еврейской общины в Томске достаточно сложно из-за отсутствия таких традиционных институтов религиозной жизни, как кагалы, и позднего появлением раввинов на томской земле. Можно предположить, что в Томске общинное самоуправление возникает одновременно с появлением первых молитвенных учреждений в середине XIX столетия, так как первая синагога в Томске была открыта только в 1850 г. [2. С. 152].

Члены правления общины избирались раз в три года. Процедура выборов, как правило, была достаточно длительной – от нескольких месяцев до года. Тайным голосованием избирались три кандидатуры

членов правления, которые утверждались городскими властями, а затем списки передавались на рассмотрение губернских властей. Результаты выборов сообщались общине опять через городское правление [3. Ст. 1309. С. 238]. Особенностью выборов в Томске было то, что ссыльные евреи не имели права участвовать в выборах, в отличие, например, от еврейских общин Верхнеудинска и Якутска [1. С. 42].

Одновременно избирались и члены погребального общества, занимающиеся соблюдением порядка на кладбище и организацией похорон. Расходы на содержание погребального общества составляли значительную статью еврейского правления. В погребальное общество входили евреи, знающие порядок организации похорон по еврейскому обычаю, и рабочие. Согласно еврейской традиции за службу в «Хеврэ Кадisha» – братство святых (так назывались погребальные общества) – не предполагалось никакой оплаты, ибо честь, оказываемая при погребении, неоплатна, так как даже мертвое тело человека достойно уважения. Следует помнить, что балзамирование тела в иудаизме запрещается, так как кровь и внутренности неотделимы от тела. Кроме того, не поощрялась и кремация. В случае, если тело было кремировано, а урна с прахом не предана земле, то семья не должна была соблюдать семидневный траур. Выставлять тело в открытом гробу считалось оскорбительным, так как могли прийти враги умершего и порадоваться его смерти. Отсрочка при захоронении тела была возможна только в случае приезда близких родственников издалека, наступления субботы или праздника. Хоронить в субботу или в праздники запрещалось [4. С. 280–282, 290]. При этом процесс погребения у евреев не имеет никакой духовной санкции. Талмуд не придает похоронам какого-либо духовного начала, погребение у евреев считалось делом не Веры, а человеколюбия. Оно рассматривается как филантропический долг, который, по закону Моисея, стоит выше всех синогальных обязанностей, поэтому занимающиеся похоронами освобождаются на то время от всех религиозных обязанностей, таких как молитва, пост, соблюдение праздников, особенно если у умершего нет родственников, которые занялись бы его погребением.

Не все могли быть допущены к исполнению этих священных обязанностей: одни – по недееспособности или незнанию обрядов, другие – в случае дурной репутации, иные – по бедности и недостатку средств

для исполнения предписанных религией правил при погребении. Кроме того, Закон Моисеев запрещает потомкам Аароновым, составляющим некогда священническую касту, т.е. лицам из рода Левитов и Когенов, прикасаться к мертвым телам, которые считаются, безусловно, нечистыми.

Приготовление к погребению состояло в очищении тела теплою водою, исполняемом обыкновенно членами братства – шамесами. Обычай «криа», когда все присутствующие родные в знак особой печали раздирали отворот своего верхнего платья вершка на два и не зашивали его в продолжении траурной недели, в Томске не соблюдался (из-за удаленности региона от центров религиозной жизни). После омовения и троекратного провозглашения «тогор» – чист, члены общества переодевали покойника в установленную правилами веры особую одежду «тахрихим» (саван и талит). Белая одежда подчеркивала равенство богатых и бедных перед смертью. Мужчин также заворачивали в талит с поврежденными кистями в знак того, что на него больше не распространяются земные требования. После, прочитав молитвенное благословление, погребальное братство приступало к похоронной процессии. Несмотря на то что у евреев считается почетным нести тело на кладбище на носилках, а процессию, по обычаю, должны возглавлять два или три шамеса с кружками в руках, провозглашавших стихи Притчей Соломона «благотворительность спасает от смерти, милостыня предшествует покойному» и собирающих приношения на всем пути следования до кладбища, в Томске эта часть ритуала упускалась. Тело чаще всего на кладбище доставляли на лошади, что в целом допускалось еврейской традицией, хотя в этом случае тело несли к могиле на руках.

После прибытия на кладбище один из участвующих в похоронах членов погребального братства от имени братства и родных просит прощения у покойного. Когда тело погребут, он обращается к скончавшемуся, если тот состоял в браке, с объявлением, что брачные узы его расторгнуты смертью, говоря «жена твоя тебе больше не жена, а ты ей не муж». Затем члены погребального общества, исполнив молитву «цидук-гадин», должны утешать членов семейства, провожать их на квартиру умершего, где последние должны просидеть 7 дней в трауре, называемом шива. (Шива – обрядовый траур, обязательный для всех старше 13 лет детей скончавшегося, выражается прекращением для них всех житейских занятий. Родственники умершего не должны выходить из дома, а обязаны ежедневно трижды молиться сообща и совершать поминовение совместно с членами братства, изучающего Талмуд.) Похороны детей до 13-летнего возраста совершались безо всяких церемоний [5. Л. 282, 283 об.].

Капитал погребального общества пополнялся за счет денег за отводимые могилы и добровольные пожертвования при погребении зажиточных евреев. Эти средства уходили на оплату труда сторожа при кладбище (около 3 руб.) и организацию похорон бедняков [6].

Несмотря на тот факт, что служба в погребальном обществе считалась почетной, томские члены общества допускали злоупотребления в своей деятельно-

сти. Мещанин г. Томска И.И. Ицкович даже подал жалобу в духовное правление на действия членов погребального общества [7]. После сообщения о смерти отца Ицковича в погребальное общество им был отправлен катафалк для перевозки тела на кладбище. Приехавший возница Друс потребовал от И.И. Ицковича 8 руб. за перевозку тела. Получив требуемые им незаконно деньги, он на полпути выпряг двух лошадей (было запряжено 4) и уехал, предварительно получив с Ицковича еще 5 руб. [8]. Распорядитель погребального общества М. Дашевский объяснил, что он не несет ответственности за действия возницы, который требовал с Ицковича деньги за то, что «покойный перед смертью украл у возницы корову и убил ее, причем шкура и мясо были у него опознаны» [9]. Однако подобные объяснения не удовлетворили правление, так как покойный 75-летний человек 9 лет проживал безвыездно в Колывани и за 6 месяцев до смерти был перевезен в г. Томск к сыну. Из-за тяжелой болезни он не вставал с постели и, таким образом, не мог совершить приписываемые ему преступления. Действия членов погребального общества вызвали негодование среди членов еврейской общины, в результате чего в 1886 г. М. Дашевский был отстранен от занимаемой им должности, и распорядителем погребального общества был избран Р.А. Бейлин, староста хоральной синагоги [7]. Его деятельность на этом посту не вызывала нареканий со стороны общины.

Подобные нарекания на деятельность погребальных обществ встречались в целом по Империи, в результате для предупреждения злоупотреблений Министерство внутренних дел в 1867–1868 гг. утвердило несколько отдельных уставов для погребальных обществ. Ими определялись цель погребального общества, состоявшая в погребении умерших евреев; состав общества, куда входили лица обоего пола, имеющие самостоятельное хозяйство, достигшие 25-летнего возраста, «неопороченные судом» и проживающие в месте учреждения общества не менее трех лет. На каждые три года избирался новый состав правления из членов общества, не занимающих общественной должности, владеющих известной недвижимостью и не имеющих на себе недоимки в податях и повинностях. Были определены и обязанности правления, заключающиеся в содержании в должном порядке еврейского кладбища, погребении умерших и наблюдении за «исполнением установленных на сей случай религиозных обрядов», а также составлении и представлении обществу отчетов о действиях правлений и по хозяйственной его части.

Что касается председателя правления, то он, немедленно по получении известия о безнадежном положении больного, должен был отправить в его дом для исполнения религиозных обрядов несколько членов погребального общества. В случае смерти больного он должен был лично с четырьмя членами, избранными по жребию, присутствовать при погребении и наблюдать, чтобы оно производилось по установленному обряду.

Далее уставы определяли источники поступления средств для нужд общества:

1) единовременные взносы его членов, не менее 5 руб. от каждого;

2) добровольные пожертвования, собираемые при похоронах;

3) плата за погребение, размер которой не должен был превышать 90 руб. Размер платы назначался исходя из возраста и материального состояния умершего правлением братства, по соглашению с его родственниками или наследниками [5. Л. 256–256 об.].

Уставы определяли также, что в случае невыплаты назначенной за погребение платы родственниками умершего или отсутствия надлежащего залога, который по истечении условленного срока подлежит продаже с публичного торга, они сами лишаются права на услуги со стороны общества. Только в случае отсутствия у покойного имущества или бедности его родственников правления погребальных братств обязывались отводить бесплатно место на кладбище и оплачивать из кассы общества услуги по организации похорон.

Контроль за действия общества возлагался на городскую администрацию, которая наблюдала, чтобы общества не выходили из указанного им круга деятельности, а также разбирала жалобы, поступающие на похоронные общества. В 1915 г. «Еврейское похоронное общество г. Томска» было внесено в реестр обществ и союзов Томской губернии Губернским присутствием по делам об обществах [10. С. 76].

Что касается мест для захоронения, по мнению составителей «Томского некрополя», еврейское клад-

бище возникло в первой трети XIX столетия [11. С. 5]. Расположенное к востоку от православного Вознесенского кладбища вдоль Иркутского тракта (ныне ул. Пушкина), оно было единственным в Томске, где евреи хоронили умерших. Еврейское кладбище было закрыто для погребений постановлением Томского горисполкома от 7 июля 1939 г. вместе с расположенными рядом с ним кладбищами других конфессий [12. С. 5].

Таким образом, рассматривая организацию похорон у евреев в Томске во второй половине XIX – начале XX столетия, можно отметить, что элементы похоронного обряда начинают соблюдаться только с появлением институтов общинного самоуправления в середине XIX столетия. Кроме того, ввиду удаленности региона от центров религиозной жизни евреев, малой грамотности сибирских евреев в вопросах религии и ритуала, а также в виду невозможности приглашения большого количества специалистов в религиозных делах зачастую часть погребального обряда в Томске евреями не соблюдалась. Определенный отпечаток на соблюдение обычаев накладывали и межличностные отношения, и возможные конфликты внутри членов еврейского общества. В результате правительство было вынуждено издать особые положения, регулирующие вопросы организации похорон. Тем не менее стремление к захоронению своих умерших по еврейским обычаям можно считать одним из показателей сохранения евреями своей национальной культуры в Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX – 1917 г.). Красноярск : Кларетинум, 2002. 164 с.
2. Ульянова О.С. Конфессиональная жизнь еврейской общины в аспекте функционирования синагог и молитвенных домов (на материалах по Томску второй половины XIX – начала XX столетия) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 152, 153.
3. О управлении духовных дел евреев. Книга 5. Уставы Духовных Дел иностранных исповеданий. Изд. 1896 г. // Свод законов Российской империи. СПб. : Гос. тип., 1896. Т. 11, ч. 1. 349 с.
4. Донин Х. Быть евреем. Ростов-н/Д, 1999. 289 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 108.
6. Сибирская газета. 1884. 30 сент.
7. Сибирская газета. 1886. 18 мая.
8. Сибирская газета. 1886. 4 мая.
9. Сибирская газета. 1886. 11 мая.
10. Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафронов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 гг. / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 298 с.
11. Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 328 с.
12. Весь Томск: адресно-справочная книжка на 1911–1912 гг. / сост. Г.В. Чавыкин. Томск, 1911. 332 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 15 июля 2014 г.

THE FUNERAL CEREMONY AS A FACTOR OF JEWISH TRADITIONS CONSERVATION (BY TOMSK DATA OF THE SECOND PART OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 94-97. DOI: 10.17223/15617793/388/15

Ulyanova Oksana S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shamaim_7@mail.ru

Keywords: Jewish community; grave; funerary society; Tomsk.

There are some difficulties to conserve national traditions if peoples live out the homeland. The illustrative example of this situation is the Jews' history whose communities are in a large territory under different geopolitical and cultural conditions. History of the Jewish communities has been studied by a lot of various researchers for a long time. However, some aspects of Tomsk Jewish community history that started in spite of the Russian law of the 19th century require an additional study. The funeral ceremony of Tomsk Jewish community is researched in the paper. The features of this ceremony could be studied as one of the factors of the traditions and ethnic mentality conservation. The exact date of Tomsk Jewish cemetery construction is unknown, but funeral places had been here for a long time before the Jewish community institutions appeared. And the funeral ritual was not carefully followed. After Jewish community institutions appeared some elements of the funeral ritual were followed in Tomsk. Tomsk Jewish funerary society was established simultaneously with the first religious institutions in the middle of the 19th century. Its members were responsible for

the cemetery and funeral ceremony. The funerary society included Jews, who knew Jewish funeral traditions, and general laborers. The first step of the funeral was ablution with warm water by a special laborer. The Jewish funeral custom called "kria" was not followed in Tomsk because of the far distance of this region from religious centers. After ablution, members of the society came to the second step; they enrobed a corpse with special clothes. Then after a pray, the funerary society started a funeral procession. In Tomsk a corpse was taken to the cemetery by horse and it was brought to the grave by hands. When the funeral procession came to the cemetery, one of the members of the society asked for forgiveness and after a corpse was inhumed he announced divorcement because of the death. Then a seven-day mourning started. Funds of the funerary society were formed due to payments for graves and voluntary donations when a high-income Jew died. Despite the fact that the funerary society service was honorary, members of Tomsk funerary society often abused their responsibilities. This situation was common for the Russian Empire. As a result, to avoid abusing, the government issued some statutes for funerary societies in 1867 – 1868. They defined the aim of the funerary society, members, as well as their responsibilities. To sum up, after researching the funeral custom of Tomsk Jewish society in the second part of the 19th century – early 20th century, it could be noted that some elements of the custom were followed only in the middle of the 19th century when Jewish community institutions formed. Besides, due to the far distance of the region from religious centers and a low educational level of Tomsk Jews in religion, as well as the lack of people who knew religious custom in detail, some elements of funeral customs were not followed by Tomsk Jews. However, the desire to bury their relatives according to the Jewish custom can be considered as a factor of traditions conservation.

REFERENCES

1. Kal'mina L.V. *Evrei Vostochnoy Sibiri: "dukhovnaya territoriya" (seredina 19 veka – 1917 g.)* [The Jews of Eastern Siberia: a "spiritual territory" (mid 19th c. – 1917)]. Krasnoyarsk: Klaretianum Publ., 2002. 164 p.
2. Ul'yanova O.S. The Jewish community confessional life in the aspect of synagogues and meeting-houses functioning (according to Tomsk documents of the second part of the 19 - beginning of the 20 centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 152-154. (In Russian).
3. *O upravlenii dukhovnykh del evreev. Kniga 5. Ustavy Dukhovnykh Del inostrannykh ispovedaniy* [Management of Religious Affairs of the Jews. Book 5. Statutes of Religious Affairs of Foreign Confessions]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Gos. tip. Publ., 1896. Vol. 11, pt. 1, 349 p.
4. Donin Kh. *Byt' evreem* [Being a Jew]. Rostov-on-Don, 1999. 289 p.
5. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). Fund 821. List 8. File 108.
6. *Sibirskaya gazeta*, 1884, 30 September.
7. *Sibirskaya gazeta*, 1886, 18 May.
8. *Sibirskaya gazeta*, 1886, 4 May.
9. *Sibirskaya gazeta*, 1886, 11 May.
10. Kutilova L.A., Nam I.V., Naumova N.I., Safronov V.A. *Natsional'nye men'shinstva Tomskoy gubernii. Khronika obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni. 1885–1919 gg.* [National minorities of Tomsk Province. Chronicle of social and cultural life. 1885-1919]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 298 p.
11. Dmitrienko N.M. (ed.) *Tomskiy nekropol': spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomских kladbishchakh* [Tomsk necropolis: lists and obituaries of the buried in the old cemetery of Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2001. 328 p.
12. Chavykin G.V. *Ves' Tomsk: adresno-spravocnaya knizhka na 1911–1912 gg.* [All Tomsk: address book of 1911-1912]. Tomsk, 1911. 332 p.

Received: 15 July 2014

О НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ПОСТАНОВКАХ МАЛОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Рассматриваются исполнения современных музыкально-театральных сочинений на сценах Ленинграда на рубеже 1920–1930-х и в середине 1930-х гг. На основе ранее неопубликованных архивных документов описываются неосуществленные проекты, связанные с сотрудничеством ленинградского Малого оперного (ныне вновь Михайловского) театра с ведущими немецкими и чешскими композиторами. Среди неосуществленных постановок – «Воцек» Альбана Берга и «Енуфа» («Её падчерица») Леоша Яначека.

Ключевые слова: современная опера; Эрнст Кшенек; Альбан Берг; Самуил Самосуд; Иван Соллертинский; Георг Бюхнер; Леош Яначек; музыкальный театр XX в.; Михайловский театр; МАЛЕГОТ.

После невероятного успеха на сцене Малого оперного театра опер Эрнста Кшенека «Прыжок через тень» (1927) и «Джонни наигрывает» (1928) театр еще не раз пытался обратиться к современной западной опере. Однако на сцену больше ничего не было выпущено. Не была осуществлена постановка оперы Хиндемита «Новости дня», написанная специально для Малого оперного театра. Один из наиболее показательных документов – репертуарный план Малого оперного театра на 1927–1928 гг. Анонсируя сезон 1927–1928 г., главный режиссер театра Николай Смолич, наряду с «Джонни наигрывает», оперой Эрвина Дресселя «Колумб» и «Носом» Дмитрия Шостаковича (осуществлена через несколько лет), называл оперу-гигиоль Дариуса Мийо «Бедный матрос» и оперу-скетч Пауля Хиндемита «Туда и обратно» [1. С. 12]. В этом списке отчетливо явлен принцип поиска театром новых жанров. Предполагалось, что эти одноактные спектакли станут первой постановкой молодого режиссера Эммануила Каплана в скором будущем – один из самых ярких ленинградских режиссеров и основатель режиссерского факультета консерватории).

Но если эти неосуществленные планы стали хотя бы предметом обсуждения и критики, то некоторые другие не освещены в научной литературе. Так, после исторической постановки в 1927 г. оперы Альбана Берга «Воцек» в Ленинградском академическом театре оперы и балета план новой постановки «Воцек» Берга на рубеже 1920–1930-х гг. вынашивал Николай Смолич. Эта постановка оперы Берга, к которой театр не смог приступить, нередко упоминается даже в серьезных искусствоведческих работах как осуществленная.

В неопубликованном письме режиссеру 10 октября 1930 г.¹ Борис Асафьев, говоря и о других нереализованных планах, писал: «За Вами “Воцек”. Мое пророчество сбылось: это теперь самая наипризнаннейшая опера в Европе, я рад за Берга и за людей: все-таки, это единственный композитор, не пошедший на компромисс...» [2]. Нельзя не заметить в этом определении вместе с удовлетворенностью и нотки сожаления, – ведь сам Асафьев был склонен к компромиссам и в творчестве, и в жизни.

Однако вплотную Малый оперный приблизился к постановке оперы Берга несколькими годами позже. В январе 1935 г. ленинградская «Красная газета» публикует большую статью Ивана Соллертинского, содержащую не только анонс грядущей постановки в

Малом оперном театре, но и размышления об опере и ее авторе.

«В этом году, – писал Соллертинский, – Малый оперный театр приступает к работе над самым замечательным музыкально-театральным произведением, появившимся на Западе после империалистической войны – оперой Альбана Берга “Воцек” (режиссер Н.В. Смолич, дирижер С.А. Самосуд)» [3].

Соллертинский пишет о том, что Берг «ныне живет отшельником где-то под Веной» [Там же], что в фашистской Германии его сочинения запрещены, а главный дирижер Берлинского филармонического оркестра Вильгельм Фуртвенглер за свои выступления в защиту музыки Берга впал в немилость и смещен со всех постов². Причины ненависти фашистов к «Воцек», пишет Соллертинский, кроются в содержании оперы, которая является «страстным обвинительным документом против общественного строя, несовместимого с достоинством человека и основанного на унижении и эксплуатации» [Там же].

Соллертинский акцентирует то обстоятельство, что Бюхнер был революционером и чудом спасся «от казни или концентрационного заключения» [3], упоминает, конечно, и о том, что именно ему принадлежит фраза «Мир хижинам, война дворцам». В пользу Берга он использует и его ученичество у Шенберга («кстати, тоже остервенело бойкотируемого фашистами» [Там же]).

В середине 1930-х гг., на фоне масштабной ревизии ценностей, Соллертинский остается апологетом Берга, обновляя лишь идеологическую аргументацию интереса театра к опере: «Обращение Малого оперного театра к “Воцек» – глубоко закономерно. “Воцек” – бесспорно лучшее из того, что может предъявить современная западная опера. Для оркестра МАЛЕГОТа, образцово сыгравшего ряд сложнейших партитур, “Воцек” уже не представляет исключительных сложностей. Перед театром стоит задача: выдвинуть в “Воцек» не экспрессионистские (как то было в ГАТОБе), но музыкально-реалистические элементы, и на их основе создать большой музыкальный спектакль о Западе и капитализме, о глубокой внутренней непримиримости капиталистического строя и условий развития человеческой личности и сохранения человеческого достоинства» [Там же].

Подчеркивая реализм и социальную остроту сочинения Берга, Соллертинский, видимо, сознательно

идет на некоторую подмену, трактуя оперу Берга только как выражение социального протеста и умаляя ее экзистенциальное содержание. И хотя сделать Берга революционером Соллертинский не может, он рисует весьма плакатно-убедительный, хотя и далекий от реальности образ Берга – союзника в борьбе не только с фашизмом, но и с капитализмом. Трудно усомниться в том, что он делает это в интересах театра. Его риторика во многом носит маскировочный характер, но, как свойственно подлинно талантливому критику, он и здесь вскрывает новые, и сегодня во многом актуальные подтексты сочинения Берга. Соллертинский говорит о том, что образ Воццека создан Бергом с яркостью, напоминающей Швейка у Гашека, – надо признать, что при всей парадоксальности этого сближения оно содержательно. Швейк, как и Воцек, – некий «элементарный», новый Кандид, сталкивающийся с враждебной иррациональностью мира. «Только там (у Гашека. – К.У.) общий тон повествования окрашивала благодушная с виду и ядовитая по существу юмористическая философия героя. В “Воццеке” же трагедия солдата дана во всей страшной неприглядности» [3].

Включение оперы Берга в репертуарный портфель МАЛЕГОТа демонстрирует, что в середине 1930-х гг. особую, исключительную роль теперь играла политическая позиция автора. Самосуд, Смолич, Соллертинский, как и другие почитатели Берга, полагали, что гуманистический характер его искусства, принадлежность к сторонникам антифашистского лагеря могли позволить вновь реализовать на сцене эту оперу. Но идея нового «Воццека» не была осуществлена. Это тем более печально, что эта постановка могла стать последней при жизни автора.

Вскоре обстановка изменилась. В 1936 г. статья «Сумбур вместо музыки» и обструкция «Леди Макбет Мценского уезда» способствовали отказу от поиска путей, связанных с самобытным претворением западноевропейских идей новой музыкальной драматургии.

С периодом острого интереса в СССР к новой опере Запада совпадает поздний, во многом кульминационный период деятельности великого чешского композитора Леоша Яначека. И то, что творчество Яначека не было востребовано российским театром, представляется какой-то несчастливой случайностью. Между тем в журнале «Жизнь искусства» № 31 за 1924 г. была опубликована заметка, посвященная премьере «Лисички-плутовки» в Праге. Эта заметка была перепечатана в Чехословакии, и Яначек прочел ее. Он написал в издательство «Universal Edition», что в Ленинграде интересуются его оперой. Для Яначека – истинного ценителя и адепта русского языка и русской литературы, автора ряда произведений по мотивам сочинений Гоголя, Достоевского, Островского, – эта информация была очень важной.

По информации А.А. Гозенпуда, в 1927 г. Яначек встретился в Берлине с музыковедом Евгением Браудо. «Он хочет добиться, – писал композитор издателью, – чтобы в Москве исполнялась одна из моих опер и Симфонietta... Я предпочел бы “Её падчерицу”» [4. С. 182]. Опера «Енуфа» (в отличие от других стран, в Чехии идущая под первоначальным названи-

ем «Её падчерица») не была новинкой. Она была поставлена в Праге уже в 1916 г., в Вене – в 1918 г., а в Берлине премьера успешно состоялась в 1924 г. [4]. «Тогда же, – сообщает Гозенпуд, – композитор сообщил К. Штёсслеру, что подписал с Москвой договор на постановку своей новой оперы» [Там же]. Однако, видимо, переговоры все же не увенчались успехом, и 11 октября 1927 г. издательство сообщило Яначку о том, что заинтересовать руководство советских театров «Её падчерицей» не удалось.

Гозенпуд считал, что непривычность воплощения русских тем могла смутить Асафьева и Дранишникову, которые были знакомы с клавирами опер чешского композитора. Не менее важно, что в 1927 г. музыкальный язык его довоенных опер воспринимался как традиционный, а «Средство Макропулоса» и «Записки из мертвого дома», видимо, были неизвестны русским музыкантам, еще не осознавшим всю смелость и новаторство композитора, стремительно обогнавшего свое время и в силу абсолютной самобытности вышедшего за рамки оппозиции «традиционализм – авангард». «По сравнению с Кшенеком Яначек мог показаться «старомодным» [Там же], – замечает Гозенпуд. Он пишет также о том, что «Станиславский, присутствовавший в 1922 году на одной из репетиций “Кати Кабановой” в Праге, уклонился от оценки музыки, возможно, также в силу необычности подхода композитора к Островскому» [Там же]. Уместно предположить, что Станиславскому «Катя Кабанова» могла показаться слишком экспрессивно-современной. И, пожалуй, наиболее существенной причиной неприятия Яначека русским театром является как раз магистральная русская тематика его творчества при совершенно иной трактовке среды и характеров.

Яначек умер в 1928 г., а исполнять его музыку в СССР начали уже в 1930-х (в частности, оркестры московского и ленинградского радио). В это время с нею, видимо, знакомится художественный руководитель Малого оперного Самуил Самосуд. Возникает идея постановки Яначека в Малом оперном театре. Казалось бы, после «Сумбура вместо музыки» это не вполне своевременно. Но 9 июля 1936 г. издательство «Universal Edition» в письме директору Малого оперного театра подтверждает готовность договора о передаче прав на исполнение оперы «Енуфа». Как ясно из материалов переписки, в этот момент договор, составленный по-русски, переводится на немецкий язык. «Мы уже подготовили 9 клавилов “Енуфы”, – сообщает дирекция издательства, – которые 18.09.1936 были отосланы в Малый оперный театр» [5. Л. 4]. Несомненно, заказ такого количества клавилов (оплата которых требовала выделения валютных средств) свидетельствует о готовности немедленно приступить к работе над сочинением [6. С. 4]. Однако следов дальнейшей работы над сочинением не обнаружено.

В первой половине 1936 г. Самосуд отмечен вышими для музыканта знаками отличия. Он – не только народный артист, но кавалер Ордена Ленина. Казалось бы, возможности творческой реализации музыканта расширяются. Но МАЛЕГОТ этого времени – уже совсем не тот, что недавно. В коллективе, как и в

стране, за год стремительно изменилась атмосфера. Уже 8 января 1935 г. общее собрание коммунистов МАЛЕГОТа принимает секретную резолюцию о необходимости усиления классового бдительности: «Учитывая, что в театре много выходцев из эксплуататорских классов и что возможны классовые враждебные вылазки. <На каждом участке закрепить ответственного коммуниста.> Провести поголовную проверку, отсеять чуждые элементы, установить зоркий контроль над классово чуждыми элементами в художественном составе. Всю работу провести негласно, соблюдая партийную тайну. Ежедневно сообщать секретарю партийного бюро о ходе выполнения данного постановления по цехам» [6. С. 4]. А 20 августа 1936 г. на партийном собрании театра открыто заявляется: «Каждый коммунист должен стать чекистом» [Там же]. В сфере творческой политики театра установлен непрерывный партийный контроль. В том же году Самуил Самосуд переведен в Большой театр. Учитывая особенности дирижер-

ского стиля, музыкантской органики дирижера, приходится говорить о неосуществленной постановке «Енуфы» с глубоким сожалением.

Несомненные пересечения, своего рода диалог между «Записками из мертвого дома» Яначека и оперой Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Но в 1930-х последний, по информации Гозенпуда, с «Записками» не был знаком [4. С. 7]. Логично допустить, что их связывает типологическое родство, обусловленное общими истоками стиля (прежде всего это Мусоргский). Учитывая, что «Леди Макбет» идет в МАЛЕГОТе именно в период активной переписки по «Енуфе», можно все же предположить, что оперное творчество Яначека уже в то время (хотя, вероятно, после окончания работы над «Леди Макбет...») было знакомо русскому композитору.

Премьера «Её падчерицы» в СССР состоялась в Новосибирске лишь в 1958 г., позднее в Москве на сцене Большого театра – более чем тридцать лет спустя после описываемых событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В это время Смолич уже был главным режиссером Большого театра в Москве.

² Здесь Соллертинский вольно обращается с фактами. Увольнение Фуртвенглера с должности главного дирижера Берлинской филармонии было связано, в частности, с его выступлением в защиту Хиндемита.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Что даст новый сезон?* / Малый оперный театр (Беседа с управляющим театром Н.В. Смоличем) // Жизнь искусства. 1927. № 40.
2. *Письмо Б.В. Асафьева Н.В. Смоличу 10 октября 1930 года* // ГМТМИИ Украины. Инв. 24848.
3. *Соллертинский И.* «Воззвек» / К возобновлению оперы А. Берга в Малом оперном театре // Красная газета, веч. вып. 1935. 10 янв.
4. *Гозенпуд А.А.* Леош Яначек и русская культура: Исследование. Л.: Сов. композитор, 1984.
5. *Переписка МАЛЕГОТа* с издательством «Universal» // СПб ГАЛИ. Ф. 290. Д. 52. Л. 4.
6. *Чижова Л.* Боль истории // Театр. 1992. № 6. С. 2–6.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 20 июля 2014 г.

ON THE UNREALIZED PERFORMANCES AT THE SMALL (MALY) OPERA THEATRE IN THE MIDDLE OF THE 1930S

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 98-101. DOI: 10.17223/15617793/388/16

Uchitel Konstantin A. Saint-Petersburg State Theatre Arts Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: ucchitel@bk.ru

Keywords: modern opera; Ernst Křenek; Alban Berg; Samuil Samosud; Ivan Sollertinskiy; Georg Buchner; Leoš Janáček; 20th-century musical theatre; Mikhailovskiy Theatre; MALEGOT.

After the great success of Ernst Křenek's operas "Der Sprung über den Schatten" (1927) and "Jonny spielt auf" (1928) at the stage of the Maly Opera Theatre it repeatedly tried to stage the new western opera. The production of Hindemith's opera "Neues vom Tage" began. The collaboration with Darius Milhaud was planned. But there were no these experimental performances at the real stage. If those unrealized performances were subjects of discussions in the press, some others were not even the theme of research. After the famous performance of A. Berg's "Wozzeck" at the Leningrad Academic Opera & Ballet Theatre (1927) at the threshold of the 1920s – 1930s, the Maly Opera Theatre began to think of its performance of "Wozzeck". A fragment of the letter from B. Asafiev to N. Smolich connected with this plan is given in the article. Some years later the Maly Theatre was on the verge of solving the problem of the staging of Berg's opera. On January, 1935, Leningrad's "Krasnaya Gazeta" published a big article by I. Sollertinsky which contained not only the announce of the future performance of Berg's opera, but also the thoughts about the opera and its author. In the middle of the 1930s, on the background of the great ideological revision of the values Sollertinsky remains Berg's apologist, renewing only the ideological argumentation of the interest of the Theatre to "Wozzeck" – it is deeply motivated: "Wozzeck, of course, is the best of the modern western opera productions". The idea of the "new Wozzeck" was not realized. It was especially sorrowful, because it could be one of the last performances during the composer's life. This period of the strong interest in the USSR to the western opera coincides with the last culminate period of the creative activity of the great check composer L. Janáček. In the 1930s, as the new archive materials show, there was a preparation to the new performance of "Jenufa" by Janáček at the Maly Opera Theatre. But the change of the creative atmosphere in 1936 did not allow to implement the interesting project. Undoubtedly, there were common things in Janáček's "Letters from the Dead House" and Shostakovich's "Lady Macbeth of the Mzensk District". It seems probable that this opera by Janáček was well-known to Shostakovich. The article "Chaos instead of music" and obstruction of "Lady Macbeth" were the reasons to reject the search of the new ways, connected with the original reinterpretation of the western ideas of the new musical drama. The first performance of "Jenufa" in the USSR took place more than thirty years after the events described.

REFERENCES

1. Chto dast novyy sezon? Malyy opernyy teatr (Beseda s upravlyayushchim teatrom N.V. Smolichem) [What will the new season show? The Maly Opera Theatre (Interview with the Manager of the Theatre, N.V. Smolich)]. *Zhizn' iskusstva*, 1927, no. 40.
2. Pis'mo B.V. Asaf'eva N.V. Smolichu 10 oktyabrya 1930 goda [Letter of B.V. Asafiev to N.V. Smolich of October 10, 1930]. GMTIMI of Ukraine, Inv. 24848.
3. Sollertinskiy I. "Votstsek". K vozobnovleniyu opery A. Berga v Malom opernom teatre ["Wozzeck". On resumption of Alban Berg's opera in the Maly Opera Theatre]. *Krasnaya gazeta*, 1935, 10 January, evening issue.
4. Gozenpud A.A. *Leosh Yanachek i russkaya kul'tura: Issledovanie* [Leoš Janáček and Russian Culture: A Study]. Leningrad: Sovetskiy kompozitor Publ., 1984. 200 p.
5. Perepiska MALEGOTa s izdatel'stvom "Universal" [Correspondence of MALEGOT with "Universal" publisher]. St. Petersburg GALI. Fund 290. File 52. Page 4.
6. Chizhova L. Bol' istorii [Pain of history]. *Teatr*, 1992, no. 6, pp. 2-6.

Received: 20 July 2014

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОСТИ. ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ТОМСКЕ И НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта, финансируемого Фондом конкурсной поддержки студентов, аспирантов и молодых научно-педагогических работников ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Проводится сравнительный анализ социальных сообществ Томска и Нижнего Новгорода и особенностей поведения в них людей. Одним из существенных признаков этого поведения является попытка создать новую этику социального взаимодействия с опорой на принципы виртуальной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация; виртуальное пространство; новые медиа.

Современная культура насковзь пронизана различными цифровыми и информационными технологиями. Это обуславливает формы социального бытия и способы коммуникации между людьми. На фоне тотального погружения в сети, в качестве противостояния глобальной оцифровке общества, появляются точечные проекты, направленные на организацию коммуникации между людьми в реальном мире по различным профессиональным или социальным проблематикам. Сегодня слово «коммуникация» наиболее часто употребляется в связи с обозначением технического обеспечения доставки информации. Исследователи подчеркивают «операциональный характер коммуникации, в котором явно выраженные технологические принципы зарождения – протекания – угасания соседствуют с динамически обусловленными экспрессивными категориями» [1. С. 30]. Благодаря тотальной компьютеризации и быстрому развитию технологий мы можем все делать в сети, не выходя из дома: работать, покупать, общаться, развлекаться и т.д. В исследованиях коммуникации подчеркивается, что «актуальными и все более важными аспектами современных информационных контактов человека являются его связи с вымышленными, виртуальными, фиктивными, манипулятивно обусловленными видами “новых” реальностей» [Там же. С. 33]. В данной статье под коммуникациями понимается информационное взаимодействие между людьми, вне зависимости от того, каким образом оно происходит.

В последние два-три десятилетия коммуникации становятся предметом научных исследований многих западных ученых, в том числе Ю. Хабермаса, М. Кастельса, Н. Лумана, а также ряда отечественных ученых. Согласно Н. Луману [2], коммуникация устанавливается через синтез трех элементов: информации, сообщения, понимания. В данном случае, если отсутствует один из элементов, в частности «понимание», то не происходит коммуникации, а только лишь трансляция некоторой информации. Коммуникация же предполагает взаимодействие, обратную связь. Ю. Хабермас [3] предлагает социальную концепцию «теории коммуникативного действия», которая заключается в том, что развитие общества как социокультурной системы происходит посредством разрешения противоречий с помощью «коммуникативной рациональности» и «коммуникативного действия».

В этом смысле коммуникация выступает основным социальным механизмом.

Социальное пространство, которое по сути является местом для коммуникации, практически полностью мигрирует в виртуальную реальность. Таким образом, изменяются способы межличностной коммуникации, но также происходит и обратное влияние на способ функционирования самого виртуального пространства. Коммуникация в виртуальном пространстве оказывает и воздействие на изменение субъекта коммуникации, поскольку среда провоцирует формирование новой идентичности, которая характеризуется условностью, лабильностью и при этом отсутствием ответственности за производимый информационный контент. Еще один критерий виртуальной коммуникации – это массовость. Субъекты коммуникации постоянно меняются. Это приводит к тому, что коммуникация в виртуальном пространстве больше нацелена на представление информации, самопрезентацию и, соответственно, используется максимально в данном направлении.

Одним из актуальных форматов виртуальной коммуникации можно назвать «новые медиа», основными аспектами которых являются идея свободной информации, интерактивность, доступность как в отношении потребления, так и в отношении создания продукта новых медиа. Главным субъектом новых медиа является человек – пользователь интерактивных сервисов. Впрочем, к нему еще добавляется коллективный субъект, растворенный в облачных сервисах, контенте, базах данных, сформированных как на основе индивидуальных инициатив, так и на основе объединения информационных ресурсов. Отсюда – априорная амбивалентность, в том числе этическая, коммуникативного поведения пользователя мобильных сервисов. «Предоставленность самому себе» с одновременной опорой на культурный багаж человечества приводит к фетишизации технократических критериев истины, правды, красоты и пр., которые предстают в качестве “единственно надежных”. К новым медиа относят все, что имеет коммуникативный потенциал, действует в информационно-сетевом поле и функционирует посредством цифровых технологий. Образ идеальной коммуникативной системы новых медиа (“информационной супермагистральной”), в которой происходит интеграция звука, видео- и тек-

стовых данных с возможностью хранения в гигантских библиотеках» [4].

Итак, новые медиа дают большие возможности для организации виртуальной коммуникации. С одной стороны, это позволяет развиваться новым проектам и способствует самореализации современного человека. С другой стороны, слишком большое количество информации провоцирует безразличное или негативное отношение и превращает ее в информационный шум, который воспринимается не более чем фон повседневной жизни. Такой формат является недостаточным для полного удовлетворения людей в общении, в эмпатии, в ощущении полноты своего социального существования. В связи с этим все более актуальными становятся форматы социальной коммуникации, создающие условия для очного общения. Например, появляются такие места, как тайм-кафе, антикафе, располагающие к общению даже незнакомых между собой людей. Проводятся различного рода неформальные конференции (TED, pecha-kucha, slam), которые предоставляют возможность обратиться к аудитории и получить обратную связь по различным темам.

Сегодня повсеместно отмечается тенденция «выхода из сети». В частности, Томск можно рассматривать как некоторую экспериментальную площадку для подобного рода форматов. Уникальность этого города в том, что наличие большого количества вузов обеспечивает постоянный приток молодежи, которая является наиболее активной частью городского населения. Благодаря этому в городе периодически появляются проекты, направленные на формирование сообществ. Например, Томский клуб блогеров, который был инициирован в 2011 г. молодыми журналистами. Сам факт приглашения блогеров к разговору оффлайн был воспринят как некий креативный ход. Тематика встреч сформулирована как «Горожанин. Гражданин. Блогер». Открытые встречи проводились в местном вполне демократичном баре, что можно также отметить как специфику самого факта выхода оффлайн – это погружение себя в удобное, комфортное пространство. На встречах поднимались вопросы о том, каким образом блогер может влиять на город и изменять его «под себя», как он может решать проблемы своего города.

В качестве другого примера можно привести проект «Территория творческого эксперимента», который направлен на создание разного рода творческих проектов людьми, желающими реализовать творческие амбиции и попробовать себя в качестве арт-менеджеров. Этим объединением организовывались выставки в различных форматах, а также дискуссионные площадки, посвященные проблемам молодежных творческих проектов, созданию кино в провинциальном городе, а также современному искусству. Интересно, что проекты, реализованные данным объединением, зародились в социальных сетях, где их начинали обсуждать, формировать команду и после создавать.

Одним из самых привлекательных для томской активной молодежи стал проект «Томск 3.0». Своей проблематикой он попадал в мейнстрим и некоторое время поддерживался администрацией города. Первая

встреча проходила с участием идеолога этого проекта Сергея Градиловского и называлась «Мы сваливаем. Иммиграция в Томск 3.0». Взгляд на город человека извне был очень по-разному воспринят общественностью, но главным эффектом этого проекта стало то, что молодежь и часть университетского сообщества стали думать про город. Активизировалась коммуникация между представителями разных сфер администрации, университетов, студенческой молодежи и, более того, частично реализовались некоторые молодежные инициативы, которые в итоге перенесли эту коммуникацию в город.

В профессиональной, в частности научной, среде также создаются интересные проекты, направленные на организацию коммуникации между специалистами в определенной сфере и обычными людьми. Например, «Научный слэм», организованный для популяризации науки, имел более масштабный эффект, поскольку послужил коммуникативной площадкой для молодых ученых. Была реализована потребность поделиться своими результатами, получить обратную связь, увидеть и почувствовать отношение к своей работе и удостовериться в важности собственных научных исследований и изобретений.

В городе появляются неформальные пространства для креативного сообщества, которые существуют в форматах антикафе, тайм-кафе и коворкингов (КПД, Пространство М15, Точка сборки, Вместе и другие). Создатели таких пространств позиционируют свои проекты как коммуникативные площадки для творческого развития, а также для создания и апробации бизнеса.

В целом на основе томского опыта можно вывести следующую закономерность. По мере распространения дигитализации в обществе, в том числе в виртуальном сообществе, начинают формироваться потребности к действию, которые могут быть реализованы при условии организации коммуникации с единомышленниками. По мере развития ситуации наступает момент, когда коммуникация в сети становится недостаточной, так как необходимо быстро принимать решения и предпринимать какие-либо действия. Таким образом, происходит формирование оффлайн сообществ. Если опыт коммуникации оказывается успешным, то это сообщество в последствии институционализируется, превращается в определенного типа организацию, становится некоммерческой организацией, общественным движением или бизнес-проектом.

Однако главным объединительным признаком социальных сообществ является объективная локализация коммуникативного взаимодействия. Это означает, в частности, что реальное поведение людей в отношениях друг с другом уже не может не учитывать социальные реалии, сформированные за счет воздействия «этики» социальных сетей. Один из важнейших дефицитов этого взаимодействия – дефицит доверия, которое уже не является «рамочными условиями» в социальных отношениях, а должно создаваться сызнова, «глаза в глаза». Локальные «клубы по интересам» чаще всего подразумевают отношения людей, поддерживающих контакты в сети, и именно эти контакты

являются скрепами, каркасами, которые подразумевают «человеческое наполнение» уже не удовлетворяющей людей технологизированной коммуникации.

Подобные противоречия особенно отчетливо проявляются в подчеркнуто неформальных, андеграундных или даже оппозиционных «клубах», и это заметно в жизни сообществ Нижнего Новгорода. Здесь так же, как и в Томске, существуют декларативно-реальные объединения социально активных людей. Например, клуб «внеклассного чтения», где собираются непрофессиональные литераторы, представляющие на суд единомышленников свои «шедевры». Здесь особенно отчетливо проявляется потребность в снисходительности, толерантности, доверии и ориентации на «свежие чувства», а не на их профессиональную проработку и оформление. Следует подчеркнуть, что «сетевой формат» коммуникации зачастую гораздо более безжалостен к ошибкам и невольным просчетам пользователей сети, и такие явления, как троллинг (безудержная критика) или флэмминг (увеличение градуса экспрессии в обсуждении), становятся важнейшей причиной, по которой люди начинают стремиться «обратно, в реальный мир».

Ту же тему эксплуатирует небольшая нижегородская группа, объединенная вокруг нескольких последовательных оппозиционеров в отношении действующей власти. Эта группа, сплоченная и агрессивно ведущая себя в социальных сетях, «в реальной жизни» подчеркнуто индифферентна к политическим событиям: они устраивают пикники, задушевные вечеринки с «тематическим» употреблением только украинских товаров, экскурсии по Нижнему Новгороду. «Антисвин» – движение равнодушных нижегородцев, сформированное также на основе аккаунтов в социальных сетях, перешло в реальную жизнь в формате экологических акций (высаживание деревьев, уборка улиц).

«Чувствительность» как еще один важнейший формат социальной коммуникации сегодня есть объединительный фундамент, который не противопоставляет друг другу виртуальную и «реально-социальную» коммуникации, а делает их неразрывными, питающими друг друга. Нет рациональных мотивов в безудержном погружении в социальные сети – синдроме, который многие называют «новой наркоманией» XXI в. Но также нет и четких рациональных объяснений «компенсациям» этого синдрома в реаль-

ной жизни, поскольку все они, и в Томске, и в Нижнем Новгороде, замкнуты, чаще всего не имеют социально-гражданского продолжения и в большинстве своем выступают в виде специфической «терапии на основе реальности».

Постепенная «цифровизация» человеческих отношений становится непреложным фактом, особенно отчетливо проявляющимся именно во «вторичности», эклектичности реально-социального взаимодействия, не приводящего к собственному расширению, к выходу за заранее очерченные смысловые рамки. Это проявляется, среди прочего, в особой форме «зацикленности на себе», в эксплуатации уже давно изобретенных форм общения, в отсутствии творческого подхода к формированию отношений. Пожалуй, только современные «баттлы» («слэмы», «пичи» и пр.) являются относительно новыми форматами социального поведения. Но и они, даже если не учитывать их вполне очевидную потребительскую обусловленность, представляют собой вид индивидуальной самопрезентации, основанной на противопоставлении себя окружающим.

В «реальную жизнь» переходят четко очерченные и обусловленные исключительно сетевым взаимодействием «форумы»: «автофорум», «форум беременных», «совместная покупка» в Нижнем Новгороде превратились в реальные сообщества, которые фактически черпают различные смыслы в двух своих противоположных ипостасях.

Таким образом, иллюзорность социального, внесетевого взаимодействия как «вторичной реальности» по отношению к сетевому пространству и времени еще только ждет своего осмысления, освоения и превращения в элемент «реальной» культуры. Одним из важнейших объектов этого будущего исследования является «поствиртуальный человек», чья этика, да и отчасти психика, сформированы присутствием в виртуальном пространстве и чье социальное поведение «в реальной жизни» часто может быть сравнимо с поведением неопита, попавшего в новые для него цивилизационные условия. Отметим также и то, что «выход в реальность» отнюдь не подразумевает ни освобождения от пут виртуального сетевого взаимодействия, ни даже их небольшого ослабления. Цифровизация человеческого бытия, социальных отношений, о которой говорилось в начале данной статьи, по-прежнему остается важнейшим фактором при формировании «новой социальности».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фортуна* А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Н. Новгород : ННГАСУ, 2009.
2. *Луман* Н. Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954>
3. *Хабермас* Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 377 с.
4. *Галкин* Д.В. Новые медиа // Социология : энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. 2003. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/novye-media>

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 15 сентября 2014 г.

OVERCOMING OF VIRTUALITY. EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOCIAL VALUES OF LOCAL COMMUNITIES IN TOMSK AND NIZHNY NOVGOROD.

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 102-105. DOI: 10.17223/15617793/388/17

Fortunatov Anton N. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: anfort@mail.ru

Bokova Anna V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: avbokova@gmail.com

Keywords: communication; virtual space; new media.

The article presents a comparative analysis of the social communities in Tomsk and Nizhny Novgorod. Features of people's behavior in these communities are considered. One of the essential signs of this behavior is an attempt to create new ethics of social interactions which are based on the principles of virtual communication. Today communication is a technological process. New media give more opportunities for the virtual communications organization. Social space, as the area for communication, migrates in the virtual reality. In the article examples of Tomsk and Nizhny Novgorod communities which originated from a network are discussed. As a student city, Tomsk becomes an experimental platform for the approbation of various communication formats for creating a community. The authors of such projects position them as a communication platform for the creative development, as well as for the creation and testing of business. The analysis of Tomsk experience shows that in the process of virtual communication extension people have a demand for actions. There comes time when communications in a network become insufficient because it is necessary to make quick decisions and do something. Thus, "off-line" communities are forming. If the experience of communication is successful this community subsequently becomes an institution, then a certain type of organization, a non-profit organization, social movement, etc. But the main unifying feature of social communities is the objective localization of communicative interaction. In particular, it means that the actual human relations can not ignore the social realities that were formed under the influence of social network "ethics". One of the major deficiencies of this interaction is the deficiency of confidence which already is not meant "by default" in social and human relations, and it should be created anew, "face to face". The local "interest clubs", as a rule, mean relations between people, supporting contacts in a network. These contacts are clamps and skeletons which provide "human content" when the "technologized" communication does not satisfy people. Such contradictions particularly distinct in informal, underground or even oppositional "clubs" of Nizhny Novgorod. The authors examine such phenomena as the "sensitivity" of social communication, "digitalization" of human relations, "secondary reality" as a way of off-net interaction. Further development of this research is the study of "post-virtual human". This article was prepared as part of a post-graduate practice organized by Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. The authors express their gratitude to the Fund of Competitive Support for graduate students, young researchers and teachers of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod for assistance in preparing the material.

REFERENCES

1. Fortunatov A.N. *Vzaimodeystvie sub"ektiv sotsial'noy kommunikatsii v mediareal'nosti* [The interaction of the subjects of social communication in media-reality]. Nizhny Novgorod: NNGASU Publ., 2009. 338 p.
2. Luhmann N. Chto takoe kommunikatsiya? [What is communication?]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 1995, no. 3, pp. 114-125. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954>.
3. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. 377 p.
4. Galkin D.V. *Novye media* [New Media]. In: Gritsanov A.A., Abushenko V.L., Evel'kin G.M., Sokolova G.N., Tereshchenko O.V. *Sotsiologiya: Entsiklopediya* [Sociology: An Encyclopedia]. 2003. Available at: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/novye-media>.

Received: 15 September 2014

ИСТОРИЯ

УДК 327(73+510) «2009/2012/

Т.А. Бычкова

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ БАРАКА ОБАМЫ В 2009–2012 гг.

Статья посвящена проблеме «поворота» внешней политики Б. Обамы от европейской и ближневосточной к тихоокеанской. Делается вывод, что основополагающей причиной изменений во внешнеполитической стратегии США стал динамичный подъем экономики Китая, который успешно преодолел кризис 2008 г. и стал в 2010 г. второй экономикой мира. Обозначены реакция Китая на «поворот» американской политики, а также реакция средств массовой информации самих США на возможность второго издания холодной войны в американо-китайских отношениях.

Ключевые слова: «поворот Обамы к Азии»; тихоокеанская стратегия США; подъем Китая.

В период первого срока президентства Б. Обамы произошли существенные изменения в тихоокеанской стратегии Соединенных Штатов, и причиной этих изменений стала необходимость пересмотра политики США в отношении Китая.

Общепризнанным считается, что отношения США – Китай приобретают все большую значимость в современных международных отношениях. От того, как они складываются, зависит становление нового мирового порядка. Взлёт Китая до уровня второй экономики мира – что произошло в 2010 г. – заставляет политологов и ученых-историков пристально отслеживать эволюцию отношений США – Китая, чтобы понять, как и в какую сторону они меняются, ответить на вопросы, остро интересующие и американское, и мировое общественное мнение: возможно ли возвращение к политике сдерживания Китая образца эпохи холодной войны, неизбежен ли вооруженный конфликт между этими двумя гигантами?

Предшественник Б. Обамы Дж. Буш-мл. объявил было Китай стратегическим соперником и потенциальным противником Соединенных Штатов, но после 11 сентября 2001 г. он начал отступать от жёсткого курса по отношению к Китаю, так как главным врагом стал и был объявлен таковым международный терроризм, и Китай, в глобальной коалиции с другими державами, мог, по мнению американцев, оказать необходимую поддержку в борьбе с этим новым и опасным врагом. В период второго срока президентства Дж. Буша-мл. в коридорах власти в Вашингтоне приходят к той мысли, что многолетняя стратегия неоспариваемого первенства США в восточноазиатском регионе должна уступить стратегии вовлечённого партнерства и что приоритет двусторонних отношений должен быть заменён на приоритет многосторонних, коалиционных связей с государствами Восточной Азии, чтобы сбалансировать растущую мощь Китая. Президент Буш заговорил о «дружественном азиатском центре силы», а министр обороны Р. Гейтс в 2008 г. высказался в том духе, что США «хотели бы видеть намного более широкое сотрудничество наших союзников и партнеров по безопасности, чем просто отношения, похожие на контакт спицы с втулкой. Это не означает ослабления наших двусторонних связей, а, скорее, более надежную безопасность, если к ним добавить многостороннее сотрудничество» (здесь и

далее перевод мой. – Т.Б.) [1]. США были обеспокоены надёжностью системы безопасности их позиций в регионе, но это была не единственная причина их обеспокоенности.

Администрация Обамы пришла к власти в разгар мирового глобального финансового кризиса 2008 г., в результате которого, как выразился известный американский политолог Дж. Най, «тектонические пласты мировой политики сдвинулись» [2]. Кризис, по его мнению, «высветил реальность нового порядка в Азии и до некоторой степени в мире. Новые реальности были более быстро признаны в Азии, чем в Вашингтоне» [Там же]. У многих лидеров Азии сложилось впечатление, что Китай вышел из кризиса более окрепшим, а США – заметно ослабевшими. Стало ясно, что государства восточноазиатского региона могут задуматься о переориентации на Пекин как на более сильного и перспективного партнёра. В мире заговорили об «упадке» США и о сохранении поразительных темпов роста китайской экономики даже в период кризиса.

В начале января 2009 г. З. Бжезинский (советник по национальной безопасности президента-демократа Дж. Картера в 1977–1981 гг.) после поездки в Китай написал статью «Группа двух, которая может изменить мир», в которой предлагал создать стратегический союз США и Китая. Объединившиеся два гиганта должны сформулировать правила игры для остальных участников международного сообщества [3]. Генри Киссинджер (госсекретарь в республиканской администрации Р. Никсона) накануне инаугурации избранного президента Б. Обамы, 20 января того же года, т.е. вслед за Бжезинским, опубликовал статью в британской «Индепендент». В ней Киссинджер писал, что новый президент приходит к власти в непростой обстановке двух кризисов – финансового и международно-политического. Масштаб финансового кризиса таков, что преодолеть его можно только общими усилиями. Предлагаемый им выход заключался в том, чтобы выстроить новый мировой порядок, ядром которого будут США и КНР. Только совместные усилия двух стран позволят преодолеть последствия обрушившегося кризиса. Он писал, что нужна и должна появиться новая стратегия. Строить новую стратегию следует на основе ощущения общей судьбы, как это было с межатлантическим взаимодействием после Второй мировой войны [4].

В аналитических центрах была разработана идея «Большой двойки» (G-2). Предполагался двухполюсный мир, неформальный союз Соединенных Штатов и Китая, которые будут нести совместную ответственность за судьбы мира. В США планировали привлечь Китай к решению глобальных проблем на пространствах от Ближнего Востока до Северной Кореи. В контексте решения глобальных проблем администрация Обамы надеялась на помощь Китая в преодолении последствий финансового кризиса через объединение усилий главного мирового заёмщика и главного кредитора, т.е. использовать экономические возможности Китая для решения проблемы выхода из кризиса. О «Большой двойке» говорили как об экономическом симбиозе американских денег и китайского производства. Ей стали прочить трансформацию в неформальный политический центр управления миром.

Соединенные Штаты рассчитывали, что китайские политики ухватятся за эту идею, но, вопреки их ожиданиям, Пекин, поначалу действительно польщённый таким предложением, быстро отверг его, поскольку не хотел разделять с Соединенными Штатами ответственность за всё происходящее с их подачи в мире. Идея «Кимерики» (Chimerica) обсуждалась на протяжении полугода и, в конечном счёте, не претворилась в жизнь. Китай остался верен концепции многополярного мира. Китайские военные сочли эту идею нереальной, невозможной и немудрой, а премьер Вэнь Цзбао твёрдо отверг её как «неподходящую» и заявил, что «Китай остаётся развивающейся страной». В двойственной идентичности Китая – и поднимающаяся великая держава, и развивающаяся страна – прагматичные лидеры КНР предпочли пока остаться в статусе развивающейся страны и не захотели, чтобы их страна брала на себя роль лидирующей страны мирового масштаба [5].

Тем временем в феврале 2009 г. новый президент Обама объявил о намерении построить конструктивные отношения с Китаем, которые будут рассматриваться в Вашингтоне как диалог между двумя глобальными экономическими лидерами. Формирование восточноазиатской политики было поручено дипломатам-китаефилам – Азиатский департамент в Национальном совете безопасности возглавил Дж. Бадер, а заместителем госсекретаря стал главный архитектор китайской политики Б. Клинтон Дж. Стайнберг [6]. В это время первенствовало следующее мнение, высказанное профессором Дэвидом Лэмптоном в 2008 г.: «Желание китайского правительства быть лидером региона, так же как и его территориальные претензии и отношение к Тайваню, являются фундаментально разумными, а потому не представляют угрозы для США или мира» [7].

Хилари Клинтон, ставшая госсекретарём в администрации Обамы, уже в феврале 2009 г. посетила страны восточноазиатского региона – Китай, Индонезию, Филиппины, Японию, Южную Корею. Она убеждала лидеров этих стран, что США будут предпочитать дипломатические средства, что диалог с региональными партнёрами будет уважительным и вовлечённым, внешняя политика США не будет «ни импульсивной, ни идеологической». «Слушать надо столько же, сколько говорить», – подчеркнула она.

Более того, новый госсекретарь сделала необычное заявление о том, что администрация не позволит смешивать вопросы, связанные с правами человека, Тайванем и Тибетом, с вопросами экономических отношений между США и Китаем [1].

В апреле 2009 г. Обама и председатель КНР Ху Цзиньтао объявили об учреждении «Американо-китайского стратегического и экономического диалога». В ноябре 2009 г. президент и госсекретарь совершили совместную поездку в Китай, затем в Японию и Сингапур, на саммит АТЭС, в Южную Корею для встречи со странами АСЕАН. Обама стал первым американским президентом, который в первый год своего президентства посетил Китай.

Обама отложил встречу с Далай-ламой, когда тот посетил Вашингтон в октябре 2009 г. – это было нарушение режима ставших традиционными встреч с ним президентов США. Он отсрочил на 11 месяцев объявление о продаже оружия Тайваню. Было решено устранить идеологические раздражители – наложено табу на тему прав человека в Китае – американским дипломатам запретили встречи с китайскими диссидентами без разрешения госдепа. Были приглужены требования о снижении курса юаня, хотя эта тема продолжала оставаться самой обсуждаемой в американо-китайских контактах. Всё говорило о том, что новая администрация стремилась построить долгосрочное и позитивное сотрудничество с Китаем.

Критически настроенные к политике Обамы республиканцы стали сравнивать Обаму с Чемберленом, они заявляли, что повышенное внимание к Китаю лишь увеличит китайские амбиции. Д. Лэмpton, профессор университета Дж. Гопкинса, предупреждал: «Администрация Обамы перебрала с реверансами в адрес Пекина. Америка предстала в роли просителя и дала понять китайцам, что заинтересована в них намного больше, чем они в ней» [6].

В 2010 г. отношения США и Китая заметно охлаждаются. «Короткий медовый месяц», как его назвал профессор Денверского университета С. Чжао, закончился [8]. Американцы винили в этом заметно изменившееся «поведение» Китая. Политологи отметили, что изначальная и главная причина и начало изменений – кризис 2008 года. Китай выстоял в этом кризисе, сохранив темпы роста экономики. Джозеф Най писал, что после кризиса «многие китайцы ошибочно полагали, что США находятся в упадке» [9]. Китай обогнал Германию как самого большого экспортёра в мире. В 2010 г. он обогнал Японию по объёму ВВП и стал второй экономикой мира. Сократилась пропасть между США и Китаем: в 2003 г. ВВП Китая – 1 400 трлн долл. – составлял 1/8 американского – 10 900 трлн долл. В 2009 г. у Китая ВВП – 4 909 трлн долл. – составлял уже 1/3 от американского – 14 000 трлн долл. В 2010 г. ВВП Китая составлял 5,6 трлн долл., ВВП Японии – 5,4 трлн долл., ВВП США – 13,5 трлн долл. [5]. Обнаружился явный сдвиг в мировом балансе экономического преуспеяния в пользу Китая. Позиции Китая в Тихоокеанском регионе укрепились – Китай превратился в крупнейшего торгового партнёра большинства стран региона, что, по мнению американских экспертов, подрывало экономическое влияние США. Лидеры Китая почувство-

вали себя настолько более уверенными в себе и в своей стране, что, соответственно, стали более решительно защищать национальные интересы и в отношениях с США, и на международной арене.

В марте 2010 г. Китай объявил Южно-Китайское море сферой своих коренных интересов, наряду с таковыми в Тибете и на Тайване. Китай необычно резко прореагировал на совместные антиподводолодочные американо-южнокорейские военные учения вблизи Корейского полуострова, выступил против появления американского авианосца «Джордж Вашингтон» в Жёлтом море. Ещё в 2009 г. произошёл инцидент, когда китайские военные корабли окружили противолодочный разведывательный корабль США «Безупречный» и дело чуть не дошло до стрельбы. Когда Б. Обама объявил в январе 2010 г. о продаже военной техники Тайваню на более чем 6 млрд долл., а также о продаже ему ракет «Пэтриот III», Министерство иностранных дел Китая впервые пригрозило наложить санкции на американские компании, занятые продажей оружия. Китай отказывался выносить споры по островам Спратли на международные переговоры. Китай, таким образом, показал решимость защищать свои морские ресурсы и стратегические воды. На саммите в Копенгагене, посвященном изменению климата, китайская делегация отказалась поддержать инициативы США по борьбе с глобальным потеплением. При этом отмечалось, что китайские чиновники позволяли себе препираться с американской делегацией и с самим Обамой. Когда не приглашённый на встречу премьера Вэнь Цзябао с лидерами Бразилии, Индии и ЮАР президент Обама явился без приглашения, китайская охрана преградила ему дорогу [6]. Отложенная встреча президента с Далай-ламой состоялась в начале 2010 г. и вызвала необычно жесткую реакцию со стороны Пекина. Китай отказывался пересматривать свою валютную политику, несмотря на постоянное давление США. В 2011 г. Китай, оказавшийся крупнейшим держателем долга США (1,1 трлн долл.), стал рекомендовать американцам «жить по средствам», сократить «гигантские военные расходы» и социальные программы, утверждал, что должно быть введено «международное наблюдение над выпуском долларов» [10]. Збигнев Бжезинский в начале января 2011 г., накануне визита Ху Цзиньтао в США, опубликовал статью в «Нью-Йорк таймс» под названием «Как нам остаться друзьями с Китаем», в которой посоветовал китайцам не преувеличивать преждевременно экономическую и глобальную роль своей страны и перечитать статью Сталина «Головокружение от успехов» [11].

В американских средствах массовой информации поведение Китая стали называть «агрессивным», риторику китайских политиков «воинственной». В американской прессе прокатилась волна публикаций о растущей «самоуверенности» Китая, о быстро увеличивающейся китайской военной угрозе.

Азиатская и китайская в её контексте политика Обамы начинает меняться во второй половине 2010 г. В ответ на «напористость» китайских действий правящая элита США решает сделать «китайскую политику Обамы осевой для формирования более широко-

го геополитического ландшафта в Азии» [12]. Эксперты заговорили о «новом реализме» Обамы. Превращение китайской экономики в центр огромной региональной сети стало неоспоримым фактом. Выяснилось, что полагаться только на двусторонние связи как с Китаем, так и с другими азиатскими государствами региона далее становится недостаточным. Необходимо было приступить к созданию многосторонних альянсов, куда вошли бы соседние с Китаем страны. Нейтрализовать растущую экономическую мощь Китая в восточноазиатском регионе можно было только противопоставлением огромной военной мощи США, пока недостижимой для него. Эту военную мощь предполагалось «подать» в форме старых, традиционных и заново выстроенных проамериканских альянсов с азиатскими соседями Китая. Намечалась политика стратегического сдвигания Китая.

Администрация Обамы начала формулировать новую политику, которую массмедиа вскоре стали трактовать как «азиатский поворот» Обамы. Поворот означал, что США будут проводить отныне более твёрдую, или, как её называли политологи, уверенную (smart) политику. Суть её заключалась в том, что США будут иметь дело с Китаем с позиции силы США, а не их слабости. В статье Хилари Клинтон, опубликованной в ноябрьском номере журнала «Форин полиси» за 2011 г., разъяснялось: «За последние десять лет мы вложили огромные ресурсы (имелись в виду войны в Ираке и Афганистане. – Т.Б.). В следующие десять лет мы должны быть умнее и действовать более системно в вопросе о том, куда тратить время и энергию, чтобы поддержать своё лидерство, защитить свои интересы и продвигать свои ценности, поэтому одной из ведущих задач в течение следующих десяти лет будет увеличение вклада США в АТР» [13]. Таким образом, она признавала, что США не могут доминировать одновременно во многих регионах и намерены после окончания военного пребывания в Ираке и Афганистане перенести центр тяжести экономического, политического и военного влияния США в АТР.

В октябре 2011 г. новый министр обороны США Леон Панетта нанёс визит в Азию – это был визит, подготавливающий появление президента в этом регионе. Он встретился с десятью министрами обороны стран АСЕАН, чтобы заверить их, что США не только остаются в регионе (ранее некоторые лидеры восточноазиатских стран высказывали сомнения на этот счёт), но и будут усиливать своё военное присутствие.

В ноябре 2011 г. Обама совершил весьма насыщенную 8-дневную поездку по Тихоокеанскому региону. Его поездку в прессе сравнивали с пьесой в трёх действиях. Первое действие происходило на саммите АТЭС (21 экономика) в Гонолулу, на котором США председательствовали впервые за 20 лет и который Обама использовал, чтобы заявить о перемещении фокуса внешнеполитической деятельности США в АТР и провозгласить приоритет Азии и Тихоокеанского региона для внешней политики США после 10-летия войн на Ближнем Востоке. Далее речь шла об экономической значимости региона для США. «Как самый быстро развивающийся регион мира, ни один рынок не яв-

ляется более важным для нашего экономического будущего, чем азиатско-тихоокеанский – регион, где наш экспорт уже поддерживает 5 миллионов американских рабочих мест», – сказал президент.

На саммите он заявил, что США создают региональную зону свободной торговли под названием Транс-тихоокеанское партнёрство (ТТП), которая объединит Австралию, Новую Зеландию, Малайзию, Бруней, Сингапур, Вьетнам, Чили, Перу – и США. Китаю дали понять, что он может быть включён только в случае выполнения некоторых (заведомо невыполнимых) условий: понизить курс юаня, открыть рынок для иностранных компаний, перестать субсидировать государственные предприятия, защищать интеллектуальную собственность, т.е. «играть по правилам», как выразился Обама [14]. ТТП задумывался как модель будущих объединений в АТР, «золотой стандарт», в котором будут ликвидированы тарифы на все продаваемые товары членов объединения, сокращены барьеры в тех секторах торговли, которые находятся вне стандартов, установленных в ВТО. Целью США, по словам Обамы, была «охота за новыми рынками», «удвоение американского экспорта, что поможет миллионам американцев получить работу» [15]. ТТП противопоставлялся азиатскоцентричным объединениям типа АСЕАН+3 и АСЕАН+6, Восточно-Азиатский саммит (ВАС), куда США до сих пор не входили.

Поскольку ключевым партнёром для многих азиатских стран становился Китай, «относительная важность США как торгового партнёра для многих падает», – отмечали конгрессмены в письме, подготовленном для членов комитетов конгресса. «Если мы хотим иметь влияние на процесс создания более широких региональных торговых альянсов, нам необходимо быть там. Мы не можем продвигать наши экономические интересы, если мы не за столом... Если американские торговые связи уменьшатся, тогда и стратегические интересы США пострадают», – отмечали авторы письма [16]. Было решено, что ТТП начнёт действовать в 2013 г. и что США начнут участвовать в саммитах ВАС, который «станет, – по словам министра обороны Л. Панетты, – главным институтом для обсуждения стратегических вопросов и вопросов безопасности» [17].

Второе действие «пьесы» разворачивалось в Австралии. Здесь обсуждался военный аспект новой стратегии США в АТР. «Так как мы заканчиваем сегодняшние войны (в Ираке и Афганистане. – Т.Б.), я озадачил мою команду по национальной безопасности сделать наше присутствие и миссию в АТР высшим приоритетом», – заявил Обама по прибытии в г. Дарвин [18]. Было объявлено, что этот город становится отныне новым центром операций США в Азии, но не будет их постоянной военной базой. Сюда в 2012–2013 гг. должны прибыть 2 500 морских пехотинцев, придут военные корабли и самолёты. Будут проводиться военные учения. Обама заверил лидеров региона, что урезание бюджета Пентагона, которое планировал конгресс (450 млрд долл. в течение 10 лет) не будет распространяться на АТР. Эти относительно «скромные» действия, как отметила «Нью-Йорк таймс», «Обама подал как краеугольный камень стра-

тегии, которая позволит более твёрдо противостоять Китаю» [19].

Третье действие происходило на о. Бали, на Восточно-Азиатском саммите, в котором участвовали 18 государств. Здесь Обама говорил о неотложной необходимости «защитить наших союзников, обеспечить безопасность региона в широком смысле слова», при этом признав, что «частью контекста принимаемой политики является поднимающийся Китай» [18]. Речь шла о многочисленных «жалобах» филиппинцев и вьетнамцев на вызывающее поведение китайцев в Южно-Китайском море, объявленном Китаем зоной своих коренных интересов, чего не хотели признавать соседи Китая. Хилари Клинтон приняла сторону Филиппин в их споре с Китаем по островам Спратли – она намеренно называла спорные воды не Южно-Китайским морем, а так, как их называли филиппинцы – Западно-Филиппинским морем [20]. Обама, тем не менее, пытался подчеркнуть нейтралитет США в спорах азиатских стран: «Мы не встаём на чью-либо сторону, мы в целом за морскую безопасность – как тихоокеанская держава, как морская держава, как торгующая держава и как гарант безопасности в Тихоокеанском регионе» [21]. Китайская делегация во главе с премьером Вэнь Цзябао безуспешно настаивала на необходимости решения спорных моментов один на один с каждой заинтересованной стороной, а не на саммите: «внешние силы не должны вмешиваться ни под каким предлогом», «восточно-азиатский форум – не место для дискуссий» [14]. Однако Обама подал дело так, что обеспокоенные соседи Китая считают, что им трудно будет сопротивляться давлению Китая при переговорах один на один, поэтому они приветствуют обсуждение спорных вопросов в присутствии США на саммите, т.е. предпочитают многостороннее решение морских споров.

Томас Донилен, советник президента по национальной безопасности, заявил, что США намерены «поддержать и увеличить сильную сеть союзников и партнёров» в Тихоокеанском регионе [22]. Речь шла о том, чтобы, с одной стороны, поддержать традиционных союзников – Японию, Южную Корею. С другой стороны, США поставили задачу создать сильное стратегическое партнёрство с Вьетнамом и Филиппинами, которые находятся как бы «у входа в Китай», а также с Мьянмой, куда отправилась Хилари Клинтон с визитом такого уровня впервые за 56 лет в ноябре 2011 г. Мьянма до сих пор имела «нехорошую» репутацию в западном мире, поскольку там существовал недемократический, диктаторский режим, и её поддерживал и был самым большим экономическим партнёром только Китай. Китай с опаской наблюдал за тем, как американцы обхаживают лидеров Мьянмы. Гораздо большее внимание США стали уделять Индии, поскольку Китай заметно распространяет своё присутствие в Южной Азии, на побережье Индийского океана – через торговлю, инвестиции в инфраструктуру, формирование «нити жемчуга» (обходные морские пути для поставок энергоресурсов и строительство баз) в Пакистане, Шри-Ланке и других странах. На решение Вашингтона помочь Индии в сфере ядерной энергетики Китай ответил возрастани-

ем помощи Пакистану в его желании расширить его собственный ядерный потенциал.

Новая стратегия Обамы была официально объявлена 5 января 2012 г. В апреле этого года в Дарвин прибыли первые 180 морских пехотинцев. К 2017 г. здесь обоснуются 2 500 морпехов США.

Первоначальная ответная реакция со стороны Китая на активизацию политики США в АТР исходила от государственного агентства Синьхуа. Оно обвинило Обаму «в зарабатывании голосов» в начавшейся избирательной кампании в США, в том, что США отвлекают общественное мнение у себя в стране от экономических проблем. Синьхуа подвергало сомнению, будет ли азиатско-тихоокеанская политика США способствовать региональной стабильности и процветанию? Оно давало рекомендации «сосредоточиться на собственной экономике и не вмешиваться в региональные морские диспуты», «Соединённым Штатам следует сначала навести экономический порядок в доме», «США необходимо пересмотреть свои двойные стандарты вместо того, чтобы читать лекции Китаю». В начале 2012 г. Пекин склонялся к тому выводу, что действия США выглядят как возобновление политики сдерживания Китая: «Форсируя своё военное присутствие в Тихоокеанском регионе, Соединённым Штатам следует воздерживаться от поигрывания мускулами, так как это не поможет решить региональные проблемы. Если США неразумно насаждают милитаризм в регионе, это будет выглядеть как поведение слона в китайской лавке и будет угрожать миру вместо укрепления региональной стабильности».

Министерство иностранных дел Китая отреагировало сдержанно: посылка американских войск в северную Австралию «может оказаться не совсем подходящей» [23]. Министерство обороны Китая посоветовало США «быть осторожнее в словах и действиях... большая осторожность в словах и действиях сделает больше для пользы отношений между двумя странами и их военными институтами» [24]. Цаньжун Изинь, заместитель директора Института международных отношений и Центра американских исследований Народного университета Китая, высказал своё понимание ситуации так: «США хотят стратегически сдерживать Китай, окружив его в форме английской буквы “с”. Этот приём был уже использован ими ранее в отношении СССР. Это пока ещё не глобальное сдерживание, а его первая стадия – контакты». Переход ко второй стадии – «серьёзному противостоянию», полагает он, будет происходить медленно, поскольку обе страны сильно дорожат своими отношениями [25].

Вернувшись из поездки по азиатским странам, Обама провозгласил начало «тихоокеанского века», а себя называл «первым тихоокеанским президентом» [26]. Обозначившийся поворот в американских внешнеполитических приоритетах и намеченный перенос военной мощи в тихоокеанское пространство показались многим политологам и публицистам «неожиданным», «внезапным», в периодических изданиях пошла волна оценок, дискуссий, вопросов о будущем американо-китайских отношений.

Новый курс Обамы стали называть «доктриной Обамы», «Атлантической хартией для Тихоокеанского века», «новой военной стратегией США в АТР».

Периодика пестрела острыми заголовками: «Рак Americana или Pax Sinica?», «Как Китай может победить Америку?», «Как только США взглянут на Азию, они везде видят Китай», «Подъём Китая не означает нашей декоронации» и т.д.

Чаще всего обсуждался – и обсуждается – вопрос о том, насколько быстро Китай догонит Америку и чем может закончиться конфронтация США и Китая – не дойдёт ли дело до возобновления «холодной войны» и возрождения стратегии сдерживания Китая, а может быть, и серьёзного военного конфликта между ними?

Маститые авторы, к чьему мнению всегда внимательно прислушивались не только в США, обосновывали свои позиции на страницах периодических изданий США. В 2011 г. вышла из печати книга Г. Киссинджера «О Китае», которая вызвала поток противоречивых рецензий профессионалов и публицистов. Одни обвиняли Киссинджера в том, что он – китаефил и не знает китайской истории, другие высоко оценили его труд. Киссинджер занял взвешенную позицию и, давая интервью по поводу выхода книги, убеждал, что надо принять как должное, что Китай будет становиться сильнее, но нельзя каждое его действие рассматривать как акт агрессии. Он полагает, что в новом мировом порядке ни одна из держав не одержит верх над другими и поэтому XXI в. не будет китайским веком: «Китай слишком занят внутренними делами в предстоящие годы, чтобы становиться супердержавой». Тем не менее Киссинджер не исключает возможности создания китаецентричного азиатского блока, который будет доминировать в западной части Тихого океана. «Соединённые Штаты должны продолжать противостоять гегемонистским устремлениям азиатских стран. При этом в долгосрочной перспективе взаимоотношения с Китаем не должны формироваться исходя из предпосылки о неизбежности «конечной стратегической дуэли». Маловероятно, что Китай для достижения стратегической цели стать новой сверхдержавой будет опираться на военную силу. Китайские руководители, как прошлые, так и нынешние, всегда отличались осторожностью, спокойствием и проницательностью в достижении своих целей», – убеждает он поднимающих на щит «китайскую угрозу» [27].

Джозеф Най, известный американский политолог, автор термина «мягкая сила» (автор данной статьи полагает, что термин появился после изучения Наем дипломатической практики Китая, осуществляемой на протяжении сотен лет), тоже призывает не преувеличивать мощь Китая. «Это ошибочное представление, что США находятся в упадке, – оно ведёт к излишнему высокомерию Китая и к страху внутри США, а это делает компромисс и сотрудничество более трудными. Обе страны должны расслабиться и осознать, что они выигрывают от сотрудничества больше, чем от конфликта». «Самое опасное сейчас – страх. Надо бояться этого страха. Мы не должны бояться подъёма Азии и Китая. Если мы это поймём, мы будем способны управлять этим процессом». «Только Китай может сдерживать Китай», «последнее, чего хотят США – это холодной войны в Азии», – убеждает Най [28].

З. Бжезинский тоже предупреждает: «Очень просто начать демонизировать Китай, а китайцы в ответ начнут демонизировать нас. Неужели мы этого хотим?» [29].

Профессор Л. Одгаард из Дании считает, что «у Китая сейчас небольшой интерес к продвижению системных изменений в мировом порядке, он больше заинтересован в отстаивании своих коренных интересов» [30]. По его мнению, в XXI в. будет существовать бифуркационный международный порядок – сосуществование США, которые будут продолжать настаивать на универсальных либеральных и демократических нормах, – и Китая, который будет продолжать твёрдо отстаивать свои суверенные права [Там же].

Официальное объяснение нового, так называемого азиатского поворота в стратегии США таково: цель США – не помешать развитию Китая, а перебалансировать американские интересы. «Это не имеет ничего

общего с изолированием или сдерживанием кого бы то ни было», – заявил помощник президента по безопасности Донилен [31].

Соединенные Штаты не скрывают, что одна из главных целей их внешней политики в долгосрочном плане – обуздание Китая. Поскольку экономический подъем Китая невозможно остановить, так же как и изолировать эту страну на международной арене, США попытаются создать такую расстановку сил в Восточной Азии, чтобы Китаю пришлось принимать решения в сформированной ими новой среде проамерикански настроенных соседей – США продолжат наращивать свой военный потенциал и обретать надежных союзников. Они будут вытеснять Китай из Мьянмы, Таиланда, Камбоджи – близких партнеров Китая. Понятно, что новая объявленная стратегия США пока только озвучена и ещё не наполнилась существенным фактическим содержанием, но это – дело времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tow W., Loke B. Rules of engagement: America's Asia-Pacific security policy under an Obama administration // Australian Journal of International Affairs. Vol. 63, № 4. Dec. 2009. URL: <https://researchers.anu.edu.au/publications/50915> (дата обращения: 12.03.2013).
2. Overholt W. China in the Global Financial Crisis: Rising Influence, Rising Challenges // The Washington Quarterly. Jan. 2010. URL: http://csis.org/files/publication/twq10januaryoverholt_0.pdf (дата обращения: 01.05.2013).
3. Brzezinski Z. The Group of Two that could change the world // The Financial Times. January 13. 2009. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html#axzz30QqK59Vb> (дата обращения: 01.05.2014).
4. Маслов О.Ю. G-2, или Американо-китайский двухполярный мир: вызов для Китая // Независимое аналитическое обозрение. 26.01.2009. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/26/usachina2wchi/> (дата обращения: 12.03.2014).
5. Zhao S. Understanding China's assertive foreign policy behavior during the global financial meltdown // The World Financial Review. Jan. 3. 2012. URL: www.worldfinancialreview.com/?p=409 (дата обращения: 19.03.2014).
6. Терентьев Л. США и Китай: от проекта «большой двойки» к «холодной войне». Центр стратегических оценок и прогнозов. 18.02.2010. URL: <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/-/-/?id=914> (дата обращения: 25.01.2014).
7. Barrett L. McCormick. Electronic reference: David M. Lampton. The Three Faces of Chinese Power: Might, Money, and Minds // China Perspectives. 2009/2. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/4822> (дата обращения: 15.02.2014).
8. Zhao S. Shoring up US Leadership in the Asia-Pacific: the Obama Administration's Hedge Strategy against China. Draft to be presented at the 2011 Fulbright Symposium «Australia-US Relations and the Rise of China: from Bilateralism to Trilateralism?», 11–12th August 2011, Burwood Campus, Deakin University, Melbourne, Australia. URL: <http://www.deakin.edu.au/arbs-ed/shss/events/fullbright/zhao-suisheng.pdf> (дата обращения: 16.02.2014).
9. Nye J.S. Obama's Pacific Pivot // Project Syndicate. A World of Ideas. Dec. 6. 2011 URL: www.project-syndicate.org/commentary/obama-s-pacific-pivot (дата обращения: 12.04.2014).
10. The New York Times. 2011. 6 Aug. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 18.03.2014).
11. The New York Times. 2011. 2 Jan. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 21.03.2014).
12. Chellaney B. The Obama Administration's Strategy in Asia. CiDOB Casa Asia, Real Instituto Elcano. URL: <http://chellaney.net/category/papers/> (дата обращения: 14.03.2013).
13. Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. November 2011. URL: www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/Americas_pacific_century (дата обращения: 12.03.2013).
14. Grammaticas D. Obama stirs up China's sea of troubles // BBC News Asia. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-15795088> (дата обращения: 12.03.2014).
15. The New York Times. 2011. 12 Nov. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 13.02.2014).
16. Fergusson I., Vaughn B. The Trans-Pacific Strategic Economic Agreement. December 7. 2009. URL: fpc.state.gov/documents/organization/135949.pdf (дата обращения: 11.02.2014).
17. Lohman W., Warshaw R. President Obama's Pacific Swing: Commitment Means more than just Showing the Flag // The Heritage Foundation. Nov. 10. 2011. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2011/11/president-obamas-pacific-swing-commitment-means-more-than-just-showing-the-flag> (дата обращения: 19.03.2013).
18. Lothian D., Jansen L. Obama pledges U.S. military power in Pacific // CNN. Nov. 17, 2011. URL: http://edition.cnn.com/2011/11/16/world/asia/australia-obama-trip/index.html?hpt=wo_c2 (дата обращения: 11.02.2014).
19. The New York Times. 2011. 16 Nov. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 13.03.2014).
20. Obama blog. URL: obamabarack.blogspot.com (дата обращения: 20.02.2014).
21. The New York Times. 2011. 19 Nov. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 12.02.2014).
22. The New York Times. 2011. 29 Nov. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 12.02.2014).
23. China state media slams Obama's Asia-Pacific visit as re-election tool // The China Post. 2011. 17 Nov. URL: chinapost.com.tw/asia/regional-news/2011/11/17/323218/China-state.htm (дата обращения: 12.04.2014).
24. China warns US to be careful after Obama's defence strategic rethink // Guardian. 2012, 9 Jan. URL: www.guardian.co.uk/world/2012/jan/09/china-us-careful-defence-strategy (дата обращения: 19.03.2013).
25. Лаукканен А. Китай и Россия в новой военной стратегии США. Эксперты о возможных последствиях новой военной стратегии США в АТР // Голос Америки. Новости. Русская служба. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/kitaj-i-rossiya-v-novoj-voennoj-strategii-ssha/> (дата обращения: 26.02.2014).
26. Cross T. Obama's 'Pacific century' a challenge to China // RFI English. 2011, 20 Nov. URL: <http://www.english.rfi.fr/node/120830> (дата обращения: 16.03.2013).
27. Kissinger H. China Wont be Next Superpower // The Huffington Post. Canada, 14 March, 2012. URL: http://www.huffingtonpost.ca/2011/06/18/henry-kissinger-china-won_n_879721.html (дата обращения: 12.02.2014).

28. Nye J. Global Power Shifts // Sweet Speeches alpha. 2010, 1 July. URL: www.sweetspeeches.com/s/699-joseph-nye-global-power-shifts (дата обращения: 12.02.2014).
29. Люс Э. Обед с Бжезинским // ИноСМИ. URL: www.inosmi.ru/usa/20120115/183037330.html (дата обращения: 11.03.2013).
30. Odgaard L. China and Coexistence: Beijing's National Security Strategy for the 21st Century // Woodrow Wilson International Center for scholars. Kissinger Institute on China and U.S. 2012, 12 March. URL: <http://www.wilsoncenter.org/event/china-and-coexistence-beijings-national-security-strategy-for-the-twenty-first-century-0> (дата обращения: 12.05.2013).
31. Werner E. Obama Pacific Visit: President Portrays Trip As Hunt For New Markets // The World Post. 2011. 19 Nov. URL: http://www.huffingtonpost.com/2011/11/19/obama-asia-visit_n_1103003.html (дата обращения: 12.05.2013).

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2014 г.

THE CHINESE POLICY OF OBAMA'S ADMINISTRATION IN 2009-2012

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 106-113. DOI: 10.17223/15617793/388/18

Bychkova Tamara A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bych1941@yandex.ru

Keywords: Obama's shift; Far East strategy; China's rise; Pacific trip of Obama and H. Clinton.

This article is devoted to changes which took place in the US Chinese policy in 2009-2012, the first term of B. Obama as president. China's rise became the principle reason to transform all the Pacific policy of the United States. After the global financial crisis of 2008-2009 the economic and political power of the US and Europe seemed to be weakened, especially in the eyes of the Asian states. Many of them oriented their economic development to China and became dependent on it. At the same time these countries felt menace to loose their confidence in their security, which depended on the USA. As for China, the crisis of 2008-2009 did not adversely affected it greatly. Moreover, in 2010 the Chinese economy became the second one in the world. The main aim of the US in these circumstances became to preserve their presence, power and control over the region of Eastern Asia. They decided not only to strengthen their "old" partners – Japan, RK, Thailand, Australia – but also to form new, multilateral alliances with other Asian states to face the Chinese challenge. However, short history of G-2 showed how difficult it is to deal with the contemporary Chinese politicians. The US idea that two giants – the USA and China – should take the heavy burden of ruling all the international relations and decide all the serious problems together was not accepted by the Chinese politicians. They did not want to take the American problems on themselves and wanted to stay a developing country but not one of the world's leaders. The reaction of China to the American policy also takes place in the paper. After 2010 the relations between the USA and China become cool. China began to act more offensively. It declared the South-Chinese Sea the sphere of its national interests. China refused to revise its financial policy despite the American pressure. The American mass media began to call such a behavior "aggressive" and its rhetoric – militant. The President's Administration declared a new policy which newspapers and magazines called "Obama's shift". The American politicians decided to pursue the so-called "smart" policy in relations with China and Asian states and transfer the focus of this policy to the Pacific region. In 2011 State Secretary H. Clinton, then President B. Obama went for an Asian trip, where they declared priority of the Far Eastern region in the US foreign policy. Obama declared creating the Trans-Pacific Partnership as a zone of free trade. China was told that it could be involved in this organization only if it would implement a few conditions which are unfeasible just now. In Australia Obama declared that Darwin would be a new center of American operations in Asia but it would not be a military base. He began to create "strong strategic partnership" with Vietnam, the Philippines, Myanmar. Far more attention was given to India. The new strategy was officially declared on 5 of January in 2012. Obama called himself "the first Pacific president". The most debatable questions in the American periodicals in 2011-2014 are: "Pax Americana or Pax Sinica?", "Will there be a new cold war?"

REFERENCES

1. Tow W., Loke B. Rules of engagement: America's Asia-Pacific security policy under an Obama administration. *Australian Journal of International Affairs*, 2009, vol. 63, no. 4. Available at: <https://researchers.anu.edu.au/publications/50915>. (Accessed: 12th March 2013). DOI: 10.1080/10357710903312546
2. Overholt W. China in the Global Financial Crisis: Rising Influence, Rising Challenges. *The Washington Quarterly*, 2010, January. Available at: http://csis.org/files/publication/twq10januaryoverholt_0.pdf. (Accessed: 01st May 2013). DOI: 10.1080/01636600903418652
3. Brzezinski Z. The Group of Two that could change the world. *The Financial Times*, January 13, 2009. Available at: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html#axzz30QqK59Vb>. (Accessed: 01st May 2014).
4. Maslov O.Yu. G-2, ili Amerikano-kitayskiy dvukhpolyarnyy mir: vyzov dlya Kitaya [G-2, or the US-China bipolar world: a challenge for China]. *Nezavisimoe analiticheskoe obozrenie*, January 26, 2009. Available at: <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/26/usachina2wchi/>. (Accessed: 12th March 2014).
5. Zhao S. Understanding China's assertive foreign policy behavior during the global financial meltdown. *The World Financial Review*, January 3, 2012. Available at: www.worldfinancialreview.com/?p=409. (Accessed: 19th March 2014).
6. Terent'ev L. *SShA i Kitay: ot proekta "bol'shoy dvoynki" k "kholodnoy voyne"* [US and China: from the project "Big Two" to the "Cold War"]. Center for Strategic Studies and forecasts. 18th February 2010. Available at: <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/-/-/?id=914>. (Accessed: 25th January 2014).
7. Barrett L. McCormick. Electronic reference: David M. Lampton. The Three Faces of Chinese Power: Might, Money, and Minds. *China Perspectives*, 2009, no. 2. Available at: <http://chinaperspectives.revues.org/4822>. (Accessed: 15th February 2014).
8. Zhao S. *Shoring up US Leadership in the Asia-Pacific: the Obama Administration's Hedge Strategy against China*. Draft presented at the 2011 Fulbright Symposium "Australia-US Relations and the Rise of China: from Bilateralism to Trilateralism?", 11–12th August 2011, Burwood Campus, Deakin University, Melbourne, Australia. Available at: <http://www.deakin.edu.au/arbs-ed/shss/events/fulbright/zhao-suisheng.pdf>. (Accessed: 16th February 2014).
9. Nye J.S. Obama's Pacific Pivot. *Project Syndicate. A World of Ideas*, December 6, 2011. Available at: www.project-syndicate.org/commentary/obama-s-pacific-pivot. (Accessed: 12th April 2014).
10. *The New York Times*, 2011, 6 August. Available at: www.nytimes.com. (Accessed: 18th March 2014).
11. *The New York Times*, 2011, 2 January. Available at: www.nytimes.com. (Accessed: 21st March 2014).
12. Chellaney B. *The Obama Administration's Strategy in Asia*. CiDOB Casa Asia, Real Instituto Elcano. Available at: <http://chellaney.net/category/papers/>. (Accessed: 14th March 2013).
13. Clinton H. America's Pacific Century. *Foreign Policy*, 2011, November. Available at: www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/Americas_pacific_century. (Accessed: 12th March 2013).

14. Grammaticas D. *Obama stirs up China's sea of troubles*. BBC News Asia. Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-15795088>. (Accessed: 12th March 2014).
15. *The New York Times*, 2011, 12 November. Available at: www.nytimes.com. (Accessed: 13th February 2014).
16. Fergusson I., Vaughn B. *The Trans-Pacific Strategic Economic Agreement*. December 7, 2009. Available at: fpc.state.gov/documents/organization/135949.pdf. (Accessed: 11th February 2014).
17. Lohman W., Warshaw R. President Obama's Pacific Swing: Commitment Means more than just Showing the Flag. *The Heritage Foundation*, November 10, 2011. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2011/11/president-obamas-pacific-swing-commitment-means-more-than-just-showing-the-flag>. (Accessed: 19th March 2013).
18. Lothian D., Jansen L. *Obama pledges U.S. military power in Pacific*. CNN. November 17, 2011. Available at: http://edition.cnn.com/2011/11/16/world/asia/australia-obama-trip/index.html?hpt=wo_c2. (Accessed: 11th February 2014).
19. *The New York Times*, 2011, 16 November. Available at: www.nytimes.com. (Accessed: 13th March 2014).
20. Obama blog. Available at: obamabarack.blogspot.com. (Accessed: 20th February 2014).
21. *The New York Times*, 2011, 19 November. Available at: www.nytimes.com. (Accessed: 12th February 2014).
22. *The New York Times*, 2011, 29 November. Available at: www.nytimes.com. (Accessed: 12.02.2014).
23. China state media slams Obama's Asia-Pacific visit as re-election tool. *The China Post*, 2011, 17 November. Available at: chinapost.com.tw/asia/regional-news/2011/11/17/323218/China-state.htm. (Accessed: 12th April 2014).
24. China warns US to be careful after Obama's defence strategic rethink. *Guardian*, 2012, 9 January. Available at: www.guardian.co.uk/world/2012/jan/09/china-us-careful-defence-strategy. (Accessed: 19th March 2013).
25. Laukkanen A. *Kitaj i Rossiya v novoy voennoj strategii SShA. Eksperty o vozmoznykh posledstviyakh novoy voennoj strategii SShA v ATR* [China and Russia in the new US military strategy. Experts about the possible consequences of the new US military strategy in the Asia Pacific region]. Voice of America. News. Russian Service. Available at: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/kitaj-i-rossiya-v-novoj-voennoj-strategii-ssha/>. (Accessed: 26th February 2014).
26. Cross T. Obama's 'Pacific century' a challenge to China. *RFI English*, 2011, 20 November. Available at: <http://www.english.rfi.fr/node/120830>. (Accessed: 16th March 2013).
27. Kissinger H. China Wont be Next Superpower. *The Huffington Post*, Canada, 2012, 14 March. Available at: http://www.huffingtonpost.ca/2011/06/18/henry-kissinger-china-won_n_879721.html. (Accessed: 12.02.2014).
28. Nye J. Global Power Shifts. *Sweet Speeches alpha*, 2010, 1 July. Available at: www.sweetspeeches.com/s/699-joseph-nye-global-power-shifts. (Accessed: 12th February 2014).
29. Lyus E. Obed s Bzhezinskim [Lunch with Brzezinski]. *InoSMI*. Available at: www.inosmi.ru/usa/20120115/183037330.html. (Accessed: 11th March 2013).
30. Odgaard L. *China and Coexistence: Beijing's National Security Strategy for the 21st Century*. Woodrow Wilson International Center for scholars. Kissinger Institute on China and U.S. 2012, 12 March. Available at: <http://www.wilsoncenter.org/event/china-and-coexistence-beijings-national-security-strategy-for-the-twenty-first-century-0>. (Accessed: 12th May 2013).
31. Werner E. Obama Pacific Visit: President Portrays Trip As Hunt For New Markets. *The World Post*, 2011, 19 November. Available at: http://www.huffingtonpost.com/2011/11/19/obama-asia-visit_n_1103003.html. (Accessed: 12th May 2013).

Received: 03 July 2014

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУПЦА-ПРОСВЕТИТЕЛЯ П.И. МАКУШИНА НА АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОБЛИК И КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ ТОМСКА

Впервые на основе исторических источников разного характера излагаются и осмысляются факты, повлиявшие в определённой степени на архитектурно-градостроительный облик и культурный потенциал города Томска вследствие активной деятельности в нём купца-просветителя П.И. Макушина (вторая половина XIX – начало XX в.). Возведённым по его инициативе или при участии зданиям и учреждениям в них дана профессиональная оценка. Прослеживается связь событийности его деяний с исторической логикой просветительского дела.

Ключевые слова: архитектура; культура; просветительство; Томск; купечество; П.И. Макушин; народный университет.

Многогранная реальная деятельность купца и просветителя Петра Ивановича Макушина в Томске и Сибири широко изучалась ранее и особенно активно в последние годы [1. С. 163–170; 2; 3; 4. С. 126–139; 5; 6]. Однако, на наш взгляд, вклад его, как инициатора и заказчика объектов, имеющих не только культурное, но и архитектурно-градостроительное значение для развития Томска, не были предметом специального исследования. Данная статья представляет реконструкцию идейного зарождения и технологии реализации проектов по возведению в Томске ряда зданий, и прежде всего, венца этого аспекта его деятельности – Дома науки. «Дом науки им. П.И. Макушина» – один из существенных объектов городской среды, имеющий не только историческое, мемориальное, архитектурно-градостроительное, но и идейно-художественное значение. Возведение Дома науки являет собой образец идейного замысла и современного на тот период воплощения. Тем важнее рассмотреть это уникальное деяние. Такой ракурс находится в рамках интересного и плодотворного исследования сибирских учёных, предпринявших историческое изучение роли купцов, предпринимателей в социальной, бытовой, профессиональной и ментальной жизни сибиряков и архитектуре их городов [7]. Источниками для нас явились известные печатные издания о П.И. Макушине, периодическая печать, ряд дел архивохранилищ, в том числе чертежи планов, а также натурные замеры и экспертные наблюдения.

Проявленное внимание к наследникам купцов на конференции «Купечество Сибири: истоки, развитие, наследство» (апрель 2014 г.) позволяет и нам напомнить, что среди его наследников есть два профессиональных архитектора – внук и правнук¹. Есть ещё один аспект, по которому важно восстановить историю возведения крупных городских зданий. За пределами большинства исследований в какой-то степени остались вопросы заказов инвестора на архитектурный облик и градостроительное размещение желаемых ими зданий, сооружений. Пётр Иванович Макушин (1844–1926) происходил из сельских жителей, отец был дьячком села Путина Пермской губернии. Его юношеские представления об архитектуре и городской культуре были получены в Перми во время обучения в духовной семинарии, но особо в столичном Петербурге. В зрелые годы он неоднократно бы-

вал в Москве, Нижнем Новгороде, Париже. Пылкий и жадный до знаний, он наблюдал европейские города и, конечно, невольно так или иначе у него формировались свои представления о городе, его планировке, проспектах, площадях, гармоничности зданий.

С 1868 г. он стал смотрителем духовного училища и гражданином Томска. Макушин вынужден сразу проявить заботу о строительстве для училища нового здания. Он сумел привлечь внимание губернатора и духовенства, благодаря чему решением съезда духовенства постановил выделить: 13 тыс. руб. на постройку нового здания училища и 3 тыс. руб. на новую обстановку в нём. Через полгода новое помещение было отделано и меблировано в классных и спальнях комнатах. Так был получен его первый опыт, а позже он принимал деятельное участие в сооружении в городе ряда зданий на нужды просвещения.

Нами по разным сведениям установлено, что по инициативе П.И. Макушина и при его непосредственном участии в Томске возведено девять общественных деревянных зданий, которые не сохранились. В 1880 г. он ратует за строительство первого общественного училища. Оно строится по типовому проекту с учётом всех современных требований. На него было затрачено 8 тыс. руб., выделенных городской думой. Как председатель созданного им с большим трудом «Общества попечения о начальном образовании» Пётр Иванович Макушин способствовал с помощью собранных средств открытию трёх новых начальных школ, каждая из которых обошлась в 6 тыс. руб. На собственные средства купцом были построены три «домика для бедных» в отведённом особом квартале города. В издании юбилейного очерка к 50-летию просветительской деятельности П.И. Макушина приводится фотография одного из них. Это рубленый пятистенок по фасаду в четыре окна, с четырехскатной крышей, имя благодетеля значится по фризу [8. С. 10, 11, 91]. Его инициативе принадлежит строительство за счёт организованных им пожертвований в 1891 г. дешёвой столовой, в которой могли столоваться 140–160 человек. Это деревянное здание размером 9×6 саж. (19,2×12,8 м) имеет важное значение: на открытии столовой присутствовали губернатор, городской голова и другие важные персоны. Подробности её создания с детальным денежным

отчётом опубликованы отдельной брошюрой [9]. Названные строения служили учебным и бытовым целям.

Существенную роль в городской среде играли каменные здания. С участием П.И. Макушина, по нашим подсчётам, их было построено не менее десяти. Все они на время создания имели культурно-просветительское, коммерческое и архитектурно-градостроительное значение в городской среде столицы Сибири того времени.

П.И. Макушин считал себя причастным к возведению здания студенческого общежития, организовав акцию подписки. Это была уже крупная постройка на центральной улице. Конечно, большую заботу при этом проявил устроитель университета В.М. Флоринский. Следует отметить, что в первоначальный проект строительства университета, разработанный академиком, архитектором А.К. Бруни, здание студенческого общежития не входило. Его возведение – инициатива томичей. Сама идея создания хороших условий для обучающихся в первом за Уралом университете не подлежала сомнению. Макушин в своей типографии отпечатал особую тетрадь и объезжал с нею томское купечество. Наглядность и открытость записей не только побуждали его собеседников к соревновательности, но и вызвали чувство сопричастности к благородному делу. Удалось собрать и передать строительному комитету более 33 тыс. руб. Наиболее крупные пожертвования были сделаны бийскими, тюменскими и, естественно, томскими купцами [10. С. 313]. Это, практически, был купеческий подарок студенчеству Томска. Следует отметить, что вопрос о строительстве общежития был предметом неоднократного обсуждения в газетах [Там же].

Составление проекта принял на себя архитектор университета П.П. Наранович, при этом он не потребовал за работу никакой платы. Им же проводилось все строительство и технический надзор. В июле 1883 г. была совершена торжественная закладка здания, и в этом же году оно было выстроено вчерне. Далее в течение пяти лет производилась его внутренняя отделка, хотя, в принципе, оно уже полностью было готово в 1887 г. [11. С. 59, 60]. Строительный комитет выделил некоторые материалы, «оставшиеся в избытке» от постройки главного корпуса университета [Там же. С. 29–39].

Общежитие представляло собой трехэтажное каменное здание с подвальным этажом. Планировка П-образного в плане здания была традиционной для построек подобного рода. Центральный входной вестибюль через вытянутый на всю длину здания коридор сообщался с парадной лестницей, ведущей в подвал и на второй и третий этажи. Коридор, освещенный с обеих сторон, имел дополнительные проходы в «крылья» здания, замыкающиеся с одной стороны дополнительной лестницей, с другой – санитарными узлами и умывальниками. По обеим сторонам центрального коридора и по внешней стороне боковых размещались 44 комнаты (номера) для 80 студентов (число комнат и студентов со временем варьировалось). Кроме того, в здании на первом этаже имелись библиотека (правое крыло) и столовая (левое крыло),

квартира инспектора (под нее были отданы три отдельные комнаты). Помещения для кухни, «прислуги», хозяйственные комнаты располагались в подвальном этаже [12. Л. 71].

Общежитие было выстроено из кирпича, без наружной штукатурки в «кирпичном» стиле в духе национально-романтического направления. Архитектор строил симметричную композицию главного фасада на выделении объема центрального ризалита, завершая его выступающим уступчатым аттиком. Детально-декоративная обработка фасадов выполнена в духе русской вышивки, интерпретированной на архитектурную деталь. Мелкий узорчатый орнамент из выступающего под разными углами кирпича располагается в наиболее ответственных частях фасада: над порталом входа на межэтажном поясе, подкарнизном фризе, аттике ризалита, на межэтажных проемах второго и третьего этажей. Рационализм архитектуры здания не ограничил автора от традиционных приемов композиционного построения фасада. Центральная симметрия, рустовка первого этажа, трехчастность членения объема – принципы классицистической архитектуры. Общежитие было одним из первых каменных зданий университета, положивших начало формированию левого, по отношению к главному корпусу, участка территории. Позже здание было подвергнуто капитальному ремонту, что практически полностью изменило его первоначальный облик. Ныне это один из учебных корпусов ТГУ (пр. Ленина, 34).

Крупным объектом, известным не только в городе, но и за его пределами, стал собственный книжный магазин П.И. Макушина. Идея открыть торговлю книгами в Томске появилась у него давно, он заказал книги у приехавшего комиссионера и долго, очень долго их ждал. В то же время он знал об открытии книжных магазинов в России, где вместе с книгами, которые не облагались пошлиной, торговали и другими товарами. С предпринимательской точки зрения дело стоило вести. И получив кредит от купца, а позже и компаньона Михайлова, Макушин 19 февраля 1873 г. открыл первый в Сибири книжный магазин. Вначале он был расположен в снимаемом здании, там же была переплётная мастерская. Магазин притягивал к себе интеллигенцию, учащихся, конторщиков. Здесь же Макушин оборудовал библиотеку и «кабинет для чтения» (читальный зал). Таким образом, здание, расположенное в центре города, стало очагом культуры и интеллектуального потребления. Город приобрел до открытия Императорского университета небольшой, но важный просветительский уголок.

Позже, в 1894–1896 гг., по заказу Макушина на его и купца Михайлова деньги для книжного магазина было выстроено отдельное большое здание. Оно располагалось на углу старой соборной площади (ныне пл. Батенькова) в центральной части г. Томска в непосредственной близости от Благовещенской церкви [13]. Магазин насчитывал до 50 тыс. названий книг, что по богатству выбора и по разнообразию литературы не уступало столичным книготорговым магазинам. В этом же здании на верхнем этаже располагалась библиотека, фонд которой в 1919 г. насчитывал 40 тыс. томов [14. С. 20]. Сюда перенесены были «ка-

бинет для чтения», переплётная мастерская, отдел канцелярских товаров. Позже магазин расширил ассортимент за счёт продажи нот и музыкальных инструментов, бумаги, пишущих машинок и др.

Двухэтажное каменное здание было выстроено из лицевого кирпича, без штукатурки в эклектичной манере («кирпичный» стиль). Возможно, что автором проекта был архитектор П.П. Наранович, с которым у П.И. Макушина были давние связи. В 1915 г. здание было капитально переустроено, оштукатурено и «омоложено» по проекту архитектора А.И. Лангера. По просьбе книготорговца (а с 1890-х гг. он стал единоличным владельцем), в целях придания зданию более современного вида, архитектор изменил архитектурно-художественную композицию фасадов, выполнив их в модной на то время и «стильной» неоклассицистической трактовке. Большое здание в центре города ещё больше притягивало к себе интеллектуальную часть населения Томска и губернии. Разнообразие товаров, возможность просмотреть каталоги, книги, оборудованные интерьеры – всё это располагало и способствовало общению посетителей с грамотными продавцами и между собой, помогало распространению современной на то время культуры губернского города. Угловое расположение здания книжного магазина создавало начало архитектурного ансамбля на площади. Оно и до сих пор – один из брендов Томска. В нём частично воссоздан интерьер лучших времён прежнего знаменитого магазина, который называется именем главного создателя – П.И. Макушина.

Еще одним своим важным делом Петр Иванович считал здание бесплатной народной библиотеки. Будучи обучающимся, П.И. Макушин хорошо осознавал значение библиотек. Идея создать бесплатную народную библиотеку родилась у Петра Ивановича в 1873 г. По получении решения об её открытии (август 1884 г.) он быстро нашёл для неё дом, наняв его у купчихи на одной из центральных улиц (Миллионной). Торжественное открытие состоялось 30 сентября. Хозяин гордился тем, что таких библиотек не было ни в Москве, ни в столице. Это был также новый очаг культуры и просвещения в Томске.

Однако снимаемое здание было временным решением. У Макушина была задумка выстроить отдельное специальное здание. Для него было очевидным, что денег на его мечту государство не выделит, поэтому он стал реализовывать свою идею через приглашения к пожертвованиям, создал ей, говоря современным языком, информационное обеспечение, публикуя в «Сибирской газете» объявления и краткие сообщения. Это влияло на выбор места, а здесь были разные мнения, и, конечно, создавало общественный резонанс [10. С. 352, 353]. Вместе с тем он искал щедрого жертвователя. Купец первой, а позже и высшей гильдии, владелец золотых приисков близ Томска, рыбопромышленник, торговец зерном и мукой С.С. Валгусов взял полностью на себя все расходы и на строительство, и на оборудование библиотеки, в общей сложности 15 тыс. руб. Архитектор П.П. Наранович составил проект бесплатно.

Новое здание Народной библиотеки было построено чуть более чем через год, 27 сентября 1887 г.

(совр. ул. К. Маркса, 25, пер. 1905 г., 4). В выстроенном здании располагались большой зал для «народных чтений» на 500 мест, комната выдачи книг, «кабинет для чтения», квартира библиотекаря. Как деловой предприниматель Макушин предполагал сдавать нижний этаж здания под торговые лавки, плата за них должна была идти на содержание библиотеки. Макушин планировал проводить здесь платные лекции, музыкальные вечера, рождественские и другие праздники, а также спектакли. На сцене играла любительская труппа, что привлекало большое количество публики. Это, наряду с театром Королёва, который вмещал тысячу зрителей, значительно увеличивало культурное пространство Томска. Более того, позже, в 1892 г., на средства сибирских купцов А.М. Сибирякова (Иркутск) и П.В. Михайлова (Томск) к этому зданию добавляется трехэтажная пристройка для размещения в ней Музея прикладных знаний. Это тоже было мечтой Макушина. Разрабатывая устав Музея, он считал, что в нем должны быть историко-этнографический, горно-золотопромышленный, заводско-фабричный и сельскохозяйственный отделы. Музей был открыт в трёхэтажной пристройке 2 августа 1892 г. и стал предвестником будущего областного краеведческого. К 1917 г. в музее зарегистрировано шесть тысяч экспонатов.

Итак, три культурных единицы были сосредоточены в одном здании: музей, «Народный театр» и «Бесплатная народная библиотека». Томичи назвали этот очаг «Народный дом». Бесплатная народная библиотека просуществовала до 1919 г. Исследователь Т.П. Карташова отмечает, что библиотека была «предметом гордости». И добавляет: «На протяжении 30 лет библиотека служила центром культурной жизни г. Томска и особенно для его демократической части населения». Добавим, что 4 июня 1898 г. здесь состоялся первый в городе киносеанс [15. С. 81–84]. Таким образом, новое строение архитектора П.П. Нарановича – построенный дом в его полном виде – существенно отличалось от здания театра Королёва, оно было полифункциональным и, главное, имело народный характер. А это стало новым явлением для губернского города, приближая его к настоящим культурным центрам России того времени. Позже здесь размещался клуб, а ещё позднее кинотеатр имени Героя Великой Отечественной войны, лётчика Ивана Черных.

Здание Бесплатной народной библиотеки было выстроено на углу улицы Духовской и Хомяковского переулка. Оно добавляло стройности облику этого района, дополняло каменные строения, придавая улице более цивилизованный вид. Крупный двухэтажный объем библиотеки сразу же привлекал к себе внимание в городской застройке, которая в те годы была преимущественно деревянной. Дальнейшие пристройки здания (1892, 1899 гг.) еще более укрупнили его. В настоящий момент здание имеет в плане Г-образную форму, выстроено из кирпича без штукатурки. Его фасады симметричны, имеют трехчастную композицию, подчеркнутую ризалитами. Боковые и центральный ризалиты акцентированы аттиками; декорированы подкарнизный пояс и междуэтажный карнизный

пояс, имеющие мелкий кирпичный декор. Основная часть здания библиотеки выстроена в манере, характерной для «кирпичного» стиля, отражающего демократический (народный) вариант этого направления, когда декор имеет рисунок, берущий начало в темах народной вышивки. Назначение здания (народная библиотека) и характер его использования (ориентация на народные массы) были четко отражены во внешнем облике посредством декора. Другой характер декоративного оформления просматривается в архитектуре трехэтажной пристройки – музея. Его объем выстроен также из лицевого кирпича, без штукатурки, но в архитектурном оформлении использованы ордерные формы, руст, арочные окна и др.

Здание облагораживала небольшая благоустроенная площадь ближе к реке. Там, на другой стороне улицы, против здания библиотеки силами горожан был разбит сад, названный Пушкинским, в нём установили бюст А.С. Пушкина небольшого размера. И сама библиотека тоже имела название – имени А.С. Пушкина. Так в городе почтили память поэта. Можно считать, что здание библиотеки, её благоустроенное окружение приобретали в сибирском городе мемориально-историческое звучание в российском масштабе.

Как уже было сказано, венцом деятельности П.И. Макушина как купца и просветителя явился Дом науки, который до сих пор на своём фасаде несёт его имя. Обычно, описывая создание и содержание деятельности Дома науки, авторы раскрывают перипетии, связанные с документальным оформлением первого Народного университета, его значением и судьбой. Мы считаем, что данный сюжет следует рассматривать шире – на фоне процессов, происходящих в цивилизованных странах и в России.

Конец XIX и начало нового XX в. предвещали серьёзные изменения в производстве, в общественных отношениях, а значит и в образованности их участников. Росли потребность и интерес к просвещению широких слоёв населения. В Европе появлялись народные университеты как самостоятельные неправительственные вольные учреждения образования. В России впервые под названием народного университета начали свою деятельность общеобразовательные курсы в Санкт-Петербурге, которые в отчете за 1897 г. называли свое учреждение «Народный университет в С.-Петербурге», а уже в 1906 г. было создано Петербургское общество народных университетов. В 1907 г. было зарегистрировано «Московское общество народных университетов». К концу 1907 г. было зарегистрировано около 15 таких обществ. В 1908 г. состоялся Всероссийский съезд народных университетов [16].

Имея широкие связи с городами России и в столице, Пётр Иванович, конечно же, был знаком с распространяющимся народно-университетским движением в Европе и России. Он хорошо представлял, что народные университеты – это просветительские организации, призванные популяризировать научное общеобразовательное знание среди взрослого трудового населения страны. Именно к этому он стремился. Конечно, он знал и об уникальном, наиболее устойчивом и популярном в России Московском городском

народном университете им. А.Л. Шанявского. Уже в первый 1908/09 учебный год на трёх его факультетах обучалось 975 слушателей [17–19].

Такая новая форма просветительства не могла оставить равнодушным П.И. Макушина. В одном из документов весной 1902 г. он сообщает о жертвовании 500 руб. для общеобразовательных вечерних классов и надеется, что эти классы выльются в конце концов в учреждение в Томске всем доступного «Народного университета» (далее НУ). Пётр Иванович осознавал, что именно он может основать первый в Сибири такой очаг просвещения народа и торопился это сделать. Начал копить деньги, отказался от собственного выезда, отменил навсегда парадные обеды, перестал появляться среди любителей картёжной игры. В одном из его документов начала 1905 г. исследователь Т.В. Сталева обнаружила распоряжение П.И. Макушина, по которому он сам и все его наследники должны были отчислять ежегодно из своих средств три тысячи рублей, пока капитал не увеличится, в том числе за счёт процентов, до ста тысяч. И это всё для открытия в Томске Народного университета [2. 2001. С. 186].

Пётр Иванович сумел убедить городскую думу выделять ежегодно по 3 тыс. рублей вплоть до открытия университета. Средства он изыскивал постоянно, взывая к чиновникам, сельским волостям, горожанам. Сбор средств к 1909 г. дал сумму уже в 50 тыс. руб. Всего же жертвователей оказалось 1 067 человек, от самого крупного в 2 700 руб. до самого малого в 2 копейки (кстати, заметим, все жертвователи опять были поименованы в специальном позже опубликованном списке, и полный отчёт о поступлении был представлен публике в день открытия университета). Сам П.И. Макушин выделил вместе с семьёй 100 тыс. руб., а всего внесено 200 тыс. руб. [8. С. 47, 49, 79].

Одно дело – накопление денежных средств, и совсем другое – преодоление бюрократических препон при оформлении документов на разрешение народных университетов (НУ). Несмотря на их рост в стране, местное начальство, и особо высшее, с большой неохотой шло на это, всячески изыскивая зацепки, по которым обосновывало отказы. Томская общественность с 1905 г. обсуждала вопросы НУ [20. С. 102–110]. В этом же году издана брошюра «Народный университет в г. Томске» [21]. К обсуждению вопросов открытия НУ была привлечена общественность города. Газета «Сибирская жизнь» неоднократно поднимала этот вопрос на своих страницах [22. 3 янв.; 10 янв.; 1 окт.; 5 окт.]. Городская дума рассматривала вопрос о НУ 18 ноября 1912 г. Макушин дважды выезжал в Министерство народного просвещения. И только 9 января 1916 г., когда уже и Дом был построен, и на нём красовалось имя создателя, Устав университета был утверждён, он получил официальный статус. К этому времени П.И. Макушин состоялся как неутомимый борец, о чем позже с восхищением ему говорили многие деятели России и Сибири, чествуя его 50-летний юбилей служения Сибири (25 марта 1916 г.) [23].

По настоянию инициатора городская дума постановила отвести участок земли на Воскресенской горе,

на месте, где располагался небольшой базар, недалеко от Коммерческого училища. Выбору места предшествовала подготовительная работа и обсуждения самых различных участков. Данный отвод удовлетворял заказчика тем, что позволял в перспективе привлечь массу проживающих и занятых здесь трудом людей к обучению в университете. Следует отметить, что отведённый под университет участок имел 3 867 кв. саженей (8 452,72 кв. м), т.е. для города это была солидная территория, которая могла стать основой, как сейчас бы сказали, кластера или даже архитектурно-градостроительного ансамбля. Место до начала строительства называли «харчевкой», здесь располагались мелкие торговцы, бродили обитатели ночлежных домов, присутствовали грязь и скверный запах.

Для реализации задуманного городской думой был создан Комитет. Председателем Комитета по желанию заказчика стал его брат Алексей Иванович Макушин, врач и общественный деятель (с 1903 по 1906 г. он был первым из некупцов головой города Томска). Интересен состав Комитета. В него вошли: Е.Л. Зубашев – профессор, директор технологического института, И.Ф. Кащенко, М.М. Самохвалов и другие известные в городе персоны.

Важно отметить, что на проектирование здания Комитетом был проведён архитектурный конкурс. Для утверждения программы конкурса Комитет пригласил к участию четырёх архитекторов – А.Д. Крячкова, К.К. Лыгина, В.С. Мартыновича и Б.Ф. Татарчука. Они, как сказано в документе, «приняли любезное участие». Каждый из названных лиц имел уже архитектурно-планировочную практику. А.Д. Крячков работал в строительном отделении губернского управления, был архитектором университета, Западно-Сибирского учебного округа, технологического института. К.К. Лыгин состоял в должности архитектора при управлении Средне-Сибирской железной дороги. В.С. Мартынович окончил Академию художеств, работал в Санкт-Петербурге техником городской управы, позже архитектором Николаевской железной дороги. Б.Ф. Татарчук – австрийский подданный, выпускник Высшего технического училища в Кракове, с 1902 г. – архитектор Средне-Сибирской железной дороги.

Конкурс был закрытым, все участники подавали эскизные проекты под каким-либо девизом. Смысл конкурса объяснялся следующим образом: «Ради достижения лучшего использования средств как в целях образовательных задач, так и в **смысле художественных требований**...» (выделено нами. – В. и Г.З.). Для поощрения конкурсантов предназначались две премии: первая в 350 руб., вторая в 250 руб. Была разработана и программа конкурса, которая утверждалась на заседании Комитета. Жюри состояло из известных в Томске специалистов: гражданский инженер С.В. Хомич, архитекторы-художники В.С. Мартынович, Т.Л. Фишель и А.И. Лангер.

Из семи (шесть из Томска, один из Красноярска) представленных работ первую премию присудили проекту под девизом «Свет». Автором его оказался Андрей Дмитриевич Крячков, известный томский архитектор, имеющий уже премированные проекты в Москве, Ярославле, Ростове. Вторая премия досталась молодому архитектору, уроженцу Томска В.Ф. Оржешко. Сове-

менник в газете «Сибирская жизнь» оценил проект как блестящее решение заданий конкурса, отмечал «прекрасный фасад в свободно трактованном стиле модернизированной английской готики», удачно спроектированные аудитории [24]. Сам Макушин в конце жизни называл Дом науки «прекрасным зданием».

Конкурсный проект А.Д. Крячкова запроектировал как сложную объемно-пространственную композицию. В ее основе – выделение крупной трехэтажной центральной части с рекреационными пространствами и зрительными залами, которая фланкировалась выступающими объемами лестниц и венчалась высокой шестигранной башней с шаром («глобусом»). Главной экстенсии были подчинены два боковых двухэтажных объема, в которых располагались учебные аудитории, классы, библиотека, столовая, административные и вспомогательные помещения. Внешнему облику сооружения, оформленному в стиле модерн, архитектор придает усложненный, живописный силуэт и богатую фасадную пластику.

Конкурсная комиссия, отдавая предпочтение проекту Крячкова, вместе с тем выразила пожелание переработать фасады здания с целью **внести «сибирский колорит»** в его архитектурно-художественное решение. Исполнение этой задачи было поручено томским архитекторам Т.Л. Фишелю и А.И. Лангеру, которые, сохранив общую композицию дома, придали его архитектурным формам новую трактовку. Боковые двухэтажные объемы были «раздвинуты» по продольной оси, высвободив центральную часть для более целостного фасадного восприятия. Предложенный в проекте Крячкова высокий декоративный купол был переделан в более лаконичных формах. Теперь он венчался полусферой на четырех наклонных угловых устоях, а под ней находилось помещение для занятия астрономией и метеонаблюдениями. Это помещение с четырех сторон освещалось большими наклонными окнами. Переделана была также входная часть, которая теперь выглядела более развитой и выполняла функцию входной и парадной лестницы, связывающей подвал, первый и второй этажи.

Художественное решение здания также было творчески доработано архитекторами. Проработка «сибирского колорита», по-видимому, принадлежала А.И. Лангеру, который был основным разработчиком этой темы в архитектуре Томска [25. С. 34, 35]. Первоначальная трактовка архитектурного декора была заменена в духе «сибирского стиля», что отразилось в более сдержанных деталях, украшающих фасады, а также в формах фронтонов и крыш, символизирующих сибирские юрты.

По первоначальной идее П.И. Макушина (конец 1905 г.) выстроенное здание он желал передать в собственность Томского городского общественного управления. Оно должно служить для Народного университета, всех его отделений, научных кабинетов, для вечерних общеобразовательных курсов, которые занимались в разных местах города, для бесплатных курсов учителей в летнее время, а также для ряда обществ. Позже в здании Дома науки уже по решению городской думы намечалось разместить две начальные школы, школьный музей наглядных пособий, детскую библиотеку. Задание на конкурсное проектирование было сформулировано

более прагматично: здание должно быть не более трех этажей с полуподвалом; в нём предусмотрено восемь аудиторий, в том числе одна на 300 мест, остальные по 200; шесть кабинетов с учебными пособиями, читальный зал и, что оригинально, башня для астрономических наблюдений (рис. 1). Учитывая новаторскую роль, кото-

рую играла деятельность по созданию народных университетов в Москве (Шанявского) и Томске (Макушина) в идейном, программном и архитектурно-строительном смыслах, считаем целесообразным провести некоторые параллели этих двух учебных заведений частной инициативы (таблица).

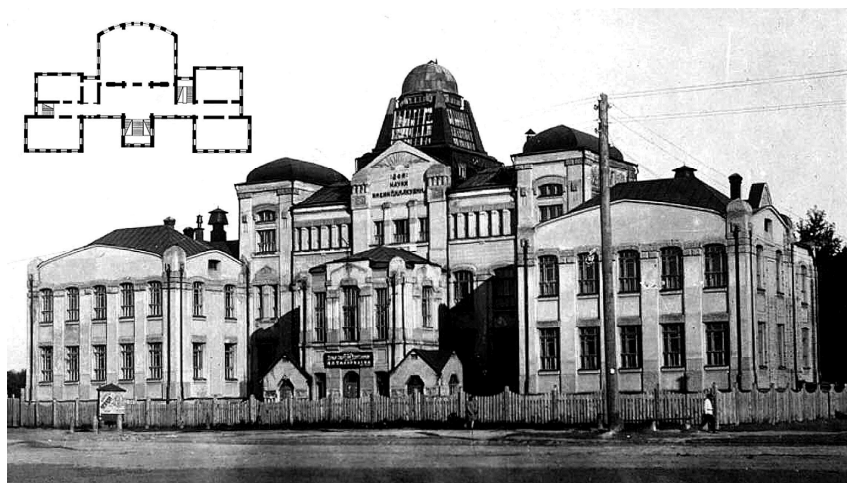

Рис. 1. Дом науки им. П.И. Макушина. Общий вид с Белого озера. План второго этажа. Фотография 1910-х гг.

Сравнительные данные создания народных университетов в Москве и Томске

Индикаторы сравнения	НУ Москвы	НУ Томска
Идея	А.Л. Шанявский (1837–1905) – отставной генерал, польский дворянин, золотопромышленник, меценат	П.И. Макушин (1844–1926) – томский купец, книготорговец и издатель, гласный гордумы, общественный деятель, просветитель
Программы НУ	2 отделения: академическое и научно-популярное, а также: циклы по конкретным специальностям, однопредметные курсы, бюро по трудоустройству, комитет взаимопомощи; библиотека	Также 2 отделения и методкабинет для преподавателей и обучающихся
Место расположения зданий	Миусская площадь, малолюдная окраина города, склады	Соляная площадь, исторический центр города, базар, склады. Отведен земельный участок в 8 252 кв. м
Источники финансирования	Личный взнос генерала А.Л. Шанявского и его вдовы 250 тыс. руб., меценаты. Общая сумма пожертвований на НУ 1907–1917 гг. составила 1 240 тыс. руб.	Взнос П.И. Макушина, жертвователи по подписке. Городская дума с 1906 г. выделяла по 3 тыс. руб. ежегодно
Конкурс проектов на здание	На конкурс представлены 20 проектов, 5 премий, но ни один не был принят. Жюри: Ф.О. Шехтель, А.Н. Бенуа, С.У. Соловьёв. Возражения вдовы Лидии Алексеевны Шанявской	Объявлен в 1910 г. Жюри: С.В. Хомич, В.С. Мартынович, Т.Л. Фишель, А.И. Лангер. Условия: не более трех этажей с полуподвалом; 8 аудиторий, в т.ч. одна на 300 мест, остальные по 200 мест; 6 кабинетов с учебными пособиями; башня для астрономических наблюдений. Рассмотрено семь конкурсных проектов, две премии. Первая – А.Д. Крячков, вторая – В.Ф. Оржешко. Проект – А.Д. Крячков; возведение здания под руководством архитекторов А.И. Лангера и Т.Л. Фишеля
Авторы проекта	Утверждён советом и вдовой проект, предложенный А.А. Эйхенвальдом; чертежи фасадов, парадная лестница и художественная отделка – И.А. Иванова-Шица, проект перекрытий – В.Г. Шухова	
Время строительства	Июль 1911 г. – август 1912 г.	1911–1912 гг., освящено 7(20) октября 1912 г.
Руководитель постройки	А.Н. Соколов, консультировал В.Г. Шухов	А.И. Макушин, брат П.И. Макушина
Объёмы, планировка, особенности архитектуры, стиль	23,5 тыс. кв. м; 23 учебных класса, 3 амфитеатра на 600 (он же филармоническая аудитория и кинозал), 200 и 200 мест. Стекланный колпак над большим амфитеатром (архитектор В.Г. Шухов). Неоклассицизм	1 306 кв. м, 57 комнат; две главные аудитории на 1-м и 2-м этажах; на 3-м этаже: 5 комнат советов просветительских обществ; в полуподвале: буфет, гардероб на 1 тыс. чел., квартиры для слушателей. Башня над землёй на 11 сажен (23,5 м). Модерн
Значение построек для города, их судьба	Возник новый культурный центр города на площади Просвещения, оснащенный современными научными лабораториями; появились кинозал, хор НУ. Позже использовался под учебные цели. Памятник архитектуры федерального значения	Первый за Уралом вольный НУ, четвертый вуз в Томске. Новый полифункциональный очаг культуры, просвещения. Здание создавало начало оздоровительному и архитектурному ансамблю у Белого озера. Отличалось своеобразием архитектуры, дополняло среду для городских общественных дел, празднеств. Памятник архитектуры федерального значения

Примечание. Таблица составлена на основании ряда источников, главными из которых были [16–18].

Анализ изучения появления народных университетов как самостоятельных вольных учебных заведений высшего образования единиц частной инициативы в Москве и Томске, а также сравнение действий и событий при возведении и открытии зданий для них (таблица) позволяют сделать следующие выводы.

1. Проявление меценатства, стремление к просвещению простого народа со стороны предпринимателей были характерны и для московского генерала, бывшего золотопромышленника А.Л. Шанявского, и для издателя, книготорговца и общественного деятеля Сибири П.И. Макушина. Оба уловили такие новые веяния в Европе, как создание вольных народных университетов, и посчитали своим долгом пожертвовать собственные капиталы и приложили усилия для их создания. Таким образом, их деятельность соответствовала общеевропейской тенденции и была новаторской и прогрессивной, способствовала в какой-то степени демократизации и либерализации сложившейся системы образования. Народные университеты с их собственными зданиями явили тип новых высших учебных заведений, основанных на частной инициативе.

2. Будучи инициаторами создания новых учебных образований в своих городах, каждый сумел проявить настойчивость в преодолении бюрократических препон управляющих структур, а также отрицательных мнений ряда чиновников и общественных деятелей, что особенно характерно было для московской элиты. По этой стороне борьбы есть подробные исследования в литературе.

3. Следует выделить в обоих случаях непосредственное участие при строительстве зданий НУ самых близких меценатам людей. В Москве – это вдова А.Л. Шанявского, в Томске – брат П.И. Макушина Алексей Иванович. Именно ему доверено быть председателем строительного комитета.

4. Нельзя не заметить некую синхронность процессов создания НУ в Москве и Томске. Более того, мы можем с большей уверенностью согласиться с ранее высказанным замечанием, что московский пример был в большой степени образцом для Томска [26. С. 16]. П.И. Макушин не мог не быть осведомлён о предпринимаемых шагах окружения Шанявских. Это наше предположение основано не только на том, что Макушин, как человек высокой предпринимательской культуры, следил за её проявлениями в центре, но и на том, что Пётр Иванович, как книготорговец, был хорошо знаком с братьями Михаилом и Сергеем Сабашниковыми, которые были одними из крупных книгоиздателей России. Они же входили в Попечительский совет НУ А.Л. Шанявского и были там, особенно Михаил, весьма активными и авторитетными членами.

5. Полнейшее совпадение наблюдается при сравнении структур учебных программ: в том и другом университетах выделены по два основных отделения – академического (высшая школа) и научно-популярного (средняя школа). В идеях обоих НУ были соприкосновение и взаимодействие наук и просвещения, приближение образования к практической деятельности слушателей.

6. Вместе с совпадением программ мы обнаруживаем специфичность, учёт местных особенностей. В частности, у Макушина предусматриваются Обязательные курсы для учителей, общеобразовательные начальные курсы, астрономические наблюдения и др.; в НУ Шанявского – оригинального покрытия зал для показа кинофильмов.

7. Отметим совпадение в способах финансирования строительства и функционирования народных университетов. Самым весомым был личный вклад меценатов и некоторые пожертвования частных лиц и организаций. Конечно, тут есть большое различие – А.Л. Шанявский мог позволить себе выделить лично 1 млн рублей, в то время как Макушин – только 200 тыс. рублей, т.е. в 5 раз меньше. Но в том и в другом случае мы видим, что образ мысли и жизни предпринимателей неотъемлем от благотворительности на ниве просвещения народа.

8. Оба мецената для реализации своих идей отбирали самых лучших профессионалов и для формирования уставов НУ, и для составов преподавателей и управляющих органов НУ, а также, особо обозначим, для архитектурно-строительного проектирования зданий. Оба использовали испытанный и проверенный способ при проектировании – конкурсы, опираясь на передовые веяния в архитектуре и на мнения авторитетных специалистов.

9. И Шанявский, и Макушин не только построили здания для воплощения своих идей, но и стремились оснастить новаторские учебные заведения современным оборудованием для образовательных технологий.

10. Схожа судьба двух зданий и учреждений в них. Каждое здание НУ признано памятником архитектуры. В их помещениях функционировали в основном учебные заведения. Это более характерно для НУ Шанявского и менее – для НУ Макушина. Последнее было пристанищем для ряда учреждений в военные времена, в том числе для военно-учебных, позже в нем размещалось учреждение культуры промышленного объединения, затем города.

11. Здания НУ и в Москве, и в Томске сохранили имена своих создателей-меценатов. Генерал А.Л. Шанявский известен не военными делами, а именно как создатель нового демократического, вольного учебного заведения. У парадного входа Университета торжественно установлен скульптурный памятник генералу-просветителю А.Л. Шанявскому. На фасаде здания НУ в Томске значится: «Дом науки им. П.И. Макушина», а его скульптурный бюст работы Поповой-Вудворт, подарок американки русского происхождения, находится в вестибюле. Так великие подвижники культуры и просвещения запечатлены в памяти городов.

Со строительством «Дома науки им. П.И. Макушина» облик Соляной площади изменился в корне: от базарного, торгово-складского до общественного, гуманитарного, образовательного, оздоровительно-воспитательного. Базар решением городской думы от 16 сентября 1914 г. перенесён дальше по улице на площадь к Водонапорной башне. Недалеко от Коммерческого училища стараниями Общества содействия физическому развитию появились спортплощад-

ки, купальни, на Белом озере зимой стал работать как-то. Постановлением городской думы от 24 ноября 1910 г. на лето 1911 г. намечено мощение улиц города, в том числе улицы, на которой находился «Дом науки им. П.И. Макушина» [27. С. 40–44].

Таким образом, постройка солидного и оригинального здания в городском пространстве влекла за собой благоустроительные работы, облагораживающие эту часть губернской столицы. А если учесть предложения П.И. Макушина Сибревкому [28. С. 224–230] построить здесь ещё два здания: одно для народной консерватории, классов живописи и ваяния и театральной студии «Дом искусств», другое для Областного Сибирского музея, то здесь действительно создавалось бы новое городское культурно-образовательное пространство. Идея иметь под одной крышей ряд просветительских, культурных учреждений, которая была реализована в здании бесплатной народной библиотеки, в 1887–1892 гг. получала своё дальнейшее развитие, но на более высоком уровне. Её реализация в полной мере могла дать социокультурной динамике города солидную просветительско-образовательную зону.

Наше внимание привлекли только некоторые известные городские объекты, связанные с деятельностью предпринимателя и просветителя П.И. Макушина. Ясно, что наше исследование влияния деятельности Макушина на образ отдельных участков города с культурной и архитектурно-градостроительной точки зрения не может быть полным, за пределами остались его доходные дома и практика их использования. Интересно проследить практику других купцов как заказчиков ряда крупных зданий в Томске, дать оценку их вклада в облик города. Это может стать отдельным предметом исследования. Однако пример одного из ярких создателей городской культуры в Томске, каким был П.И. Макушин, показал некоторые имевшиеся тенденции практики, технологии индивидуального заказа на возведение объ-

ектов общественного назначения. Создание «Народного университета им. П.И. Макушина», существование частных школ разного направления свидетельствуют о том, что частная инициатива вполне может уживаться с муниципальными и государственными учреждениями образования. Более того, они взаимно дополняли друг друга.

Итак, влияние купца-просветителя П.И. Макушина на культурный потенциал Томска, его архитектурно-градостроительную составляющую выражалось в следующем: 1) он – инициатор строительства ряда зданий в городе, ему способствовал в этом его авторитет; 2) он – великолепный организатор сбора пожертвований на ряд объектов, этой его ипостаси помогал его статус гласного городской думы в течение 40 лет; 3) был сам вместе со своей семьёй жертвователем, меценатом; 4) являясь редактором газет, способствовал информационной поддержке своих и других инициатив. Главное же влияние купца-просветителя Макушина исходило из его дара предпринимателя: способности улавливать тенденции в общественно-культурной жизни, в рыночных отношениях, умения рисковать, проявлять творчество и неуёмное стремление к новаторству и, конечно, силы воли в достижении благородной цели, которую он сформулировал, как девиз своей жизни: «Ни одного неграмотного». П.И. Макушин наряду другими купцами сумел внести немалый посильный и благотворный вклад в создание небольших архитектурно-градостроительных, культурных зон в городе. Как грамотный общественный деятель, будучи вхож в интеллектуальную элиту города, он использовал своё влияние и капиталы, а также значительную часть своей жизни на реализацию своих представлений о культурном потенциале города, мобилизуя для этого известных архитекторов, специалистов, предпринимателей и широкую общественность. За возведенные им и до сих пор действующие здания, небольшие городские пространства вокруг них, а также за просветительство потомки должны быть ему благодарны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторам довелось быть знакомыми и неоднократно встречаться с внуком П.И. Макушина московским архитектором П.И. Скоканом (сыном дочери Викторины). В.Г. Залесов в своё время проходил у него архитектурно-производственную практику. П.И. Скокан, названный так же, как и дед, дома сохранял архив своего деда. Этот архив использовала московский литератор Т.В. Сталева при написании книги «Сибирский просветитель Пётр Макушин», вышедшей тремя изданиями и признанной рядом учёных научной. Архив передан в НБ ТГУ. С Т.В. Сталевой мы также неоднократно встречались и в Томске, и в Москве в ходе её работы над книгой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П. Отражение деятельности П.И. Макушина в дореволюционной и советской литературе // Книга в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1989. С. 163–170.
2. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Пётр Макушин. Томск, 1986; 2-е изд. перераб. и доп. Томск, 1990; 3-е изд. перераб. и доп. М., 2001.
3. Памятник архитектуры федерального значения «Дом науки имени Петра Ивановича Макушина» (Соляная площадь, 4) (Библиографический список) / сост. А.В. Яковенко. Томск, 2001.
4. Дмитриенко Н.М. Макушины // Деловая элита старой Сибири. Исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и др. Новосибирск, 2005. С. 126–139.
5. Карташова Т.П. Народная бесплатная библиотека в г. Томске: особенности формирования фондов и источники финансирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353.
6. Девятые Макушинские чтения. Новосибирск, 2012.
7. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века). Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск / под ред. проф. В.П. Бойко. Томск, 2011.
8. Крекнин Г.Я. Ревнитель света П.И. Макушин. 50 лет просветительской работы (1866–1916) в Сибири. Томск, 1916.
9. Отчёт по постройке здания дешёвой столовой Томского благотворительного общества по содержанию и обзаведению ею с 10 янв. по 31 дек. 1891 г. Томск, 1892.

10. Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890 (Адрианов даёт шесть ссылок: четыре – на «Сибирскую газету», «Томские губернские ведомости» и «Восточное обозрение»).
11. Историческая записка о возникновении в Сибири университета. Томск, б/г, б/д.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 307.
13. Томский листок. 1896. 9 авг.
14. История названий Томских улиц. Томск, 1998.
15. Карташова Т.П. Народная бесплатная библиотека в г. Томске: особенности формирования фондов и источники финансирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353 (дек.).
16. Бахтурина А.Ю. Народные университеты в России конец XIX – начало XX в. // Сайт РГГУ. Родная история. [Электронный ресурс]. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-miuss/istoriya-miuss/narodnie-universitety-v-rossii-konca-xix-%E2%80%93-nachala-xx-vv.html>, свободный.
17. Воробьёва Ю.С. Как был создан Университет имени Шанявского // Вопросы истории. 1977. № 8.
18. Воробьёва Ю.С. Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
19. Начинание на благо и возрождение России (создание Университета имени А.Л. Шанявского) : сб. докл. М., 2004.
20. Сибирский наблюдатель. 1905. Кн. 7.
21. Народный университет в г. Томске. Томск, 1905.
22. Сибирская жизнь. 1910.
23. Без указания автора. Полувековой юбилей П.И. Макушина 1866–1916, 25 марта. Томск, 1917.
24. Сибирская жизнь. 1910. 21 дек.
25. Залесов В.Г. Поиски регионального своеобразия в архитектуре Сибири // Регионализм как путь развития российской архитектуры : материалы науч.-практ. конф. Новосибирск, 1996.
26. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). Томск, 2004.
27. Постановление Томской городской Думы «Об утверждении плана мощения улиц г. Томска в лето 1911 г. № 367 от 24 ноября 1910 г. // Известия Томского Городского Общественного Управления. 1911. № 1–4 (январь).
28. Заявление П.И. Макушина в Сибревком с просьбой передать ряд домов в г. Томске для нужд культурных учреждений // Власть и интеллигенция в сибирской провинции. 1919–1925: сб. докл. Новосибирск, 1996.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 июня 2014 г.

EFFECTS OF MERCHANT AND EDUCATOR PETR I. MAKUSHIN ON THE ARCHITECTURAL CHARACTER AND CULTURAL ENVIRONMENT OF TOMSK

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 114-123 DOI: 10.17223/15617793/388/19

Zalesov Valeriy G., Zalesov Gennadiy M. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vzal@mail.tomsknet.ru

Keywords: architecture; culture; enlightenment; Tomsk; merchants; Petr I. Makushin; people's university.

The paper bases on various historical sources and for the first time ever sets and interprets facts that influenced on the architectural urban planning aspect and cultural potential of Tomsk city owing to the vigorous activity of a merchant educator P.I. Makushin (second half of the 19th – early 20th centuries). Professional evaluation is given to buildings and institutions erected on his own initiative or with his participation. A correlation of his actions with the historical logic of educational activities is described. The multifaceted real activity of P.I. Makushin in Tomsk and in Siberia has been extensively studied previously and has been particularly active in recent years. However, in the author's opinion, his contribution as an initiator and the ordering customer of objects significant not only for cultural but also for architectural and urban planning development of Tomsk has not been the subject of a special study. This paper presents a reconstruction of the ideological origin and implementation technology of projects for the construction of several buildings in Tomsk and, above all, the crown of this aspect of his activity – the House of Science. P.I. Makushin's House of Science is one of the essential objects of the urban environment that has historical, memorial, architecture and urban planning, ideological and artistic value. The construction of the House of Science is an example of an ideological conception and its modern (at the time) implementation. Thus, it is most important to consider this unique act. This view is part of an interesting and fruitful study of Siberian scientists who undertook the study of the historical role of merchants and entrepreneurs in the social, domestic, professional and mental life of Siberian cities and their architecture. Sources of research were the known publications about P.I. Makushin, periodicals, several archive files, including plan sketches, full-scale measurements and expert observations. The influence of P.I. Makushin on the cultural potential of Tomsk, its architectural and urban planning component is represented in the following forms: 1) he was the initiator of the construction of a number of buildings in the city, his authority helped to promote it; 2) he was a sophisticated organizer of collecting donations for a number of objects, his being a member of the City Duma for 40 years helped in it; 3) his family and he were donors themselves as patrons; 4) as a newspaper editor he provided information support of his and other initiatives. The most important influence of Makushin was from his gift as an entrepreneur: he was able to see trends in the socio- cultural life and market relations, to take risks, to be creative and insatiable in his desire to innovate, and, of course, he had enough will power to achieve the noble goal which he formulated as the motto of his life: "Not a single illiterate person". Together with other merchants P.I. Makushin managed to make a considerable beneficial contribution to the creation of small architectural cultural zones in the city. As a competent public figure, being well treated by the intellectual elite of the city, he used his influence and capital as well as much of his life to implement his ideas on the cultural potential of the city, mobilizing well-known city architects, professionals, entrepreneurs and general public for this. His descendants should be grateful to him for his educational activities, for the buildings and small urban areas around them that he built.

REFERENCES

1. Boyko V.P. *Otazhenie deyatel'nosti P.I. Makushina v dorevolutsionnoy i sovetskoy literature* [Reflection of the activity of P.I. Makushin in pre-revolutionary and Soviet literature]. In: *Kniga v Sibiri (konets XVIII – nachalo XX v.)* [Book in Siberia (the end of the 18th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989, pp. 163-170.
2. Staleva T.V. *Sibirskiy prosvetitel' Petr Makushin* [Siberian educator Petr Makushin]. Tomsk, 1986; 2nd edition. Tomsk, 1990; 3rd edition. Moscow, 2001.
3. Yakovenko A.V. *Pamyatnik arkhitektury federal'nogo znacheniya "Dom nauki imeni Petra Ivanovicha Makushina" (Solyanaya ploshchad', 4) (Bibliograficheskiy spisok)* [Federal architecture monument "House of Science named after Petr Makushin" (Solyanaya sq., 4) (References)]. Tomsk, 2001.

4. Dmitrienko N.M. *Makushiny* [The Makushins]. In: Startsev A.V., Skubnevskiy V.A., Zinov'ev V.P. et al. *Delovaya elita staroy Sibiri. Istoricheskie ocherki* [The business elite of the old Siberia. Historical essays]. Novosibirsk, 2005, pp. 126-139.
5. Kartashova T.P. Free public library in Tomsk: peculiarities of stocks formation and financing resources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 353, pp. 81-84. (In Russian).
6. *Devyatye Makushinskie chteniya* [Ninth Makushin Readings]. Novosibirsk, 2012.
7. Boyko V.P. (ed.) *Arkhitektura gorodov Tomskoy gubernii i sibirskoe kupechestvo (XVII – nachalo XX veka). Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan', Kamen'-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk* [The architecture of the cities of Tomsk Province and Siberian merchants (17th – early 20th centuries). Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolivan, Kamen-na-Obi, Narym, Mariinsky, Novonikolaevsk]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2011. 479 p.
8. Kreknin G.Ya. *Revnitel' sveta P.I. Makushin. 50 let prosvetitel'skoy raboty (1866–1916) v Sibiri* [Supporter of light P.I. Makushin. 50 years of education (1866–1916) in Siberia]. Tomsk: Izd. sluzhashchikh i rabochikh P.I. Makushina v Tomske Publ., 1916. 103 p.
9. Otchet po postroyke zdaniya deshevoy stolovoy Tomskogo blagotvoritel'nogo obshchestva po sodержaniyu i obzavedeniyu eyu s 10 yanv. po 31 dek. 1891 g. [Report on the construction of the building of a cheap diner of Tomsk charitable society on maintaining and furnishing it from January 10 to December 31, 1891]. Tomsk, 1892.
10. Adrianov A.V. *Tomsk v proshlom i nastoyashchem* [Tomsk in the past and in the future]. Tomsk, 1890.
11. *Istoricheskaya zapiska o vozniknovenii v Sibiri universiteta* [Historical note on establishing a university in Siberia]. Tomsk, no year.
12. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 1. File 307.
13. *Tomskiy listok*, 1896, 9 August.
14. Starikova G.N. (ed.) *Istoriya nazvaniy Tomskikh ulits* [History of Tomsk street names]. Tomsk: Vodoley Publ., 1998. 320 p.
15. Kartashova T.P. Free public library in Tomsk: peculiarities of stocks formation and financing resources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 353, pp. 81-84. (In Russian).
16. Bakhturina A.Yu. *Narodnye universitety v Rossii konets XIX – nachalo XX v.* [Traditional universities in Russia. Late 19th – early 20th centuries]. Available at: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-miuss/istoriya-miuss/narodnie-universitety-v-rossii-konca-xix-%E2%80%93-nachala-xx-vv.html>.
17. Vorob'eva Yu.S. Kak byl sozdan Universitet imeni Shanyavskogo [On the history of establishing the University n.a. Shanyavsky]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1977, no. 8.
18. Vorob'eva Yu.S. *Moskovskiy gorodskoy narodnyy universitet im. A.L. Shanyavskogo*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Moscow City People's University n.a. A.L. Shanyavsky. Abstract of History Cand. Diss.]. Moscow, 1973. 20 p.
19. Basovskaya N.I., Stepanskiy A.D. (ed.) *Nachinanie na blago i vrozhdzenie Rossii (sozdanie Universiteta imeni A.L. Shanyavskogo): sb. dokl.* [Undertaking for the benefit and the revival of Russia (the creation of the University n.a. A.L. Shanyavsky). Collection of articles]. Moscow: RSUH Publ., 2004. 352 p.
20. *Sibirskiy nablyudatel'*, 1905, Book 7.
21. *Narodnyy universitet v g. Tomske* [People's University in Tomsk]. Tomsk, 1905.
22. *Sibirskaya zhizn'*, 1910.
23. No Name. *Poluvekovoy yubiley P.I. Makushina 1866–1916, 25 March* [Fiftieth anniversary of P.I. Makushin 1866–1916, 25 March]. Tomsk, 1917.
24. *Sibirskaya zhizn'*, 1910, 21 December.
25. Zalesov V.G. [Search of regional identity in the architecture of Siberia]. *Regionalizm kak put' razvitiya rossiyskoy arkhitektury: materialy nauch.-prakt. konf.* [Regionalism as a way of development of Russian architecture: materials of the scientific and practical conference]. Novosibirsk, 1996. (In Russian).
26. Zalesov V.G. *Arkhitektury Tomska (XIX – nachalo XX veka)* [Architects of Tomsk (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2004. 169 p.
27. Postanovlenie Tomskoy gorodskoy Dumy "Ob utverzhdenii plana moshcheniya ulits g. Tomska v leto 1911 g, no. 367 ot 24 noyabrya 1910 g. [Resolution of the Tomsk City Duma "On approval of the plan of paving the streets of Tomsk in summer 1911 no. 367 of November 24, 1910]. *Izvestiya Tomskogo Gorodskogo Obshchestvennogo Upravleniya*, 1911, no. 1–4 (January).
28. [Statement by P.I. Makushin in Sibrevkom to give a number of houses in Tomsk for the needs of cultural institutions]. *Vlast' i intelligentsiya v sibirskoy provintsii. 1919–1925: sb. dokl.* [Power and intellectuals in the Siberian province. 1919–1925: proceedings]. Novosibirsk, 1996. (In Russian).

Received: 12 June 2014

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.Н. КРЫЛОВА (1914–1917 гг.)

Статья посвящена малоизученному периоду в научной биографии выдающегося отечественного ботаника, основателя Сибирской ботанической школы, члена-корреспондента АН СССР П.Н. Крылова. На основании неопубликованных черновиков писем, которыми он обменивался со своими друзьями и коллегами, реконструируется история его жизни и научной работы в Петербурге, куда он в 1914 г. переехал из Томска для работы в Ботаническом музее Петербургской академии наук.

Ключевые слова: П.Н. Крылов; ботаника; научная биография; Петербург; флора Сибири.

В марте 1914 г. основатель сибирской ботанической школы и Гербария при Императорском Томском университете П.Н. Крылов (1850–1931) покидает Томск и переезжает в Петербург, куда он был приглашен Петербургской академией наук, чтобы принять участие в обработке Сибирского гербария и подготовке публикации давно намеченного по инициативе академика С.И. Коржинского коллективного труда «Флора Сибири». Николай II еще в конце 90-х гг. XIX в. выделил на эти цели 40 тыс. руб. из личных средств. После смерти С.И. Коржинского осуществлением этого плана занялся академик И.П. Бородин [1].

Уже в 1902 г. И.П. Бородин в связи с подготовкой издания «Флоры Сибири» опубликовал в ряде газет «Обращение к сибирякам и сибирячкам». В нем содержался призыв собирать растения на территории Сибири и присылать их в засушенном виде в Петербург. «Труд этот, – говорилось в обращении, – требует для его осуществления многих лет. В настоящее время ближайшей задачей Музея является сосредоточение существующего уже по флоре Сибири материала и обогащение его новым. Как ни обширны сами по себе уже имеющиеся в гербариях Императорской Академии Наук и Императорского Ботанического сада собрания сушеных растений из Сибири, они ничтожны, если принять во внимание необъятное пространство края и современные требования науки. Помочь здесь может каждый – было бы только доброе желание» [1].

К обращению прилагалось «Краткое наставление к собиранию и сушке растений», составленное тем же И. Бородиным. В нем, чтобы заинтересовать любителей ботаники в сборе растений, сообщалось, что фамилии коллекторов, «оказавшихся сколько-нибудь интересными», будут упомянуты во «Флоре Сибири», а присланные в Петербург растения после обработки будут возвращены или приобретены Музеем Академии наук по цене до 10 руб. за сотню полных экземпляров. Посылки в адрес Академии наук по существовавшим тогда правилам на почте принимались бесплатно. «Но наилучшей наградой труженику, – подчеркнул И.П. Бородин, – послужит, конечно, то неподлежащее денежной оценке чувство высокого нравственного удовлетворения, которое дается ему сознанием своего участия в коллективном научном труде на пользу родине» [1]. На подготовительные работы потребовался ряд лет. В Академии наук был собран обширный литературный материал, гербарии, сведения о сибирских гербаризаторах. Вопросы об издании флоры Сибири: программа изучения, объем и

даже язык (русский или латинский) были предметом обсуждения на нескольких научных совещаниях, в специальных журналах.

В 1913 г. Ботаническим музеем Академии наук был издан 1-й выпуск «Флоры Сибири и Дальнего Востока» [2], включивший двудольные (24 маковых и 25 крестоцветных), которые были обработаны Н.А. Бушем. Разносторонние сведения о каждом растении дополнялись иллюстрациями и картами. Для каждого вида давались оригинальный рисунок и схематическая карта Евразии с нанесением на ней области распространения этого вида. Приводились ключи для определения видов, что делало издание широко доступным и в то же время давало богатый материал для заимствований [3]. Перед отъездом П.Н. Крылову устроили торжественные проводы. Вот что писала газета «Сибирская жизнь»: «Толпа студентов окружает дорогого учителя и поет ему прощальную песнь – традиционное студенческое “Gaudeamus igitur”». Под звуки этой бодрой красивой песни студенты на руках вносят Пор[фирия] Ник[итича] в вагон. Еще несколько пожеланий, ряд рукопожатий с близкими людьми и... поезд тронулся» [4]. П.Н. Крылов в ту пору еще не имел профессорского звания, но Г.Н. Потанин уже тогда назвал его «одним из тех профессоров, которые своей деятельностью и своей жизнью Томский университет превращали в действительный университет» [5].

Развитию Гербария Императорского Томского университета П.Н. Крылов отдавал много времени. Весь поступающий материал он подвергал тщательной научной обработке, систематизации и кропотливому оформлению, делая его доступным для широкого пользования. Уезжая из Томска, П.Н. Крылов оставил своеобразное завещание своим ученикам на откидных стенках гербарных коробок. Оно датировано 13 марта 1914 г. Вот что он писал: «Гербарий Томского университета – крупное научное достояние. Десять лет, трудами многих лиц, с любовью к природе и науке, заботливо создавался и хранился этот результат сложной коллективной работы. На нем возникла “Флора Алтая и Томской губернии”, без него невозможно и дальнейшее изучение растительности Сибири. Чтобы сотни тысяч сухих и хрупких растений этого Гербария могли долгие годы служить делу изучения сибирской флоры, необходимо всеми мерами охранять его от разрушения и беспорядка. Более четверти века я хранил Гербарий Томского университета и вложил в него свои сборы, произведенные в сорокалетний период. Оставляя теперь заведывание этим

Гербарием, я считаю себя вправе обратиться к работающим с ним: Вашему попечению вверяется охрана целостности и порядка Гербария и его дальнейшее развитие» [6. С. 15].

Провожая своего любимого учителя в Петербург, его ученики, «молодые ботаники», писали в адресе к нему: «Ботанический музей, так и ботанические чаи долго будут чувствовать Ваше отсутствие. Молодежь не будет слышать Вашего доброго поощрения к неустанной работе в области зеленого мира и Вашего милого ворчания за ее промахи. Но мы горячо надеемся, что Вы не забудете ни горького запаха степных полыней, ни глухого гудения задумчивой черны, ни блеска серебряных вершин» [7. С. 77].

Высоко оценило заслуги П.Н. Крылова и Общество изучения Сибири. В памятном адресе, врученном ему, говорилось: «Осуществляя свои мечты о работе, с горячей любовью к зеленому царству растений, с глубоким интересом к его жизни, Вы непрерывно работали все эти долгие годы над изучением флоры Сибири, проводя летние месяцы в многочисленных экскурсиях по обширной площади Вашего обследования, а зимы в ботаническом кабинете университета за обработкой летних сборов. Там, в тиши кабинета, в глухой тайге, в унылых болотах севера, в дебрях величественных гор юга Сибири, в ее Прииртышских степях Вы с настойчивостью делали свое огромное культурное и научное дело». Авторы адреса выражали надежду на то, что в Ботаническом музее Академии наук в Петербурге ему «не будет чужда судьба научного познания сибирской флоры». Адрес заканчивался следующими словами: «Пусть же в новых условиях Ваша плодотворная работа длится еще долгие, долгие годы и пусть она, влетаясь в академический труд, даст Вам возможность осуществить Вашу давнюю мечту – увенчать “Флору Алтая” заключительным общеполитическим очерком» [8].

Судя по письмам, условия жизни в Петербурге П.Н. Крылова вполне устраивали. Вот что он писал в Томск: «Устроились мы в Питере хорошо: симпатичная теплая квартира в 4 комнаты на тихой, с садом, Лицейской улице (д. 11, кв. 6), на одном дворе с Романовыми (семья профессора Томского университета Ф.И. Романова. – К.З., С.Ф.). В нескольких десятках саженей – трамвай, на котором езжу ежедневно за полчаса в Академию. Чувствую себя очень хорошо... Обязательная по службе работа вся целиком как бы своя собственная, интересами которой живешь, да еще в такой обстановке, где все подобрано (в смысле коллекций, литературы, да и специалистов по тем или другим вопросам) таким образом, что работа может быть более легкой и продуктивной» [9].

В этом же письме П.Н. Крылов сообщал о том, что в Ботаническом музее Академии наук по приезде из Томска он стал заведовать Сибирским гербарием. «Выпросил себе достаточно места с порядочным количеством столов, – писал он. – Имею пожилую помощницу, эстонку Елизавету Ивановну Штейнберг, окончившую Бестужевские курсы. В письме к В.В. Ревердатто от 14 октября 1914 г. он сообщал, что с «остальными сослуживцами по Академии, а также ботаниками в Ботаническом саду налаживаются хо-

рошие отношения. Заводятся знакомства с приезжающими сюда по временам ботаниками из разных уголков России» [Там же]. Из писем мы узнаем о том, что летом 1914 г. он вместе с супругой Полиной Васильевной поправлял здоровье в Крыму. Вначале в Евпатории, где его застало известие о начале Первой мировой войны, а затем в Севастополе. В Евпатории П.Н. Крылов прошел курс лечения в Майнакской грязелечебнице. Затем, заботясь о здоровье жены (страдала застарелым бронхитом), договорился о курсе лечения в Романовском институте физических методов лечения в Севастополе, директором которого был бывший профессор Варшавского университета А.Е. Щербак. В Севастополе Крыловы остановились в меблированных комнатах Сергова, сняв большую комнату с электрическим освещением и террасой с видом на море за 30 руб. в месяц [10]. Находясь в Крыму, П.Н. Крылов не терял связи с Петербургом и Томском. В своих письмах он делился впечатлениями об обстановке в Крыму в первые месяцы войны, интересовался ходом летних ботанических экспедиций, делами в Ботаническом музее. В письмах, датированных началом сентября 1914 г., он несколько раз упоминает о своей полемике с Д.А. Драницыным [11].

Дело в том, что в 1914 г. были опубликованы статья русского почвоведов и географов Д.А. Драницына «Вторичные подзолы и перемещение подзолистой зоны на севере Обь-Иртышского водораздела» [12] и его предварительный отчет «Средняя часть Обь-Иртышского водораздела» [13], в которых он высказал мнение о надвигании леса на степь в пределах Западной Сибири. В этих публикациях автор, в частности, рассматривал подзолистые с глубоким гумусовым горизонтом (горизонтом A_2) почвы Нарымского края как вторичные, трансформированные. По его мнению, эти почвы образовались в более южно расположенной местности, чем таежно-подзолистая зона, где климат относительно сухой, была богатая травянистая растительность, которая обогатила почву гумусом. Эти взгляды Д.А. Драницына вызвали резкую критику П.Н. Крылова, который придерживался противоположных взглядов о надвигании степи на лес в пределах Западной Сибири. «Возражения Драницына, – писал он ботанику В.Л. Некрасовой, – на мой взгляд, о надвигании степи на лесную область (в статье, корректурные листы которой они очень обязательно прислали мне) очень слабые и неосновательные; я ожидал, конечно, более серьезное. Его консервированные черноземы, вероятно, ничто иное, как прослойки болотной почвы» [14].

К этому же вопросу П.Н. Крылов обращается и в цитированном выше письме к Л.Ф. Ревердатто. Он пишет: «Разобрался в статье Драницына, в которой он приходит к положению о надвигании лесной области на степь, причем не желает находить, что Нарымский край был раньше при условиях степного режима, обусловившего образование там чернозема, остатки которого он усматривает на водораздельных увалах – в темноцветных прослойках, залегающих на глубине около 25 см и прикрытых бледными оподзоленными слоями A_1 и A_2 . Это главная его основа. Уверен, что он заблуждается, и что эти почвы есть не что иное,

как оподзоленные (почвы облесения), под влиянием леса, болотные почвы. Используя, по приезду в Петербург, для окончательного решения этого вопроса Михаила Ивановича Хаинского. Критика Драницына на мои положения относительно обратного процесса – слаба и неосновательна. Я набросал в общих чертах свою отповедь на критику Драницына, но надо еще порыться в литературе, что и сделаю по приезду в Питер. В виду того, что Драницын ссылается на наблюдения Клопотова, то очень желательно было бы ознакомиться с этими наблюдениями, но уже в скомбинированном виде, почему можно было бы придать им веру, именно относительно поверхностной нивелировки поперечной линии через Обь – Иртышский водораздел, т.е. – Васюгано-Абанского болота, в связи с нивелировкой дна этого болота – водораздела, основанного на “систематическом бурении”» [15].

«Клопотов, как пишет Драницын, указывал, что “дно это оказалось выпуклым, как и следовало ожидать теоретически”. Может быть, Клопотов свел все эти наблюдения и представил департаменту земельных учреждений, на средства которого он и работал зимой? Затем важно бы было удостовериться в том, что, как пишет Драницын, “результаты бурения и изучения торфов Клопотовым дают указание, что под сфаговым торфом залегают остатки осоково-тростникового болота”. Всегда ли это так? Один – два подмеченных случая еще не решают вопроса. Может быть, Витя (В.В. Ревердатто. – К.З., С.Ф.) выудит у него эти данные. Буду рассчитывать на более серьезные возражения из более компетентных кругов, что желательно в виду достаточной важности вопроса» [15]. Полемика с Д.А. Драницыным была посвящена и работа П.Н. Крылова «К вопросу о колебании границы между лесной и степной областями» [16].

В ней была подвергнута критике работа Д.А. Драницына «Вторичные подзолы и перемещение подзолистой зоны на север Обь-Иртышского водораздела», в которой автор резко возражал против взглядов П.Н. Крылова о наступлении степи на лес под влиянием деятельности человека и изменения лесных почв под влиянием обезлесивания территории, высказанные им в работе «Растительность в Барабинской степи». Д.А. Драницын вслед за С.И. Коржинским был сторонником теории наступления леса на степь как пути образования «деградированных» черноземов. На основании заселения освобожденных из-под леса участков степными формациями и в связи с возможностью образования чернозема из лесных земель, П.Н. Крылов склоняется к мнению о наступлении степи на обезлесенные участки как в пределах черноземно-степной зоны, так и несколько севернее ее.

П.Н. Крылов на последних страницах этой работы писал: «Итак, наш спор в вопросе, по отношению которого мы стоим на диаметрально противоположных точках зрения, остается пока не решенным. Может быть, мой уважаемый оппонент постарается поискать еще каких-либо, более основательных, доказательств в пользу своего мнения. Очень желательно было бы, ввиду достаточной важности вопроса, чтобы и другие компетентные и заинтересованные исследователи высказали свое мнение, пользуясь как данными наших исследований, так и фактами, накопившимися по отношению упомянутого вопро-

са в последнее время. Надо полагать, что эти мнения должны отличаться большей объективностью, тогда как мы в своем споре, преследуя, конечно, одну и ту же цель – выяснение истины, все же можем не избежать некоторой субъективности или даже пристрастности, затрудняющих, конечно, достижение этой цели» [Там же. С. 130].

В том же 1915 г. вышла еще одна работа П.Н. Крылова «Прогресс в природе». Она была посвящена 80-летию Г.Н. Потанина и имела научно-популярный и философский характер. На экземпляре книги, хранящейся в фонде Научной библиотеки Томского университета, его рукой написано «Дорогим студентам Томского университета от автора». Размышляя о зарождении и развитии жизни на Земле в различных ее формах, он пишет: «По мере усложнения материи совершенствуется и ее свойство – проявляемая ею энергия. Это начинает выражаться, между прочим, как бы новым приводящим началом – разумом. На низших ступенях развития жизни он едва мерцает, но далее постепенно усиливается и в высшем проявлении жизни, у наиболее сложной формы материи, каковой является человек, разгорается уже в яркое пламя, освещающее ему окружающий мир» [17. С. 10]. Юбилею Г.Н. Потанина была посвящена и другая небольшая статья П.Н. Крылова «Описание двух новых видов *Salvia Potanini* и *Saussurea Jadrincevi*» [18]. В письме Л.Ф. и П.В. Бутягиным от 4 сентября 1914 г. П.Н. Крылов сетовал на то, что не получает газеты «Сибирская жизнь» и не осведомлен о делах в Сибири. Его интересовало то, что происходило в Томском университете и Гербарии. В том же письме к Л.Ф. Ревердатто он просил свою ученицу сообщить «подробно о всех, о положении ботанического кабинета (кстати, наклеено ли в коробки гербария мое воззвание?) и проч.» [15]. П.Н. Крылов попросил переслать в Петербург хранившийся в ботаническом кабинете его фотографический аппарат с кассетами, а также инструмент, дневники В.С. Титова, который к тому времени находился в армии. «Очень желательно, – писал Крылов, – и с пуд... хороших свежих кедровых орехов» [Там же].

Отдохнув и подлечившись, 24 сентября Крыловы возвращаются в Петербург (Петроград). П.Н. Крылов, возобновив работу, занялся приготовлениями к описанию семейства Сурегасеае (Осоковые). В письме к В.В. Ревердатто, датированном 14 октября, он писал: «Настраиваю пока дело с подвижным каталогом географических пунктов – местонахождений растений – по всей Сибири (из литературы) с отметкой их и нанесением недостающих – на общую карту, подразделенную на квадраты, обозначенные цифрами и буквами. Да и с отповедью Драницыну приходится немало возиться – перечитывать обширнейшую литературу по чернозему, отлежности степей и проч. Из-за омерзительных туманов приходится нередко почти целый день работать при огне» [19].

Его беспокоили научные занятия В.В. Ревердатто. Он информировал своего ученика о согласии Б.А. Федченко обработать собранный Ревердатто материал и просил не затягивать с высылкой растений. Крылов обещал пристроить статью В.В. Ревердатто в «Известиях Ботанического музея» Академии наук. Свое письмо в Томск Крылов заканчивает следующими словами: «Придется немало работать и в Ботани-

ческом саду – в новом Гербарии, где прекрасно и просторно. Коллекции и библиотека там куда богаче наших... Послезавтра у нас первое заседание “Совета при Ботаническом музее академии”, состоящего из 6 ботаников под председательством директора, организовать который мы уговорили Бородина для совместного решения всех вопросов по музею – как научного, так и хозяйственного характера» [Там же].

28 декабря он пишет отзыв о работе Б.К. Шишкина «Очерки Урянхайского края» [20]. «Только что появившаяся в печати работа Б.К. Шишкина “Очерки Урянхайского края”, – говорится в отзыве, – пополняет некоторые из указанных пробелов. Автор, по специальности ботаник, в течение двух лет исследовал значительную часть страны. Собранный им материал является очень ценным. Присоединив к нему данные предыдущих исследований, он, приведенным им списком, с большой полнотой выясняет впервые состав растительности края и рисует картину распределения ее по флористическим областям и входящим в их состав растительным формациям. Не ограничиваясь этим, Б.К. Шишкин производит также и географические наблюдения, посещая незатронутые в этом отношении места. Так им обследованы притоки нижнего течения реки Бей-кхема, лишь часть которых была нанесена на карты схематически, на основании расспросных сведений; произведена барометрическая нивелировка в 212 пунктах. <...> Книга Б.К. Шишкина является очень ценным и желательным вкладом в литературу» [21].

22 декабря П.Н. Крылов обратился с заявлением в Академию наук, в котором сообщил о своих намерениях «предпринять несколько экскурсий в Томскую губернию», где «есть еще несколько участков почти совсем не затронутых ботаническими исследованиями, между тем представляющих интерес в смысле распределения растений, определения границ распространения некоторых из них и т.п.». Он просил командировать его летом 1915 г. «для означенной цели», снабдив «необходимыми для этого средствами» [22].

Газета «Томский вестник» в номере за 29 мая 1915 г. сообщала: «26 мая в Томск приехал бывший

профессор Томского университета, а ныне ботаник Ботанического музея Академии наук П.Н. Крылов. На днях же П.Н. Крылов отправляется с научными целями в Кузнецкий уезд для обследования Кузнецкой степи; затем через Салаирский край П.Н. проедет в Бийский уезд, где займется обследованием находящихся в уезде степных пространств и альпийской области в системе р. Катунь на Алтае и прилегающих к ней рек. П.Н. Крылову сопутствуют Л.Ф. и В.В. Ревердатто». В 1916 г. по заданию Ботанического музея Академии наук он предпринял поездку на Кавказ, однако документов, относящихся к ней, пока не обнаружено.

В 1915 г. П.Н. Крылов закончил работу над книгой «Вишерский край. Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья», которая была напечатана лишь в 1926 г. [23].

Еще в 70-х гг. XIX в. он, путешествуя по Пермской губернии с целью изучения ее растительности, собрал материал о быте населения северо-западного Приуралья, в то время редко населенного. Однако ботанико-географические исследования, которыми он в то время преимущественно занимался, не позволили ему обработать его. П.Н. Крылов вспомнил об этом материале, когда стал подыскивать тему для статьи, посвященной памяти Н.Л. Скалозубова. В этой работе он после географического очерка с описанием растительного и животного мира края привел исторические сведения о коренных обитателях данного края, вогулах, как в то время называли манси, и о заселении этого края русскими. П.Н. Крылов описал быт и основные занятия этой народности. Сведения, приводимые им, касались охоты, рыболовства, хлебопашества, скотоводства. Наряду с этим он характеризует питание, одежду, жилище обитателей Вишерского края. П.Н. Крылов приводит также сведения об их грамотности. Эта работа может быть интересна историкам и этнографам.

Время работы П.Н. Крылова в Петербурге способствовало расширению его научного кругозора и установлению связей с ведущими ботаниками России. Однако после революции 1917 г. условия работы в столице ухудшились, и он вернулся в Томск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин И. Обращение к сибирякам и сибирячкам // Сибирская жизнь. 1902. 9 июня.
2. Флора Сибири и Дальнего Востока. СПб. : Гос. типография, 1913. Вып. 1. 374 с.
3. Скалозубов Н. По поводу одного издания // Сибирская жизнь. 1913. 13 окт.
4. Проводы Профессора П.Н. Крылова // Сибирская жизнь. 1914. 14 марта.
5. Потанин Г.Н. К отъезду проф. П.Н. Крылова // Сибирская жизнь. 1914. 6 марта.
6. Сергеевская Л.П. Жизнь и деятельность П.Н. Крылова // Труды ТГУ. 1951. Т. 116. С. 11–35.
7. Уткин Л.А. П.Н. Крылов как учитель и человек // Труды ТГУ. 1951. Т. 116. С. 75–78.
8. Адрес проф. П.Н. Крылову от «Общества изучения Сибири» // Сибирская жизнь. 1914. 9 марта.
9. Письмо П.Н. Крылова от 27 декабря 1914 г. неустановленному адресату // Гербарий ТГУ.
10. Письмо П.Н. Крылова Л.Ф. и П.В. Бутягиным от 4 сентября 1914 г. // Гербарий ТГУ.
11. Письмо П.Н. Крылова Л.Ф. Ревердатто от 6 сентября 1914 г. // Гербарий ТГУ.
12. Драницын Д.А. Вторичные подзолы и перемещение подзолистой зоны на севере Обь-Иртышского водораздела // Известия Докучаевского почвенного комитета. Июль 1914. № 2. С. 33–93.
13. Драницын Д.А. Средняя часть Обь-Иртышского водораздела // Предварительный отчет исследования почв Азиатской России в 1913 г. СПб., 1914. С. 153–169.
14. Письмо П.Н. Крылова В.Л. Некрасовой от 4 сентября 1914 г. // Гербарий ТГУ.
15. Письмо П.Н. Крылова Л.Ф. Ревердатто от 6 сентября 1914 г. // Гербарий ТГУ.
16. Крылов П. К вопросу о колебании границы между лесной и степной областями // Труды Ботанического музея Императорской академии наук. 1915. Вып. 14. С. 82–130.
17. Крылов П. Прогресс в природе // Бюллетень Харьковского общества любителей природы. 1915. № 3. С. 1–10.
18. Крылов П.Н. Описание двух новых видов *Salvia Potanini* и *Saussurea Jadrincevi* // Труды Ботанического музея Императорской академии наук. 1915. Вып. 14. 1915. С. 935.
19. Письмо П.Н. Крылова В.В. Ревердатто от 14 октября 1914 г. // Гербарий ТГУ.
20. Шишкин Б.К. Очерки Урянхайского края. Томск, 1914. 327 с.

21. Отзывы о работе Б.К. Шишкина «Очерки Урянхайского края» 1914 // Гербарий ТГУ.
22. Заявление в Академию наук об экскурсии в 1915 г. // Гербарий ТГУ.
23. Крылов П. Вишерский край. Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Свердловск, 1926. 46 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июля 2014 г.

PETERSBURG PERIOD IN THE LIFE AND ACTIVITY OF P.N. KRYLOV (1914-1917)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 124-128. DOI: 10.17223/15617793/388/20

Zlenko Konstantin V. Tomsk Institute of Advanced Training of the Russian Federal Penitentiary Service (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bigbox@sibmail.com

Fominykh Sergey F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fsf@mail2000.ru

Keywords: P.N. Krylov; botany; scientific biography; St. Petersburg; Siberian flora.

In the article, based on unpublished drafts of letters stored in the Herbarium of Tomsk State University, which P.N. Krylov exchanged with his students and colleagues in Tomsk as well as periodicals, the Petersburg period in the life of the founder of the Siberian Botanical School is reconstructed. It was found that the main purpose of the relocation of P.N. Krylov to Petersburg was his desire to take an active part in the treatment of the Siberian Herbarium at the Botanical Museum of the Academy of Sciences and the preparation of the publication of a collective work "Flora of Siberia" which had long been planned on the initiative of his late friend, Academician S.I. Korzhinsky. Seeing his teacher to St. Petersburg, his disciples, "young botanists", in an address to him wrote that he "would not forget the bitter smell of steppe wormwood, the deaf buzz of pensive crowds, the gloss of silver tops". Letters by P.N. Krylov allow to recreate the material living conditions, recreation and creative atmosphere in which he had to live and do research in St. Petersburg, where he was appointed the Head of the Siberian Herbarium of the Botanical Museum of St. Petersburg Academy of Sciences. Along with his work on drawing up the "Flora of Siberia", P.N. Krylov actively debated with the famous Russian soil scientist and geographer D.A. Dranitsyn on the theory of the steppe thrusting toward the forest area. His work "On the Oscillation of the Boundary Between Forest and Steppe Regions" was devoted to this problem. In this publication P.N. Krylov inclines to believe that steppe attacks deforested land both within chernozem steppe zone, and slightly to the north of it. During the St. Petersburg period, P.N. Krylov wrote a little work "Progress in Nature", devoted to the 80-th anniversary of G.N. Potanin; it was a popular scientific and philosophical work. He also finished the monograph "Vishersky Region. Historical and Popular Essay of Northern Urals" which was not published until 1926. In the summer of 1915 P.N. Krylov went on an expedition to the Kuznetsk District of Tomsk Province to survey the Kuznetsk steppe, and then to the county Biya to survey the steppes and the alpine area in the system of the Katun River in the Altai and the adjacent rivers, too. Letters by P.N. Krylov show the close links he had with Tomsk colleagues and friends and the care and attention that he continued to show toward his disciples. The period of P.N. Krylov's work in St. Petersburg contributed to the expansion of his scientific outlook and establishing links with leading Russian botanists. However, after the 1917 revolution the working conditions in the capital worsened and he returned to Tomsk.

REFERENCES

1. Borodin I. Obrashchenie k sibiryakam i sibiryachkam [Appeal to the Siberians]. *Sibirskaya zhizn'*, 1902, 9 June.
2. *Flora Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Flora of Siberia and the Far East]. St. Petersburg: Gos. tipografiya, 1913. Issue 1. 374 p.
3. Skalozubov N. Po povodu odnogo izdaniya [On one edition]. *Sibirskaya zhizn'*, 1913, 13 October.
4. Provody Professora P.N. Krylova [Farewell to Professor P.N. Krylov]. *Sibirskaya zhizn'*, 1914, 14 March.
5. Potanin G.N. K ot'ezdu prof. P.N. Krylova [On Prof. P.N. Krylov's departure]. *Sibirskaya zhizn'*, 1914, 6 March.
6. Sergievskaya L.P. Zhizn' i deyatelnost' P.N. Krylova [Life and work of P.N. Krylov]. *Trudy TGU*, 1951, vol. 116, pp. 11-35.
7. Utkin L.A. P.N. Krylov kak uchitel' i chelovek [P.N. Krylov as a teacher and person]. *Trudy TGU*, 1951, vol. 116, pp. 75-78.
8. Adres prof. P.N. Krylovu ot "Obshchestva izucheniya Sibiri" [Address to Prof. P.N. Krylov from the "Society for the Study of Siberia"]. *Sibirskaya zhizn'*, 1914, 9 March.
9. Pis'mo P.N. Krylova ot 27 dekabrya 1914 g. neustanovlennomu adresatu [Letter of P.N. Krylov of December 27, 1914 to an unidentified addressee]. Tomsk State University Herbarium.
10. Pis'mo P.N. Krylova L.F. i P.V. Butyaginym ot 4 sentyabrya 1914 g. [Letter from P.N. Krylov to L.F. and P.V. Butyagin of September 4, 1914]. Tomsk State University Herbarium.
11. Pis'mo P.N. Krylova L.F. Reverdatto ot 6 sentyabrya 1914 g. [Letter from P.N. Krylov to L.F. Reverdatto of September 6, 1914]. Tomsk State University Herbarium.
12. Dranitsyn D.A. Vtorichnye podzoly i peremeshchenie podzolistoy zony na severe Ob-Irtyshskogo vodorazdela [Secondary podzols and podzolic zone moving to the north of the Ob-Irtysh watershed]. *Izvestiya Dokuchaevskogo pochvennogo komiteta*, 1914, no. 2, pp. 33-93.
13. Dranitsyn D.A. Srednyaya chast' Ob-Irtyshskogo vodorazdela [The middle part of the Ob-Irtysh watershed]. In: *Predvaritel'nyy otchet issledovaniya pochv Aziatskoy Rossii v 1913 g.* [Preliminary report on Asian Russia soils research in 1913]. St. Petersburg, 1914, pp. 153-169.
14. Pis'mo P.N. Krylova V.L. Nekrasovoy ot 4 sentyabrya 1914 g. [Letter from P.N. Krylov to V.L. Nekrasova of September 4, 1914]. Tomsk State University Herbarium.
15. Pis'mo P.N. Krylova L.F. Reverdatto ot 6 sentyabrya 1914 g. [Letter from P.N. Krylov to L.F. Reverdatto of September 6, 1914]. Tomsk State University Herbarium.
16. Krylov P. K voprosu o kolebanii granitsy mezhdu lesnoy i stepnoy oblastyami [On the boundary oscillation between forest and steppe regions]. *Trudy Botanicheskogo muzeya Imperatorskoy akademii nauk*, 1915, issue 14, pp. 82-130.
17. Krylov P. Progress v prirode [Progress in nature]. *Byulleten' Khar'kovskogo obshchestva lyubiteley prirody*, 1915, no. 3, pp. 1-10.
18. Krylov P.N. Opisanie dvukh novykh vidov Salvia Potanini i Saussurea Jadrincevi [Description of two new species of Salvia Potanini and Saussurea Jadrincevi]. *Trudy Botanicheskogo muzeya Imperatorskoy akademii nauk*, 1915, issue 14, p. 935.
19. Pis'mo P.N. Krylova V.V. Reverdatto ot 14 oktyabrya 1914 g. [Letter from P.N. Krylov to V.V. Reverdatto of October 14, 1914]. Tomsk State University Herbarium.
20. Shishkin B.K. Ocherki Uryankhayskogo kraya [Essays of Uryankhay region]. Tomsk, 1914. 327 p.
21. Otzyv o rabote B.K. Shishkina "Ocherki Uryankhayskogo kraya" 1914 [Review of B.K. Shishkin's "Essays of Uryankhay region", 1914]. Tomsk State University Herbarium.
22. *Zayavlenie v Akademiyu nauk ob ekskursii v 1915 g.* [Statement to the Academy of Sciences about the tour in 1915]. Tomsk State University Herbarium.
23. Krylov P. *Visherskiy kray. Istoricheskiy i bytovoy ocherk Severnogo Priural'ya* [Vishersky region. Historical and everydaylife essay on Northern Urals]. Sverdlovsk, 1926. 46 p.

Received: 13 July 2014

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1939–1948 гг.)

Публикуется в рамках проекта РГНФ № 14-01-00068 «Феномен сибирского тыла в исторической динамике XX столетия».

Анализируются статистические документы, характеризующие численность и состав населения России в военные и первые послевоенные годы. Показано, что этот вид источников способствует получению новых знаний о недостаточно исследованных проблемах социально-демографической истории. Характеризуются полнота и достоверность сведений о численности и составе населения, полученных в ходе расчетов, организованных на базе переписи 1939 г. сотрудниками ЦСУ Госплана СССР в начале 1940-х гг. Выявлены информативные возможности сведений о мобилизационном потенциале, полученных в ходе единовременных отчетов сельсоветов о численности и составе сельского населения, материалов карточной системы распределения продуктов, периодических учетов неработающего населения городов, списков избирателей и контрольного учета детей и молодежи до 18 лет.

Ключевые слова: историческая демография; население; численность; состав; людские ресурсы.

Вторую мировую войну сегодня особенно часто именуют войной моторов. Это вполне обоснованное высказывание. Но практика войны показала, что самая мощная техника без человека представляет собой груды мертвого металла. Население, его численность, состав, профессиональная и образовательная подготовленность людского контингента, словом, все то, что можно включить в понятие «человеческий потенциал», являли собой решающую силу в борьбе. Выявление этого потенциала превратилось в одну из важнейших проблем, стоявших перед государственными институтами СССР в годы Второй мировой войны.

Деятельность по определению наличного военно-мобилизационного и трудового потенциала велась в нашей стране в течение всей войны. Она была возложена на Госплан СССР, ЦСУ СССР и их органы на местах – республиканские, областные (краевые) плановые и статистические управления. Полученные данные передавались для практического использования специальным государственным структурам: Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной армии при Наркомате обороны СССР (Главупраформ) и Комитету по распределению рабочей силы (с 1942 г. – Комитет по учету и распределению рабочей силы) при СНК СССР. Госплан и ЦСУ СССР совместно с Комитетом по учету и распределению рабочей силы в течение всей войны составляли балансы рабочей силы, задействованной в экономике, пытаясь определить таким образом наличные трудоспособные ресурсы, которые с каждым годом войны катастрофически уменьшались. Главупраформ прилагал титанические усилия по выявлению мобилизационного ресурса различных регионов.

Цель настоящей статьи – установить, на какие источники информации опирались государственные институты в этой сложной работе, и дать сжатую характеристику этих источников. Отметим, что проблема точности и достоверности статистических источников является одной из основных проблем бурно развивающегося ныне направления исторических исследований – исторической демографии.

Хронологические рамки статьи необычны для такого рода исследований. Они охватывают не только

весь период Второй мировой войны, но и первые годы после её завершения. Это обусловлено тем, что документы 1946–1948 гг. содержат информацию, которая подводит итоги войны и тем самым проливает свет на события военных лет.

В начальный период войны главным фундаментом, на который опирались статистики, осуществляя расчеты военно-мобилизационного и трудового потенциала страны и её отдельных регионов, служили материалы переписей населения. Они содержат не только сведения о численности населения страны и её отдельных регионов, но почти всю информацию о составе населения как по полу и возрасту, так и по социально-экономическим группам (по образованию, занятости, социальной и профессиональной структурам, национальности). Последняя перед Второй мировой войной перепись населения была проведена в СССР 17 января 1939 г. Эта перепись проводилась в особых условиях. Она была организована по постановлению СНК СССР от 26 сентября 1937 г., после признания материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. дефектными [1. С. 227]. Многие статистики, руководившие переписью 1937 г., были подвергнуты жестоким репрессиям и обвинены в преступлениях, которых они не совершали. Значительные потери понесли и работники провинциальных статистических органов.

Важнейшей целью, поставленной перед организаторами переписи 1939 г., было исправление допущенных ошибок, в том числе и преодоление последствий «преднамеренного вредительства». В результате перепись 1939 г. из обычной статистической операции превратилась в масштабную политическую акцию. Газета «Правда», выражавшая сугубо официальную позицию советских властей, писала, что перепись покажет, «как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей» [2]. Собственно научно-практическая цель переписи – получение по возможности точной информации о населении – явно уступала интересам идеологии. Вокруг самой переписи была создана завеса бессмысленной секретности. Не удивительно, что перепись 1939 г. вызвала

множество споров в современной историко-демографической литературе по вопросу её достоверности [3–7]. Нет необходимости повторять основные положения дискуссии – они хорошо известны. Для задач, решаемых в настоящей статье, не имеют значения приемы искажения данных в ходе переписи. Укажем только, что современные исследователи в принципе сошлись во мнении: перепись 1939 г., несомненно, завысила численность населения как страны в целом, так и её отдельных регионов. Кроме того, перепись явно преувеличила степень урбанизированности Советского Союза [8]. Но для нас особенно важно, что завышение численности населения неизбежно повлекло за собой искажение его структурных характеристик, так как завышается не просто абстрактная численность населения. Последнее, как известно, состоит из мужчин и женщин различного возраста. Соответственно, искажение общей численности населения приводило к искажению его структуры не только в целом по России, но и по её отдельным регионам.

Фальсифицируя вольно или невольно цифровые показатели переписи, статистики не предполагали, что с началом войны это вызовет серьезные трудности при оценке военно-мобилизационного и трудового потенциала страны. Только в годы Великой Отечественной войны стало очевидно, что вынуждая статистиков искажать в угоду идеологическим фетишам демографические характеристики, советские руководители обманывали сами себя. Однако, несмотря на многочисленные дефекты, материалы переписи 1939 г. были в принципе пригодны для использования в практических целях, но в данные переписи необходимо было вносить обоснованные поправки. Иными словами, материалы переписи нуждались в очищении от искажений. Вместе с тем, для этого не хватало сведений, которые были засекречены – сам факт преднамеренной фальсификации переписи 1939 г. тщательно скрывался. Однако, за неимением других цифр, в начале Великой Отечественной войны перепись 1939 г. служила важным ориентиром для определения людского потенциала и военно-мобилизационных возможностей СССР. Отметим, кстати, что с этой же целью материалами переписи населения 1939 г. безуспешно пользовалась немецкая разведка [9. С. 18–22]. Из этого следует, что псевдосекретность, созданная вокруг переписи 1939 г., была не только бессмысленной, но попросту вредной затеей, причинявшей ущерб прежде всего самому Советскому Союзу. Материалы переписи не использовались в той мере, в какой их можно было бы использовать, и, таким образом, были созданы искусственные сложности при определении собственных же людских ресурсов.

Важно отметить, что переписи населения имеют очень большое значение не только для экономики и армии, но и для выявления параметров демографического развития. Погрешности переписи обусловили возникновение явно негативной тенденции в развитии советской демографической статистики. В частности, к началу Великой Отечественной войны недостаточно точно была определена численность населения России. Как известно, текущая оценка численности населения производится на основании итогов последней переписи

населения, к которым добавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Сегодня, по мере включения в научный оборот новых статистических документов, мы имеем возможность выяснить, как на основании вышеприведенной методики проводились расчеты по определению численности населения России. Статистики ЦСУ при Госплане СССР исходили из следующих данных: перепись населения 1939 г. показала, что численность населения РСФСР (без Карело-Финской АССР, но включая Крымскую АССР) составляла 108,8 млн человек. Естественный прирост в 1939 г. составил 1,9 млн человек. Потери населения России за счет оттока населения в другие союзные республики (отрицательное сальдо миграции) составили 0,2 млн человек [10. Л. 39; 11. Л. 113]. Таким образом, численность населения РСФСР на начало 1940 г. была определена исходя из следующего расчета: $108,8 + 1,9 - 0,2 = 110,5$ млн человек.

Естественный прирост населения РСФСР в течение 1940 г. составлял, по прикидкам статистиков, 1,5 млн человек. За счет миграций Россия потеряла 0,3 млн человек [10. Л. 38–40]. Следовательно, население РСФСР на начало 1941 г. составляло: $110,5 + 1,5 - 0,3 = 111,7$ млн человек.

У нас нет уверенности в точности этих цифр, так как все статистические документы 1930-х гг. заполнены материалами, свидетельствующими о неточности текущего учета естественного и механического движения населения [12]. К примеру, начальник Центрального управления народно-хозяйственного учета при Госплане СССР (так до 21 марта 1941 г. именовалось ЦСУ СССР) И.В. Саутин 31 марта 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в загсах, приводимые цифры не являются вполне точными» [11. Л. 20]. Энергичные усилия властей по повышению точности регистрации рождений и смертей, предпринятые во второй половине 1930-х гг., положительно сказывались на развитии советской демографической статистики. Тем не менее статистический учет в нашей стране проводился с большими погрешностями. Так, в 1939 г. в России было зарегистрировано 4,1 млн родившихся, тогда как на самом деле, на свет появилось почти 4,3 млн младенцев (не было учтено почти 200 тыс. младенцев). В этом же году загсами РСФСР было зафиксировано 2,1 млн смертей. На самом деле умерло 2,2 млн человек (погрешность около 100 тыс. смертных случаев) [13; 14. Л. 10]. Но особенно большими неточностями характеризовался статистический учет мигрантов, который был организован только в городах на основе прописки-выписки. В сельской местности, где люди были лишены паспортов, мигранты вообще не регистрировались. Кроме того, напомним, что данные о численности населения страны и её отдельных регионов по переписи 1939 г. (она была точкой отталкивания при проведении расчетов) изначально содержали неточности. Они механически перешли в расчеты динамических рядов численности населения.

Погрешность расчетов статистиков, работавших в начале 1940-х гг., невольно подтвердили оценки современных статистиков. По данным Госкомстата России, опубликованным в 1998 г., население нашей страны в начале 1940 г. насчитывало 110,1 млн человек, а в начале 1941 г. – 111,4 млн [15. С. 32]. Казалось бы, расхождение между современными оценками и расчетами, проведенными в 1940-е гг., минимально и находится в пределах допустимой статистической ошибки. Но это сходство иллюзорно. Дело в том, что нынешние оценки не учитывают население Крымской АССР, которая была выведена из состава РСФСР в 1954 г. А расчеты начала 1940-х гг. население Крыма учитывают. Таким образом, налицо несовпадение территориальных границ. Между тем, по данным переписи 1939 г., в Крымской АССР проживало 1,1 млн человек [16. С. 25]. Следовательно, советские статистики не сумели с требуемой точностью определить численность населения страны к началу Великой Отечественной войны.

Вместе с тем со значительными погрешностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к преувеличенному представлению о численности мужчин призывных возрастов. Это вызывало ошибки в расчетах численности и состава населения отдельных регионов страны. Численность населения Западной Сибири на начало 1941 г. была определена в 9 266,6 тыс. человек [17. С. 67]. Это послужило основой для оценки численности мужчин призывного возраста. Считалось, что количество мужчин 18–45 лет в Западной Сибири составляло 1 576,8 тыс. человек, что, скорее всего, превышало их реальную численность [18. Л. 55].

В годы Великой Отечественной войны стало очевидно, что, искажая в угоду идеологическим фетишам демографическую статистику, советские руководители обманывали сами себя. Война началась при отсутствии достоверных данных о наличии людских ресурсов. Это существенно затрудняло плановое использование людского потенциала. В конечном счете на места высылались явно завышенные наряды на мобилизацию военнообязанных, которые подчас невозможно было выполнить. В 1941 г. ни Госплан, ни ЦСУ, ни Наркомат обороны СССР, ни местные статистические и плановые органы не имели точных сведений о численности мужчин боеспособных возрастов, что чрезвычайно важно для укомплектования армии. Отсутствовала достоверная информация о количестве женщин трудоспособных возрастов, подростков, вступающих в рабочий возраст, и лиц старше 60 лет. Между тем эти данные были крайне необходимы при распределении трудовых ресурсов. Это, в свою очередь, создавало затруднения при замене уходивших на фронт мужчин небоеспособными гражданами. Не определено было и количество детей – дошкольников и подростков, а следовательно, было неясно, сколько же женщин не смогут прийти на заводы и фабрики? Какое количество детских садов и яслей потребно, чтобы освободить женщин от домашних забот и направить их на производство?

В таких условиях о каком-либо строгом планировании и эффективном использовании людских ресур-

сов страны не могло идти и речи. Летом 1941 г., с началом широкомасштабных боевых действий, в деятельности государственных органов и штабов, не обладавших точной информацией о советском людском потенциале, произошел сбой. Это вызвало множество ошибочных решений, растерянность, а в конечном итоге явно избыточный призыв. В целом в течение всей Великой Отечественной войны многие решения о военной мобилизации носили не планомерный и упорядоченный характер, а являлись ситуационными и подчас бессистемными.

В июле 1942 г. Новосибирский обком под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада посчитали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (демографических. – *В.И.*) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела – не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (так в источнике. – *В.И.*) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию» [19. Л. 23]. В результате властям при расчете людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов приходилось действовать не по заранее составленному плану, но импровизировать, принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на точных данных.

Важно учитывать, что и без того неточные материалы переписи 1939 г. быстро устарели и утратили значение информационной базы. Резкие колебания рождаемости и смертности, характерные для военных лет, крупномасштабные воинские мобилизации и эвакуация, передвижение спецконтингента быстро и кардинально изменили численность и состав населения тыловых регионов страны. В этих условиях приходилось искать новые источники информации о мобилизационном и трудовом потенциале тыловых районов. В 1943 г. сотрудники ЦСУ СССР разработали таблицы единовременных отчетов сельсоветов, которые предназначались для получения сведений о половом и возрастном составе сельского населения. Эти таблицы, получившие наименование «форма “С”» заполнялись работниками сельсоветов на основе хозяйственных книг и списков временно проживавших. Затем таблицы направлялись районным инспекторам ЦСУ для проведения статистической обработки и получения сводных (по районам) данных. Таблицы формы «С» содержат ценнейшую информацию о

распределении наличного сельского населения по полу и возрасту.

Очевидно, что единовременные отчеты сельсоветов преследовали фискальные и мобилизационные цели. Их использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты о численности и структуре сельского населения составлялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в социально активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения, происшедшие в военные годы. Однако этот досадный пробел в источниковой базе восполняется при использовании материалов карточной системы распределения продуктов. ЦСУ и Госплан СССР использовали материалы Наркомторга СССР как базу для учета численности и состава населения городов и рабочих поселков. Карточная система была введена постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. Рабочие, служащие и их иждивенцы получали хлебные карточки непосредственно на предприятиях, а так называемое неорганизованное население – в карточных бюро на основании стандартных справок, заверенных в бюро технического учета. Горожане были заинтересованы в постановке на учет, а сама карточная система являла собой эффективный способ контроля над городским населением. В Сибири карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия для жителей городов были введены 1 сентября 1941 г.

Нормированные продажи товаров были разбиты на четыре группы: для рабочих и инженерно-технических работников (ИТР), для служащих, для иждивенцев, для детей до 12 лет. Карточная норма хлеба для рабочих и ИТР предусматривала две категории. Первая категория устанавливалась для работников угольной, нефтяной, металлургической и некоторых оборонных отраслей индустрии. Вторая категория – для всех прочих отраслей хозяйства. Таким образом, данные о количестве выданных хлебных карточек являются источником дополнительных сведений не только о численности, но и структуре городского населения.

Важным источником по определению размеров трудового потенциала городского населения является учет неработающего населения городов. В ходе этих периодических учетов, организация которых возлагалась на ЦСУ СССР, выявлялись все не работавшие мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины от 15 до 50 лет. Из списков не работавших исключались инвалиды 1-й и 2-й групп, учащиеся вузов, техникумов, школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Учеты, как правило, проводились без опроса населения, по сведениям управляющих домами, ко-

мендантов общежитий и домовладельцев. Полученные материалы тщательно сверялись с данными карточных бюро о числе выданных хлебных карточек. Учет людских ресурсов, как города, так и села, показал, что в ходе трудовых мобилизаций запас нигде не работавших женщин, подростков и стариков, составлявших в военное время основной запас незадействованного труда, постоянно сокращался. Тем не менее даже в суровые годы войны в городах оставались люди, не занятые на производстве и существовавшие за счет неконтролируемых государством источников дохода. В политическом аспекте это означало выпадение из структуры тоталитарного государства. Проведенный в марте 1942 г. учет выявил в городских поселениях Новосибирской области 48 тыс. нигде не работавших женщин (не учившихся и не имевших на своем попечении детей до 8 лет). Так, в Омской области таковых насчитывалось свыше 14 тыс. человек, в Алтайском крае – около 9 тыс. [20. Л. 24]. По подсчетам ЦСУ СССР, которые были сверены с данными Наркомторга СССР о количестве выданных хлебных карточек, в Барнауле в 1943 г. численность не работавших и не учившихся женщин, не имеющих детей до 8 лет, составляла почти 5 тыс. человек. В Анжеро-Судженске таковых насчитывалось 2,2 тыс., в Киселевске – 1,2 тыс., в Томске – почти 4 тыс., в Тюмени – свыше 2 тыс. человек [21. Л. 2, 34, 38].

В 1944 г. по всем городам Советского Союза было выявлено 614 тыс. нигде не работавших мужчин и женщин [22. Л. 14]. В Новосибирской области повторный учет не работавшего населения, проведенный 15 марта 1944 г., показал, что по количеству незанятых мужчин в возрасте от 14 до 55 лет составляло 1 791 человек. Незанятых женщин в возрасте от 14 до 50 лет было ещё больше – 41 978 человек, в том числе бездетных или не имеющих детей моложе 8 лет – 11 340. Таким образом, областные власти получили возможность мобилизовать в Красную армию и на производство дополнительно 23 062 человек [23. Л. 8 об.]. В действительности количество неработающих мужчин и женщин было значительно больше, чем обнаруживали официальные проверки. Н.М. Шверник, стремясь подчеркнуть положительные стороны деятельности руководимого им Комитета по учету и распределению рабочей силы, а заодно поставить в неловкое положение представителей других ведомств, писал: «Проводимый ЦСУ единовременный учет городского неработающего населения (без опроса населения) не обеспечивает выявления неработающих граждан» [24. Л. 15]. По-видимому, эффективность административно-бюрократической системы, действовавшей в СССР в годы войны, сильно преувеличена.

После завершения войны появился источник, содержащий сведения о половозрастном составе не только сельского, но и городского населения. Государственные органы использовали этот источник для выявления как численности и состава населения, так и гендерных аномалий, сложившихся вследствие огромных военных потерь. Мы имеем в виду списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) и Верховных Со-

ветов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В списки вносились граждане 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать списки избирателей для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения [25. Л. 1]. Основным недостатком этого источника является то, что в списки избирателей не включались некоторые группы населения, в частности лишенные избирательных прав заключенные. Кроме того, исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. К тому же информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой», так как имеет «примеси» в связи с притоком в города и деревни мужчин в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Поэтому надо иметь в виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в стране была значительно напряженной, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Изменения, происшедшие в численности и структуре населения моложе 18 лет, можно проследить, используя статистические сведения, полученные после завершения Великой Отечественной войны. Такого рода данные

содержат материалы подсчета детей и подростков, организованного ЦСУ СССР в декабре 1947 – январе 1948 г. в городских поселениях страны. Этот учет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о детском и подростковом населении по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о детском и подростковом населении в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14% детей и подростков.

Подсчет численности населения моложе 18 лет зафиксировал две глубокие демографические ямы, образовавшиеся в возрастной структуре населения. Они соответствовали двум мощным демографическим катастрофам, обрушившимся на Россию в XX столетии: 1932–1933 и 1939–1945 гг. Впоследствии наличие этих демографических ям нашло подтверждение в ходе проведения и статистической обработки материалов первой после Второй мировой войны Всесоюзной переписи населения 1959 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991.
2. Правда. 1939. 4 сентября.
3. Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11.
4. Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4.
5. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7.
6. Исунов В.А. Тайны советской статистики // Вестник АН Сиб. Отд. Серия история. Филология. Новосибирск, 1991.
7. Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996.
8. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
9. Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2003.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 391.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406.
12. Исунов В.А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 2011.
13. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957 // Электронный ресурс. <http://www.demoscope.ru/ksi/1-dars/adk.html>
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 537.
15. Население России за 100 лет (1897–1997) : стат. сб. М., 1998.
16. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992.
17. Исунов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997.
19. ГАО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38.
20. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 999.
21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 412.
22. ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23.
23. ГАО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22.
24. ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23.
25. ГАО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 июня 2014 г.

STATISTICAL SOURCES FOR THE RESEARCH OF THE MILITARY-MOBILIZATION AND LABOR POTENTIAL OF WESTERN SIBERIA (1939-1948)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 129-134. DOI: 10.17223/15617793/388/21

Iusupov Vladimir A. Institute of History, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Keywords: historical demography; population; size; composition; human resources.

The size and the composition of the population, professional standard and educational attainment of the human contingent, in a word, the *human capital* represented the determinant in the Second World War. The aim of this article is detection of basic information sources of government structures the State Planning Commission and the CSB and their local agencies used for determining the military-mobilization and labor resources, and also a brief characteristic of these sources. In the initial period of the war Soviet statisticians were guided by the materials of the Soviet census of 1939. This census was organized after the recognition of the census of 1937 as defective. Therefore, the main goals of the organizers of the census of 1939 were the correction of mistakes and the liquidation of the consequences of the deliberate sabotage. So the census of 1939 was turned from the normal statistical operation into a great political campaign. The scientific and practical goal of the census as gaining information of population yielded to the ideological interests. Modern researchers agree in opinion that the census of 1939 had overestimated the country's population and had distorted its structure. Falsification of the materials of the census had found a reflection in subsequent realizing statistical calculations which based on them. Thus, the beginning of the Great Patriotic War was characterized by the absence of reliable data on the availability of human resources. This fact impeded the military mobilization. In 1943 government authorities began to use no recurrent reports of rural councils about the size and composition of the rural population in order to determine the size of the mobilization potential. An important although indirect source of detection of the size and composition of the urban population in the war years were the data of the USSR People's Commissariat on the number of issued ration cards. A significant role in determining the size of the labor potential of the urban population played records of the unemployed urban population. After the war government structures used lists of voters from the elections to constitute the Supreme Soviet of the USSR (1946) and the Supreme Soviets of the RSFSR and autonomous republics (1947) to determine the size and composition of the population, and also gender disparities arising as a consequence of large military casualties. The USSR People's Commissariat by order dated December 31, 1945 authorized statisticians to use voter lists for the calculations. Developments during the war years in the size and structure of the population younger than 18 can be traced using materials counting children and youth under age 18 the CSB organized from December 1947 to January 1948 in the urban areas. This account is a kind of a mini-census undertaken without survey of the population.

REFERENCES

1. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. Kratkie itogi* [All-Union Population Census of 1937 Brief results]. Moscow: USSR AS Institute of History Publ., 1991. 239 p.
2. *Pravda*, 1939, 4 September.
3. Tol'ts M.S. Repressirovannaya perepis' [Repressed census]. *Rodina*, 1989, no. 11.
4. Tsaplin V.V. Statistika zhertv stalinizma v 30-e gody [Statistics for victims of Stalinism in the 30s]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1989, no. 4.
5. Andreev E., Darskiy L., Khar'kova T. Opyt otsenki chislennosti naseleniya SSSR. 1926–1941 gg. (Kratkie rezul'taty issledovaniya) [Experience of the USSR population estimates. 1926–1941 (Brief results of the study)]. *Vestnik statistiki*, 1990, no. 7.
6. Isupov V.A. Tayny sovetskoy statistiki [Secrets of Soviet statistics]. *Vestnik AN Sib. Otd. Seriya istoriya. Filologiya*, 1991.
7. Zhiromskaya V.B. *Vsesoyuznaya perepis' 1939 g. v istoriografii: otsenka dostovernosti* [All-Union census of 1939 in the historiography: assessment of reliability]. In: Sakharov A.N. (ed.) *Rossiia v XX veke: sud'by istoricheskoy nauki* [Russia in the twentieth century: the fate of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 1996.
8. Zhiromskaya V.B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. Looking into the unknown]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 280 p.
9. Gehlen R. *Voina razvedok. Taynye operatsii spetssluzhb Germanii. 1942–1971* [The war of intelligence. Covert intelligence operations in Germany. 1942–1971]. Translated from German. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2003. 427 p.
10. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 329. File 391.
11. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 329. File 406.
12. Isupov V.A. *Statisticheskie istochniki po demograficheskoy istorii Rossii perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Statistical sources on the demographic history of Russia during World War II]. Syktyvkar, 2011.
13. Andreev E.M., Darskiy L.E., Khar'kova T.L. *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1957* [Demographic History of Russia: 1927–1957]. Available at: <http://www.demoscope.ru/ksi/1-dars/adk.html>.
14. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 329. File 537.
15. *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): stat. sb.* [The population of Russia for 100 years (1897–1997): collection of statistics]. Moscow, 1998. 222 p.
16. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi* [The census of 1939: Main results]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 262 p.
17. Isupov V.A. *Glavnyy resurs Pobedy. Lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.)* [The main resource of the Victory. Human potential in Western Siberia during World War II (1939–1945)]. Novosibirsk, 2008. 378 p.
18. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 42. File 997.
19. State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 6. File 38.
20. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 42. File 999.
21. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 412.
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9517. List 1s. File 23.
23. State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 8. File 22.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9517. List 1s. File 23.
25. State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 11. List 2. File 1409.

Received: 15 June 2014

ВКЛАД КУПЦОВ В БЛАГОУСТРОЙСТВО г. ТОМСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматриваются вопросы благоустройства г. Томска, определяется вклад купечества в благоустроительные работы. Выявляются особенности участия купцов в системных мероприятиях муниципалитета по городскому благоустройству.

Ключевые слова: благоустройство города; аренда муниципальных земель; купеческие займки.

Во второй половине XIX – начале XX в. коренным образом меняется отношение городских властей к благоустройству. Это изменение связывается, прежде всего, с новым законом о городах и расширением прав городских дум, которые получили более широкие возможности расходования муниципального бюджета на «нужды города» [1. С. 23]. Муниципалитеты городов в этот период ведут активную хозяйственную деятельность, которая обеспечивала широкий круг мероприятий по благоустройству. В управе города действовала специально созданная Комиссия по благоустройству, которая непосредственно занималась осушением заболоченных территорий, «шоссировкой», мощением, освещением и озеленением улиц и площадей [2. С. 93]. На рубеже XIX и XX в. с развитием научно-технического прогресса в сибирские города входят электричество, водопровод, канализация, телефония и прочие блага цивилизации. Томское купечество было авангардом всего нового и передового, что предлагалось инженерно-техническими фирмами, как российскими, так и иностранными. Заботясь о своем бизнесе, об обустройстве доходных и торговых домов, купцы стремились использовать все технические новинки. Обустривая собственность, они тем самым благоустраивали и соседние территории, заставляли своим примером следовать другим.

Так, например, в 1899 г. известный томский купец К.Б. Дистлер для своей торговой бани, расположенной на углу пер. Татарского и ул. Источной, решил построить паровую водокачку с приемным колодцем и всасывающими трубами. Согласно проекту планировалось проложить водопроводные трубы от р. Томи, установить на территории водонапорный бак и электрический насос для подачи воды. Для нужд города купец обязался бесплатно отпускать воду из водокачки «во всякое время дня и ночи» для тушения пожаров в Заисточном предместье [3. Д. 145. Л. 1, 1 об.]. Кроме того, купец на свои средства должен был укрепить берег р. Томи выше и ниже заборной водопроводной трубы. Разумеется, такое предложение было одобрено членами городской управы, поскольку устраиваемая частным лицом водокачка решала проблему снабжения водой на случай пожара.

В здании торгового дома «Евграф Кухтерин и С-я», расположенного на углу ул. Почтамтской и Нечаевской, в 1899–1901 г. были устроены паровое отопление и электроосвещение [4. Д. 510. Л. 2]. В соседнем доме купца Ивана Гадалова, расположенном на углу ул. Почтамтской и пл. Соборной, был устроен соб-

ственный водопровод с водонапорной башней, а в 1903–1904 г. проведено электрическое освещение, для чего была возведена электрическая станция [5. Д. 2049. Л. 1, 2]. В 1912 г., «желая устроить в своём доме электрическое освещение», получил разрешение на постройку частной электростанции на усадьбе по Никитинской улице купец В.В. Иванов [4. Д. 1225. Л. 3, 4].

Важной проблемой городского благоустройства было состояние проезжей и пешеходной частей улиц. На главных улицах городов устраивались деревянные мостовые для пешеходов (настилы и тротуары), проезжая часть посыпалась гравием и «шоссировалась», между пешеходной и проезжей частями вырывались канавы для отвода воды. Домовладельцам предписывалось содержать участки улиц в эксплуатационном состоянии: «против дома своего... содержать улицу до половины ширины ее в исправности и чистоте, заравнивая образующиеся на ней выбоины» [1. С. 261]. Тем не менее благоустройство Томска, как и других сибирских городов, было далеко не идеальным; такие работы, в связи с ограниченностью бюджетов, велись поначалу в основном на средства частного капитала купцами – собственниками зданий, расположенных на центральных площадях и улицах.

В конце 1896 г. городская дума, рассматривая проект мощения центральных улиц, призывает горожан «употребить все возможные усилия, чтобы сделать Томск городом во всех отношениях достойным» [5. Д. 2623. Л. 44 об.]. В финансировании работ по развернутому в 1902–1903 г. мощению городских улиц участвовали все домовладельцы. Однако крупные купцы, помимо обязательных взносов, нередко выделяли и дополнительные средства на обустройство городских улиц. Так, Товарищество купца Второва изъявило желание замостить часть улицы Почтамтской, «принимая во внимание большое грузовое движение в указанном районе замощения», булыжником в два слоя, предлагая дополнительно уплатить в городскую казну на 15% дорожке обязательной суммы за использованный материал. В 1906 г. на заседании комиссии по благоустройству был поднят вопрос о расширении ул. Почтамтской в месте ее пересечения с пер. Монастырским и отсыпки взвоза пер. Татарского. Городской голова И.М. Некрасов предложил «привлечь в видах общей пользы» и разделить расходы томского представительства крупной купеческой петербургской торговой фирмы «Штоль и Шмидт», которая выделила для этих целей 1 000 руб. [5. Д. 2945. Л. 6–8].

Купечество принимало участие и в городских мероприятиях по осушению, канализированию грунто-

вых и сточных вод и проведению нивелировки улиц. В 1904 г. томский купец А.И. Селезнев и Товарищество «А.Ф. Второв с С-ми» обратились за разрешением устроить дренажную сеть из бетонных и чугунных труб для сбора и отвода грунтовых вод от своих усадебных мест по ул. Почтамтской и Дворянской и пер. Благовещенскому. Товарищество Второва, кроме того, планировало устроить на усадьбе фильтровые колодцы для очистки сточных вод из ванн и умывальников в помещениях доходного дома, в которых располагалась гостиница [3. Д. 989. Л. 1–9].

В середине XIX в. активизируется общественная и частная деятельность по озеленению города, на свободных от застройки территориях разбиваются городские, монастырские сады, парки. В это время преобладала тенденция внутриворового озеленения: «на огородах частных жилых усадеб стали высаживаться деревья, превратившие впоследствии некоторые огороды в усадебные сады» [6. С. 42]. Разумеется, устройством садов в Томске увлеченно занималось и местное купечество: были созданы обширные частные сады регулярного озеленения томскими золотопромышленниками Ф.А. Гороховым и И.Д. Асташевым. Эти сады, выстроенные «в романтической манере», были образцом богатой фантазии устроителей, местом, где горожане с удовольствием проводили

время. С 1842 г. был известен Гороховский сад, занимавший значительную территорию по западной бровке Юрточной горы. Владелец устроил великолепный сад по образцу европейских, который обошелся ему в 250 тыс. руб. Сад был доступен городским жителям, о чем сохранилось воспоминание очевидцев: «В городе есть такой прекрасный сад... В летние праздники каждый имеет право гулять в этом саду и любоваться всем, что находится в нем. В этом саду... в красивой раме струится светлый и стройный пруд; через него на легких арках перекинута прозрачная танцевальная зала, а по берегам его с одной стороны красуются пестрые цветники, примыкающие к богатой оранжевое, где рдеет виноград, созревают фиги и благоухают роскошные тропические цветы; с другой стороны пруда тянутся аллеи из акаций, тенистые куртины и беседки» [7. С. 46, 47]. По территории сада протекал небольшой рукав р. Томи под названием Исток, который был облагорожен и превращен в пруд. Над ним был построен мостик, на территории сада – павильоны и другие парковые сооружения, что и давало повод подобным восторженным отзывам. В 1880-е г. хозяйкой знаменитого сада, уже запущенного, стала купеческая жена П.Б. Дистлер. На плане ее участка можно увидеть остатки строений: кегельбан, мост через озеро (пруд), вокзал и прочие постройки (рис. 1).

Рис. 1. План крепостного места П.Б. Дистлер. 1880 г. Из фондов ГАТО

В середине XIX в. обширный усадебный сад с цветниками, хвойными и лиственными деревьями был заложен при доме золотопромышленника И.Д. Асташева по ул. Нечаевской [8. С. 4–18]. В начале XX в.

Томск по количеству зеленых насаждений на одного жителя (0,2 кв. саж.) превосходил многие российские города. В 1903 г. в Верхней Елани был устроен Королевский, или Всеволодо-Евграфовский, бульвар.

На его устройство внес деньги (при условии наименования бульвара его именем) купец В.Е. Королёв.

В 1911 г. в городе из 3 728 городских усадеб 616 были зарегистрированы с садами, и нередко усадебные частные сады представляли собой крупные рощи [9. С. 24]. Купечество обустроивало свои усадьбы с размахом, не жалея средств: известность получили частные сады купцов Н.А. Иваницкого, К. Хамитова (по ул. Королевской), Г.М. Голованова (по ул. Солдатской), А.А. Монякова (по ул. Никитинской), Н.Д. Родюкова (по ул. Духовской) и др. (рис. 2).

Большой вклад в озеленение города, сохранившееся до нынешних дней, внесли предприниматели, которые брали в арендное содержание «пустопорожние» городские места. На набережной р. Ушайки у Думского моста в 1911 г. был открыт сад «Эрмитаж», владельцем которого был А.С. Ефимов. Одним из лучших «зелёных» мест города считался сад «Буфф» В.Л. Морозова, где в летнее время работал летний театр с рестораном и буфетом.

Сдача в аренду расположенных за городской чертой муниципальных земель в конце XIX – начале XX в. приносила в городскую казну достаточно большой доход [10. С. 236, 254]. Загородные городские земли особенно привлекали крупных купцов-предпринимателей, занимающихся производством, поскольку такие земли сдавались сроком до 12 лет. В случае если земля не была востребована для нужд города, участок выкупался или же продлевался контракт. Известные купцы и промышленники Томска

брали в арендное содержание земельные участки вдоль рек Томи и ее притоков: Ушайки, Казанки, Басандайки. Здесь они строили различные заводы (кирпичные, лесопильные, кожевенные, войлочные), мельницы и прочие заведения. Часто рядом с промышленным производством купцами устраивались дачи и заимки, на которых строились жилые дома и хозяйственные постройки, разбивались сады.

Такие заимки в Томске были у многих купцов-предпринимателей: Королева, Кухтерина, Тецкова, Еренева, Шубина, Акулова, Хромова, Серебrenикова, Войнова и др. [11]. Известна старейшая заимка купца Степана Сосулина, она дала название топониму – району Степановка. Позже хозяином этой заимки с винокурным заводом стал купец И.Л. Фуксман. В 1879 г. владелец открыл мукомольную мельницу, а в 1891 г. построил первую электрическую станцию. В XIX в. на расположенной на окраине города, недалеко от моста через р. Томь, даче томского золотопромышленника И.Д. Асташева был «устроен по-европейски» небольшой парк, который впоследствии получил название сад «Алтай». Томичам хорошо известна Михайловская роща, которая в настоящее время сохраняет свое значение как рекреационная зона. Загородный земельный участок, расположенный в современных границах Михайловской рощи, был взят купцом В.В. Михайловым в конце XIX в. для промышленного заведения – он содержал здесь воскобельный завод (очистка пчелиного воска) [12. Л. 2].

Рис. 2. Сад на усадьбе купца А.А. Монякова по ул. Никитинской. Начало XX в. Из личного архива С.В. Харламова

На территории заимки, помимо дома владельца, располагались «летние дачные помещения Мариинского детского приюта», которые купец-меценат содержал за свой счет.

По воспоминаниям старожилов города, «дача... стоявшая в роще, удивляла... Деревянный дом с мансардой, террасой, колоннами и балконом был украшен такой витиеватой резьбой, что казался заверну-

тым в изящные кружева. Во дворе фонтан и аккуратнейшие кусты сирени. Все обнесено дощатым заплотом с большими воротами. А вокруг усадьбы – сплошные березы... на фоне которых дача смотрится сказочным теремом. По всей Михайловской роще были расставлены вдоль тропинок живописные резные деревянные скамейки. Могли здесь отдыхать все» [13. С. 2]. Фонтаном, по-видимому, назывался водоем овальной формы, в центре которого на круглом «острове» росло дерево – кедр. Этот элемент ландшафтной архитектуры Михайловской рощи сохранился до сих пор.

Недалеко от Михайловской рощи, ниже по течению р. Ушайки, на этом же берегу, находилась заимка Е.И. Королева, который здесь же выстроил водяную мельницу, приносящую ему доход. На плане видно, что на территории был построен господский дом и разбит сад (рис. 3). Посадки деревьев сохранились до середины XX в., они именовались Ново-Киевской рощей.

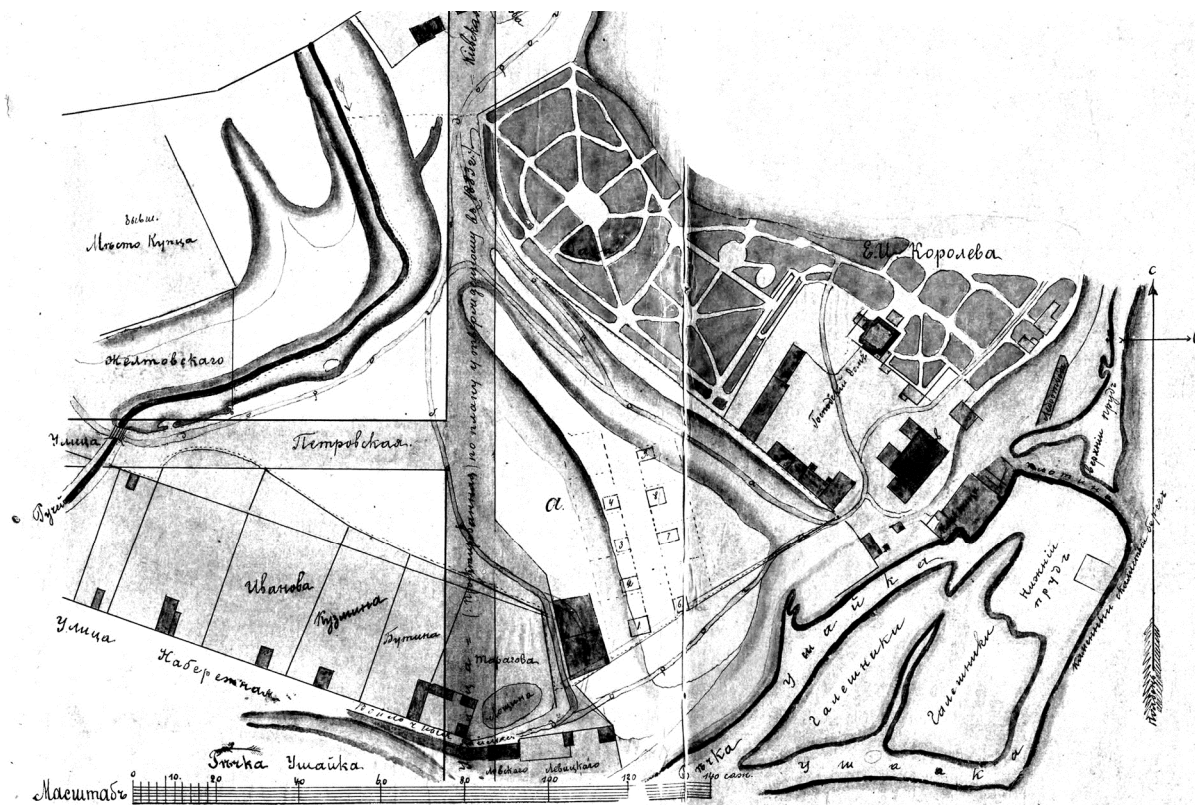

Рис. 3. План участка заимки Е.И Королева на правом берегу р. Ушайки. Конец XIX в. Из фондов ГАТО

Купцы Кухтерины на территории спичечной фабрики выстроили церковь и облагородили обширный участок вокруг нее: высадили небольшую березовую рощу, которая сохранилась и поныне, разбили клумбы.

В конце XIX в. в городе Томске обозначились системные мероприятия по благоустройству города. К началу XX в. его состояние, в сравнении с другими сибирскими городами (Омск, Красноярск), было достаточно благоприятным: общественный водопровод, электрическое освещение, уложенные брусчаткой центральные улицы, благоустроенные сады, парки и бульвары. Но необходимо отметить, что купечество не слишком охотно жертвовало средства в бюджет города для благоустройства

улиц и площадей. Оно участвовало в городском благоустройстве опосредованно, путем заботы о своем имуществе: особняках, доходных домах, заводах, мельницах. Купцы радели о частной собственности, именно в нее они инвестировали средства, заботились об удобстве, внедряли все технические новинки, облагораживали территорию, устраивая мостовые, разводя сады, разбивая цветники. Ведь квартиры в доходных домах, номера в гостиницах с ухоженной приусадебной территорией в первую очередь привлекали потенциальных арендаторов и постояльцев, а оборудованные по последнему слову техники и оснащенные электричеством магазины, – большое количество покупателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / К.А. Анкушева, Г.А. Бочанова и др. ; под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск, 2006.
2. Манонина Т.Н. Благоустройство г. Томска в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 337.
3. ГАТО. Ф. 233. Оп. 4.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41.
5. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2.
6. Баландин С.Н. Архитектура Барнаула. Барнаул, 1974.

7. Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 2008.
8. Усадьба И.Д. Асташева – Томский областной краеведческий музей. Томск, 2000.
9. Грецишчев К.М. Данные для оценки санитарного состояния города Томска // Памятная книжка Томской губернии. Томск, 1913.
10. Шипицын А.Н. Городское хозяйство Томска // Город Томск. Томск, 1912.
11. История названия томских улиц / отв. ред. Г.Н. Старикова. Томск, 2004.
12. ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 2423.
13. Красное знамя. 1994. 1 окт.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 мая 2014 г.

CONTRIBUTION OF MERCHANTS TO THE IMPROVEMENT OF TOMSK IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 135-139. DOI: 10.17223/15617793/388/22

Manonina Tat'yana N. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vzal@mail.tomsknet.ru

Keywords: improvement of the city; lease of municipal land; merchant homestead.

The article studies the questions of improvement of Tomsk, merchants' contribution to the improvement works is defined. The peculiarities of the merchants' participating in the system events of municipalities for urban beautification are described. In the second half of the 19th – early 20th centuries the attitude of the town authorities to beautification changed radically. This change was primarily due to the new law on towns and empowerment of Town Dumas that obtained more opportunities to spend the municipal budget spending on the town needs. The municipality in this period was active in business activities, which provided a wide range of activities for improvement. The Town Council had a specially created Commission directly involved in carrying out systematic measures for improvement of the town: the draining of wetlands, paving, lighting and landscaping of streets and squares. Merchants participated in the financing of urban drainage activities, channeling of soil and sewage waters and street leveling, which was mandatory for all homeowners. Large trading firms often provided additional funds for backfilling and paving streets, ditch and sidewalks drainage devices in their tenements, shops and residential buildings. Improving their property, they thereby improved adjacent territories and streets. Merchants actively involved in greening the city by planting gardens and flower beds on the territories of their houses. Merchants entrepreneurs built factories, and next to the industrial production – cottages with residential houses and outbuildings surrounded by gardens on the rented lands along the Tom, Ushayka and Basandayka Rivers. An important problem of urban development was the state of the carriageway and the pedestrian part of the street. The main streets had wooden bridges for pedestrians (decks and sidewalks), the roadway was graveled and macadamized, between the pedestrian and the road way there were ditches for water drainage. Homeowners were required to keep parts of streets in an operational condition. At the end of the 19th century Tomsk had apparent systematic measures to improve the town. By the beginning of the 20th century its condition, in comparison with other Siberian cities (Omsk, Krasnoyarsk), was quite favorable: public water supply, electric lighting, central streets paved with stone blocks, landscaped gardens, parks and boulevards. But it should be noted that merchants were not too willing to donate funds to the city budget for the improvement of the streets and squares. They were involved in urban development by caring about their property: mansions, tenement houses, factories, mills. Merchants took care of their private property, they invested money, made it convenient, implemented all technical innovations, improved the territory by arranging pavements, planting gardens and flower beds. After all, apartments in tenement houses, rooms in hotels with landscaped gardening area primarily attracted the potential tenant and lodger, and shops equipped with the latest technology, with electricity, of course, attracted a large number of buyers.

REFERENCES

1. Shilovskiy M.V. (ed.) *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The history of public authorities in Siberia of the second half of 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006. 351 p.
2. Manonina T.N. The development of the city of Tomsk at the end of 18 - beginning of 20 century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 337, pp. 92-95. (In Russian).
3. State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 4.
4. State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 41.
5. State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 2.
6. Balandin S.N. *Arkhitektura Barnaula* [Architecture of Barnaul]. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1974. 112 p.
7. Evtropov K.N. *Istoriya Troitskogo kafedral'nogo sobora v Tomske* [History of the Trinity Cathedral in Tomsk]. Tomsk: D-Print Publ., 2008. 476 p.
8. Andreeva E.A. *Usad'ba I.D. Astasheva – Tomskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey* [Homestead of I.D. Astashev – Tomsk Regional Museum]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2000. 47 p.
9. Grechishchev K.M. *Dannye dlya otsenki sanitarnogo sostoyaniya goroda Tomsk* [Data to assess the sanitary state of the city of Tomsk]. In: *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii* [Memorial book of Tomsk Province]. Tomsk, 1913.
10. Shipitsyn A.N. *Gorodskoe khozyaystvo Tomsk* [City economy]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk, 1912.
11. Starikova G.N. (ed.) *Istoriya nazvaniy Tomskikh ulits* [History of Tomsk street names]. Tomsk: D-Print Publ., 2004. 401 p.
12. State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 428. List 1. File 2423.
13. Stoylov E. *Krasnoe znamya*, 1994, 1 October.

Received: 23 May 2014

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРЯДОВ И ГРУПП «КОМСОМОЛЬСКОГО ПРОЖЕКТОРА» ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1965–1991 гг.

Рассматривается момент возникновения органов «Комсомольского прожектора», направления, формы и методы их работы, отличие от аналогичных органов 1920–1930-х гг. Разбирается связь системы «КП» с механизмом, предложенным реформой хозяйственного механизма 1965 г. Реконструируются вертикаль управления «КП», место «КП» в системе советских структур, включая взаимодействие с редакциями местных газет. Обращается внимание, что органы «КП» не только фиксировали недостатки, но и включались в работу по их преодолению.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; Кемеровская железная дорога; контроль; «Комсомольский прожектор» («КП»); ВЛКСМ.

Железнодорожный транспорт представляет собой один из важнейших связующих элементов современной общественной системы. Успех его функционирования зависит от полноты осуществления контроля над ним. В традициях советского обществоведения было принято учитывать высказывания теоретика и одного из создателей советской системы – В.И. Ленина – о том, что важнейшими чертами социализма являются учет и контроль [1. С. 97]. Но – парадокс – среди советских историков тема контроля не пользовалась большой популярностью, а в обществе – спросом. Общественное сознание смогло подняться только до осмысления необходимости многоуровневого и всестороннего контроля и вычленил в этом плане контроль со стороны ВЛКСМ. В 1960–1980-х гг. были изданы сборники нормативно-методического плана [2. С. 200, 201; 3–5]. Неоспоримым достоинством этих изданий для разработки темы в историческом аспекте является то, что в них были предложены основные методические материалы о том, как должен функционировать комсомольский контроль в отдельных отраслях народного хозяйства, в том числе и на железнодорожном транспорте. Материалы по истории комсомольского контроля второй половины XX в. – «Комсомольского прожектора» (далее «КП»), если они появлялись в исторических исследованиях, выполняли скорее иллюстративную роль. В обобщающих работах по истории ВЛКСМ фиксировался момент начала возникновения «КП», формы его организации, характерные «вехи» истории [6. С. 488; 7. С. 164]. Но как реально претворялись в жизнь эти нормы в отдельных сферах общественной жизни – этого историческая наука не показала. Поэтому не случайно вся система контроля оказалась бессильной перед проблемами позднего советского строя.

В новых условиях развития страны не произошло переосмысления темы контроля в СССР, а это значит, что общественное сознание не завершило процесс осмысления уроков прошлого. Поэтому главной целью статьи ставится выявление эффекта и парадокса в организации контроля в рамках одной из самых многочисленных структур советской системы – органов «КП». В этом поможет рассмотрение некоторых проблем в одной из отраслей советской экономики, железнодорожном транспорте. Хронологические рамки ограничены серединой 1960-х – рубежом 1980–

1990-х гг., периодом, когда началась, продолжалась и завершилась полоса неудачного (для конкретной системы) реформирования советского строя. Территориально исследование ограничено зоной дислокации кузбасских отделений Западно-Сибирской, а с 1979 г. – Кемеровской железной дороги, на которые приходилось более половины погрузочных ресурсов Западной Сибири.

В основу работы положены материалы фондов ВЛКСМ Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), фондов Кемеровского и Томского областных комитетов ВЛКСМ соответственно Государственного архива Кемеровской области (ГАКО) и Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), а также материалы прессы – изданий органов Кемеровского и Томского обкомов ВЛКСМ. Это газеты «Комсомолец Кузбасса» (с приложением «Гренада») и «Молодой ленинец» (с приложением «60-я параллель»), а также орган управления и профсоюзной организации Кемеровской железной дороги – газета «Железнодорожник Кузбасса».

Конечно, в составе информации, предлагаемой этими источниками, есть свои проблемы. В частности, они заключаются в том, что органы «КП», тем более на транспорте, не были лидирующими среди других структур в региональных комсомольских организациях. Соответственно в отчетах и по линии комсомольской, и по линии железных дорог им не всегда уделялось желаемое для исследователя внимание. Это же относилось и к материалам периодической печати. Это было одним из обстоятельств, которые привели к невниманию исследователей к этой теме в прошлом. Однако при всей прерывистости информационного поля его обработка позволила подойти к выводам, достойным включения их в общий контекст исторического знания.

...«КП» – продукт позднего советского периода. Он возник 16 мая 1961 г. Тогда на одном из совещаний железнодорожников был оглашен тезис: «Надо освещать “прожектором” коммунистического контроля все участки производства, чтобы тот, от кого зависит внедрение новой техники и передовых методов труда, чувствовал, что он находится под контролем общественности». Полагалось, что таким путем и комсомол подключится к борьбе с бюрократизмом, очковитизмом, волокитой, с посягательством на

общественную собственность. Инициаторами выступили москвичи, а в Западной Сибири их почин подхватили в 1962 г. прокопьевские шахтерско-комсомольцы шахт «Коксовая-1» и им. Ф.Э. Дзержинского [8. Л. 41; 9. Л. 27].

Середину 1960-х гг. комсомольцы Западно-Сибирской дороги встретили со вполне сложившейся организационной основой своего контроля. Он был организован по трем основным направлениям, которые наилучшим образом соответствовали возможностям молодежи. Это – борьба за технический прогресс, усиление режима экономии, участие в контроле за соблюдением законов об охране труда и отдыха молодежи. Работу «прожектористов» предстояло лишь приспособить (адаптировать) к условиям хозяйственной реформы 1965 г. На это нацеливало Положение ЦК ВЛКСМ о «КП», принятое в соответствии с решениями декабрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопрос «О преобразовании органов партийно-государственного контроля в органы народного контроля». Учитывая требования времени, ЦК ВЛКСМ произвел переработку Положения и утвердил его на бюро 28 мая 1980 г. [4. С. 168; 10; 11. С. 132–137]. При контроле в области транспортных перевозок «прожектористы»-железнодорожники отслеживали, главным образом, полноту загрузки вагонов, их оборот, состояние путей, график движения составов, сохранность грузов, расходование энергии и топлива. Помимо этого, «прожектористы» нацеливались на осуществление контроля за работой подсобных производств, в частности, предприятий общественного питания. Им предлагалось отслеживать правильность хранения продуктов питания, соблюдение правил отпуска готовой продукции, качество подготовки блюд в столовых и состояние мест питания.

Как же была организована деятельность «КП»? Имели место централизованное политическое и методическое руководство. Политическое руководство проявлялось в том, что «прожектористы» являлись структурой всех комитетов (бюро) комсомола – от центрального до местного, на предприятиях, в организациях и учреждениях. Еще в ноябре 1962 г. в обкомах и крайкоме ВЛКСМ регионов Западной Сибири были созданы областные и краевой штабы «КП». Как и было положено в рамках административной системы, штабы «КП» возникли на уровне горкомов и райкомов ВЛКСМ, при узловых комитетах ВЛКСМ на железнодорожном транспорте, на отдельных предприятиях, где штабы опирались на группы и посты, состоящие из рядовых работников – «дозорных». Вертикаль штабов «КП» осуществляла методическое руководство движением.

На железнодорожном транспорте наиболее активной была деятельность «прожектористов» на крупных станциях, где проходила основная грузовая работа и работа с подвижным составом. О массовости распространения движения «КП» по Кемеровской железной дороге говорят такие цифры: на начало апреля 1983 г. здесь действовало 346 штабов и постов «КП» [12. С. 1].

Как и практически все официальные институты в советской системе, органы «КП» строили свою деятельность на основе принимаемого плана, учитываю-

щего решения вышестоящих своих органов, органов комсомола, КПСС и текущее состояние дел. Штабы призваны были действовать в рамках советского законодательства, но при комитетах комсомола, в тесной взаимосвязи с органами народного контроля, а через них – и с соответствующими органами КПСС. Проводились совместные заседания комитетов комсомола и штабов «КП» [13. Л. 18; 14. Л. 41, 47–48; 15. Л. 17].

Основной формой работы было проведение рейдов (проверок) по отдельным объектам с целью дальнейшей рационализации погрузочно-разгрузочных работ, пресечения сверхнормативных простоев и нарушений дисциплины. Формально «КП» представлял собой серьезную силу. Считалось, что в среднем по стране каждая третья общественная проверка проводилась при участии «КП». Обычно проверялись (отслеживались) хронометраж штатных действий, соблюдение правил хранения грузов, ГСМ и т.д.

Деятельность «КП» не ограничилась проведением только рейдов. На Беловском узле она включала в себя и субботники по расчистке подъездных путей, тупиков. Для лучшей организации работы вся территория города была разбита на 8 участков. За каждым из них был закреплен один из членов штаба. На участках были организованы дежурные группы. Всего к ноябрю 1985 г. только по Кемеровской области в подобных акциях участвовали более 1 000 комсомольцев [16. Л. 51, 52].

В развитии движения «КП» возникали и другие формы. Так, в годы VIII пятилетки (1966–1970 гг.), одной из удачных в СССР, на Буйском отделении Северной железной дороги возникла идея создания комсомольско-молодежного маршрута пятилетки. В Западной Сибири этот почин был поддержан в Кузбассе. Здесь в середине 1960-х гг. (данные на 1966 г.) возник комсомольский штаб по борьбе с простоями вагонов при Киселевском горкоме ВЛКСМ. Начальником его был утвержден инженер погрузочно-разгрузочного управления, молодой тогда коммунист Алексей Сосновский. На всех предприятиях города, связанных с погрузкой угля (а таких было 23), были организованы посты «КП» в составе 3 человек. Штаб заседал 1 раз в месяц. Одной из действенных его форм было проведение рейдов. Смысл их был в том, чтобы не только выявить негативные факторы, но и помочь сформулировать причины их возникновения. Гласность им давали выпуски стенгазет («оконов»). На базе их должны были проводить занятия с «постовыми» города. Эти и другие формы работы применялись и на других территориях области [17. Л. 2; 18. Л. 51].

Технология работы заключалась в том, что комиссия «прожектористов» по согласованному плану с комитетом ВЛКСМ, а подчас и вместе с группой народного контроля, выявляли несоблюдения правил загрузки / выгрузки вагонов, проверяли правильность хранения объекта, соблюдения экономии электроэнергии (например, электроосвещение в дневное время), наличие остекления помещений, целостность ограждения, отсутствие посторонних предметов, грязи на погрузочных площадках, простои вагонов, их чистоту, качество тары для сыпучих грузов (например, для удобрений на НКХК), оборот вагонов, коли-

чество и качество механизмов погрузки и разгрузки вагонов и т.п.

В работу железнодорожников включались и представители смежных предприятий-грузополучателей и предприятий-грузоотправителей. Так, уже в конце июня 1966 г. аналогичный штаб по борьбе с простоями вагонов был организован в железнодорожном цехе НКХК. Руководил им секретарь комсомольской организации Виктор Айкин. Штаб опирался на 7 постов, организованных на погрузочно-разгрузочных площадках комбината. С июля по ноябрь 1966 г. силами постовых, как тогда писали, к «железнодорожному составу пятилетки» было «прицеплено» 128 вагонов. Такие же штабы были созданы и соответствующая работа была проведена комсомольцами Новокузнецкого алюминиевого завода [17. Л. 3, 6, 7]. Здесь (благодаря и «прожектористам») в среднем за месяц 1966 г. удавалось к «железнодорожному составу пятилетки» «прицеплять» 610 вагонов, т.е. столько вагонов удалось высвободить под дополнительную погрузку. По инициативе тайгинцев был создан Ленинский фонд экономии вагоно-часов – 200 тыс. Достижением тайгинцев стало увеличение дополнительной нагрузки на вагон в пределах 700–800 кг за счет уплотнения груза (т.е. рациональное размещение в вагоне или укатка сыпучих материалов) и сокращение времени, потраченного на разгрузку вагонов [19. Л. 69].

В основе организации соревнования – рациональное определение рабочих мест, распределение между соревнующимися участками работы (ответственности) и поиск каждым участником путей сокращения времени (до минуты) на каждую рабочую операцию, выявление каждой потерянной минуты конкретным человеком. Цель – сделать своим первым контролером рабочую совесть. Органичной мерой стала поддержка обращения комсомольско-молодежной колонны имени 50-летия ВЛКСМ локомотивного депо станции Тайга ко всем комсомольско-молодежным коллективам сети дорог СССР: повысить производительность труда и экономить электроэнергию. Все 58 членов коллектива стали ударниками коммунистического труда.

От года к году масштабы работы росли. В 1978 г. комсомольско-молодежная смена станции Тайга, возглавляемая бригадиром Г. Шадриным, «прицепила к составу пятилетки» 24 190 вагонов. Попутно выявлялись неисправные вагоны. В подобных вагонах ежегодно терялось до 1,5 млн т угля. Только за 1976–1978 гг. комсомольцам станции Тайга удалось выявить до 300 тыс. некондиционных вагонов [18. Л. 50, 51].

Область контроля над оборотом вагонов была одной из тех в практике общественного контроля, где, прежде всего, низовыми органами КПСС организовывалось взаимодействие комитетов народного контроля и «Комсомольского прожектора», газет «Комсомолец Кузбасса» и «Железнодорожник Кузбасса», «Молодой сибиряк» и др. Комсомольские издания не только фиксировали проблемы и достижения «КП». Они сами принимали участие в организации мер (операций) общесоюзного значения. Так, в 1983 г. рейд «КП» на погрузочных станциях проводил «Комсомолец Кузбасса».

Источники отмечают развитие объекта контроля у «прожектористов» на железнодорожном транспорте. Сначала деятельность их ограничивалась выявлением фактов простоя вагонов. Затем к этому добавились вопросы обработки груза в вагонах, их ремонт и дальнейшая подготовка к новому циклу работы. При этом обращалось внимание на внедрение достижений науки и техники, организацию соревнования. Позже вышли на соблюдение правил эксплуатации железных дорог СССР в части содержания сооружений, устройств, дорожного хозяйства, сохранности подвижного состава и безопасности движения в местах погрузочно-разгрузочных работ. Один из таких рейдов по проверке эффективного использования вагонного парка прошел в феврале – марте 1981 г. в рамках Всесоюзного рейда. Разрозненные действия «прожектористов» в середине 1980-х гг. стали объединяться в согласованные акции под условным названием «операции». Одни из них – операция «Магистраль» – была проведена в 1985 г. В ее рамках к ноябрю 1985 г. было проведено более 40 рейдов «КП», в которых приняли участие 138 дозорных [16. Л. 51].

Рейды и проверки проводились не только местными органами «КП». Сам ЦК ВЛКСМ создавал бригады по проверке тех или иных вопросов. Так, в январе 1980 г. такая бригада проверяла состояние трудовой дисциплины среди молодых рабочих г. Томска. Материалы ее работы распространяются и на аналогичную категорию железнодорожников. Главные мотивы их поступков заключались не только в личной недисциплинированности молодых томичей, но и в попустительстве и недисциплинированности со стороны руководства, в пассивности подавляющего большинства общества, в пренебрежении к участию в соревновании, в бытовой необустроенности, в превышении практически в два раза средней зарплаты рабочего над зарплатой ИТР, в отсутствии должного учета, в пассивности повышения своего образовательного уровня и т.д. [20. Л. 9–82].

Инициатива в «одной точке» рождала «принцип домино»: контроль над оборотом вагонов стимулировал к более производительной работе локомотивщиков, смежников дороги. В частности, широкий общественный резонанс получил почин «прожектористов» локомотивного депо станции Тайга: сократить на 1 ч простой электровазозов на всех видах ремонта. Это позволило сократить простой электровазозов и увеличить пары локомотивов на 2 единицы в сутки, что способствовало экономии 70 тыс. руб.

От организации работы штаба «Комсомольского прожектора» на одной станции тайгинцы перешли к созданию кольцевого «прожектора»: т.е. к созданию связи между штабами сопряженных станций и подъездными путями предприятий и принятию между ними согласованных решений. Штабы действовали на предприятиях (НКХК, АТЗ и др.) Заводского района г. Кемерово, на станциях Белово, Ленинск-Кузнецкий, на КМК. Активнее и разнообразнее штабы и посты «КП» на железнодорожном транспорте Западной Сибири работали в Кемеровской области. Здесь к середине 1970-х гг. на станции Тайга по инициативе местного штаба «КП» и при поддержке совета молодых

специалистов локомотивного и вагонного депо, а также служб обеспечения безопасности движения была создана единая комсомольско-молодежная смена, ставшая коллективным членом «КП». Она одна отвечала за техосмотр, формирование, погрузку и отправку поездов и усилила степень согласования работников разных профессий.

По примеру тайгинцев такую же смену создали беловчане. Вместе они, установив контакт с народными контролерами, вступили в борьбу за создание комсомольско-молодежного маршрута пятилетки. Но проблемой стало взаимодействие со смежниками. Поэтому настоящего кольцевого контроля установить не удалось. Это зафиксировал семинар «прожектористов» области, состоявшийся в июне 1975 г. в Новокузнецке.

Идею развили в Междуреченске, где был накоплен опыт организации «кольцевого контроля» над вагонами угля от погрузки до разгрузки. Это позволило объединить усилия всех основных смежников, укрепить плановую дисциплину, вовлечь в общую работу общественные силы. Областное совещание представителей штабов и постов «КП», проходившее под эгидой Кемеровского обкома ВЛКСМ 25 марта 1985 г., высказалось за то, чтобы подобная форма работы была налажена в других отраслях народного хозяйства и на территории всей области. Стык отраслей стал одной из точек роста потерь, он рассматривался даже как основная точка роста этих потерь. В числе территорий, где «прожектористы» были привлечены к контролю над минимизацией простоя товарных вагонов, были станции Мыски, Топки, Предзаводская (в г. Кемерово), станции Новокузнецка. Но в целом для комсомола второй половины 1980-х гг. это оказалось неподъемной задачей. Общественная пассивность стала непреодолимым препятствием.

В зоне внимания «прожектористов» была и производственная сфера. Совершались рейды по столовым и другим точкам. Так, проверяя столовую № 4 ОРС Тайгинского отделения Западно-Сибирской железной дороги (НОД-5), «прожектористы» отметили факты отсутствия должного оборудования обеденного зала, несоответствия меню и имеющихся блюд в ассортименте.

Документы 1981 г. оставили истории оценку состояния общепита железнодорожников на предприятиях Кемеровской железной дороги. Что-то вызвало проверку этой области производственного быта. Проверка показала, что обеспеченность предприятиями питания на объектах железнодорожного транспорта составляла только 50%: на 37 предприятиях из 75. Они располагали только 1 650 посадочными местами. А по нормативам таких мест должно было быть 3 238. Проверкой было установлено, что многие столовые были размещены в помещениях, требующих ремонта, содержались в антисанитарном состоянии, не были обеспечены достаточным количеством технологического и холодильного оборудования. Документ отмечает дефицит столовых приборов, спецодежды, моющих и дезинфицирующих средств. В предлагаемых меню виделось однообразие при малом количестве овощных, рыбных и молочных блюд. Проверка отме-

чает также низкую калорийность и низкое качество предполагаемых блюд. Это объяснялось нарушением норм закладки продуктов. Значительная часть работников железнодорожного транспорта (путевые рабочие, локомотивщики, проводники и др.) требовала горячего питания в вечерние и ночные смены. А обеспечить это обеспечить мог далеко не всегда. Но этими проблемы не ограничивались. «Прожектористы» фиксировали случаи недовеса отпускаемых блюд (до 25 г), реализацию продукции с истекшим сроком хранения.

Не лучше было и в области ведомственной торговли: в магазинах Дорожного управления рабочего снабжения получили распространение факты нарушения правил торговли дефицитными продовольственными и промышленными товарами. К ним относились факты реализации товаров через базы, минуя торговую сеть, неорганизованное самоснабжение работников торговли, продажа через торговую сеть товаров без разрешения (преимущественно это касалось виноводочной продукции), утаивание товаров от покупателей для использования их в последующем в корыстных целях. Имело место нарушение документальной отчетности. В 1981 г. эти факты (с указанием номеров магазинов и столовых) выявились на предприятиях Новокузнецкого и Тайгинского отделений.

Это означало, что в обеденные перерывы работников ожидали очереди, единственной альтернативой было питание принесенными из дома продуктами. Но доступные продовольственные торговые точки далеко не всегда предлагали желаемый ассортимент продуктов. Это не могло не способствовать формированию негативного отношения к строю. Итоги проверок протоколировались и фиксировались в акте. Акт передавали в штаб, а там — по инструкции-положению — «вверх» по ступеням комсомольского управления. Итоги и рекомендации возвращались тем структурам, в которых осуществлялась проверка. В наиболее отработанных схемах функционирования «КП» поступившие сигналы обобщались, выстраивались соответствующие рекомендации. Их направляли сторонам, проводились совещания как в отдельных организациях, так и с несколькими конфликтующими сторонами.

Ряд материалов предавался гласности через местную печать — областные, городские, многотиражные газеты или боевые листки. Кружок кинолюбителей в 1966 г. начал снимать документальный фильм «Тайгинская прицепка к комсомольско-молодежному маршруту пятилетки». В начале 1980-х гг. в топкинской газете «Ленинский путь» ежеквартально выходил «Листок народного контроля», где помещались материалы рейдов «прожектористов». Но публикации были фрагментарным явлением и обычно не сопровождались развернутым анализом. Поэтому при изучении газет создается вполне благопристойное впечатление о прошлом.

Преобладающее направление работы прожектористов определялось профилем производственного, транспортного и т.д. подразделения. Так, для «КП» транспортно-погрузочных управлений и железнодорожных узлов ведущей формой стала работа по эффективному использованию железнодорожных вагонов

и сокращению простоя вагонов под погрузкой и выгрузкой. В документах представлен положительный опыт Краснобродского ПТУ и Беловского железнодорожного узла [8. Л. 41, 42].

В 1979 г. проводился Всесоюзный рейд «Комсомольского прожектора» по эффективному использованию вагонного парка.

В конце 1970-х гг. «КП» в Кемеровской области принял участие в работе по организации экономного расхода энергетических ресурсов. В частности, в 1979 г. Беловский городской штаб «Комсомольского прожектора» приступил к рейдам по локомотивному депо станции Белово. В ходе их было достигнуто признание опыта комсомольско-молодежных колонн № 1 и 6, которыми руководили Владимир Васильевич Закусилов и Михаил Валентинович Денисов. 7 февраля 1981 г. Кемеровский городской штаб «Комсомольского прожектора» и штабы «Комсомольского прожектора» Кемеровской железной дороги провели рейд по эффективному использованию вагонного парка. В ходе его были выявлены факты перепростоя вагонов как на самой станции Предкомбинат, так и на подъездных путях ПО «Азот», ПО «Химпром». Рейды-проверки проводились штабом «КП» Междуреченского горкома ВЛКСМ. 16 октября 1981 г. ЦК КПСС принял Постановление «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией». Во исполнение его 20 декабря 1982 г. был утвержден план мероприятий обкома ВЛКСМ. 28 декабря 1983 г. Кемеровский обком ВЛКСМ рассмотрел вопрос «О ходе выполнения постановления (Кемеровского. – С.М.) обкома КПСС «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС от 16 октября 1981 г. «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией».

В соответствии с ним 13 января 1983 г. было проведено совместное бюро обкома ВЛКСМ, Коллегии УВД Кемеровского облисполкома и Кузбасского УВД на транспорте «О совместной работе комсомольских организаций и подразделений БХСС г. Кемерово по борьбе со спекуляцией, нарушениями правил советской торговли, хищениями социалистической собственности». Были проведены совещания секретарей горкомов, райкомов ВЛКСМ и сотрудников ГОВД, РОВД по усилению работы по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи, семинары-совещания и учебы командиров и комиссаров ОКОд, селекторные совещания, целевые командировки бригад по городам и районам Кемеровской области со сложной оперативной обстановкой.

На железнодорожном транспорте к работе по сохранности грузов были привлечены общественные комсомольские отряды. Всего на станциях Кемеровской железной дороги было образовано 22 таких отряда и 9 специализированных групп. Была разработана специальная программа «Транспорт». В рамках этой программы за 1983 г. провели 462 рейда. В ходе их задержали 111 подростков с похищенным грузом, 32 – за повреждение средств сигнализации и связи, 18 – за разоборудование автосельскохозяйственной техники, 668 – за нарушение правил поведения на железнодорожном транспорте. 22 февраля 1985 г. бю-

ро Кемеровского обкома ВЛКСМ рассмотрело вопрос «О дальнейшем повышении роли комсомольских организаций, отрядов “Комсомольского прожектора” в борьбе за экономию и бережливость». Постановление обязало пересмотреть структуру отрядов «Комсомольского прожектора», привести ее в соответствие с положением.

В комсомольской организации Междуреченска к 1985 г. удалось найти резервы для погрузки в вагоны дополнительно десятков тысяч вагонов угля. Примечательна судьба этой инициативы. Ее опыт был обобщен и рекомендован Кемеровским областным штабом «Комсомольского прожектора», в Междуреченске был проведен семинар по распространению этого опыта. Однако опыт комсомольцев Междуреченска не прижился в других городах. Реакция администрации предприятий на такие рейды была различной, обычно положительной. Нарушителей, особенно если то были рядовые работники, «разбирали» на различных собраниях первичных организаций КПСС, ВЛКСМ, профсоюзных, рабочих или на заседаниях бюро, комитетах первичных организаций КПСС, ВЛКСМ, профсоюзных организаций.

«КП» 1960–1980-х гг. работал в условиях мобильного правового регулирования. Поэтому условиями работы «прожектористов» (в отличие от «кавалеристов» 1920–1930-х гг.) стала правовая учеба. Уже в середине 1960-х гг. ведущей формой обучения стали семинары, где слушателей знакомили с новыми нормативными документами, а они имели возможность обменяться опытом, обсудить пути применения старых или новых норм.

Одной из форм учебы стали семинары, совещания и слеты молодых железнодорожников. Полоса их была проведена во второй половине 1960-х гг. На форумах обсуждался положительный опыт и проблемы работы транспорта, формировались предложения по их решению. Для железнодорожников форумы проводили ЦК ВЛКСМ, Кемеровский обком ВЛКСМ совместно с Управлением Западно-Сибирской железной дороги. Они демонстрировали растущий размах движения: 27 штабов, 800 постов и отрядов, объединявших свыше 6 тысяч юношей и девушек [21. Л. 42–52]. В среднем каждый 16-й комсомолец области на рубеже 1960–1970-х гг. участвовал в движении контролеров [22. Л. 203]. Выявлялись лучшие «прожектористы». Они награждались почетными грамотами горкомов и обкомов ВЛКСМ, значком ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику производства».

Так за десятилетия (1960–1980-е гг.) сформировался формально четкий механизм комсомольского контроля, который взаимодействовал с другими видами этой деятельности. Вроде бы создавались условия для поступательного и согласованного последующего действия. Только в Кемеровской области было создано 6 600 штабов и постов «КП». Они объединяли возможности 29 тыс. человек [10]. Сложилась практика не только совместной работы с органами народного контроля, рейдов и проверок, смотры, но и учебы актива [16. Л. 68, 69]. В этом – эффект организации и действия «КП». Но почему же этот механизм в числе подобных не сберег советский строй?

Во-первых, контролировались и «освещались» «прожектором» не столько актуальные «болевы» точки развития, сколько те, которые хотелось бы видеть власти – внешние проявления глубинных проблем. К анализу последних по разным причинам руководство и общественное мнение было не готово. Оно уже не стремилось загрузить себя работой, да и средств воздействия у системы уже практически не оставалось.

И не случайно – ведь проверяли по плану и обычно то, против чего не возражало руководство. Кстати, оно тоже влияло на планирование рейдов, а после них – на планируемое устранение недостатков. И появлялись конвейерные линии, что давало возможность сокращения грузчиков, цементирования погрузочных площадок, на погрузочной площадке Беловской ЦОФ благодаря инициативе «прожектористов» удалось в 1970 г. организовать труд во вне рабочее время и реконструировать систему толкателя железнодорожных вагонов и т.д. [18. Л. 74, 77; 22. Л. 85] Получалась в целом положительная картина, которая хорошо «укладывалась» в отчеты.

Во-вторых, работу инициативных контролирующих общественных структур сдерживало то, что транспортные цеха на промышленных предприятиях не были развиты ни в материальном, ни в кадровом отношении, а сама система не ставила перед собой задачи оперативно исправить положение. Соответственно, в контроле она не была заинтересована.

В-третьих, сама система не стремилась поступательно совершенствовать свою работу. Она не только не развивала материальную базу, но и медлила с оперативным развитием нормативной базы: нормы и законы не стимулировали работу и ее выполнение, а усложняли [14. Л. 41, 47–49]. Это позволяло улучшать утвержденные показатели, перевыполнять план.

В-четвертых, механизм действия «КП» заключал в себе реальную бесполезность: «прожектористы» наблюдали внешнюю сторону процесса, без документальной основы операций, а потому и без «теневой» сферы. Неравноправность комсомола во взаимоотношениях с КПСС и государством, отсутствие прочной организационной связи с органами суда и прокуратуры не позволяли отслеживать всю цепь реакции госорганов, вмешиваться в процесс их работы. Поэтому даже выявленные факты нарушений далеко не всегда становились предметом полноценного разбора. Изучение доставшихся истории протоколов и стенограмм совещаний с представителями дорог и их клиентами позволяет сделать вывод, что эти форумы в реальной жизни выступали не столько средством согласования интересов ради общего дела, сколько инструментом взаимного обвинения с последующим «потоплением» вопроса в бумажном валу. Партийно-государственный аппарат возглавил и нейтрализовал эту форму общественной деятельности, превратив ее в удобный для себя способ «выпуска пара недовольства» и выявления дополнительных резервов. Одновременно это позволяло освобождать госаппарат от части ответственности за положение дел.

В-пятых, негативное влияние на развитие движения «КП» оказало снижение чувства ответственности у молодого поколения в рамках советской политиче-

ской доктрины [23]. Новые пополнения советской молодежи все сильнее преобразовывались в состояние «потерянного поколения». Ей было уже не до борьбы за коммунистическое будущее.

Другая сторона этой проблемы. Уже говорилось об инициативе комсомольцев НКХК, поддержавших создание штаба по борьбе с простоями вагонов. Однако здесь же не обошлось без проблем: инициативу химкомбинатовцев не поддержали клиенты путей НКХК, дававшие 70–80% перепростоя вагонов. Это – домостроительный комбинат и трест ЖБС («Железобетонстрой») [17. Л. 3]. То есть комитет Заводского райкома ВЛКСМ г. Кемерово не смог выполнить свои функции координатора действий.

Как показывают разные материалы, это была не проблема одного, даже крупного райкома комсомола. Этой «болезнью» в той или иной степени страдала вся вертикаль КПСС как центра советской системы. Поэтому возникает естественный вопрос: а насколько реально признавалась официальная программная цель партийным аппаратом и насколько ей соответствовала реальная деятельность советского руководства? О неустойчивости этой цели свидетельствует и «кампанейский» подход к, казалось бы, нужному приему работы, при котором рывки активности и творчества перемежались паузами покоя. Конечно, на короткий срок это давало некоторый положительный эффект, на что указывали справки [18. Л. 48, 49, 60]. Но впоследствии положение усугублялось. Это подтверждает и тот факт, что довольно часто при характеристике положения дел проверяющие структуры отмечали малочисленность движения, слабую связь с несоюзной молодежью (т.е. не комсомольцами, не членами ВЛКСМ) [Там же. Л. 3].

Конечно, был и такой инструмент воздействия, как штрафы и выговоры по партийной (КПСС) и хозяйственной линии. Но первые были относительно невелики (например, в 1965 г. в Кемеровской области они составляли в среднем 15–250 руб. в месяц) и взымались с предприятий, а не с конкретных лиц. В конечном счете за просчеты руководителей отвечал весь коллектив. Что касается выговоров, то до определенной степени они далеко не всегда влияли на виновника сбоев: в условиях неразвитой судебной процедуры выявление нарушителя могло носить субъективный характер. И система вынуждена была неофициально это признавать. Это стимулировало попустительство и безнаказанность в обществе.

Таким образом, 1960–1980-е гг. ознаменовались новой полосой активизации контрольных функций у ВЛКСМ. Вполне естественен вопрос: чем же «легкая кавалерия» ВЛКСМ 1928–1940-х гг. отличалась от «КП» 1960–1980-х гг.?

Сравнительный анализ позволяет построить ответ таким образом. «Кавалеристы» прошлого должны были «воевать» с бюрократами, спекулянтами, лодырями, бракоделами в условиях двух обстоятельств: наличия заряда и силы энтузиазма, соединенной с поддержкой этой борьбы со стороны партийно(ВКП(б))-государственных структур. Это действие имело логическое завершение – обвинение в политическом содержании выявленного негативного дей-

ствия и определенную гласную административно-правовую ответственность.

В 1960–1980-х гг. системой было доверено «КП» решать эти же проблемы в условиях прогрессирующего ослабления энтузиазма молодежи, соединенного с примирением к бесхозяйственности у партийно(ВКП(б))-государственных структур, сокрытием негативных явлений. Поэтому одной из проблем работы «КП» было отсутствие должной оперативности в проведении проверки.

Административная сила комсомола, тесно связанного с КПСС, ушла на то, чтобы задержать этот процесс до поры до времени, до вызревания в обществе нового социального лидера. Это сдерживание имело диалектическое значение. Оно не только сдерживало социальное развитие новых поколений, но и позволило «не распылить» силы будущего, не обескровить их на ранней стадии. Кроме этого, нельзя не учитывать, что и в комсомольской среде шел процесс формиро-

вания новых сил и новых настроений. Среди этих тенденций нельзя не отметить такие, как практика самозарабатывания, практика основ предпринимчивости, практика внутреннего критического обсуждения окружающей системы. Без этого был бы невозможен отказ от советского прошлого.

Но главное – отсутствие стимулов для регулирования работы транспорта и эффективных мер воздействия. Их поздняя советская система утеряла: отказавшись от мер 1930–1940-х гг., она оказалась не в состоянии выработать новых, соответствующих новым историческим условиям – условиям, формируемым экономической реформой 1965 г. Сразу заметим: вопрос о достаточности этой реформы здесь не разбирается, но развитие этой темы на уровне изучения причин, условий, содержания и последствий этой реформы позволит на новом качественном уровне рассмотреть многие темы не только советской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1969. Т. 33.
2. Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1974. Т. 35.
3. Комсомольский прожектор : справочник / авт.-сост. К.Б. Богущкий, Н.И. Вшанов, Н.В. Еськов, В.В. Жуков, О.А. Ильин, В.Б. Каширская, В.А. Смирнов. М. : Молодая гвардия, 1976. (Б-ка комсомольского активиста).
4. Комсомольский прожектор (Справочник) / сост. В.С. Евдокимов, Л.С. Толочная. М. : Молодая гвардия, 1986. (Б-ка комсомольского активиста).
5. Под острым углом: В помощь активистам «Комсомольского прожектора» / сост. Е.П. Гноевой. Киев : Молодь, 1981.
6. Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Молодая гвардия, 1978.
7. Очерки истории ВЛКСМ (в поисках истины) : в 2 т. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. Т. 2.
8. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-126. Оп. 13. Д. 16.
9. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 15. Д. 23.
10. Захаров В. Самый надежный союзник // Комсомолец Кузбасса. 1976. 22 янв. № 9 (6552).
11. Положение о «Комсомольском прожекторе»: Утверждено решением Бюро ЦК ВЛКСМ № 32/9 от 28.05.80 // Комсомольский прожектор (Справочник) / сост. В.С. Евдокимов, Л.С. Толочная. М. : Молодая гвардия, 1986.
12. Железнодорожник Кузбасса. 1983. 2 апр.
13. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 30. Д. 61.
14. Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 37. Д. 80.
15. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 18. Д. 26.
16. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 38. Д. 26.
17. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 13. Д. 58.
18. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 26. Д. 1.
19. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 13. Д. 62.
20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 37. Д. 549.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 37. Д. 131.
22. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 15. Д. 94.
23. Железнодорожник Кузбасса. 1981. 20 янв.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 июля 2014 г.

THE ACTIVITY OF "KOMсомол PROJECTOR" DETACHMENTS AND GROUPS ON THE INCREASE OF RAIL TRANSPORT WORK EFFICIENCY IN WESTERN SIBERIA IN 1965 – 1991

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 140-147. DOI: 10.17223/15617793/388/23

Mishenin Sergey E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: s-e-m-57@mail.ru

Keywords: rail transport; Kemerovo railway; control; "Komsomol projector" ("KP"); All-Union Leninist Young Communist League.

In the article the author notes that the success of the operation of railway transport depends on the completeness of control over it. The author also states that in the ideological-normative construction of the socialism Bolshevik-Leninist model which the main carriers of the Soviet system formally adhered to until its collapse, with most important features of accounting and control. The domestic historians including the Soviet epoch ones fixed paradoxically little attention to the above-mentioned features. The author acknowledges the diversity of forms of control and accounting in the Soviet system, and sees a specific form of control by the units and groups of "Komsomol Projector" ("KP") – a special structure in the Young Communist League responsible for public control over the permissible aspects of life in the USSR by members of the Komsomol. The professional interest of the author is the development of rail transport in Western Siberia in a variety of related subjects. In the past of the Soviet history workers of the industry had many important initiatives. Among them was the organization of "KP". This direction and form of work became an All-Union phenomenon. The principal features of it appeared in the history of the Kuzbass offices of the West Siberian, since 1979 Kemerovo

Railway in 1965 – 1991. The article shows the moment of establishment of "KP" bodies, directions, forms and methods of their work, unlike similar bodies of the 1920-1930s. The author analyses relationship of the "KP" system to the mechanism proposed by the economic mechanism reform in 1965. The author reconstructs the chain of "KP" administration. "KP" is seen by the author in the Soviet structures, including the interaction with the editors of local newspapers, organization of raids, joint press organs and people's control. The author notes that "KP" organs did not only point out the defects, but also joined in to overcome them. The work of "KP" bodies is critically evaluated: the author points their positive role and gives the reasons that neutralized the efforts of "projector-ists". The author focuses on the mutual influence of "KP" and the Soviet system in the context of the recent crisis. In the end, the author concludes that the late Soviet system lost incentives to regulate the transport and find effective measures to influence the disadvantages. Rejecting the measures of the 1930-1940s, the system was not able to work out new, historically appropriate conditions generated by the economic reform in 1965. In the conclusion, the author encourages researchers to pay more close attention to the causes, conditions and consequences of this reform, which will enable a new level of quality to explore many of the themes of not only the Soviet history.

REFERENCES

1. Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1969. Vol. 33.
2. Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1974. Vol. 35.
3. Bogutskiy K.B., Vshanov N.I., Es'kov N.V., Zhukov V.V., Il'in O.A., Kashirskaya V.B., Smirnov V.A. *Komsomol'skiy prozhektor: spravochnik* [Komsomol Projector: reference book]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1976.
4. Evdokimov V.S., Tolochnaya L.S. *Komsomol'skiy prozhektor (Spravochnik)* / [Komsomol Projector (reference book)]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1986.
5. Gnoevoy E.P. *Pod ostrym uglom: V pomoshch' aktivistam "Komsomol'skogo prozhektora"* [At an acute angle: helping the activists of "Komsomol Projector"]. Kiev: Molod' Publ., 1981.
6. Volodin V. *Slavnyy put' Leninskogo komsomola. Istoriya VLKSM* [The glorious path of Lenin Komsomol. History of the Young Communist League]. 2nd edition. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1978. 590 p.
7. *Ocherki istorii VLKSM (v poiskakh istiny): v 2 ch.* [Essays on the history of the Komsomol (in search of the truth). In 2 parts]. Saratov: Saratov State University Publ., 1991.
8. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 13. File 16.
9. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 15. File 23.
10. Zakharov V. Samyy nadezhnyy soyuznik [The surest ally]. *Komsomolets Kuzbassa*, 1976, 22 January, no 9 (6552).
11. Polozhenie o "Komsomol'skom prozhektore": Utverzhdeno resheniem Byuro TsK VLKSM № 32/9 ot 28.05.80 [The regulation on "Komsomol Projector": Approved by the Bureau of the Central Committee of the Komsomol of 28th May 1980, Decision no. 32/9]. In: Evdokimov V.S., Tolochnaya L.S. *Komsomol'skiy prozhektor (Spravochnik)* / [Komsomol Projector (reference book)]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1986.
12. *Zheleznodorozhnik Kuzbassa*, 1983, 2 April.
13. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 30. File 61.
14. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 37. File 80.
15. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 18. File 26.
16. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 38. File 26.
17. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 13. File 58.
18. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 13. File 62.
19. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 26. File 1.
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 37. File 549.
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 37. File 131.
22. State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-126. List 15. File 94.
23. *Zheleznodorozhnik Kuzbassa*, 1981, 20 January.

Received: 8 July 2014

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИТАЯ И АСЕАН

Рассматривается история развития взаимоотношений Китая с АСЕАН. Анализируются различные сценарии развития диалогового формата в рамках АСЕАН («АСЕАН+3», «АСЕАН+1») с позиции интересов КНР. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что АСЕАН не может безучастно относиться к Китаю. Появление новой региональной структуры оценивается как успех главным образом китайской дипломатии, свидетельство признания Китая в Азии как лидера и локомотора азиатского развития.

Ключевые слова: Китай; АСЕАН; взаимоотношения; сотрудничество; международная политика; регионализм; интеграция; глобализация.

Одним из направлений вовлечения КНР в процесс глобализации является ее участие в регионализации, которая представляет собой необходимый этап экономической глобализации на долгом пути к всемирной интеграции. Китай должен «деятельно включаться в региональное и субрегиональное сотрудничество, особенно в работу восточноазиатской группы, поскольку развитие региональных и субрегиональных организаций не только способствует, но и стимулирует формирование многообразного нового мирового порядка» [1. С. 179]. Кроме того, на азиатских рынках китайская экономика более конкурентоспособна по сравнению с американской, чем на мировых. Китай понимает регионализм как явление, противостоящее глобализму. Олицетворяя взаимозависимость стран и выход интересов экономических субъектов за национальные границы, он, тем не менее, ограничивает сферу их действия региональными рамками [2. С. 26]. Особенность азиатского регионализма состоит в том, что в регионе отсутствует межгосударственная структура типа ЕС. Поэтому политико-институциональный вакуум стимулирует поиск странами Азии вариантов и направлений развития азиатского регионализма, особенно в свете негативных итогов азиатского финансового кризиса 1998 г.

Пекин считает, что в долгосрочном плане подъем Азии является «неодолимой, императивной исторической тенденцией». Обосновывается необходимость продвижения Пекином концепции «азиатского регионализма» и разработки «китайской стратегии регионализма». «Китайская стратегия азиатского регионализма» в первую очередь нуждается в высвобождении от традиций идеологии, свойственной системе старого типа «сюзерен – данник», и внедрении идеологии азиатского согласия, связанной с системой национальных государств, чтобы общая цивилизация будущей Азии служила орудием внутрирегионального сплочения и вместе с тем была своего рода противоядием, предотвращающим слепую нетерпимость и неприятие «открытости» [3. С. 123].

Китай пытается предпринимать шаги, нацеленные на взаимодействие с другими государствами мира на трех уровнях: глобальном – в рамках ВТО и МВФ, сотрудничества с США и ЕС, с «большой семеркой» (восьмеркой); региональном первой значимости – в рамках форумов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Шанхайской органи-

зации сотрудничества (ШОС), Восточно-Азиатского сообщества (ВАС); региональном второй значимости – в рамках форума «Азия-Европа» (АСЕМ), развитие интеграционных связей со странами Африки и Латинской Америки [Там же. С. 124]. Таким образом, Китай имеет все предпосылки для своего превращения в центр наиболее динамично развивающегося региона мира и, на этой основе, в срединное государство новой мировой структуры.

Дружеские связи Китая с Южной Азией берут начало во времена династий Хань и Тан. Китайские деловые сети зародились еще в XIII в. Ведущее положение страны как торговой державы привело к возникновению крупных сообществ китайских предпринимателей во всех странах Юго-Восточной Азии (ЮВА). Объединенные неформальными отношениями, основанными на доверии, китайские деловые сети обеспечивали защиту прав собственности и снижение рисков трансграничной торговли. При этом в отличие от европейской практики торговая интеграция не сопровождалась колониальными захватами и политическим доминированием.

Начиная с XV в. китайские купцы успешно встраиваются в систему мировой торговли, созданную европейцами. В XIX в. за пределами Китая в Юго-Восточной Азии проживало уже больше 2 млн китайцев. К середине XX в. совокупные инвестиции диаспоры в экономику Китая составили почти 130 млн долл. (по курсу 1937 г.) [4. С. 26]. К примеру, Вьетнам и Китай – страны-соседи, история взаимоотношений которых уходит в глубь веков и насчитывает более двух тысяч лет. Геополитика и идеология всегда влияли на характер вьетнамо-китайских связей. В древности и Средневековье добрососедство сменялось войнами, был период почти тысячелетнего принудительного вхождения Вьетнама в состав Китайской империи. Освободившись, Вьетнам вплоть до конца XIX в. оставался на положении номинального вассала-данника феодального Китая [5. С. 107]. Господствовавшее во Вьетнаме веками конфуцианство пришло туда из Китая, отсюда же проникал и буддизм. Конфуцианство обусловило культурно-идеологическую близость и общность многих социальных институтов Вьетнама и Китая. Именно в конфуцианской идеологии находила свое обоснование и та форма межгосударственных отношений, которая связывала Вьетнам с Китаем и была основана на признании Вьетнамом культурного и политического превосходства Китая.

Революция 1949 г. в КНР привела к массовой эмиграции из континентальной части страны, что лишь увеличило масштабы трансграничных сетей. Открытие экономики в результате реформ сопровождалось восстановлением контактов с аналогичными неформальными сетями в КНР.

По разным оценкам, сегодня китайское население Юго-Восточной Азии составляет от 20 до 30 млн человек, оно контролирует значительную часть экономических активов региона. К примеру, в Малайзии на его долю приходится почти треть населения и две трети экономики, в Индонезии – около 3% населения и 70% активов, в Таиланде – соответственно 10 и 90%. Интерес китайского бизнеса к странам Азии постоянно растет. Если в 1972–1991 гг. на них приходилось лишь 14,5% ПИИ (прямые иностранные инвестиции), вложенных китайскими ТНК в неторговый сектор, то в 1992–1996 гг. этот показатель вырос более чем вдвое (до 35%), а в 1997–2002 гг. составил уже 66% [6. С. 49]. Китайские деловые сети далеко не всегда оперировали в благоприятной внешней среде. В Индонезии азиатский кризис 1998 г. вызвал массовые волнения, сопровождавшиеся нападениями на этнических китайцев и их собственность; в Малайзии начиная с 70-х гг. проводилась новая экономическая политика, помимо всего прочего предусматривающая сокращение влияния китайских бизнес-сообществ. Несмотря на это китайские сети по-прежнему остаются важным экономическим игроком в Юго-Восточной Азии.

Стремление обеспечить доминирующие позиции в ЮВА уже давно является одним из главных внешнеполитических приоритетов Китая. При Мао Цзэдуне эту цель пытались реализовать путем насильственного свержения существовавших в странах ЮВА политических режимов с опорой на подпольные коммунистические партии и партизанские армии [3. С. 123]. Результатом такой политики стало усиление недоверия местных элит Юго-Восточной Азии к коммунистическому руководству в Пекине и практически полное прекращение политических и экономических связей этих стран с Китаем [7. С. 3].

В 70-х гг. зародилась система диалогов Ассоциации с ведущими государствами мира, поддерживающими с ней активные политические и экономические связи. В разное время такими партнерами Ассоциации стали Австралия, Индия, Канада, Китай, Россия, Новая Зеландия, Республика Корея, США, Япония и ЕС. Подобное сотрудничество подразумевает создание такой системы рабочих органов, которая позволяет определять и развивать его перспективные и взаимовыгодные направления. В качестве головных органов такого механизма, как правило, формируются совместные комитеты сотрудничества (СКС), которые курируют деятельность рабочих групп. В свою очередь рабочие группы разрабатывают проекты сотрудничества и представляют их на рассмотрение и одобрение СКС. Для реализации согласованных проектов создаются, в том или ином виде, финансовые фонды [8. С. 48].

Восстановление отношений КНР со странами ЮВА, начавшееся в 1980-е гг., было связано не

столько с примирением, поисками доверия и компромисса с правящими режимами этих стран, сколько с резкой активизацией китайской экспансии на Юг – на острова Южно-Китайского моря – Парасельские и Спратли. Тогда китайское руководство проводило политику энергичного проникновения в регион ЮВА, причем главную роль в этом процессе играли не экономические, а военно-политические методы. Борьба вокруг Парасельских островов и островов Спратли с Вьетнамом, которая закончилась настоящим морским сражением и гибелью в 1988 г. вьетнамского военного корабля, неожиданные высадки китайских десантов на незанятые острова архипелага Спратли, воинственные заявления относительно принадлежности всех островов Южно-Китайского моря Китаю и, наконец, захват рифов Мисчиф в 1995 г., что поставило китайско-филиппинские отношения на грань военного конфликта, – все это были вполне очевидные проявления определенного политического курса [3. С. 125].

Плюсы и минусы этого курса для Пекина были очевидны. С одной стороны, реальное продвижение и захват территорий, которые могли быть использованы и как трамплин для нового продвижения и военно-политического давления, и для обеспечения экономических интересов в случае обнаружения на шельфе островов Спратли крупных запасов нефти. Но с другой – этот курс предполагал напряженные и натянутые отношения с большинством стран АСЕАН, которые перед лицом китайских угроз активно перевооружались, старались укрепить отношения с США и в той или иной мере препятствовать китайской экспансии.

В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века внешнеполитическая стратегия и соответственно теория и практика китайской дипломатии в Азии и в остальном мире во многом определялись установкой Дэн Сяопина на «сокрытие своих возможностей» [9. С. 39]. Это в определенной степени сдерживало региональную и глобальную активность Китая. С ростом экономической открытости и реальной силы Китай стал проявлять все больший интерес к участию в международных институтах, к их реорганизации и обновлению, а в ряде случаев стал приобретать в них ведущую роль. Соответственно изменилось отношение Китая к региональному сотрудничеству в области экономики и безопасности. С середины 90-х гг., т.е. в период сближения со странами АСЕАН, в Пекине о своем стремлении к военно-политическому доминированию в регионе заявлять перестали [10. С. 9].

По всей видимости, в определенный момент в Китае поняли ограниченность и низкую эффективность военно-политических подходов и существенным образом видоизменили суть и манеры своего поведения со странами Юго-Восточной Азии. Китай перешел к реализации иного плана действий, смысл которого состоял не в том, чтобы путем военных акций захватывать слабо защищенные участки региона ЮВА, а в том, чтобы поставить страны ЮВА в такое положение, когда Китаю для достижения своих целей даже не понадобится прибегать к военно-полицейским мерам. Поэтому вместо конфронтации и противостояния правящим режимам в странах ЮВА Китай сделал поворот в направлении поиска большего доверия,

установления с ними самых разнообразных связей и взаимозависимостей. В 1991 г., после окончания холодной войны, впервые начались официальные контакты КНР и АСЕАН. С началом трансформации экономических моделей двух стран КНР и СРВ стали сближаться. В 1991 г. отношения были официально нормализованы и сейчас успешно развиваются [11. С. 75]. Хотя и в настоящее время существует ряд проблем – в основном они связаны с территориальными спорами вокруг архипелага Спратли.

В 1991 г. китайский министр иностранных дел Цянь Цичэнь принял приглашение участвовать в церемонии открытия 24-й сессии конференции министров иностранных дел стран – членов АСЕАН. После этого министр иностранных дел КНР ежегодно участвовал в форумах министров иностранных дел этой организации. В июле 1994 г. Китай в качестве партнера-консультанта принял участие в первой конференции министров иностранных дел регионального форума АСЕАН. В 1996 г. КНР стала партнером по всестороннему диалогу этой организации. В конце 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь принял участие в конференции «АСЕАН+1» и приложил усилия к установлению с АСЕАН «партнерских отношений добрососедства и взаимного доверия, обращенных в XXI век». В конце 2003 г. китайский премьер Вэнь Цзябао, участвуя во встрече в формате «10+1», договорился с руководством АСЕАН об установлении «стратегических партнерских отношений». За период с начала развития отношений в 1991 г. и до решения о «стратегических партнерских отношениях» в 2003 г., т.е. за неполные 12 лет, в их характере произошел этапный скачок [7. С. 4]. Первоначально упор в отношениях Китая и АСЕАН был сделан на опережающем развитии экономики и торговли. Так, если в 1994 г. товарооборот Китая и стран АСЕАН не превышал 15 млрд долл., то в 2003 г. он превысил 50 млрд долл. Вслед за этим был взят курс и на создание атмосферы партнерства, добрососедства и взаимного доверия [Там же].

Первые контуры такой политики проявились в 1997 г., когда был создан Совместный комитет по сотрудничеству, который быстро стал одним из важных каналов поддержания связей между Китаем и АСЕАН, координируя их взаимодействие в разных областях. Вслед за этим в Пекине обнародовали пять основных направлений участия в делах ЮВА. Эти направления следующие: сотрудничество в области сельского хозяйства; создание и внедрение современных высоких технологий; эффективное использование трудовых ресурсов, в том числе создание базы для сближения условий функционирования бизнеса в странах АСЕАН и в Китае; расширение взаимных инвестиций; участие Китая в реализации гидроэнергетических и мелиоративных проектов в бассейне реки Меконг [12. С. 247]. Естественно, все эти направления экономического сотрудничества с Китаем не могли не заинтересовать страны АСЕАН, ибо речь шла о подходах к решению наиболее важных и существенных для них проблем. Среди китайских предложений о сотрудничестве особенно выделялся пункт, касающийся совместного освоения бассейна Меконга. По-

тенциально это очень опасный для единства АСЕАН пункт, ибо здесь Китай выступал не партнером АСЕАН как единого целого, а скорее как партнер отдельных стран блока – Лаоса, Таиланда, Камбоджи и, в меньшей степени, Вьетнама.

Переломным моментом в отношениях АСЕАН и КНР можно считать события, связанные с финансово-экономическим кризисом 1997–1998 гг. Китай сумел проявить себя крайне позитивно в глазах правящих элит стран АСЕАН: он не девальвировал юань и оказал довольно значительную помощь особо пострадавшим от кризиса странам, тем самым заметно исправив свой имидж в их глазах.

Китай также поспешил использовать волну антиамериканских настроений, порожденных финансовым кризисом. В то время как Вашингтон медлил, Пекин выделил 1 млрд долл. на поддержку экономики стран региона в наиболее критический момент. Экономическая деятельность КНР в странах ЮВА в посткризисный период во многом была направлена на то, чтобы в их коллективном сознании стать фактором экономической стабильности, склонить чашу весов при выборе между противостоянием в целях безопасности и экономическим сближением в пользу последнего. Кризис способствовал расширению влияния Китая в ЮВА, поскольку в его поступках приоритеты оказались не на стороне жестких постулатов, касающихся вопросов безопасности, а в направлении развития экономических возможностей [13. С. 33]. Китай прекрасно воспользовался охлаждением отношений между странами АСЕАН и США и ростом азиатского национализма, выступающего как откровенный антиамериканизм и антизападничество. Кроме того, на фоне стремительного экономического роста китайской экономики правящие элиты многих стран АСЕАН увидели в Китае локомотив азиатской экономики, а в обширном китайском рынке – реального конкурента рынку американскому. При этом, в отличие от США, Китай не выдвигал никаких политических условий для развития сотрудничества, скорее, сам шел на выполнение асеановских требований вроде присоединения к договору 1976 г. о безопасности в Юго-Восточной Азии или договору о правилах поведения при решении споров относительно раздела шельфовых зон в Южно-Китайском море [14. С. 30]. Все это сыграло важную роль в продвижении Китая в страны ЮВА. Последовавший вслед за этим позитивный ответ стран – членов АСЕАН на новую китайскую политику сближения и сотрудничества был вполне объясним и связан с действием нескольких важных факторов:

- сложное экономическое положение, в котором оказались страны АСЕАН, когда они потеряли львиную долю прямых иностранных инвестиций, которые после кризиса переориентировались на Китай, что резко ослабило их позиции;

- очевидный кризис в отношении региональных правящих элит к политике стран Запада, и прежде всего США. Доверие этих элит к Западу в ходе кризиса оказалось очень сильно подорвано, ибо их самлюбие было уязвлено неприкрытым западным диктатом, проводником которого стал МВФ. В связи с этим и

произошло заметное изменение психологической атмосферы в регионе. Почти повсеместно в правящих кругах стран АСЕАН стало проявляться антизападничество и паназиатский национализм, что стало дополнительным фактором, способствовавшим развитию сотрудничества с Пекином;

– быстро увеличивавшийся экономический потенциал Китая позволял рассматривать его как новый «мотор» азиатской экономики и регионального развития. Поэтому ту политику, которую могли позволить себе страны АСЕАН в отношении экономически слабого Китая в 1970–1980-е гг., они не могли уже проводить в отношении сильного Китая 2000-х гг. [7. С. 5].

Дружественные связи между Китаем и государствами Южной Азии налаживались стараниями нескольких поколений руководителей. Вэнь Цзябао особо призвал молодое поколение усилить это общение, учиться друг у друга и сообща вписать новую главу в историю дружеских связей Китая и Южной Азии. Обеспечение в известной степени традиционной дружбы Китая со странами Южной Азии выступает одной из отправных установок внешней политики КНР на историческую перспективу [4. С. 29].

Процесс встраивания Китая в региональные интеграционные связи происходит, прежде всего, на двух уровнях – на уровне функционирования форума АТЭС и на уровне субрегиональных интеграционных группировок, таких как АСЕАН. Пекин признает, что в силу своей организационной громоздкости, а также доминирования американской экономики АТЭС не способен стать эффективным двигателем азиатских интеграционных процессов в АТР. В этих условиях Китай поддерживает и инициирует развитие субрегиональной экономической интеграции в формате «АСЕАН+1» (Китай) и «АСЕАН+3» (Китай, Япония и Южная Корея). Китай видит себя в качестве связующего интеграционного моста между СВА и ЮВА. При этом он всячески подчеркивает открытый характер формируемых группировок с тем, чтобы не вызывать излишней подозрительности США, категорически выступающих против закрытых торговых блоков.

Следующим уровнем региональной интеграции выступает объединение «АСЕАН+3» – Китай, Япония и Южная Корея. В целях углубления экономического взаимодействия между асеановцами и восточноазиатской «тройкой» (Китаем, Японией, Южной Кореей) в противостоянии кризисным явлениям в мировом хозяйстве обсуждалась идея создания Зоны свободной торговли в Восточной Азии и учреждения Восточно-Азиатского валютного фонда. Однако резкие политические противоречия и территориальные споры между главными партнерами не стимулируют укрепление интеграционных процессов в этом формате. Ранее данные разногласия практически затормозили перспективные интеграционные проекты в СВА [14. С. 4].

Не оправдались оптимистичные прогнозы о возможности образования новой азиатской региональной общности по формуле «10 + 3». Эти прогнозы были основаны на достигнутом на встречах лидеров 13 стран в 2000 г. в Сингапуре решении о создании единой для всего региона зоне свободной торговли с

равноправным участием асеановской десятки, Китая, Японии и Южной Кореи [15. С. 5].

Укрепление и развитие азиатского регионализма, т.е. интеграции и усиления взаимозависимости ряда стран внутри Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – непреложный факт. В основе его лежит предположение, что, опираясь на поддержку друг друга и взаимодействуя друг с другом, эти государства сумеют противостоять любому будущему кризису. При этом нельзя не учитывать, что объективно существуют три центра азиатско-тихоокеанской интеграции, три главных игрока на региональном интеграционном поле – США, Япония и Китай [16. С. 3]. Для подхода Китая к концепции азиатской регионализации характерна максимальная осторожность. Поддержав в принципе диалог по проблемам экономического сотрудничества стран АСЕАН плюс Япония, Южная Корея и Китай, Пекин пока ограничил общение с представителями других стран уровнем заместителя министра финансов, резервируя для себя право не спешить с принятием обязательных решений.

В политико-дипломатическом плане АСЕАН пыталась ухаживать за этой тройцей примерно так же, как в период зарождения самой Ассоциации Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины ухаживали за Индонезией. Теперь, как видно, аналогичные предложения получали от АСЕАН ближайшие соседи – прежде всего Китай и Япония. Присутствие в конфигурации «10 + 3» сразу двух таких крупных, далеко не во всем между собой согласных, но обреченных на сотрудничество участников имело принципиальное значение и открывало немалые возможности для поиска баланса интересов. Наедине с любым из них АСЕАН вполне могла почувствовать неудобства. Зато пребывание в одной структуре с обоими позволяло апеллировать к одному, если возникнут разногласия с другим, посредничать между ними, когда они поспорят сами, и пользоваться новым форумом как оболочкой, внутри которой смягчаются проблемы, мешающие главному, ради чего все это придумано. А общую цель, как представляется, видели в восстановлении экономического динамизма и политической управляемости на уровне региона с благотворными последствиями для каждой отдельной страны [17. С. 63]. Максимально гибкий подход к заключению ССТ (соглашение о свободной торговле) практикует АСЕАН. Накопив солидный опыт внутрорегионального экономического сотрудничества, выработав во многом оригинальные способы обходить острые углы, добиваться консенсусных решений, Ассоциация распространяет наработанную практику на свои отношения с внерегиональными партнерами. Сначала с ними заключаются «рамочные соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве», которые служат базой для реализации программы «раннего урожая», затем для заключения отдельного соглашения о торговле товарами и последующих переговоров о торговле услугами и пр. [18. С. 44]. Гибкость такого подхода позволяет странам АСЕАН заключать индивидуальные соглашения с этими же партнерами, а также в случае необходимости временно воздерживаться от участия в коллективных соглашениях, что, впрочем,

неоправданно усложняет комплекс действующих ССТ в этом регионе.

С точки зрения перспектив экономического развития стран АСЕАН важнейшее значение имеет заключенное соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН – Китай. Это будет крупнейшая в мире зона свободной торговли. Параллельно усиливается тенденция к заключению отдельными странами группировки соглашений о зонах свободной торговли уже на двусторонней основе. В целом можно констатировать, что сегодня АСЕАН превратилась во влиятельный центр притяжения в Азиатско-Тихоокеанском регионе уже не только в политической, но и в экономической сфере [8. С. 49]. Отношения между Китаем и странами АСЕАН на мировом рынке товаров и капиталов последние годы оставались противоречивыми, поскольку существуют объективные предпосылки для взаимной конкуренции. Вступление Китая в ВТО в 2001 г. страны АСЕАН встретили настороженно, на что есть объективная причина. Из-за снижения в КНР импортных тарифов обострилась конкуренция за американский и европейский товарные рынки, да и поток инвестиций, прежде всего из США, переключился на Китай, куда идет почти 80% всех прямых иностранных капиталовложений в Восточную Азию (без Японии).

Экономические и военные усилия КНР развиваются в тесном взаимодействии с возрастанием ее политической активности. В 2001 г., когда подписывался первый документ о создании зоны свободной торговли Китая и АСЕАН, и речи не было о каких-либо вариантах политической интеграции [10. С. 9].

На протяжении длительного времени Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, активно развивая отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами. Вступая в XXI в., КНР разработала стратегию мирного развития, отвечающую задачам, обусловленным новой международной обстановкой и ситуацией внутри страны. Был выдвинут внешнеполитический курс добрососедства, предписывающий поддержание хороших отношений с соседними странами, установление с ними партнерских связей [19. С. 39]. Все это имеет стратегическую значимость для углубления связей Китая с соседними государствами и создания благоприятной международной обстановки на китайской периферии, для развития экономики КНР и модернизации страны.

Прежде всего, политические отношения Китая с соседними странами явно улучшились. После холодной войны он установил или восстановил дипломатические отношения с Сингапуром, Борнео, Республикой Корея, Лаосом, Индонезией, Вьетнамом и другими странами. К настоящему времени со всеми соседними государствами КНР имеет дипломатические отношения. На протяжении 90-х гг. XX в. Китай успешно разрешил проблему государственной границы с Непалом, Монголией, Пакистаном, Афганистаном, Лаосом, Вьетнамом, Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном [Там же. С. 41].

Обобщая историю развития отношений между Китаем и АСЕАН за период после окончания холодной войны и до настоящего времени, можно обнаружить

любопытную взаимосвязь: в процессе подъема Китая его отношения с АСЕАН последовательно развивались. После окончания холодной войны и вплоть до последнего десятилетия прошлого века в Китае в основном реализовывался второй этап стратегии «трех шагов», т.е. этап «достаточности». Этот примерно 10-летний период рассматривается в качестве подготовительного этапа к подъему Китая. Встраивая этот этап истории развития Китая в контекст общемировой архитектоники и сопоставляя с развитием отношений Китая с АСЕАН, можно обнаружить, что подъем Китая также сопровождался последовательным развитием отношений Китая с АСЕАН [20. С. 33].

С учетом прошлого подъем Китая и развитие его отношений с АСЕАН демонстрировали позитивную взаимосвязь. Процесс подъема Китая влияет на китайскую внешнюю политику и влечет за собой позитивную взаимосвязь. Государство само формулирует национальную стратегию, культурную политику, а также интересы национальной безопасности. Чем выше степень позитивного признания международным сообществом статуса государства, тем яснее характерные особенности его стратегии и культуры, ориентированные на сотрудничество, тем явственней переносится центр тяжести интересов безопасности в направлении экономической безопасности и безопасности сотрудничества. И основное взаимодействие этого государства с международным сообществом может с еще более значительной степенью вероятности вылиться в плодотворное сотрудничество. В процессе двадцатилетнего взаимодействия КНР с международным сообществом положение Китая, его представления о стратегии, культуре и безопасности подвергались коррекции и изменениям. Это имело важное значение для позитивной интеграции КНР в международное сообщество и давало ей возможность еще более повысить собственную конструктивную роль в плане сотрудничества и ответственного подхода. Сотрудничество по вопросам энергетики затрагивает интересы и безопасность всего мира. Правительство и народ Китая продемонстрировали бескорыстие при оказании помощи другим странам в период финансового кризиса в Юго-Восточной Азии в 1998 г., а также в 2004 г. во время ударов цунами в Индийском океане. Китай стал, таким образом, «гарантом» безопасности и стабильности [21. С. 151].

Китай все более охотно принимает участие в многосторонних механизмах, проектируемых, иницированных и возглавляемых АСЕАН. К примеру, в 1994 г. КНР вступила в руководимую АСЕАН организацию многостороннего диалога по вопросам безопасности АТР (региональный форум АСЕАН), а в 1997 г. примкнула к объединению «10+1» и механизму сотрудничества Восточной Азии «10+3». В конце 2002 г. Китай и АСЕАН подписали «заявление о деятельности сторон в Южно-Китайском море», «чтобы мирным путем разрешать между собой территориальные и юридические споры и не прибегать к вооруженной силе или угрозе ее применения». В конце 2003 г. Китай присоединился также к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» и заключил с АСЕАН юридиче-

ские гарантии «решения споров мирными средствами» [20. С. 34].

В вопросе об интересах в области безопасности Китай уделяет возрастающее внимание сотрудничеству с АСЕАН в сфере нетрадиционной безопасности. В конце 2002 г. Китай и АСЕАН заключили «Рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве», которое могло интерпретироваться как обеспечение экономической безопасности обеих сторон путем создания зоны свободной торговли Китай – АСЕАН. Одновременно было подписано «Совместное заявление Китая и АСЕАН о сотрудничестве в области нетрадиционной безопасности» [Там же]. Китай и АСЕАН постоянно заняты поиском форм и путей решения щепетильных проблем. Китайские инициативы – главный фактор позитивных взаимоотношений.

Таким образом, географические и исторические факторы определяют то, что АСЕАН не может безучастно относиться к Китаю. Подъем этой региональной державы в первую очередь влияет именно на соседние страны ЮВА. До прихода западных колониза-

торов в ЮВА отношения Китая и стран региона не носили завоевательного характера. Китай не устанавливал политического и экономического господства над соседними странами, как это сделали позднее западные колонизаторы. В период холодной войны общая особенность Китая и стран ЮВА состояла в том, что их взаимоотношения серьезно сдерживались взаимодействием двух сверхдержав – США и СССР. А после окончания холодной войны реакция на подъем Китая стала важной темой собственного развития и внешней стратегии АСЕАН. Контакты, балансирование и сотрудничество являются главными альтернативами АСЕАН в отношении подъема Китая. А эти альтернативные направления политики требуют позитивного, доброго отношения к развитию Китая. За последние годы интеграция в Большой Восточной Азии развивается все более интенсивно. Появление новой региональной структуры оценивается как успех главным образом китайской дипломатии, свидетельство признания Китая в Азии как лидера и локомотива азиатского развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мэн Хунхуа. Международные механизмы и стратегический выбор Китая // *Общественные науки Китая*. 2000. № 2. С. 178–187.
2. Гао Шучинь. Внешняя политика КНР в условиях глобализации // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 3. С. 25–28.
3. Канчуков С.А. Глобализация и китайская концепция азиатского регионализма: опасности и угрозы // *Философия образования*. 2006. № 2. С. 117–127.
4. Кузнецов В. Китай – Южная Азия: отношения с соседями складываются нестандартно // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 5. С. 26–34.
5. Мурашева Г.Ф. Политика Вьетнама в отношении Китая в начале XXI в. // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2007. № 4. С. 100–112.
6. Либман А. Модели корпоративной интеграции: региональные особенности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 5. С. 47–53.
7. Мосяков Д. Китай и страны АСЕАН // *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 8. С. 2–5.
8. Иванов А. Ядро интеграции в АТР // *Международная жизнь*. 2003. № 2. С. 43–53.
9. Бергер Я. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 1. С. 34–51.
10. Мосяков Д. Новые тенденции в политике Китая в Юго-Восточной Азии // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 1. С. 9–11.
11. Кочкин П. Основные факторы и тенденции развития экономических отношений между СРВ и КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 5. С. 66–81.
12. Пэн Пэн. Теория мирного подъема: Китай – великая держава, на распутье дорог. Гуандун : Народное издательство Гуандун, 2005. 352 с.
13. Гусев М. Юго-Восточная Азия. В поисках формулы безопасности // *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 6. С. 30–35.
14. Карчава А. Перспективы дальнейшей интеграции // *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 1. С. 3–5.
15. Мосяков Д. Китай – Япония. Очередная схватка // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 6. С. 3–6.
16. Михеев В. Китай. Перед новым выбором // *Азия и Африка сегодня*. 2000. № 4. С. 2–8.
17. Сумский В. Юго-Восточная Азия в холодной войне и глобализирующемся мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 4. С. 60–67.
18. Мурадов К. Региональные и двусторонние соглашения о свободной торговле // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 7. С. 40–48.
19. Лю Цинцай. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 2. С. 33–42.
20. Чжай Кунь. 1991–2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН – исторический обзор и стратегия на будущее // *Проблемы Дальнего Востока*. 2005. № 5. С. 32–43.
21. Ли Син. Об оздоровлении мирового порядка и новом мышлении в китайской дипломатии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 3. С. 150–154.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 июля 2014 г.

HISTORY OF CHINA-ASEAN RELATIONS

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 148-154. DOI: 10.17223/15617793/388/24

Khodova Sofiya S. Vladivostok State University of Economics and Services (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sofia_khodova@mail.ru

Keywords: China; ASEAN; relations; cooperation; foreign policy; regionalism; integration; globalization.

One of the directions of involvement of the People's Republic of China in globalization is its participation in regionalization which represents a necessary stage of economic globalization on a long way to the world integration. China understands regionalism as a phenomenon resisting globalism. Representing interdependence of the countries and an expansion of interests of economic subjects across national borders, it, nevertheless, limits the sphere of their action to a regional framework. The Chinese strategy of Asian regionalism first of all needs release from traditions of ideology and introduction of ideology of the Asian consent connected with the

system of the national states so that the general civilization of future Asia served as the tool of intra-regional unity and at the same time was some kind of an antidote preventing blind intolerance and rejection of "openness". The aspiration to provide dominating positions in Southeast Asia has long been one of the main foreign policy priorities of China. Restoration of the relations of the People's Republic of China with the Southeast Asian countries that began in the 1980s was connected not so much with reconciliation, compromise and trust searches with the ruling regimes of these countries, but with sharp activation of the Chinese expansion to the south – on the islands of the South China Sea – the Paracels and Spratlys. In the late 1980s – early 1990s the foreign policy strategy and respectively the theory and practice of the Chinese diplomacy in Asia and in other world was in many respects defined by the orientation of Deng Xiaoping toward "concealment of the opportunities". To a certain degree it constrained the regional and global activity of China. However, with the growth of economic openness and real force China began to show an increasing interest in participation in the international institutes, in their reorganization and updating, and in some cases began to get the leading role in them. Respectively the relation of China to regional cooperation in the field of economy and safety changed. Since the middle of the 1990s, that is during the rapprochement with the ASEAN countries, Beijing ceased to declare the aspiration to military-political domination in the region. Originally the emphasis in the relations of China and ASEAN was made on the advancing development of economy and trade. The turning point in the relations of ASEAN and the People's Republic of China can be considered to be the events connected with the financial and economic crisis of 1997 – 1998 China managed to prove itself extremely positively in the opinion of the ruling elite of the ASEAN countries: it did not devalue yuan and gave quite a significant help to the countries especially affected by the crisis, thereby considerably correcting its image in their eyes. From the point of view of the prospects of the ASEAN countries' economic development the concluded agreement on creation of a free trade zone of ASEAN – China is essential. It will be the world's largest free trade zone. In parallel a tendency amplifies to conclude groups of agreements on free trade zones by certain countries already on a bilateral basis. As a whole it is possible to note that today the ASEAN turned into an influential center of gravity in the Asia Pacific Region not only in the political, but also in the economic spheres.

REFERENCES

1. Men Honghua. Guoji jizhi yu Zhongguo de zhanlue xuanze. *Zhongguo shehui kexue*, 2000, no. 2, pp. 178-187. (In Chinese).
2. Gao Shutsin'. Vneshnyaya politika KNR v usloviyakh globalizatsii [China's foreign policy in the context of globalization]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2005, no. 3, pp. 25-28.
3. Kanchukov S.A. Globalizatsiya i kitayskaya kontseptsiya aziatskogo regionalizma: opasnosti i ugrozy [Globalization and the Chinese concept of Asian regionalism: dangers and threats]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*, 2006, no. 2, pp. 117-127.
4. Kuznetsov V. Kitay – Yuzhnaya Aziya: otnosheniya s sosednyami skladyvayutsya nestandardno [China – South Asia: relations with the neighbors are developing outside the box.]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 5, pp. 26-34.
5. Murasheva G.F. Vietnam's policy towards China in the early 21st century. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2007, no. 4, pp. 100-112. (In Russian).
6. Libman A. Modeli korporativnoy integratsii: regional'nye osobennosti [The model of corporate integration: regional aspects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no. 5, pp. 47-53.
7. Mosyakov D. Kitay i strany ASEAN [China and ASEAN countries]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2004, no. 8, pp. 2-5.
8. Ivanov A. Yadro integratsii v ATR [The kernel of integration in the Asian Pacific region]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*, 2003, no. 2, pp. 43-53.
9. Berger Ya. Bol'shaya strategiya Kitaya v otsenkakh amerikanskikh i kitayskikh issledovateley [China's Grand Strategy in the estimates of US and Chinese researchers]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 1, pp. 34-51.
10. Mosyakov D. Noveye tendentsii v politike Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii [New trends in China's policy in Southeast Asia]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2006, no. 1, pp. 9-11.
11. Kochkin P. Osnovnye faktory i tendentsii razvitiya ekonomicheskikh otnosheniy mezhdru SRV i KNR [Main factors and trends in the development of economic relations between Vietnam and China]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 5, pp. 66-81.
12. Peng Peng. *Heping jueqi lun: Zhongguo chongsu daguo zhili*. Guangdong: Guangdong renmin chubanshe, 2005. 352 p.
13. Gusev M. Yugo-vostochnaya Aziya. V poiskakh formuly bezopasnosti [Southeast Asia. In search of safety formula]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2004, no. 6, pp. 30-35.
14. Karchava A. Perspektivy dal'neyshey integratsii [Prospects for further integration]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2003, no. 1, pp. 3-5.
15. Mosyakov D. Kitay – Yaponiya. Ocherednaya skhvatka [China - Japan. Another battle]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2002, no. 6, pp. 3-6.
16. Mikheev V. Kitay. Pered novym vyborom [China. Facing the new choice]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*, 2000, no. 4, pp. 2-8.
17. Sumskiy V. Yugo-Vostochnaya Aziya v kholodnoy voyne i globaliziruyushchemsya mire [Southeast Asia in the Cold War and the globalizing world]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2005, no. 4, pp. 60-67.
18. Muradov K. Regional'nye i dvustoronnie soglasheniya o svobodnoy trgovle [Regional and bilateral free trade agreements]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2007, no. 7, pp. 40-48.
19. Lyu Tsintsay. KNR: geopoliticheskaya sreda i vneshnyaya politika dobrososedstva [China: the geopolitical environment and the foreign policy of good neighborhood]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 2, pp. 33-42.
20. Chzhay Kun'. 1991-2020: pod'em Kitaya i razvitie otnosheniy mezhdru Kitaem i ASEAN - istoricheskiy obzor i strategiya na budushchee [1991-2020: The Rise of China and the development of relations between China and ASEAN - historical overview and strategy for the future]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2005, no. 5, pp. 32-43.
21. Li Sin. Ob ozdorovlenii mirovogo poryadka i novom myshlenii v kitayskoy diplomatii [On the recovery of the world order and new thinking in Chinese diplomacy]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Affairs*, 2006, no. 3, pp. 150-154.

Received: 08 July 2014

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СССР В ВУЗАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье, продолжающей серию публикаций автора, посвященную исследованию исторической науки и высшего исторического образования в вузах Нижнего Поволжья в советский период, рассматриваются направления и содержание исторических исследований второй половины XX в. Отмечается влияние партийно-государственной политики на эволюцию методологической парадигмы исторических исследований. Анализируется научная деятельность историков Саратовского государственного университета, Волгоградского педагогического института, Астраханского государственного университета. Выявляется динамика подготовки кандидатских и докторских диссертаций по истории советского общества.

Ключевые слова: методология; историческая наука; история СССР; Саратовский государственный университет; Волгоградский государственный педагогический институт; Астраханский государственный университет.

Эволюция методологической парадигмы исторических исследований, расширение их тематики и методологического инструментария историков в рассматриваемый период были неразрывно связаны с процессом трансформации партийно-государственной политики СССР и реформирования советского общества.

Переломным этапом в изучении истории советского общества в Институте истории явилось создание в нем в 1954 г. отдела истории советского общества в составе трех секторов: истории Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны, истории социалистического строительства, истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода. Отдел возглавил М.П. Ким. Значительно увеличилось число научных сотрудников, изучающих историю СССР эпохи социализма.

О повышении интереса в исторической науке к советскому периоду истории СССР свидетельствовал постоянный рост защищаемых диссертаций. Данный период изучали более 400 диссертантов послевоенного десятилетия. В их работах рассматривались вопросы восстановления промышленности и сельского хозяйства, рост трудовой активности трудящихся, идеологическая жизнь страны, руководящая роль партии в решении основных проблем послевоенного развития СССР [1. С. 35].

Анализируя динамику изменения числа специалистов по истории советского общества в первое послевоенное десятилетие, можно отметить, прежде всего, бурный количественный рост этой группы историков. В 1945 г. было защищено всего 18 диссертаций по истории советского общества, через два года – 111. С 1950 г. в нашей стране ежегодно защищалось не менее 250 диссертаций по послеоктябрьской истории СССР. Рекордным в этом отношении был 1954 г., когда появилось 530 кандидатов исторических наук – специалистов по истории советского общества.

Уже к 1951 г. в СССР были защищены 702 диссертации по истории советского общества, в то время как по всей дооктябрьской истории – 899 кандидатских диссертаций. Из этих цифр ясно видна тенденция становления истории советского периода в качестве ведущей отрасли исторической науки в Советском Союзе [2. С. 41].

Наибольшее внимание формирующихся исследователей в первое послевоенное десятилетие привлекал

период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР. Диссертаций о событиях тех лет на протяжении всего рассматриваемого периода было всегда достаточно много: до 1955 г. их было больше, чем по любому другому периоду нашей истории, хотя удельный вес этой группы работ постоянно уменьшался. Если до 1949 г. включительно свыше половины всех защищенных по советскому периоду диссертаций относилось к 1917–1920 гг., то к 1955 г. их было уже только 30%. Главным направлением изменения тематики готовившихся для защиты исследований были актуализация, приближение рассматриваемых в них вопросов ко времени написания диссертаций. Особенно ярко эта тенденция проявилась в быстром росте числа работ, в которых затрагивались вопросы послевоенного времени. Первые такие диссертации написаны в 1948–1949 гг., в 1955 г. уже 152 были посвящены данному периоду отечественной истории.

Вторым по количеству защищенных диссертаций был период реконструкции народного хозяйства (1926–1934). Интерес к его исследованию особенно возрос с начала 1950-х гг. В 1954–1955 гг. диссертации о нем занимали третье место по численности среди работ о прочих хронологических этапах, изучаемых в науке.

Стабильный исследовательский интерес в послевоенное десятилетие вызывал восстановительный период истории СССР. За 11 лет по нему было защищено 315 диссертаций, т.е. более 10% от их общего количества.

Изучение истории советского общества второй половины 1920–1950-х гг. велось исключительно силами молодых исследователей (научные интересы людей, сформировавшихся как ученые в предвоенные годы, были в своем подавляющем большинстве связаны с революционной эпохой). Отсутствие достаточного научного опыта и, как следствие этого, не всегда высокая научная зрелость исследователей, новизна проблематики сыграли определенную роль в том, что, несмотря на большой численный рост специалистов по истории СССР 1920–1950-х гг., научных публикаций по этому периоду было значительно меньше, чем по предыдущим.

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. историки активно развернули исследование героического подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны.

И гражданские и военные историки уделяли много внимания исследованию отдельных наиболее значительных военных операций, выяснению их места и влияния на победоносное завершение войны.

Появилось немало публикаций, посвященных партизанскому движению в различных районах страны.

Если анализировать подготовку историков высшей квалификации, то можно сделать вывод о том, что особенно остро советская историческая наука нуждалась в высококвалифицированных кадрах историков советского общества. С 1940 по 1952 г. Высшая аттестационная комиссия присвоила ученую степень доктора исторических наук 228 лицам, среди которых лишь 20 были специалистами по истории советского общества (всего 8%). В 1953–1955 гг. докторские диссертации по истории защитили более 40 человек, из них семь посвятили их послеоктябрьской истории СССР. И если по темпам роста и абсолютной численности защищаемые кандидатские диссертации по истории советского времени значительно опережали таковые по другим периодам и регионам, то, как видно из приведенных цифр, о докторских диссертациях этого сказать нельзя. К 1956 г. на каждого доктора наук, специалиста по истории советского общества, приходилось более 100 кандидатов – явление, ненормальное для успешного развития отечественной исторической науки.

В вузах Нижнего Поволжья данная проблема также существовала. Например, кафедру истории СССР Саратовского государственного университета (СГУ) зачастую критиковали за недостаточное внимание к вопросам истории XX в. Ректорат отметил «слабое место в научно-исследовательской деятельности факультета»: «На кафедре истории СССР до последнего времени из 15 преподавателей 12 были заняты разработкой ранних периодов истории страны». Было указано, что даже «заведующий кафедрой новой истории И.С. Кашкин, занимавшийся изучением истории XX в., переключился на изучение истории XIX века» [3. Д. 220. Л. 21 об.].

Подготовке историками докторских диссертаций уделялось особое внимание. В 1950 г. на историческом факультете СГУ не было ни одного доктора наук. Следствием этого стала ликвидация аспирантуры по историческим наукам.

Положительным результатом всех мероприятий в области гуманитарных наук стало появление в СГУ первых двух докторов исторических наук. В 1962 г. защитили диссертации Василий Константинович Медведев и Алевтина Федоровна Остальцева [4. С. 73].

После войны руководством СГУ университета были сформулированы актуальные научные проблемы, подлежавшие исследованию в ближайшие пять лет. Историки предложили исследовать комплексную тему «Великая Отечественная война и Саратовская область».

Например, на теоретическом семинаре преподавателей истфака, посвященном задачам исторической науки в свете решений XX съезда КПСС (1956), острую дискуссию вызвало утверждение доцента Л.А. Дербова о том, что заявление И.В. Сталина в его выступлении от 24 мая 1945 г. о русском народе, ко-

торый имеет ясный ум, стойкий характер и терпение, «пронизано духом великодержавного шовинизма и принижает роль других народов СССР». М.С. Персов полагал, что «положение И.В. Сталина, высказанное им в обращении к народу 2 сентября 1945 г., о поражении русского народа в 1904 г., которое “...легло на нашу страну черным пятном” и о вере нашего народа в то, что “наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано”, является реваншистским, а внешняя политика советского правительства в этом свете выступает как продолжение политики русского царизма» [5. Д. 3858. Л. 42, 43].

Можно отметить, что в 1936 г. М.С. Персов исключался из партии по обвинению как раз в «шовинизме» [Там же. Д. 1503. Л. 224].

После того как на историческом факультете появился первый доктор наук – Василий Константинович Медведев, по предложению декана В.А. Осипова была организована кафедра истории СССР советского периода [3. Д. 263. Л. 70].

В 1965 г. после 15 лет работы в Саратовском военном училище МВД СССР на должность доцента кафедры был принят участник Великой Отечественной войны Дмитрий Поликарпович Ванчинов. С его приходом началось интенсивное исследование истории Саратовского края в годы войны. Учёный опубликовал монографию «Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1976) и книгу «Военные годы Поволжья (1941–1945)» (1980). Исследовательский интерес к истории Поволжья в годы войны поддержал ученик Д.П. Ванчинова молодой учёный В.Н. Данилов, защитивший кандидатскую диссертацию на тему «Система местной самообороны Поволжья в годы Великой Отечественной войны». Д.П. Ванчинов в течение шести лет являлся председателем исторической секции Поволжского научно-методического совета АН СССР и Минвуза РСФСР.

С должности ассистента кафедры истории СССР советского периода в 1963 г. начал свой трудовой путь в Саратовском университете Григорий Алексеевич Герасименко. Его монография «Низовые крестьянские организации периода 1917 – первой половины 1918 г.» (1973) была переиздана в США (1978). В 1977 г. увидела свет еще одна большая работа Г.А. Герасименко «Советы Поволжья в 1917 г.».

Докторские исследования были выполнены по истории советского общества учёными Саратовского университета, например диссертация на тему «Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1973) Д.П. Ванчинова и диссертация «Социальные функции исторической науки в годы Великой Отечественной войны» Г.Д. Бурдея, которую он защитил в МГПАИ (1990).

Закономерным итогом многолетней работы М.С. Персова над ленинской тематикой явилась его монография «Обобщение и использование исторического опыта в работах В.И. Ленина» (1970), защищённая им в качестве докторской диссертации в 1973 г. [6. С. 54].

Работы профессора кафедры истории СССР советского периода Святослава Александровича Соколова были посвящены изучению вопросов хозяйственного

строительства в первые годы советской власти, проблемам продовольственной политики и борьбы за хлеб, организации и управления народным хозяйством. Эти материалы составили основу его докторской диссертации «Хозяйственное строительство в 1918 г. (на материалах Поволжья)», защищённой в 1977 г. [6. С. 86].

В научно-исследовательской работе кафедр Сталинградского педагогического института этого периода также можно выделить несколько направлений исторических исследований. В соответствии с характерными тенденциями развития отечественной исторической науки на кафедре истории СССР расширяется спектр исследований по истории советского периода. При этом особое внимание в исследованиях уделялось региональной тематике. В исследовании советского периода определилось несколько основных направлений: первое было связано с изучением истории Царицына и Гражданской войны; второе направлено на изучение истории Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы; в исследованиях третьего направления рассматривалась роль КПСС в истории Сталинграда – Волгограда.

В рамках первого направления А.Н. Климов проводил исследование по теме «Пролетариат Царицына в Гражданскую войну». Ю.Ф. Болдырев подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба трудового крестьянства и казачества Северо-Донской области за советскую власть в 1917–1920-х гг.». В русле этого направления готовились и докторские диссертации. Г.С. Каден проводил исследование по теме «Царицын в годы Гражданской войны».

Второе направление исследований представлено целым рядом работ. Так, М.Н. Чернецкий исследовал проблему «Украина в захватнических планах германских империалистов», Н.Я. Костеша – «Роль Сталинградского тракторного завода в героической обороне города Сталинграда». Старший преподаватель кафедры истории СССР А.Н. Климов в середине 40-х гг. XX в. разрабатывал тему «Историческое значение победы под Сталинградом». В работе рассматривались основные этапы героической борьбы за Сталинград, охарактеризован перелом на фронтах Великой Отечественной войны в результате Сталинградской битвы. Используются многочисленные документы, взятые из советской и иностранной печати. Отдельно выделена тема «Завод “Баррикады” в героической обороне города Сталинграда». Результаты проведённого исследования были представлены в монографии «Сталинград в годы Великой Отечественной войны».

Совместными усилиями историков были подготовлены коллективные пособия «История СССР. Эпоха социализма» и «История г. Сталинграда» [7. Д. 11. Л. 3].

Б.С. Абалихин издаёт две работы: «Всемирно-историческое значение Сталинградской битвы» и «Против фальсификаторов истории Сталинградской битвы».

Третье направление представлено исследованиями по истории КПСС преимущественно на региональном материале.

Исследование политической истории велось преимущественно на кафедре марксизма-ленинизма.

Доцент Г.С. Каден написал монографию «Подготовка партией и Советским правительством массовой

коллективизации в районах первой очереди» [Там же. Д. 9. Л. 33, 34].

М.Я. Бромберг закончил работу над монографией «Работа коммунистической партии по индустриализации Нижнего Поволжья», Г.П. Ленков – «Сталинградская партийная организация в борьбе за освоение целинных и залежных земель», С.П. Люшин – «Деятельность коммунистической партии по восстановлению г. Сталинграда», Е.В. Слуцкер – «Борьба коммунистической партии за подъём материального благосостояния рабочих промышленных предприятий Нижнего Поволжья в годы первой пятилетки» [Там же. Д. 61. Л. 3, 4].

В план научной работы Волгоградского государственного педагогического института (ВГПИ) на 1965/66 учебный год внесена подготовка целого ряда докторских диссертаций по исторической проблематике советского периода. Готовились докторские диссертации по истории КПСС: В.С. Красавин на тему «Партийные организации Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны», Н.С. Агринский – на тему «КПСС в борьбе за развитие культурной революции в Нижнем Поволжье в 1953–63 гг.» [8; 9. Д. 121. Л. 12].

Другое направление представляли исследования по региональной проблематике. В его рамках С.П. Люшин защитил докторскую диссертацию на тему «Восстановление и развитие Волгограда (1943–62 гг.)» [7. Д. 199. Л. 1]. П.А. Бутылкин в 1974 г. защитил докторскую диссертацию в СГУ на тему «Аграрные преобразования ВОСР в Нижнем Поволжье» [9. Д. 494. Л. 3].

Важным событием в жизни волгоградских учёных-историков, безусловно, стало открытие диссертационного совета. В соответствии с приказом № 320-В от 26 июня 1969 г. по Министерству высшего и среднего специального образования СССР «Об утверждении списка высших учебных заведений (факультетов) и научно-исследовательских учреждений (секций), получивших право приёма к защите диссертаций в 1969 году» Волгоградский педагогический институт им. А.С. Серафимовича получил право приёма к защите кандидатских диссертаций и присуждения учёной степени кандидата наук по историческим наукам. Председателем совета стал Д.П. Журавлёв. Первая защита в новом совете успешно прошла 26 февраля 1970 г. Рафаэль Закиевич Муксинов представил диссертацию на тему «Печать Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–45 гг.». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор М.А. Водолагин и кандидат исторических наук, доцент В.С. Красавин [Там же. Д. 349. Л. 1].

В декабре 1970 г. состоялась защита кандидатской диссертации Владимира Александровича Хлыстова на тему «Деятельность КПСС по развитию цветной металлургии в годы первых пятилеток (на материалах Урала)». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор Леонид Семёнович Полнер и кандидат исторических наук, доцент Михаил Яковлевич Бромберг [Там же. Л. 21].

В феврале 1971 г. на заседании Учёного совета ВГПИ по присуждению учёной степени кандидата

исторических наук успешно прошли защиты В.Д. Фадеевой и П.Г. Крюкова. В.Д. Фадеева представила диссертацию на тему «Деятельность партийных организаций предприятий химической и нефтеперерабатывающей промышленности по повышению культурно-технического уровня рабочих (1959–65 гг.)». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор В.А. Ежов и кандидат исторических наук, доцент Н.Е. Иллерицкий. П.Г. Крюков защитил диссертационное исследование на тему «Идеологическая работа партийных организаций Нижнего Поволжья на завершающем этапе социалистического строительства (1953–58 гг.)». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор В.А. Кадейкин и кандидат исторических наук, доцент В.Я. Бондарь [9. Д. 424. Л. 1–38, 66–92].

27 мая 1971 г. прошла защита кандидатской диссертации А.Н. Карамелева на тему «КПСС – организатор помощи города селу в укреплении отстающих колхозов руководящими кадрами (1953–58 гг.)» [Там же. Д. 424. Л. 127].

26 июня 1972 г. в совете успешно защищена кандидатская диссертация выпускника Тамбовского государственного педагогического института Максима Хусаиновича Мингулова на тему «Деятельность коммунистической партии в деревне в период перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–28 гг.)». Работа была выполнена под научным руководством заведующего кафедрой истории КПСС Тамбовского государственного педагогического института, кандидата исторических наук, доцента Н.А. Окатова. Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор А.В. Лосев и доктор исторических наук, профессор И.А. Олейников [Там же. Д. 476. Л. 52–77].

21 июня 1973 г. состоялась защита кандидатской диссертации выпускника исторического факультета Казанского государственного педагогического института Василия Ивановича Седугина на тему «Борьба большевиков Среднего Поволжья против меньшевиков накануне и в период первой русской революции (1903–1907 гг.)». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор И.П. Шмыгин, кандидат исторических наук, доцент С.П. Гагарин [Там же. Д. 514. Л. 122–162].

В 1974 г. в состав Учёного совета ВГПИ входили: кандидат экономических наук, доцент М.М. Загорюлько (председатель совета), доктор исторических наук, профессор В.С. Красавин (заместитель председателя), кандидат исторических наук, доцент Б.С. Абалихин, доктор экономических наук, профессор И.М. Бровер, кандидат исторических наук, доцент П.А. Бутылкин, доктор исторических наук, профессор В.Я. Бондарь, доктор исторических наук, профессор В.И. Бабкин, доктор экономических наук, доцент М.К. Васюнин, кандидат экономических наук, доцент Д.П. Журавлёв, доктор исторических наук, профессор В.А. Козюченко, кандидат философских наук, доцент К.М. Никонов, доктор исторических наук, профессор И.А. Олейников, доктор философских наук, профессор П.М. Рогачёв, доктор философских наук, профессор М.А. Свердлин, кандидат философских наук, до-

цент А.И. Смирнов, доктор исторических наук, профессор И.С. Шепелев, кандидат экономических наук, доцент В.Д. Виноградов [9. Д. 550. Л. 2–6].

25 апреля 1974 г. прошла защита кандидатской диссертации выпускницы Челябинского государственного педагогического института Н.М. Кутеповой на тему «Деятельность коммунистической партии по созданию ферросплавной промышленности СССР (1928–1937 гг.)». Данная работа была выполнена под руководством кандидата исторических наук, доцента В.Г. Сержантова. Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор В.Н. Зуйков и кандидат исторических наук, доцент Н.Е. Иллерицкий [Там же. Л. 10–36].

27 июня 1974 г. выпускник Сталинградского государственного педагогического института А.Д. Могилевский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Партийное руководство народным образованием в условиях развитого социализма (1959–1970 гг.)». Научное руководство осуществлял доктор исторических наук, профессор И.А. Олейников. Официальными оппонентами выступили заведующий кафедрой истории КПСС Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор исторических наук, профессор В.Б. Островский, кандидат исторических наук, доцент Ю.М. Лобачёв [Там же. Л. 194–271].

24 апреля 1975 г. Учёный совет ВГПИ рассмотрел две кандидатские диссертации по проблемам истории КПСС. Это диссертация В.И. Роговицкого на тему «Создание и организационно-политическое укрепление комсомольских организаций Нижнего Поволжья (1918–1925 гг.)». Второе исследование на тему «Партийное руководство деятельностью культурно-просветительных учреждений села по коммунистическому воспитанию трудящихся (1966–1970 гг.) на материалах Центрального Черноземья» представил И.А. Арепьев. Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор А.С. Трайнин и кандидат исторических наук, доцент Ю.В. Новиков [Там же. Д. 625. Л. 14–31].

Анализируя вышеуказанную тематику диссертационных исследований можно сделать вывод о том, что в 1970-е гг. отчётливо прослеживается следующая тенденция: на рассмотрение Учёного совета ВГПИ преимущественно представляются диссертации по изучению истории КПСС. Диссертаций по изучению проблем отечественной и всеобщей истории крайне мало. Это подтверждается и тем, что в аспирантуре работают аспиранты по истории КПСС, а аспирантов по историческим дисциплинам в ВГПИ в данный период нет [Там же. Д. 429. Л. 1].

Работа совета активизировала и научную деятельность преподавателей-историков ВГПИ.

28 июня 1973 г. состоялась защита выпускника Волгоградского педагогического института А.И. Бухарева на тему «Массово-политическая работа партийных организаций Нижнего Поволжья среди крестьянства в период между XV и XVI съездами ВКП(б)». Официальными оппонентами выступили заведующий кафедрой истории СССР Московского историко-архивного института, доктор исторических

наук, профессор Павел Спиридонович Смирнов, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Волгоградского института физкультуры, кандидат исторических наук, доцент Юрий Васильевич Новиков [9. Д. 514. Л. 164–209].

24 октября 1975 г. в Ростовском государственном университете успешно прошла защита Ю.Ф. Болдырева на тему «Борьба трудящегося крестьянства и казачества северных округов Дона за Советскую власть» [Там же. Д. 587. Л. 3].

В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Астраханская партийная организация в период Великой Отечественной войны Советского Союза» А.И. Польская, которая в 1950–1952 гг. являлась деканом литфака, а затем объединённого историко-филологического факультета Астраханского государственного университета.

Под руководством А.И. Польской в Саратовском государственном университете защитила кандидатскую диссертацию по истории народного образования Нижнего Поволжья в послевоенный период Т.В. Шарикова.

Очевидно, что в столь жестких тематических рамках при господстве марксистско-ленинской методологии осуществить глубокие и всесторонние научные исследования было крайне трудно. Тем не менее ученые-историки Нижнего Поволжья внесли заметный вклад в отечественную историческую науку, а некоторые из них получили всесоюзную известность.

В начале 1960-х гг. в ВГПИ издан целый ряд исследований по исторической проблематике. Безусловно, преобладают исследования по истории Нижнего Поволжья. Это возможно объяснить, с одной стороны, возрастанием интереса к региональным исследованиям в период «оттепели», а с другой – значительно большей доступностью местных архивных материалов для учёных провинциальных вузов. Что касается методологической базы данных исследований, то они по совершенно очевидным причинам основываются на марксистско-ленинской концепции исторического развития. Преподаватели кафедры подготовили коллективную монографию «Вопросы развития производительных сил в школьном курсе истории».

Направлением, объединившим всех историков региона, безусловно, стало краеведение. В его рамках работали историки и Саратова, и Волгограда, и Астрахани.

Результатами своей работы учёные регулярно обменивались и на конференциях различного уровня, и при создании межвузовских сборников научных статей по исследуемым направлениям. Публиковались и труды обобщающего характера, получившие всероссийское и зарубежное признание.

Направления исторических исследований, как и в предыдущие периоды, во многом определялись уровнем развития исторической науки. Последний, в свою очередь, в условиях советской социально-политической системы характеризовал не только результаты научной деятельности учёных-историков, но и задавался директивами партии и правительства.

Для историков советского общества объективность исследования означала точное соответствие

идеологическим координатам, задаваемым партией и государством. К середине XX в. в советской исторической науке окончательно утвердилось трактовка истории, основанная на марксистских постулатах формационности и классовости. Как свидетельствуют воспоминания П.В. Волобуева, догматизм и некритическое отношение к цитатам классиков марксизма-ленинизма стали неотъемлемыми характеристиками исторических работ того периода. Следование принципу партийности исследования и ситуационным идеологическим канонам тщательно отслеживалось. Марксистская верификация предполагала соответствие трактовкам и постулатам «Краткого курса истории ВКП(б)». Историки послевоенного поколения, особенно старшего возраста, прошедшие войну (А.И. Юхт, Б.С. Абалихин), столкнулись с необходимостью осмысливать концептуальные изменения в советской исторической науке, появившиеся в годы «оттепели».

Преимуществом наблюдается и в проблематике исторических исследований. Ещё в довоенные годы для провинциальных историков властью были определены приоритетные направления: помимо традиционного изучения местной истории поощрялись разработка вопросов рабочего движения, социальных процессов, аграрная история. Именно данные темы доминировали в исследованиях историков Нижнего Поволжья.

В докладе директора Института всеобщей истории А.О. Чубарьяна внимание было сосредоточено на идее о том, что догматизм и стереотипное мышление длительное время определяли застой в советской исторической науке [10. С. 55].

Наиболее тревожная ситуация сложилась в изучении отечественной истории.

Если исследования по отечественной истории дооктябрьского периода, особенно феодализма, в части проблем политической, экономической истории, истории общественной мысли в мировой историографии занимают достойное место, то освещение острых проблем истории советского периода пока еще не отвечает общественным запросам [11. С. 80].

Поднятые в литературе и диссертациях проблемы послевоенного развития страны, с одной стороны, способствовали исследованию новейшего периода отечественной истории, служили важной основой для его изучения в будущем. С другой стороны, данные работы выполнены в жестких рамках партийно-государственного контроля. Это объясняет и подбор соответствующей источниковой базы, и соответствие сделанных выводов идеологическим установкам органов государственной власти.

Социально-ментальные и профессиональные характеристики кадрового корпуса историков Нижнего Поволжья формировались под строгим государственным контролем и вместе с тем отражали все тенденции социокультурной трансформации советского общества во второй половине XX в.

В целом исторические исследования учёных Нижнего Поволжья рассматриваемого периода не следует оценивать как исключительно догматичные и не опирающиеся на предшествующий опыт и традиции. В данном регионе сложились новые исторические шко-

лы и направления, представители которых внесли значительный вклад в развитие отечественной исторической науки и высшего исторического образования в последующий период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистров Н.А. Партийность исторической науки. Казань, 1979.
2. Носов В.Е. Некоторые вопросы формирования интеллигенции в 1945–1958 гг. // Из истории советской интеллигенции. М. : Мысль, 1966.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 35. Оп. 1.
4. История Саратовского университета. 1909–2009. Саратов, 2009. Т. 2.
5. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2.
6. Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983.
7. ГАВО. Ф. 6056. Оп. 5.
8. ГАВО. Ф. 6056. Оп. 3.
9. ГАВО. Ф. 6056. Оп. 2.
10. Новая и новейшая история. 1989. № 1.
11. Проблемы исторической науки // Новая и новейшая история. 1989. № 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июля 2014 г.

RESEARCH ON THE HISTORY OF THE USSR IN THE LOWER VOLGA REGION UNIVERSITIES IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: TRENDS AND CONTRADICTIONS

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 155-160. DOI: 10.17223/15617793/388/25

Khoroshenkova Anna V. Volgograd State Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: horav73@mail.ru

Keywords: methodology; historical science; history of the USSR; Saratov State University; Volgograd State Pedagogical Institute; Astrakhan State University.

Evolution of the methodological paradigm of historical research, more themes and methodological tools of historians in the period under review were inextricably linked with the process of transformation of the party-state policy of the USSR and the reform of the Soviet society. The turning point in the study of the history of the Soviet society in the Institute of History was the establishment of the Department of the History of the Soviet Society in 1954. Already by 1951, 702 dissertations on the history of the Soviet society were defended in the USSR, while 899 candidate theses were on the entire pre-revolutionary history. These figures clearly show the tendency of formation of the Soviet period history as a leading branch of historical science in the Soviet Union. Researchers of the first postwar decade were mostly interested in the periods of the October Revolution and the Civil War in the USSR. After the war, under the leadership of Saratov State University topical scientific issues to be examined in the following five years were formulated. Historians suggested exploring a complex topic "The Great Patriotic War and Saratov Region". Once the History Faculty had its first Doctor of Sciences, Vasiliy K. Medvedev, the Department of USSR History of the Soviet Period was organized at the initiative of Dean V.A. Osipov. In 1965, WWII veteran Dmitry Polikarpovich Vanchinov became an Associate Professor of the Department. Since then an intensive study of the history of Saratov Region during the war began. Several doctoral research works by Saratov State University scientists were made on the history of the Soviet society – a thesis "Saratov Volga Region during the Great Patriotic War of 1941-1945" (1973) by D.P. Vanchinov, and "The Social Functions of Historical Science in the Great Patriotic War" by G.D. Burdey (1990). The studies at the departments of Stalingrad Pedagogical Institute of the period covered several areas of historical research. Along with the trends of the national historical science the Department of History of the USSR expanded the range of research on the history of the Soviet period. Particular studies focused on regional issues. Several key areas in the study of the Soviet period were defined: the first was related to the study of history of Tsaritsyn and and of the Civil War, the second studied the history of the Great Patriotic War and the Battle of Stalingrad, the third – the role of the CPSU in the history of Stalingrad-Volgograd. Directions of historical research, as in previous periods, were largely determined by the development of historical science. The latter, in turn, under the Soviet socio-political system characterized not only the results of historians' research, but was also set by the party and government directives.

REFERENCES

1. Burmistrov N.A. *Partiynost' istoricheskoy nauki* [Party spirit in historical science]. Kazan: Kazan University Publ., 1979. 150 p.
2. Nosov V.E. *Nekotorye voprosy formirovaniya intelligentsii v 1945–1958 gg.* [Some questions of the formation of the intelligentsia in 1945-1958]. In: *Iz istorii sovetskoy intelligentsii* [From the history of the Soviet intelligentsia]. Moscow: Mysl' Publ., 1966.
3. State Archive of Contemporary History of Saratov Oblast (GANISO). Fund35. List 1.
4. *Istoriya Saratovskogo universiteta. 1909–2009* [History of the University of Saratov. 1909-2009]. Saratov, 2009. Vol. 2.
5. State Archive of Contemporary History of Saratov Oblast (GANISO). Fund 594. List 2.
6. Derbov L.A. *Istoricheskaya nauka v Saratovskom universitete* [Historical science at the University of Saratov]. Saratov, 1983.
7. State Archives of Volgograd Region (GAVO). Fund 6056. List 5.
8. State Archives of Volgograd Region (GAVO). Fund 6056. List 3.
9. State Archives of Volgograd Region (GAVO). Fund 6056. List 2.
10. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1989, no. 1.
11. *Problemy istoricheskoy nauki* [The problems of historical science]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1989, no. 6.

Received: 9 July 2014

ПРАВО

УДК 349.3

А.В. Волошин

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Формулируются основные начала разграничения полномочий Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований в области правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи. Делается вывод о необходимости закрепления данных начал в будущем унифицированном нормативном правовом акте в области социального обеспечения.

Ключевые слова: социально-обеспечительная помощь; принципы правового регулирования; разграничение полномочий; многоуровневость.

Социальное обеспечение не существует вне правовой среды. Размер, основания, условия и порядок его предоставления всегда определяются в правовой форме [1. С. 86]. Социально-обеспечительная помощь также не существует вне правового пространства и имеет исключительно юридическую природу. Вместе с тем до настоящего времени остаются неурегулированными отдельные элементы правового механизма ее оказания, что негативно сказывается на эффективности правового регулирования в данной области. Одним из таких неурегулированных элементов является разграничение компетенции РФ, ее субъектов и муниципальных образований. Четкая правовая регламентация в этом вопросе крайне важна, поскольку резко снижает количество возможных правовых коллизий, усиливает гарантированность социального обеспечения. Очевидно, что построение оптимальной модели разграничения полномочий в области социально-обеспечительной помощи невозможно без предварительного выделения руководящих начал такого разграничения (принципов).

Основным фактором, который следует учитывать при формулировании принципов правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи, является многоуровневость правового регулирования социально-обеспечительных отношений в целом. Многоуровневый характер возможен благодаря тому, что Конституция РФ, во-первых, относит социальное обеспечение к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72), во-вторых, закрепляет возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (ч. 2 ст. 132) и, в-третьих, признает международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15). Заметное влияние на формирование системы принципов, их содержание оказывает общая экономическая природа отношений по социальному обеспечению, обусловленная их распределительным характером [2. С. 28], а также юридически обязательный характер социально-обеспечительных мероприятий, заключающийся в том, что предоставление социального обеспечения выступает не правом органов государственной власти и местно-

го самоуправления, а нормативно закрепленной обязанностью. Наконец, следует принимать во внимание иерархию и субординацию нормативных правовых актов в области социального обеспечения, предполагающие строгое подчинение актов меньшей юридической силы актам большей юридической силы, а также главенствующее положение в этой системе вступивших в силу международных договоров РФ.

С учетом названных обстоятельств предлагается выделять следующие основополагающие начала разграничения полномочий в области правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи.

1. Принцип разумной сдержанности федерального регулирования. Согласно данному принципу на федеральном уровне должны устанавливаться только основы правового регулирования, призванные обеспечить единство всей системы, а остальные вопросы могут быть переданы на уровень регионов и муниципальных образований.

Рассматриваемый принцип основан на двух выделяемых в науке идеях организации многоуровневых правовых систем. Первая из них – идея субсидиарности. Она впервые была сформулирована в 1931 г. Папой Пием XI: «Не дозволено, с целью передачи обществу, отнимать у отдельных лиц то, что последние могут выполнить собственными силами и мерами, так одинаково нельзя передавать более значительной [по рангу] организации то, что может быть сделано меньшими и более слабыми обществами» [3. С. 132]. Идея субсидиарности заключается в том, что наиболее широкий объем полномочий закрепляется за региональным и муниципальным уровнями, а Федерация ведает лишь теми вопросами, которые в силу их основополагающего, системообразующего характера нецелесообразно решать на нижерасположенных уровнях. Вторая идея – идея ограниченной необходимости федерального регулирования – предполагает, что функция федерального уровня в многоуровневой системе правового регулирования сводится к обеспечению единообразия и этим ограничивается. В соответствии с данной идеей федеральное регулирование в сфере социально-обеспечительной помощи должно осуществляться только в том случае, когда требуется гарантировать единообразные условия социального

обеспечения либо сохранить правовое и экономическое единство в общегосударственных интересах.

В этой связи к исключительному предмету ведения Российской Федерации в области правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи должны относиться такие полномочия, как формирование единых для всего государства признаков нуждаемости, определение перечня нормативных правовых актов, составляющих правовую основу регулирования отношений по социально-обеспечительной помощи, закрепление видов социально-обеспечительной помощи, предоставление которых гарантируется на всей территории Российской Федерации (так называемый видовой стандарт), установление порогового уровня обеспечения, в пределах которого оказание социально-обеспечительной помощи гарантировано Российской Федерацией и др. Исключительно федеральный характер осуществления данных полномочий позволяет обеспечить равный для всех минимальный уровень государственных правовых гарантий в области социального обеспечения независимо от места проживания получателя и каких-либо иных обстоятельств. Напротив, существует целый ряд полномочий, которые нецелесообразно закреплять в качестве монополии Федерации. К ним относится, например, полномочие осуществлять международное сотрудничество в области социально-обеспечительной помощи, которым согласно действующему законодательству в полной мере наделяются и субъекты РФ [4].

В дополнение к уже сказанному о принципе разумной сдержанности федерального регулирования отметим, что Российская Федерация, без сомнения, могла бы сосредоточить у себя все или подавляющее большинство полномочий в области социально-обеспечительной помощи, но это было бы крайне неэффективным. В данном случае стало бы невозможным учесть специфику конкретных территорий, которая оказывает заметное влияние на характер применяемых социально-обеспечительных мероприятий, а ее учет выступает гарантией более полного и качественного удовлетворения жизненно важных потребностей граждан с учетом региональных и муниципальных особенностей. Среди таких особенностей природно-климатические условия, социально-демографический состав населения, структура занятости и некоторые другие. Таким образом, можно констатировать, что абсолютное единообразие правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи не только нежелательно, но и недостижимо.

2. Принцип субординации нормативно-правовых актов. В случаях, когда на федеральном уровне устанавливаются основы правового регулирования в рамках отдельных элементов системы социально-обеспечительной помощи (пособия, льготы, услуги и т.д.), должен соблюдаться принцип соответствия актов, обладающих меньшей юридической силой, актам, обладающим большей юридической силой. При этом определяющую роль в каждой из подсистем нормативных правовых актов (федеральная, региональная, муниципальная) играют международные договоры и Конституция РФ, служащие связующим звеном между этими подсистемами.

3. Принцип неухудшения уровня социально-обеспечительных гарантий, принцип благоприятного правового режима [5. С. 225]. Он тесно связан с принципом субординации нормативно-правовых актов. Суть его заключается в том, что нижестоящий субъект правотворческой деятельности не вправе ухудшать (ограничивать) положение участника правовых отношений, определенное на федеральном уровне, но может повышать уровень гарантий [6. С. 86, 87]. В части правового регулирования отношений по социально-обеспечительной помощи данный принцип означает, что на нижестоящем (региональном, местном) уровне должен быть гарантирован закрепленный на вышестоящем (федеральном, региональном) уровне норматив обеспечения, касающийся его объема (размера), видового разнообразия, дуализма форм и т.п.

4. Принцип самостоятельного финансирования произвольно осуществляемых региональных и муниципальных полномочий. Он означает, что региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления свободны в осуществлении правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи при условии финансирования социально-обеспечительных мероприятий за счет собственных бюджетных средств. Помимо обязанности реализовывать прямо закрепленные либо переданные с вышестоящего уровня полномочия, региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления обладают так называемыми произвольными полномочиями, в части которых происходит повышение федерального уровня социально-обеспечительных гарантий. В отношении субъектов РФ полномочие повышать федеральный стандарт охватывается так называемой добровольной компетенцией, правовые предпосылки для которой формально создает Конституция, в которой, в частности, закрепляется, что вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73).

5. С учетом распределительной и, как следствие, общей экономической природы отношений по социальному обеспечению достаточно важным в правовом регулировании отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи является принцип бюджетного детерминизма. В соответствии с ним в распоряжении органов социального обеспечения каждого уровня на постоянной основе находятся определенные денежные средства, закрепленные за соответствующим уровнем законодательно. Непосредственно сами полномочия, в том числе в области социально-обеспечительной помощи, формулируются с использованием категории «расходное обязательство». Так, в ст. 5 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» предусмотрено, что меры социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, яв-

ляются расходными обязательствами Российской Федерации. Текст данной нормы в предыдущей редакции содержал несколько иную формулировку, предполагающую, что финансирование связанных с реализацией закона расходов осуществляется из федерального бюджета. Нормативное закрепление бремени финансирования с применением конструкции «расходное обязательство» представляется более правильным с тех позиций, что финансирование социально-обеспечительных мероприятий, как и их осуществление, выступает не правом, а обязанностью, возложенной на конкретного субъекта, и не может ставиться в зависимость от его усмотрения. Нормы о расходных обязательствах также закреплены в Федеральном законе от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ст. 5), Федеральном законе «О государственной социальной помощи» (ч. 2 ст. 5) и некоторых других актах.

6. Принцип финансовой обеспеченности передающихся полномочий. Данный принцип тесно увязан с принципом бюджетного детерминизма, но распространяется только на случаи передачи полномочий от одного уровня системы социально-обеспечительной помощи другому. В соответствии с ним передача полномочий на нижестоящие уровни должна в обязательном порядке сопровождаться передачей компенсирующих средств на их исполнение. Так, в ч. 2 ст. 132 Конституции прямо закрепляется, что органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями исключительно с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств.

Принцип финансовой обеспеченности передающихся полномочий целесообразно выделить отдельно, в дополнение к принципу бюджетного детерминизма, поскольку в действующих нормативно-правовых актах, регулирующих отношения по оказа-

нию социально-обеспечительной помощи, содержится значительное количество положений, закрепляющих осуществление региональными органами власти изначальными федеральными государственными полномочиями, переданных регионам вместе со специальными средствами на их исполнение (субвенциями). Подобные положения предусмотрены, в частности, в Федеральном законе от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ст. 4.1), Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (ст. 4, 4.1), Федеральном законе от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ст. 28.2), Федеральном законе от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (ст. 23.2), Законе РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ст. 14) и некоторых других.

Полагаем, что выделенных принципов достаточно для обеспечения единообразного и устойчивого развития отечественной системы социально-обеспечительной помощи. Поскольку они имеют основополагающий для соответствующей области правового регулирования характер, считаем необходимым рекомендовать законодателю нормативно закрепить их перечень. Главная трудность, однако, заключается в том, что закрепление подобных основополагающих начал возможно только в акте, предметно распространяющем свое действие на все многообразие социально-обеспечительных отношений, который в Российской Федерации пока не принят. По этой причине решение вопроса о легальном закреплении принципов правового регулирования отношений по оказанию социально-обеспечительной помощи следует отложить до разработки Федерального закона «Об основах социального обеспечения в Российской Федерации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракчеев В.С. Социальное обеспечение как понятийная категория права // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 83–87.
2. Гуцин И.В. Советское право социального обеспечения: вопросы теории. Минск : Наука и техника, 1982. 176 с.
3. Амлеева А.А. Субсидиарность как элемент эффективного общества // Христианские начала экономической этики : сб. материалов Междунар. интернет-конференции. М., 2001. С. 131–136.
4. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 4 января 1999 года № 4-ФЗ // СЗ РФ. № 2. 11.01.1999. Ст. 231.
5. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма : учеб.-практ. пособие. М. : Дело, 2000. 280 с.
6. Рогачев Д.И. Метод права социального обеспечения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 197 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июня 2014 г.

PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS ON RENDERING SOCIAL SECURITY ASSISTANCE IN MODERN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 161-164. DOI: 10.17223/15617793/388/26

Voloshin Anton V. Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: volanttt@mail.ru

Keywords: social security; principles of legal regulation; separation of powers; multilevelness.

One of the most important conditions for building an efficient system of legal regulation of relations on rendering social security assistance is determining the basic elements (principles) of differentiation in this area of the authority of the Russian Federation, its subjects and municipalities. Clear legal regulation in this matter will reduce the number of possible legal conflicts, strengthen warranty of social security. It is established that the formation of the system of principles of legal regulation of relations on rendering social security assistance in modern Russia is influenced by the following factors: multi-level legal regulation of social security relations; their distribution and, as a consequence, the general economic nature; the legally binding nature of social security measures, namely,

the fact that the provision of social security is not the right of public authorities and local self-government, but a statutory duty; the hierarchy and subordination of legal acts in the field of social security with strict subordination of acts of lesser legal force to acts of greater legal force as well as with the dominating position of international treaties of the Russian Federation that came into force in this system. Taking into account these circumstances it is proposed to allocate six fundamental principles of separation of powers in the field of legal regulation of relations in the provision of social security assistance: 1) the principle of reasonable restraint of the federal regulation; 2) the principle of subordination of legal acts; 3) the principle of non-deterioration of social security guarantees level; 4) the principle of self-financing of arbitrarily implemented powers by the regional and municipal authorities; 5) the principle of budgetary determinism; 6) the principle of financial security of delegated powers. In the end the author makes a conclusion about the adequacy of the selected principles to ensure a consistent and sustainable development of the national system of social security assistance and points to the objectively urgent need of legal securing of their list in the legal act that extends its effect on all the diversity of social security relations by subject. At the same time it is emphasized that due to the absence of this act in Russia, the decision on the legal consolidation of the principles of legal regulation of relations on rendering social security assistance should be postponed until the development of the Federal law "On Fundamentals of Social Security in the Russian Federation".

REFERENCES

1. Arakcheev V.S. Social security as a conceptual category of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 355, pp. 83-87. (In Russian).
2. Gushchin I.V. *Sovetskoe pravo sotsial'nogo obespecheniya: voprosy teorii* [Soviet social security law: theory]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1982. 176 p.
3. Ampleeva A.A. [Subsidiarity as an element of an effective society]. *Khristianskie nachala ekonomicheskoy etiki: sb. materialov mezhdunarodnoy Internet-konferentsii* [Christian origin of economic ethics: proceedings of the international Internet conference]. Moscow, 2001, pp. 131-136. (In Russian).
4. O koordinatsii mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazey sub"ektov Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 4 yanvarya 1999 goda № 4-FZ [Coordination of international and foreign economic relations of the Russian Federation: Federal Law of January 4, 1999 no. 4-FZ]. *Sbornik Zakonov RF*, 1999, no. 2, January 11, Art. 231.
5. Umnova I.A. *Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiyskogo federalizma* [The constitutional foundations of modern Russian federalism]. Moscow: Delo Publ., 2000. 280 p.
6. Rogachev D.I. *Metod prava sotsial'nogo obespecheniya*. Dis. kand. yurid. nauk [Method of social security law. Law Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 197 p.

Received: 24 June 2014

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Рассматриваются международно-правовые нормативные акты и соглашения стран СНГ, запрещающие торговлю людьми, а также особенности законодательства и правовых положений Кыргызской Республики по предотвращению торговли людьми. Определены основные направления по сокращению и предупреждению незаконной миграции, в частности: следует гарантировать успешное управление миграцией и доверие к легальной иммиграционной политике; поддерживать удовлетворительный уровень зарплаты и условия труда для местных работников и легальных трудящихся-мигрантов и др.

Ключевые слова: вербовка; иммигранты; КР; миграция; нерегулярная миграция; нерегулярный мигрант; УК КР.

Незаконный ввоз и вывоз мигрантов способствует повышению уровня нерегулярной миграции, факторами которой являются бедность, безработица, несоответствие нормативно-правовой базы, коррупция, отсутствие механизмов регулирования межгосударственного сотрудничества и т.п. Правонарушения и незаконный ввоз и вывоз мигрантов, которые пересекают государственную границу по поддельным документам, в регионе осуществляются по так называемым зеленым секторам¹.

Основным инструментом для усиления регионального сотрудничества по вопросам нерегулярной миграции в СНГ является Соглашение о сотрудничестве государств – членов СНГ в борьбе с нелегальной миграцией, подписанное 6 марта 1998 г. всеми государствами СНГ, за исключением Туркменистана. Это Соглашение охватывает сотрудничество и меры по координации в области иммиграционного контроля, гармонизации законодательства и процедур депортации, а также обмен информацией по нерегулярной миграции. Кроме того, участники согласились создать общую базу данных по нерегулярным мигрантам, а Российскую Федерацию назначить ответственной за поддержание и обновление базы данных² [1].

Были определены основные направления по сокращению и предупреждению незаконной миграции, в частности: следует гарантировать успешное управление миграцией и доверие к легальной иммиграционной политике; поддерживать удовлетворительный уровень зарплаты и условия труда для местных работников и легальных трудящихся-мигрантов; необходимо избегать создания секторов экономики или промышленных предприятий, полностью зависящих от труда нерегулярных мигрантов, и др.

Кроме того, серия комплексных мер по предотвращению или сокращению нерегулярной миграции может применяться на всех стадиях миграционного процесса: при деятельности в странах происхождения; при охране границ и проведении жизнеспособной визовой политики; при осуществлении мероприятий и санкций против лиц и организаций, усиливающих нерегулярную миграцию; при принятии мер безопасности для незаконных трудящихся-мигрантов; регуляризационных или легализационных программах; мер по возвращению мигрантов; при открытии большого количества законных каналов для трудовой миграции в межгосударственном сотрудничестве.

Для решения поставленных проблем в свое время был создан специальный Департамент в Министерстве труда, занятости и миграции для регулирования работы частных агентств по найму. Кроме того, были приняты усилия по реформированию структур пограничного контроля: четыре пограничных пункта оборудованы компьютерной системой по сбору данных о лицах, въезжающих в Кыргызстан и выезжающих из него. Эта система также включает «черный список» для предотвращения въезда в страну недобросовестных приезжих, а также защищенные современными защитными средствами паспорта, которые имеют такие отличительные характеристики, как идентификационный номер и т.п.

Действия, приведшие людей к положению рабов и подобные им, подневольный труд, принуждение к заключению брака и насильственная проституция с целью эксплуатации, долговая кабала и порабощение людей повсеместно признаны действиями, подрывающими личные права человека, и согласно международным правовым нормам являются запрещенными видами деятельности. Согласно нормам международного права государства обязаны предотвращать нарушение прав человека, расследовать все случаи подобных нарушений, предпринимать соответствующие действия по отношению к нарушителям прав человека и обеспечивать моральную и материальную компенсацию тем, кто понес ущерб в результате этих нарушений.

Международное сообщество решительно осудило торговлю людьми, рассматривая ее как возмутительное и крайне серьезное нарушение прав человека, как разновидность современного рабства и особую форму насилия над человеком. В Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1949 г. говорится, что торговля людьми и сопровождающая ее проституция несовместимы с достоинством личности. В ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. говорится о том, что никто не должен содержаться в рабстве, и оно, а также работорговля запрещаются во всех их видах.

На международном уровне некоторые признаки более гармонизированного подхода можно наблюдать в появлении нового международного договора по этому вопросу – Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и

детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., принятой в Палермо.

Вместе с рядом документов в сфере международного законодательства Кыргызстан подписал и ратифицировал Протокол против незаконного ввоза от 2 октября 2003 г., а также соглашение о сотрудничестве между государствами – членами СНГ в области борьбы с нелегальной миграцией. Кыргызстан сегодня известен как страна вывоза, транзита и ввоза жертв торговли людьми. Динамика торговли людьми в Кыргызской Республике очень сложная и охватывает широкий спектр проявлений – от эксплуатации трудовых мигрантов до принудительной проституции [2. С. 15].

Проблема незаконного вывоза и торговли людьми существует во всех регионах Кыргызской Республики [3]. Тем не менее наблюдаются специфические особенности и факторы, влияющие на ситуацию в каждом отдельном регионе. В южных регионах Кыргызстана: Ошской, Жалал-Абадской и Баткенской областях сложились предпосылки для массовой трудовой миграции трудоспособного населения в промышленные районы России и сельскохозяйственные районы Казахстана в связи с нехваткой земельных ресурсов, высокой плотностью населения, простым промышленным предприятиям, высоким уровнем бедности и безработицы. Особенно массовая – трудовая – миграция характерна для табаководческих районов Ошской области – Ноокатского, Узгенского и Кара-Суйского, так как труд мигрантов из данных регионов активно используется на табачных плантациях Казахстана.

Правовые положения и законы по защите мигрантов по предотвращению торговли людьми, согласно законодательству Кыргызской Республики, не являются отдельным административным или уголовным преступлением. Тем не менее Уголовный кодекс КР предусматривает наказание: за торговлю людьми [4. Ст. 124]; организацию нерегулярной миграции [Там же. Ст. 204-1]; неоднократное нарушение правил привлечения и использования в КР иностранной рабочей [Там же. Ст. 204-2]; незаконное пересечение государственной границы [Там же. Ст. 346]; подделку, изготовление, сбыт или использование фальшивых документов, штампов, печатей и бланков [Там же. Ст. 350]. Более того, Кодекс об административной ответственности КР предусматривает ряд причин для высылки в административном порядке и сокращения срока пребывания иностранцев и лиц без гражданства в случаях нарушения правил пребывания [5].

Способы совершения преступления в сфере торговли людьми являются обязательным признаком объективной стороны. Для того чтобы вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение выкупа за человека выступали признаками объективной стороны торговли людьми, хотя бы одно из указанных действий должно сопровождаться хотя бы одним из указанных в диспозиции комментируемой статьи следующих способов: угроза силой; применение силы; другие формы принуждения; похищение; мошенничество; обман; злоупотребление властью; злоупотребление уязвимостью положения потерпевшего; подкуп в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо [6. С. 43].

Кроме вышеперечисленных, в классификации законодательства по торговле людьми существуют и другие формы принуждения. Это оказание определенного психического воздействия на потерпевших. Давление на потерпевших может осуществляться путем: а) шантажа, т.е. угрозы сообщения порочащих лицо или его близких сведений либо иных сведений, распространение которых может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (например, угроза раскрыть тайну усыновления); б) угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества.

В разделе 4 Закона Кыргызской Республики «О внешней миграции» об ответственности за нарушение законодательства Кыргызской Республики предусматриваются «ответственность за незаконный въезд иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Кыргызской Республики» [7. Ст. 59]. Закон также предусматривает ответственность за незаконный въезд на территорию Кыргызской Республики, ответственность за принятие на работу незаконных мигрантов [Там же. Ст. 60], граждан других государств и лиц без гражданства, прибывающих на территорию Кыргызской Республики без соответствующего разрешения. Физические и юридические лица, пригласившие иностранных граждан и лиц без гражданства [Там же. Ст. 61], физические и юридические лица, пригласившие иностранных граждан и лиц без гражданства в Кыргызскую Республику, несут ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики. Нарушение порядка пребывания или транзитного проезда [Там же. Ст. 62], проживание иностранных граждан или лиц без гражданства, проживание без документов на право жительства или по недействительным документам, несоблюдение установленного порядка регистрации либо передвижения, выбора места жительства, уклонение от выезда по истечении определенного срока пребывания или несоблюдение правил транзитного проезда через территорию Кыргызской Республики влекут ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики.

Ответственность перевозчика [Там же. Ст. 63]. Иностранному гражданину или лицу без гражданства, прибывшему на территорию Кыргызской Республики без соответствующего на то разрешения, компетентные государственные органы обязаны обеспечить выезд с территории Кыргызской Республики за счет самих иностранных граждан и лиц без гражданства, а в случае отсутствия таковых средств – за счет перевозчика [7. Ст. 6. Ч. 2].

Таким образом, незаконный ввоз и вывоз мигрантов и торговля людьми – это два разграниченных между собой уголовно наказуемых правонарушения, признанных таковыми на международном уровне. Они определены международным сообществом в двух отдельных протоколах ООН (Протокол против незаконного ввоза мигрантов и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми), призывающих к мерам по противодействию им.

Несомненно, доступность незаконных мигрантов для некоторых работодателей позволяет предприяти-

ям наживаться за счет получения незаслуженного преимущества перед конкурентами из-за более низкой стоимости труда. Следовательно, у них не возникает стимула реконструировать, модернизировать и улучшать условия труда. Следует предотвращать эксплуатацию незаконных мигрантов работодателями, посредниками или агентствами по трудоустройству, лицами, которые занимаются незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми. Им платят более низкую зарплату по сравнению с местными рабочими или стальными трудящимися-мигрантами, при увольнении они часто не могут получить свои деньги, редко бывают защищены законом в области со-

циального страхования. Более того, их также могут эксплуатировать лица, занимающиеся незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми, которые впоследствии могут поставить их в положение, близкое к рабству или принудительному труду. Нерегулярная трудовая миграция все в большей степени контролируется организованной преступностью, что является негативной чертой данного явления.

Несомненно, участие организованной преступности в нерегулярной трудовой миграции, особенно в контексте высокого уровня эксплуатации при торговле людьми, может угрожать и национальной безопасности в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Зеленый сектор» – отрезок государственной границы между пунктами пограничного контроля.

² Резолюция о положениях по созданию общей базы данных о нелегальных мигрантах и лицах, не имеющих права въезжать на территорию этих стран, членах Соглашения между странами СНГ о сотрудничестве в борьбе с нелегальной миграцией, несогласованности с местным законодательством и о порядке обмена информацией по нелегальной миграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Соглашение о сотрудничестве государств – членов СНГ в борьбе с нелегальной миграцией» от 06.03.1998 г. // Информационно-правовая система «ТОКТМ Юрист Про». Бишкек, 2013.
2. *Торговля женщинами и детьми в Кыргызской Республике* // Аналитический отчет Международной организации по миграции. Бишкек : MOM, 2000.
3. Шишкараева Э., Горборукова Г., Рыскулова Б. Базовая оценка для проекта по предотвращению торговли людьми в Кыргызстане / под общ. ред. Э. Хейден. Бишкек, 2003.
4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 69 (в редакции от 15 декабря 2004 г. № 19) // Информационно-правовая система «ТОКТМ Юрист Про». Бишкек, 2013.
5. Кодекс об административной ответственности. Ст. 39, 40.
6. Солиев К. Комментарий к преступлениям, связанным с торговлей людьми. Душанбе, 2011.
7. Закон Кыргызской Республики «О внешней миграции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.10.2009 г.) Принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 23 июня 2000 года // Информационно-правовая система «ТОКТМ Юрист Про». Бишкек, 2010.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 сентября 2014 г.

REGULATORY CONTROL TO RESIST HUMAN TRAFFICKING IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 165-168. DOI: 10.17223/15617793/388/27

Isabekov Kubanychbek S. Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: isabekov_k@mail.ru

Keywords: recruitment; immigrants; Kyrgyz Republic; migration; irregular; an irregular migrant; Criminal Code of the Kyrgyz Republic.

Counteraction to human trafficking requires particular attention and legislative regulation at all stages of migration, namely, in: the countries of origin; protection of borders; conducting viable visa policy; implementing measures against uncontrolled migration; security measures for illegal labor-migrants; regularization and legalization of migration programs; measures on returning migrants to homeland, etc. Actions compelling persons to slavery, forced labor, forced marriage and prostitution with exploitation purpose, debt bondage and enslavement are recognized as actions undermining individual rights and prohibited by international norms. International law requires states to prevent human rights violation, and it decisively condemns human trafficking, vividly reflected in documents, such as the United Nations Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others (21 March 1949), International Covenant on Civil and Political Rights (19 December 1966), Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, especially Women and Children, supplementing UN Convention against Transnational Organized Crime (adopted on 15 November 2000, Palermo), The *Protocol against the Smuggling of Migrants* by Land, Sea and Air (2000) and others ratified by Kyrgyzstan and consequently becoming an integral part of the national law. Kyrgyzstan today is known as the country of export, import and transit for human trafficking. Its dynamics is very complex, covering a wide range of spectra from labor migrants' exploitation to forced prostitution, which is reflected in the Criminal Code of the Kyrgyz Republic (Articles 124, 204-1, 204-2, 346, 350). The law additionally stipulates punishment for the following actions: threat of force; blackmail; the use of force; other forms of coercion; kidnapping; fraud; deception; abuse of power; abuse of the victim's vulnerable situation; bribery by payments or benefits, aimed to obtain agreement from a person controlling another person, etc. The Administrative Code of the KR provides for a number of reasons on deportation and reducing the period of stay for foreigners and stateless persons if they violate the rules of residence. The law of the Kyrgyz Republic "On External Migration" also stipulates liability for violations related to illegal entry of foreign citizens and stateless persons on the territory of Kyrgyz Republic, as well as violating rules of stay and transit pass (Articles 59-63). In this way, illegal import and export of migrants and human trafficking are two distinctive penal acts, recognized on the international level. They are defined by international community in two separate UN Protocols (Protocol Against Smuggling of Migrants, and the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons) urging for actions to combat human trafficking.

REFERENCES

1. "Soglasenie o sotrudnichestve gosudarstv – chlenov SNG v bor'be s nelegal'noy migratsiey" ot 06.03.1998 g. ["Agreement on Cooperation of states – members of the CIS in the fight against illegal migration" of 06 June 1998]. "TOKTOM Yurist Pro". Bishkek, 2013.
2. *Torgovlya zhenshchinami i det'mi v Kyrgyzskoy Respublike* [Trafficking of Women and Children in the Kyrgyz Republic]. In: *Analiticheskiy otchet Mezhdunarodnoy organizatsii po migratsii* [Analytical report of the International Organization for Migration]. Bishkek: MOM Publ., 2000.
3. Shishkaraeva E., Gorborkova G., Ryskulova B. *Bazovaya otsenka dlya proekta po predotvrashcheniyu trgovli lyud'mi v Kyrgyzstane* [Baseline evaluation of the project to prevent trafficking in Kyrgyzstan]. Bishkek, 2003.
4. Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 1 oktyabrya 1997 goda № 69 (v redaktsii ot 15 dekabrya 2004 goda № 19) [The Criminal Code of the Kyrgyz Republic of October 1, 1997 no. 69 (in the version of December 15, 2004 no. 19)]. "TOKTOM Yurist Pro". Bishkek, 2013.
5. Code of Administrative Responsibility. Art. 39, 40.
6. Soliev K. *Kommentariy k prestupleniyam, svyazannym s trgovley lyud'mi* [Commentary on crimes related to human trafficking]. Dushanbe, 2011.
7. Zakon Kyrgyzskoy Respubliki "O vneshney migratsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 12.10.2009 g.) Prinyat Zakonodatel'nym sobranie Zhogorku Kenesha Kyrgyzskoy Respubliki 23 June 2000 goda [The Law of the Kyrgyz Republic "On External Migration" (with alterations and amendments as of 12 October 2009) Adopted by the Legislature Parliament of the Kyrgyz Republic of June 23, 2000]. "TOKTOM Yurist Pro". Bishkek, 2010.

Received: 26 September 2014

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена исследованию вопросов сущности и содержания административно-правового статуса лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Данное лицо выступает центральным участником этого производства, правовой статус которого требует не только тщательного закрепления в законе, но и должного теоретического осмысления. Приведен анализ отдельных элементов, составляющих содержание административно-правового статуса такого лица.

Ключевые слова: административно-правовой статус; административная ответственность; производство по делам об административных правонарушениях; право на защиту; гарантии прав граждан.

Статья 1 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию правовым государством. Современная политико-правовая доктрина под правовым государством понимает демократическое государство, в котором обеспечивается верховенство закона, последовательно проводится принцип разделения властей, а также признаются и гарантируются права и свободы каждого человека. Законодатель и правоприменитель в первую очередь должны исходить из приоритета прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных в Международном пакте о гражданских политических правах [1], Всеобщей декларации прав человека [2], Конституции РФ.

В условиях правового государства защита прав и свобод человека приобретает характер особо значимой функции государства, которое берет на себя обязанности перед личностью не только наиболее полно закрепить ее права в нормативно-правовых актах, но и обеспечить реальность этих прав и их защиту. Конституционное положение, провозгласившее Россию правовым государством, может приобрести оболочку реальности только в том случае, если защита прав граждан и юридических лиц станет главной обязанностью государства.

Статьей 2 Конституции РФ установлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, государство обязано реально обеспечить защиту прав и охраняемых законом интересов в случае их оспаривания или нарушения. В условиях правового государства защита прав и свобод из идеальной модели правопорядка превращается в реальную [3. С. 16].

На исключительную важность защиты прав человека в условиях правового государства неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, отмечая, что конституционный принцип правового государства, возлагающий на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, предполагает установление такого правопорядка, который

должен гарантировать каждому государственную защиту его прав и свобод [2]. В то же время Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод граждан в сфере правоотношений, связанных с публичной, в том числе административной, ответственностью, указывая на то, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из Конституции РФ и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности [4–7]. При этом личность в ее взаимоотношениях с государством должна рассматриваться как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов [8, 9].

Таким образом, Конституция РФ во главу угла становления и развития правового государства ставит именно защиту прав и свобод личности.

Особое значение эта защита приобретает при вступлении человека в отношения с государством, связанные с применением уголовно- или административно-правовых санкций. Поскольку подобного рода отношения изначально построены на неравенстве сторон и безусловном подчинении, в данной сфере присутствуют большая вероятность произвола и, как следствие, нарушение прав и законных интересов человека и гражданина. Незаконные действия государственных органов и их должностных лиц не могут не затрагивать субъективных конституционных прав личности. Как отмечал В.П. Грибанов [10. С. 96], субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь декларативным правом.

Исследование вопросов сущности и содержания административно-правового статуса лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в условиях построения правового государства, проводимой в стране судебной и административной реформы, с которой связаны кардинальный пересмотр, кодификация и систематизация законодательства, несомненно, является своевременным и отвечающим задачам российского государства на современном этапе его развития.

Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вы-

ступает центральным участником этого производства, правовой статус которого требует не только тщательного закрепления в законе, но и должного теоретического осмысления.

Под общим правовым статусом в юридической литературе традиционно понимается закрепленная законами и иными нормативно-правовыми актами система прав и обязанностей субъекта правоотношений. Вместе с тем большинство исследователей добавляют в содержание правового статуса в дополнение к правам и обязанностям также и другие элементы в отдельности либо в их совокупности: гарантии и принципы их реализации, гражданство, правосубъектность, ответственность [11. С. 23; 12. С. 42–50; 13. С. 3–11; 14. С. 189–205; 15. С. 33–35; 16. С. 4].

Административно-правовой статус является организационной частью общего правового статуса и потому характеризуется той же совокупностью структурных элементов, составляющих его содержание, однако ограничивается лишь сферой административных правоотношений. Единство мнений относительно содержания административно-правового статуса среди ученых-административистов отсутствует. Вместе с тем все они признают в качестве его стержневой основы права и обязанности субъекта в сфере государственного управления, дополняя его теми или иными структурными элементами по аналогии с общим правовым статусом [17. С. 12; 18. С. 40; 19. С. 230].

Множественность административных правоотношений в реальной жизни предопределяет то обстоятельство, что вступление лица в такие правоотношения зачастую влечет изменение его административно-правового статуса. Поэтому наряду с общим административно-правовым статусом выделяют более конкретизированные (специальные) статусы. Так, содержание общего административно-правового статуса раскрывается через общие права и обязанности, присущие всем субъектам, независимо от каких-либо групповых особенностей. Специальные же административно-правовые статусы более конкретизированы в зависимости от принадлежности к конкретной группе, объединенной специфическими признаками. Так, например, Д.Н. Бахрах [20. С. 40–47] выделяет специальные административно-правовые статусы индивидуальных субъектов, исходя из их социальной роли: статус членов административных коллективов; статус субъектов административной опеки; статус жителей территорий с особым административно-правовым режимом; статус субъектов разрешительной системы; статус лиц, совершивших преступления и административные проступки. Безусловно, правовое положение последней группы субъектов обладает значительной спецификой по сравнению с общим административно-правовым статусом и, в первую очередь, это выражается в возможности применения к данным лицам принудительных мер.

В общем, соглашаясь с утверждением, что статус лиц, совершивших административные правонарушения, по существу является специальным административно-правовым статусом, вместе с тем следует уточнить, что аналогичным правовым статусом будут обладать и лица, не совершавшие правонарушений, од-

нако в отношении которых возбуждено производство по делу об административном правонарушении. В то же время вряд ли изменится общий административно-правовой статус лиц, хоть и совершивших противоправные деяния, однако не вовлеченных в административно-юрисдикционный процесс. Как замечает сам профессор Д.Н. Бахрах, «число физических и юридических лиц, способных претерпевать неблагоприятные последствия неправомерного поведения, намного больше числа субъектов права, несущих ответственность, потому, что многие правонарушения не обнаружены, или их субъекты не установлены, или прошли сроки давности привлечения к ответственности и т.д.» [21. С. 2–5]. В связи с чем, по нашему мнению, более точно следует говорить о наличии такого специального административно-правового статуса, как статус лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

В то же время административно-правовой статус отдельных лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, отличен от общего административно-правового статуса иных лиц, привлекаемых к административной ответственности. Так, специфическим содержанием обладает административно-правовой статус лиц, привлекаемых к административной ответственности в особом порядке (депутаты, судьи, прокуроры и др.), а также лиц, к которым не применимы отдельные виды административных наказаний (беременные женщины, женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет, несовершеннолетние, инвалиды I и II групп, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, имеющие специальные звания сотрудники органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов). Административно-правовые статусы лиц, отличные от общего статуса лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, можно отнести к специальным.

По общему правилу субъектами административной ответственности являются физические и юридические лица, совершившие административные правонарушения. Как верно замечает Н.И. Матузов [22. С. 45], правовой статус – это категория, затрагивающая интересы как отдельного человека, так и коллектива, организации. В общем виде содержание административно-правового статуса лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не зависит от того, является данное лицо индивидуальным или коллективным субъектом. В то же время отдельные структурные элементы административно-правового статуса юридического лица, безусловно, обладают определенной спецификой. Речь идет о таких его элементах, как гражданство и правосубъектность.

Институт гражданства опосредует отношения государства и личности, в силу чего применим исключительно к индивидуальным субъектам. Федеральный

закон «О гражданстве Российской Федерации» определяет гражданство как устойчивую правовую связь лица с Российской Федерацией, выражающуюся в совокупности их взаимных прав и обязанностей (ст. 3). И содержание правового статуса во многом зависит от того, является ли лицо гражданином Российской Федерации, иностранным гражданином либо лицом без гражданства. В отношении же юридических лиц определяющим является их государственная принадлежность.

В соответствии с ч. 1 и 3 ст. 2.6 КоАП РФ иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица, совершившие административные правонарушения на территории Российской Федерации, административные правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 8.16, ст. 8.17–8.20, ч. 2 ст. 19.4 КоАП РФ, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации подлежат административной ответственности на общих основаниях. Данное правило согласуется с установленным ст. 62 Конституции РФ принципом национального режима, выражающегося в том, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами России, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ.

В то же время специфика правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства проявляется в административных правоотношениях, в которых, предоставляя иностранным гражданам и апатридам широкие возможности для реализации предоставленных прав, государство требует от них соблюдения соответствующих правил, за невыполнение которых они подлежат административной ответственности [23. С. 40]. В частности, в целях обеспечения достаточного уровня личной, общественной и государственной безопасности, необходимого для защиты собственных национальных интересов от любых посягательств со стороны других государств, установлены режимы охраны государственной границы, пограничный режим, режим в пунктах пропуска через государственную границу, режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, главной основой введения которых является суверенная концепция собственной национальной безопасности России, опирающаяся на внутренние экономические и политические факторы и принимающая во внимание соответствующие международно-правовые условия сосуществования мирового сообщества [24. С. 37]. В результате установления в Российской Федерации названных режимов в КоАП РФ сформирована группа составов административных правонарушений, к административной ответственности за совершение которых могут быть привлечены только иностранные граждане и лица без гражданства (ч. 2 ст. 18.4, ст. 18.8, 18.11 КоАП РФ).

Иностранные граждане, апатриды и иностранные юридические лица не привлекаются к административной ответственности за действия, совершенные ими за пределами государства пребывания, если эти действия не затрагивают интересы данного государ-

ства или его граждан [25. С. 140]. Учитывая, что континентальный шельф, как и исключительная экономическая зона, являются территориями со смешанным правовым режимом (не относятся ни к государственной территории, ни к территории с международным режимом) и Российская Федерация осуществляет на указанных территориях целевую юрисдикцию, иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица могут быть привлечены к административной ответственности за совершение на указанных территориях только таких административных правонарушений, которые нарушают исключительные права Российской Федерации, закрепленные Федеральными законами «О континентальном шельфе Российской Федерации» и «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации».

К иностранным гражданам и лицам без гражданства может быть применен специфический вид административного наказания – административное выдворение за пределы Российской Федерации. Данный вид административного наказания заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан и лиц через государственную границу Российской Федерации за ее пределы, а в случаях, предусмотренных законодательством РФ, – в контролируемом самостоятельном выезде их из Российской Федерации (ст. 3.10 КоАП РФ).

Иностранные юридические лица в производстве по делам об административных правонарушениях обладают практически тождественным с российскими организациями административно-правовым статусом. Между тем практика показывает, что зачастую привлечь виновное иностранное юридическое лицо к административной ответственности не представляется возможным ввиду необходимости уведомления юридического лица, находящегося за границей, и небольшой длительности сроков давности привлечения к административной ответственности. Учитывая, что иностранные организации беспрепятственно осуществляют деятельность на территории Российской Федерации через обособленные подразделения и совершают административные правонарушения также опосредованно через свои филиалы и представительства, представляется целесообразным признать надлежащим уведомлением иностранного юридического лица извещение его обособленного подразделения, находящегося на территории Российской Федерации. Другие варианты решения данной проблемы: включение в аккредитационные требования для филиалов и представительств иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации наличия у руководителя соответствующего обособленного подразделения полномочий по представлению его интересов в производстве по делам об административных правонарушениях либо приостановление течения срока давности привлечения к административной ответственности на период, необходимый для извещения иностранного юридического лица.

Таким образом, гражданство физического лица и государственная принадлежность юридического лица являются важным составляющим элементом административно-правового статуса лица, в отношении кото-

рого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Не менее важную роль в содержании общего административно-правового статуса играет правосубъектность. Правосубъектность можно определить как закрепленную правом способность быть носителем правового статуса, т.е. прав, свобод, обязанностей и законных интересов, способность осуществлять его и отвечать за неправомерную реализацию [11. С. 30]. Соответственно, правосубъектность выражается в таких ее структурных элементах, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Для уяснения содержания административно-правового статуса лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, значение имеет лишь категория «административная деликтоспособность», поскольку деликтоспособное лицо в любом случае наделено административно-процессуальной право- и дееспособностью, позволяющей эффективно защищать свои права и законные интересы в административно-юрисдикционном процессе. Согласимся с О.А. Рябус [26. С. 40], что необходимой предпосылкой административно-процессуальной правоспособности лица, привлекаемого к административной ответственности, является наличие у него административной деликтоспособности.

Административная деликтоспособность представляет собой признанную законом способность лица нести административную ответственность за совершение административных правонарушений. Административная деликтоспособность иллюстрирует необходимость выделения данного элемента в качестве самостоятельного в структуре административной правосубъектности. Объединение административной деликтоспособности с административной дееспособностью нецелесообразно ввиду несовпадения во времени момента их возникновения.

Одновременно административная дееспособность (как впрочем, и правоспособность) и административная деликтоспособность возникают только у юридических лиц. Момент их возникновения определяется моментом создания юридического лица. Что касается физических лиц, то у них административная деликтоспособность возникает ранее, нежели наступает полная административная дееспособность. Последняя, по общему правилу, возникает по достижении восемнадцатилетнего возраста (ст. 60 Конституции РФ). Возможность же привлечения к административной ответственности физического лица имеется в том случае, если к моменту совершения административного правонарушения оно достигло возраста шестнадцати лет (ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ). Отдельными авторами предлагается снизить возраст наступления административной деликтоспособности до четырнадцати лет [27. С. 18; 28. С. 15, 16; 29. С. 64; 30. С. 20; 31. С. 45–47; 32. С. 171].

Наряду с возрастом еще одним признаком административной деликтоспособности физического лица выступает волевой критерий – вменяемость субъекта. В соответствии со ст. 2.8 КоАП РФ не подлежит административной ответственности физическое лицо, которое во время совершения противоправных действий (бездействия) находилось в состоянии невменя-

емости, т.е. не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики. Невменяемость характеризуется юридическим и медицинским критериями. Юридический критерий невменяемости подразумевает отсутствие у физического лица способности осознавать фактический характер и противоправность своих действий или бездействия или руководить ими. Медицинский критерий складывается из хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия, иного болезненного состояния психики.

Вопрос о реальности тех возможностей, которые составляют субъективные права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на защиту, неизбежно связан с проблемой его гарантирования.

В юридической литературе предлагаются различные классификации гарантий прав личности [33. С. 154]. Однако, как правило, под системой гарантирования прав понимается совокупность общих (социально-экономических, политических, идеологических) и юридических гарантий, обеспечивающих фактическую реализацию и охрану (защиту) прав и свобод человека и гражданина [33. С. 121; 34. С. 190–192; 35. С. 223].

Юридические гарантии в производстве по делам об административных правонарушениях можно определить как установленные законом средства, обеспечивающие и охраняющие реализацию лицом, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении, права на защиту.

Среди всех юридических гарантий выделяются средства, обеспечивающие реализацию (осуществление) прав и средства, обеспечивающие их охрану. К средствам охраны относятся меры контрольно-надзорного характера; юридические меры защиты управомоченного; меры юридической ответственности обязанных лиц и органов, процессуальные формы охраны субъективных прав [36. С. 35]. Кроме того, отдельные авторы к мерам охраны относят также меры профилактики и предупреждения нарушений, рассмотрение жалоб и заявлений [37. С. 28, 29; 38] и др. К средствам реализации прав, обязанностей и законных интересов относят установление пределов прав, обязанностей и законных интересов; юридические факты, с которыми связывается их реализация; процессуальные формы реализации; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной инициативной их реализации [39. С. 203–226].

При исследовании средств реализации прав, обязанностей и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство, особое внимание следует уделить процессуальным гарантиям в производстве по делам об административных правонарушениях, под которыми понимаются установленные законом полномочия, права и обязанности должностного лица, государственного органа, прокурора, суда (судьи), в производстве которых находится дело об

административном правонарушении, обеспечивающие возможность лицу, в отношении которого ведется дело, осуществлять право на защиту.

Одним из важнейших правомочий лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, является право требовать от государственных органов, должностных лиц, суда осуществления возложенных на них юридических обязанностей, корреспондирующих процессуальным правам данного лица. Как указывает И.И. Веремеенко, нельзя «предоставить права субъекта... без корреспондирующих обязанностей на другом, образно выражаясь, полюсе правоотношения» [40. С. 34]. Таким образом, важнейшей гарантией права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, является конкретизация обязанностей правоприменителей и установление порядка их реализации. От качества и полноты нормативного закрепления корреспондирующих обязанностей лиц, ведущих производство по делу об административном правонарушении, зависит не только фактическая возможность реализации прав лицом, в отношении которого ведется производство, но и достижение целей и задач всего производства.

Как обоснованно отмечает И.Д. Перлов, «важно тщательно и подробно закрепить в законе права обвиняемого. Но не менее важно предусмотреть в законе строго продуманную систему процессуальных гарантий, обеспечивающих это право» [41. С. 11]. В производстве по делам об административных правонарушениях эта система основана на том, что каждому из прав лица, в отношении которого осуществляется производство, соответствует обязанность органа, должностного лица, прокурора, суда (судьи) обеспечить осуществление этого права. Например, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе заявлять ходатайства (ст. 24.4, 25.1 КоАП РФ). Этому праву соответствует обязанность судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится данное дело, рассмотреть его (ст. 24.4 КоАП РФ). Лицо, в отношении которого ведется дело, имеет право давать объяснения (ст. 25.1 КоАП РФ). На должностное лицо возлагается обязанность отразить соответствующие объяснения в протоколе об административном правонарушении (ст. 28.2 КоАП РФ). Праву лица, в отношении которого осуществляется производство, на заявление отвода корреспондирует обязанность судьи, органа, должностного лица вынести определение об удовлетворении заявления либо об отказе в его удовлетворении (ст. 25.13 КоАП РФ). Невыполнение судьями, государственными органами, должностными лицами этих и других требований закона является грубым нарушением права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на защиту.

Анализ судебно-арбитражной практики позволяет утверждать, что именно неисполнение органом государственной власти, должностным лицом своих обязанностей по обеспечению осуществления прав лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влечет существенные нарушения права на защиту. Неисполнение административно-юрисдикционным органом лишь одной обязанности может повлечь целую цепочку негативных последствий, выражающихся в невозможности использования лицом, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении, предоставленных ему законом полномочий.

Многие из обязанностей юрисдикционных органов не нашли своего прямого закрепления в КоАП РФ. Однако отсутствие указания в законе на наличие конкретной обязанности у лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, не говорит о ее фактическом отсутствии, если соответствующее право закреплено за лицом, в отношении которого ведется производство. Наличие встречной обязанности – обязательный признак любого субъективного права. Если лицу предоставлена какая-либо процессуальная возможность, судья, орган, должностное лицо обязаны обеспечить ее реализацию независимо от того, содержится ли на то прямое указание в КоАП РФ или нет. Например, лицо, в отношении которого ведется производство по делу, вправе знакомиться со всеми материалами дела (ст. 25.1 КоАП РФ), обязанности же юрисдикционного органа ознакомить лицо с ними КоАП РФ не предусматривает. В то же время такая обязанность объективно существует, но она не конкретизирована в законе, что может повлечь необоснованные отказы в ходатайстве об ознакомлении с материалами дела. Аналогичным образом отсутствие конкретизации корреспондирующих обязанностей в законе, отсутствие указания на процессуальную форму исполнения соответствующих обязанностей могут повлечь грубое нарушение права на защиту.

В связи с чем необходимо в КоАП РФ четко регламентировать порядок исполнения той или иной обязанности юрисдикционного органа, неисполнение или ненадлежащее исполнение которой может повлечь нарушение прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении.

Исходя из вышеизложенного, административно-правовой статус лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, можно определить как закрепленную в законе совокупность прав и обязанностей, а также гарантий их реализации, обеспечивающих участие лица в правоотношениях, складывающихся между органами административной юрисдикции и данным лицом по поводу совершенного административного правонарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Международный пакт о гражданских и политических правах* (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
2. *Всеобщая декларация прав человека* (Принята 10.12.1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. 1995. 5 апр.
3. *Фокина М.А.* Принципы гражданской процессуальной политики // Обзор деятельности арбитражных судов в СМИ. М., 2002.

4. *Постановление* КС РФ от 03.07.2001 г. № 10-П «О проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона “О реструктуризации кредитных организаций” и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций”» // *Собрание законодательства РФ*. 16.07.2001. № 29, ст. 3058.
5. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» // *Собрание законодательства РФ*. 18.05.1998. № 20. Ст. 2173.
6. *Постановление* Конституционного Суда РФ 11.05.2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» // *Российская газета*. 20.05.2005. № 106.
7. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // *Собрание законодательства РФ*. 16.06.2008. № 24. Ст. 2892.
8. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 28. Ст. 3393.
9. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // *Собрание законодательства РФ*. 1995. № 19. Ст. 1764.
10. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992.
11. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
12. Воеводин Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // *Советское государство и право*. 1965. № 2.
13. Лепешкин А.И. Правовое положение советских граждан. М., 1966.
14. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972.
15. Строгович М.С. Вопросы теории прав личности // *Философия и современность*. М., 1976.
16. Щетинин Б.В. Гражданин и социалистическое государство // *Советское государство и право*. 1975. № 2.
17. Иерусалимов А.И. Административно-правовая охрана субъективных прав советских граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.
18. Новоселов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. Саратов, 1976.
19. Патюлин В.А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений). М., 1974.
20. Бахрах Д.Н. Административное право : учеб. для вузов. М., 1996.
21. Бахрах Д.Н. Юридическая ответственность по административному праву // *Административное право и процесс*. 2010. № 1.
22. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
23. Галенская Л.Н. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1982.
24. Степенко В.Е., Степенко А.В. Особенности административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства как специальных субъектов нарушения режима охраны государственной границы и режима пребывания на территории РФ // *Административное право и процесс*. 2006. № 3.
25. *Административное право* : учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 2001.
26. Рябус О.А. Процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006.
27. Валуев Н.В. Правовые проблемы предупреждения ювенальной преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002.
28. Лапин А.В. Правовое регулирование деятельности подразделений милиции по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.
29. Лунев А.Е. Проблемы административной ответственности // *Советская законность*. 1972. № 5.
30. Мелешко Н.П. Предпреступное поведение несовершеннолетних как криминологическая проблема : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1998.
31. Морозова З.П. Пределы административно-правового регулирования поведения несовершеннолетних // *Правоведение*. 1975. № 4.
32. Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976.
33. Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984.
34. Баранова С.Г. Конституционное право человека и гражданина на правовую защиту : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
35. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации : учеб. М., 1995.
36. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988.
37. Витрук Н.В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан // *Правоведение*. 1964. № 4.
38. Мицкевич А.В. О гарантиях прав и свобод советских граждан в общенародном социалистическом государстве // *Советское государство и право*. 1963. № 8.
39. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979.
40. Веремеенко И.И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. М., 1982. Ч. 2.
41. Перлов И.Д. Право на защиту : учеб. пособие. М., 1969.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 сентября 2014 г.

ADMINISTRATIVE LEGAL STATUS OF THE SUBJECT OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: CONTENT AND FEATURES

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 169-176. DOI: 10.17223/15617793/388/28

Mikulín Andrey I. Yuzhno-Sakhalinsk Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: plc.mikulín@gmail.com

Keywords: administrative legal status; administrative responsibility; administrative proceedings; right to protection; guarantees of the rights of citizen.

The subject of administrative proceedings acts as the central participant of this procedure, and its legal status demands not only careful fixation in the law, but also due theoretical judgment. The administrative legal status is an organic part of the general legal status and therefore is characterized by the same set of structural elements yet limited only to the sphere of administrative legal relations. There is no unity of opinions concerning the content of the administrative legal status among scientists. At the same time all of them recognize the right and duty of the subject in the sphere of public administration as its basis, supplementing it with some struc-

tural elements by analogy with the general legal status. At the same time the administrative legal status of individuals, subjects of administrative proceedings is different from the general administrative legal status of other persons brought to administrative responsibility. So, the administrative legal status of the persons brought to administrative responsibility in a special order possesses specific content. The content of a legal status in many respects depends on whether the person is a citizen of the Russian Federation, a foreign citizen or a stateless person. For legal entities their state affiliation is defining. The specifics of the legal status of foreign citizens and stateless persons are shown in administrative legal relations. Giving foreign citizens and apatrides ample opportunities for realization of the granted rights, the state demands their observance of corresponding rules. Violations result in administrative responsibility. Legal capacity plays an important role in the content of the general administrative legal status. Legal capacity can be defined as the ability to be the carrier of a legal status, i.e. the rights, freedoms, duties and legitimate interests, ability to carry it out and to be responsible for its illegal realization, which is fixed by law. The necessary prerequisite of administrative and procedural capacity of the person brought to administrative responsibility is administrative passive dispositive capacity. The question of reality of the opportunities of the subjective rights of the subject of administrative proceedings to protection is inevitably connected with the problem of its guaranteeing. Legal guarantees in administrative cases can be defined as means providing and protecting the right to protection of the subject of administrative proceedings established by the law. Thus, the administrative legal status of the subject of administrative proceedings can be defined as a set of rights and duties fixed in the law as well as guarantees of their realization providing participation of the person in legal relations that develop between administrative jurisdiction bodies and this person concerning a committed administrative offense.

REFERENCES

1. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh (prinyat 16.12.1966 g. Rezolyutsiei 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON) [International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on 16th December, 1966, by resolution 2200 (XXI) on the 1492th Plenary Meeting of the UN General Assembly)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 1994, no. 12.
2. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (Prinyata 10.12.1948 g. General'noy Assambleey OON) [Universal Declaration of Human Rights (Adopted on 10th December, 1948, by the UN General Assembly)]. *Rossiyskaya gazeta*, 1995, 5th April.
3. Fokina M.A. *Printsipy grazhdanskoy protsessual'noy politiki* [The principles of civil procedural policy]. In: *Obzor deyatel'nosti arbitrazhnykh sudov v SMI* [The review of arbitration courts in the media]. Moscow, 2002.
4. *Postanovlenie KS RF ot 03.07.2001 g. no. 10-P "O provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy podpunkta 3 punkta 2 stat'i 13 Federal'nogo zakona 'O restrukturalizatsii kreditnykh organizatsiy' i punktov 1 i 2 stat'i 26 Federal'nogo zakona 'O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) kreditnykh organizatsiy'"* [Resolution of the Constitutional Court of 3rd July 2001, no. 10 "On the verification of the constitutionality of certain provisions of Subparagraph 3 of Paragraph 2 of Article 13 of the Federal Law 'On the Restructuring of Credit Organizations', and Paragraphs 1 and 2 of Article 26 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy) of Credit Institutions'"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2001, no. 29, Art. 3058.
5. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 12.05.1998 g. no. 14-P "Po delu o provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy abzatsa shestogo stat'i 6 i abzatsa vtorogo chasti pervoy stat'i 7 Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 18 iyunya 1993 goda 'O primenenii kontrol'no-kassovykh mashin pri osushchestvlenii denezhnykh raschetov s naseleniem' v svyazi s zaprosom Dmitrovskogo rayonnogo suda Moskovskoy oblasti i zhalobami grazhdan"* [The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12th May 1998, no. 14-P 'On the Constitutionality of certain provisions of Paragraph 6, Article 6 and Paragraph 2, the first part of Article 7 of the Law of the Russian Federation of 18 June 1993 'On the application of control-cash machines in the monetary settlements with the population' and in connection with the request of Dmitrov District Court of Moscow region and complaints of citizens']. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 18th May 1998, no. 20, Art. 2173.
6. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF 11.05.2005 g. no. 5-P "Po delu o provere konstitutsionnosti stat'i 405 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda, zhalobami Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii, proizvodstvenno-tekhnicheskogo kooperativa 'Sodeystvie', obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu 'Kareliya' i ryada grazhdan"* [The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11th May 2005 no. 5-P 'On the Constitutionality of Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of Kurgan Oblast Court, complaints of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, industrial and technical co-op 'Promotion', a limited liability company 'Karelia' and a number of citizens']. *Rossiyskaya gazeta*, 20th May 2005, no. 106.
7. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.05.2008 g. no. 8-P "Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniya chasti pervoy stat'i 188 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki M.A. Aslamazyan"* [The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27th May 2008, no. 8-P 'On the Constitutionality of the provisions of Paragraph 1 Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen M.A. Aslamazyan']. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 16th June 2008, no. 24, Art. 2892.
8. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.1998 g. no. 20-P "Po delu o provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy statey 331 i 464 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami ryada grazhdan"* [The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2nd July 1998, no. 20-P 'On the Constitutionality of Certain Provisions of Articles 331 and 464 of the Criminal-Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaints of a number of citizens']. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1998, no. 28, Art. 3393.
9. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 03.05.1995 g. no. 4-P "Po delu o provere konstitutsionnosti statey 220.1 i 220.2 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.A. Avetyana"* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 3rd May 1995, no. 4-P 'On the Constitutionality of Articles 220.1 and 220.2 of the Criminal-Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of V.A. Avetyan']. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1995, no. 19, Art. 1764.
10. Gribanov V.P. *Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav* [The limits of the exercise and protection of civil rights]. Moscow: Moscow State University Publ., 1992. 284 p.
11. Vitruk N.V. *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [The general theory of the legal situation of the individual]. Moscow: Norma Publ., 2008. 447 p.
12. Voevodin L.D. *Soderzhanie pravovogo polozheniya lichnosti v nauke sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The content of the legal position of the individual in the Soviet public law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1965, no. 2.
13. Lepeshkin A.I. *Pravovoe polozhenie sovetskikh grazhdan* [The legal status of Soviet citizens]. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 55 p.
14. Matuzov N.I. *Lichnost'. Prava. Demokratiya: Teoreticheskie problemy sub"ektivnogo prava* [Personality. Rights. Democracy: Theoretical problems of subjective rights]. Saratov: Saratov University Publ., 1972. 292 p.
15. Strogovich M.S. *Voprosy teorii prav lichnosti* [Problems in the theory of individual rights]. In: Frolov I.T. (ed.) *Filosofiya i sovremennost'* [Philosophy and the Present]. Moscow: Politizdat Publ., 1976. 335 p.
16. Shchetinin B.V. *Grazhdanin i sotsialisticheskoe gosudarstvo* [The citizen and the socialist state]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1975, no. 2.
17. Ierusalimov A.I. *Administrativno-pravovaya okhrana sub"ektivnykh prav sovetskikh grazhdan*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Administrative and legal protection of rights of Soviet citizens. Abstract of Law Cand. Diss.]. Moscow, 1972.
18. Novoselov V.I. *Pravovoe polozhenie grazhdan v sovetskom gosudarstvennom upravlenii* [The legal status of citizens of the Soviet government]. Saratov, 1976.

19. Patyulin V.A. *Gosudarstvo i lichnost' v SSSR (pravovye aspekty vzaimootnosheniy)* [The state and the individual in the USSR (the legal aspects of the relationship)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 246 p.
20. Bakhrakh D.N. *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, 1996.
21. Bakhrakh D.N. Legal Responsibility under Administrative Law. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2010, no. 1. (In Russian).
22. Matuzov N.I. *Pravovaya sistema i lichnost'* [Legal system and the individual]. Saratov: Saratov University Publ., 1987. 293 p.
23. Galenskaya L.N. *Pravovoe polozhenie inostrantsev v SSSR* [The legal status of foreigners in the USSR]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1982. 158 p.
24. Stepenko V.E., Stepenko A.V. Osobennosti administrativnoy otvetstvennosti inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva kak spetsial'nykh sub'ektov narusheniya rezhima okhrany gosudarstvennoy granitsy i rezhima prebyvaniya na territorii RF [Features of administrative liability of foreign citizens and stateless people as of the special subjects of violation of the national border control and residence in the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2006, no. 3.
25. Kozlov Yu.M., Popov L.L. (eds.) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, 2001.
26. Ryabus O.A. *Protsessual'nyy status uchastnikov proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh*. Dis. kand. yurid. nauk [The procedural status of participants in proceedings on administrative violations. Law Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2006.
27. Valuykov N.V. *Pravovye problemy preduprezhdeniya yuvenal'noy prestupnosti*: Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Legal problems of juvenile crime prevention. Abstract of Law Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2002.
28. Lapshin A.V. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti podrazdeleniy militsii po preduprezhdeniyu i presecheniyu beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh*: Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Legal regulations of police units responsible for prevention of child negligence and juvenile delinquency. Abstract of Law Cand. Diss.]. Omsk, 2001.
29. Lunev A.E. Problemy administrativnoy otvetstvennosti [Problems of administrative responsibility]. *Sovetskaya zakonnost'*, 1972, no. 5.
30. Meleshko N.P. *Predprestupnoe povedenie nesovershennoletnikh kak kriminologicheskaya problema*: Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Before-crime juvenile behavior as a criminological problem. Abstract of Law Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 1998.
31. Morozova Z.P. Predely administrativno-pravovogo regulirovaniya povedeniya nesovershennoletnikh [Limits of administrative and legal regulation of juvenile behavior]. *Pravovedenie*, 1975, no. 4.
32. Shevchenko Ya.N. *Pravovoe regulirovanie otvetstvennosti nesovershennoletnikh* [Legal regulation of the liability of minors]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1976. 192 p.
33. Guliev V.E., Rudinskiy F.M. *Sotsialisticheskaya demokratiya i lichnye prava* [Socialist democracy and individual rights]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 188 p.
34. Baranova S.G. *Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na pravovuyu zashchitu*. Dis. kand. yurid. nauk [Constitutional right of the human and citizen to legal protection. Law Cand. Diss.]. Ekaterinburg. 2004.
35. Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt Publ., 1995. 565 p.
36. Stetsovskiy Yu.I., Larin A.M. *Konstitutsionnyy printsip obespecheniya obvinyаемому prava na zashchitu* [Constitutional principle of the right of the accused to defense]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 316 p.
37. Vitruk N.V. O yuridicheskikh sredstvakh obespecheniya realizatsii i okhrany prav sovetских grazhdan [On the legal means to ensure the realization and protection of the rights of Soviet citizens]. *Pravovedenie*, 1964, no. 4.
38. Mitskevich A.V. O garantiyakh prav i svobod sovetских grazhdan v obshchenarodnom sotsialisticheskom gosudarstve [On guarantees of the rights and freedoms of Soviet citizens in the nation-wide socialist state]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1963, no. 8.
39. Vitruk N.V. *Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v sotsialisticheskom obshchestve* [The basic theory of the legal position of the individual in the socialist society]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 229 p.
40. Veremeenko I.I. *Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere okhrany obshchestvennogo poryadka* [The mechanism of administrative and legal regulation in the sphere of public order]. Moscow, 1982.
41. Perlov I.D. *Pravo na zashchitu* [Right to Defense]. Moscow: Znanie Publ., 1969. 76 p.

Received: 12 September 2014

МЕХАНИЗМ ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ДВИЖЕНИЯХ КАК ОСНОВА ФОРМАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Исследуется алгоритм отражения личностных особенностей на двигательном уровне. За основу взяты такие наиболее криминалистически значимые двигательные акты, как письмо (почерк) и походка. Осуществлена разработка базовых теоретических положений в области выявления корреляций между двигательным навыком и свойствами личности.

Ключевые слова: механизм отражения; следы преступления; личность преступника; почерк; походка.

При всем разнообразии двигательных актов человека криминалистику интересует только несколько, что обусловлено предметом данной науки. В первую очередь исследования ученых-криминалистов направлены на изучение письма (почерка), походки и жестикуляции (при этом, если речь идет о невербальном способе обмена информацией, то следует говорить не о жестах, а о мимике, которая представляет другой уровень отражения личностных особенностей – коммуникативный уровень [1. С. 152–154]). Самыми разработанными в науке среди них на сегодняшний день являются только первые два, поэтому в дальнейшем в статье сосредоточим внимание на них.

Письмо (почерк) и походка – это достаточно сложные и длительные по механизму формирования и реализации навыки, поэтому и устанавливаемые на их основе закономерности наиболее стабильны, могут быть рассмотрены с позиции «база». Их высокая информационная ценность для криминалистики проявляется в возможности проведения на основе выявленных корреляций экспертных исследований с категорическим (положительным или отрицательным) выводом. Достигается это благодаря невысокой вариативности, а вследствие этого объективности получаемых сведений. Значимость информации для криминалистики определяется наличием некоторых установленных признаков (параметров). Далее рассмотрим двигательный уровень проявления личностных особенностей по четырем параметрам: стабильность, контролируемость, ситуационность, исследуемость (формализация) [2. С. 118–122].

Стабильность отражения особенностей личности в ее движениях обусловлена природой формирования и проявления навыков – базы всех двигательных актов.

Появление каждого нового навыка строится на постоянном выполнении сходных упражнений. Сами упражнения и их результаты при этом различны. Со временем они могут как улучшаться, так и оставаться без изменений, а иногда даже и ухудшаться. Решающее значение для выработки нового навыка оказывает не количество повторяющихся движений, а их психологическое содержание, момент подкрепления – достижение некоторого полезного именно для данного человека результата [3. С. 65]. При этом успешные движения, оправдавшие себя способы регуляции, постепенно отбираются и закрепляются, а неудачные, наоборот, подавляются и отсеиваются. Тем самым ищется оптимальная «формула» движения именно для определенного человека и формируется уникальная

база двигательного уровня отражения личностных особенностей в следах преступления. В этом случае под упражнением следует понимать не механическое повторение одних и тех же процессов, а сознательную деятельность по улучшению результатов движений.

Совершенствование письма посредством соответствующего изменения процессов деятельности наиболее полно раскрывает психологическую сущность упражнений. У всех людей существует общность функционального механизма письма, но при этом у конкретного лица проявляется что-то случайное, связанное с осуществлением данного навыка. Человеку всегда легче «подстроить» почерк под удобные для него варианты выполнения письменных знаков. Такой «модифицированный» почерк облегчает, упрощает овладение письменно-двигательным навыком. В том, что люди при овладении навыком письма обязательно допускают отклонения от стандартной модели, и проявляется функциональный приспособительный характер индивидуальных проявлений лица в почерке [4. С. 189]. Выделение в таком признаке почерка, как «строение почерка по степени сложности движений» трех разновидностей (почерк простой, упрощенный или усложненный) основано на различиях в усвоении навыка письма. Вид почерка прежде всего определяется успешностью обучения письму и субъективным отношением лица к формированию своего почерка. Так, когда пишущий сохраняет близкое сходство с прописями при письме, то, скорее всего, обучение проходило успешно, в последующем не было необходимости приспособлять почерк к иным задачам. Другая ситуация складывается, когда навыки еще не закрепились окончательно, а человек начинает быстро писать. Если пишущий при этом не обращает внимание на отклонения от прописей, то почерк упрощается, а если, наоборот, много уделяет внимания письму, украшает его – приобретает усложненную систему движений [5. С. 108]. Схожие процессы наблюдаются и при формировании походки у лица. Начиная делать первые шаги, одни дети сначала продолжительное время передвигаются в пространстве на руках и ногах одновременно, другие практически сразу встают на ноги и ходят, опираясь при этом на рядом находящиеся предметы. При этом никто из взрослых не объясняет, не учит, как именно нужно осуществлять данный двигательный акт. Его реализация зависит от мышечного тонуса, развития координации движений, усердия и т.д. По длительности процесс обучения ходьбе у всех также различный. Его можно считать завершен-

ным, а навык, соответственно, сформированным, когда ребенок начинает бегать. Это говорит о том, что база двигательного уровня отражения личностных особенностей данного движения сформирована. В дальнейшем существенных изменений не происходит.

Рассмотрим механизм, посредством которого осуществляется регулирование психикой движений органов человеческого тела. Деятельность может пониматься по-разному, в различных аспектах. Если рассматривать ее в личностном плане, то она предстает в единстве интериоризации (формирование внутренних структур человеческой психики за счёт усвоения структур внешней социальной деятельности) и экстериоризации (порождение внешних действий, высказываний на основе преобразования ряда внутренних структур, сложившихся на базе интериоризации внешней социальной деятельности человека) [6. С. 124, 405]. Процесс перехода от внешнего реального действия к внутреннему – идеальному объясняет, почему проявление личностных особенностей можно считать постоянным при выполнении движений. Ведь окончательный образ деятельности формируется в процессе интеграции внутреннего и внешнего, через влияние социального на субъектное. Так, сначала человек выполняет определенное действие с предметом (реальным или идеальным), которое является внешним. Затем действие интериоризируется, «срастается» с субъектом и становится подлинно внутренним, психическим. Именно поэтому происходящую внешнюю деятельность нужно воспринимать как определяемую психикой человека: она осуществляется на основе внутренней программы, реализация которой происходит на базе такого процесса, как экстериоризация. Тем самым можно говорить о выполнении движений каждым своеобразно и целесообразно его субъективными состояниям и свойствам. Например, уже с момента формирования почерка на него влияет характер ученика. Внимательность и усидчивость ребенка сказываются на выработке строения почерка по степени сложности движений (почерк простой, упрощенный или усложненный), на появлении определенных вариантов выполнения букв [7. С. 150].

Контроль над проявлением своих особенностей в рассматриваемых двигательных актах практически отсутствует с момента автоматизации движения, поэтому с этого периода становится возможным более достоверное изучение личностных особенностей. Объясняется это тем, что в организации сложных движений, согласно исследованиям Н.А. Бернштейна [8], участвуют сразу несколько уровней. Тот, на котором строится данное движение, называется ведущим, остальные – нижележащие уровни. В сознании представлены только те компоненты движения, которые строятся на ведущем уровне; работа нижележащих уровней, как правило, не осознается [9. С. 142, 143]. Фактически человека интересует конечная цель каждого из движений: написать определенный текст, пройти определенный отрезок пути, завершив его в определенной точке. Как это будет реализовываться – это неосознаваемые элементы, реализуемые на нижележащих уровнях. Таким образом, техника выполнения каждого автоматизированного движения стано-

вится вторична и не контролируется человеком. Результатом этого является: во-первых, заметное уменьшение времени выполнения действий; во-вторых, четкая структуризация движения (ряд частных, самостоятельных движений сливаются в единое действие); в-третьих, снижение мышечного и психического напряжения при выполнении действий [10. С. 83].

Говоря о **ситуационности** проявления двигательных навыков, следует отметить, что психические свойства – это наиболее статические свойства характера, поэтому личностные особенности лица, несомненно, являются стабильными. База черт характера и двигательных актов подвержена изменениям только в определенных, конкретных ситуациях и, как правило, на незначительное время (до момента устранения препятствий).

Это становится возможным только при воздействии «сбивающих» факторов. В данном случае происходят превышение адаптационной нормы функциональной системы и, как следствие, появление качественно новых признаков в движении, трансформация всего его механизма реализации.

В комплекс основных факторов, включаемых в категорию «сбивающие» факторы, можно включить следующие: 1) изменение мышечного тонуса при нарушении привычной позы и условий выполнения движения (механический аспект) (например, написание текста стоя, ходьба в неудобной обуви и пр.); 2) изменение физического состояния организма, вызванного различными внешними факторами и определяющими мышечную дисфункцию (охлаждение, мышечная усталость и др.); 3) изменение психологического или эмоционального состояния (волнение, гнев, стресс и т.д.). Все они, хотя и временно, но видоизменяют двигательные акты. Следовательно, при их наличии необходимо вносить коррективы в установленные учеными корреляции между движениями и личностными особенностями. Так, если при осмотре места происшествия обнаружена дорожка следов ног предполагаемого преступника, в которой длины шагов различны на всем ее протяжении, то однозначно делать вывод о нестабильном эмоциональном состоянии, раздраженности человека делать нельзя. Вполне возможно, что данное лицо, перед тем как совершить преступление, достаточно много сил потратило на проникновение в помещение, устав при этом, что, конечно, нашло отражение в указанных особенностях шагов. Как только человек отдохнет, то эта стабильность выполнения шагов восстановится, и можно будет говорить о противоположных характеристиках. Аналогичная ситуация наблюдается и при диагностике личностных особенностей по рукописному тексту. Все подобные почерковедческие методики основываются на системе идентификационных признаков почерка, особенности проявления которых позволяют выявить личностные особенности исполнителя рукописи. Но только в случае, если проявление определенного признака постоянно для конкретного человека, можно с уверенностью говорить о чертах его характера. В ситуациях, когда нет возможности провести сравнительное исследование почерков одного и того же лица (например, когда не установлен испол-

нитель рукописи или он находится в розыске), выявление личностных особенностей видится точным лишь в рамках следующих общих признаков почерка: строение почерка по степени сложности движений, преобладающая форма движений, размер красной строки, размер интервалов между знаками препинания и предшествующим словом, связность почерка, наклон почерка, размер почерка, конфигурация линии поля (правого), наличие (отсутствие) полей. Данная группа признаков в ходе проведенного нами экспериментального исследования была выделена как в наименьшей степени подверженная изменению при реализации мыслительных задач того или иного типа, поэтому именно проявления этих общих признаков почерка позволят получить достоверную информацию о личностных особенностях исполнителя рукописи [11. С. 126–158]. При других сбивающих факторах показатели могут отличаться, поэтому необходимо провести комплексное исследование, направленное на выявление ситуационности движений при письме.

Для понимания вариационности проявления сформированной базы двигательных актов необходимо обратиться к психическим процессам как обуславливающим их постоянную реализацию. Учитывая такие признаки психических процессов, как кратковременность и повторяемость, можно выделить 4 типовые группы функционирования двигательного уровня отражения личностных особенностей в следах преступления в целом:

1) кратковременная реализация двигательного акта в привычных условиях. База движения проявляется полностью без коррекции. Происходит минимальное расходование энергии, поэтому для человека это наиболее оптимальная формула;

2) кратковременная реализация двигательного акта в измененных условиях. Несмотря на небольшой временной промежуток, воздействие «новых» условий является значительным, выходящим за основу базы движения. Происходит вариационность проявления движения;

3) длительная реализация двигательного акта в привычных условиях. Более сложные виды навыков зачастую требуют большего времени для их осуществления. Достижение необходимого при этом результата возможно только при длительном процессе. Если человек постоянно тренируется и может длительно осуществлять комплекс задуманных движений, то для него эта ситуация привычна. Изменений базы двигательных актов не происходит, но требует-

ся большее количество энергии в рамках как его формирования, так и реализации;

4) длительная реализация двигательного акта в измененных условиях. В данном случае человек не имеет опыта постоянных упражнений, не может осуществлять двигательный акт одинаково на всем его протяжении. К тому же на него оказывают воздействие различного рода непривычные факторы. В отличие от предыдущих типовых групп, здесь изменения базы двигательного акта и затрачивание количества энергии максимальны.

Таким образом, типовые группы позволяют рассмотреть причины появления ситуационности в сформированной базе двигательных актов. Все они, хотя и временно, но видоизменяют движения, следовательно, при их наличии необходимо вносить коррективы в установленные учеными корреляции отражения особенностей личности в двигательных актах.

Закон отражения явлений позволяет наблюдать и впоследствии анализировать проявления каждого в окружающем мире. **Исследуемость (формализация)** личностной информации при осуществлении движений также базируется на данном законе существования явлений и процессов. Изучение личности в этом случае происходит за счет образования материальных и нематериальных следов – основного предмета познания в криминалистике. В почерке, походке, жестикуляции проявляется весь объем психологических свойств лица, поэтому почерковедение, трасология, габитология уже традиционно являются составной частью криминалистической техники. Для исследования в криминалистике каждый объект должен обладать свойством измеряемости. Только в этом случае возможна эмпирическая проверка получаемой информации. Измеряемость в почерке осуществляется за счет использования системы общих и частных признаков почерка. В случае, когда нас интересует походка, то необходимо обратиться к элементам дорожки следов ног. Общей основой изучения для походки и жестов являются функциональные признаки внешности. Последние отображаются как в сознании лица (идеальные следы), так и фото-, видеосъемке (материальные следы).

Таким образом, наличие у двигательного уровня отражения личностных особенностей всех необходимых параметров (стабильность, контролируемость, ситуационность, исследуемость (формализация)) позволяет доказать обоснованность применения в криминалистике выявленных закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А. Основные проблемы исследования устной речи в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383.
2. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.
3. Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.
4. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации в советской криминалистике : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.
5. Зотов Б.Л., Манцегова А.И., Мельникова Э.Б., Орлова В.Ф. Характеристика высоковыработанных почерков по степени сложности движений (строению почерка) // Методика криминалистической экспертизы. М., 1961. Сб. 2.
6. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1985.
7. Сидельникова Л.В. Принципы разработки перечней признаков почерка в целях создания методик определения свойств личности по почерку // Теория и методика судебно-почерковедческого и технического исследования документов. М., 1988.
8. Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.
9. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию : курс лекций. М., 1988.
10. Чулахов В.Н. О понятийном аппарате криминалистического учения о навыках // Вестник криминалистики. М., 2003. Вып. 3.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 сентября 2014 г.

MECHANISM OF REFLECTION OF PERSONALITY CHARACTERISTICS IN MOVEMENTS AS A BASIS FOR THE FORMALIZATION OF IDENTITY INFORMATION IN FORENSICS

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 177-180. DOI: 10.17223/15617793/388/29

Negodina Olesya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: negodina.aa@yandex.ru

Keywords: reflection mechanism; traces of crime; offender; handwriting; gait.

Since its inception in the 19th century forensics has been studying traces of the crime. Initial knowledge was based within the rules of their detection, identification and fixation (basics of forensic techniques). Later, the accumulated empirical material formed the basic theoretical foundation of traceology. But all this until recently was only an abstract design, and could not be applied. The situation has changed since the 1960s, when the subject of the forensic science expanded by including the offender's personality as the object of study. Only the study of the two objects together "evidence of a crime" and "offender's identity" can reveal the true purpose of the forensic science – help the investigator with the detection and investigation of crimes. Today, forensic scientists should establish specific recommendations aimed at establishing an unknown person. Thus the acquired knowledge will be implemented in practice. In this connection one must first understand the overall mechanism of how the information about a person is identified in traces, especially regarding mental properties. The present stage of science development does not deny that every person has one's own individual motor, speech and behavior features. Today, it is necessary to define a set of reasons determining the individual and to consider the possibility of accurate identifying of patterns. Only in this case the research becomes scientific, and any knowledge gained can be applied in the investigation and detection of crime, when the object of study becomes the offender's identity as a set of unique parameters. The very ability to reflect the physiological characteristics of the individual is based primarily on the effects of subjective (internal) factors on a person. At the same time it is recognized that objective (external) factors, albeit indirectly, also influence a person. For the most efficient review of the patterns the article presents a detailed study of one of the three levels of the outer reflection of the individual's characteristics, including crime traces – the motor level. Given that this level of forensics is interesting practically rather than theoretically, it is analyzed by forensically important parameters that allow to prove the validity of the revealed patterns. These parameters are: stability, controllability, situationality, investigability (formalization). Motor activity is based on the basis of motor skills with low variability. Thus, the study of handwriting and gait bases on such materially fixed results of activity as manuscripts and footprints. Collecting information here will be maximally objective, as it is based on the common system of signs and measurements. The result is that not only the expert / specialist, but also the investigator with knowledge and experience can determine the data on the perpetrator's identity without too much difficulty. It is particularly important when determining an unknown person who left the footprints at the crime scene.

REFERENCES

1. Alekseeva T.A. The main problems of research of speech in criminalistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 383, pp. 152-154. (In Russian).
2. Akhmedshin R.L. *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika*: dis. d-ra yurid. nauk [Criminalistic characterization of the offender. Law Dr. Diss.]. Tomsk, 2006.
3. Simonov P.V. *Vysshaya nervnaya deyatel'nost' chelovek. Motivatsionno-emotsional'nye aspekty* [Human higher nervous activity. Motivational and emotional aspects]. Moscow: Nauka Publ., 1975.
4. Orlova V.F. *Teoriya sudebno-pocherkovedcheskoy identifikatsii v sovetskoy kriminalistike*: dis. d-ra yurid. nauk [The theory of forensic handwriting identification in the Soviet criminology. Law Dr. Diss.]. Moscow, 1972.
5. Zotov B.L., Mantsvetova A.I., Mel'nikova E.B., Orlova V.F. *Kharakteristika vysokovyra-botannykh pocherkov po stepeni slozhnosti dvizheniy (stroeniyu pocherka)* [Features of the skilled handwriting according to the degree of movement complexity (the structure of handwriting)]. In: *Metodika kriminalisticheskoy ekspertizy* [Methods of forensic expertise]. Moscow, 1961. Pt. 2.
6. Karpenko L.A. *Kratkiy psikhologicheskii slovar'* [A Brief Psychological Dictionary]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1985. 430 p.
7. Sidel'nikova L.V. *Printsipy razrabotki perechney priznakov pocherka v tselyakh sozdaniya metodik opredeleniya svoystv lichnosti po pocherku* [The principles for the development of lists of handwritings in order to develop methods for determining the properties of the individual handwriting]. In: *Teoriya i metodika sudebno-pocherkovedcheskogo i tekhnicheskogo issledovaniya dokumentov* [The theory and technique of forensic handwriting and technical research of documents]. Moscow: USSR Ministry of Justice Publ., 1988. 243 p.
8. Bernstein N.A. *O postroenii dvizheniy* [On the construction of movements]. Moscow: Gos. izd-vo med. lit-ry Publ., 1947. 254 p.
9. Gippenreiter Yu.B. *Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu* [Introduction to general psychology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 318 p.
10. Chulakhov V.N. O ponyatiynom apparate kriminalisticheskogo ucheniya o navykakh [On the conceptual apparatus of the forensic doctrine of skills]. *Vestnik kriminalistiki*, 2003, Issue 3.
11. Popova O.A. *Diagnostika tipa myslitel'nykh zadach ispolnitelya rukopisi* [The diagnosis of the type of mental tasks performed by the manuscript writer]. Tomsk, 2013.

Received: 06 September, 2014

ЭКОНОМИКА

УДК 331.104

Р.А. Долженко

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ФОРМ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КРАУДСОРСИНГА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ СНИЖЕНИЯ

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2378 «Инновационные методы управления экономикой и формирования человеческого капитала в развитии социально-экономических, трудовых и предпринимательских отношений».

Предпринята попытка провести анализ новых форм трудовых отношений на примере краудсорсинга с позиции теории транзакционных издержек, которая является одним из направлений неонституционального подхода. Данный подход является в настоящее время методологической основой экономической теории и отраслевой социологии. Рассмотрено содержание новых форм трудовых отношений, описана сущность краудсорсинга как новой формы трудовых отношений. Проанализированы возможности использования теории транзакционных издержек применительно к краудсорсингу. Выделены направления снижения транзакционных издержек краудсорсинга.

Ключевые слова: новые формы трудовых отношений; краудсорсинг; новая институциональная теория; транзакционные издержки; оппортунизм.

Инновации, реализуемые во всех сферах жизни человека, затрагивают и труд, трансформация которого влечёт за собой появление новых форм трудовых отношений. Их качества в первую очередь предопределены особенностями складывающегося постиндустриального общества. Трудовая деятельность современного работника обладает ярко выраженной спецификой, учитывать которую необходимо при внедрении новых форм трудовых отношений. К этим особенностям можно отнести индивидуализацию отношений, растворение границ возможностей человека в трудовой деятельности за счёт глобализации труда, усиление роли индивидуальных качеств работника и многие другие.

Использование новых форм трудовых отношений может активизировать развитие системы трудовых отношений, но в то же время и сдерживать изменения в случае неприятия кардинально новых трансформаций участниками экономических отношений. В связи с этим необходима комплексная концепция новых форм трудовых отношений, которая позволила бы определить общие подходы к их управлению и эффективно му внедрению.

С позиции теории неонституционализма взаимодействия работников и работодателей не всегда осуществляются эффективно. Более того, они всегда требуют определённых затрат с обеих сторон. Поэтому, в случае оценки эффективности внедрения и использования новых форм трудовых отношений, необходимо учитывать соответствующие издержки, которые им сопутствуют. Именно этому и посвящена данная статья.

Понятие новых форм трудовых отношений. С нашей точки зрения, новые формы трудовых отношений – это комплекс трансформаций в экономических, социально-психологических, правовых взаимоотношениях, которые реализуются в процессе трудовой деятельности между субъектами различного уровня, получают постепенное распространение на рынке труда. Само разграничение их от классических связа-

но с наличием новых, ранее не используемых подходов к реализации отношений между работниками, работодателями и государством.

Новые формы трудовых отношений отличаются от классических, традиционных, в первую очередь, такими характеристиками:

- характер распределения доходов и рисков между работником и работодателем;
- рациональная модель взаимных обязательств и гарантий субъектов трудовых отношений;
- специфика оформления отношений и иной доступ к средствам производства и собственности.

Таким образом, противопоставление новых и классических форм трудовых отношений имеет экономическую, правовую и социальную природу. К новым, не по времени их возникновения, но по природе осуществления, можно отнести такие формы, как аутсорсинг, краудсорсинг, аутстаффинг, инсорсинг, сдача персонала в аренду, токсичные практики управления персоналом и т.д.

С учётом особенностей осуществления новых форм трудовых отношений, специфики их эффективной организации и мотивации участников нами были выделены следующие используемые в настоящее время виды новых форм трудовых отношений (рис. 1).

В ходе исследования нами были выявлены возможные направления перемещения функций и персонала их осуществляющего, при использовании новых форм трудовых отношений (рис. 2).

Возможные направления перемещения функций и персонала, их осуществляющего, в зависимости от направленности перемещения функций относительно организации и уровня специализации исполнителя приведены в таблице.

Почти все эти понятия представляют собой неологизмы и происходят от слияния двух английских слов: базового корня *sourcing* (*sourcing* – передача ресурсов) и корня, уточняющего направление передачи: *out* – за, *in* – в, *crowd* – толпа.

Рассмотрим содержание «краудсорсинга» – одной из новых форм взаимодействия субъектов тру-

довых отношений в условиях постиндустриального общества.

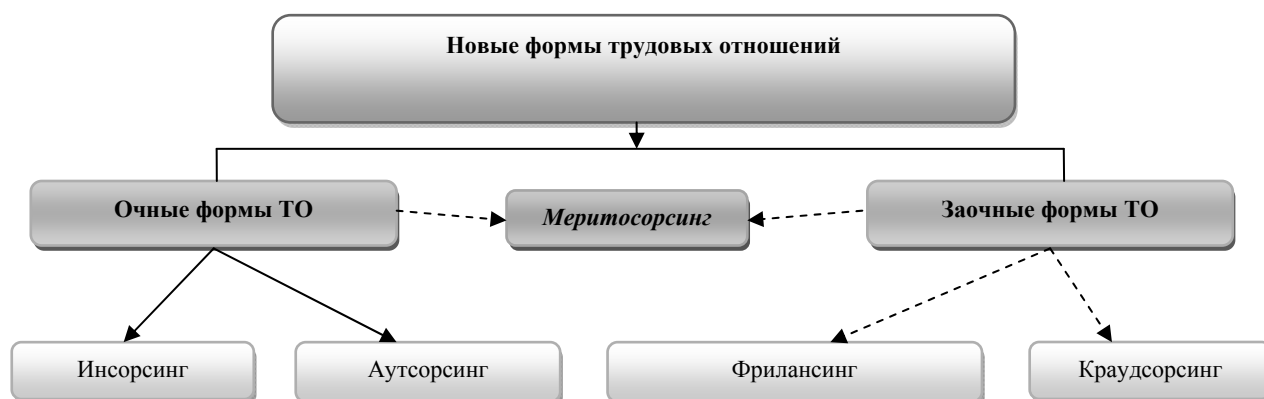

Рис. 1. Разграничение новых форм трудовых отношений в зависимости от формата их осуществления (очный / заочный)

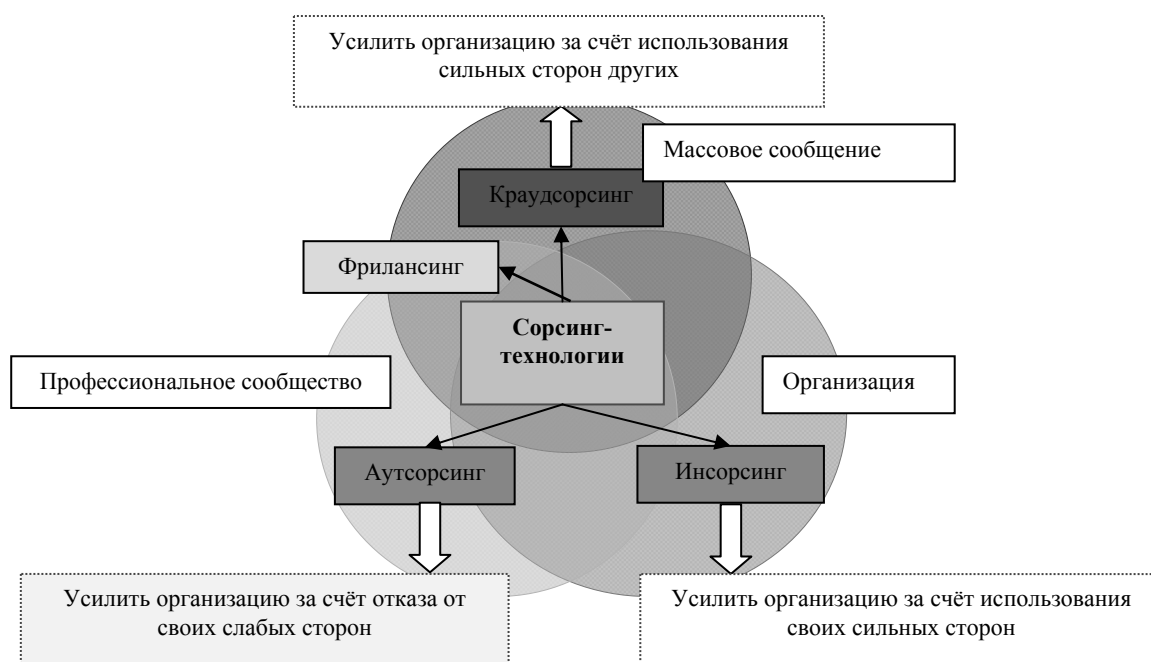

Рис. 2. Направления усиления организации за счёт использования сорсинг-технологий

Возможности перемещения функций в рамках использования сорсинг-технологий

Уровень специализации исполнителя	Направление перемещения функций	
	Внутри организации	За пределы организации
Низкая	Отказ от выполнения этих функций вообще	Краудсорсинг – передача функций массовой общности людей с помощью технологий коллективного взаимодействия
Высокая	Инсорсинг – передача функций исполнителю внутри организации, в рамках особой методологии	Аутсорсинг / фрилансинг – передача функций специализированному исполнителю за пределами организации

Краудсорсинг как новая форма трудовых отношений. Краудсорсинг (crowdsourcing) условно можно перевести как «толпа как ресурс». Значение слова «толпа» в краудсорсинге отличается от общепринятого – это любая группа, состоящая из условно-анонимных или не знакомых друг с другом участников [1]. Именно по этой причине, несмотря на закрепление данного термина в практике, многие исследователи отмечают неуместность использования корня «crowd» / «толпа».

Общепринятая трактовка краудсорсинга подразумевает под этим явлением технологию вовлечения

через компьютерные сети множества людей для совместной деятельности, передачи определённых производственных функций неопределённому кругу лиц на основании публичной оферты.

С нашей точки зрения, более актуальным будет определение краудсорсинга как подхода к генерации идей и поиску решений силами профессиональных сообществ, основанного на специальных технологиях и методологии коллективного взаимодействия, направленного на решение задач различного уровня сложности. Более уместным при использовании дан-

ного определения будет оперирование такими понятиями, как «ноосорсинг» (от греч. νόος – разум [2], «меритосорсинг» (от лат. meritus – достойный [3]), и т.п., в силу того, что в данном случае уже не «толпа» задействована в решении задач, а профессиональное сообщество. Но в силу устоявшегося распространения в научном лексиконе понятия «краудсорсинг» мы будем использовать в работе именно его.

Чаще всего о краудсорсинге вспоминают, когда речь заходит об анализе предпочтений потребителей услуг, коллективном обсуждении продуктов [4], доработке нормативных документов [5], оценке предложений на регистрацию патентов [6], создании виртуальных сообществ [7] и т.п. Как видно, в данной технологии заложен огромный потенциал, который может быть использован для работы по самым разным направлениям.

Фактически при использовании краудсорсинга производители и потребители представлены в одном лице, между ними теряется грань. Получается, что сами клиенты создают желаемый продукт, продумывают его качества, разрабатывают дизайн, функциональные возможности, другими словами, создают продукт, в максимальной степени удовлетворяющий все потребности клиентов [8].

Можно выделить следующие перспективные возможности краудсорсинга:

- решение актуальных для бизнеса задач;
- дистанционная коллективная работа над идеями – с помощью использования интернета в работу может быть вовлечён коллектив единомышленников. Раньше чувство общности коллектива возникало, когда люди собирались вместе, сегодня контакт в пространстве компенсируется технологиями;
- привлечение широкого круга участников – в проектах могут участвовать талантливые люди со всего мира, в то же время национальная принадлежность и профессиональная квалификация практически не имеют никакого значения;
- возможность тестирования новых идей, продуктов услуг на конечных потребителях, которыми являются участники проекта;
- для краудсорсинговых проектов характерна высокая эффективность за счёт быстроты, относительно низкой стоимости, нестандартных решений;
- возможность привлечения сторонней экспертизы;
- сообщество проекта самостоятельно отбирает и дорабатывает предложения.

На основе рейтингирования возможно выявление лучших экспертов среди участников.

Далее рассмотрим сущность транзакционных издержек новых форм трудовых отношений и возможности их снижения на примере краудсорсинга.

Транзакционные издержки трудовых отношений. Транзакционные издержки являются ключевым понятием неинституционального подхода к исследованию экономических отношений. Данная категория приобретает особую значимость при изучении переходных процессов в экономике, связанных с формированием новых институциональных структур общества.

Под транзакционными издержками можно понять затраты взаимодействия субъектов трудовых отношений, которые не направлены непосредственно на производство экономических благ, но обеспечивают успешную реализацию данного процесса.

В общем виде транзакционные издержки можно определить как издержки экономического взаимодействия, в каких бы формах оно ни протекало. Как известно, данное понятие было введено в экономический обиход Р. Коузом в 1937 г. в ключевой работе для современной экономической мысли «Природа фирмы» и расширено в статье 1960 г. «Проблема социальных издержек» [9]. Он считал, что для осуществления транзакции на рынке необходимо совершить ряд дополнительных действий, которые позволят обеспечить уверенность в том, что условия экономической договорённости выполняются (сформировать «островки сознательности», обеспечивающие гарантии и экономящие транзакционные издержки). К ним можно отнести юридические консультации, переговоры, подготовку контракта и т.п. Эти действия и являются дополнительными издержками, которые несут участники экономических отношений.

Большой удельный вес транзакционных издержек в отечественной экономике выступает барьером для преобразования экономических отношений и ограничителем экономического роста. Именно они, точнее стремление их снизить, являются одной из движущих причин эволюции экономических систем, важнейшей целью и результатом функционирования экономических институтов [10].

С учётом изложенных трактовок, а также сущности и специфики трудовых отношений под транзакционными издержками трудовых отношений мы будем понимать издержки (затраты) участников трудовых отношений (работников, работодателей, государства), возникающие из-за их действий, по заключению договорённости о реализации труда, обеспечении его исполнения, гарантий вознаграждения, использовании результатов.

Таким образом, с одной стороны, новые формы трудовых отношений в силу их специфики и неинституциональности требуют значительных транзакционных издержек, а значит, должны быть разработаны меры по их снижению.

С другой стороны, инновации, новые формы взаимодействия уменьшают потребность в ряде транзакционных издержек. Например, оформление взаимодействия потенциального участника и организатора краудсорсинга максимально автоматизировано и требует лишь подтверждения согласия участника с условиями работы на краудсорсинговой площадке с помощью публичной оферты. Однако инертность некоторых институтов не позволяет новым практиками получить быстрое распространение на рынке.

Глобализация, развитие информационных технологий – максимизируют рынок охвата потребителей благ, предоставляемых для них экономическими агентами, с одной стороны минимизируют их транзакционные издержки за счёт инноваций, вертикальной интеграции, оптимизации деятельности, но с другой – увеличивают в связи с ростом числа субъектов эко-

номических отношений и связей между ними, а также по причине того, что в постиндустриальной экономике произошла трансформация значения сферы обращения, которая приняла в себя дополнительные функции.

В связи с переходом к постиндустриальному обществу происходит рост транзакционных издержек за счёт разрастания сферы обращения. В традиционной экономике она выполняла дополнительную роль, была прослойкой между сферой производства и потребления и не несла в себе избыточный объём транзакционных издержек, которые были сосредоточены преимущественно в сфере производства. Переход к постиндустриальному обществу сделал сферу обращения важным элементом схемы «производство – обращение – потребление», дополнив её системой прямых и обратных связей. Именно в ней проявляются дополнительные транзакционные издержки, такие как издержки сбора, обработки, хранения и передачи информации, товаров и услуг. Её разрастание приводит к обострению конкуренции, росту оппортунизма. Неспособность государства оперативно обеспечить регламентацию и институционализацию данной сферы приводит к обострению бюрократических и административных барьеров.

Если посмотреть на трудовые отношения с точки зрения рынка труда, на котором они осуществляются, по прогнозам учёных, некоторые профессии в обозримом будущем практически исчезнут (риэлторы, турагенты и пр.). Это связано, в основном, с развитием компьютерных технологий, которые позволяют заказчикам подобных услуг напрямую связываться с исполнителями, минимизировать издержки заключения договоров, переложить их на плечи самих потребителей. Таким образом, возможности минимизации транзакционных издержек с помощью новых технологий приведут к вымиранию ряда профессий.

Главная цель использования теории транзакционных издержек применительно к новым формам трудовых отношений, реализуемых на уровне организации, между работодателем и работниками – анализ процесса организации и мотивации участников трудовых отношений с точки зрения возможностей их развития, оптимизации с позиции организации и работника, поиск возможностей формирования и закрепления новых институтов, способствующих снижению транзакционных издержек одновременно с максимальным раскрытием потенциала участников трудовых отношений, вне зависимости от способов и форм дальнейшего развития организации. По мнению нобелевского лауреата по экономике Д. Бьюкена, «принцип максимизации полезности индивида требует отступления от традиционных форм отношений» [11].

Одной из форм такого отступления является «краудсорсинг», как и все новое, он ещё проходит стадию институционализации, поэтому его реализация обладает рядом издержек, которые можно устранить.

Транзакционные издержки использования краудсорсинга. Одно из ключевых направлений совершенствования организаций последнего времени – оптимизация, отказ от непрофильных функций, которые не приносят потребителю и организации ценность, но выполнение, которых необходимо для существования и развития организации.

Налицо стремление организаций снизить транзакционные издержки трудовых отношений. В нашем случае транзакционные издержки трудовых отношений можно определить как экономическую сумму потерь, которую агенты несут в процесс координации своей деятельности. Для организации, в предельно обобщённом виде, все ресурсы, которые тратятся на реализацию подобных непрофильных функций, являются транзакционными издержками. Стремление компаний снизить эти издержки за счёт использования новых форм трудовых отношений становится понятным.

В качестве возможных примеров снижения транзакционных издержек трудовых отношений рассмотрим транзакционные издержки краудсорсинга.

Целесообразность использования новых форм трудовых отношений основана на оценке их эффективности. Как отмечает Т. Эггертссон [12], в рамках теории неинституциональной теории ресурс используется эффективно, когда он оказывается в распоряжении того пользователя, для которого представляет наибольшую ценность. Зачастую работодатели заинтересованы в получении прибыли, государство – в реализации своих функций (бюрократия), излишнем обогащении отдельных представителей власти (коррупция), вопросы развития общества, решения актуальных проблем интересуют их лишь в силу того, что они косвенно могут поспособствовать достижению ключевых целей этих субъектов. Значит, краудсорсинг как инструмент генерации идей, решения актуальных проблем общества силами заинтересованных субъектов является эффективным инструментом, целесообразным для использования в общественной практике.

Можно выделить следующие транзакционные издержки организации краудсорсинга:

1. Издержки поиска информации:

- а) расходы на поиск и подбор краудсорсеров;
- б) маркетинговые расходы;
- в) расходы на информационные услуги;
- г) расходы на консультационные услуги;
- д) расходы на коммуникационные услуги.

2. Издержки ведения переговоров и заключения контрактов:

Расходы на создание краудсорсинговой площадки / стоимость заказа проработки решения проблемы на краудсорсинговой площадке. Издержки измерения по большей части отсутствуют в силу того, что измерение результата краудсорсинговой деятельности осуществляется самими участниками. В этом кроется одно из ключевых преимуществ краудсорсинга, как известно, величина транзакционных издержек в первую очередь определяется числом совершаемых транзакций, а также количеством субъектов, их осуществляющих. Издержки измерения качества работы краудсорсеров переданы самим краудсорсерам под контролем фасилитаторов в рамках действующей системы оценки качества предложений. Большая часть издержек оптимизирована, оставшаяся – аккумулирована в деятельности фасилитаторов.

3. Издержки сертификации и защиты прав собственности отсутствуют.

4. Издержки покрытия убытков от оппортунистического поведения отсутствуют.

5. Издержки по получению индивидуальных льгот и привилегий:

Расходы на вознаграждение для победителей краудсорсинга.

Таким образом, большая часть транзакционных издержек краудсорсинговой деятельности сосредоточена в области издержек поиска информации, издержек ведения переговоров и заключения контрактов и издержек на вознаграждение победителей.

Расходы на ведения переговоров и заключения контрактов могут быть снижены за счёт создания единых площадок краудсорсинговой деятельности на базе населённых пунктов, регионов, отраслей, страны либо пирринга (безвозмездного распространения и обмена) идей, принципов, механизмов краудсорсинга среди заинтересованных сторон.

С нашей точки зрения, одной из возможностей для снижения данного вида транзакционных издержек является создание на базе крупнейших вузов регионов площадок для краудсорсинговой деятельности, так как они аккумулируют в себе потенциал обучающейся молодёжи. Пирринг механизма краудсорсинга может быть реализован с помощью создания на базе Moodle (либо аналогичных площадок для e-learning) площадок краудсорсинга.

Moodle является надёжной open-source платформой для дистанционного обучения. Это свободное (распространяющееся по лицензии GNU GPL) веб-приложение, предоставляющее возможность создавать сайты для онлайн-обучения.

Данная платформа переведена на десятки языков, в том числе русский, и используется более чем в 50 тысячах организаций из 235 стран мира. В некоторых инсталляциях количество пользователей превышает 500 тысяч человек. В нашей стране зарегистрировано 1 340 инсталляций [13]. Достоинство системы Moodle состоит в том, что она позволяет переносить созданные для неё модули из одной организации в другую.

Создание и унификация системы краудсорсинга на базе Moodle позволит организовать систему облачной карьеры для краудсорсеров, в силу того что оценка эффективности их деятельности в виде системы рейтингования будет унифицирована.

Таким образом, краудсорсинг может быть организован по wiki-принципам и встроен в образовательный процесс, а его издержки минимизированы.

Расходы на вознаграждение победителей краудсорсинга могут быть переложены на плечи самих участников краудсорсинговой деятельности с помощью одного из условных направлений крауд-технологий – краудфандинга (англ. crowd funding, crowd – «толпа», funding – «финансирование»). Его суть состоит в том, что некоторые люди (доноры) добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, для финансирования усилия других людей или организаций (реципиентов).

Р. Коуз, используя экономико-математическую логику, пытался показать, что «социализм» является

лучшим средством от транзакционных издержек, так как ему не требуется механизм рыночного ценообразования и, значит, отсутствуют издержки его использования. Краудсорсинг как воплощение новых форм взаимодействия участников, основанных на не экономических интересах исполнителей, является прообразом «будущего социализма», его новизна для субъектов экономических отношений требует дополнительных затрат на привлечение к нему, на популяризацию идеи коллективного сотрудничества на благо организации, страны, общества. Однако когда краудсорсинг и иные новые формы отношений как механизм взаимодействия субъектов рынка будут институализированы, транзакционные издержки внутри них будут минимизированы.

Более того, использование краудсорсинга не только снижает транзакционные издержки его участников, но и закладывает стандарты их взаимодействия, становится отправной точкой для появления ещё более инновационных форм отношений.

Необходим стандарт краудсорсинга, который позволил бы, с одной стороны, всем участникам сетевых взаимоотношений обмениваться информацией, конкурировать друг с другом, генерировать новые идеи, создавать для заказчиков краудсорсинга конкурентные преимущества, а с другой – стал бы гарантом соответствия требований сторон, инструментом снижения оппортунизма. Стандарт краудсорсинга будет основой того, что важная информация о бизнесе заказчика не будет выходить за пределы краудсорсинговой площадки и не попадёт в руки конкурентов.

Основной сдерживающий фактор внедрения и использования краудсорсинга – страх оппортунистического поведения.

Сущность оппортунизма в неинституциональной теории рассмотрена достаточно подробно. Выделяют различные его виды, в зависимости от которых необходимо определить возможные направления борьбы с каждым из них. Механизмы снижения оппортунизма должны быть реализованы заранее, в противном случае транзакционные издержки будут максимальны.

А.Е. Шаститко [14] выделяет 3 вида оппортунизма:

1) грубый – когда участник заранее готовится к нарушению договорённости, которая для него является мнимой;

2) стратегический – когда участник отношений обладает информацией, ставящей его в стратегически выгодное положение по отношению к партнёру;

3) естественный – когда участник отношений вынужден нарушить условия договорённости в связи с изменившимися обстоятельствами либо по неосведомлённости.

Страх оппортунизма накладывает отпечаток на скорость внедрения новых форм отношений в экономике.

Применительно к краудсорсингу его потенциальные заказчики не доверяют данной технологии, не хотят выводить проблемы за пределы организации на краудсорсинговые площадки (в случае необходимости использования внешнего краудсорсинга), озвучивать их перед сотрудниками (в случае внутреннего краудсорсинга).

Оптимальным будет вариант, при котором краудсорсинговые площадки организуются по единым утверждённым принципам либо краудсорсинг проводится на базе одной площадки, которая доказала свою эффективность и неангажированность. Такие базовые площадки могут быть созданы как внутри отрасли, так и внутри региона.

При использовании краудсорсинга велик риск «естественного» оппортунизма, в силу того что участники краудсорсинга не ограничены в возможностях выхода с площадки после потери интереса к теме проекта. Данная проблема может быть решена с помощью управления вовлечённостью участников краудсорсинга.

В свою очередь, повсеместное использование внутреннего краудсорсинга сделает организацию более прозрачной для её сотрудников, повысит уровень их трудовой мотивации, позволит снизить транзакционные издержки трудового поведения персонала в целом по организации.

Появление в XXI в. новых форм трудовых отношений можно объяснить со стороны работодателей результатом их стремления к снижению транзакционных издержек трудовых отношений. Со стороны работников – стремлением разнообразить трудовую деятельность, перевести некоторые из трудовых функций в досуговую сферу, обрести большую степень свободы, получить возможность реализовать свои таланты за пределами организации.

Бесспорно, краудсорсинг лишь начинает внедряться в практику зарубежных и отечественных компаний, эффект от внедрения ещё не проявляет себя в полной мере. Как известно, внедрение новых технологий зачастую связан с преодолением инерции её потенциальных пользователей, эффект от начала использования проявляется не сразу. Но можно с полной уверенностью сказать, что краудсорсинг – технология будущего, которую мы начинаем использовать в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса // *Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business*. М. : Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
2. Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: о роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека. М. : URSS, 2012. 316 с.
3. Долженко Р.А. Краудсорсинг – новая форма организации трудовой деятельности в коммерческом банке // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2012. № 5. С. 98–103.
4. Bradley A., McDonald M. *The Social Organization: How to Use Social Media to Tap the Collective Genius of Your Customers and Employee*. Harvard Business Review Press, 2011.
5. Патаракин Е.Д., Ярмахов Б.Б., Буров В.В. Продвижение социальных инноваций через общественное конструирование документов // *Образовательные технологии и общество*. 2012. Т. 15, № 2. С. 517–535.
6. Новек Б. Wiki-правительство. Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. М. : Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
7. Пономарев С.В. Краудсорсинг – технология создания виртуальных сообществ // *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*. Пермь, 2011. Вып. 7.
8. Тапскотт Д., Виллиамс А. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М. : BestBusinessBooks, 2009. 392 с.
9. Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пискера ; под науч. ред. Р. Капелюшника. М., 1993. 192 с.
10. Попов Е.В., Симонова В.Л. Межфирменные сетевые формы организации в системе корпоративного управления // *Экономика региона*. 2009. № 3. С. 146–153.
11. Buchanan J., Brennan G. *The Reason of Rules*. Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
12. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М. : Дело, 2001. С. 36–38.
13. Статистика Moodle. URL: <https://moodle.org/stats>
14. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М. : Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 29 сентября 2014 г.

TRANSACTION COSTS OF USING NEW FORMS OF LABOR RELATIONS BY EXAMPLE OF CROWDSOURCING AND POSSIBLE WAYS OF THEIR REDUCTION

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 181-187. DOI: 10.17223/15617793/388/30

Dolzhenko Ruslan A. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: snurk17@gmail.com

Keywords: new forms of labor relations; crowdsourcing; new institutional economics; transaction costs; opportunism.

Innovations occur in all spheres of human life, affect work and entail new forms of labor relations. New forms of labor relations differ from classical, traditional forms, especially in such characteristics as: • nature of the distribution of income and risks between the employer and the employee, • rational model of mutual obligations and guarantees of subjects of labor relations; • specificity of the formalization of relations and other access to the means of production and property. Thus, the juxtaposition of the new and classical forms of labor relations has economic, legal and social nature. New forms (in terms of implementation rather than time) include: outsourcing, crowdsourcing, outstaffing, insourcing, employee leasing, toxic practices of personnel management, etc. In this article, the author tries to analyze new forms of labor relations on the example of crowdsourcing from the position of transaction costs approach, which is currently the methodological basis of economic theory and neo-institutional approach. The paper considers the content of new forms of labor relations. An approach to their classification is offered, depending on the direction of function optimization and transfer to organizations, in accordance with which the author identifies such forms as insourcing, outsourcing, crowdsourcing, and others. The essence of crowdsourcing as a new form of labor relations is described. The possibilities of using the theory of transaction costs to new forms of labor relations is considered. The transaction costs of labor relations are understood as costs of employment participants (employees, employers, state) from their actions on the conclusion of agreements on labor implementation, ensuring its performance, compensation guarantees, and using its results. On the one hand, new forms of labor relations, due to their nature and unformed status, require significant transaction costs, and therefore mitigation measures should be developed. On the other hand, innovation, new forms of interaction reduce the need for a number of transaction costs. Some transaction costs can be reduced by creating crowdsourcing network platforms using university-based e-learning Moodle system. The opportunism reasons of

crowdsourcing participants are studied. Recommendations to eliminate them, in terms of creating a crowdsourcing standard and an overall rating system of crowdsourcing participants are considered.

REFERENCES

1. Howe J. *Kraudsorsing. Kollektivnyy razum kak instrument razvitiya biznesa* [Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business]. Moscow: Al'pina Publisher Publ., 2012. 288 p.
2. Slavin B.B. *Epokha kollektivnogo razuma: o roli informatsii v obshchestve i o kommunikatsionnoy prirode cheloveka* [The era of collective intelligence: the role of information in society and about the nature of the human communication]. Moscow: URSS Publ., 2012. 316 p.
3. Dolzhenko, R.A. *Kraudsorsing – novaya forma organizatsii trudovoy deyatelnosti v kommercheskom banke* [Crowdsourcing as a new form of organization of work in a commercial bank]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom - Management in Russia and Abroad*, 2012, no. 5, pp. 98-103.
4. Bradley A., McDonald M. *The Social Organization: How to Use Social Media to Tap the Collective Genius of Your Customers and Employee*. Harvard Business Review Press, 2011
5. Patarakin E.D., Yarmakhov B.B., Burov V.V. *Prodvizhenie sotsial'nykh innovatsiy cherez obshchestvennoe konstruirovaniye dokumentov* [Promoting social innovation through public construction of documents]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*, 2012, vol. 15, no. 2, pp. 517-535.
6. Novek B. *Wiki-pravitel'stvo. Kak tekhnologii mogut sdelat' vlast' luchshe, demokratiyu - sil'nee, a grazhdan – vliyatel'nee* [Wiki Government: How Technology Can Make Government Better, Democracy Stronger, and Citizens More Powerful]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher Publ., 2012. 288 p.
7. Ponomarev S.V. *Kraudsorsing – tekhnologiya sozdaniya virtual'nykh soobshchestv* [Crowdsourcing: the technology to create virtual communities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Politologiya" – Review of Political Science*, 2011, issue 3 (15), pp. 107-121.
8. Tapscott D., Williams A. *Vikinomika. Kak massovoe sotrudnichestvo izmenyaet vse* [Wikinomics. How Mass Collaboration Changes Everything]. Translated from English. Moscow: BestBusinessBooks Publ., 2009. 392 p.
9. Coase R. *Firma, rynek i pravo* [The firm, the market and the law]. Translated from English by B. Pisker. Moscow: Delo Publ., 1993. 192 p.
10. Popov E.V., Simonova V.L. *Intercompany network organization forms in the system of corporate management*. *Ekonomika regiona*, 2009, no. 3, pp. 146-153. (In Russian).
11. Buchanan J., Brennan G. *The Reason of Rules*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
12. Eggertsson T. *Ekonomicheskoe povedenie i instituty* [Economic behavior and institutions]. Translated from English. Moscow: Delo Publ., 2001, pp. 36-38.
13. Moodle Statistics. Available at: <https://moodle.org/stats/>. (In Russian).
14. Shastitko A.E. *Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [New Institutional Economics]. Moscow: MSU Faculty of Economics, TEIS Publ., 2002. 591 p.

Received: 29 September 2014

ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Анализируется проблема обеспечения доступности жилья для населения Новосибирской области. Рассчитываются индексы обеспечения доступности жилья исходя из возможности населения обслуживать ипотечный кредит и оплатить первоначальный взнос. На основании расчетов делаются выводы о том, что ипотечное кредитование стало реальным способом приобретения жилья для части населения, имеющего определенный уровень доходов. Но необходим поиск новых инструментов, способных повысить доступность жилья.

Ключевые слова: коэффициент доступности жилья; ипотечное жилищное кредитование; задолженность по кредитным ресурсам.

Жилье, как известно, занимает ключевое место в системе жизнеобеспечения человека. Потребность в нем наряду с потребностью в пище, одежде относят к первичным человеческим потребностям. Анализ жилищной системы как целостной социально-экономической системы предполагает рассмотрение жилья в трех аспектах: как результат производственной деятельности, как объект распределения и обмена, как предмет потребления. Как объект потребления жилье является многофункциональным благом, т.е. благом, способным удовлетворять потребности различных уровней. В связи с этим весьма актуальной становится проблема его доступности.

Под доступностью жилья в общем виде мы понимаем возможность пользоваться им как предметом потребления независимо от способов его получения. Как экономическая категория «доступность жилья» выражает совокупность отношений между людьми по поводу удовлетворения потребности в жилье как в многофункциональном социально-экономическом благом на основе сложившихся форм жилищной собственности. Она по-разному проявляется в разных типах жилищных систем и имеет различную количественную оценку.

С формированием в Российской Федерации жилищной системы рыночного типа в понятие «доступность жилья» вкладывается иной смысл, чем ранее. Потребность в жилье принимает форму жилищного спроса, и доступность жилья определяется прежде всего финансовыми возможностями населения купить его. В связи с этим необходимо создание определенных рыночных институтов. Эти институты должны обеспечить такую доступность для граждан, которым государство по закону не обязано предоставлять жилье бесплатно по договору социального найма (ст. 49–59 ГК РФ). Государство путем развития законодательной базы и других условий должно обеспечить этим гражданам доступ на рынок жилья, чтобы они за счет собственных или заемных средств в обозримом будущем смогли купить или построить жилье.

Анализ доступности жилья для населения РФ на примере Новосибирской области (НСО) мы начали в середине 1990-х гг., первоначально используя наиболее простую методику – сравнивали среднерыночную стоимость жилья (С) и среднерыночный доход семьи за год (Д) [1]. Так рассчитывался индекс доступности жилья (И_Д), рекомендованный в Программе ООН «ХАБИТАТ» по развитию населенных пунктов [2].

Для расчета этого показателя есть доступные статистические данные. Расчет позволяет получить общую информацию о жилищных рынках и обнаружить их слабые места, однако он не отражает сложной структуры жилищных рынков и реально сложившуюся на них ситуацию.

В дальнейшем круг методических подходов был расширен [3, 4]. Это позволило более обоснованно определить общие тенденции изменения доступности жилья и учитывать их проведением государственной жилищной политики. Например, расчеты индекса доступности жилья Агентства ипотечного жилищного кредитования (АИЖК) по Российской Федерации и НСО показывают достаточно благоприятную картину (рис. 1).

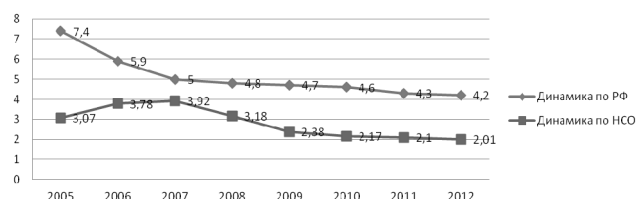

Рис. 1. Динамика индекса доступности жилья в РФ и НСО

В РФ в 2005–2012 гг. индекс доступности снижался, достигнув практически нормативного значения, и лишь в 2013 г. произошло его незначительное увеличение. В НСО устойчивое снижение индекса доступности наблюдается с 2007 г., минимального значения он достигает в 2012 г. Динамика индекса доступности жилья по видам квартир также благоприятна (рис. 2). Так, в НСО он снижается по всем видам квартир, начиная с 2007 г., и достигает в 2013 г. следующих значений: по 1-комнатным квартирам – 2,9 лет, по 2-комнатным – 3,5 года, по 3-комнатным – 4,2 года [5, 6].

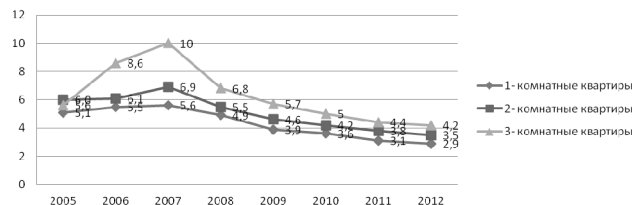

Рис. 2. Динамика индекса доступности жилья по видам квартир в НСО

Это связано с тем, что в г. Новосибирске наблюдается рост предложения квартир, в то время как спрос со стороны высокодоходных групп населения, спо-

собных купить квартиру, практически удовлетворен. Рост предложения квартир и их минимальное удорожание прямо связаны с губернаторской программой поддержки молодых семей – предоставлением субсидий в размере 300 тыс. руб. Относительно низкие ставки по ипотечному кредиту и большое количество молодых семей, готовых родить второго ребенка, повысили спрос на квартиры небольшой площади, квартиры эконом-класса. Это и привело в 2011–2013 гг. к высоким темпам продаж квартир в новостройках и высокой активности на вторичном рынке [6, 7].

Активное использование ипотечных программ требует и изменения методик расчета индекса доступности. При любой коммерческой схеме приобретения жилья с помощью ипотечных продуктов индекс доступности определяется исходя из *возможностей по погашению (обслуживанию) кредита* в течение определенного срока и *возможностей по оплате первоначального взноса*. Используя методику С.Р. Хачатряна, Е.Ю. Фаермана, Р.Л. Федоровой, А.Н. Кирилловой, произведем расчеты для Новосибирской области за период с 2011 по 2013 г. [8, 9].

Алгоритм расчета для всех коммерческих схем, реализуемых в НСО, включает ряд этапов:

Первый этап – определение индекса доступности населения по погашению (обслуживанию) кредита.

Во-первых, в качестве *постоянных для всех схем кредитования* примем: срок накопления семьей суммы, равной первоначальному взносу за приобретаемое жилье, – 7 лет; среднюю площадь и стоимость квартир, среднюю цену 1 кв. м.

Во-вторых, в качестве *переменных для всех схем кредитования* примем: $г$ – ставка процента, годовых; $D_{\text{вн}}$ – первоначальный взнос, процент от стоимости квартиры; T – срок кредитования, лет; K – сумма кредита (стоимость квартиры минус первоначальный взнос).

Учитывая, что ставки по ипотеке в НСО находятся в диапазоне 7,00–17,75% годовых по рублевым кредитам и 5,98–15,00% годовых – по валютным, первоначальный взнос по ипотеке в диапазоне 5–20%, срок ипотечного кредитования в диапазоне 1–50 лет, возьмем для расчетов стандартные условия АИЖК по НСО а именно: $г = 11\%$ годовых; $D_{\text{вн}} = 30\%$ от стоимости квартиры; $T = 15$ лет.

При наличии первоначального взноса гражданину на приобретение квартиры необходим кредит. Используя данные табл. 1, рассчитаем его величину.

С учетом средних значений стоимости квартир и стандартных условий АИЖК средняя величина кредита, за вычетом 30% от требуемой суммы кредита, составит: на приобретение 1-комнатной квартиры $K = 1154,4$ тыс. руб.; 2-комнатной – $K = 1932,7$ тыс. руб.; 3-комнатной – $K = 2368,5$ тыс. руб.

Т а б л и ц а 1

Средняя площадь квартир, средняя цена и средняя стоимость квартир в 2011–2013 гг. в НСО

Квартира	Средняя площадь, кв. м			Средняя цена 1 кв. м, тыс. руб.			Средняя стоимость квартиры, тыс. руб.		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013
1-комнатная	31	33,4	34	53,2	64	59,6	1649,2	2137,6	2026,4
2-комнатная	55	51,6	53	50,2	60,5	52,3	2761,0	3121,8	2771,9
3-комнатная	67	76,2	70	50,5	60,2	49,0	3383,5	4587,2	3430,0

Установим минимальный доход заемщика, необходимый для получения кредита, предварительно определив сумму ежемесячного платежа заемщика по кредиту по формуле

$$P(t)_{\text{мес}} = \frac{K}{12 \times T} (1 + g \frac{T+1}{2}), \quad (1)$$

где $P(t)_{\text{мес}}$ – сумма ежемесячного платежа заемщика по кредиту; K – величина кредита; T – срок кредитования; $г$ – процентная ставка.

Итак:

– для 1-комнатной квартиры

$$P(t)_{\text{мес}} = \frac{1154,4}{12 \times 15} (1 + 0,11 \frac{15+1}{2}) = 12\,057,5 \text{ руб.};$$

– для 2-комнатной квартиры

$$P(t)_{\text{мес}} = \frac{1932,7}{12 \times 15} (1 + 0,11 \frac{15+1}{2}) = 20\,186 \text{ руб.};$$

– для 3-комнатной квартиры

$$P(t)_{\text{мес}} = \frac{2368,5}{12 \times 15} (1 + 0,11 \frac{15+1}{2}) = 24\,737 \text{ руб.}$$

Ежемесячный минимальный доход заемщика (V_{min}) определяется по формуле

$$V_{\text{min}} = \frac{P(t)_{\text{мес}}}{0,3}. \quad (2)$$

Для 1-комнатной квартиры он составил $V_{\text{min}} = \frac{12\,057,5}{0,3} = 40\,192 \text{ руб.};$ для 2-комнатной –

$$V_{\text{min}} = \frac{20\,186}{0,3} = 67\,286,6 \text{ руб.}; \text{ для 3-комнатной –}$$

$$V_{\text{min}} = \frac{24\,737}{0,3} = 82\,456,6 \text{ руб.}$$

Ежемесячный минимально необходимый доход заемщика (V_{minKi}) рассчитаем по формуле (3) с учетом *коэффициента семейности* ($K_{\text{сем}}$), который для НСО равен 2,8, и коэффициента, учитывающего уплату налога и оплату жилищно-коммунальных услуг (K_p), равного 1,126 [10]:

$$V_{\text{minKp}} = \frac{V_{\text{min}} \times K_p}{K_{\text{сем}}}. \quad (3)$$

Для 1-комнатной квартиры он составил

$$V_{\text{minKp}} = \frac{40\,192 \times 1,126}{2,8} = 16\,163 \text{ руб.};$$

для 2-комнатной –

$$V_{\text{minKp}} = \frac{67\,286,6 \times 1,126}{2,8} = 27\,058,8 \text{ руб.};$$

для 3-комнатной квартиры –

$$V_{\min \text{ КР}} = \frac{82\,456,6 \times 1,126}{2,8} = 33\,159,4 \text{ руб.}$$

Немаловажным обстоятельством для расчетов индексов доступности является то, что население НСО, как и РФ в целом, значительно дифференцировано по уровню доходов, о чем свидетельствуют обобщенные данные табл. 2 [11, 12].

На основе данных табл. 2 определим, какой доходной группе с интервалом (v_{i-1} ; v_i) соответствует минимальный доход, необходимый для получения кредита. Первая доходная группа имеет, соответ-

ственно, интервал (v_0-v_1), последняя доходная группа закрыта интервалом (v_7-v_8), шаг последней доходной группы увеличен до 70,0 тыс. руб. по причине значительной части населения, входящей в данную доходную группу, – 12,1%.

При расчетах номер доходной группы в искомом интервале обозначим $n_{\min}$, тогда $v_{i-1} < V_{\min \text{ КР}} < v_i$. Следовательно, кредит для покупки 1-комнатной квартиры доступен 6-й доходной группе ($n_{\min} = 6$), 2-комнатной – 7-й доходной группе ($n_{\min} = 7$), 3-комнатной – также 7-й доходной группе ($n_{\min} = 7$).

Таблица 2

Распределение населения НСО по размеру среднедушевого денежного дохода в период 2011–2013 гг.

Номер доходной группы	Размер среднедушевого дохода	Население	
		тыс. человек	% к итогу
		2 731,2	100
1	В том числе со среднедушевыми денежными доходами в месяц, рублей до 3 500,0 (v_0-v_1)	103,8	3,8
2	3 500,1–5 000,0 (v_1-v_2)	152,9	5,6
3	5 000,1–7 000,0 (v_2-v_3)	256,73	9,4
4	7 000,1–10 000,0 (v_3-v_4)	398,75	14,6
5	10 000,1–15 000 (v_4-v_5)	551,7	20,2
6	15 000,1–25 000,0 (v_5-v_6)	641,8	23,5
7	25 000,1–35 000,0 (v_6-v_7)	294,97	10,8
8	Свыше 35 000,0 (35 000,1–70 000,0) (v_7-v_8)	330,55	12,1

Тогда индекс доступности для граждан НСО по погашению (обслуживанию) кредита ($d_{\text{КР}}$) определяется по формуле [8, 9]:

$$d_{\text{КР}} = \left(\sum_{k=i+1}^n d_k + \frac{v_i - V_{\min \text{ КР}}}{v_i - v_{i-1}} \cdot d_i \right) \times 100\%, \quad (4)$$

где n – количество доходных групп населения; i – номер доходной группы с интервалом доходов (v_{i-1} ; v_i), в которую попал доход $V_{\min \text{ КР}}$; k – номера доходных групп с доходом большим, чем v_i ; d_i – процент населения в доходной группе i ; d_k – процент населения в доходной группе k .

Рассчитанный таким образом индекс доступности показывает, скольким процентам населения доступно обслуживание кредита при данной схеме кредитования. Он может рассчитываться не только в процентах, но и в долях единицы. Отсюда следует, что

– для 1-комнатной квартиры

$$d_{\text{КР}} = (0,108 + 0,121 + \frac{25\,000 - 16\,163}{25\,000 - 15\,000,1} \times 0,235) \times 100\% = 43,66\%;$$

– для 2-комнатной квартиры

$$d_{\text{КР}} = (0,121 + \frac{35\,000 - 27\,058,8}{35\,000 - 25\,000,1} \times 0,108) \times 100\% = 20,67\%;$$

– для 3-комнатной квартиры

$$d_{\text{КР}} = (0,121 + \frac{35\,000 - 33\,159,4}{35\,000 - 25\,000,1} \times 0,108) \times 100\% = 14,1\%.$$

Расчетные данные за 2011 г. для удобства сведем в табл. 3.

Следующим этапом является определение индекса доступности населения по накоплению первоначального взноса ($d_{\text{ВН}}$).

Он рассчитывается аналогично индексу ($d_{\text{КР}}$), но без учета $K_{\text{р}}$. Поскольку квартиры еще нет, жилищно-коммунальные услуги и налоги за нее не оплачиваются.

Используя данные табл. 2 о распределении населения НСО по доходным группам, определим те группы, которые имеют возможность накопить первоначальный взнос на новую квартиру в течение 7 лет.

Таблица 3

Расчет индекса доступности для граждан НСО по погашению (обслуживанию) кредита в 2011 г., %

Квартира	Ежемесячный платеж ($P(t)$), руб.	Минимальный ежемесячный платеж ($V_{\min}$), руб.	Минимальный ежемесячный доход ($V_{\min \text{ КР}}$), руб.	Номер доходной группы ($n_{\min}$)	Индекс доступности по погашению кредита ($d_{\text{КР}}$), %
1-комнатная	12 057,5	40 192	16 163	6	43,6
2-комнатная	20 186	67 287	27 059	7	20,7
3-комнатная	24 737	82 457	33 160	7	14,1

Индекс доступности накопления первоначального взноса $d_{\text{ВН}}$ рассчитывался следующим образом:

Первоначальный платеж за приобретаемую квартиру ($D_{\text{ВН}}$) по данной схеме равен для 1-комнатной квартиры $D_{\text{ВН}} = 1\,649\,200 \times 0,3 = 494\,760$ руб.; для

2-комнатной квартиры $D_{\text{ВН}} = 2\,761\,000 \times 0,3 = 828\,300$; для 3-комнатной квартиры $D_{\text{ВН}} = 3\,383\,500 \times 0,3 = 1\,015\,050$ руб.

Отсюда следует, что с учетом введенного срока накопления (7 лет) семье необходимо ежемесячно откладывать:

$$D_{\min} = \frac{D_{\text{BH}}}{7 \times 12}. \quad (5)$$

Значит, для 1-комнатной квартиры эта сумма составит 5 890 руб.; для 2-комнатной – 9 860,7 руб.; для 3-комнатной – 12 083,93 руб.

Ежемесячный доход заемщика, исходя из 30%-ной доли платежей, определяется по формуле

$$V_{D_{\min}} = \frac{D_{\min}}{0,3}. \quad (6)$$

Значит, его доход для приобретения 1-комнатной квартиры должен быть не менее 19 633,3 руб.; 2-комнатной – 32 869 руб.; 3-комнатной – 40 279,76 руб. С учетом коэффициента семейности ежемесячный минимально необходимый доход заемщика определится по формуле

$$V_{\min \text{BH}} = \frac{V_{D_{\min}}}{K_{\text{сем}}}. \quad (7)$$

Для 1-комнатной квартиры он равен 7 011,9 руб.; для 2-комнатной – 11 738,92 руб.; для 3-комнатной – 14 385,62 руб.

d_{BH} рассчитаем по формуле

$$d_{\text{BH}} = \sum_{k=i+1}^n d_k + \frac{v_i - V_{\min \text{BH}}}{v_i - v_{i-1}} \times d_i. \quad (8)$$

Отсюда следует, что индекс доступности по накоплению первоначального взноса для 1-комнатной квартиры равен 81,14%; для 2-комнатной – 59,57%; для 3-комнатной – 48,88%.

Данный индекс показывает, скольким процентам населения доступно накопление первоначального взноса в течение 7 лет. Полученные расчеты для наглядности сведем в табл. 4.

Аналогичным образом произведем расчеты индексов доступности для различных групп населения НСО по погашению (обслуживанию) кредита и оплате первоначального взноса за 2012 и 2013 гг. Полученные данные сведем в табл. 5.

Очевидно, что доля населения, способного накопить первоначальный взнос на покупку квартир различного типа (d_{BH}) и обслуживать ипотечный кредит ($d_{\text{КР}}$), снижается.

Так, для приобретения 1-комнатной квартиры доступность по оплате первоначального взноса (d_{BH}), даже при наличии материнского капитала, снизилась с 81,1% в 2011 г. до 71% в 2013 г. Для 2-комнатных квартир снижение индекса доступности жилья составило за аналогичный период 6,2%, для 3-комнатных – 13,1%. Кроме того, оплату первоначального взноса может позволить население начиная с 4-й доходной группы.

Таблица 4

Расчет индекса доступности населения НСО по накоплению первоначального взноса в 2011 г.

Приобретаемая квартира	Необходимый первоначальный платеж (D_{BH}), руб.	Минимальная ежемесячная сумма накоплений ($D_{\min}$), руб.	Минимальный ежемесячный доход ($V_{D_{\min}}$), руб.	Минимальный ежемесячный доход, с учетом $K_{\text{сем}}$, на 1 человека ($V_{\min \text{BH}}$), руб.	Индекс доступности по оплате первоначального взноса (d_{BH}), %
1-комнатная	494 760	5 890	19 633,3	7 011,9	81,14
2-комнатная	828 300	9 860,7	32 869	11 738,92	59,57
3-комнатная	1 015 050	12 083,93	40 279,76	14 385,62	48,88

Таблица 5

Динамика индексов доступности жилья для различных групп населения НСО по погашению (обслуживанию) кредита и оплате первоначального взноса, %

Год	2011 г.			2012 г.			2013 г.		
Квартира	1-комнатная	2-комнатная	3-комнатная	1-комнатная	2-комнатная	3-комнатная	1-комнатная	2-комнатная	3-комнатная
$P(t)$, руб.	12 057,5	20 186	24 737	14 815	20 265	25 077	15 628	22 824	33 537
$V_{\min}$, руб.	40 192	67 287	82 457	49 384	67 552	83 590	52 094	76 079	111 793
$V_{\min \text{КР}}$, руб.	16 163	27 059	33 160	19 859	27 165	33 615	20 949	30 595	44 957
$n_{\min}$	6	7	7	6	7	7	6	7	8
$d_{\text{КР}}$, %	43,6	20,7	14,1	34,9	20,6	13,6	32,4	16,9	9,1
$V_{\min \text{BH}}$, руб.	7 011,9	11 739	14 386	8 615,7	11 785	14 583	9 088,4	13 273	19 504
$n_{\min \text{BH}}$	4	5	5	4	5	5	4	5	6
d_{BH} , %	81,1	59,6	48,9	73,3	59,4	48,1	71	53,4	35,8

Получение кредита и дальнейшее его обслуживание могут позволить только группы населения, начиная с 6-й и имеющие официальный доход 15 000,1–25 000 руб. в месяц (23,5% населения НСО). Индекс доступности по обслуживанию кредита на 1-комнатную квартиру за 2011–2013 гг. снизился с 43,6 до 32,4%. По 2-комнатным квартирам «бремя кредита» могут вынести представители 7-й доходной группы с ежемесячным доходом 25 000,1–35 000 руб. (10,8% населения). Индекс доступности для них снизился на 3,8%.

По 3-комнатным квартирам «бремя кредита» могут нести представители 7-й и 8-й доходных групп, имеющие доходы 25 000,1–70 000 руб. Индекс до-

ступности уменьшился для них с 14,1 до 9,1% соответственно.

Таким образом, индекс доступности жилья для населения НСО, рассчитанный по методике С.Р. Хачатряна, Е.Ю. Фаермана, Р.Л. Федоровой, А.Н. Кирилловой, учитывающий возможности населения по погашению (обслуживанию) кредита и возможности населения по накоплению первоначального взноса, отличается от индексов, рассчитанных по методике ООН «ХАБИТАТ». Оплатить первоначальный взнос могут в основном те, кто использует материнский капитал. Однако не все имеют возможность в дальнейшем рассчитываться по полученному кредиту. Об этом свидетельствует рост задолженности насе-

ления НСО по ипотечным жилищным кредитам (рис. 3).

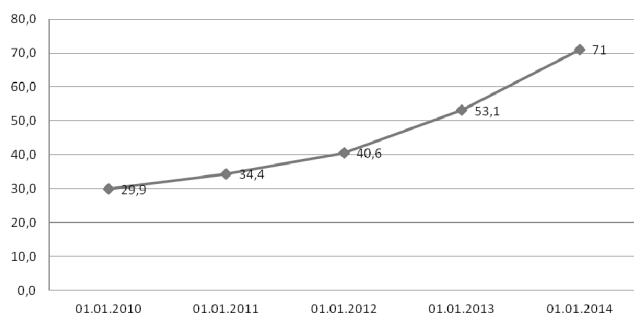

Рис. 3. Динамика задолженности по ипотечным жилищным кредитам населения НСО, млрд руб.

Растет задолженность населения по ипотечным кредитам и в РФ. Несмотря на рост объемов ипотечного кредитования, темпы роста замедляются. Государство реагирует на это поддержкой в виде субсидирования части банковской процентной ставки.

Расчеты индексов доступности жилья, проведенные для населения НСО, и их анализ свидетельствуют о том, что ипотечное жилищное кредитование стало реальным способом приобретения жилья, прежде всего эконом-класса – населением, имеющим определенный уровень доходов. Однако очевидно, что этот финансовый инструмент не обеспечивает необходимой доступности жилья большинству населения РФ и НСО.

Необходимы новые финансовые инструменты, которые обеспечат привлечение инвестиций в жилищную сферу и повысят доступность жилья. Одним из таких инструментов, новым для РФ, является жилищный лизинг, основанный на долгосрочной аренде жилья с правом выкупа. Его в известной мере можно рассматривать как альтернативу ипотечному жилищному кредитованию. В этой связи хотелось бы отметить диссертационное исследование И.В. Салагор «Жилищный лизинг как инструмент финансового механизма на рынке жилой недвижимости» [13], в котором данный финансовый инструмент получил комплексное обоснование: разработана финансовая модель жилищного лизинга, методические основы создания и функционирования специализированных финансовых институтов – жилищных лизинговых компаний, методика формирования их инвестиционного портфеля, методика расчета лизинговых платежей и т.д.

Однако жилищный лизинг, как и ипотечное жилищное кредитование, способствует росту частного сектора жилья, который, как нам представляется, уже достиг своих естественных границ. Расширять его путем создания условий для покупки жилья малообеспеченным слоям населения вряд ли целесообразно. Они не смогут содержать его. Решение их жилищной проблемы – это социальный найм жилья или аренда в доходных домах при поддержке региональных и муниципальных властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руди Л.Ю. Формирование рынка жилья: тенденции и перспективы. Новосибирск, 1997. 166 с.
2. UN-HABITAT: GUO Human Settlements Statistics. URL: http://www.unhabitat.org/programmes/guo/guo_hsd4.asp
3. Руди Л.Ю., Тропникова Т.А. Методологические подходы к определению показателя доступности жилья и их применения // Аваль. Сибирская финансовая школа. 2006. № 4. С. 27–33.
4. Руди Л.Ю., Тропникова Т.А. Доступность жилья для населения Новосибирской области: методические подходы // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 158–168.
5. Новая формула для доступного жилья. Del Credere от 28 Февраля 2013. URL: <http://delcredere.ru/novaya-formula-dlya-dostupnogo-zhilya>
6. Анализ уровня доступности жилья // Инженерный вестник Дона. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4t1y2012/1111>
7. Мониторинг предложения квартир и комнат на вторичном рынке г. Новосибирска. 2003–2013 гг. Аналитический центр компании «Сиб-академстрой-Недвижимость». URL: <http://www.realtymarket.ru/docs/novosib>
8. Хачатрян С.Р., Фаерман Е.Ю., Федорова Р.Л., Кириллова А.Н. Современные аспекты анализа и модельного обоснования региональной жилищной политики на базе ипотеки // Аудит и финансовый анализ. 2000. № 4. С. 112–135.
9. Хачатрян С.Р. Методы измерения и моделирования процессов расширения социальной доступности улучшения жилищных условий населения // Аудит и финансовый анализ. 2001. № 3. С. 95–105.
10. Мониторинг предложения квартир и комнат на вторичном рынке г. Новосибирска 2011–2013 гг. Аналитический центр агентства недвижимости Жилфонд. 2011–2013. Новосибирск, 2013. URL: <http://jilfond.ru/ipoteka>
11. Уровень жизни населения Новосибирской области за 2011–2013 гг. : стат. сб. Новосибирск : Новосиб. обл. ком. гос. стат. URL: <http://novosibstat.gks.ru>
12. Социально-экономическое положение Новосибирской области на 2011–2013 гг. : стат. сб. Новосибирск : Новосиб. обл. ком. гос. стат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level
13. Салагор И.Р. Жилищный лизинг как инструмент финансового механизма на рынке жилой недвижимости : автореф. дис... канд. экон. наук. Томск, 2014. 23 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 14 октября 2014 г.

HOUSING AFFORDABILITY ASSESSMENT FOR THE POPULATION OF NOVOSIBIRSK REGION

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 188–193. DOI: 10.17223/15617793/388/31

Rudi Ludmila Yu., Tropnikova Tatiana A. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk Institute of National Economy) (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: l.y.rudi@nsuem.ru

Keywords: housing affordability index; residential mortgage; credit resources debt.

It is well known that housing is the key element of human life sustainment. Along with the needs for food and clothes, the housing need belongs to the primary ones. This is why the problem of housing affordability is permanently relevant. It is emphasized by the fact that the Russian Federation housing system reform, based on the principle of state housing provision, was one of the key elements of the transition to the market economy. It is obvious that the success of the reform largely depends on how the model which is being implemented meets the needs of the majority of the population. In the process of the housing system development based on the marketing principles of housing provision, the need for it takes the form of the housing demand. Housing affordability is

determined by the financial opportunities of the population to buy housing. So, the issue of identifying major tendencies of housing affordability changes is becoming more timely and important. It has a significant influence on the implementation of the state housing policy. There are different methodologies of affordability index computation, each of which corresponds to the objectives of the research. The residential mortgage development has required the analysis of population opportunities to repay (service) loans and the opportunity to pay the initial payment. The calculations for the population of Novosibirsk Region, given in the article, were made following the methodology of S.R. Khachatryan, E. Yu. Faerman, and others. The obtained results of affordability index computation showed that housing mortgage made the purchase of economy class housing affordable for the majority of the population regardless of the fact that their level of income is insufficient for the purchase. Nevertheless further expansion of the private housing sector by providing the opportunities for low-income families to buy their own housing is hardly efficient, since they do not have financial resources for its maintenance. Social and commercial apartment building renting with the support of regional and municipal authorities is a solution to their housing problem.

REFERENCES

1. Rudi L.Yu. *Formirovanie rynka zhil'ya: tendentsii i perspektivy* [Formation of the housing market: trends and prospects]. Novosibirsk: NGAeIU Publ., 1997. 166 p.
2. UN-HABITAT: GUO Human Settlements Statistics. Available at: http://www.unhabitat.org/programmes/guo/guo_hsd4.asp.
3. Rudi L.Yu., Tropnikova T.A. Metodologicheskie podkhody k opredeleniyu pokazatelya dostupnosti zhil'ya i ikh primeneniya [Methodological approaches to the determination of the index of housing affordability and their applications]. *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2006, no. 4, pp. 27–33.
4. Rudi L.Yu., Tropnikova T.A. Dostupnost' zhil'ya dlya naseleniya Novosibirskoy oblasti: metodicheskie podkhody [Affordable housing for the population of the Novosibirsk region: methodological approaches]. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*, 2012, no. 2, pp. 158–168.
5. Novaya formula dlya dostupnogo zhil'ya [The new formula for affordable housing]. *Del Credere*, 2013, 28 February. Available at: <http://delcredere.ru/novaya-formula-dlya-dostupnogo-zhilya>.
6. Nikitenko E.V. Analiz urovnya dostupnosti zhil'ya. *Inzhenernyy vestnik Dona*, 2012, no. 4(1). Available at: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4t1y2012/1111>
7. Monitoring of apartments and rooms offers in the secondary market of Novosibirsk. 2003–2013. Analytical Center of "Sib-akademstroy Real Estate". Available at: <http://www.realtymarket.ru/docs/novosib>. (In Russian).
8. Khachatryan S.R., Faerman E.Yu., Fedorova R.L., Kirillova A.N. Sovremennye aspekty analiza i model'nogo obosnovaniya regional'noy zhilishchnoy politiki na baze ipoteki [Modern aspects of the analysis and modeling foundation of the regional housing policy based on the mortgage]. *Audit i finansovyy analiz*, 2000, no. 4, pp. 112–135.
9. Khachatryan S.R. Metody izmereniya i modelirovaniya protsessov rasshireniya sotsial'noy dostupnosti uluchsheniya zhilishchnykh usloviy naseleniya [Methods for measuring and modeling the processes of expansion of social accessibility of improving housing conditions]. *Audit i finansovyy analiz*, 2001, no. 3, pp. 95–105.
10. Monitoring of apartments and rooms offers in the secondary market of Novosibirsk 2011–2013. Zhilfond Analytical Center. Novosibirsk, 2013. Available at: <http://jilfond.ru/ipoteka>. (In Russian).
11. Novosibirsk Region Statistics Committee. *The standard of living of the population of Novosibirsk Region in 2011–2013: statistics*. Available at: <http://novosibstat.gks.ru>. (In Russian).
12. Novosibirsk Region Statistics Committee. *Socio-economic situation of Novosibirsk Region in 2011–2013*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level. (In Russian).
13. Salagor I.R. *Zhilishchnyy lizing kak instrument finansovogo mekhanizma na rynke zhiloy nedvizhimosti*. Avtoref. dis. kand. ekon. nauk [Housing leasing as a financial mechanism tool in the housing market. Abstract of Economics Cand. Diss.]. Tomsk, 2014. 23 p.

Received: 14 October 2014

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.922

И.В. Атаманова

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Статья подготовлена в рамках проекта «Психотехническое обеспечение процесса развития когнитивного и коммуникативного потенциала» по заданию №2014/233 на выполнение государственных работ Минобрнауки России.

Представлены результаты эмпирического исследования: 1) взаимосвязи параметров личностного и коммуникативного потенциала студентов технических специальностей с уровнем их иноязычной коммуникативной компетентности (ИКК) и 2) динамики становления профессионально-ориентированной ИКК в ходе развивающего эксперимента. Показано, что наиболее значимыми для понимания характера этой взаимосвязи являются «принятие риска», «настойчивость», «ориентация на настоящее», «толерантность к неопределенности», «ценность собственного «Я»» и «понимание себя в процессе общения». Динамика становления профессионально-ориентированной ИКК по-разному проявилась в группах толерантных и интолерантных к неопределенности студентов. Осознание целей изучения иностранного языка, позитивное отношение к изучаемому языку и рефлексивные умения могут служить психологическими ресурсами для обеспечения положительной динамики в группе интолерантных к неопределенности студентов.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетентность; профессиональная коммуникация; личностный, коммуникативный потенциал; толерантность к неопределенности.

Актуальность психологического исследования иноязычной коммуникативной компетентности в контексте профессиональной коммуникации обусловлена современными представлениями о компетентном специалисте, закрепленными Федеральными государственными образовательными стандартами третьего поколения (2009) и новым Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (2012), а также значительными изменениями в сфере ценностных ориентаций самих участников образовательного процесса. Заинтересованность студентов в своем личностно-профессиональном развитии, их стремление расширить свои профессиональные возможности и самостоятельно определять приоритеты своего образования требуют создания антропоориентированных образовательных практик в условиях высшего профессионального образования [1, 2]. Вместе с тем ряд исследователей отмечают, что для студентов технического профиля характерно сочетание высокого уровня личностного потенциала и довольно низкого уровня коммуникативного потенциала, что может вызывать определенные трудности в плане их самореализации [3]. Обращение в этой связи к эмпирическому исследованию становления профессионально-ориентированной ИКК, на наш взгляд, будет способствовать выявлению степени взаимосвязи данных психологических факторов с динамикой этого процесса.

Профессионально-ориентированная ИКК была определена нами как *динамическая интегральная личностная характеристика, основанная на знаниях и опыте, полученных в процессе обучения, и представляющая собой готовность и способность к эффективному взаимодействию в ситуации профессиональной коммуникации на иностранном языке* [4]. Выбранное методологическое основание – теория психологических систем В.Е. Ключко [5] – позволило

представить процесс становления обозначенной компетентности как трансформацию иноязычной культуры в профессиональном контексте в многомерный мир человека, а ее уровень – как степень «присвоения» человеком этой культуры. Соответственно, становление профессионально-ориентированной ИКК в условиях образовательного процесса происходит в результате взаимодействия будущих специалистов с иноязычной культурой в моделируемых ситуациях профессиональной коммуникации.

Работы по изучению личностного потенциала [6–8], который рассматривается отечественными психологами (Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Мандрикова, Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова, С.А. Богомаз, Ю.В. Сметанова и др.) в качестве ресурсной составляющей жизнеосуществления человека, легли в основу представляемого эмпирического исследования. Д.А. Леонтьев определяет личностный потенциал как «интегральную характеристику индивидуально-психологических особенностей личности, лежащую в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [6. С. 10]. Другими словами, глубинная сущность личностного потенциала проявляется в связи *возможности и действительности*.

Основными составляющими личностного потенциала признаются жизнестойкость, толерантность к неопределенности, способность к самодетерминации и самоорганизации деятельности [3, 6–8]. Кроме того, С.А. Богомаз полагает, что сложившаяся система базисных убеждений, представляющая собой ядро субъективного мира человека, важна для понимания его индивидуальных особенностей как субъекта деятельности [9] и может быть использована для характеристики его личностного потенциала.

Коммуникативный потенциал определяется как сложившаяся система коммуникативных качеств человека [7, 10]. Методика диагностики особенностей общения, разработанная В.Н. Недашковским, дает возможность оценить динамические и содержательные характеристики процесса коммуникации и позволяет определить ряд параметров (понимание собеседника, понимание себя в процессе общения, способность выстроить межличностную границу в общении, конгруэнтность в общении) и вычислить суммарный показатель эффективности процесса общения [11].

Особый интерес для нас представляет исследование возможной взаимосвязи динамики становления профессионально-ориентированной ИКК с толерантностью к неопределенности. Как показало наше пилотажное исследование [12], этот параметр личностного потенциала может оказаться существенным для понимания качественной стороны обозначенного процесса.

Выборка и процедура исследования. Данная статья описывает эмпирическое исследование, которое проходило в два этапа: 1) исследование взаимосвязи параметров личностного и коммуникативного потенциала с уровнем ИКК студентов технических специальностей (131 человек) и 2) исследование динамики становления профессионально-ориентированной ИКК студентов технических специальностей в ходе развивающего эксперимента (24 человека).

На первом этапе в исследовании принимали участие студенты первого и второго курсов двух технически-ориентированных факультетов Томского государственного университета, для которых изучение английского языка было предусмотрено учебным планом и являлось обязательным для всех студентов, и магистранты физико-технического факультета, изучавшие профессионально-ориентированный курс английского языка. В количественном выражении в группу студентов первого курса вошли 51 человек (30 юношей и 21 девушка), второго курса – 56 человек (34 юношей и 22 девушки) и в группу магистрантов – 24 человека (14 юношей и 10 девушек). Возраст участников исследования варьировался от 17 до 25 лет, а средний возраст выборки составил $19,57 \pm 1,87$, в том числе по группам: $18,33 \pm 0,95$; $19,27 \pm 0,92$; $22,92 \pm 0,65$ соответственно.

В развивающем эксперименте (второй этап исследования) участвовали 24 человека (14 девушек и 10 юношей), которые на момент проведения эксперимента были студентами второго курса физико-технического факультета Томского государственного университета. В эксперименте участвовали три группы студентов: Группа 1 ($n = 8$) – уровень elementary, Группа 2 ($n = 9$) – уровень intermediate и Группа 3 ($n = 7$) – уровень elementary. Отметим, что указанное количество человек в каждой из групп отражает тот факт, что в силу ряда причин (академический отпуск, перевод на другой факультет или с другого факультета, отчисление) состав студенческих групп менялся, поэтому для анализа были отобраны данные только тех студентов, кто проучился в обозначенных группах в течение двух лет. Обычный состав группы студентов, изучающих ИЯ на технически-ориентированных факультетах, при их формировании на первом курсе – 12–13 человек.

Методической базой исследования послужили опросниковые методы (подробнее см.: [6–8]), направленные на изучение параметров личностного и коммуникативного потенциала. Были использованы: тест «Жизнестойкость» (Maddi S.) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой; опросник «Самоорганизация деятельности» (Е.Ю. Мандрикова); Шкала толерантности к неопределенности (McLain D.), адаптированная Е.Г. Луковицкой; Шкала базисных убеждений (Janoff-Bulman R.) в адаптации О.А. Кравцовой) и методика «Диагностика особенностей общения» (В.Н. Недашковский). Бланки опросников предъявлялись респондентам единым блоком одномоментно, участие в их заполнении было добровольным на основе устного согласия.

Для оценки уровня ИКК студентов технических специальностей были использованы экспертные оценки. В качестве экспертов выступали преподаватели английского языка, ведущие занятия в группах студентов, участвовавших в данной части эмпирического исследования. Экспертная оценка представляла собой общее впечатление преподавателя об уровне ИКК испытуемого, складывающееся в ходе длительного наблюдения за студентами (с начала учебного года до момента заполнения ими предложенного блока опросников) в разнообразных учебных ситуациях, предполагавших проявление обозначенной компетентности. Уровень ИКК определялся по 7-балльной шкале как «очень низкий» (2 балла) – «очень высокий» (5 баллов) с интервалом 0,5 балла.

Уровень профессионально-ориентированной ИКК участников развивающего эксперимента также определялся методом экспертных оценок на основе проявления студентами обозначенной компетентности в ситуации моделирования профессиональной деятельности, в ходе которой они представляли результаты своих мини-исследований (было подготовлено два исследовательских проекта, по одному в семестр). При этом общая оценка уровня исследуемой компетентности рассчитывалась как среднее арифметическое четырех показателей: устная и письменная речь на английском языке, визуальное сопровождение презентации, представление доклада, участие в дискуссии. Каждый из показателей оценивался по 7-балльной шкале как «очень низкий» (2 балла) – «очень высокий» (5 баллов) с интервалом 0,5 балла. Таким образом, динамика становления профессионально-ориентированной ИКК определялась по трем оценкам уровня обозначенной компетентности: 1) исходный – уровень ИКК потенциальных участников развивающего эксперимента (определяется методом экспертных оценок в конце первого года обучения); 2) уровень профессионально-ориентированной ИКК (первый исследовательский проект) и 3) уровень профессионально-ориентированной ИКК (второй исследовательский проект).

Кроме того, для выявления эмоционального отношения к изучаемому языку проводился свободный ассоциативный эксперимент. Применялось анкетирование, направленное на исследование представлений студентов технических специальностей о целях изучения иностранного языка (ИЯ), о возникающих

трудностях в процессе его изучения и возможных ресурсах, способствующих овладению ИЯ. Также использовалось автобиографическое эссе, цель которого заключалась в выявлении особенностей прошлого опыта испытуемых в изучении ИЯ.

Для обработки полученных данных применялись следующие методы: контент-анализ и методы математической статистики, реализованные с помощью пакета компьютерных программ Statistica 6.0, включая описательную статистику, дисперсионный и корреляционный анализ.

Исследование взаимосвязи параметров личностного и коммуникативного потенциала с уровнем ИКК студентов технических специальностей

Оценка уровня иноязычной коммуникативной компетентности. Анализ экспертных оценок уровня ИКК студентов технических специальностей, полученных на этом этапе эмпирического исследования, позволяет говорить о среднем уровне обозначенной компетентности в целом по выборке ($3,51 \pm 0,66$ балла). В то же время наблюдалось статистически достоверное различие ($p = 0,000$) уровней обозначенной компетентности между студентами младших курсов ($3,38 \pm 0,60$ балла у первокурсников и $3,38 \pm 0,61$ балла у второкурсников) и магистрантами ($4,06 \pm 0,56$ балла). Кроме того, уровень ИКК девушек превышал аналогичный показатель у юношей на статистически достоверном уровне: $M1 = 3,71$ балла и $M2 = 3,37$ балла соответственно; $t\text{-value} = 2,958$; $p = 0,004$.

Специфика проявления параметров личностного потенциала. Анализ собранных данных проводился по четырем параметрам личностного потенциала, представляющим наибольший интерес для данного исследования: жизнестойкость, самоорганизация деятельности, толерантность к неопределенности и характер базисных убеждений.

Полученные результаты по тесту *жизнестойкости* на 4–11% превышали нормативные средние значения, определенные для российской выборки в возрастной группе до 35 лет [13], почти по всем показателям за исключением «вовлеченности». Это дает основание полагать, что для студентов технических специальностей характерна средняя степень убежденности в том, что вовлеченность в разнообразные жизненные ситуации имеет смысл. Однако они в большей степени убеждены в своей способности эффективно контролировать жизненные ситуации и в том, что стоит рисковать, даже не будучи уверенным в положительном исходе дела. И, соответственно, на основе суммарного показателя можно говорить о том, что они в большей степени способны справиться с непредвиденными ситуациями в случае их возникновения.

Сравнительный анализ степени выраженности показателей жизнестойкости у студентов младших курсов и магистрантов выявил статистически достоверные различия между этими группами по ряду параметров. Так, магистранты (2) превосходили студентов первого курса (1) практически по всем составляющим жизнестойкости: 1) «вовлеченность» ($M2 = 41,46$ бал-

ла и $M1 = 36,50$ балла соответственно; $t\text{-value} = -2,486$; $p = 0,015$); 2) «принятие риска» ($M2 = 21,88$ балла и $M1 = 19,08$ балла, соответственно; $t\text{-value} = -2,169$; $p = 0,033$); 3) «жизнестойкость» ($M2 = 98,00$ баллов и $M1 = 87,46$ балла, соответственно; $t\text{-value} = -2,470$; $p = 0,016$). Группы студентов второго курса (1) и магистрантов (2) также статистически достоверно различались между собой по этим параметрам жизнестойкости: 1) «вовлеченность» ($M1 = 36,60$ балла и $M2 = 41,46$ балла соответственно; $t\text{-value} = -2,554$; $p = 0,000$); 2) «принятие риска» ($M1 = 18,20$ балла и $M2 = 21,88$ балла соответственно; $t\text{-value} = -3,028$; $p = 0,003$); 3) «жизнестойкость» ($M1 = 86,45$ балла и $M2 = 98,00$ баллов соответственно; $t\text{-value} = -2,700$; $p = 0,009$).

В свою очередь, это может означать, что магистранты технических специальностей в большей степени ощущают собственную ценность и значимость, находятся в контакте с окружающими и включены в решение разнообразных задач, а жизненные события представляются им как возможность испытать себя. Такие люди, как показали исследования [14], в большей степени удовлетворены своей жизнью, воспринимая ее как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом процесс.

Сравнительный анализ степени выраженности составляющих жизнестойкости у девушек ($n = 53$) и юношей ($n = 76$) выявил статистически достоверные различия в этих группах по показателю «контроль»: $M2 = 33,34$ балла и $M1 = 30,81$ балла соответственно; $t\text{-value} = -2,048$; $p = 0,043$. Внутригрупповой корреляционный анализ показал, что в группе юношей их уровень ИКК положительно коррелировал с «принятием риска» ($r = 0,306$; $p = 0,007$) и суммарным баллом по тесту «жизнестойкость» ($r = 0,227$; $p = 0,048$), а в группе девушек наблюдалась отрицательная корреляция между их уровнем ИКК и «принятием риска» ($r = -0,341$; $p = 0,012$). Полученные результаты, вероятно, свидетельствуют о большей убежденности юношей в том, что они способны эффективно контролировать возникающие жизненные ситуации, в том числе и неопределенные. Вероятно, на фоне этой убежденности они в большей степени открыты миру иноязычной культуры и воспринимают процесс овладения ИЯ как вызов себе, что отражается на их уровне ИКК. Девушки, напротив, стремясь избежать неудач и негативного опыта, возможно, как раз в силу меньшей убежденности в своей способности контролировать непредвиденные ситуации, используют какие-то другие стратегии для достижения успеха в овладении ИЯ.

Анализ степени выраженности склонности к *самоорганизации деятельности* у студентов технических специальностей показал, что полученные результаты находятся в пределах нормативных средних значений, определенных Е.Ю. Мандриковой [15]. Однако более детальное сравнение вести затруднительно, так как в выборку, исследованную автором методики, входили и студенты, и работающие взрослые. Вместе с тем средние значения показателей самоорганизации деятельности в исследуемой нами выборке позволяют говорить о средней степени выраженности этого параметра личностного потенциала.

Внутригрупповой корреляционный анализ, проведенный в группах юношей и девушек, выявил статистически значимую корреляцию с отрицательным знаком между «ориентацией на настоящее» и уровнем ИКК в группе девушек ($r = -0,462$; $p = 0,000$). Вполне вероятно, что полученный результат связан с большей степенью ориентации девушек на будущее в своей деятельности. Возможно, девушки, обучающиеся по техническим специальностям, скорее склонны работать на перспективу, овладевая ИЯ. И чем сильнее они убеждены в том, что ИЯ может им пригодиться в будущем, тем больше усилий они прикладывают для развития обозначенной компетентности, что сказывается на ее уровне.

Сравнительный анализ степени выраженности склонности к самоорганизации деятельности у студентов младших курсов и магистрантов показал наличие статистически достоверных различий между выделенными для анализа группами по отдельным показателям. Так, магистранты (2) отличались от студентов первого курса (1) по степени выраженности таких показателей, как «настойчивость» ($M2 = 24,71$ балла и $M1 = 19,39$ балла соответственно; $t\text{-value} = -3,148$; $p = 0,002$) и «ориентация на настоящее» ($M2 = 8,00$ баллов и $M1 = 9,65$ балла соответственно; $t\text{-value} = 2,194$; $p = 0,031$). Отличались они и от студентов второго курса (1) по степени выраженности показателей шкалы «настойчивость» ($M2 = 24,71$ балла и $M1 = 20,04$ балла, соответственно; $t\text{-value} = -3,055$; $p = 0,003$). Отметим также, что степень выраженности настойчивости у магистрантов превышала среднее значение этого показателя по исследуемой выборке в целом ($20,67 \pm 6,87$ балла) на 19,5%. В свою очередь, это может свидетельствовать о том, что магистранты технических специальностей более организованы в сравнении со студентами младших курсов. Они в большей степени способны структурировать свою деятельность, прикладывая при этом волевые усилия для завершения начатого дела, что, возможно, является результатом их личностно-профессионального становления в условиях вуза. Кроме того, студенты первого курса технически-ориентированных факультетов, возможно, в большей степени фиксированы на происходящем с ними в настоящий момент времени, что может сказываться, например, на эффективности деятельности в учебном процессе (например, если необходимо быстро переключаться с одного вида работы на другой). Магистранты технических специальностей, по-видимому, ориентированы в своей целенаправленной деятельности на перспективу.

Степень выраженности **толерантности к неопределенности** у студентов технических специальностей и в целом по выборке, и в выделенных группах испытуемых превышает нормативное среднее значение этого параметра ($95,0 \pm 19,1$ балла). Это может означать, что такие студенты с большим интересом принимают неопределенные ситуации и стремятся к получению нового опыта, невзирая на возникающие трудности. При этом самые высокие баллы по толерантности к неопределенности наблюдаются у магистрантов ($103,71 \pm 23,26$ балла). Однако статистически достоверных различий по толерантности к не-

определенности между выделенными для анализа группами отмечено не было.

Корреляционный анализ не выявил никакой взаимосвязи между толерантностью к неопределенности и уровнем ИКК студентов технических специальностей в целом по выборке. Однако внутригрупповой корреляционный анализ показал наличие отрицательной взаимосвязи на статистически значимом уровне между толерантностью к неопределенности и уровнем ИКК в группе девушек ($r = -0,291$; $p = 0,034$). Другими словами, чем настороженнее девушки, обучающиеся по техническим специальностям, относятся к неопределенным ситуациям, тем сильнее они, видимо, склонны искать какие-то другие способы совладания с этими ситуациями для обеспечения успешности своей деятельности.

Кроме того, исследуемая выборка была поделена на две группы на основе значения медианы толерантности к неопределенности (102,00 балла): «интолерантные к неопределенности» ($n = 66$) и «толерантные к неопределенности» ($n = 61$). Выделенные таким образом группы статистически достоверно различались по степени выраженности толерантности к неопределенности ($M1 = 86,70$ балла и $M2 = 116,23$ балла соответственно; $t\text{-value} = -14,547$; $p = 0,000$). Однако данные группы не показали никакого статистически достоверного различия между собой по уровню ИКК.

В то же время внутригрупповой корреляционный анализ позволил выявить статистически значимые корреляции. Так, в группе интолерантных к неопределенности студентов уровень ИКК отрицательно коррелировал с полом испытуемых ($r = -0,438$; $p = 0,000$) и положительно – с годом обучения ($r = 0,319$; $p = 0,009$). Другими словами, уровень ИКК интолерантных к неопределенности девушек был выше в сравнении с показателями юношей. И, кроме того, чем дольше учились интолерантные к неопределенности студенты, тем выше становился их уровень ИКК. В группе толерантных к неопределенности студентов также были обнаружены положительные корреляционные связи между уровнем ИКК таких студентов и их возрастом ($r = 0,411$; $p = 0,001$) и годом обучения ($r = 0,462$; $p = 0,000$), что может служить доказательством динамического характера ИКК.

Анализ характера **базисных убеждений** испытуемых показал, что для студентов технических специальностей характерна средняя степень выраженности базисных убеждений, хотя полученные средние значения по каждой из шкал были несколько ниже аналогичных значений, определенных в исследовании [16]. Тем не менее можно говорить о том, что эта категория студентов убеждена в благосклонности мира и его положительном настрое по отношению к ним, в доброте большинства людей и в справедливости происходящего. Им свойственна убежденность в неслучайности жизненных событий, причем эти события, по их мнению, поддаются контролю. При этом они убеждены в собственной ценности и значимости для других, в своей способности контролировать происходящее и в собственной удачливости.

Корреляционный анализ выявил положительную статистически значимую взаимосвязь на уровне тен-

денции между уровнем ИКК испытуемых и такой категорией базисных убеждений, как «справедливость» ($r = 0,193$; $p = 0,028$). Можно только предположить здесь, что чем сильнее выражена убежденность студентов технических специальностей в справедливости происходящего, тем конструктивнее они воспринимают какие-то замечания преподавателя во время занятий, и это, вероятно, способствует становлению их ИКК.

Сравнительный анализ степени выраженности базисных убеждений у студентов младших курсов и магистрантов выявил ряд статистически достоверных различий. Так, магистранты (2) отличались от студентов первого курса (1) по степени выраженности таких категорий базисных убеждений, как «случайность» ($M2 = 3,58$ балла и $M1 = 4,19$ балла соответственно; $t\text{-value} = 2,463$; $p = 0,016$) и «ценность собственного “Я”» ($M2 = 4,69$ балла и $M1 = 4,16$ балла соответственно; $t\text{-value} = -2,682$; $p = 0,009$). Это может свидетельствовать о том, что магистранты технических специальностей в сравнении со студентами первого курса технически-ориентированных факультетов в большей степени убеждены в своей собственной ценности и в неслучайности происходящих с ними событий. Вероятно, это позволяет им брать на себя больше ответственности за свои собственные действия, что сказывается, в конечном итоге, на уровне их ИКК. Кроме того, магистранты отличались и от студентов второго курса (1) по степени выраженности «ценности собственного “Я”» ($M2 = 4,69$ балла и $M1 = 4,20$ балла, соответственно; $t\text{-value} = -2,446$; $p = 0,017$). Отметим, что между магистрантами и студентами младших курсов было выявлено также статистически достоверное различие по уровню ИКК. Полученные результаты заставляют обратить особое внимание на эту категорию базисных убеждений. Вполне вероятно, что осознание человеком своей собственной ценности во многом способствует становлению его ИКК.

Специфика проявления параметров коммуникативного потенциала. Анализ степени выраженности параметров коммуникативного потенциала проводился по «сырым» баллам методики В.Н. Недашковского, так как в исследованиях под руководством С.А. Богомаза было показано, что такой подход оказывается более информативным (см., например, [3, 7]).

Вычисленные средние значения параметров коммуникативного потенциала в основном соответствуют нормативным средним показателям, немного отличаясь от них в меньшую сторону. Исключение составляет фактор «способность выстраивать межличностные границы», среднее значение которого ($7,8 \pm 1,64$ балла) оказалось значительно ниже нормы. В свою очередь, это привело к тому, что среднее арифметическое показателей ($14,0 \pm 2,27$ балла), которое представляет собой суммарный индекс коммуникативного потенциала, оказалось ниже нормы. Это дает основание полагать, что студенты технических специальностей могут испытывать некоторые трудности в общении. Основная причина этих сложностей, вероятно, связана с недостаточно развитым умением таких студентов удерживать собственную позицию, не нарушая при

этом личностное пространство собеседника. Следовательно, можно сделать вывод и об общей дефицитности умений студентов, обучающихся по техническим специальностям, в понимании себя и понимании другого человека в процессе коммуникации, а также в порождении ясных и однозначных высказываний, что согласуется с результатами других исследователей [3].

Проведенный внутригрупповой корреляционный анализ позволил обнаружить в группе юношей статистически значимую взаимосвязь между уровнем ИКК и таким фактором коммуникативного потенциала, как «способность выстраивать межличностные границы» ($r = 0,316$; $p = 0,007$). Вероятно, это означает, что чем четче юноши, обучающиеся по техническим специальностям, определяют различия (в плане мыслей, чувств и желаний) между собой и собеседником, тем дальше они способны продвинуться в развитии своей ИКК. В группе девушек также была выявлена статистически значимая отрицательная корреляция в отношении уровня ИКК, но с фактором «понимание собеседника» ($r = -0,298$; $p = 0,029$). Данный результат является крайне неожиданным, и пока ему не найдено объяснение.

Внутригрупповой корреляционный анализ также выявил наличие положительной статистически значимой корреляции в группе магистрантов между уровнем ИКК и таким фактором коммуникативного потенциала, как «понимание себя в процессе общения» ($r = 0,413$; $p = 0,045$). Можно предположить, что чем лучше развиты рефлексивные умения магистрантов технических специальностей, тем выше будет их уровень ИКК, поскольку рефлексия помогает им, возможно, осознавать возникающие трудности в процессе овладения ИЯ и находить оптимальные решения для совладания с ними.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что данная часть эмпирического исследования позволила выявить определенную взаимосвязь между уровнем ИКК студентов, обучающихся на технически-ориентированных факультетах, и степенью выраженности параметров личностного и коммуникативного потенциала. **Во-первых**, следует подчеркнуть, что характер этой взаимосвязи оказался нелинейным. Статистически значимые корреляционные связи проявлялись не в общей выборке, а в основном внутри групп, выделенных для анализа (юноши, девушки, первокурсники, второкурсники, магистранты). Следует обратить внимание на разнонаправленное влияние некоторых из исследуемых параметров на уровень ИКК в обозначенных группах. **Во-вторых**, наиболее значимыми для понимания характера этих зависимостей оказались следующие параметры: «принятие риска» (тест жизнестойкости); «настойчивость» и «ориентация на настоящее» (опросник самоорганизации деятельности); «толерантность к неопределенности». В отношении базисных убеждений полученные результаты свидетельствуют о важной роли категории «ценность собственного “Я”». Что касается параметров коммуникативного потенциала, то следует отметить, прежде всего, низкий уровень суммарного индекса коммуникативного потенциала в исследуемой выборке, что, в свою очередь, затруднило анализ сте-

пени взаимосвязи этих параметров с уровнем ИКК. Возможно, наиболее значимым параметром коммуникативного потенциала для понимания процесса становления ИКК является фактор «понимание себя в процессе общения». *В-третьих*, в ходе данного этапа исследования было получено эмпирическое подтверждение высказанного ранее предположения [4] о динамическом характере ИКК.

Исследование динамики становления профессионально-ориентированной ИКК студентов технических специальностей

Второй этап эмпирического исследования был связан с проведением развивающего эксперимента с целью выявления психологических факторов в контексте их взаимосвязи с динамикой становления профессионально-ориентированной ИКК студентов технических специальностей в условиях вузовского обучения ИЯ. Подготовка к нему и сам эксперимент осуществлялись следующим образом:

1. Используя анкетирование потенциальных участников развивающего эксперимента (студенты первого курса), были выявлены их цели изучения ИЯ в вузе; трудности, которые у них возникают в этом процессе; особенности прошлого опыта изучения ИЯ (английского). С помощью ассоциативного эксперимента был определен характер их эмоционального отношения к изучаемому языку.

2. Была исследована степень выраженности параметров личностного и коммуникативного потенциала у этих студентов и определен их уровень ИКК в качестве исходного показателя для дальнейшего анализа.

3. Процесс обучения ИЯ студентов второго курса технических специальностей был организован в соответствии с разработанной психолого-педагогической технологией развития профессионально-ориентированной ИКК [17]. Оценка уровня исследуемой компетентности проводилась в момент представления студентами результатов своих исследовательских проектов.

Особенностью данного эксперимента является отсутствие контрольной группы. Объясняется это тем, что в рамках выбранного нами теоретико-методологического основания исследования профессионально-ориентированной ИКК (теория психологических систем В.Е. Ключко) сравнение экспериментальной и контрольной групп представляется некорректным. Признавая человека уникальной психологической системой [5], мы неизбежно приходим еще и к тому, что каждая группа (студенты и преподаватель) оказываются такой же уникальной совмещенной психологической системой. Следовательно, сравнение экспериментальной группы с группой студентов, преподавателем которых является другой человек, будет означать, фактически, сравнение двух совершенно разных совмещенных психологических систем. С другой стороны, представить себе, что один и тот же человек может вести себя в одной группе как инноватор, работая по новой технологии и реализуя заложенные в ней принципы (личностно-смысловую включенность студентов в учебную деятельность, межличностное взаимодействие, диалогическое об-

щение участников образовательного процесса), а в другой – как традиционалист, тоже довольно затруднительно.

Степень выраженности параметров личностного и коммуникативного потенциала у участников развивающего эксперимента. Анализ собранных данных также проводился по четырем параметрам личностного потенциала (жизнестойкость, самоорганизация деятельности, толерантность к неопределенности и характер базисных убеждений) и показателям коммуникативного потенциала. Отметим, что степень выраженности *жизнестойкости* (за исключением шкалы «вовлеченность») у студентов экспериментальной группы превышала на 4–8% средненормативные значения по шкалам этого параметра. Они характеризовались средней степенью выраженности склонности к *самоорганизации деятельности* и более высокими показателями по шкале *толерантности к неопределенности* (полученное среднее значение превышало на 4,6% средненормативное). Анализ характера *базисных убеждений* участников развивающего эксперимента показал, что средние значения по всем категориям базисных убеждений превышают рубеж в 3,5 балла, который считается средненормативным показателем. В целом полученные результаты хорошо согласуются с оценкой степени выраженности этих параметров у студентов технических специальностей, проведенной на первом этапе эмпирического исследования. Вычисленные средние значения параметров *коммуникативного потенциала* у участников развивающего эксперимента в основном соответствовали нормативным средним показателям, немного отличаясь от них в меньшую сторону, за исключением фактора «способность выстраивать межличностные границы» ($7,63 \pm 1,53$ балла), среднее значение которого в этой выборке оказалось значительно ниже нормы. Суммарный индекс коммуникативного потенциала, соответственно, также оказался ниже нормы, что согласуется с результатами других исследователей [3] и первой частью данного исследования и, возможно, свидетельствует о низком уровне коммуникативной компетентности в целом.

Толерантность к неопределенности. Для проверки выдвинутой нами гипотезы развивающего эксперимента о взаимосвязи толерантности к неопределенности с динамикой становления профессионально-ориентированной ИКК его участники были разделены на две группы в зависимости от степени выраженности у них этого параметра (по медиане, 99,0 балла). Группы «толерантных (2) к неопределенности» ($n = 12$) и «интолерантных (1) к неопределенности» ($n = 12$) студентов статистически достоверно различались между собой по обозначенному параметру: $M2 = 113,58$ балла и $M1 = 85,17$ балла соответственно; $t\text{-value} = -7,285$; $p = 0,000$. Кроме того, в таблице представлены статистически достоверные различия степени выраженности отдельных параметров личностного и коммуникативного потенциала в выделенных для анализа группах.

Полученные результаты позволяют говорить о большей степени убежденности толерантных к неопределенности участников развивающего экспери-

мента в том, что вовлекаться в новую для себя деятельность имеет смысл. Они рассматривают новый опыт, скорее всего, как вызов себе и возможность чему-то научиться, будучи уверенными, при этом, в своей способности контролировать происходящее.

Межгрупповые различия степени выраженности параметров личностного и коммуникативного потенциала у толерантных и интолерантных к неопределенности участников развивающего эксперимента

Параметр	Интолерантные к неопределенности		Толерантные к неопределенности		t-value	Уровень р
	M1	σ_1	M2	σ_2		
Контроль	29,17	4,69	35,08	6,36	-2,594	0,017
Суммарный индекс жизнестойкости	81,92	14,28	95,33	15,30	-2,221	0,037
Настойчивость	17,75	3,36	22,08	6,58	-2,031	0,050
Ориентация на настоящее	9,17	2,48	11,50	1,93	-2,572	0,018
Суммарный индекс самоорганизации деятельности	101,17	10,50	119,33	17,69	-3,060	0,006
Толерантность к неопределенности	85,17	9,82	113,58	9,28	-7,285	0,000
Понимание себя в процессе общения	12,67	4,79	17,25	4,67	-2,372	0,027

Такие студенты более склонны к самоорганизации деятельности, проявляя большую степень настойчивости для достижения значимых для них целей. Вместе с тем им легче переключаться на другую деятельность в зависимости от своих предпочтений в конкретный момент времени, что, с другой стороны, может влиять на качество выполняемых действий. Они также характеризуются большей степенью понимания себя в процессе общения. В свою очередь, можно предположить, что рефлексивные умения у таких студентов развиты в большей степени, что может способствовать и становлению их профессионально-ориентированной ИКК. Напомним, что в первой части эмпирического исследования было показано, что этот фактор коммуникативного потенциала статистически значимо ($p < 0,05$) коррелировал с уровнем ИКК магистрантов технических специальностей ($r = 0,413$).

Далее, **анализ экспертных оценок исходного уровня ИКК** участников развивающего эксперимента не выявил статистически достоверных различий по этому показателю между толерантными ($3,38 \pm 0,61$ балла) и интолерантными ($3,50 \pm 0,30$ балла) к неопределенности студентами, но уровень их ИКК находился в разных пределах. Так, в группе «толерантных» они охватывали большую часть шкалы (от 2,5 до 4,5 баллов с интервалом 0,5 балла), в отличие от «интолерантных», где диапазон был меньше (от 3,0 до 4,0 баллов). Следует отметить, что аналогичная картина была получена нами и при проведении пилотажного исследования [12], и это позволяет утверждать, что толерантность к неопределенности затрагивает, скорее, качественную сторону процесса овладения ИЯ. Возможно, в случае толерантных к неопределенности студентов технических специальностей существуют дополнительные факторы, которые оказываются более значимыми в учебном процессе, способствуя или препятствуя развитию ИКК в условиях вузовского образования. В то время как интолерантные к неопределенно-

сти студенты, испытывая значительные трудности в преодолении своей настороженности к новому опыту, вероятно, психологически более скованы, что мешает им достичь более высокого уровня ИКК.

Высказанное предположение о роли толерантности к неопределенности в процессе овладения ИЯ подтвердилось и в ходе анализа данных, собранных с помощью **анкетирования и ассоциативного эксперимента**. Так, отвечая на вопрос анкеты о **целях изучения английского языка**, интолерантные к неопределенности участники развивающего эксперимента указывали в большей степени прагматические цели: «*необходим в университете как часть учебы*», «*нужно и пригодится*», «*чтобы легко разбираться в надписях на этом языке*», «*для профессии*», «*многие на этом языке говорят*» и т.д. Лишь треть опрошенных заявила о своем личном интересе и желании изучать английский язык: «*интерес*», «*захотелось*», «*нравится*», «*хочу разговаривать на этом языке*». В группе толерантных к неопределенности участников развивающего эксперимента ответы были личностно обусловлены и отличались своей развернутостью: «*хочу поехать в Америку*», «*он интересен для меня*», «*хочу знать этот язык*», «*для своего развития*», «*огромное желание знать этот язык*», «*больше возможностей в будущем*», «*поможет в будущем хорошо устроиться в жизни*» и т.д. Обращает на себя внимание тот факт, что представители обеих групп практически не связывают изучение ИЯ в университете со своим профессиональным становлением в условиях высшей школы, и лишь немногие полагают, что знание ИЯ сулит им определенные перспективы в будущей профессиональной деятельности.

Анализ ответов участников развивающего эксперимента на вопрос анкеты о **трудностях**, с которыми они сталкиваются в процессе изучения английского языка, также выявил определенные качественные различия. Так, толерантные к неопределенности студенты были более конкретны в описании возникающих трудностей: «*сложно запомнить слова*», «*трудно переводить с русского языка на английский*», «*трудности в произношении*», «*путаюсь с грамматикой*», «*быстро устаю, когда долго слушаю английскую речь*» и т.д. В группе интолерантных к неопределенности студентов описание возникающих трудностей носило, скорее, общий характер: *чтение, понимание текста, разговор на английском языке, грамматика, скудный словарный запас* и т.д. Кроме того, эти студенты указали и трудности психологического толка: *лень, собственная лень, трудно найти время*.

Кроме того, при анализе собранных данных выяснилось, что 10 из 12 человек в группе интолерантных к неопределенности студентов при формировании групп в начале обучения в университете были определены по результатам входного тестирования в группу *elementary* в соответствии с достигнутым уровнем владения английским языком. Исследуя эссе об **опыте изучения ИЯ**, написанные интолерантными к неопределенности студентами в свободной форме, удалось выделить несколько общих моментов: 1) частая смена учителей ИЯ в школе; 2) неуверенность в собственных силах; 3) отсутствие интереса и

мотивации и 4) отсутствие возможности проявить себя из-за проблем с английским языком.

Анализ данных *ассоциативного эксперимента* показал, что толерантные к неопределенности участники развивающего эксперимента использовали для характеристики английского языка прилагательные, которые были разнообразнее и сильнее окрашены в эмоциональном плане с выраженной положительной коннотацией: *красивый* (4), *увлекательный* (1), *интересный* (1), *великий* (1), *обширный* (1), *скудный* (1), *важный* (1), *международный* (1), *перспективный* (1). Интолерантные к неопределенности участники развивающего эксперимента представляли английский язык *трудным* (3), *нужным* (2), *международным* (2), *интересным* (2), *красивым* (2), *простым* (1). Эти студенты использовали гораздо меньшее количество прилагательных, и они носили в большей степени прагматический характер. Таким образом, полученные результаты полностью подтверждают результаты пилотажного исследования [12] о качественном различии в проявлении эмоционального отношения к изучаемому языку у толерантных и интолерантных к неопределенности студентов.

Проведенный внутригрупповой корреляционный анализ выявил наиболее важные параметры для *интолерантных* к неопределенности студентов технических специальностей с точки зрения становления их ИКК. К ним относятся: «целеустремленность» ($r = 0,593$; $p = 0,042$), «суммарный индекс самоорганизации деятельности» ($r = 0,747$; $p = 0,005$), «справедливость мира» ($r = 0,617$; $p = 0,033$), «контролируемость мира» ($r = 0,814$; $p = 0,001$) и «понимание себя в процессе общения» ($r = 0,692$; $p = 0,013$). Это может означать, что чем сильнее выражена целеустремленность у этой категории студентов (возможно, что цель должна быть каким-то образом связана с изучением ИЯ) и чем сильнее проявляется их склонность к самоорганизации деятельности в целом, тем дальше они

могут продвинуться в изучении ИЯ. Им также важно понимать, что все происходящее справедливо и поддается контролю с их стороны, что может помочь им в овладении ИЯ в образовательных условиях, а развитые рефлексивные умения помогают таким студентам достичь более высокого уровня ИКК.

В группе *толерантных* к неопределенности участников развивающего эксперимента внутригрупповой корреляционный анализ также выявил статистически значимые корреляции, но их было всего две. Так, уровень ИКК у этих студентов отрицательно коррелировал с параметром личностного потенциала «целеустремленность» ($r = -0,665$, $p = 0,018$) и с параметром коммуникативного потенциала «понимание собеседника» ($r = -0,766$, $p = 0,004$). Однако интерпретация этих корреляционных связей оказалась крайне затруднительной. Возможно, ситуация с целеустремленностью отражает тот факт, что ИЯ не входит в число приоритетов студентов, которые выбирают для своего образования технически-ориентированные факультеты. Тогда чем меньше они нацелены на определенный результат по своей специальности, тем больше времени они могут уделить изучению ИЯ и тем ошутимее будут их успехи в овладении ИЯ.

Наконец, *динамика становления профессионально-ориентированной ИКК* по-разному проявилась в группах толерантных и интолерантных к неопределенности участников развивающего эксперимента (рис. 1). Рост уровня обозначенной компетентности составил 20% в целом по выборке, 24% в группе толерантных к неопределенности студентов и 16% в группе интолерантных к неопределенности студентов. Причем наибольшие темпы роста имели место на этапе работы над первым исследовательским проектом: 20% – в группе толерантных к неопределенности участников, 10% – в группе интолерантных к неопределенности участников и 15% – в целом по выборке.

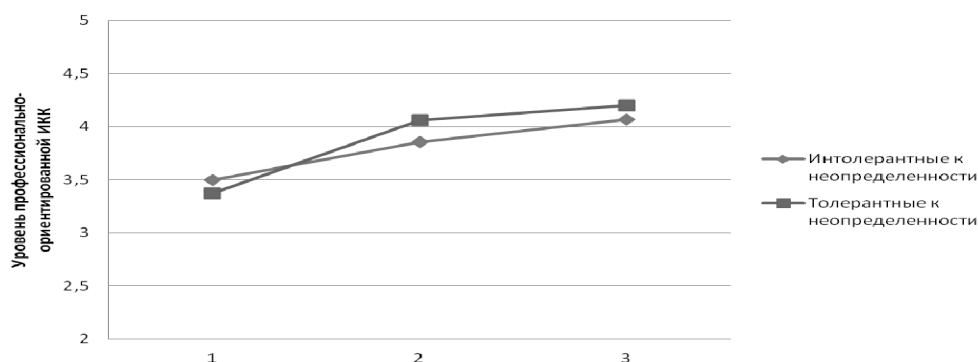

Рис. 1. Динамика становления профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности участников развивающего эксперимента: 1 – исходный уровень; 2 – 1-й исследовательский проект; 3 – 2-й исследовательский проект

Возможно, такое различие в темпах роста уровня исследуемой компетентности в обозначенных группах объясняется психологической сущностью толерантности к неопределенности как параметра личностного потенциала. Толерантность к неопределенности, как уже обсуждалось выше, может рассматриваться в качестве показателя степени «открытости» человека новому опыту и новой для себя деятельности. Следова-

тельно, толерантные к неопределенности студенты с большим интересом принимают новые для себя ситуации, рассматривая их как возможность научиться чему-то новому, и в меньшей степени склонны бояться трудностей. Интолерантные к неопределенности студенты демонстрируют большую настороженность в отношении новой для себя деятельности. Однако в дальнейшем именно эта группа участников показала

большую стабильность и устойчивость показателей в процессе становления их профессионально-ориентированной ИКК. Так, при работе над вторым исследовательским проектом рост уровня обозначенной компетентности в абсолютном выражении составил: 0,14 балла у толерантных к неопределенности студентов, 0,21 балла у интолерантных к неопределенности студентов и 0,17 балла в целом по выборке.

По всей видимости, выявленные различия в динамике становления исследуемой компетентности можно объяснить особенностями самоорганизации деятельности интолерантных к неопределенности участников развивающего эксперимента (на основе полученных внутригрупповых корреляций). Возможно, чем сильнее цели интолерантных к неопределенности студентов связаны с изучением ИЯ и чем сильнее проявляется их склонность к самоорганизации деятельности, тем устойчивее положительная динамика становления их профессионально-ориентированной ИКК в условиях вуза.

Таким образом, вторая часть эмпирического исследования позволила выявить ряд психологических факторов в контексте их взаимосвязи с динамикой становления профессионально-ориентированной ИКК студентов технических специальностей в условиях вузовского обучения ИЯ. **Во-первых**, толерантность к неопределенности оказалась значимым параметром личностного потенциала для понимания различий в динамике становления исследуемой компетентности. Толерантные и интолерантные к неопределенности студенты показали разные темпы роста профессионально-ориентированной ИКК в ходе реализации первого и второго исследовательских проектов. **Во-вторых**, выделенные группы статистически достоверно ($p < 0,05$) различались между собой по целому ряду показателей: «контроль», «суммарный индекс жизнестойкости», «настойчивость», «ориентация на настоящее», «суммарный индекс самоорганизации деятельности» и «понимание себя в процессе общения». Возможно, именно эти параметры могут служить для объяснения выявленных различий в динамике становления исследуемой компетентности.

В-третьих, интолерантные к неопределенности студенты ориентировались скорее на прагматические цели изучения ИЯ, их описание возникающих в процессе изучения языка трудностей носило общий характер, причем очень часто отмечались именно психологические трудности.

В целом, полученные в ходе эмпирического исследования результаты позволяют сформулировать следующие **выводы**:

1. К числу специфических особенностей студентов технических специальностей можно отнести более высокие показатели по параметрам личностного потенциала в сравнении со средненормативными значениями при слабо выраженном коммуникативном потенциале. Низкий уровень коммуникативной компетентности, в том числе и иноязычной, может стать серьезным препятствием в будущей профессиональной деятельности.

2. Наиболее значимыми параметрами личностного и коммуникативного потенциала в контексте их взаимосвязи с уровнем ИКК являются: принятие риска, настойчивость, ориентация на настоящее, толерантность к неопределенности, ценность собственного «Я» и понимание себя в процессе общения.

3. Динамика становления профессионально-ориентированной ИКК может по-разному проявляться в группах толерантных и интолерантных к неопределенности студентов технических специальностей. Важными для понимания этих различий параметрами личностного и коммуникативного потенциала являются: целеустремленность, суммарный индекс самоорганизации деятельности, справедливость мира, контролируемость мира и понимание себя в процессе общения.

4. Выявленные различия толерантных и интолерантных к неопределенности студентов технических специальностей в отношении целей изучения ИЯ, осознания возникающих при этом трудностей, особенности прошлого опыта изучения ИЯ и эмоционального отношения к изучаемому языку могут служить психологическим ресурсом для обеспечения положительной динамики становления профессионально-ориентированной ИКК в условиях вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова Н.В. Психолого-акмеологический подход в образовательной практике высшей школы // Сибирский психологический журнал. 2008. № 29. С. 79–85.
2. Сурнина Т.Ю. Компетентностная модель тьюторской деятельности как основа для совершенствования деятельности современного преподавателя // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2008. № 1 (63). С. 83–88.
3. Богомаз С.А., Мацута В.В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у современной вузовской молодежи // Психология обучения. 2010. № 12. С. 77–88.
4. Атаманова И.В. Теоретические и методологические основания исследования профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 55–57.
5. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
6. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Осин Е.Н. и др. Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 8–31.
7. Богомаз С.А., Каракулова О.В. Личностный и коммуникативный потенциал инновационно- и предпринимательски-ориентированных субъектов // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 48–51.
8. Сметанова Ю.В. Личностный потенциал как ресурсная составляющая инновационно-предпринимательской направленности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2012. 24 с.
9. Богомаз С.А. Инновационный потенциал личности и его оценка // Социальный мир человека. Вып. 5. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта, неопределенности и риска инноваций» 17–19 апреля 2014 года, Ижевск / под ред. Н.И. Леонова. Ижевск : ERGO, 2014. С. 275–279.
10. Богомаз С.А., Каракулова О.В. Типологические особенности коммуникативного потенциала // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 126–130.

11. Недашковский В.Н. Методика диагностики процесса общения // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Часть 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы : материалы юбилейной науч.-практ. конф. ИП РАН, 28–29 января 2002 года / отв. ред. А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2002. С. 322–348.
12. Atamanova I.V., Bogomaz S.A. Language learning through content: What can help university students develop their communicative competence in a professional field? // Global encounters: Pedagogical paradigms and educational practices / eds. B. Swaffield, I. Guske. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 93–105.
13. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
14. Богомаз С.А., Левицкая Т.Е. К проблеме взаимосвязи смыслов жизни с целеустремленностью и жизнестойкостью человека // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2007. С. 122–125.
15. Мандрикова Е.Ю. Опросник самоорганизации деятельности. М. : Смысл, 2007. 15 с.
16. Будакова А.В., Сметанова Ю.В., Богомаз С.А. Психологическая безопасность как условие развития личностного потенциала // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 156–159.
17. Атаманова И.В., Каширина В.И. Мини-исследование как педагогическая технология развития профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности // Язык и культура : сб. статей XXI Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.К. Гураль. Томск : Томский государственный университет, 2011. Т. 2. С. 445–450.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 25 сентября 2014 г.

DYNAMICS OF ENGINEERING STUDENTS' PROFESSIONALLY-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 194–204. DOI: 10.17223/15617793/388/32

Atamanova Inna V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iatamanova@yandex.ru

Keywords: foreign language communicative competence; professional communication; personal potential; communicative potential; ambiguity tolerance.

The paper addresses the problem of professionally-oriented foreign language communicative competence development in the case of non-linguistic students. From the psychological perspective, this competence is viewed as a dynamic integral personal characteristic providing effective interaction in a foreign language in a professional context (Atamanova, 2009). It seems reasonable that students' personal potential (Leont'ev et al., 2007; Bogomaz & Matsuta, 2010) and communicative potential (Bogomaz & Karakulova, 2010; 2011) can contribute to the process under study. Personal potential is responsible for initiating one's intellectual and creative activity and enables to achieve meaningful goals, while communicative potential indicates one's ability to interact effectively in various contexts. The first objective of the study presented was to identify possible relationships between engineering students' personal and communicative potential and their foreign language communicative competence. The study sample (131 university students) was made up of undergraduates (first-year and second-year students) and master's students. A set of questionnaires was used to evaluate the participants' personal and communicative potential, their level of communicative competence being assessed by their English teachers using a 7-point grading scale. Correlation analysis revealed statistically significant in-group correlations between the participants' foreign language communicative competence ($p < 0.05$) and a number of personal potential parameters (*challenge*, *persistence*, *orientation to present*, *ambiguity tolerance* and *self-worth*) and *self-understanding in communication* as a communicative potential parameter. Furthermore, it was confirmed that foreign language communicative competence is a dynamic characteristic, since there was a statistically significant positive correlation ($p < 0.05$) between its level and the participants' age. The second objective of the study was to explore experimentally the dynamics of engineering students' foreign language communicative competence development in their professional context. The sample included 24 second-year students of Tomsk State University and their major was technical physics. The educational process was organized based on the program created (Atamanova & Kashirina, 2011) focusing on *mini-research* as a technique for developing students' professionally-oriented communicative competence in English. The participants' communicative competence was evaluated as follows: at the beginning of the experiment, during the first mini-research project presentation and during the second one. It was shown that the dynamics of the participants' communicative competence development was different in the groups of *ambiguity tolerant* and *intolerant students*. These two groups also statistically differed ($p < 0.05$) in a number of parameters, namely *purposefulness*, *self-organization of activity index*, *justice*, *controllability*, and *self-understanding in communication*.

REFERENCES

1. Kozlova N.V. The psychological and acmeological approach in an educational practice of the higher school. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2008, no. 29, pp. 79–85. (In Russian).
2. Sumina T.Yu. Competence model of tutor activities as a basis for improving contemporary educational work. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2008, no. 1 (63), pp. 83–88. (In Russian).
3. Bogomaz S.A., Matsuta V.V. Otsenka lichnostnogo potentsiala i vyyavlenie osnovnykh tipov orientatsii na professional'nyu deyatelnost' u sovremennoy vuzovskoy molodezhi [Assessment of personal potential and identification of the main types of orientation on professional work of modern higher school youth]. *Psikhologiya obucheniya*, 2010, no. 12, pp. 77–88.
4. Atamanova I.V. Theoretical and methodological bases for studying professionally oriented communicative competence in a foreign language. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2009, no. 34, pp. 55–57. (In Russian).
5. Klochko V.E. Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz) [Self-organization in psychological systems: problems of formation of the mental space of the person (introduction to trans-spective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. 174 p.
6. Leontiev D.A., Mandrikova E.Yu., Osin E.N. et al. Opyt strukturnoy diagnostiki lichnostnogo potentsiala [The experience of structural diagnostics of personal potential]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2007, no. 1, pp. 8–31.
7. Bogomaz S.A., Karakulova O.V. Personal and communicative potential of innovation-oriented and entrepreneurship-oriented individuals. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2010, no. 37, pp. 48–51. (In Russian).
8. Smetanova Yu.V. Lichnostnyy potentsial kak resursnaya sostavlyayushchaya innovatsionno-predprinimatel'skoy napravlenosti. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Personal potential as a resource component of innovation and entrepreneurial orientation. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Tomsk, 2012. 24 p.

9. Bogomaz S.A. [The innovative potential of the individual and its evaluation]. *Sotsial'nyy mir cheloveka. Vyp. 5. Materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Chelovek i mir: psikhologiya konflikta, neopredelennosti i riska innovatsiy"* [Social world of a person. Vol. 5. Proceedings of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation "The person and the world: the psychology of conflict, uncertainty and risk of innovation"]. Izhevsk: ERGO Publ., 2014, pp. 275-279. (In Russian).
10. Bogomaz S.A., Karakulova O.V. Typological differences in communicative potential. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 347, pp. 126-130. (In Russian).
11. Nedashkovskiy V.N. [Methods of diagnosis of the communication process]. *Sovremennaya psikhologiya: Sostoyanie i perspektivy issledovaniy. Chast' 5. Programmy i metodiki psikhologicheskogo issledovaniya lichnosti i gruppy: materialy yubileynoy nauch.-prakt. konf. IP RAN* [Modern psychology: Status and prospects of research. Part 5. Programs and methods of psychological research of individuals and groups: materials of the scientific-practical conference of RAS Institute of Psychology]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2002, pp. 322-348. (In Russian).
12. Atamanova I.V., Bogomaz S.A. *Language learning through content: What can help university students develop their communicative competence in a professional field?* In: Swaffield B., Guske I. (eds.) *Global encounters: Pedagogical paradigms and educational practices*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011, pp. 93-105.
13. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. *Test zhiznestoykosti* [Test on viability]. Moscow: Smysl Publ., 2006. 63 p.
14. Bogomaz S.A., Levitskaya T.E. [On the problem of the relationship of meaning in life with dedication and resilience of a human]. *Tret'ya Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noy psikhologii* [Third All-Russian scientific-practical conference on existential psychology]. Moscow: Smysl Publ., 2007, pp. 122-125. (In Russian).
15. Mandrikova E.Yu. *Oprosnik samoorganizatsii deyatel'nosti* [Questionnaire on self-activity]. Moscow: Smysl Publ., 2007. 15 p.
16. Budakova A.V., Smetanova Yu.V., Bogomaz S.A. Psychological security as a condition of development of personal potential. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 338, pp. 156-159. (In Russian).
17. Atamanova I.V., Kashirina V.I. [Mini-research as a pedagogical technology of development of professionally oriented foreign language communicative competence]. *Yazyk i kul'tura: sb. statey XXI Mezhdunar. nauch. konf.* [Language and Culture: collected articles of XXI International Scientific Conference]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2011, vol. 2, pp. 445-450. (In Russian).

Received: 25 September 2014

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРУДНОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В МОЛОДОМ ВОЗРАСТЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-16-70003/12).

В контексте проблемы формирования алкогольной зависимости в молодом возрасте обсуждается роль ценностно-смысловых образований как динамических детерминант, определяющих пространство и качество самореализации. Показано, что у жителей сельской местности северных регионов Сибири формирование системы ценностно-смысловых образований происходит под влиянием определенных средовых ограничений. Представлены результаты исследования, указывающие на особенности ценностно-смысловых образований, затрудняющих процесс самореализации в молодом возрасте при формировании алкогольной зависимости.

Ключевые слова: алкогольная зависимость; молодежь; регион Севера Сибири; средовые ограничения; невозможность самореализации; ценностно-смысловые образования; деформации; психологическая коррекция.

Период молодости в психологической литературе рассматривается как начало самостоятельной взрослой жизни, когда процесс самореализации начинает занимать определяющую роль в жизнедеятельности человека [1, 2]. В самом общем виде самореализация как процесс реализации себя – это осуществление самого себя в жизни и повседневной деятельности, поиск и утверждение своего пути в мире, своих ценностей и смысла своего существования в каждый момент времени [2]. С процессом самореализации исследователи связывают решение проблем жизненного самоопределения, выбора жизненных сред, наиболее адекватных для самоосуществления, формирование жизненных стратегий. С позиции антропосистемного подхода в психологии самореализация рассматривается как форма проявления самоорганизации человека в качестве открытой психологической системы [1, 3]. Системная детерминация самореализации включает в себя причинные и не причинные детерминанты: первые инициируют процесс самореализации, а вторые динамизируют его и придают ему направленность и избирательность [3]. Непричинная детерминация обеспечивается такими психологическими новообразованиями, как смыслы и ценности. Именно они определяют «личностное пространство», «жизненное пространство», «личностные конструкторы», «когнитивные компетенции», «образ мира» (К. Левин, Дж. Келли, В. Мишел, Х. Томэ, А.Н. Леонтьев, В.Е. Ключко). От них зависит выбор жизненных сред, где можно наиболее полно реализовать себя. Таким образом, они указывают на те элементы ситуации, которые могут выступить в функции мотивационных оснований самореализации, принятия решения «здесь и сейчас», позволяющего перевести свои потенции в реальную действительность собственной жизнедеятельности.

В литературе обсуждается проблема трудностей самореализации, связи невозможности самореализации как процесса развития с формированием неблагополучия (психического, физического, социального) человека [1, 4–10]. Л.А. Коростылевой выявлены барьеры самореализации: ценностный, барьер смыслового конструкта и диспозиционный [2]. Действие барьера первого типа проявляется в размытых смысловых ориентациях, доминировании потребно-

стей над ценностями. Влияние барьера второго типа опосредовано неадекватным образом мира, имеющим негативную окраску на примитивно-исполнительском уровне самореализации.

В системном подходе к проблеме самореализации установлено, что смыслы детерминируют самореализацию репродуктивного типа (менее эффективный вариант), а ценности – продуктивно-сверхадаптивного (творческий вариант) типа [3]. Репродуктивный тип самореализации проявляется в том, что поведение в значительной степени обусловлено подчиненностью актуального для испытуемого (здесь и сейчас) процесса смыслообразования, а также в использовании смысловых трансформаций и интерпретаций как форм своеобразной «психологической защиты», в доминировании смыслов «ухода» от самой возможности выхода за пределы актуальной ситуации. Блокада самореализации, как остановка в развитии, связана с особыми соотношениями в динамике образа мира и образа жизни, когда противоречие между ними минимизируется до такого уровня, что лишает систему источников самодвижения, либо, наоборот, обостряется до такого предела, при котором деструкция человека как целостной системы может обрести необратимый характер.

У молодых людей, проживающих в сельской местности северных регионов Сибири, формирование системы ценностно-смысловых ориентаций может быть связано со средовыми ограничениями: территориальная разрозненность населенных пунктов и недоступность социальных услуг; низкий уровень образования, отсутствие профессии, воспитание в изоляции от родителей, отсутствие семьи, низкий уровень качества жизни, проблемой алкоголизации взрослого населения [11–13]. В связи с этим деформации в ценностно-смысловых образованиях у представителей сельской молодежи северных регионов могут обуславливать невозможность самореализации, что может порождать личностные переживания, находящие выход в аддиктивном поведении молодежи [14].

С целью изучения особенностей и выявления трудностей самореализации сельской молодежи Севера Сибири были использованы психодиагностические методики: тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, методика выявления смысла жизни

П. Иберсола, опросник ценностных ориентаций Рокича, открытые вопросы в отношении процесса самореализации. Методы обработки данных: метод контент-анализа; методы математической статистики (описательная статистика, сравнительный анализ с помощью Т-критерия Стьюдента, корреляционный анализ с помощью критерия Пирсона, частотный анализ). Выборку исследования составили пациенты, находящиеся на лечении в связи с выявленным синдромом зависимости от алкоголя в количестве 70 человек (экспериментальная группа) и 70 человек без нарушений психического здоровья (контрольная группа). Все обследованные проживают в сельском муниципальном образовании Севера Сибири (Каргасокский район) России, их возраст от 20 до 35 лет, представителей мужского пола – 90, женского пола – 50.

Результаты исследования. Наиболее статистически значимыми ценностями-целями (занимают первые три позиции в иерархии), часто встречаемыми в группе лиц с алкогольной зависимостью, являются: здоровье, любовь, наличие хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь. Направленность этих доминирующих ценностей носит конкретный характер и связана с личной жизнью респондентов. Что касается ценностей профессиональной самореализации, то одна из предложенных в методике ценностей – интересная работа – лишь у 10,8% респондентов занимает третью позицию в иерархии терминальных ценностей, остальные ценности профессиональной самореализации у представителей молодежи с проявлениями синдрома алкогольной зависимости, такими как «активная деятельная жизнь», «общественное признание», «продуктивная жизнь», «развитие», не являются для респондентов приоритетными – занимают последние места в иерархии ценностей.

Анализ иерархии инструментальных ценностей, убеждений в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным для реализации ценностей целей, позволил выявить ценности, наиболее часто занимающие первые три позиции в их иерархии. К таким ценностям относятся: воспитанность, хорошие манеры (38,3% респондентов), жизнерадостность (35% респондентов), независимость (20% респондентов). Доминирующие инструментальные ценности, наиболее часто встречаемые у респондентов, относятся к ценностям общения. Доминируют ценности конформистские, но встречаются в меньшем количестве ценности индивидуалистические. Эти ценности могут указывать на способы самореализации.

Среди отвергаемых терминальных ценностей, т.е. убеждений в том, что конечная цель индивидуального существования не стоит того, чтобы к ней стремиться, – красота природы (53,3%), творчество (50%), счастье других (45%), у некоторых – познание (10%). Все эти отвергаемые ценности в иерархии относятся к абстрактным ценностям.

Относительно отвергаемых инструментальных ценностей получены следующие результаты. Достоверно чаще отвергаемыми инструментальными ценностями являются: высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания) (45%), широта

взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки) (33,3%), чуткость (заботливость) (25%), терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим ошибки и заблуждения) (22%), рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения) (18%). Таким образом, среди отвергаемых инструментальных ценностей – как ценности самоутверждения, так и ценности принятия других людей.

По данным методики СЖО, достоверных различий между группами не выявлено. Средние показатели шкал в обеих группах находятся в пределах нормы. Отсутствие значимых различий в показателях СЖО мы объясняем тем, что лица молодого возраста с проблемой алкоголизма еще сохраняют свой социальный статус (профессиональный, семейный и пр.) или он снижен незначительно. Также можно предположить, что методика является не достаточно чувствительной к данной категории респондентов и требует некоторой адаптации. В то же время изучение корреляционных связей между показателями шкал СЖО выявило, что в группе лиц с проявлениями синдрома алкоголизма данные связи достигают более высоких величин, по сравнению с контрольной группой. Такое сравнение позволяет сделать предположение о том, что величины показателей шкал СЖО непосредственно зависят друг от друга, в то время как у представителей контрольной группы эти связи более гибки, что может свидетельствовать о более выраженных возможностях саморегуляции.

Выявление содержательных особенностей смысла жизни по методике П. Иберсола показало, что в группе лиц с алкогольной зависимостью смыслы жизни менее разнообразны, по сравнению с показателями респондентов контрольной группы. Среди смыслов, выделенных респондентами экспериментальной группы, не представлены такие категории, как «саморазвитие», «польза», «движение к Богу», которые отмечались в контрольной группе. Смыслы жизни, сформулированные респондентами экспериментальной группы, можно отнести к шести основным категориям: «семья» (70% респондентов), «работа» (30%), «процесс жизни» (23%), «достижение» (23%), «понимание смысла жизни» (6,67%). В целом можно говорить о том, что молодые люди с проявлениями синдрома алкоголизма в своем большинстве ориентированы на ценности семьи. Такая направленность может быть связана с чувством вины, характерным при формировании алкогольной зависимости. Они осознают, что причиняют страдания близким, отсюда стремление компенсировать нанесенный вред («поднять семью», «чтобы семья жила не хуже других», «жить ради детей» и т.д.), восстановить полноценность семейного общения. Помимо этого, именно в семье многие рассчитывают получить эмоциональную поддержку.

Респонденты контрольной группы более сосредоточены в своих жизненных смыслах на достижениях, т.е. мы можем говорить о том, что у них смысл жизни как процесс жизни воплощается в конкретных целях и готовности их достигать, что является показателем

более осмысленной жизни у многих респондентов контрольной группы. Категория «семья» также является значимым жизненным смыслом у многих респондентов в контрольной группе, при этом смысловое содержание более наполнено социальными взаимосвязями и отношениями с позитивной модальностью. Вторая по частоте встречаемости категория жизненных смыслов – это «работа». Концентрация на ее значимости создает ощущение сохранного экономического и социального статуса, а также обуславливается страхом потерять работу, а вместе с ней и социальный статус. Возможность самореализации в той сфере деятельности, которая является на настоящий момент еще значимой для представителей молодежи, является одним из важных ресурсов в психокоррекции и психотерапии. Смысловая категория «достижения» в экспериментальной группе свидетельствует о стремлениях респондентов преодолеть жизненную ситуацию, сложившуюся в результате их алкогольного поведения (ухудшение материального состояния, угроза потери работы, разрушение или сужение прежних социальных связей), восстановить свой прежний статус или приобрести новый, более высокий.

В целом спектр смыслов в контрольной группе более разнообразен и включает такие категории, как «саморазвитие» («стать образованным и личностно развитым человеком»), «познание людей» и «учеба всему»), «польза-трансценденция» («трудиться во благо человечества», «жить и трудиться на пользу других», «служение Родине» и т.д.).

Изучение корреляционных связей между показателями методики СЖО и П. Иберсола с помощью гамма-корреляции позволило выявить следующие закономерности. В группе респондентов с синдромом алкоголизма получены взаимосвязи, которые, по сравнению с контрольной группой, затрагивают иные содержательные особенности смыслов жизни респондентов. Так, категория «семья» положительно коррелирует с наличием целей, придающих жизни временную перспективу (0,64), и ощущением удовлетворенности жизненным процессом (0,48). «Работа» положительно коррелирует с осмысленностью жизни (0,50), целями (0,48), процессом жизни (0,56) и локусом контроля-Я (0,47). Категория «другое» обнаружила отрицательные связи с целями (–0,61) и процессом (–0,48). Вероятно, эти жизненные смыслы не позволяют воспринимать свою жизнь как наполненную значимыми целями, интересную и насыщенную. Показатель осознанности жизни в экспериментальной группе положительно связан с категориями «семья» (0,51), «работа» (0,58), «процесс жизни» (0,47) и отрицательно – с категорией «достижения» (–0,48). Эти связи подтверждают вышеуказанные интерпретации. Что касается категории «процесс жизни», который указывается респондентами как смысл их жизни, то на основании однотипности и скудности высказываний респондентов экспериментальной группы мы можем предположить недостаточную осознанность, осмысленность собственной жизни, невозможность определить для себя конкретные цели, наполняющие смыслом процесс жизни, что, на наш взгляд, может подтверждаться отрицательной связью с категорией

«достижения». Выявленные результаты должны быть также учтены в процессе психокоррекционной и психотерапевтической работы.

Следующей исследовательской задачей явилось выявление у респондентов соотношения смысла жизни и цели жизни, целей и этапов их реализации, а также определение факторов, способствующих и препятствующих постановке и достижению целей. Для выполнения данной исследовательской задачи использовался контент-анализ высказываний респондентов на открытые вопросы анкеты. В ответах респондентов обеих групп были выделены четыре категории ответов. Первая – цели жизни не совпадают со смыслом жизни у респондентов, выявлена у 30% респондентов экспериментальной и у 26,7% респондентов контрольной группы; вторая – цели жизни содержательно соответствуют сформулированным смыслам, отмечена у 46,7% респондентов экспериментальной и у 36,7% контрольной группы; третья – цели жизни, конкретизирующие смысл жизни, характерны для 16,7% респондентов экспериментальной и 36,7% контрольной группы; четвертая – цель жизни как более общее понятие по отношению к сформулированному смыслу, выявлена в ответах 33% респондентов экспериментальной группы и 26,7% контрольной группы.

Исходя из этих данных, можно предположить, что в представлениях респондентов смысл и главная цель жизни находятся в неоднозначных отношениях. Многие содержательно способны связать смысл и главные цели, но при этом в контрольной группе больше тех, кто может эти цели сделать более конкретными, а значит, ясными и реальными для их достижения. Однако в обеих группах есть респонденты, у которых смысл и цель различны, цели более абстрактны и обобщены по отношению к смыслу, что фиксирует аффективный аспект представлений, затрудняя более четкое понимание целей и средств их реализации.

Анализ ответов об этапах достижения целей позволил объединить ответы в следующие группы: этапы повторяют главные цели в жизни (23,33% респондентов экспериментальной и 3,33% контрольной группы); этапы как промежуточные цели на пути ее реализации (56,67% респондентов экспериментальной группы и 30% контрольной группы); этапы, напрямую не связанные с главной целью жизни (23,33% респондентов экспериментальной и 16,67% контрольной группы).

При этом в контрольной группе ответы отдельных респондентов позволили выделить дополнительно два типа соотношений: этап как следующая цель и цель как один из этапов. У 33,3% респондентов с проявлениями алкоголизма в качестве одного из этапов достижения своих целей выделяют «отказ от алкоголя», «трезвость», в ряде случаев (6,7%) этот этап указывается как единственный. Кроме того, часть респондентов (6%) называют личностные качества этапом достижения цели, что указывает на вероятную дефицитарность данного качества у респондентов экспериментальной группы. Среди таких качеств – целеустремленность, упорство, честность, надежность, настойчивость, все эти качества указывают на волевые возможности, значимые для лиц, страдающих

алкогольной зависимостью. На основании этих данных можно говорить в целом, что в группе больных алкоголизмом представления о соотношении цели жизни и этапов достижения диффузны, респонденты контрольной группы более успешно формулируют этапы, что указывает на более выраженные возможности у многих респондентов контрольной группы осмысленно и осознанно осуществлять процесс самореализации.

Выделены две основные группы факторов, препятствующих достижению целей в представлениях респондентов: внешние, характеризующие объекты и явления окружающего мира, и внутренние, относящиеся к индивидуальным особенностям человека, его состояниям, потребностям, паттернам поведения. В своих ответах 60% респондентов с проблемами алкоголизма отмечают внутренние факторы и 36,67% указывают внешние факторы, в то время как в контрольной группе 30% относят к препятствиям внутренние факторы и 66,67% респондентов в качестве препятствующих достижению целей видят внешние факторы. Можно предположить, что при оценке факторов, препятствующих достижению целей респонденты экспериментальной группы чаще занимают экстернальную позицию, снижая роль собственной ответственности за достижения целей. Среди внешних факторов – обстоятельства (правовые трудности, отсутствие прописки, безработица, недостаточная финансовая обеспеченность и т.п.), государственный аппарат (коррупция, бюрократизм, экономические и политические изменения и т.п.), социальный фактор (конкуренты, недоброжелатели, плохие связи, руководство, чиновники). К внутренним факторам респонденты экспериментальной группы относят: алкоголизм (36,7%), неорганизованность, характер, неуверенность, слабость воли, сомнение, отсутствие здравого смысла, лень.

К факторам, способствующим достижению целей, 66,67% респондентов с проявлениями алкоголизма относят внутренние факторы, на внешние указывают 43,3%; в контрольной группе распределение практически аналогичное: 63,33% респондентов указывают на внутренние факторы, а 46,67% – на внешние. К внешним факторам они относят: обстоятельства (удача, случай, повышение по службе, получение информации, прозрение, время); социальный фактор (учителя, дети, семья, близкие, хорошие знакомые, друзья, коллеги), дополнительное финансирование (кредит, высокая зарплата), государство. В разряд внутренних факторов респонденты с проявлениями алкоголизма относят: 30% – личностные качества, отражающие волевые способности; 26,67% – здоровье (отказ от алкоголя, трезвость), незначительное количество (6,67%) указывают на знания, образование и позитивные эмоции. В контрольной группе содержание внутреннего фактора несколько отлично от экспериментальной группы: 26,67% отмечают такие качества, как уверенность в себе, оптимизм и целеустремленность; 16,67% – собственную ответственность и собственные усилия (сам, своя голова на плечах, собственные силы); 10% – желание достичь цели; 13,3% – духовное развитие (знания, любовь к жизни, труд, развитие ду-

ховного мировоззрения). Эти личностные качества могут являться точками личностного роста, ориентирами в коррекционно-развивающей работе с данной категорией лиц.

Согласно результатам изучения базисных убеждений у многих респондентов экспериментальной группы отмечаются в целом позитивный взгляд на окружающий мир, убежденность, что их жизнь ими контролируется, за исключением некоторых случаев, где их возможности самоконтроля ситуации неустойчивы. При этом можно отметить некоторую нестабильность и сомнения в убежденности благосклонного отношения к ним со стороны окружающих людей, в ценности собственного «Я», в справедливости мира. Для многих респондентов характерно убеждение в том, что он невезучий человек.

Обсуждение результатов. Структура ценностей многих респондентов молодого возраста с синдромом алкогольной зависимости характеризуется узостью ценностно-смысловой направленности, ограниченностью смыслами личной жизни, ценности профессиональной самореализации не лежат в основе смыслообразующих мотивов их жизнедеятельности. Выраженное у многих респондентов стремление к духовной и физической близости с любимым человеком, с одной стороны, отражает нормативные особенности возрастного развития. Однако при их доминировании и незначимости ценностей саморазвития и профессиональной реализации в системе ценностей можно говорить о детерминации поведения ситуативными смыслами, а не ценностями более высокого уровня сознания человека, что свидетельствует об остановке в развитии. В жизненном мире многих не возникают смыслы, связанные с творчеством, интересом и наслаждением красотой природы и искусства, стремления принести радость людям, сделать их счастливыми. Также у многих из них не возникает стремления расширить свое образование, кругозор, общую культуру, заняться интеллектуальным развитием. Доминируют конкретные ценности над духовными у многих респондентов экспериментальной группы.

Структура ценностей многих респондентов молодого возраста при формировании алкогольной зависимости отличается дезинтегрированностью. Способы реализации ценностей-целей – это воспитанность как хорошие, социально нормативные и одобряемые манеры и жизнерадостность, которые соответствуют реализации ценностей общения. Эти инструментальные ценности предполагают нормативность и легкость общения в личной жизни респондентов, но не способствуют качеству, глубине общения, в том числе духовной близости с любимым человеком. В то время как ценности, способствующие более глубоким личностным и эффективным взаимоотношениям с любимыми людьми, членами семьи, друзьями, которые являются значимыми для многих респондентов, ими отвергаются – это умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки; чуткость, заботливость, терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать ошибки и заблуждения, умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения, смелость в отстаива-

нии своего мнения. Также не представлены в качестве актуальных значимых ценностей-средств те, которые способствуют здоровью респондентов, как наиболее доминирующих в иерархии ценностей у многих респондентов и имеющих дефицитарный характер в данный момент лечения в связи с синдромом алкогольной зависимости.

Пассивность и инертность у многих лиц молодого возраста с проблемой алкоголизма в отношении решения проблем своего здоровья и жизни в целом может подтверждаться отсутствием высоких требований к жизни и высоким притязаний, отвержением непримиримости к своим и чужим недостаткам и смелости в отстаивании своего мнения.

У респондентов с проявлениями синдрома алкоголизма содержательные особенности смысла жизни заключаются в значимости таких жизненных сфер, как «семья» и «работа», однако доминирование дефицитарных потребностей в этих сферах может порождать состояния фрустрации и неудовлетворенности, снижать самооценку респондентов. Так как категория «достижение» в качестве смысла жизни не является значимой, можно предположить, что у респондентов снижены возможности целеполагания, что соотносится с данными А.Ш. Тхостова [15]. Респонденты контрольной группы в своих смыслах достоверно больше ориентированы на достижения. Респондентов экспериментальной группы также отличают диффузные представления о соотношении понятий смысла жизни и главной цели.

Лица с проявлениями синдрома алкогольной зависимости менее успешно, по сравнению с контрольной группой, формулируют и соотносят цели и этапы их достижения. Среди факторов, препятствующих достижению цели в представлениях лиц с проявлениями синдрома алкогольной зависимости, доминируют внутренние факторы, при этом среди внешних факторов, помогающих достижению целей, приоритет отдается семейному фактору, помощи и поддержке

близких и друзей. В представлениях лиц с проявлениями алкоголизма определенные личностные качества и здоровье доминируют среди факторов достижения целей, однако именно выраженность этих качеств и состояния здоровья является дефицитным, следовательно, мы можем говорить о дефиците внутренних ресурсов для самореализации. В контрольной группе представлены мотивационные, эмоциональные, когнитивные, деятельностные, субъектные характеристики внутреннего фактора достижения целей, т.е. факторы более разнообразны и соответствуют указанным в психологической литературе личностным детерминантам самореализации.

Выводы:

1. Трудности самореализации лиц молодого возраста с проявлениями синдрома алкогольной зависимости могут быть обусловлены:

- ограниченностью ценностно-смысловых образований смыслами личной жизни, пассивностью и инертностью в отношении проблем здоровья и самореализации, дезинтегрированностью ценностей-целей и ценностей-средств, доминированием конкретных ценностей над духовными;

- отсутствием смыслообразующих мотивов, связанных с ценностями профессиональной самореализации; диффузными представлениями о соотношении понятий смысла жизни и главной цели; отсутствием высоких требований к жизни и высоким притязаний, отвержением непримиримости к своим и чужим недостаткам; переживанием своей неудачности; дефицитом личностных ресурсов самореализации.

2. Установленные дефициты и деформации в ценностно-смысловых образованиях, затрудняющих процесс самореализации, а также ресурсных возможностей самореализации должны быть положены в основу разработки системы медико-психологической помощи лицам молодого возраста при формировании алкогольной зависимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 1999. 154 с.
2. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности и затруднения в профессиональной сфере. СПб. : Речь, 2005. 222 с.
3. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 48 с.
4. Калитевская Е.Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М. : Смысл, 1997. С. 231–238.
5. Киселева Л.Т., Камалдинов Д.О., Овчинников А.А. Нарушения формирования идентичности как фактор развития аддиктивного поведения // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 1999. № 203. С. 60–62.
6. Иванов М.С. Особенности самореализации личности в компьютерной игровой деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2005. 23 с.
7. Гришко И.В. Взаимосвязь аддиктивного поведения и здоровья молодежи в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2006. 24 с.
8. Семке Н.А., Бохан Н.А., Мандель А.И. Персоналогический анализ в контексте систематики аддиктивных состояний // Наркология. 2006. № 1. С. 60–66.
9. Бохан Т.Г., Пешковская А.Г. Трудности самореализации в субъективной картине жизненного пути больных алкоголизмом // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 2. С. 34–40.
10. Твердохлебова Н.В., Бохан Т.Г. Проблемы становления идентичности у подростков и юношей при формировании пивной аддикции // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 6. С. 126–130.
11. Бохан Н.А., Иванов А.А., Мандель А.И. Региональная динамика и исходы заболеваемости алкогольными психозами // Наркология. 2012. № 8(128). С. 38–44.
12. Бохан Н.А., Мандель А.И., Пешковская А.Г., Бадыргы И.О., Асланбекова Н.В. Этнотерриториальная гетерогенность формирования алкогольной зависимости у коренного населения Сибири // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2013. № 6. Т. 113, вып. 2. С. 9–14.
13. Кузнецов В.Н., Бохан Т.Г., Пешковская А.Г. Этнокультуральная характеристика параметров социального функционирования южных (нарымских) селькупов с синдромом алкогольной зависимости // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2013. № 3(78). С. 69–74.
14. Bokhan N.A., Ovchinnikov A.A. Dissociative model of addictions formation. Saint-Louis, MO, USA : Publishing House Science and Innovation Center, 2014. 324 p.

15. Тхостов А.И. Психологические аспекты зависимостей : сб. науч. ст. / под ред. А.И. Тхостова и С.П. Елшанского. М. : Новый мир, 2005. 137 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 4 июня 2014 г.

VALUE-SEMANTIC CONDITIONALITY OF DIFFICULTIES OF SELF-REALIZATION DURING ALCOHOL DEPENDENCE FORMATION AT YOUNG AGE

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 205-210. DOI: 10.17223/15617793/388/33

Bokhan Tat'yana G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Filonenkoal@mail.ru

Berlizova Tat'yana B. Novosibirsk State Pedagogical University (Branch in Kuibyshev, Novosibirsk Region) (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bervika06@mail.ru

Kuznetsov Vladimir N. Kargasok District Hospital (Kargasok, Russian Federation). E-mail: vnkuz@mail.ru

Galazhinskaya Oksana N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: oxanagala@yandex.ru

Keywords: alcohol dependence; youth, region of North Siberia; environmental restrictions; impossibility of self-realization; values and semantic structures; deformations; psychological correction.

In the context of the formation of alcohol dependence in young age, the role of value-semantic structures as dynamic determinants of the space and quality of self-realization is discussed. It is shown that the formation of value-semantic structures of the rural residents of the northern regions of Siberia is influenced by certain environmental restrictions. The results of studies indicating the particular value-semantic structures that impede the process of self-realization at a young age in the formation of alcohol dependence are presented. Self-realization in the period of youth is considered as a process of self-development that provides resistance of the person under conditions of entrance into the independent building his / her own life. Within the anthropo-systemic approach, senses and values determine the orientation and selectivity of self-realization, the choice of life environments where there is a possibility to realize oneself most fully. It has been shown that the problem of impossibility to realize oneself is associated with the formation of trouble (mental, physical, social one). Barriers, conditions of formation of impossibility, ineffective types of self-realization associated with specifics of the value-semantic sphere have been presented. Rural population of northern regions of Siberia form the system of values and semantic structures under the influence of certain environmental restrictions. In this respect, deformations in values and semantic structures of representatives of rural youth of northern regions may condition impossibility of self-realization. The research involved 70 patients aged from 22 to 35 under treatment for the revealed alcohol dependence syndrome (experimental group) and 70 persons without mental health problems (control group). In order to study the characteristics and identify challenges for Siberian North rural youth self-realization psychodiagnostic techniques were used: Test of the Meaning of Life Orientations by D.A. Leontiev, the technique of measuring meaning of life by P. Ebersole, the Rokeach Value Survey, open-ended questions about the process of self-realization. Data processing methods were the method of content analysis; methods of mathematical statistics. As a result, data have been introduced regarding the specifics of the system of life values-goals and values-means, their content and correspondence in the system of the world image and life image; awareness and content of purposes of life and their correlation with life goals; views on purposes of life, factors promoting and preventing their realization. Basing on the analysis of these data, deficits and deformations in values and semantic structures have been revealed that complicate the process of self-realization, values and semantic resource possibilities of self-realization; tasks of psychological care for persons of young age during the formation of alcohol dependence have been defined.

REFERENCES

1. Klochko V.E., Galazhinskiy E.V. *Samorealizatsiya lichnosti: sistemnyy vzglyad* [Self-realization of a person: a systematic view]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 154 p.
2. Korostyleva L.A. *Psikhologiya samorealizatsii lichnosti i zatrudneniya v professional'noy sfere* [Psychology of personal fulfillment and difficulties in the professional sphere]. St. Petersburg: Rech' Publ., 2005. 222 p.
3. Galazhinskiy E.V. *Sistemnaya determinatsiya samorealizatsii lichnosti*. Avtoref. dis. d-ra psikh. nauk [Systemic determination of self-realization of a person. Abstract of Psychology Dr. Diss.]. Barnaul, 2002. 48 p.
4. Kaliteevskaya E.R. *Psikhicheskoe zdorov'e kak sposob bytiya v mire: ot ob'yasneniya k perezhivaniyu* [Mental health as a way of being in the world: from explanation to experience]. In: Leontiev D.A., Shchur V.G. (eds.) *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumaniticheskaya perspektiva v postsovetskoy psikhologii* [Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology]. Moscow: Smysl Publ., 1997, pp. 231-238.
5. Kiseleva L.T., Kamalidinov D.O., Ovchinnikov A.A. *Naruseniya formirovaniya identichnosti kak faktor razvitiya addiktivnogo povedeniya* [Violations of identity formation as a factor in the development of addictive behavior]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii*, 1999, no. 2-3, pp. 60-62.
6. Ivanov M.S. *Osobennosti samorealizatsii lichnosti v komp'yuternoy igrovoy deyatel'nosti*. Avtoref. dis. kand. psikh. nauk [Features of self-realization in a computer game activity. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Kemerovo, 2005. 23 p.
7. Grishko I.V. *Vzaimosvyaz' addiktivnogo povedeniya i zdorov'ya molodezhi v sovremennoy Rossii*. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Interconnection of addictive behavior and health of young people in modern Russia. Abstract of Sociology Cand. Diss.]. Krasnodar, 2006. 24 p.
8. Semke N.A., Bokhan N.A., Mandel' A.I. *Personological analysis in the context of addictive states* systematic. *Narkologiya*, 2006, no. 1, pp. 60-66.
9. Bokhan T.G., Peshkovskaya A.G. *Trudnosti samorealizatsii v sub'ektivnoy kartine zhiznennogo puti bol'nykh alkogolizmom* [Difficulties in self-realization in the subjective picture of the life way of patients with alcoholism]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii*, 2011, no. 2, pp. 34-40.
10. Bokhan T.G., Tverdokhlebova N.V. *Problems of coming-to-be of identity during formation of beer addiction in adolescents*. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*, 2012, no. 6, pp. 126-130. (In Russian).
11. Bokhan N.A., Ivanov A.A., Mandel' A.I. *Regional'naya dinamika i iskhody zabolevaemosti alkogol'nymi psikhozami* [Regional dynamics and morbidity of alcoholic psychoses]. *Narkologiya*, 2012, no. 8(128), pp. 38-44.
12. Bokhan N.A., Mandel' A.I., Peshkovskaya A.G., Badyrgy I.O., Aslanbekova N.V. *Etnoterritorial'naya geterogenost' formirovaniya alkogol'noy zavisimosti u korennoy naseleniya Sibiri* [Ethnoterritorial heterogeneity of alcohol dependence formation in the native population of Siberia]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova*, 2013, no. 6, vol. 113, issue 2, pp. 9-14.
13. Kuznetsov V.N., Bokhan T.G., Peshkovskaya A.G. *Etnokul'tural'naya kharakteristika parametrov sotsial'nogo funktsionirovaniya yuzhnykh (narymskikh) sel'kupov s sindromom alkogol'noy zavisimosti* [Ethnocultural characteristics of parameters of social functioning of southern (Narym) Selkups with alcohol dependence syndrome]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii*, 2013, no. 3(78), pp. 69-74.
14. Bokhan N.A., Ovchinnikov A.A. *Dissociative model of addictions formation*. Saint-Louis, MO, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. 324 p.
15. Tkhostov A.Sh., Elshanskiy S.P. (eds.) *Psikhologicheskie aspekty zavisimostey* [Psychological aspects of dependency]. Moscow: Novyy mir Publ., 2005. 137 p.

Received: 04 June 2014

ФЕНОМЕН ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ В ПСИХОЛОГИИ

Представлен аналитический обзор социально-психологических и клинических исследований лицевой экспрессии эмоций. В фокусе анализа находится мимика человека как психофизиологический аппарат механизма обратной связи в структуре базальных эмоций. Проведено обобщение теоретических представлений об эмоциях как функциональных системах. Показано, что мимика рассматривается преимущественно как коммуникативное сообщение. В работе обсуждаются результаты исследований отечественных и зарубежных авторов экспрессивных проявлений эмоций по миографическим замерам. В результате предложено методологическое обоснование феномена мимики: обратная связь в психологической структуре эмоции представлена набором кодированных в мимических паттернах состояний, актуализация которых одновременно выполняет функцию вероятностного прогнозирования, создает условия для поддержания психической устойчивости в ответ на изменяющиеся условия.

Ключевые слова: мимика; обратная лицевая связь; базальные эмоции; функциональная система психической самоорганизации; базальная система эмоциональной регуляции.

Мимическая экспрессия, сопровождающая переживания человека, давно вызывает интерес ученых. Одна из первых монографий на эту тему «Эссе о физиогномике» была опубликована в 1783 г. В этой работе И. Лафатер представляет классификацию лицевой экспрессии. Исследованием мимики в XIX в. занимались И. Энгель, Ч. Белл, Т. Пидерит, Г. Дюшенн, Грасиоле, В. Вундт. Ч. Дарвин впервые обосновывает животное происхождение эмоций, отмечая при этом, что у человека они приобрели статус рудиментарных проявлений (1872). Этих позиций придерживались Г. Спенсер (1876) и Т. Рибо (1897). В. Маккдауголл развивал биологическую гипотезу происхождения аффекта, согласно которой каждому инстинкту соответствует конкретная эмоция. О враждебности «базовых» эмоций писал Д. Уотсон (1926). Схожесть в мимическом выражении эмоций у детей и шимпанзе отметила Н.Н. Ладыгина-Котс (1935).

Такой интерес к проблеме лицевой экспрессии не случаен. С самых ранних этапов развития знаний о человеке возник вопрос определения его характера по внешности. Так в свое время возникла физиогномика, а затем и френология (Галь). Эти умозрительные в своей основе учения пытались найти анатомо-физиологические корреляты внутреннего мира человека, его способностей и пороков. В дальнейшем данное направление обнаружило себя и в научных теориях темперамента и характера (Э. Кречмер, Ч. Ломброзо, Л. Сонди). С теоретических позиций феномен мимики связан с вопросом психофизиологической организации, с выявлением функций, а также с установлением природы эмоций. С практической стороны это вопрос определения истинности высказываний, отношения к человеку, а также диагностики психического состояния в профессиональной деятельности. Например, в клинической психиатрии специалистам приходится по мимическим проявлениям определять состояние больного. В практике судебной психиатрии встречаются случаи фальсификации мимических расстройств, так называемая маска безумия (Эскироль). Диагностическую и прогностическую значимость мимических изменений в медицинской практике отмечали Гиппократ, Э. Крепелин, И.Л. Сикорский, И.П. Ковалевский и др. Однако подавляющее число научных и публицистических источников, посвящен-

ных проблеме выражения эмоций, ориентированы не на исследование этого феномена, а на его практическую эксплуатацию. Речь идет об установлении и применении в области коммуникации способов считывания по лицу эмоционального состояния человека, его отношения к происходящему, истинных мотивов и скрываемых намерений. Так, по разработанным системам распознавания мимических сигналов можно установить тонко маскируемую враждебность, обман и др. Такой, по сути, утилитарный подход получил широкое распространение в области социальной психологии. Многочисленные исследования проводятся и в различных смежных с психологией и психофизиологией дисциплинах. Данное направление получило большую популярность в публицистических ненаучных изданиях в западных странах под названием *body language*.

Таким образом, изначально фундаментальное направление изучения лицевой экспрессии получило прикладное развитие, ориентированное на решение практических вопросов коммуникации. Задача распознавания приобрела технологическую трактовку: угадывание эмоций по лицевым реакциям. Вместе с тем лицевая экспрессия – это уникальный психофизиологический феномен. В нем одновременно отражаются психические явления чувственного содержания с когнитивной составляющей, личностным компонентом в единстве психомоторного акта. Психическое содержание здесь сопровождается телесным выражением. В научном плане исследование лицевой экспрессии связано с определением механизмов эмоций.

Известно, что лицевая экспрессия эмоции имеет сложную анатомофизиологическую организацию и мозговое обеспечение. Задействуются десятки лицевых мышц, лицевой и тройничный нервы, мозговые образования лимбической системы, гипоталамус, неокортекс, образующие морфофункциональные ансамбли в реализации функциональных систем, связанных с выражением чувств и психо-эмоциональных состояний. Само по себе такое сложное нейрофизиологическое обеспечение мимики свидетельствует о высокой значимости данного явления и требует его самого глубокого изучения. В исследование мимики наиболее весомый вклад сделали такие ученые, как М.Н. Русалова (1970), А. Диттменн (1972), П. Экман,

У. Фризен (1973), С. Томкинс (1976), К. Изард (1980), А.А. Бодалев (1981), Г. Шварц (1982), В.А. Лабунская (1986). С разных методологических сторон эти ученые развивают гипотезу обратной лицевой связи в организации эмоционального переживания и формировании эмоционального состояния.

В теориях, рассматривающих мимическую экспрессию как организующее начало эмоции, постулируется гипотеза обратной лицевой связи как необходимого условия ее формирования. Эти представления, по сути, продолжают традицию Джеймса-Ланге о телесной природе эмоции. Как известно, данная концепция развивала идею о том, что физиологические процессы, сопровождающие эмоцию, и составляют ее в форме телесных ощущений. Пионер данного направления в психологии С. Томкинс, а вслед за ним Э. Гельгорн и К. Изард в своих работах пропагандируют идею о том, что в основе эмоции лежат мимические реакции: «Аффект есть прежде всего лицевой, а не висцеральный феномен, и интроспективное осознание эмоции есть результат обратной связи от активации мускулов лица, которые, в свою очередь, оказывают сильное мотивационное влияние на психические функции» [1. С. 90]. Развивая эту гипотезу, Изард подчеркнул уникальность мышечной системы лица, так как она тонко дифференцирована и скорость реакций ее близка скорости возникновения эмоции. Вслед за Томкинсом он отмечает, что мимический комплекс, отраженный в форме телесных ощущений от лицевой области, создает основу чувственных переживаний. В своей работе Изард пишет: «...эмоция – это функция соматической нервной системы...», а затем уточняет: «...нейрохимические процессы, следуя врожденным программам, вызывают комплексные мимические и соматические проявления, которые затем, посредством обратной связи, осознаются, в результате чего у человека возникает чувство / переживание эмоции» [1. С. 78]. Вместе с тем еще Ч. Дарвин отметил роль мимических комплексов. В его наблюдениях за эмоциями шимпанзе и человека отмечена регуляторная функция выразительного поведения: внешняя экспрессия усиливает эмоцию, а сдерживание способствует ее подавлению. Эта закономерность легла в основу изучения механизмов биологической обратной связи в развитии эмоций. Современная же версия данного, по существу психофизиологического, направления подчеркивает примат лицевых реакций. Согласно представлениям Томкинса, лицевая экспрессия, сопровождающая эмоцию, определяет характер переживания и транслирует его в форме мимического кода (коммуникативный посыл). Это принципиальный факт: важна сама постановка вопроса о *коде мимической экспрессии*. Однако феномен лицевой экспрессии в рассмотрении Томкинса, равно как и Изарда, приобретает буквальную трактовку мимического кода как коммуникативного сообщения, что роднит эти представления с направлением *body language*. Вместе с тем лицевая экспрессия эмоций обнаруживается у человека и вне общения, наедине с собой – при обдумывании произошедших событий, при невольном реагировании на события, наблюдаемые или всплывающие в подсознании кар-

тины из значимого прошлого. Следовательно, с мимикой как экспрессивным компонентом эмоции связаны несколько более важные процессы для психики, чем просто коммуникативные знаки.

Принципиальным положением настоящей работы является тезис о том, что *приспособительная функция эмоции ориентирована на внутреннюю субъективную среду*. Другими словами, эмоция реализует приведение внутреннего состояния в соответствие внешним условиям, т.е. психического состояния условиям окружающей действительности. При этом *мимический паттерн эмоции является специфической формой проявления и одновременно кодирования переживания или состояния* (В.В. Волов, 2014). Это положение радикально меняет трактовку привычного приспособительного эффекта эмоции в непосредственной адаптации к внешним условиям, которую опосредуют мимические и другие психофизиологические реакции. В этой связи интересны данные Р. Заянц. На базе проведенных исследований он постулирует, что гипотетически эфферентные сигналы от мышц лица могут модулировать и вызывать эмоциональные состояния.

Несмотря на безусловную значимость психофизиологических паттернов эмоции и акцентирования на лице как органе, несущем максимальное выражение переживаемого в системе коммуникации, а также учета механизма обратной связи, трактовка в данном направлении эмоции как линейного следствия или выражения физиологических сдвигов оставляет без ответа главный вопрос: какова природа эмоции? В рамках данного направления этот фундаментальный вопрос психологии вообще теряет смысл. Ведь получается, что адаптационная функция эмоций, провозглашаемая как ведущая, посредством физиологических сдвигов сообщает через субъективные ощущения о себе же. Для чего? Если речь идет об изменении физиологического состояния, то эмоциональные переживания вообще излишни. Эмоция, как известно, отличается малой управляемостью, спонтанностью, зачастую неосознанностью. Так что индивиду сложно воспользоваться полученной информацией при осознании телесного переживания от лицевой области во время мимических реакций. Скорее, наоборот. Ведь в плане коммуникативной «полезности» мимики возникает парадоксальная ситуация: непроизвольное выражение чувств, как известно, в социальной жизни порой несет негативные следствия для ее субъекта. Кроме прочего возникает вопрос: какая система вызывает мимические реакции?

Таким образом, как классические концепции о механизме эмоции через осознание телесных изменений, так и современные ее версии пропагандируют идею о том, что эмоция есть осознание ощущений – от висцеральных органов, от скелетной мускулатуры либо от лица. Несмотря на методологическую зыбкость таких представлений в силу буквальной трактовки мимики как источника чувственных переживаний, авторы данного направления внесли серьезный вклад в раскрытие феноменологии эмоций, в их экспериментальное исследование в традициях психофизического параллелизма.

В работе В.А. Лабунской впервые ставится вопрос о лицевой экспрессии как форме проявления внешне-

го «Я». Эмоция и ее внешнее выражение расцениваются автором как «форма существования», часть самих психических явлений. Это во многом согласуется с отечественной традицией рассмотрения экспрессивного аспекта эмоции как связи между внешним и внутренним, закрепляющейся благодаря их соответствию [2].

Выделение особого класса эмоций – так называемых базальных эмоций – открывает путь для экспериментального исследования чувственной сферы на материале исследований лицевой экспрессии. Изард следует психофизиологической традиции, опираясь на идеи Томкинса. В своей теории дифференциальных эмоций он развивает представление и научно обосновывает сущность базальных эмоций. К ним он относит девять эмоций, заложенных биологически и имеющих врожденный паттерн мимического выражения. Другие авторы выделяют меньшее количество базовых эмоций, но страх, гнев, печаль и радость обнаруживаются при этом во всех классификаторах. В.А. Барабанщиков отмечает, что первичные эмоции неразложимы на составляющие и несводимы к другим эмоциям, но «являются основой других состояний» [3. С. 12]. П. Экман подчеркивает инвариантность базовых эмоций и наличие характерных мимических паттернов.

По данным исследователей университетов Дарэма и Ланкастера за 2011 г. (Н. Рейсланд), с помощью 4D ультразвукового сканирования удалось распознать на лице плода движения мимических мышц и расшифровать их с помощью системы FACS. К 36-й неделе внутриутробного развития стали формироваться целостные паттерны радости и печали. Это подтверждает биологическую основу базальных эмоций. А вот такие чувства, как интерес, презрение и отвращение, признаются как базовые не всеми. Интерес, к примеру, вообще сложно отнести к эмоциям. Презрение, безусловно, является сложным эмоциональным переживанием, зависящим от ценностей, социальных установок, определяется во многом сознательной оценкой того или иного явления и отношением к нему. Что касается отвращения, то оно в большей степени соответствует биологически обусловленному контексту переживания. Об этом писал еще Ч. Дарвин, отмечая, что отвращение как базовая эмоция связано с важнейшей для выживания особи реакцией на испорченную пищу. Здесь явно заложен первичный биологический смысл. Выделяют и другие базальные эмоции, биологический смысл которых отсутствует, а превалирует социальный контекст. Это такие сложные эмоции, как горе, стыд, смущение и др.

Такая противоречивая ситуация сложилась отчасти в силу биологизаторской трактовки феномена эмоции как изначально приспособительного механизма животного к угрозам внешнего мира в современных теориях. Действительно, сложно отрицать биологическую целесообразность базовых эмоций, однако психосоциальное и культурно обусловленное развитие человека наполнило эмоции более сложным и глубоким содержанием. Неудивительно поэтому, что и психические механизмы даже базовых эмоций до

сих пор остаются не в полной мере раскрытыми в области психологических наук.

Говоря о первичных эмоциях, мы сразу можем упомянуть состояния удовольствия – неудовольствия как прототипы счастья и печали. При резком сдвиге физиологических условий в раннем онтогенезе, можно предположить с большой долей вероятности, появляется место прототипам таких эмоций, как страх и гнев: удовольствие и неудовольствие обостряются пароксизмальным эффектом внезапного и значительного по изменению интенсивных параметров физиологического состояния. Здесь даже не требуется социального опыта или научения. Однако в дальнейшем эти первичные эмоциональные реакции, как и все остальные – их производные, – интернализуются в опыте коммуникации с первичным объектом, вторично наделяясь психологическим содержанием. Так, мать комментирует и эмоционально сопровождает (отражает) недомогания ребенка. Ее эмоциональная реакция сообщает младенцу о его же состоянии. Учитывая, что невербальный, в том числе мимический, контакт является в это время ведущим, лицевой паттерн матери становится первичным кодом. У взрослого человека данная способность эмоционального самомониторинга, опосредованная лицевыми и другими телесными реакциями, становится основой чувственного познания: в этой области психического и реализуется так называемая функция вероятностного прогнозирования.

Как уже было отмечено, одной из приоритетных идей настоящей работы является предположение о том, что в лицевой экспрессии кодируются переживания, а не сообщения коммуникации. При этом кодировка опосредована образами и символами, т.е. психологическим содержанием. Мимические паттерны на рефлекторном уровне запечатлевают эмоциональные реакции, связанные с типовыми событиями. Так, можно проследить такие диады: ситуация утраты вызывает печаль, горе; удовольствие – радость, счастье; угроза, опасность – страх, беспокойство; нарушение границ, ограничение свободы – гнев и т.п.

Телесные ощущения, идущие от мышц, одновременно сокращающихся во время лицевой экспрессии, ассоциируются с соответствующими психо-эмоциональными реакциями. При этом так называемая *обратная связь заключается в том, что ассоциируемые с эмоциональным реагированием мимические паттерны сообщают о состоянии индивида в условиях типовых ситуаций*, таким образом представляя основу чувственного познания.

При этом состояние рассматривается как реакция функциональных систем на внешние и внутренние воздействия, направленные на получение для организма результата (С.П. Ильин). В этом смысле эмоция одновременно отражает состояние индивида как на психологическом уровне, так и на уровне физиологического состояния. В целом рассмотрение эмоций как состояния широко распространено в психологии и смежных науках (Л.Н. Левитов, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов, Л.М. Веккер).

Положение о типовых ситуациях во многом согласуется с аналогичной идеей Томкинса об иерархии

стимулов, вызывающих базовые эмоции. Экман также считает, что базовые эмоции порождаются универсальными событиями. В теории мультикомпонентных систем эмоции подчеркивается зависимость состояния человека от состава, структуры и логики развития ситуации. Именно благодаря такому механизму реализации обратной связи без каких-либо объяснений и анализа человек может узнать о своем эмоциональном (и физическом) состоянии, симпатиях и антипатиях, характере возникшей ситуации и т.д. Такое «знание» значительно опережает сознательный рациональный анализ. Таким образом сокращается время реакции на новую ситуацию и приспособления к стрессогенным условиям, при котором индивид, с одной стороны, входит в соответствующее ситуации состояние, а с другой – избегает сверхсильных переживаний дистресса.

В этом смысле наиболее красноречивым является феномен «эмоционального резонанса». Он заключается в том, как известно, что человек (равно как и некоторые животные) имеет свойство сопереживать, т.е. в буквальном смысле входить в эмоциональное состояние человека, переживающего какой-либо стресс либо ущерб. Более того, в известных экспериментах установлена удивительная закономерность: непроизвольная имитация на уровне сокращений лицевых мышц, воспроизводящих наблюдаемую в лице партнера определенную эмоцию. Эта закономерность демонстрирует, как феномен лицевой экспрессии в структуре эмоции выполняет сложную функцию чувственного познания, выходящего за рамки коммуникативного сопровождения за счет механизма биологической обратной связи. Здесь решается задача адаптации на видовом уровне: прочтение состояния индивида в неопределенной ситуации позволяет в условиях дефицита информации принять экстренные меры. Этот механизм позволяет экономить временные и интеллектуальные ресурсы в экстремальных ситуациях, наглядно демонстрируя системный характер организации эмоции.

Среди зарубежных психологов Изард одним из первых формулирует и обосновывает идею о системной организации эмоций, разрабатывает таксономию аффектов и высказывает идею о взаимодействии аффектов. Рассмотрение эмоции как функциональной психофизиологической системы позволяет отслеживать эмоциональные реакции и состояния. При этом, как правильно замечает Шварц, ни одна функциональная характеристика, взятая изолированно (вне функциональной системы), не дает возможности диагностировать эмоции. Е.П. Ильин предлагает содержательное наполнение пресловутой эмоциональной системы, пропагандируемой в виде теоретического конструкта многими авторами. Так, базовый уровень эмоции составляет эмоциональный тон, включающий эмоциональный тон ощущений (отражает interoцептивные проприоцептивные ощущения) и эмоциональный тон впечатлений (субъективное переживание эмоции).

В свое время отечественный ученый академик Анохин формулирует и научно обосновывает положение, согласно которому эмоции могут быть рассмотрены как функциональные системы. На базе

фундаментальных экспериментальных исследований он определяет психофизиологический механизм биологической обратной связи в структуре эмоции. При этом в соответствии с теорией функциональных систем эмоция исследуется не изолированно, как самостоятельный механизм, обеспечивающий тот или иной приспособительный эффект, а как звено надсистемы, например в структуре сложного приспособительного поведения. Разумеется, теорию Анохина в приложении к эмоциям от всех прочих выгодно отличает научный аппарат, богатство междисциплинарных исследований, применение психофизиологического инструментария на базе естественнонаучного подхода в организации эксперимента. При этом физиологическая составляющая данной, по существу биологической теории эмоции представлена отчасти в ущерб психологическому содержанию.

В.В. Лебединский спустя десятилетия разрабатывает с коллегами (Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг, О.С. Никольская) теорию базальной системы эмоциональной регуляции, в которой раскрываются собственно системные свойства эмоции в структуре психической деятельности на основе исследований раннего детского аутизма. Примечательно, что помимо прочего ученый выделяет свойство эмоции, направленное на достижение и сохранение устойчивости психического состояния, а также стремление к саморегуляции (самой эмоции). Это соответствует синергетическим традициям и впервые в психологии раскрывает способность эмоции как функциональной системы к самоорганизации.

Другим новаторским решением Изарда является введение в анализ эмоциональных явлений понятия об аффективно-когнитивных структурах, которые «являются результатом повторяющегося взаимодействия отдельного аффекта или комплекса аффектов с некоторым набором или конфигурацией знаний» [2. С. 42–45]. В когнитивном подходе механизмы базовых эмоций представлены в форме системы модулей или информационно-специфичных ментальных образований (Fodor, 1984). Первый модуль составляют врожденные механизмы переработки информации, второй модуль включает типовые поведенческие и физиологические сдвиги, возникающие в ответ на определенные события или оценку ситуации. Возникающий при этом характерный психофизиологический паттерн сопровождается специфическими субъективными переживаниями с невербальными проявлениями (Meyer, 1985). В этих представлениях подчеркивается наличие в эмоции необходимого элемента, реализующего механизм обратной связи. Речь идет о структурах, осуществляющих так называемый механизм вероятностного прогнозирования, который, согласно информационно-потребностной теории В.С. Симонова, осуществляет приспособительную функцию эмоции. В биологической теории Анохина данное явление связано с так называемым акцептором результата действия в структуре организации эмоции как функциональной системы. Оба отечественных ученых реализовали естественнонаучный, преимущественно психофизиологический подход к исследованию эмоций. Это выгодно отличает данные теоретические разработки

среди прочих теорий эмоций, в частности по проблеме обратной связи в их организации.

В.Н. Русалова с успехом продолжила развитие идей Симонова в русле информационно-потребностной теории эмоций. В 70-х гг. прошлого века одной из первых среди советских ученых Русалова исследует феномен обратной лицевой связи с применением миографических замеров [4]. В своих экспериментах автор изучает механизмы и закономерности выражения чувств. Исследователя интересует вопрос о возможности управления мимикой. В работе представлены уникальные данные многочисленных психофизиологических исследований, посвященных проблеме определения механизмов лицевой экспрессии эмоций. В качестве экспериментальной группы взяты профессиональные актеры, а в качестве контрольной группы – представители других профессий. Испытуемым предлагается вызвать у себя последовательно четыре эмоциональных состояния (гнев, печаль, радость, страх) при помощи представления или воспоминания значимого события. В первой серии испытуемый должен был переживать эмоциональное состояние, максимально ярко и естественно выражая его на своем лице. Во второй серии испытуемый должен был делать то же самое, но стараясь не выражать чувство и не маскируя их выражением другого чувства. В третьих пробах предлагалось имитировать эмоцию, без чувственного проникновения, но с мимическим выражением. В результате удается выявить значимые психологические закономерности, связанные с возможностью сознательной, волевой регуляции эмоциональной экспрессии. Удалось определить и наиболее характерные реакции отдельных лицевых мышц для каждой эмоции, а также общие закономерности. В частности, установлено, что произвольная регуляция мимической мускулатуры оказывается более эффективной в пробах с намеренным ее усилением. А решение обратной задачи – подавления лицевой экспрессии – оказывается затруднительным. Кроме того, выявлено, что только в группе актеров соотношение средней для всех лиц амплитуды миограммы мышц лица при мысленном воспроизведении соответствуют данным об ЭМГ при истинных эмоциях. Экспериментальные исследования с применением других психофизиологических проб позволяют дополнительно на количественном уровне отслеживать развитие эмоциональной реакции, закономерности ее проявлений. Кроме миографии, автор приводит важные данные по электрокардиографии, кожно-гальваническим реакциям и др. Исследования Русаловой расширяют представления о способности к произвольной регуляции эмоциональной экспрессии.

Е.Д. Хомская, ведущий отечественный ученый в области нейропсихологии, реализует инструментально-психологические исследования эмоций на психогенетических пациентах. Применяя инновационный подход, Хомская решает важную диагностическую задачу – определение специфики и объема психоэмоциональных нарушений при различных мозговых поражениях и дисфункциях. В качестве объекта экспериментального изучения были избраны эмоциональные состояния и эмоциональное реагирование.

Близкие по направленности и объекту исследования проводят Т.А. Доброхотова и Н.Н. Брагина. В своих работах они выявляют закономерности психоэмоциональных сдвигов при поражении правого и левого полушарий мозга.

Рассматривая эмоциональные явления как системные по своей психологической структуре (и осуществляющиеся на основе системных мозговых механизмов), в качестве экспериментальной переменной, необходимой для количественных оценок, в исследованиях Хомской были выделены так называемые параметры эмоции. Определялся знак, интенсивность и самооценка эмоции (по всей видимости, имеется в виду рефлексивный уровень переживаний). Дополнительно были выделены такие параметры: способность к определению эмоционального состояния лиц на фотографиях; способность к классификации, ранжированию и обобщению эмоциональных стимулов; эмоциональная устойчивость; когнитивная и эмотивная оценка базальных эмоций.

По сути, в экспериментах, представленных Хомской, речь идет о реализации «нейропсихологического подхода к изучению эмоциональной сферы... путем распространения нейропсихологических принципов, разработанных для анализа когнитивных и двигательных процессов, на эмоциональные процессы» [5].

В работе «Мозг и психика» представлены многочисленные данные по исследованию эмоций, определению характера нарушения и закономерностей распада их психосемантической организации на материале органической патологии. Описаны данные экспериментальных проб с запоминанием эмоциогенно насыщенных слов, направленных на исследование эмоциональной памяти. Не все эксперименты получили полное обобщение, и тем более не многие из них прояснили какие-либо закономерности и механизмы. Однако автором проложен путь к созданию целостной концепции мозговой организации эмоций. Решая эту, по существу, фундаментальную проблему, Хомская попутно поднимает актуальные вопросы, связанные с недостаточной разработанностью собственно общепсихологической концепции эмоций. И здесь ученый предлагает новаторский подход, ориентированный на раскрытие системных свойств эмоции как психического процесса.

В работе выявлены частные закономерности по отдельным проявлениям и характеру восприятия эмоционального материала. Так, в экспериментальных пробах с предъявлением в качестве стимульного материала фотографий людей, выражающих те или иные эмоции, отмечены следующие особенности. В группе с органическими нарушениями парциального характера замечены характерные реакции: им в большей степени свойственно точно определять состояния на фотографиях, связанные с негативными эмоциями. Кроме того, выявлены закономерности определения эмоций, связанные с поражением правого и левого полушарий мозга. И в группах здоровых и больных одинаково хорошо определяются эмоции радости и печали. В целом в исследовании диагностировалась способность к узнаванию и правильной квалификации эмоций по лицевой экспрессии. К сожалению, пред-

ставленные результаты отличаются путанностью алгоритма и самого замысла. Автор применяет различные пробы, связанные с возможностями восприятия эмоций, а также с оценкой собственных эмоциональных состояний. Среди наиболее значимых результатов можно выделить следующее: знак, интенсивность и модальность эмоционального стимула, а также характер когнитивной операции имеют самостоятельное значение в решении проблемы мозговой организации эмоций.

Оба автора, Русалова и Хомская, в своих исследованиях эмоций с пробами на восприятие лиц, выражающих те или иные переживания, ставят перед собой не утилитарные проблемы выявления особенностей невербального общения, на что ориентировано большинство работ в этой области (в том числе классических экспериментов). В их работах решается фундаментальная проблема – выявление феномена обратной связи в структуре психологической системы эмоции. Миографические замеры, как можно предположить, позволяют отслеживать сам механизм обратной связи на физиологическом уровне проявления эмоций. В этом, можно утверждать, во многом проявляется академическая традиция отечественной психологии эмоций.

Несмотря на наличие многочисленных упоминаний об исследовании эмоций с помощью миографии лица, на практике они представляют собой лишь ссылки на перепечатываемые из источника в источник одни и те же экспериментальные данные. Среди немногочисленных действительно проведенных исследований в этой области можно выделить работы М.Н. Русаловой, Г. Шварца, В.А. Лабунской.

Шварц в своих исследованиях устанавливает связь депрессии с активностью отдельных лицевых мышц, ослабление паттернов ЭМГ-активности, связанных с эмоцией счастья, а также усиление мышц, связанных с печалью. Также одним из первых он производит попытку унификации мимических паттернов.

В отличие от Экмана и Изарда, уделявших большое внимание разработке и описанию мимических профилей базовых эмоций, Шварц и Русалова исходят из миографических данных. Именно поэтому их миографические схемы отличаются краткостью и прагматичностью. Вместе с тем детальные описательные мимические карты ведущих эмоций представляют обобщения психофизиологического и анатомического их сопровождения, необходимые для экспертных оценок диагностируемых переживаний неинструментальными методами.

Экман впервые проясняет вопрос формы и полноты выражения эмоции на уровне мимики. В исследованиях помимо так называемых эмоциональных профилей он описывает несколько вариантов мимического выражения чувств: слабое выражение, частичное и микровыражение. Изард раскрывает развертывание эмоциональной реакции во времени. Выделяется латентный период, период развертывания, период кульминации и угасания. Практические представления о полноте экспрессивных реакций и периодах ее организации во времени чрезвычайно важны для раскрытия эмоций как психологических систем. Разработанные Экманом системы кодирования лицевых паттер-

нов эмоций (FAST) основаны на многолетних экспертных наблюдениях и всестороннем анализе мимических движений. Помимо указанной системы, вместе со своим коллегой Фризом он разработал систему оценки мимических реакций (FACT), с помощью которой можно диагностировать эмоции человека и проводить тонкую дифференциальную диагностику наблюдаемых реакций. К сожалению, несмотря на серьезный анализ мимических паттернов, сопровождаемых анатомическим обоснованием, можно отметить существенные расхождения с данными других авторов. Так, например, Шварц предлагает, как было отмечено выше, более короткие схемы мимических паттернов. Есть принципиальные несоответствия между предлагаемыми системами кодирования даже базовых эмоций по схемам мимических отведений.

Казалось бы, базовые эмоции тем и отличаются, что они зафиксированы на биологическом уровне в форме врожденных реакций. Те же расхождения мы находим в работах Русаловой, как и Шварц, исходящей из экспериментальных миографических данных собственных исследований. Это одна из возможных причин рассогласования кодировки эмоций в мимических схемах разных авторов. Так, например, многочисленные мышечные реакции и лицевые изменения, наблюдающиеся во время той или иной эмоции, являются следствием напряжения отдельных мимических мышц, сопровождающихся сдвигами лицевых областей, (ошибочно) принимаемых за самостоятельные мышечные реакции. Именно такой описательный по своему характеру подход реализует в своей системе Экман. В большей степени мимические схемы отслежены на материале экспертных оценок, многочисленных просмотров однотипных эмоциональных реакций людей различных рас и культур. В результате представлены подробные описательные схемы картирования эмоций по мимическим и пантомимическим реакциям (открытый рот, губы сжаты, голова запрокинута и пр.).

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что одна и та же базовая эмоция имеет разные вариации мимического выражения. Это вторая причина расхождения в моделях мимических схем. Это касается таких фундаментальных эмоций, как гнев и страх. Здесь, по всей видимости, сказывается социально-психологический аспект сознательного сопровождения аффекта, а также культуральный фактор, обуславливающий традицию выражения в той или иной форме эмоции. Например, усиленное сведение бровей для демонстрации гнева и недовольства в одних ситуациях и широко открытые глаза и крепко сжатые челюсти – в других.

Согласно данным отечественных исследователей, решающих обратную задачу в изучении феномена мимики через исследование механизма его зрительного восприятия реципиентом (Т.Н. Малкова, В.А. Барабанщиков, 1988), наиболее информативной в плане невербальных сигналов является нижняя треть лица [3]. Эта во многом парадоксальная закономерность отчасти противоречит многочисленным наблюдениям и данным исследований специалистов по невербальному общению, ведь традиционно наиболее вырази-

тельной областью считается верхняя часть лица – область глаз (Coss, 1972, Richter, 1976). Отечественные ученые находят решение этого противоречия. Согласно их анализу восприятия мимических паттернов область глаз является своего рода «смысловым центром» экспрессии эмоции (Лерш, 1968), контекст которого прочитывается только в единстве мимической реакции, наибольший вклад в которую вносит нижняя треть лица. Однако если обратить внимание на характер невербальных сигналов этой области, т.е. области рта, то несложно заметить, что она в связи с развитым речевым аппаратом отличается наибольшей управляемостью. Поэтому, несмотря на богатство и выразительность невербальных знаков, здесь больше места для осознанных, частично контролируемых мимических реакций. Это всевозможные ужимки, утрированные, наигранные мимические мины, зачастую не отражающие настоящих переживаний. Однако в том числе эти зоны детально описаны в мимических паттернах в системах кодирования эмоций, построенных на описательном принципе. Важно при этом отметить и третий фактор рассогласования: большинство экспериментов, построенных на экспертной оценке, как раз и основаны на искусственном изображении эмоций. Можно предположить, что имеет место и индивидуально-психологический фактор. Форма эмоциональной экспрессии, привычные, наработанные паттерны лицевого реагирования (отдельные лицевые реакции преувеличенно усилены, а другие, наоборот, нивелированы), проявление комплексов – вот неполный перечень факторов. Сюда же можно отнести и лицевые дефекты и пр.

Таким образом, в описательных моделях мимических схем, предложенных в работах Экмана, Фризена и других авторов, по всей видимости, изучается *коммуникативная сторона экспрессии* эмоций. В инструментальных же экспериментах исследуется собственно *механизм обратной связи*. Поэтому, учитывая все факторы, определяющие точность диагностики мимических паттернов эмоций, безусловное предпочтение следует отдать миографическому подходу и изучению натуральных реакций. Для научного исследования это наиболее надежный подход. Существующие схемы, построенные на основе метода миографии, представляют адекватные модели регистрации базовых эмоций. К сожалению, это в меньшей степени распространяется на производные эмоции. Кроме того, имеет место явление наложения или взаимодействия аффектов, отмеченное К. Изардом. Автор даже разработал соответствующую таксономию аффектов. И действительно, при переживании таких эмоций, как печаль, индивид может испытывать обиду, сожаление, страдание, вину или гамму других сложных переживаний. Все это, безусловно, отражается в мимическом выражении.

В настоящей работе проблема искажения мимических паттернов рассматривается в рамках решения вопроса *блокировки эмоций*, как один из вариантов наложения аффектов на психофизиологическом уровне. В психоанализе данная проблема обозначена как застревание, в общей психологии – как неотреагирование эмоции. По данным некоторых исследователей, базальные эмоции способны не только смещи-

ваться, но и тормозить друг друга, затрудняя возникновение несовместимых (Ostony, Turner, 1990). В сфере исследований мимической экспрессии аналогичных механизмов не выявлено. Вместе с тем это во многом открывает путь для непосредственного мониторинга психодинамики и ее дезорганизации на материале исследований мимики.

Вместе с тем в практической деятельности специалистов давно применяются жаргонные термины относительно так называемых мимических масок. В литературе описан феномен «вареной колбасы» – амимичное выражение лица больного шизофренией. Также описаны специфические мимические маски больных эпилепсией, при психоорганических нарушениях, маниакально-депрессивном психозе и др. В отечественной психиатрии В.Ф. Чиж (1900) разработал описательную модель мимики глаз, наблюдающейся при патологии. Л.С. Минор (1888) и В.М. Бехтерев (1910), изучая мимику больных с неврологическими и психическими расстройствами, также развивали представления о патологической экспрессии. В этом направлении наибольших результатов достиг в свое время советский психиатр Л.М. Сухаребский (1966). В своей книге, снабженной иллюстрациями, автор приводит подробный обзор типичных мимических паттернов психических болезней с анализом клинических случаев. Автор выявляет характерные изменения в лице, закономерности нарушения мимического ансамбля, появление своеобразных мимических масок у пациентов с длительным течением болезни. Более того, Сухаребский выделяет мимические синдромы, исследует феномены амимии, геми-, парадис-, гипо- и гипермимии, эхомимии. Спустя десятилетия выходят публикации К.А. Новлянской (1961), Ю.А. Антропова (1966), Н.А. Жинкина (1968), в которых описываются клинически значимые мимические изменения больных с разной нозологией с учетом динамического аспекта. В этих работах, по существу, описывают явление психоэмоционального блока в клинике психических заболеваний. Эти, безусловно, важные в научно-практическом отношении работы внесли свой вклад в клиническую психологию и психопатологию. К сожалению, эта значимая для психотерапии и психодиагностики тематика не нашла каких-либо решений в области исследования психологии и психофизиологии эмоций.

Феномен лицевой экспрессии, во многом более доступный для исследования психоэмоциональных блоков и в целом системной организации эмоций, пока остается невостребованным в психологии. Причинами такого положения являются методологические затруднения в определении обратной связи как рефлексивного уровня эмоции, а также отсутствие трактовки мимики как психофизиологического механизма акцептора результата действия. Обратная связь в психологической структуре эмоции представлена набором кодированных в мимических паттернах состояний, актуализация которых одновременно выполняет функцию вероятностного прогнозирования, участвует в осуществлении коммуникативной функции, создает условия для поддержания психической устойчивости в ответ на изменяющиеся условия.

Таким образом, феномен лицевой экспрессии является тем «черным ящиком» в психологии эмоций, где сходятся клинические, социальные, культурологические феномены. Исследование мимического кода,

его механизмов и нарушений необходимо для выявления психологической структуры эмоции как функциональной системы психической самоорганизации в норме и при патологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К.Э. Психология эмоций // Мастера психологии. СПб., 2012.
2. Лабунская В.А. Язык не тела, а души. Ростов н/Д : Феникс, 2009.
3. Барабанщиков В.А. Экспрессии лица. М., 2012.
4. Русалова М.Н. Экспериментальные исследования. М., 1979.
5. Хомская Е.Д. Мозг и эмоции. М., 1992.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 6 апреля 2014 г.

PHENOMENON OF FACE EXPRESSION IN PSYCHOLOGY

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 211-218. DOI: 10.17223/15617793/388/34

Volov Vsevolod V. Samara State University (Samara, Russian Federation). E-mail: volovvv@nm.ru

Keywords: mimicry; reverse facial communication; basal emotions; functional system of psychical self-organization; basal system of emotional regulation.

The article presents an analytical review of the socio-psychological and clinical research of the facial expression of emotions. The focus of the analysis is mimicry of a person as a psycho-physiological apparatus of a feedback mechanism in the structure of the basal emotions. The generalization of theoretical interpretations of emotions as functional systems is carried out. It is shown that mimicry is mainly considered as a communicative message. The results of Russian and foreign authors' researches of expressive manifestations of emotions with the help of myographic measurements are discussed in the article. The discrepancy of mimic schemes of basal emotions are revealed in the investigations based on descriptive and instrumental approaches. In particular, it is shown that in descriptive models mimic schemes are observed on the data of expert estimations while in instrumental ones it is done on the data of myographic rates. One and the same basic emotion obtains different variations of mimic expression. It is the second reason of discrepancy. This is because of the socio-psychological aspect of the conscious support of affect as well as a cultural factor which determines the tradition of emotion expression. Furthermore, expert estimations of descriptive models are based on artificial representations of emotions. The communicative side of emotion expression is studied in descriptive models of mimic schemes. The actual feedback mechanism is investigated in instrumental models. The scientific studies of mimic expressions in the sphere of clinical research are analyzed. Specifically, particular patterns of facial expression manifestations in experiments on emotional response and definitions of emotions in psycho-organic patients sampling are determined on the example of works of Russian scientists. Methodological grounds of the phenomenon of mimicry are suggested: the feedback in the psychological structure of emotion is presented by a set of states encoded in mimic patterns, their actualization simultaneously carries out the function of probabilistic forecasting, creates conditions for mental stability support in response to changing conditions. The presented research arises the problem of mimic patterns distortion which is investigated when solving the question of emotion blockage. The investigation of the facial expression phenomenon proposes an available approach for psycho-emotional blocks detection and for systematic organization of emotions in general. The feedback in the psychological structure of emotion is presented by a set of states encoded in mimic patterns, their actualization simultaneously carries out the function of probabilistic forecasting, takes part in communicative function performing and creates conditions for mental stability support in response to changing conditions.

REFERENCES

1. Izard K.E. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. In: *Mastera psikhologii* [Masters of Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2012.
2. Labunskaya V.A. *Yazyk ne tela, a dushi* [Language of soul, not body]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2009. 344 p.
3. Barabanshchikov V.A. *Ekspressii litsa i ikh vospriyatie* [Face expressions and their perception]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2012. 341 p.
4. Rusalova M.N. *Ekspperimental'noe issledovanie emotsional'nykh reaktsiy cheloveka* [Experimental studies of emotional reactions of people]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 170 p.
5. Khomskaya E.D. *Mozg i emotsii* [The brain and emotions]. Moscow: MSU Publ., 1992. 180 p.

Received: 06 April 2014

ИЗМЕНЕНИЕ КРОВОТОКА НИЖНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ У ВОЛЕЙБОЛИСТОВ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОДНОМОМЕНТНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЫ

Реакция регионарного кровотока на стандартную нагрузку у спортсменов в значительной степени обусловлена соотношением статических и динамических нагрузок. Преобладание динамических нагрузок в структуре тренировок у волейболистов предопределяет высокую «степень готовности» кровенаполнения регионарных сосудов нижних конечностей к быстрому реагированию на нагрузку (прирост показателей кровенаполнения, изменение соотношения притока и оттока крови) и высокий уровень венозного оттока даже в состоянии покоя.

Ключевые слова: реовазография; степ-эргометрическая нагрузка; регионарное кровообращение; кровенаполнение; спортивные игры; динамическая мышечная работа.

Организм спортсмена в процессе тренировок и соревнований подвергается многим внешним воздействиям, важнейшее из которых – физические нагрузки. Адаптация к ним – это приведение строения и функций организма в соответствии с потребностями спортивной деятельности. В работах В.П. Казначеева (1973), Ф.З. Меерсона (1988) и других исследователей показано, что эти изменения выражаются системным ответом организма, направленным на достижение высокой тренированности с минимальной физиологической ценой. В основе этого динамического процесса лежит формирование новой программы реагирования (Н.А. Бернштейн, 1947; В.С. Фарфель, 1975), которая определяется внешними и внутренними условиями деятельности (П.К. Анохин, 1980). Эффективность формирования долгосрочной адаптации к повторяющимся физическим нагрузкам, а также успешность реализации имеющегося двигательного потенциала зависят от многих факторов [1, 2]. Группой исследователей под руководством проф. В.Л. Карпмана (1978) было доказано, что адаптационные возможности сердечно-сосудистой системы выступают в качестве лимитирующего звена. Позднее В.И. Козлов (1982) показал, что эффективная микроциркуляция и кровоснабжение мышц во многом предопределяют достижение высоких спортивных результатов.

Особенностям кардиодинамики и системной гемодинамики спортсменов посвящены многочисленные публикации, в то время как разработок по изучению и оценке регионарного кровотока не достаточно. Исследование физиологических механизмов адаптации кровоснабжения мышц в избранных видах спорта имеет огромное значение для экспериментальной и клинической практики, является необходимым для формирования научно-методических рекомендаций по контролю, максимизации и оптимизации системного кровообращения в условиях тренировочной и соревновательной деятельности [3]. В настоящее время имеются сообщения о состоянии мышечного кровотока у спортсменов циклических (легкая атлетика, плавание, лыжные гонки, велоспорт, шорт-трек) и ациклических, преимущественно силовых видов спорта (тяжелая атлетика, пауэрлифтинг) [4–8]. Как правило, исследования периферического кровотока проводят в состоянии относительного покоя, но, как известно, оценить адаптационные изменения у спортсменов высокой квалификации становится воз-

можным только при дополнительном использовании функциональных проб. Именно характер реакции на физическую нагрузку позволяет провести оценку функционального состояния различных систем организма [9]. Учитывая вышесказанное, нами выполнено настоящее исследование, целью которого явилось изучение реакции периферического кровотока нижних конечностей у волейболистов на выполнение степ-эргометрической нагрузки.

В исследовании приняли участие 20 волейболистов (18–20 лет), имеющих спортивные разряды не ниже I взрослого. Спортсмены находились в середине соревновательного периода. Время восстановления с последнего тренировочного занятия составляло 18–20 ч. Жалоб на самочувствие никто не предъявлял. Контролем послужили здоровые лица такого же возраста и пола, не занимающиеся спортом ($n = 20$).

Для оценки кровотока нижних конечностей (сегмент «бедро») был использован программный модуль «Реография» аппаратно-программного комплекса «Валента» (ООО «Компания Нео», Россия). Регистрация показателей была проведена в состоянии относительного покоя (фоновая запись) и после стандартной степ-эргометрической нагрузки (функциональная одномоментная проба). Перед исследованием были проведены измерения артериального давления и подсчет пульса. При выполнении функциональной пробы была использована степ-эргометрическая нагрузка, которая задавалась в виде восхождения на ступеньку (высота 50 см). Темп движений 30 восхождений в минуту устанавливался метрономом – частота 120 уд./мин. Время восхождения – 5 мин.

Статистическая обработка данных была проведена с помощью программы STATISTICA 8.0 и включала расчет описательных выборочных параметров, проверку на нормальность распределения данных (Shapiro-Wilk's test) и сравнительный анализ зависимых (t-test for dependent samples, Wilcoxon matched pairs test) и независимых выборок (t-test for independent samples, Mann-Whitney test). За статистически значимое различие принимали $p \leq 0,05$. Проведенный предварительный анализ между показателями реовазографии на правом и левом бедрах не выявил статистически значимых различий ($p > 0,05$). Поэтому в статье представлены показатели на участке «правое бедро».

Все результаты реовазографии были объединены в четыре группы показателей, характеризующих пери-

ферическое кровообращение: показатели кровенаполнения, характеристики притока крови, характеристики оттока крови, показатели соотношения притока и оттока крови.

Реографические показатели кровенаполнения. В отличие от спортсменов, тренирующихся на развитие скоростных способностей и выносливость, у которых выявлено значительное снижение в состоянии относительного покоя объема крови в исследуемых сегментах [6], у волейболистов аналогичные показатели находятся в пределах физиологической нормы. Несмотря на преобладание динамических нагрузок в тренировочном процессе, при сравнении с таковыми нагрузками в легкой атлетике (спринт, марафонский бег), шорт-треке, велоспорте, лыжных гонках, их объем значительно меньше. Поэтому признаков экономизации работы аппарата кровообращения на уровне артериального сосудистого русла в состоянии относительного покоя нет.

В обеих наблюдаемых группах показатели кровенаполнения после степ-эргометрической нагрузки возросли ($p \leq 0,05$) или имеют тенденцию к возрастанию ($p > 0,05$). Это является адекватным ответом на предъявляемую нагрузку. По данным J.P. Clausen et al. (1973), в процессе работы периферическое сосудистое сопротивление снижается в 4–5 раз по сравнению с покоем, что приводит к увеличению кровотока в работающих мышцах в 10–20 раз. Относительный объемный пульс в исследуемом сегменте в состоянии относительного покоя во всех наблюдаемых группах статистически значимых различий не имеет (у волейболистов в среднем $0,72 \pm 0,13\%$, в контрольной группе – $0,69 \pm 0,15\%$). После нагрузочного теста у спортсменов статистически значимо увеличился пульсовой объем крови (прирост показателя составил 50%). Прирост аналогичного показателя в контрольной группе оказался незначительным и составил 4%. Амплитудные данные, реографический индекс (РИ) и амплитудно-частотный показатель (АЧП) в состоянии относительного покоя не различаются у всех обследуемых лиц, но после выполнения нагрузки отмечено статистически значимое увеличение этих показателей у волейболистов. Зафиксировано статистически значимое увеличение амплитуды максимума артериальной компоненты на 23%, РИ на 19%, АЧП на 28%. В контрольной группе эти показатели статистически значимо не изменились (прирост составил не более 8%).

Таким образом, у спортсменов практически все амплитудные характеристики возросли после выполнения степ-эргометрической нагрузки, это свидетельствует о более интенсивном артериальном кровотоке в исследуемом сегменте. Волейбол относится к ситуационным видам спорта, требующим комплексного проявления физических качеств и двигательных навыков в условиях переменных режимов мышечной деятельности. Во время игры необходимо осуществлять частые действия, характеризующиеся высокой интенсивностью, а также многочисленные прыжки и перемещения тела на коротких отрезках игрового поля [10]. В структуре тренировок у спортсменов преобладают динамические нагрузки аэробного характера

(до 80%). Переменная мощность таких нагрузок позволяет во многом удовлетворить кислородный запрос уже во время работы. Это предопределяет высокую «степень готовности» кровенаполнения регионарных сосудов нижних конечностей к быстрому реагированию на нагрузку по сравнению с нетренированными, что подтверждается приростом величин реографических показателей – амплитуда максимума артериальной компоненты, РИ, АЧП.

Характеристики притока крови. Временные и скоростные показатели наполнения сосудов отражают тонус периферических артерий различного калибра. У всех обследуемых в условиях относительного покоя преобладает тонус мелких артерий, судя по выявленному соотношению времени быстрого и медленного кровенаполнения. Интегральный тонус сосудов артериального русла у волейболистов выше, по сравнению с группой контроля. Так, модуль упругости у нетренированных лиц соответствует нормативному диапазону 11–15%, а средние выборочные значения этого показателя у спортсменов его превосходят – 18%. После выполнения степ-эргометрической нагрузки тонус артерий среднего и мелкого калибра во всех группах статистически значимо не изменился, в то время как повысился тонус артерий крупного калибра у волейболистов. Согласно исследованиям под руководством В.Л. Карпмана [11], жесткость стенок артерий в очень большой степени определяет эффективность ускорения кровотока в этих сосудах. Если бы стенки артерий, особенно крупных, при нагрузке становились более податливыми, чем в покое, то значительная часть энергии сердечного сокращения диссипировалась бы, превращаясь в потенциальную энергию растянутого сосуда. Кинетическая энергия сердечного выброса и, следовательно, непосредственно пропульсивная деятельность левого желудочка снижались бы. Эти сдвиги в сочетании с увеличением объема крови, задерживающейся в аортальной компрессионной камере, неизбежно приводили бы к снижению скорости кровотока в сердечно-сосудистой системе. Транспортные возможности последней по доставке кислорода к мышцам ухудшались бы. Поэтому перестройка гемодинамики при мышечной работе сопровождается рядом целенаправленных сосудистых реакций. Именно благодаря повышению жесткости крупных артерий достигается необходимое увеличение скорости кровотока в сосудистой системе [Там же]. Вероятно, повышение тонуса артериальных сосудов связано с положительным тонотропным действием симпатической нервной системы.

Характеристики оттока крови. Показатели венозного оттока в состоянии относительного покоя соответствовали среднестатистическим нормам. Уровень венозного оттока у спортсменов в состоянии относительного покоя статистически значимо выше по сравнению со здоровыми нетренированными мужчинами. После выполнения степ-эргометрической нагрузки венозный отток у нетренированных увеличился в 1,4 раза, а в группе спортсменов – не изменился. Движению крови по венам способствует скелетная мускулатура, динамическая работа увеличивает скорость крови в венах (сокращаясь и расслабля-

ясь, мышцы влияют на просвет вен, помогая крови продвигаться ближе к сердцу). Тренировочные и соревновательные динамические нагрузки у волейболистов способствуют увеличению растяжимости венозных сосудов и снижению их тонуса, благодаря чему снижается скорость венозного кровотока при сохранении хорошего оттока крови. Предложенная степ-эргометрическая нагрузка для спортсменов является незначительной для выявления адаптационных изменений венозного русла.

Показатели соотношения притока и оттока крови. Периферическое сопротивление сосудов на уровне пре- и посткапилляров отражает диастолический и диастолический индексы соответственно. Эти показатели в контрольной группе соответствуют нормативным значениям и при выполнении стандартной нагрузки статистиче-

ски значимо не изменяются. У волейболистов отмечен статистически значимый прирост этих индексов.

Таким образом, у волейболистов были зафиксированы следующие изменения со стороны периферического кровотока при выполнении степ-эргометрической нагрузки (сегмент «правое бедро»): статистически значимое увеличение всех показателей кровенаполнения (относительный объемный пульс, амплитуда максимума артериальной компоненты, РИ, АЧП и пр.), повышение тонуса артерий крупного калибра, неизменный уровень венозного оттока, увеличение периферического сопротивления сосудов на уровне пре- и посткапилляров. Это свидетельствует о высокой «степени готовности» регионарных сосудов нижних конечностей к быстрому реагированию на нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Н.В. Факторы, определяющие функциональное состояние кардиореспираторной системы спортсменов, специализирующихся в циклических видах спорта // Слобожанський науково-спортивний вісник. 2013. № 5 (38). С. 108–111.
2. Костюнина Л.И. Особенности адаптации спортсменов к тренировочным нагрузкам // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2011. № 4 (21). С. 55–60.
3. Попова И.Е., Германов Г.Н., Цуканова Е.Г. Особенности региональной гемодинамики у легкоатлетов-бегунов на средние дистанции // Ученые записки. 2010. № 2(60). С. 104–112.
4. Дратцев Е.Ю., Викулов А.Д., Мельников А.А. и др. Состояние регионального кровообращения у спортсменов высокой квалификации // Вестник спортивной науки. 2008. № 3. С. 32–35.
5. Кирьянова М.А., Калинина И.Н., Харитонов Л.Г. Реографические показатели спортсменов циклических видов спорта // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 24. С. 125–128.
6. Кудря О.Н., Кирьянова М.А., Капилович Л.В. Особенности периферической гемодинамики спортсменов при адаптации к нагрузкам различной направленности // Бюллетень сибирской медицины. 2012. № 3. С. 48–52.
7. Огурцова М.Б., Демин А.Н., Мельник Т.В. Сравнительная типологическая характеристика центрального кровообращения и физической работоспособности у спортсменов-пловцов и легкоатлетов-бегунов // Физическое воспитание студентов. 2009. № 1. С. 39–41.
8. Мельников А.А., Викулов А.Д., Дратцев Е.Ю. и др. Сосудистый тонус и регулярные физические нагрузки // Физиология человека. 2009. Т. 35, № 5. С. 127–133.
9. Прокопьев Н.Я., Колунин Е.Т., Гуртова М.Н. и др. Физиологические подходы к оценке функциональных нагрузочных проб в спорте // Фундаментальные исследования. 2014. № 2. С. 146–150.
10. Freitas V.H., Nakamura F.Y., Miloski B. et al. Sensitivity of physiological and psychological markers to training load intensification in volleyball players // Journal of Sport Science and Medicine. 2014. № 13. P. 571–579.
11. Карпман В.Л. Сердечно-сосудистая система и транспорт кислорода при мышечной работе : актовая речь // Клинико-физиологические характеристики сердечно-сосудистой системы у спортсменов : сб., посвящ. двадцатипятилетию каф. спорт. медицины им. проф. В.Л. Карпмана / РГАФК. М., 1994. С. 12–39.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 2 октября 2014 г.

BLOOD FLOW CHANGE IN THE LOWER EXTREMITIES OF VOLLEYBALL PLAYERS DURING FUNCTIONAL TESTS

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 219–222. DOI: 10.17223/15617793/388/35

Kabachkova Anastasiia V., Frolova Yulia S., Dmitrieva Anastasiia M., Bulgakova Anita I., Duras Ekaterina E., Fomchenko Victoriia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avkabachkova@gmail.com; julia.s.frolova@gmail.com; nastenka-dmitrieva92@mail.ru; bylka-93@mail.ru; ekaterina.duras@gmail.com; fomchenko_viktoriya@sibmail.com

Keywords: rheovasography; step-load; regional circulation; blood circulation; sports games; dynamic muscle work.

Features of cardiodynamics and systemic hemodynamics of athletes have been well documented, while the study and evaluation of the regional blood flow is not enough. The study of the physiological mechanisms of adaptation of blood supply to the muscles in selected sports is crucial for experimental and clinical practice. Currently, there are reports on the state of the muscle blood flow of athletes in cyclic and acyclic, mainly power, sports. Typically, peripheral blood flow studies are conducted in relative rest, but to rate adaptations of skilled athletes becomes possible only under the additional use of functional tests. It is the nature of the reaction to physical stress that allows assessing the functional status of the various systems of the body. With this in mind, we performed the present study, the aim of which was to study the reaction of peripheral blood flow in the lower extremities of volleyball players on performing step-load. Volleyball is a situational sport requiring complex manifestations of the physical characteristics and motor skills in variable modes of muscle activity. The structure of training is dominated by dynamic loads of aerobic nature (80%). The variable power of such loads allows to largely satisfy the oxygen need when exercising. This predetermines the high "readiness" of regional lower limb vessels blood supply to rapidly respond to the load, compared to the untrained, as evidenced by an increase of rheographic indicators – the maximum amplitude of arterial components, rheographic index, amplitude-frequency component. After performing step-load the tone of arteries of small and medium caliber in all groups did not change significantly, while the tone of arteries of large caliber increased. According to the research led by V. Karpman (1994), the rigidity of the walls of the arteries determines the efficiency of the acceleration of blood flow in these vessels to a very large extent. The venous outflow of the untrained people increased by 1.4 times, while in the group of athletes it did not change. Training and competition dynamic loads of volleyball players help to increase the extensibility of the veins and reduce their tone, which reduces the rate of venous blood flow while main-

taining good blood outflow. The proposed step-load for athletes is insignificant to identify the adaptive changes of the venous bed. Peripheral vascular resistance at the level of pre- and post-capillaries increased in the group of athletes when performing step-load. Thus, the volleyball players showed the following changes in the peripheral blood flow when performing step-load (the right thigh segment): a statistically significant increase in all indicators of blood supply, an increase of arterial caliber, a constant level of venous outflow, an increased peripheral vascular resistance at the level of pre- and post-capillaries. This indicates a high "level of readiness" of regional blood vessels of the lower limbs to provide rapid response to the load.

REFERENCES

1. Ivanova N.V. Faktory, opredelyayushchie funktsional'noe sostoyanie kardiorespiratornoy sistemy sportsmenov, spetsializiruyushchikhsya v tsiklicheskiykh vidakh sporta [Factors determining the functional state of the cardiorespiratory system of athletes specializing in cyclic sports]. *Slobzhans'kiy nauchno-sportivnyy visnik*, 2013, no. 5 (38), pp. 108-111.
2. Kostyunina L.I. Osobennosti adaptatsii sportsmenov k trenirovochnym nagruzkam [Features of adaptation of athletes to training loads]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*, 2011, no. 4 (21), pp. 55-60.
3. Popova I.E., Germanov G.N., Tsukanova E.G. Osobennosti regional'noy gemodinamiki u legkoatletov-begunov na srednie distantsii [Features of regional hemodynamics of athletes-middle distance runners]. *Uchenye zapiski*, 2010, no. 2(60), pp. 104-112.
4. Drattsev E.Yu., Vikulov A.D., Mel'nikov A.A. et al. Sostoyanie regional'nogo krovoobrashcheniya u sportsmenov vysokoy kvalifikatsii [State of regional blood flow in highly skilled athletes]. *Vestnik sportivnoy nauki*, 2008, no. 3, pp. 32-35.
5. Kir'yanova M.A., Kalinina I.N., Kharitonova L.G. Reographic indices in cyclic sport athletes. *Vestnik YuUrGU*, 2010, no. 24, pp. 125-128. (In Russian).
6. Kudrya O.N., Kir'yanova M.A., Kapilevich L.V. Characteristics of peripheral hemodynamics athletes with loads of adaptation to a different direction. *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*, 2012, no. 3, pp. 48-52. (In Russian).
7. Ogurtsova M.B., Demin A.N., Mel'nik T.V. Comparative typological characteristics of central circulation of blood and physical capacity for sportsmen-swimmers and athletes-runners. *Fizicheskoe vospitanie studentov – Physical Education of Students*, 2009, no. 1, pp. 39-41. (In Russian).
8. Mel'nikov A.A., Vikulov A.D., Drattsev E.Yu. et al. Vascular tone and regular physical exercise. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 2009, vol. 35, no. 5, pp. 127-133. (In Russian).
9. Prokop'ev N.Ya., Kolunin E.T., Gurtovaya M.N. et al. Physiological approaches to estimating functional load tests in sports. *Fundamental'nye issledovaniya – Basic Researches*, 2014, no. 2, pp. 146-150. (In Russian).
10. Freitas V.H., Nakamura F.Y., Miloski B. et al. Sensitivity of physiological and psychological markers to training load intensification in volleyball players. *Journal of Sport Science and Medicine*, 2014, no. 13, pp. 571-579.
11. Karpman V.L. [Cardiovascular system and oxygen transport during muscular work]. *Kliniko-fiziologicheskie kharakteristiki serdechno-sosudistoy sistemy u sportsmenov: sb., posvyashch. dvadtsatipyatiletuyu kaf. sport. meditsiny im. prof. V.L. Karpmana* [Clinical and physiological characteristics of the cardiovascular system in athletes: collection to the twenty five years of the Department of Sports Medicine n.a. Prof. V.L. Karpman]. Moscow: RGAFK Publ., 1994, pp. 12-39. (In Russian).

Received: 02 October 2014

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ МАЛЫХ И КРУПНЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ

Представлены данные о личностных особенностях предпринимателей малых и крупных городов. Приведены результаты сравнительного исследования ценностей, жизнестойкости и толерантности к неопределенности, свойственные предпринимателям пгт. Ширы Республики Хакасия (малый город) и предпринимателям г. Томска (крупный город). Выдвинуто предположение о разрушении традиционной системы ценностей как условия развития предпринимательских качеств личности.

Ключевые слова: предприниматели; малые и крупные города; жизнестойкость; толерантность к неопределенности; ценности.

Введение. Актуальность проблемы предпринимательства как предмета исследования российских ученых, в первую очередь, определяется приоритетными направлениями государственной политики, одной из задач которой является развитие малого и среднего бизнеса [1].

Проблема предпринимательства изучается в рамках философии, экономики, социологии [2–8] и психологии [9–12]. Следует отметить, что большинство исследований направлено на изучение личностных особенностей предпринимателей, поскольку именно они являются психологическими условиями развития предпринимательства. В ранних работах, посвященных предпринимательству, экономисты и социологи вводят понятие «личностный синдром предпринимательства». Й.А. Шумпетер [8] считает, что личность предпринимателя и его характерные особенности становятся стержнем системы, которая создает экономику в целом. Таким образом, предпринимательство рассматривается не столько как экономическая, сколько как психологическая категория, которая обеспечивается личностными особенностями предпринимателя. Среди важных личностных особенностей предпринимателя исследователи называют: готовность к риску [6], организаторские и творческие способности [7], духовную свободу, волю и энергию, упорство и постоянство, лидерские способности [3], самостоятельность [10], высокую мотивацию достижения [9, 13], высокий уровень интернальности [12], склонность к умеренному риску [11], интеллектуальность, инновативность, способности к партнерству, образовательную мобильность [5].

Предметом изучения современных исследователей проблемы предпринимательства становятся параметры личностного потенциала предпринимателей [14], неотъемлемыми характеристиками которого выступают жизнестойкость, толерантность к неопределенности и др. [14–16]. Принимая во внимание тот факт, что личностный потенциал опосредуется ценностями [14], необходимо изучать и ценностные ориентации предпринимателей, которые являются важным элементом структуры личности.

Материалы и методы исследования. Цель данного эмпирического исследования заключается в определении структуры личностных особенностей предпринимателей, занимающихся малым и средним бизнесом и осуществляющих свою деятельность в малых и крупных городах. В исследовании приняли

участие 60 предпринимателей (в возрасте от 22 до 57 лет) поселка городского типа (пгт.) Ширы Республики Хакасия, имеющего статус малого города (согласно Федеральному закону Российской Федерации № 131-ФЗ [17], современные города делятся на малые (до 50 тысяч жителей); средние (50–100 тысяч); большие (100–250 тысяч); крупные (250–500 тысяч); крупнейшие (500 тысяч – 1 миллион); города-миллионеры (свыше 1 миллиона жителей)) и 60 предпринимателей г. Томска (в возрасте от 22 до 56 лет), относящегося к категории крупных городов.

Были исследованы такие личностные особенности предпринимателей, как жизнестойкость и толерантность к неопределенности, а также особенности ценностей.

Сбор данных производился с помощью опросных методов. Для определения особенностей жизнестойкости применялся «Опросник жизнестойкости» С. Мадди, адаптированный Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой [15], для изучения толерантности к неопределенности – «Шкала толерантности к неопределенности» STAT-I Д. Маклейна, адаптированная Е.Г. Луковицкой [16], для выявления ценностей – «Ценностный опросник» Ш. Шварца, адаптированный В.Н. Карандашевым [18].

Статистическая обработка данных была реализована с помощью метода факторного анализа по главным характеристикам, благодаря которому была получена информация о структуре личностных особенностей предпринимателей малых и крупных городов – жизнестойкости, толерантности к неопределенности и ценностям.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрим результаты, полученные в группе предпринимателей малого города – пгт. Ширы (табл. 1).

Как видно из табл. 1, первый фактор объединил параметры ценностей только на уровне нормативных идеалов; второй – параметры таких личностных особенностей, как жизнестойкость и толерантность к неопределенности; в третий фактор, имеющий наименьшую долю общей дисперсии, вошел только один параметр – самостоятельность на уровне индивидуальных приоритетов.

Ш. Шварц [18] выделяет два уровня ценностей: уровень нормативных идеалов – ценности как внутренние ориентиры, идеалы и убеждения – и уровень индивидуальных приоритетов – ценности, которые проявляются в реальном поведении. Первый уровень

является более стабильным и отражает представления человека о том, как нужно поступать, определяя тем самым его принципы поведения. Второй уровень является более зависимым от внешней среды, например от группового давления, и соотносится с конкретными поступками человека.

Таблица 1
Результаты факторного анализа жизнестойкости,
толерантности к неопределенности и ценностей в группе
предпринимателей пгт. Ши́ра

Factor Loadings (Varimax raw)
Extraction: Principal components
Отмеченные нагрузки > ,500000

Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Вовлеченность	-0,07	0,84	-0,06
Контроль	0,08	0,80	-0,16
Принятие риска	0,06	0,80	0,16
Суммарный показатель жизнестойкости	0,02	0,93	-0,05
Толерантность к неопределенности	0,04	0,69	0,06
Конформность (УНИ)	0,78	-0,07	-0,26
Традиции (УНИ)	0,77	0,09	-0,19
Доброта (УНИ)	0,85	0,02	0,01
Универсализм (УНИ)	0,62	-0,25	-0,44
Самостоятельность (УНИ)	0,77	0,13	0,22
Стимуляция (УНИ)	0,69	0,19	0,12
Гедонизм (УНИ)	0,51	0,32	0,24
Достижение (УНИ)	0,57	-0,05	0,11
Власть (УНИ)	0,37	-0,18	0,32
Безопасность (УНИ)	0,84	0,05	0,12
Конформность (УИП)	0,02	-0,25	0,40
Традиции (УИП)	-0,22	-0,41	-0,21
Доброта (УИП)	0,06	0,04	-0,44
Универсализм (УИП)	-0,11	0,31	-0,43
Самостоятельность (УИП)	-0,34	-0,10	0,54
Стимуляция (УИП)	0,36	0,52	-0,06
Гедонизм (УИП)	0,10	0,09	-0,01
Достижение (УИП)	0,27	-0,22	0,40
Власть (УИП)	0,26	0,26	0,17
Безопасность (УИП)	-0,22	-0,08	-0,36
Общая дисперсия фактора	5,33	4,34	1,80
Доля общей дисперсии	0,21	0,17	0,07

Примечание. Жирным шрифтом выделены шкалы, имеющие статистически значимую факторную нагрузку. УНИ – уровень нормативных идеалов. УИП – уровень индивидуальных приоритетов.

В этой связи можно заключить, что вошедшие в первый фактор ценности (конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижение и безопасность) являются у предпринимателей пгт. Ши́ра более стабильными.

Параметры, вошедшие во второй фактор, свидетельствуют о том, что предприниматели пгт. Ши́ра убеждены в значении вовлеченности и контроля, поскольку это дает возможность повлиять на процесс и результат деятельности. Кроме того, предприниматели пгт. Ши́ра готовы к риску, не склонны рассматривать неопределенные ситуации как потенциально угрожающие, наоборот, как возможность получения нового опыта.

Обобщая результаты факторного анализа в группе предпринимателей пгт. Ши́ра, можно утверждать, что, во-первых, ценности и другие личностные особенности, а именно параметры личностного потенциала (жизнестойкость и толерантность к неопределенно-

сти), не зависят друг от друга. Во-вторых, именно ценности, а не параметры личностного потенциала являются более существенными структурными компонентами, определяющими личность. Параметры жизнестойкости и толерантность к неопределенности являются для предпринимателей пгт. Ши́ра менее значимыми динамическими характеристиками.

Такое соотношение структурных компонентов отвечает адекватной внутриличностной иерархии. Именно «личностная ценность проявляет себя как стабильный источник смыслообразования и мотивообразования» [19. С. 125].

Другая факторная структура обнаруживается в группе предпринимателей г. Томска (табл. 2). В первый фактор с высокой положительной факторной нагрузкой вошли показатели личностного потенциала. На основании этого можно говорить, что иерархически более высокое значение в личностной структуре предпринимателей г. Томска занимают параметры личностного потенциала, а не ценностей. Кроме того, самостоятельный фактор ценностей в группе предпринимателей г. Томска не выделился вообще.

Таблица 2
Результаты факторного анализа жизнестойкости,
толерантности к неопределенности и ценностей в группе
предпринимателей г. Томска

Factor Loadings (Varimax raw)
Extraction: Principal components
Отмеченные нагрузки > ,500000

Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Вовлеченность	0,86	-0,02	0,12
Контроль	0,82	0,10	-0,03
Принятие риска	0,41	0,14	-0,38
Суммарный показатель жизнестойкости	0,96	0,06	-0,01
Толерантность к неопределенности	0,42	0,60	0,27
Конформность (УНИ)	-0,18	-0,70	-0,04
Традиции (УНИ)	-0,41	-0,36	0,33
Доброта (УНИ)	-0,19	-0,39	0,01
Универсализм (УНИ)	0,05	-0,61	0,15
Самостоятельность (УНИ)	-0,03	-0,21	0,15
Стимуляция (УНИ)	-0,17	0,02	-0,50
Гедонизм (УНИ)	0,11	0,06	0,48
Достижение (УНИ)	0,06	-0,49	-0,11
Власть (УНИ)	0,18	-0,01	-0,02
Безопасность (УНИ)	0,02	-0,65	0,36
Конформность (УИП)	-0,12	0,05	-0,58
Традиции (УИП)	0,07	0,33	-0,13
Доброта (УИП)	-0,10	0,26	-0,19
Универсализм (УИП)	0,05	-0,36	0,33
Самостоятельность (УИП)	0,30	-0,23	-0,32
Стимуляция (УИП)	0,17	0,39	0,33
Гедонизм (УИП)	-0,39	0,38	0,16
Достижение (УИП)	0,19	0,03	-0,44
Власть (УИП)	-0,06	0,37	0,17
Безопасность (УИП)	-0,26	-0,04	-0,12
Общая дисперсия фактора	3,40	3,05	1,98
Доля общей дисперсии	0,14	0,12	0,08

Примечание. Жирным шрифтом выделены шкалы, имеющие статистически значимую факторную нагрузку. УНИ – уровень нормативных идеалов. УИП – уровень индивидуальных приоритетов.

Во второй фактор с положительным значением вошел показатель толерантности к неопределенности, а с отрицательными значениями – ценности конформ-

ности, безопасности и универсализма на уровне нормативных идеалов, но не вошли те же ценности на уровне индивидуальных поведенческих приоритетов. На основании этого можно говорить, что стремление предпринимателей г. Томска сохранять спокойствие в ситуациях напряженности обеспечивается не столько усилением важных ценностей, сколько их отрицанием.

Возможно, в данном исследовании удалось «уловить» определенный этап трансформации личностной структуры людей, занимающихся предпринимательской деятельностью. Предпринимательство требует от человека быть устойчивым в ситуациях неопределенности, а значит, человек должен развивать в себе способность воспринимать неопределенные ситуации не как источник угрозы, а как источник нового опыта и новых перспектив, и не бояться трудностей и проблем, которые могут быть с этим связаны. Причем эта способность может не соответствовать ценностям предпринимателя и реализовываться только за счет его сознательных усилий. Поэтому эта способность «поддерживается» не столько «усилением» соответствующих ей ценностей, таких как самостоятельность, стимуляция, достижения, сколько отвержением ценностей, мешающих ее развитию – конформности, безопасности и универсализма.

Иначе говоря, для того чтобы быть готовым к деятельности в ситуациях, связанных с неопределенностью, противоречивостью и дефицитом информации, множественностью выборов и решений, предприниматели г. Томска вынуждены отказываться от идеалов безопасности и стабильности, ценностей понимания других людей, толерантности, защиты благополучия людей и сдерживания действий, которые могут иметь негативные социальные последствия.

Можно заключить, что в основе личности предпринимателей г. Томска лежат не ценности, а те личностные параметры, которые обеспечивают возможность адаптации к трудным условиям жизни. Учитывая полученные результаты, можно сделать предположение о разрушении ценностного фактора под влиянием необходимости выполнения определенных видов деятельности, вероятно, не совпадающих с ценностями самих предпринимателей. Кроме того, полученные результаты позволяют выдвинуть еще одно предположение – о разрушении традиционной системы ценностей как необходимым условием развития предпринимательских качеств личности.

Обобщая все полученные в данном исследовании результаты, можно сделать выводы:

1. Предприниматели малых городов обладают адекватной внутриличностной иерархией:

Ценности и такие параметры личностного потенциала, как жизнестойкость и толерантность к неопределенности, не зависят друг от друга.

Именно ценности, а не параметры личностного потенциала являются важными структурными компонентами, определяющими личность предпринимателей малых городов.

2. Предприниматели крупных городов не обладают позитивным психологическим потенциалом развития предпринимательства, поскольку в основе их личности лежат не ценности, а те личностные параметры, которые обеспечивают возможность адаптации к трудным условиям жизни.

У предпринимателей крупных городов происходит трансформация личности в направлении соответствия их психологических особенностей требованиям осуществляемой ими деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О развитии малого и среднего предпринимательства*: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Российская газета. 2007. 31 июля.
2. *Ефремова Ж.Д.* Формирование и функционирование менталитета населения малого провинциального города : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 24 с.
3. *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М. : Наука, 1994. 442 с.
4. *Кузнецова Т.Е.* Малые города России: экономический аспект // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под ред. Т.И. Заславской. М., 1996. С. 384–388.
5. *Лутوخина Э.А.* Модель человека в новой экономике // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 2. С. 85–89.
6. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
7. *Тюрго А.Р.Ж., Кенэ Ф., Дюпон де Немур П.С.* Физиократы. Избранные экономические произведения. М. : Эксмо, 2008. 1200 с.
8. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М. : Директ-Медиа, 2007. 400 с.
9. *Дружинин В.Н.* Психология : учеб. для эконом. вузов. СПб. : Питер, 2002. 672 с.
10. *Журавлев А.Л., Поздняков В.П.* Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М. : ИП РАН, 1995. 58 с.
11. *Brockhaus R.H.* The psychology of the entrepreneur // *Encyclopaedia of entrepreneurship* / C.A. Kent, D.L. Sexton, K.H. Vesper. NJ : Prentice Hall, 1982. P. 39–56.
12. *Rotter J.* Generalized expectation for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs*. 1966. № 80 (608). P. 1–27.
13. *Маккелланд Д.* Мотивация человека. СПб. : Питер, 2007. 669 с.
14. *Личностный потенциал: структура и диагностика* / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
15. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
16. *Луковицкая Е.Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 19 с.
17. *Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации*: Федер. закон Рос. Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. 2003. 8 октября.
18. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб. : Речь, 2004. 70 с.
19. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 21 февраля 2014 г.

FACTOR STRUCTURE OF PERSONALITY CHARACTERISTICS OF ENTREPRENEURS OF SMALL TOWNS AND BIG CITIES

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 223-226. DOI: 10.17223/15617793/388/36

Muraviova Olga I., Matsuta Valeria V., Erlykova Yulia N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: muravey59@mail.ru; matsuta-vv@mail.ru; yulyashira89@mail.ru

Keywords: entrepreneurs; small towns and big cities; hardiness; ambiguity tolerance; values.

The paper considers the problem of entrepreneurship as a subject of research of scientists – philosophers, economists, sociologists and psychologists. It is noted that most researches focus on studying the personality characteristics of entrepreneurs because they are the psychological conditions of entrepreneurship development. It is shown that the parameters of the entrepreneur's personality potential are the subject of research of modern researchers. Hardiness and ambiguity tolerance are the essential characteristics of the personality potential. The personality potential is mediated by values, so it is necessary to learn the value orientations of entrepreneurs which are an important element of the personality structure. The paper presents the results of an empirical study of values, hardiness and ambiguity tolerance which are inherent to entrepreneurs of small towns and big cities. The sample consisted of 60 entrepreneurs of an urban-type community which has the status of a small town, and 60 entrepreneurs of a big city. The Hardiness Survey by S. Maddi (in the adaptation by D.A. Leontiev), the Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-I by D. McLain (in the adaptation by E.G. Lukovitskaya) and The Value Survey by S. Schwartz (in the adaptation by V.N. Karandashev) were used in the study. The statistical analysis was realized by means of the factor analysis. It is shown that entrepreneurs of small towns have an adequate intrapersonal hierarchy. Values and such parameters of the personality potential as hardiness and ambiguity tolerance are not dependent on each other. Values, but not the parameters of the personality potential, are the important structural components which determine the personality of entrepreneurs of small towns. A different factor structure was found in the group of entrepreneurs of big cities. Entrepreneurs of big cities do not have a positive psychological potential of entrepreneurship development because the basis of their personality is not values, but personality parameters which provide the ability to adapt to difficult living conditions. Entrepreneurs of big cities are characterized by transformation of the personality in the direction of compliance of their psychological characteristics with the requirements of their activities. The hypothesis about the destruction of the traditional value system as a condition for development of entrepreneurial personality qualities is made.

REFERENCES

1. On the Development of Small and Medium Enterprises: Federal Law of the Russian Federation of July 24, 2007 no. 209-FZ. *Rossiyskaya gazeta*, 2007, 31 July. (In Russian).
2. Efremova Zh.D. *Formirovaniye i funktsionirovaniye mentaliteta naseleniya malogo provintsial'nogo goroda*. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Formation and functioning of the mentality of the population of a small provincial town. Abstract of Sociology Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 24 p.
3. Sombart W. *Burzhuaznaya etyudyy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois: Studies in the history of the spiritual development of modern economic man]. Moscow: Nauka Publ., 1994. 442 p.
4. Kuznetsova T.E. *Malyye goroda Rossii: ekonomicheskyy aspekt* [Small cities of Russia: the economic aspect]. In: Zaslavskaya T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Sotsial'naya transformatsiya postsovetetskogo prostranstva* [Where is Russia going? Social transformation of the post-Soviet space]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 1996, pp. 384-388.
5. Lutokhina E.A. A Model of the Individual in the New Economy. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy – Journal of International Law and International Relations*, 2004, no. 2, pp. 85-89. (In Russian).
6. Smith A. *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The Wealth of Nations]. Translated from English. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 960 p.
7. Turgot A.R.J., Quesnay F., Dupont de Nemours P.S. *Fiziokraty. Izbrannyye ekonomicheskiye proizvedeniya* [Physiocrats. Selected economic works]. Translated from French. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 1200 p.
8. Schumpeter J.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2007. 400 p.
9. Druzhinin V.N. *Psikhologiya* [Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 672 p.
10. Zhuravlev A.L., Pozdnyakov V.P. *Delovaya aktivnost' predprinimateley: metody otsenki i vozdeystviya* [Business activities of entrepreneurs: methods of assessment and feedback]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 1995. 58 p.
11. Brockhaus R.H. *The psychology of the entrepreneur*. In: Kent C.A., Sexton D.L., Vesper K.H. *Encyclopaedia of entrepreneurship*. NJ: Prentice Hall, 1982, pp. 39-56.
12. Rotter J. Generalized expectation for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*, 1966, no. 80 (608), pp. 1-27.
13. Makkelland D. *Motivatsiya cheloveka* [Human motivation]. St. Petersburg: Piter Publ., 2007. 669 p.
14. Leontiev D.A. (ed.) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl Publ., 2011. 680 p.
15. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. *Test zhiznestoykosti* [Viability test]. Moscow: Smysl Publ., 2006. 63 p.
16. Lukovitskaya E.G. *Sotsial'no-psikhologicheskoye znachenie tolerantnosti k neopredelennosti*. Avtoref. dis. kand. psikholog. nauk [Socio-psychological significance of tolerance to uncertainty. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 1998. 19 p.
17. On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of October 6, 2003 no. 131-FZ. *Rossiyskaya gazeta*, 2003, 8 October. (In Russian).
18. Karandashev V.N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoye rukovodstvo* [The methodology for the study of Schwartz values of the individual: the concept and guidance]. St. Petersburg: Rech' Publ., 2004. 70 p.
19. Leontiev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl Publ., 2003. 487 p.

Received: 21 February 2014

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ В РАМКАХ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Проведён сравнительный анализ реформирования высшего образования в странах Западной Европы и России в рамках Болонского процесса. Исследуя данную проблему, автор отмечает, что в большинстве стран Западной Европы Болонский процесс не означал начало нового этапа коренных реформ высшего образования, а лишь дальнейшее продолжение стыковки уже существующих систем высшего образования в соответствии с общеполитическими и экономическими условиями формирования единой Европы. Автором показано, что, например, такие страны, как Германия, Франция, Польша придерживались модели постепенного перехода на двухуровневую систему образования, в Италии, Норвегии и Нидерландах Болонский процесс привел к изменениям в законодательстве с целью адаптации системы высшего образования. Приводятся сравнительная характеристика европейской и российской образовательных систем, их отличия на современном этапе.

Ключевые слова: Болонский процесс; система образования; реформа; бакалавр; магистр; двухуровневая система.

В последнее время высказывается много противоречивых мнений относительно необходимости и характера участия России в Болонском процессе, прежде всего в связи с нарастающим динамизмом самого процесса и сотрудничества между Европейским Союзом и Россией. Однако, несмотря на скептицизм, высказываемый многими отечественными учеными, в 2012 г. завершилось введение основных принципов Болонской декларации в российскую систему высшего образования.

Рассматривая причины возникновения Болонского процесса, необходимо отметить, что процесс формирования единого европейского образовательного пространства начался задолго до подписания Болонской декларации. Фламандские авторы Kurt de Wit и Verhoeven выделяют три периода в развитии тенденций европеизации высшей школы во второй половине прошлого века [1].

Первый период (1957–1982 гг.) начался с подписания Римского договора в 1957 г. Конференция министров образования в 1971 г. обозначила пять основных моментов общеевропейского измерения в образовательных системах:

- взаимное признание дипломов;
- обоснование идеи формирования европейского университета;
- кооперация вторичного и высшего образования;
- создание европейского центра развития образования;
- учреждение неограниченного государственным границами института высшего образования.

В течении второго периода (1983–1992 гг.) уточнялись цели, задачи и проблемы кооперации высшего образования на пространстве Евросоюза, прежде всего ее правовые аспекты: предоставление студентам из разных стран равных прав в принимающих их странах.

Третий период (с 1992 г.) связан с подписанием Мaaстрихтского договора, в котором особое внимание уделялось согласию стран Содружества в части повышения качества образования, децентрализации образовательного менеджмента, нарастающего взаимодействия между высшей школой и индустрией, а также идентичности интересов в развитии европейской интеграции.

Необходимо отметить, что Болонский процесс не означал начала нового этапа коренных реформ выс-

шего образования в большинстве стран Западной Европы, а лишь дальнейшее продолжение стыковки уже существующих систем высшего образования в соответствии с общеполитическими и экономическими условиями формирования единой Европы. Это подтверждалось, в частности, характером и масштабами преобразований трех крупнейших стран Европы: Великобритании, Франции и Германии. Болонский процесс был порожден не проблемой того, как оградить свой рынок или завоевать рынок, он был порожден осознанием того, что европейские государства проигрывают англосаксонской традиции высшего образования на мировом рынке труда.

Введение новой структуры высшего образования проходило достаточно активно в Европе. Данная структура завоевывала все больше сторонников не только там, где ее внедрение началось до 1999 г. и где уже имелся положительный опыт, но и в странах, для которых двухуровневая система оказалось абсолютно новым делом [2. С. 20].

Например, в Германии для развития и принятия Болонской системы ключевую роль играли два вопроса: переходы между бакалаврской, магистерской и докторской фазами и между высшим образованием и трудовой деятельностью.

Особый интерес также представлял переход от бакалаврского к магистерскому обучению. Необходимо отметить, что в вузах Германии до начала Болонского процесса существовали одноуровневые образовательные программы – аналоги российского специалитета, которые традиционно разделялись на три типа: первые завершались присвоением академической степени «диплом» (Diplom), вторые – получением степени «магистр искусств» (Magister Artium), третьи – сдачей государственного экзамена (Staatsexamen), который является самостоятельной квалификацией. Первая из названных степеней присуждалась преимущественно в естественных и технических науках, а вторая – в гуманитарных, социальных и теологии. Государственным экзаменом завершались образовательные программы, ведущие к получению профессий госслужбы (учитель, судья) либо контролируемых государством профессий в области права, медицины, ветеринарии, фармацевтики, пищевой промышленности.

Однако если в российском высшем образовании массовый переход на двухуровневую систему произошёл одновременно в 2011 г., то в Германии бакалавриат и магистратура вводились постепенно. Внедряя двухступенчатую подготовку бакалавров и магистров, пишет О.Л. Ворожейкина, Германия придерживалась модели постепенного перехода, при котором в течение продолжительного времени в вузах существовала традиционная одноуровневая и новая ступенчатая структура обучения [3].

В отличие от Германии, в политике Великобритании отчетливо просматриваются сочетание самостоятельных действий и приверженность общеевропейскому курсу. Одним из достоинств Британского образования – гибкость учебных планов. Студенты имеют возможность изучать самые разнообразные дисциплины, даже если их преподавание осуществляется на разных факультетах.

В британских вузах двухуровневая система существует уже на протяжении нескольких веков и является традиционной для страны. Действующая в стране структура высшего образования в достаточной мере соответствует требованиям Болонской декларации. Единственная проблема в этой области – необходимость интеграции одноуровневых магистерских программ в структуру, предложенную Болонской декларацией.

Являясь одним из инициаторов сближения образовательных систем европейских государств, Франция, начиная с 1998 г., последовательно проводила политику реформирования высшего образования в соответствии с принципами Болонского процесса. Как отмечает Е. Алпарова [4. С. 112], новая реформа в большей степени относилась к университетам и университетским институтам, осуществляющим краткосрочную подготовку специалистов (университетские технологические курсы, институты политических исследований).

За это время был принят ряд законодательных документов, регламентирующих введение новой степени магистра [5] и краткосрочных программ профессионального лицензиата [6, 7], изменения относительно обучения в докторантуре [5]. Важным событием для высшей школы стало принятие Закона о правах и ответственности университетов [8], официально призванным повысить конкурентоспособность французских университетов на мировом образовательном пространстве. Но наиболее значимым документом стал декрет «О реализации принципов европейского пространства высшего образования в системе высшей школы Франции» [9], где определена новая структура высшего образования по системе LMD (licence – master – doctorat (лиценат – магистратура – докторантура)) и изложены основные составляющие новой реформы.

Большинство стран Восточной Европы предпочли постепенный переход на двухуровневую систему образования. По мнению Б. Сазонова, «некоторые страны восточной Европы остаются сторонниками разработки детальных законов, регулирующих все аспекты» [10]. Например, в Польше наряду с традиционным пятилетним курсом обучения в вузе были введены трехлетние программы профессиональной

подготовки, дающие право на получение диплома бакалавра.

Таким образом, можно констатировать, что далеко не все европейские страны с одинаковым энтузиазмом отреагировали на предлагаемые принципы создания единого общеевропейского образовательного пространства. Многие страны присоединились к Болонской декларации с оговорками, некоторые растянули процесс вхождения на несколько лет. В других странах, таких как Италия, Норвегия, Нидерланды, Болонский процесс привел к быстрым изменениям в законодательстве с целью адаптации системы высшего образования.

Среди отрицательных сторон современного высшего образования также большинство ученых называют [11]:

- коммерциализацию, ориентацию исключительно на потребности рынка и глобального капитала;
- сознательное снижение уровня массового образования (магистратура рассчитана на очень небольшой процент учащихся, большинство же ограничивается 3 годами учебы);
- приобретение отрывочных, фрагментарных знаний;
- навязывание мировоззрения, основанного на рыночной экономике. Критики Болонской системы выступают против ограничений государственного финансирования высшего образования, жесткого отбора при поступлении, повышения регистрационного взноса студентов и ухудшения качества образования.

Тем не менее сегодня практически все страны, пережив период сомнений, решительно перешли на гармонизированную с общеевропейскими требованиями многоуровневую подготовку. При этом некоторые страны, бережно относясь к национальным традициям и самобытности образовательных систем, идут по пути преобразования традиционных пятилетних программ (в сфере инженерии, естественных наук, медицины и т.п.) в программы моноподготовки, завершающиеся присвоением отвечающей общеевропейским требованиям магистерской степени. Другие (например, Финляндия) на государственном уровне признали недостаточность трехлетнего бакалаврского цикла для подготовки выпускника на рынок труда и приняли решение о магистерской степени как основной, которую на выходе должны, по возможности, получать все студенты университетов. При этом первый цикл сохраняется. Присваиваемая студенту по истечении трех лет обучения степень бакалавра дает ему возможность: изменить траекторию обучения, специализацию, профиль; продолжить обучение в другом университете, в том числе за рубежом; приостановить обучение.

Что же касается России, то в ходе модернизации образования она пошла по иному пути, в отличие от европейских стран, в частности отменив законодательно оговоренный процент расходов на образование, объявив о финансировании из федерального бюджета лишь незначительной части государственных вузов, переложив расходы на получение образования на самих граждан.

Существенным шагом на пути модернизации отечественной системы образования также стало приня-

тие в декабре 2007 г. поправок в Федеральный закон «Об образовании», где зафиксированы новые государственные требования к структуре федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), определяющие основу объективной оценки уровня образования и квалификации выпускников независимо от форм получения образования.

Необходимо отметить, что практически с момента опубликования Декларации Болонский процесс оказывал значительное влияние на направление проводимых в российском образовании реформ. На пути модернизации российского образования, с целью придания ему свойств открытости и интеграции, возникает ряд проблем объективного и субъективного характера.

Среди основных проблем, с которыми столкнулась система российского высшего образования на пути реализации принципов Болонской декларации, можно указать следующие:

- инерционность восприятия рынком труда степени бакалавра;
- неготовность части российской высшей школы выступать равноправным партнером в программах мобильности (недостаточное финансирование, слабое знание иностранных языков);
- излишняя регламентация – недостаточная гибкость, адаптивность учебных программ;
- неготовность многих вузов к формированию новых компетенций выпускников, направленных на мобильность в рынке труда.

В таблице приведены сравнительная характеристика европейской и российской систем высшего образования и их основные отличия. Как видно из таблицы, в первую очередь, различается общий срок обучения, количество дисциплин, изучаемых в семестр и возможность выбора образовательной траектории самим студентом. Ни в Евросоюзе в целом, ни в какой-либо из его стран в отдельности нет единого общенационального учебного плана или образовательного стандарта (каковой есть в России) [12]. Более того, там до 50% предметов студенты выбирают в индивидуальном порядке. Также не следует забывать и о различных культурно-исторических парадигмах, существующих в Европе и России.

Тем не менее с 1 сентября 2011 г. высшее профессиональное образование в России перешло на стандарты Федерального государственного образовательного третьего поколения (ФГОС-3) по системе бакалавр-магистр, созданных на основе базовых принципов Болонского процесса: с ориентацией на результаты обучения, выраженные в формате компетенций, и с учётом трудозатрат в зачётных единицах.

В противовес вышесказанному хотелось бы отметить, что ФГОС-3 определяет в качестве базовой лишь 50% образовательной программы бакалавра. Для программы магистра «вариативная часть» составляет более 70%. Мало того, даже в «обязательной» части программы, за исключением нескольких позиций в цикле гуманитарных и социально-экономических дисциплин, на первое место поставлены не жёстко закреплённые учебные курсы, а требования к «формируемым у студента в результате изучения соответствующего цикла дисциплин компетенций».

Основные организационные механизмы	Европейская система	Российская система
Система квалификационных степеней. Периоды обучения	Двухуровневая система обучения: бакалавр (3–4 года), магистр (1–2 года). Докторантура	Бакалавр (4 года). Специалист (5–6 лет). Магистр (1 год). Аспирантура (3–4 года). Докторантура (до 3 лет)
Общий срок обучения	7–8 лет	до 13 лет
Система оценки трудоемкости	На основе фактически выполненной студентом работы в кредитах. Система оценки открытая, прозрачная	По затраченным часам по пяти-балльной системе. Система оценки субъективизированная
Организация обучения	Междисциплинарность. Модульное обучение. До 5 модулей а семестре	До 10 разных предметов в семестр
Схема обучения	Нелинейная схема обучения. Возможность выбора образовательных траекторий	Жесткая линейная схема обучения. Отсутствие возможности выбора
Процедуры оценки качества	Внешняя (надгосударственная) и развита внутренняя оценка качества образования	Внешняя (со стороны государства) и формальная внутренняя оценка качества образования
Подходы к оценке качества образования	Клиентоориентированный подход в оценке качества образования. Вовлеченность всех групп потребителей	При оценке качества образования акцент смещен на выполнение нормативов. Отстраненность потребителей от оценки качества
Организация управления	Современные технологии в управлении и учебном процессе	Традиционные технологии в управлении и обучении
Финансовое обеспечение	Финансовое обеспечение бакалавриат – 10 000 евро в год на студента. Кредиты на образование	Финансовое обеспечение (бакалавриат, магистратура, специалист) – 500 евро в год на студента. Отсутствие кредитной политики

Что же касается перехода на двухуровневую систему, то в большинстве случаев пока она является лишь простой формальностью. В отечественной системе ряд факторов ограничивает многоуровневость высшего образования. Российское высшее образование фактически осталось одноуровневым. Дело в том, что упомянутый закон по сути является эклектическим, в нем реализована своеобразная смесь традиционной российской системы образования с англо-американской. На Западе бакалавриат (undergraduate) – это своего рода подготовительное образование к магистратуре, дающей более глубокое специализированное образование. Бакалавриат не является законченным профессиональным образованием, это первичное «общее высшее образование». Западные вузы на уровне бакалавриата, например, не готовят врачей или учителей, как это делали советские и российские вузы, когда в них был специалитет. В российских вузах бакалавриат, по сути, оказывается лишь урезанной на год формой подготовки, при этом большинство работодателей до сих пор считают это незаконченным высшим образованием.

Таким образом, введение основных положений Болонской декларации на сегодняшний день все еще остается сложной проблемой для отечественных ву-

зов, причем не только с точки зрения реализации, но и организации. Она затрагивает все аспекты вузовской деятельности, начиная с методики преподавания и заканчивая планированием нагрузки и нормативно-правовыми актами. Было бы неразумно безоговорочно принимать, возможно, совершенно не подходящие по нашим меркам европейские модели образования (кстати, весьма пестрых национальных систем).

В заключение хотелось бы отметить, что российские высшие учебные заведения не закрыты для ин-

новаций, сотрудничества, координации, полноценного усвоения достижений науки и культуры. Высшее профессиональное образование России имеет сильные традиции и готово реагировать на изменение потребностей общества, предложить накопленный опыт, испытанные формы и методы организации образовательного процесса. Необходимо учитывать, что в скоропалительных реконструкциях можно безвозвратно потерять богатейший опыт отечественного высшего образования, накопленный за столько лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байденко В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов Моск. гос. ин-та стали и сплавов, 2003. 128 с.
2. Галаган А.И., Прынишникова О.Д. Анализ формирования Европейской зоны высшего образования в соответствии с принципами и целями Болонской декларации от 19 июня 1999 года. М.: Национальный институт бизнеса, 2004. 184 с.
3. Ворожейкина О.Л. и др. Тенденции развития высшего образования и механизмы обеспечения качества подготовки в странах Европы (на примере Великобритании, Германии, Франции): курс лекций. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2007. 226 с.
4. Анкарова Е.Б. Болонский процесс и система высшего образования Франции // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 112–115.
5. Arrêté du 17 novembre 1999 "Licence professionnelle" // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr>
6. Arrêté du 23 avril 2002 relatif aux études universitaires conduisant au grade de licence // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr>
7. Arrêté du 25 avril 2002 relatif aux études doctorales // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr>
8. La loi №2007-1199 du 10 août 2007 relative aux libertés et responsabilités des universités // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr>
9. Glossary on the Bologna process. Beltrage zur Hochschulpolitik, 2006. 196 p.
10. Сазонов Б. Болонский процесс: актуальные вопросы реформирования образовательной деятельности российских университетов. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-283211.html>
11. Кислицын К.Н. Болонский процесс как проект для Европы и для России. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn>
12. Tsiguleva O. The problems of unification models of educational systems within the Bologna process. Prague, Czech Republic: Proceedings of IAC-ETeL, 2013.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 1 октября 2014 г.

HIGHER EDUCATION MODELS IN WEST EUROPEAN COUNTRIES AND RUSSIA WITHIN THE BOLOGNA PROCESS

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 227-231. DOI: 10.17223/15617793/388/37

Tsiguleva Olesya V. Novosibirsk Military Institute of the Internal Forces named after Army General I.K. Yakovlev of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

Keywords: the Bologna process; system of education; reform; bachelor; master; two-level system of training.

There are a lot of opposite opinions of the necessity and nature of Russia's participation in the Bologna process, especially in connection with the growing dynamism of the process itself and cooperation between the European Union and Russia. However, despite of many Russian scientists' skepticism, the introduction of the main principles of the Bologna Declaration ended by 2012. The Bologna process does not mean a new phase of domestic higher education reforms in most European countries, but only the continuation of joining the already existing systems of education in accordance with the general political and economic conditions within the formation of a United Europe. For example, in the UK the structure of higher education adequately met the requirements of the Bologna Declaration. In France, a new reform largely belonged to the universities conducting short-term training. However, such countries as Germany and Poland preferred the model of a gradual transition, there was a traditional one-level and a new two-level system of education. In Italy, Norway, and the Netherlands the Bologna process led to the rapid changes in legislation in order to adapt the higher education system. In contrast to European countries, Russia had a different way of modernization of education, in particular, abolishing the legally stipulated percentage of expenditure on education, announcing about financial support of some universities from the Federal budget. The comparative analysis of the Russian and European systems of higher education shows the most significant differences between these systems of education: - total period of training; - number of disciplines studied in the semester; - choice of the educational trajectory by a student (students choose up to 50 % of the disciplines); - financial support. Thus, the introduction of the main principles of the Bologna Declaration today still remains a problem for many universities, not only from the point of view of implementation, but also organization. It affects all aspects of university activities, from teaching and planning to legal acts.

REFERENCES

1. Baydenko V. I. *Bolonskiy protsess: strukturnaya reforma vysshego obrazovaniya Evropy* [The Bologna process: the structural reform of higher education in Europe]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Mosk. gos. in-ta stali i splavov Publ., 2003. 128 p.
2. Galagan A.I., Pryanishnikova O.D. *Analiz formirovaniya Evropeyskoy zony vysshego obrazovaniya v sootvetstvi s printsipami i tselyami Bolonskoy deklaratsii ot 19 June 1999 goda* [Analysis of the formation of the European Higher Education Area in accordance with the principles and objectives of the Bologna Declaration of June 19, 1999]. Moscow: National Business Institute Publ., 2004. 184 p.
3. Vorozheykina O.L. et al. *Tendentsii razvitiya vysshego obrazovaniya i mekhanizmy obespecheniya kachestva podgotovki v stranakh Evropy (na primere Velikobritanii, Germanii, Frantsii)* [Trends in the development of higher education and training quality assurance mechanisms in

- European countries (by example of the UK, Germany, France)]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2007. 226 p.
4. Apkarova E.B. Bolonskiy protsess i sistema vysshego obrazovaniya Frantsii [The Bologna process and higher education system in France]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2008, no. 10, pp. 112-115.
  5. Arrêté du 17 novembre 1999 "Licence professionnelle" // Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. Available at: <http://www.legifrance.gouv.fr>.
  6. Arrêté du 23 avril 2002 relatif aux études universitaires conduisant au grade de licence. Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. Available at: <http://www.legifrance.gouv.fr>.
  7. Arrêté du 25 avril 2002 relatif aux études doctorales. Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. Available at: <http://www.legifrance.gouv.fr>.
  8. La loi N°2007-1199 du 10 août 2007 relative aux libertés et responsabilités des universités. Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. Available at: <http://www.legifrance.gouv.fr>.
  9. Glossary on the Bologna process. Beltrage zur Hochschulpolitik, 2006. 196 p.
  10. Sazonov B. Bolonskiy protsess: aktual'nye voprosy reformirovaniya obrazovatel'noy deyatel'nosti rossiyskikh universitetov [The Bologna process: current issues of reforming the educational activities of Russian universities]. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-283211.html>.
  11. Kislitsyn K.N. Bolonskiy protsess kak proekt dlya Evropy i dlya Rossii [The Bologna process as a project for Europe and Russia]. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn/>.
  12. Tsiguleva O. The problems of unification models of educational systems within the Bologna process. *Proceedings of IAC-ETeL*, 2013. Prague, Czech Republic.

Received: 01 October 2014

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 551.734:563.67(571.17)

Я.М. Гутак, Н.К. Дьяченко

КОМПЛЕКСЫ ТАБУЛЯТ (КОРАЛЛЫ) ИЗ РАЗНОВОЗРАСТНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ДЕВОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Рассматривается этапность развития табулятовых сообществ в девонском периоде на территории на юго-восточной части Горного Алтая. В ходе ранее проведенных научных изысканий автором выполнена ревизия коллекции табулят и проведено их монографическое изучение. На основе полученных данных было выделено три разновозрастных комплекса табулятоморфных кораллов с различным видовым составом. Полученные выводы могут быть использованы для определения относительного геологического возраста осадочных образований морского генезиса.

Ключевые слова: комплекс; кораллы Tabulata (табуляты); девон; видовое разнообразие; юго-восток (ЮВ) Горного Алтая.

Авторами проведено изучение комплексов кораллов Tabulata из отложений девона ЮВ Горного Алтая. Эти окаменелости довольно часто встречаются в разрезах девона региона и имеют определенное значение для установления относительного возраста геологических тел. Изученная коллекция кораллов (весьма обширная по количеству образцов) была собрана в конце прошлого столетия Я.М. Гутаком (ПГО «Запсибгеология») в ходе проведения на юго-востоке Горного Алтая геолого-съемочных работ крупного и среднего масштаба.

По собранному материалу создана большая шпифотека (несколько сотен шлифов), для части которой имеются предварительные определения палеонтолога Западно-Сибирского испытательного центра Л.В. Галенко [1. С. 43; 2. С. 121, 122]. Н.К. Дьяченко проведены ревизия собранной коллекции табулят и их исследование [3. С. 47–52; 4. С. 234–236; 5. С. 37–40; 6. С. 47, 48].

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов, важных, на взгляд авторов, для практики геологических исследований в регионе.

Наибольшее видовое разнообразие табулят юго-востока Горного Алтая наблюдается в конце раннего девона. По-видимому, именно в этот отрезок времени в регионе существовали наиболее оптимальные для жизни табулят условия: спокойный гидродинамический режим (обилие и разнообразие тонковетвистых табулят рода *Thamnopora*) с умеренным поступлением терригенного материала (в основном глинисто-кабронатные осадки), отсутствие резких колебаний уровня моря (равномерная темно-серая или зеленоватая окраска и горизонтальные типы слоистости), выдержанный тепловой баланс. Комплексы (I) нижнеэвских табулят изучены на четырех участках (рис. 1):

а) урочище Ештыколь (правый борт долины Ниж. Карасу);

б) левобережье рч. Каракабак (северная часть Северо-Чуйского хребта – левобережье р. Машей);

в) правобережье р. Актру (район метеостанции Томского государственного университета);

г) р. Дая (левый борт р. Чаган-Узун).

В пунктах а, б, в сборы проведены из отложений барагашской (машейской) свиты. Четвертый пункт (г) отвечает стратотипу даянской свиты. Комплекс со-

держит виды, принадлежащие 6 родам, – *Thamnopora lecomtei* Dubat., *Th. alta* Tchern., *Th. beliakovi* Dubat., *Th. compacta* Tchud., *Th. polytermata* Dubat., *Th. parva* Yanet., *Th. proba* Dubat., *Th. siavis* Dubat., *Th. pulchra* Tchern., *Pachyfavosites vilvaensis* Sok., *P. exites* Sok., *P. markovskiy* Sok., *P. polymorphus* (Goldf.), *Alveolites* cf. *strigosus* Dubat., *A. levis* Tchern., *Coenites* sp., *Syringopora dubia* Sok., *Thecostegites* cf. *infundibuliferus* Tchern.

Табуляты являются в ассоциации окаменелостей доминантной группой (иногда даже породообразующей), в то время как другие (брахиоподы, мшанки, криноидеи и т.д.) встречаются в единичных экземплярах.

Следующий комплекс (II) ископаемых табулят характеризует отложения живетского яруса среднего девона. В это время, возможно, в силу усиления конкуренции с другими, быстро приспосабливающимися к меняющимся условиям среды, организмами (брахиоподы, ругозы, водоросли), уменьшается видовое разнообразие табулятоморфных кораллов. Живетский комплекс составляют виды: *Thamnopora proba acrospina* Dubat., *Th. karmakensis* Tchern., *Th. cf. certa* Tchern., *Th. sp.*, *Tyrganolites eugeni* Tchern., *Thecostegites infundibuliferus* Tchern., *Pachyfavosites polymorphus* (Goldf.), *Coenites fascicularis* (Radug.), *Emmonsia* sp., *Rhachopora* sp. Данные кораллы были собраны с участков (рис. 1):

д) урочище Улары (правый борт долины р. Чуи, выше устья р. Бельгебаш, стратотипический район распространения бельгебашской свиты);

е) урочище Бошту (возле с. Кокоря, разрез бельгебашской свиты).

Табуляты вновь доминируют в комплексе окаменелостей, но резко сокращается их видовое разнообразие, что, по нашему мнению, связано с изменением режима осадконакопления: 1) увеличивается количество терригенного материала; 2) фиксируется присутствие течений прибойно-отливного характера (волнистая и косая слоистость); 3) значительно уменьшается глубина водоема (изредка появляются прослои красноватых пород).

Третий комплекс (III) табулятоморфных кораллов изучен из известняков туерынской свиты верхнего франа (верхний девон) из трех точек ЮВ Горного Алтая (рис. 1):

- ж) западный берег оз. Чейбеккель;
- з) левый борт р. Дая в левобережье р. Чаган-Узун;
- и) урочище реки Кызыл-Шин.

Комплекс представлен четырьмя видами, принадлежащими к четырем родам: *Syringopora fragilis* Sok., *Thecostegites rossicus* Sok., *Pachyfavosites squamatus* Dubat., *Cladopora vermicularis* Mc Coy. Франское сокращение таксонов табулят, по всей видимости, обусловлено значительными палеогео-

графическими изменениями, произошедшими в начале франского века на территории ЮВ Горного Алтая. В это время отмечается резкое сокращение площади морских акваторий, фиксируется значительный вынос в бассейн седиментации терригенного материала и, возможно, повышение температуры воды. Табуляты уже не являются доминантами в комплексе ископаемых организмов, уступив брахиоподам и мшанкам.

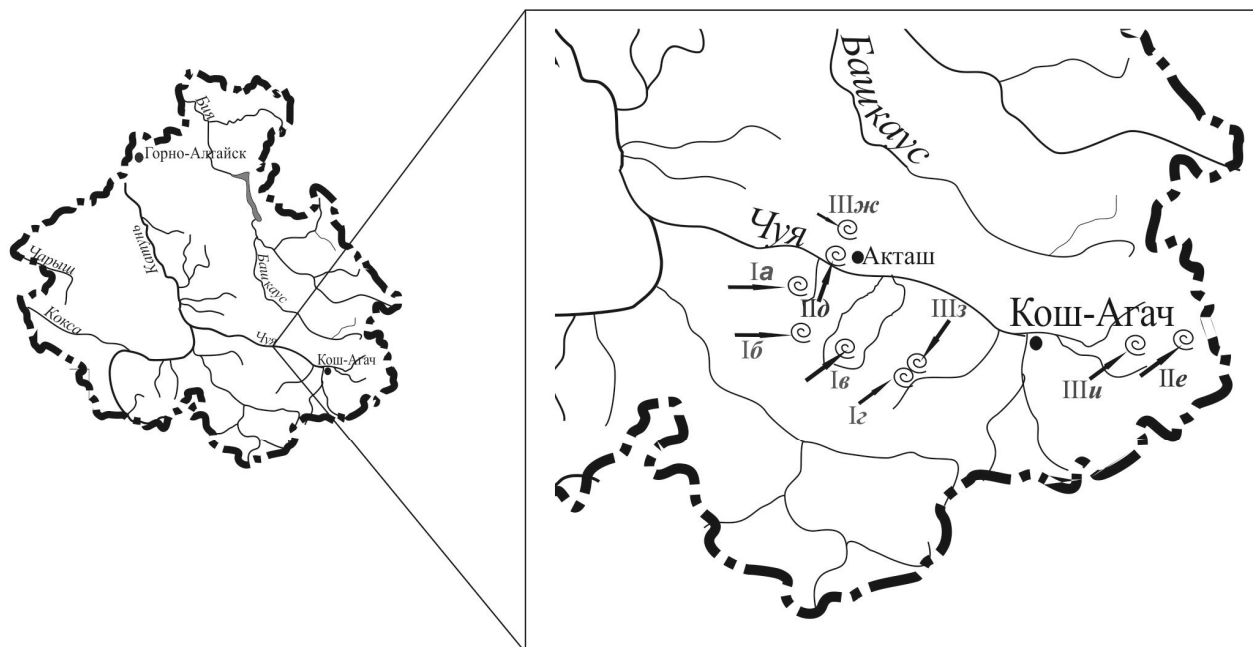

Рис. 1. Схема расположения месторождений окаменелостей: I – комплекс кораллов нижнего девона;

II – комплекс кораллов табулят среднего девона; III – комплекс кораллов табулят верхнего девона. [символ] – точки сбора окаменелостей: а – ур. Ештыколь (правый борт долины р. Ниж. Карасу); б – левобережье рч. Каракабак (левобережье р. Машей); в – правобережье р. Актру (район метеостанции ТГУ); г – р. Дая (лев. борт р. Чаган-Узун); д – урочище Улары; е – урочище Бошту; ж – западный берег оз. Чейбеккель; з – левый борт р. Дая; и – урочище Кызыл-Шин

В фаменское время табулятоморфные кораллы встречаются только в одном разрезе западного борта оз. Чейбеккель (стратотип чейбеккельской свиты). Они представлены одним новым видом рода *Rachopora* (тонкие изящные веточки, образующие биостром среди глинистых отложений).

Уменьшение родового и видового разнообразия табулятоморфных кораллов на территории юго-восточной части Горного Алтая в конце девонского периода соответствует тенденции, установленной для других районов западной части Алтае-Саянской складчатой области и всего Урало-Монгольского складчатого пояса. Смена комплексов частично совпадает с эволюцией бассейнов седиментации в Горном Алтае (ба-

рагашское море в эмсе, ташантинское море в живете, фране раннем фамене) [7. С. 33, 34]. Смена комплексов табулят в среднем девоне, фране и фамене отражает изменения водного режима ташантинского бассейна седиментации, имевшего в живетском веке характер открытого морского бассейна с нормальным режимом солености. На франском и фаменском этапах развития это уже изолированный (или полуизолированный) застойный бассейн со значительным привносом терригенного материала. Выявленная этапность развития табулятовых сообществ в девонском периоде на юго-востоке Горного Алтая может быть использована для определения относительного геологического возраста осадочных образований морского генезиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галенко Л.В. Табуляты себастейской свиты (р. Дая) Горного Алтая // Стратиграфия, палеогеография и минерализация среднего палеозоя Сибири. Новосибирск, 1989.
2. Галенко Л.В. Значение табулятоморфных кораллов в стратиграфии среднего и верхнего девона юго-востока Горного Алтая // Актуальные вопросы региональной геологии Сибири. Томск, 1990.
3. Дьяченко Н.К. Кораллы Tabulata девона юго-востока Горного Алтая // Природа и экономика Западной Сибири и сопредельных территорий. Т. 1 : Геология и палеонтология : материалы Всерос. конф. Новокузнецк : РИО КузГПА, 2009. С. 47–52.
4. Дьяченко Н.К. Кораллы Tabulata стратотипического разреза даянской свиты (поздний эмс) юго-востока Горного Алтая // Эволюция жизни на Земле : материалы IV Междунар. симп., 10–12 ноября 2010 г. / отв. ред. В.М. Подобина. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. С. 234–236.

5. Дьяченко Н.К. Некоторые кораллы Tabulata и Heliolitida бассейна реки Актру (Горный Алтай) // Природа и экономика Кузбасса и сопредельных территорий. Т. 1 : Геология, география, геоэкология : материалы Всерос. конф. «Природно-ресурсный потенциал Кемеровской области и сопредельных территорий». Новокузнецк : РИО КузГПА, 2010. С. 37–40.
6. D'yachenko N.K. Tabulate corals from the Tueryk forvation (Upper Devonian) jf the South-East Gorny Altai // Biostatygraphy, paleogeography and event in Devonian fnd Lower Carboniferous (SDS/IGCP 596 joint field meeting): Contribution of international Conference in memory of Evgeny A. Yolk. Ufa, Novosibirsk, July 20 – August 10, 2011. Novosibirsk : Publishing Hous of SB PAS, 2011.
7. Гутак Я.М. Девонские палеобассейны Горного Алтая // Среда и жизнь в геологическом прошлом. Новосибирск, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 5 сентября 2014 г.

COMPLEXES OF TABULATE CORALS OF DEVONIAN DEPOSITS OF DIFFERENT AGE IN THE SOUTH-EASTERN PART OF GORNY ALTAI

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 232-234 DOI: 10.17223/15617793/388/38

Gutak Yaroslav M. Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: tahizea@rambler.ru

D'yachenko Nataliya K. Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: tahizea@rambler.ru

Keywords: complex; south-eastern Gorny Altai; coral (Tabulata); species diversity; Devonian.

The article considers the stages of tabulata community development in the Devonian sediments of the south-eastern part of Gorny Altai. The authors allocated three sites of extinct coral subclass complexes with different species diversity. The greatest species diversity is characteristic for the end of the Early Devonian. Complex (I) contains 19 species belonging to six genera – *Thamnopora lecomtei* Dubat., *Th. alta* Tchern., *Th. beliakovi* Dubat., *Th. compacta* Tchud., *Th. Polytermata* Dubat., *Th. Parva* Yanet., *Th. proba* Dubat., *Th. siavis* Dubat., *Th. pulchra* Tchern., *Pachyfavosites vilvaensis* Sok., *P. exites* Sok., *P. markovskyi* Sok., *P. polymorphus* (Goldf.), *P. vilvaensis* Sok., *Alveolites* cf. *strigosus* Dubat., *A. levis* Tchern., *Coenites* sp., *Siringopora dubia* Sok., *Thecostegites* cf. *infundibuliferus* Tchern. Complexes (I) of the Late Emsian tabulata were studied at four sites – Eshtykol Tract (right side of the Lower Karasu Valley), the left bank of the Karakabak Creek (northern part of the North Chui Ridge – left bank of the Mashey River), the right bank of the Aktru River (Tomsk State University Meteorological Station area), and the Daya River (left side of the Chagan-Uzun River). In the first three sites the samples were collected from the sediments of the Baragash (Mashey) suite. The fourth site belongs to the stratotype of the Dayan suite. The second complex (II) of tabulata communities belongs to the deposits of the Givetian Age of the Middle Devonian is presented by 11 species belonging to seven genera – *Thamnopora proba acrospina* Dubat., *Th. karmakensis* Tchern., *Th. cf. certa* Tchern., *Th. sp.*, *Tyrganolit eseugeni* Tchern., *Thecostegites infundibuliferus* Tchern., *Pachyfavosites polymorphus* (Goldf.), *Coenites fascicularis* (Radug.), *Emmonsia* sp., *Rhachopora* sp. These corals were collected from the area of the Ular Tract (right side of the Chui Valley, above the mouth of the Belgebash River, the stratotypical region of the Belgebash suite distribution) and the Boshtu Tract (near the village Kokorya, the Belgebash suite section). The third complex (III) of tabulata was received from the deposits of the Upper Frasnian (Upper Devonian) and includes the following four types belonging to four genera – *Syringopora fragilis* Sok., *Thecostegites rossicus* Sok., *Pachyfavosites squamatus* Dubat., *Cladopora vermicularis* Mc Coy. The third complex (III) is obtained from coral tabulates of the Upper Frasnian (Upper Devonian) in the three points of the south-eastern Gorny Altai – the western shore of Lake Cheybekkel, left side of the Daya River on the left bank of the Chagan-Uzun River the Kyzyl-Shin River gorge. All samples are taken from the limestones of the Tueryk suite. Outside the carbonate bodies coral finds are unknown. The results can be used to determine the relative geological age of the sedimentary formations of the marine genesis.

REFERENCES

1. Galenko L.V. [Tabulates of the Sebysteyskaya suite (r. Daya) of Gorny Altai]. *Stratigrafiya, paleogeografiya i minerageniya srednego paleozoya Sibiri* [Stratigraphy, paleogeography and minerageny of the middle Paleozoic of Siberia]. Novosibirsk, 1989. (In Russian).
2. Galenko L.V. *Znachenie tabulyatomorfnykh korallov v stratigrafii srednego i verkhnego devona yugo-vostoka Gornogo Altaya* [Meaning of tabulate-morphic coral stratigraphy of the Middle and Upper Devonian of southeastern Gorny Altai]. In: *Aktual'nye voprosy regional'noy geologii Sibiri* [Topical problems of regional geology of Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 1990.
3. D'yachenko N.K. [Devonian corals Tabulata in southeastern Gorny Altai]. *Priroda i ekonomika Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Nature and the economy of Western Siberia and adjacent territories]. Novokuznetsk: RIO KuzGPA Publ., 2009, pp. 47-52. (In Russian).
4. D'yachenko N.K. Korally Tabulata stratotipicheskogo razreza dayanskoy svity (pozdnii ems) yugo-vostoka Gornogo Altaya [Corals Tabulata of the stratotype section of the Dayanskaya suite (Late Emsian) in the southeast of Gorny Altai]. *Evolutsiya zhizni na Zemle: materialy IV Mezhdunar. simp.* [Evolution of Life on Earth: Materials of IV International Symposium]. Tomsk: TML-Press Publ., 2010, pp. 234- 236. (In Russian).
5. D'yachenko N.K. [Some corals Tabulata and Heliolitida in the basin of the Aktru River (Gorny Altai)]. *Priroda i ekonomika Kuzbassa i sopredel'nykh territoriy: materialy Vseros. konf. "Prirodno-resursnyy potentsial Kemerovskoy oblasti i sopredel'nykh territoriy"* [Nature and economics of Kuzbass and adjacent territories: materials of the All-Russian Conference "Natural resource potential of the Kemerovo region and adjacent territories"]. Novokuznetsk: RIO uzGPA Publ., 2010, vol. 1, pp. 37-40. (In Russian).
6. D'yachenko N.K. Tabulate corals from the Tueryk forvation (Upper Devonian) jn the South-East Gorny Altai. Biostatygraphy, paleogeography and event in Devonian fnd Lower Carboniferous (SDS/IGCP 596 joint field meeting): *Contribution of international Conference in memory of Evgeny A. Yolk. Ufa, Novosibirsk, July 20 – August 10, 2011*. Novosibirsk: Publishing House of SB PAS, 2011.
7. Gutak Ya.M. [Devonian paleobasins of Gorny Altai]. *Sreda i zhizn' v geologicheskoy proshlom* [Environment and life in the geological past]. Novosibirsk, 2000. (In Russian).

Received: 5 September 2014

УСЛОВИЯ ОСАДКОНАКОПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА РАССЕЯННОГО ОРГАНИЧЕСКОГО ВЕЩЕСТВА ПОРОД НИЖНЕЙ ЮРЫ – ПАЛЕОЗОЯ АРЧИНСКОЙ ПЛОЩАДИ (ЮГО-ВОСТОК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

По составу биомаркеров (алканов, стеранов, терпанов и алкилбензолов) охарактеризована зона контакта нижней юры и палеозоя в разрезе скважины Арчинской 54. Показано, что накопление органического вещества (ОВ) палеозоя протекало в морской среде с невысокой соленостью вод бассейна седиментации. Палеообстановки в тогурское время характеризуются неустойчивостью. Зафиксированы арилизопреноиды, которые были впервые обнаружены на арчинской площади. Рассчитан арилизопреноидный индекс, охарактеризовавший изменение стабильности зоны сероводородного заражения при осадконакоплении.

Ключевые слова: тогурская свита; палеозой; нефтематеринские отложения; ароматические биомаркеры; арилизопреноиды.

В анализе рассеянного ОВ пород традиционно используется набор биомаркеров, среди которого крайне редко встречаются ароматические соединения. Количество биомаркеров, которые могут быть информативны при характеристике условий седиментации, постоянно возрастает [1, 2], что выводит геохимический анализ на более высокий качественный уровень. Внимание многих исследователей в последнее время обращено на триметилалкилбензолы как показатели условий осадконакопления [3–8].

Изучение нефтегазоносности недр на территории Томской области, начатое еще в 1954 г. после получения первого непромышленного притока нефти из базальных отложений на Колпашевской площади, и ранее представляло значительный интерес [9–11]. Многочисленные дискуссии вызывал вопрос о происхождении нефти в палеозое и коре выветривания, ответ на который может способствовать более точной оценке этих отложений на перспективности нефтегазоносности [12].

Для реконструкции условий накопления органического вещества пород зоны контакта нижней юры и палеозоя и выявления потенциально нефтематеринских отложений нами охарактеризован состав максимально возможных групп биомаркеров.

Материалы и методы исследования

Арчинское газонефтяное месторождение приурочено к юго-западному склону Нюрольской впадины в зоне сочленения ее с Лавровским валом [13]. Промышленная нефтегазоносность месторождения связана с отложениями трех стратиграфических комплексов – среднего девона, нижней-средней и верхней юры (рис. 1). В разрезе первого промышленно нефтегазоносным признан пласт М – кора выветривания палеозойских отложений, в разрезе второго – пласты Ю₁₅, Ю₁₄, в разрезе третьего – пласт Ю₁¹. Основные запасы (81%) приурочены к пласту М.

Объектом исследования послужили 8 образцов пород тогурской свиты (tg) нижней юры и палеозоя (Pz), отобранных из интервала глубин 3 118–3 248 скв. 54 Арчинской площади (табл. 1). Все образцы представлены аргиллитами. Граница между нижней юрой и палеозоем находится на глубине 3132 м, забой сква-

жины – 3 252 м. Притока флюида в этой скважине не получено. Но в соседней с ней скв. 45, расположенной в пределах локального поднятия, нефтеносны песчаные пропластки нижней юры и карбонатные коллекторы палеозоя (рис. 1).

Выделение битуминозных компонентов из пород осуществляли 7%-ным раствором метанола в хлороформе при помощи Tecator Soxhlet HT-системы. Концентраты углеводородов (УВ) и металлопорфиринов получали методом адсорбционной хроматографии на колонке с окисью алюминия IV степени активности. В качестве подвижной фазы использовали гексан, CCl₄, бензол и смесь бензола с хлороформом.

Детальный анализ компонентного состава гексановой фракции, содержащей УВ, осуществляли с помощью магнитного хромато-масс-спектрометра DFS фирмы ThermoScientific (Германия). Газовый хроматограф с кварцевой капиллярной колонкой фирмы ThermoScientific внутренним диаметром 0,25 мм, длиной 30 м, толщиной фазы 0,25 мкм, неподвижной фазой – TR-5MS, газом-носителем – гелием. Температура испарителя – 250°C, температура интерфейса – 250°C. Программа нагрева термостата хроматографа: $t_{\text{нач}} = 80^\circ\text{C}$, изотерма в течение 2 мин, затем нагрев со скоростью 4 град/мин до $t_{\text{макс}} = 300^\circ\text{C}$. Метод ионизации – электронный удар, энергия ионизирующих электронов – 70 эВ; температура ионизационной камеры – 250°C; диапазон регистрируемых масс – 50–500 а.е.м., длительность развертки спектра – 1 с. Газовые хроматограммы получены по общему ионному току (TIC) и характеристическим фрагментным ионам (SIM). Идентификацию индивидуальных УВ проводили компьютерным поиском в библиотеке Национального института стандартов NIST-05, по литературным данным и реконструкцией структур по характеру ионной фрагментации при электронном ударе. Содержание отдельных групп УВ рассчитывали по суммарной площади отдельных пиков с учетом поправочных коэффициентов, определенных для характеристических ионов каждого класса соединений: для молекулярных ионов би- (m/z 128, 142, 156, 170, 184), три- (m/z 178, 192, 206, 220), тетра- (m/z 202, 216, 230) и пентациклических (m/z 252, 266) ароматических УВ, для фрагментных ионов три-, тетра- и пентациклических терпанов (m/z 191), бициклических тер-

панов и секогопанов (m/z 123), алканов (m/z 57), алкилциклогексанов (m/z 83 и 97), стеранов (m/z 217 и

218), *n*-алкилбензолов и арилизопреноидов (m/z 92 и 133 соответственно).

Таблица 1

Характеристика исследованных пород скв. 54 Арчинской площади

Глубина, м	3 118	3 128	3 131	3 153	3 155	3 189	3 197	3 248
Свита, возраст	tg	tg	tg	Pz	Pz	Pz	Pz	Pz
Содержание битумоида, %	0,03	0,31	0,40	0,29	0,21	0,15	0,14	0,09

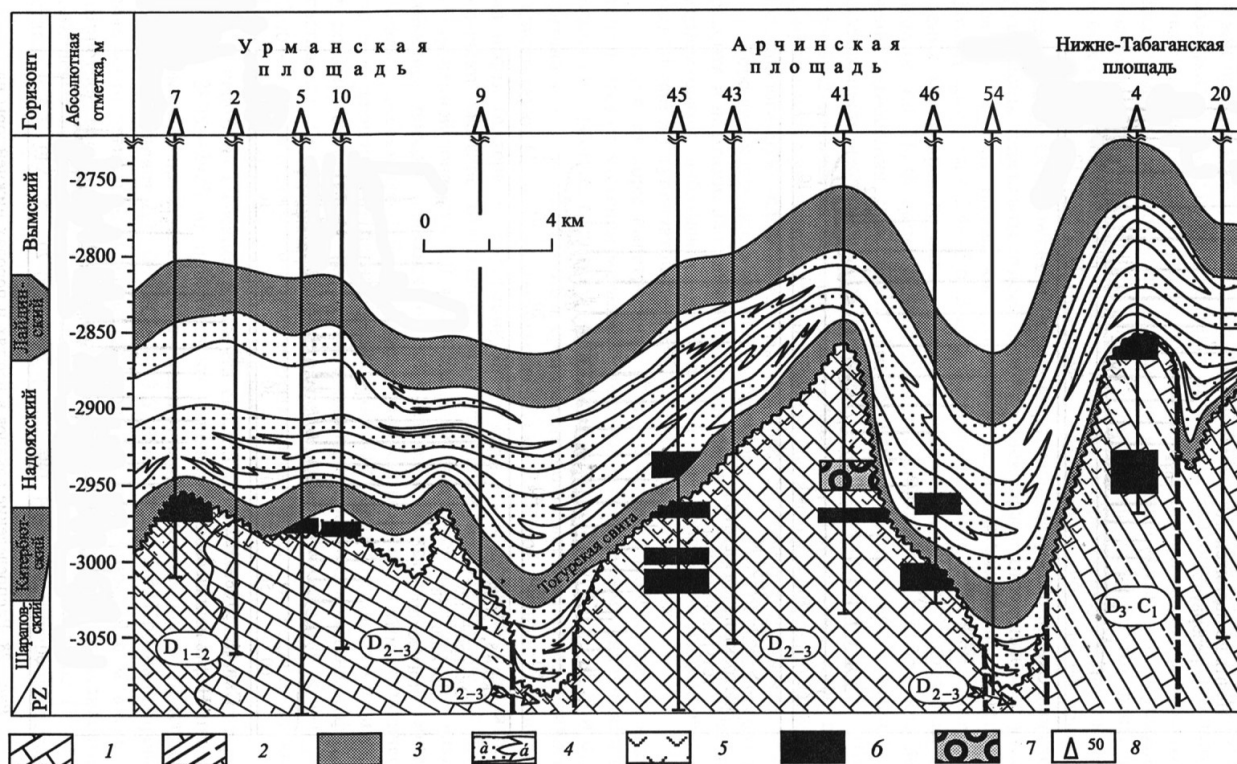

Рис. 1. Геологический разрез нижней юры и приконтактной зоны фундамента по линии площадей

Урманская – Арчинская – Нижне-Табаганская [10, 14]: 1 – известняки органогенные, доломиты, известковые алевролиты и аргилиты, сланцы, эффузивы основного и среднего состава, туфы; 2 – известняки органогенные, прослои измененных эффузивов основного состава, углисто-глинистые сланцы, метаморфизованные песчаники, алевролиты, аргиллиты; 3 – глинистые горизонты; 4 – песчаные горизонты; а – песчаные плиты, б – глинисто-алеритовые прослои; 5 – кора выветривания; 6, 7 – залежи: 6 – нефти, 7 – газа; 8 – скважина и ее номер

Съемку электронных спектров более полярных фракций, содержащих металлопорфирины, проводили в видимой области в режиме поглощения на спектрофотометре СФ-56 с автоматической регистрацией спектра. Концентрацию ванадиловых и никелевых комплексов порфиринов определяли по величине оптической плотности, используя в расчетах коэффициенты экстинкции $2,9 \times 10^4$ и $2,7 \times 10^4$ л/моль·см соответственно [15].

Результаты и обсуждение

В ОВ изученных пород обнаружены никелевые (Ni) и ванадиловые (VO) комплексы порфиринов. Отношение их содержания (VO/VO+Ni) снижается вверх по разрезу нижней юры от 1 до 0, а для палеозоя – от 1 до 0,2 (рис. 2). Уменьшение этого отношения показывает увеличение аэрации в ходе накопления ОВ в морском бассейне при отсутствии сероводородного заражения [2, 16] и может свидетельствовать о постепенном уменьшении глубины бассейна седиментации

по мере накопления осадков как для палеозоя, так и для нижней юры. Это согласуется с данными по уровню моря в тогурское время, эвстатическими кривыми и периодами трансгрессии и регрессии морского бассейна на исследованной территории [17, 18].

Алканы. Среди алифатических УВ исследованных разностей ОВ преобладают алканы нормального строения (см. табл. 2). Образцы тогурской свиты характеризуются более высоким относительным содержанием *n*-алканов 53,4–76,0% отн. по сравнению с палеозойскими (29,7–45,0% отн.). Молекулярно-массовое распределение *n*-алканов в осадках палеозоя характеризуется преобладанием C_{14} – C_{16} гомологов, что говорит о преимущественном вкладе фитопланктона в состав ОВ (рис. 3). В нижней юре на глубине 3 128–3 131 м отмечен более широкий максимум, C_{15} – C_{25} , свидетельствующий об участии макрофитов в формировании состава ОВ. В кровле тогурской свиты отмечено бимодальное распределение *n*-алканов с основным максимумом в области C_{15} – C_{18} и дополнительным в C_{29} – C_{31} , что может быть следствием присутствия в ОВ высших растений.

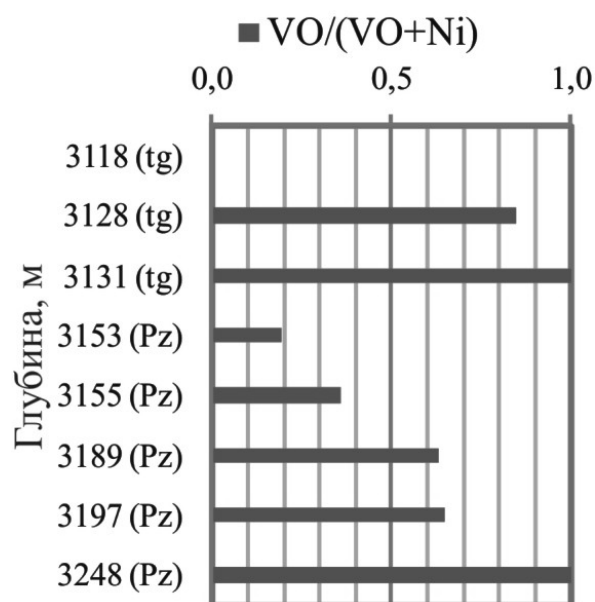

Рис. 2. Изменение содержания металлопорфиринов по разрезу юра – палеозой

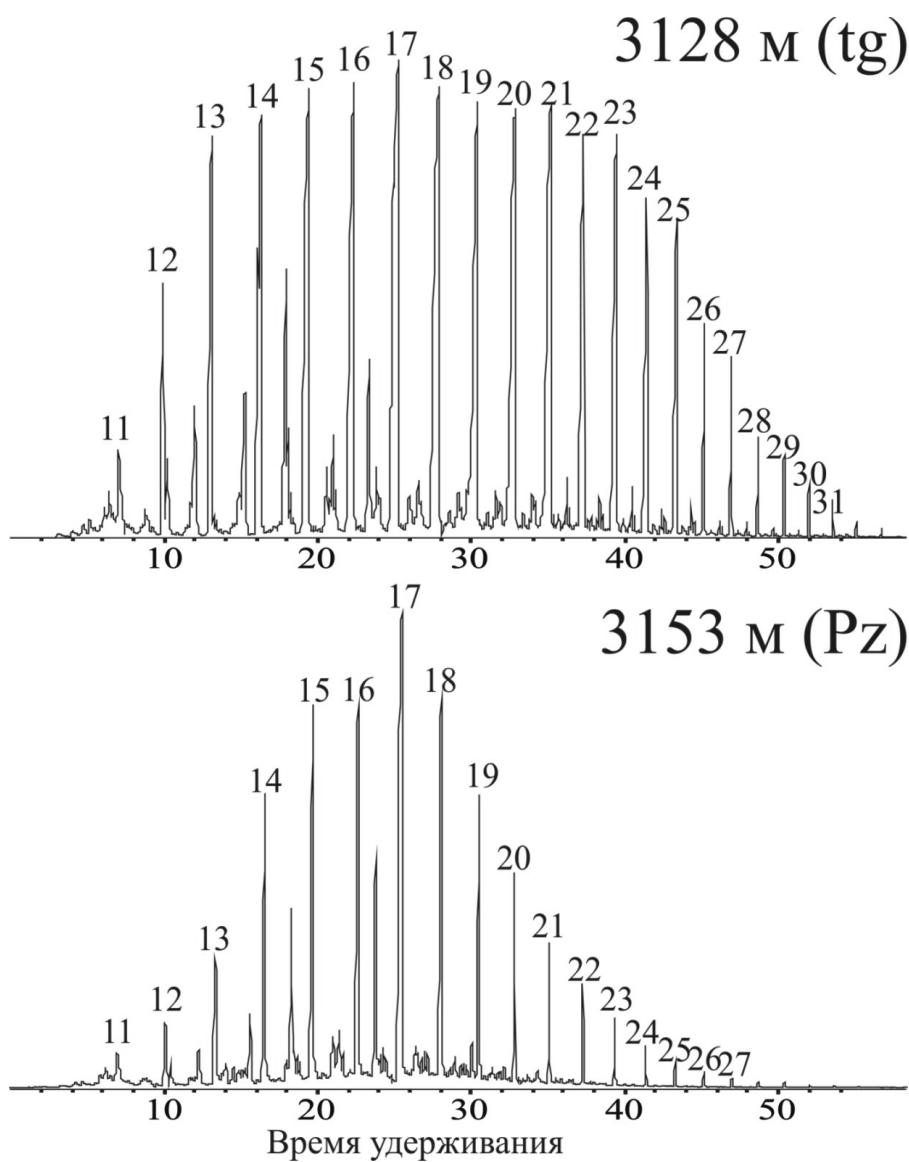

Рис. 3. Молекулярно-массовые распределения n-алканов, типичные для тогурских и палеозойских отложений

Существенный вклад морских водорослей в формирование исходного ОВ подтверждается отношением C_{17}/C_{27} [19], которое во всех исследованных образцах больше единицы. Для палеозоя значение данного параметра изменяется в пределах от 3,7 до 10,4, а для тогурской свиты – от 0,8 до 2,6 и не выходит за пределы значений, отмеченных в породах этой свиты на других площадях Нюрольской впадины [20]. По близким единице значениям индекса СРІ (отношение гомологов *n*-алканов с нечетным числом атомов углерода в молекуле к четным) ОВ палеозойских пород термически зрелое. Для тогурской свиты индекс СРІ выше (1,2–1,4), что указывает на меньшую термическую преобразованность ОВ этих пород [21]. Отношение пристана к фитану (Pr/Ph) для нижней юры изменяется в диапазоне 1,5–2,4, для палеозоя – 2,0–3,2. Такие величины обычно связывают [18, 22] со слабоокислительными и окислительными условиями накопления ОВ, в нашем случае, нижней юры и окислительными – палеозоя. Повышенные значения отношения Pr/Ph для палеозоя могут быть следствием большей термической преобразованности, разных источников или условий накопления ОВ [1] в юре и палеозое.

Так, для палеозойских отложений отмечена пониженная доля *n*-алканов (до 45%) в сумме идентифицированных УВ, максимум их распределения в низкомолекулярной C_{14} – C_{16} области, значения индекса СРІ, близкие к 1, отношения Pr/Ph от 2,0 до 3,2. Для тогурской свиты характерны повышенное содержание и широкий максимум молекулярно-массового распределения *n*-алканов, повышенное значение индекса СРІ, пониженное значение отношения пристана к фитану.

Данные о составе алканов свидетельствуют о морском генезисе ОВ, накоплении осадков в окислительных и слабоокислительных условиях, большей термической преобразованности ОВ палеозоя по сравнению с нижней юрой.

ческой преобразованности ОВ палеозоя по сравнению с нижней юрой.

Нафтеновые УВ. Содержания алкилциклогексанов (АЦ) и метилалкилциклогексанов (МАЦ) соизмеримы. В разрезе скважины просматривается увеличение в смеси УВ относительного содержания циклогексанов вниз по разрезу. Наибольший градиент прослеживается для АЦ, содержание которых увеличивается от 2,2 до 6,9% (табл. 2).

Суммарное относительное содержание терпанов, представленных би- (сесквитерпаны), три-, тетра- и пентациклическими структурами, в смеси идентифицированных УВ изменяется в пределах 0,8–3,5% (см. табл. 2). Сесквитерпаны включают изомеры нордримана, дримана и гомодримана, большинство образцов характеризуется преобладанием гомодриманов. Вклад бициклических структур в содержание терпанов достигает 92,0% в кровле тогурской пачки и снижается к подошве до 82,2% отн. В разрезе палеозоя содержание сесквитерпанов изменяется от 71,3 до 82,8% отн., снижаясь в кровле палеозоя.

Относительное содержание трициклических терпанов от общего количества терпанов для тогурской свиты в среднем составляет 0,8%, тогда как для палеозоя – 1,6% отн., что может быть обусловлено большей термической преобразованностью ОВ палеозоя (табл. 2). Преобладание T_{23} – T_{26} гомологов свидетельствует о морских или озерных условиях накопления ОВ [1, 23, 24]. Показатель отношения трициклических терпанов C_{26}/C_{25} , возрастающий при увеличении вклада озерной органики [25], для ОВ пород палеозоя изменяется от 0,5 до 0,7. В отложениях тогурской свиты его значение существенно изменяется по разрезу (0,3–2,4), что может свидетельствовать о нестабильных условиях седиментации в рассматриваемое время.

Таблица 2

Состав предельных УВ

Глубина зале- гания, м (возраст)	Алканы		Циклогексаны		Терпаны					Сте- раны
	∑ н- алканов	∑ изо- алканов	∑ АЦ	∑ МАЦ	∑	Би*	Три*	Тетра*	Пента*	
Содержание в смеси УВ, % отн.										
3 118 (tg)	63,5	14,0	2,2	2,7	1,0	92,0	1,3	0,2	6,5	0,05
3 128 (tg)	76,0	8,0	3,4	2,9	3,5	86,5	0,5	0,2	12,8	0,11
3 131 (tg)	53,4	10,0	2,4	1,4	1,7	82,2	0,4	0,3	17,1	0,06
3 153 (Pz)	30,1	10,0	4,1	5,7	1,2	71,3	1,7	0,3	26,7	0,24
3 155 (Pz)	38,5	13,9	2,6	4,4	0,8	77,7	1,8	0,1	20,4	0,11
3 189 (Pz)	29,7	15,1	5,5	5,6	1,3	82,8	1,8	0,3	15,2	0,19
3 197 (Pz)	40,7	15,0	6,9	6,0	1,1	79,4	1,3	0,2	19,0	0,13
3 248 (Pz)	45,0	14,2	6,8	6,9	1,3	81,6	1,4	0,2	16,9	0,14

* Относительное содержание би-, три-, тетра- и пентациклических структур в составе терпанов.

Пентациклические терпаны представлены соединениями ряда гопана и гаммацераном. Вниз по разрезу тогурской свиты их доля от общего содержания терпанов возрастает от 6,5 до 17,1%, достигает максимума (26,8%) в верхней части исследованного разреза палеозоя, затем снижается до 15,2–19,0%. По соотношению S и R изомеров гопанов, которое используется для определения зрелости ОВ, меняющемуся от 0,52 до 0,59, органическое вещество нижней юры и палеозоя достигло главной зоны нефтеобразования [2].

Наличие гаммацерана во всех образцах указывает на бассейн седиментации с нормальной соленостью [1],

но величины отношения G/H30, не превышающие в ОВ палеозоя 0,02, а в ОВ нижней юры – 0,08, указывают на невысокую соленость вод бассейна седиментации.

В смеси идентифицированных УВ суммарное содержание стеранов составляет 0,05–0,24% (табл. 2). Максимальные значения отмечены в палеозойских отложениях. Доля диастеранов, указывающих на морские прибрежные или мелководные условия осадконакопления либо большую термическую преобразованность ОВ [2], повышена в юрских породах. Соотношение изомеров изостеранов C_{27} , C_{28} , C_{29} в ОВ пород разреза (рис. 4) свидетельствует об осадконакоп-

лении в нижнеюрское и палеозойское время в морских и прибрежно-морских условиях.

Так, по составу нефтяных УВ можно сказать, что как ОВ тогура, так и палеозоя накапливались в морских или озерных условиях (преобладание T_{23} – T_{26} гомологов), в бассейне с невысокой соленостью

(G/H_{30}), в морских прибрежных или мелководных условиях осадконакопления (доля диастеранов и соотношение изомеров изостеранов C_{27} , C_{28} , C_{29}). Соотношение S и R изомеров гопанов указывает, что органическое вещество нижней юры и палеозоя достигло главной зоны нефтеобразования.

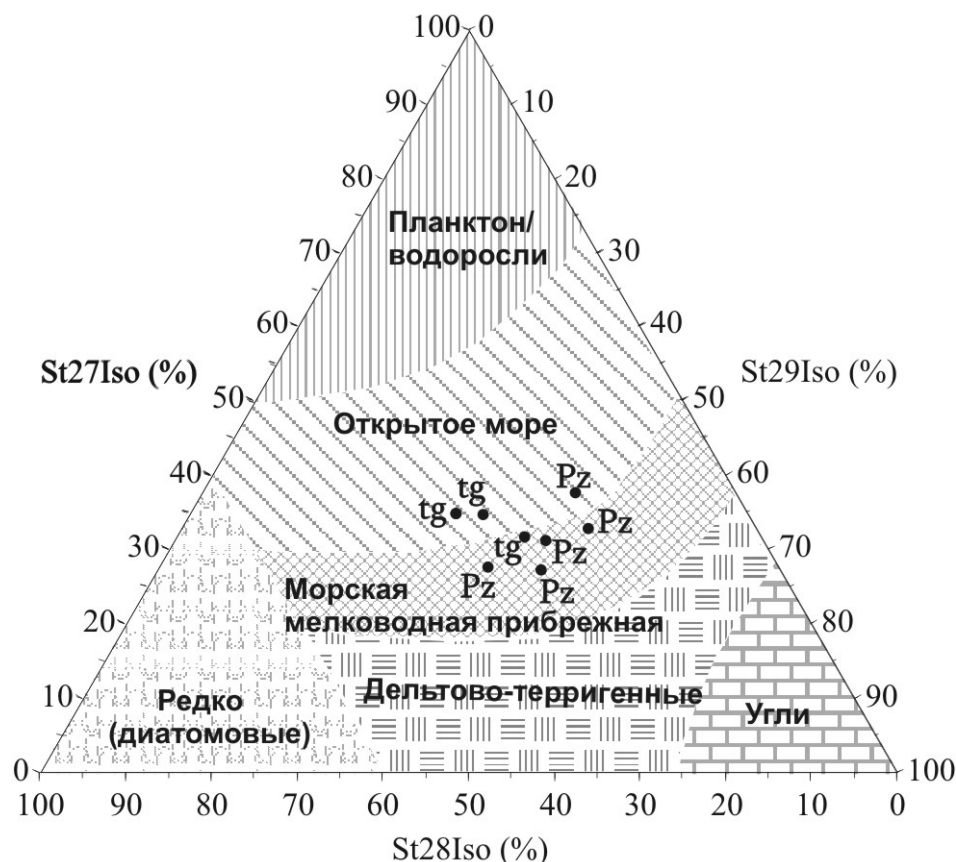

Рис. 4. Распределение изостеранов в исследованных ПОВ (интерпретация в соответствии с Huang & Meinshein [26])

В то же время относительное содержание трициклических терпанов для палеозоя 1,6% отн. выше, чем для тогурской свиты, что может быть обусловлено большей термической преобразованностью ОВ палеозоя.

Ароматические УВ. Содержание среди УВ ароматических структур варьирует от 5,9 до 42,9% отн. Ими обогащено ОВ палеозоя, особенно его верхней части, в юре содержание аренов ниже (табл. 3). В составе аренов всех исследованных образцов пород присутствуют моно-, би-, три-, тетра- и пентациклические структуры. В смеси преобладают бициклические УВ, представленные нафталином (C_0), его C_1 , C_2 , C_3 , C_4 замещенными гомологами и кадаленом, бифенилами (C_0 , C_1) и флуоренами (C_0 , C_1). Нафталины доминируют над остальными биароматическими соединениями, а в их составе преобладают метилзамещенные структуры (рис. 5).

Рассчитанные по распределению и составу фенантронов метилфенантеновый индекс $MPI = 1,5 (2MP + 3MP)/(P + 1MP + 9MP)$ и отражательная способность витринита $Rc = 0,6 MPI + 0,4$ [27] соответствуют стадиям катагенеза $МК_2$.

Среди алкилбензолов (АБ) – моноциклических ароматических УВ – идентифицированы соединения с одним неразветвленным алкильным заместителем в

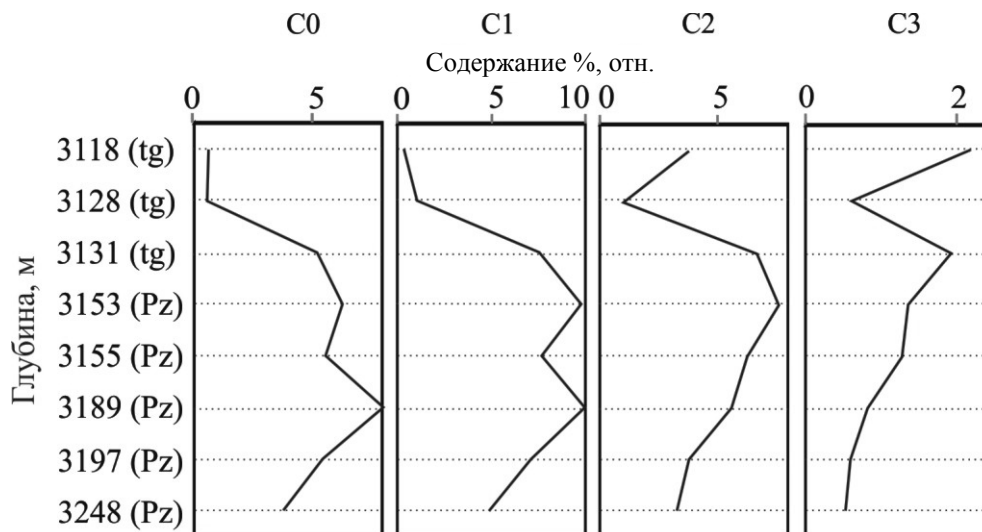
молекуле (н-АБ), с дополнительной метильной группой в мета-, орта- и параположении (МАБ) и триметилалкилбензолы (ТМАБ) с алкильным заместителем изопреноидного строения.

В составе трициклических ароматических УВ идентифицированы флуорен, ретен и фенантрены (C_0 , C_1 , C_2 , C_3) с преобладанием последних. Ретен зафиксирован только на глубине 3 131 м. Тетрациклические арены включают флуорантены, пирены, бензантрацены и хризены (C_0 , C_1 , C_2). Содержание пентациклических аренов, представленных бензпиреном, невелико. Вниз по разрезу палеозоя наблюдается снижение содержания всех групп ароматических УВ.

Содержание моноаренов относительно общего содержания ароматических УВ изменяется от 8,6 до 21,9%, максимумы отмечены в кровле тогурской свиты и в подошве палеозоя исследованного разреза (табл. 3). Относительное содержание н-АБ в смеси моноаренов в ОВ палеозойских пород (12,8–26,7% отн.) выше, чем в ОВ тогурской свиты (5,1–9,4% отн.) (табл. 4). Их молекулярно-массовое распределение имеет достаточно схожий вид с отчетливым максимумом в области C_{12} – C_{15} . Среди изомеров МАБ для всех образцов отмечено преобладание ортоформ.

Содержание ароматических структур в смеси УВ рассеянного ОВ пород

Образец (возраст)	Арены в смеси УВ, % отн.	Содержание групп ароматических УВ от общего содержания аренов, % отн.					Rc
		Моноарены	Биарены	Триарены	Тетраарены	Пентаарены	
3 118 (tg)	14,7	21,9	53,9	22,8	1,17	0,07	0,70
3 128 (tg)	5,9	21,8	58,5	18,5	1,10	0,02	0,73
3 131 (tg)	29,7	6,1	79,8	13,1	0,92	0,01	0,75
3 153 (Pz)	42,9	10,4	68,4	19,6	1,49	0,06	0,73
3 155 (Pz)	34,7	10,0	69,5	19,2	1,22	0,04	0,71
3 189 (Pz)	39,8	8,6	76,7	13,4	1,15	0,05	0,74
3 197 (Pz)	28,4	12,8	75,9	10,4	0,79	0,03	0,70
3 248 (Pz)	24,1	21,8	64,2	13,0	0,98	0,04	0,71

Рис. 5. Состав нафталинов (C₀) и его моно- (C₁), ди- (C₂), три- (C₃) замещенных структур

Содержание групп моноароматических УВ в смеси АБ (% отн.)

Глубина, м (возраст)	н-АБ	МАБ				ТМАБ
		Σ	мета	пара	орга	
3 118 (tg)	9,4	62,7	7,1	24,5	31,1	27,9
3 128 (tg)	5,1	19,0	5,4	4,5	9,1	75,9
3 131 (tg)	7,4	28,3	10,7	6,1	11,4	64,3
3 153 (Pz)	13,9	33,8	10,8	5,9	17,2	52,3
3 155 (Pz)	12,8	31,9	8,7	6,1	17,0	55,3
3 189 (Pz)	22,4	34,1	13,1	5,1	15,8	43,6
3 197 (Pz)	26,7	32,8	11,0	6,5	15,3	40,5
3 248 (Pz)	20,3	25,6	7,9	5,0	12,7	54,0

Наибольший вклад в содержание алкилбензолов вносят ТМАБ с длиной изопреноидной цепи от C₄ до C₁₂ (арилизопреноиды). Исключение составляют отложения кровли тогурской свиты, среди АБ которых преобладают МАБ. Для характеристики молекулярно-массового распределения изопреноидов с триметилзамещенным бензольным кольцом обычно используют масс-фрагментограммы по m/z 133 и 134 [28, 29]. Ранее такие соединения уже были зафиксированы на многих площадях в РОВ пород и нефтях: в нефтях силура [5, 30] и нижнего мела [4], в РОВ пород верхнего девона [31], пермо-триаса [32], тоара – возрастного аналога тогурской свиты [3, 33] и мела [6, 7]. Присутствие арилизопреноидов в РОВ пород Западной Сибири зафиксировано впервые.

В породах исследованного разреза среди ТМАБ в максимальном количестве присутствуют гомологи C₁₃–C₁₅, содержащие в алкильной цепи 4–6 атомов углерода (рис. 6).

Низкое содержание гомолога C₁₇ вытекает из строения изопреноидной боковой цепи биологических предшественников арил-изопреноидов – ароматических каротиноидов изорениератена и β-изорениератена. Эти изопреноиды присутствуют в фотосинтетических зеленых серных бактериях (Chlorobiaceae), которые существуют в строго анаэробной среде, и для их метаболизма требуются свет и H₂S [3]. Сам изорениератен был зафиксирован в ОВ пород тогурской свиты на глубине 3 128 м (рис. 7), отличающемся от других повышенным содержанием н-алканов (76%) (см. табл. 2) и низким (5,9% отн.) – ароматических УВ (табл. 3). Соединение имеет молекулярную массу 546 и основные фрагментные ионы 133 и 134, что согласуется с характеристиками масс-спектра β-изорениератена, приведенными в [29, 30, 34, 35].

Наличие арил-изопреноидов в породах тогурской свиты и палеозоя указывает на то, что накопление в них органического вещества протекало в фотической зоне экв-

синного бассейна. Оценить стабильность этой зоны можно используя арилизопреноидный индекс (AIR), который представляет собой отношение суммы арилизопреноидов C_{13-17} к арилизопреноидам C_{18-22} . Чем выше значение этого отношения, тем менее стабильна была фотическая зона

сероводородного заражения [3]. Наблюдаемое в нашем случае высокое значение AIR свидетельствует о перемешивании толщи воды и нестабильности фотической бескислородной зоны на территории Нюрольской впадины в палеозое и нижней юре (рис. 8).

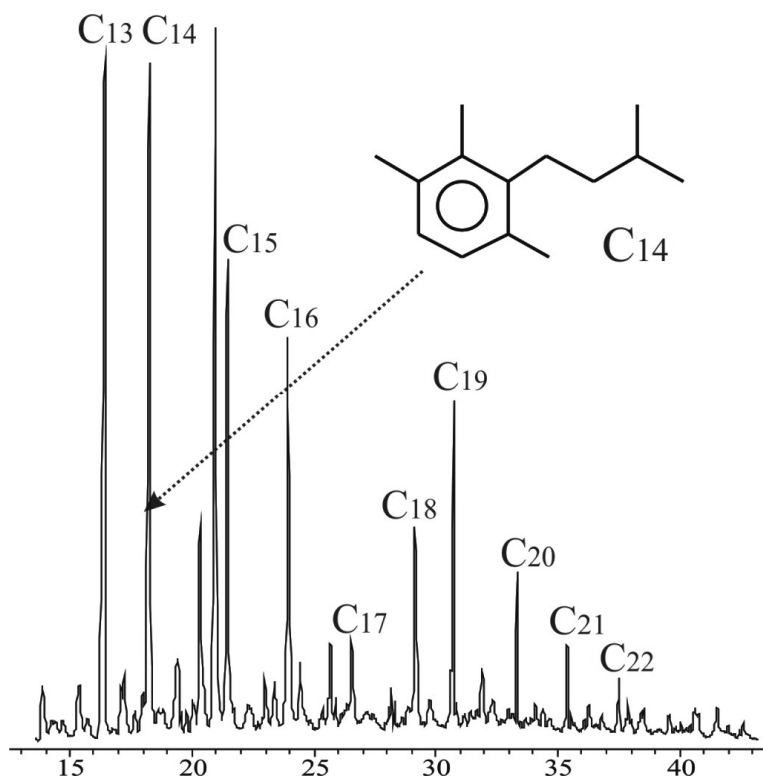

Рис. 6. Масс-фрагментограмма ОВ тогурской свиты (3 128 м) по m/z 133

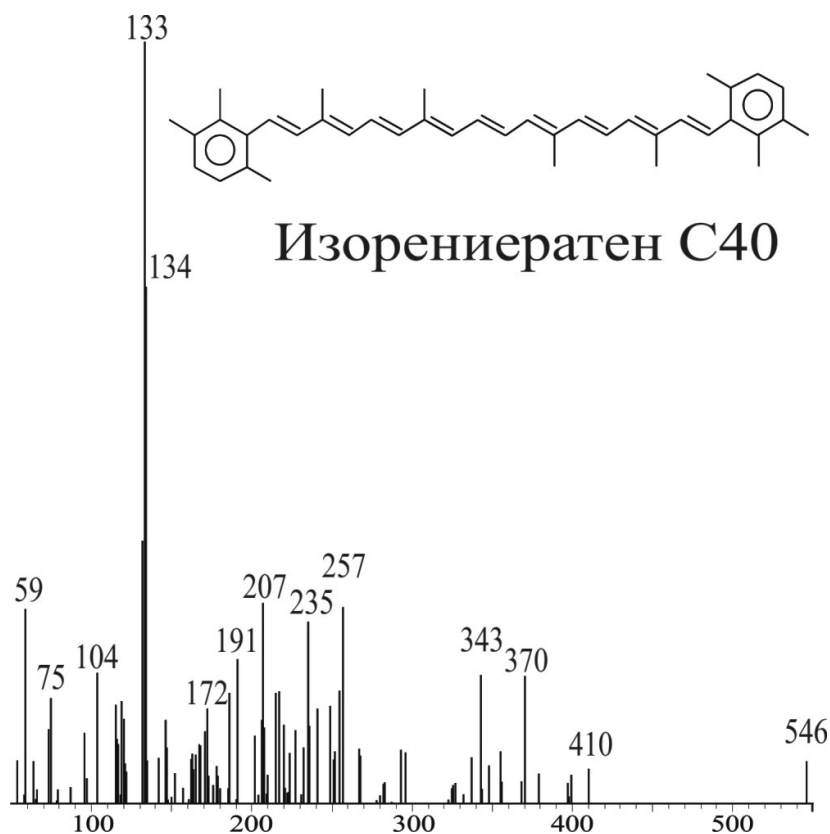

Рис. 7. Спектр соединения, зафиксированного в ОВ тогурской свиты на 90-й минуте (3 128 м)

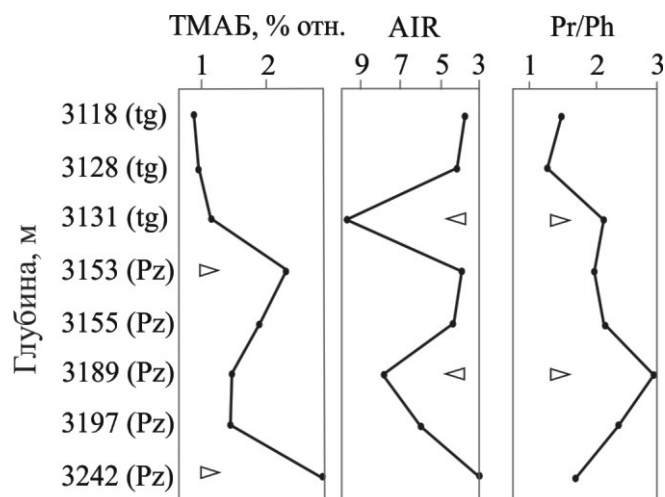

Рис. 8. Кривые распределения содержания ТМАБ, % отн., индекса AIR, отношения Pr/Ph по разрезу скважины Арчинская 54

Относительное содержание арилизопреноидов, которое снижается с увеличением AIR, и изменение отношения Pr/Ph (рис. 8) также подтверждают этот вывод, поскольку стабильная фотическая бескислородная зона позволяет образоваться большому количеству арилизопреноидов, и наоборот, аэрация, в свою очередь, приводит к увеличению Pr/Ph. О связи AIR и Pr/Ph сообщалось также в работах других исследователей [2, 4]. Нестабильность зоны осадконакопления подтверждается присутствием никелевых порфиринов (Ni-Ph), образование которых возможно только при отсутствии сероводородного заражения придонных вод [15].

Так, ОВ палеозойских отложений характеризуется большей долей ароматических УВ, чем нижнеюрские, что может быть свидетельством его большей термической зрелости. По данным о составе фенантронов РОВ пород достигло стадии катагеназа МК₂. Наличие арилизопреноидов и их распределения по разрезу свидетельствуют о стратификации толщи воды с присутствием фотической бескислородной зоны и сероводородного заражения, а индекс AIR говорит о периодическом перемешивании толщи воды и вымывании данной зоны. Присутствие никелевых порфиринов свидетельствует о периодах осадконакопления без сероводородного заражения.

Выводы

Анализ полученных результатов показывает, что накопление ОВ исследованного разреза палеозоя протекало в морской среде. Это подтверждается наличием ванадиловых комплексов порфиринов, преобладанием низкомолекулярных гомологов C₁₄–C₁₆ в распределении н-алканов, величиной отношения н-алканов C₁₇/C₂₇, преобладанием среди трициклических терпанов T₂₃–T₂₆ гомологов, соотношением изомеров изо-

стеранов C₂₇, C₂₈, C₂₉. Значения отношений гаммацетана к гопану (G/H₃₀) указывают на невысокую соленость вод бассейна седиментации. ОВ термически зрелое, что подтверждается такими показателями, как отношение гомогпанов 22S/(22S+22R), отношение изомеров гопанов 27Ts/27Tm и расчетная отражательная способность витринита (Rc).

В ходе накопления ОВ была стратификация толщи воды с присутствием фотической бескислородной зоны и сероводородного заражения, что объясняется наличием арилизопреноидов в составе ОВ, которые были впервые обнаружены на арчинской площади. Индекс AIR говорит о периодическом перемешивании толщи воды и вымывании зоны сероводородного заражения, что позволило накопиться никелевым порфиринам.

ОВ тогурской свиты характеризуется неоднородным составом на территории Томской области, распределение н-алканов существенно изменяется от скважины к скважине [10, 21]. Нестабильность палеообстановки в тогурское время, по сравнению с палеозоем, характеризуется значительно более широким диапазоном изменения значений геохимических параметров. Так, T₂₆/T₂₅ меняется от 0,3 до 2,4 в тогуре и от 0,5 до 0,7 в палеозое, C₂₄/T₂₃ – в интервалах 0,3–1,4 и 0,1–0,4, Ts/Tm – 0,4–12,4 и 1,3–2,2, H₂₉/H₃₀ – от 0,4 до 1,1 и от 0,3 до 0,6, T/17α-hop – 0,04–0,32 и 0,1–0,2 соответственно. Кроме того, для ОВ нижней юры определены высокие значения индекса CPI (1,2–1,4), отношения diaSt₂₇ к St₂₉ (0,6–1,5), более низкие н-C₁₇/н-C₂₇ (0,8–2,6), St₂₉/H₃₀ (0,2–0,7). Значение отношения Pr/Ph тоже существенно ниже, чем в палеозойских РОВ (1,5–2,4).

Совокупность полученных данных свидетельствует о различных условиях формирования РОВ тогурских и палеозойских пород и позволяет считать их потенциально нефтематеринскими при большей термической зрелости палеозойских отложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Peters K.E., Walters C.C., Moldowan J.M. The Biomarker Guide: Biomarkers in the Environment and Human History. Cambridge : University Press, 2005. V. 1. 492 p.
2. Peters K.E., Walters C.C., Moldowan J.M. The Biomarker Guide: Biomarkers and isotopes in Petroleum Exploration and Earth History. Cambridge : University Press, 2007. V. 2. 1155 p.

3. Schwark L., Frimmel A. Chemostratigraphy of the Posidonia Black Shale, SW-Germany II. Assessment of extent and persistence of photic-zone anoxia using arylisoprenoid distributions // *Chemical Geology*. 2004. V. 206. P. 231–248.
4. Gustavo R. Sousa Júnior, Antônio L.S. Santos, Sidney G. de Lima, José A.D. Lopes, Francisco A.M. Reis, Eugênio V. Santos Neto, Hung K. Chang. Evidence for euphotic zone anoxia during the deposition of Aptian source rocks based on aryl isoprenoids in petroleum, Sergipe-Alagoas Basin, northeastern Brazil // *Organic Geochemistry*. 2013. V. 63. P. 94–104.
5. Roger E. Summons, Trevor G. Powell. Chlorobiaceae in Paleozoic seas revealed by biological markers, isotopes, and geology // *Nature (London)*. 1986. V. 319. P. 763–765.
6. Leszek Marynowski, Sawomir Kurkiewicz, Michał Rakociński, Bernd R.T. Simoneit. Effects of weathering on organic matter: I. Changes in molecular composition of extractable organic compounds caused by paleoweathering of a Lower Carboniferous (Tournaisian) marine black shale // *Chemical Geology*. 2011. V. 285. P. 144–156.
7. ZhiHui Feng, Wei Fang, ZhenGuang Li, Xue Wang, QiuLi Huo, ChunYan Huang, JuHe Zhang, HuaSen Zeng. Depositional environment of terrestrial petroleum source rocks and geochemical indicators in the Songliao Basin // *Science China Earth Sciences*. 2011. V. 54. P. 1304–1317.
8. Бушнев Д.А. Основы геохимической интерпретации данных по составу и распределению индивидуальных органических соединений в нефтях и осадочных породах. Сыктывкар : Геопринт, 1999. 48 с.
9. Вышемирский В.С., Запывалов Н.П., Бадаева Ж.О. и др. Органическая геохимия палеозойских отложений юга Западно-Сибирской плиты. Новосибирск : Наука, 1984. 191 с.
10. Сурков В.С., Серебrenникова О.В., Казаков А.М. и др. Седиментогенез и геохимия ниже-среднеюрских отложений юго-востока Западной Сибири. Новосибирск : Наука ; Сибирская издательская фирма РАН, 1999. 213 с.
11. Serebrennikova O.V., Filippova T.Yu., Krasnoyarova N.A. Integration between the composition of alkanes and metalloporphyrins in crude oils and rock organic matter as a reflection of formation conditions of oil-bearing strata in the southeast of West Siberia // *Petroleum Chemistry*. 2003. V. 43, № 3. P. 145–149.
12. Красноярова Н.А., Чиркова Д.Ю., Серебrenникова О.В., Кадычагов П.Б. Состав биомаркеров палеозойских нефтей юго-востока Западной Сибири // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 382. С. 196–201.
13. Багринцева К., Дмитриевский А., Бочко Р. Атлас карбонатных коллекторов месторождений нефти и газа Восточно-Европейской и Сибирской платформ / под ред. К. Багринцевой. М., 2003. 264 с.
14. Serebrennikova O.V., Filippova T.Yu., Devyatov V.P. The geochemical composition of oils from palaeozoic reservoirs in the SE West Siberian basin // *Journal of Petroleum Geology*. 2003. V. 26, № 4. P. 465–478.
15. Krasnoyarova N.A., Serebrennikova O.V., Nikolaeva T.L., Min R.S., Mozhelina T.K. Composition of hydrocarbon, metalloporphyrins, and sulfur compounds in the oil from Lower Jurassic deposits of the southeastern part of West Siberia // *Petroleum Chemistry*. 1999. V. 39, № 1. P. 20–24.
16. Lewan M.D. Factors controlling the proportionality of vanadium to nickel in crude oils // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. 1984. V. 48. P. 2231–2238.
17. Гурари Ф.Г., Деятов В.П., Демин В.И. и др. Геологическое строение и нефтегазоносность нижней-средней юры Западно-Сибирской провинции. Новосибирск : Наука, 2005. 156 с.
18. Серебrenникова О.В., Филлипова Т.Ю., Красноярова Н.А. Взаимосвязь состава алканов и металлопорфиринов нефтей и органического вещества пород юго-востока Западной Сибири как отражение условий формирования нефтематеринских толщ // *Нефтехимия*. 2003. Т. 43, № 3. С. 163–167.
19. Ву ван Хай. Особенности состава углеводородов в связи с генезисом нефтей и битумов в кристаллических породах на шельфе Вьетнама и севере Хакасии : автореф. дис. ... канд. хим. наук. Томск : Том. политех. ун-т ИХН СО РАН, 2012. 24 с.
20. Красноярова Н.А. Геохимия органического вещества нижней юры Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Томск : Ин-т химии нефти СО РАН, 2007. 17 с.
21. Туссо Б., Вельте Д. Образование и распространение нефти. М. : Мир, 1981. 504 с.
22. Hughes W.B., Holba A.G., Dzou L.I.P. The ratios of dibenzothiophene to phenanthrene and pristane to phytane as indicators of depositional environment and lithology of petroleum source rocks // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. 1995. V. 59. P. 3581–3598.
23. Volkman J.K., Jeffrey S.W., Nichols P.D., Rogers G.I., Garland C.D. Fatty acid and lipid composition of 10 species of microalgae used in mariculture // *Journal of Experimental Marine Biology and Ecology*. 1989. V. 128, is. 3. P. 219–240.
24. Костырева Е.А. Геохимия и генезис палеозойских нефтей юго-востока Западной Сибири. Новосибирск : Гео, 2005. 183 с.
25. Борогуж Е.В. Генетические типы нефтей продуктивных отложений юго-восточной части Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2012. 26 с.
26. Huang W.Y., Meinschein W.G. Sterols as ecological indicators // *Geochimica et cosmochimica acta*. 1979. V. 43, № 5. P. 739–745.
27. Radke M. Application of aromatic compounds as maturity indicators in source rocks and crude oils // *Marine Petroleum Geology*. 1988. V. 5. P. 224–236.
28. Hartgers W.A., Sinninghe Damste J.S., Requejo A.G., Allan J., Hayes J.M., Ling Y., Tiang-Min X., Primack J., de Leeuw J.W. A molecular and carbon isotopic study towards the origin and diagenetic fate of diaromatic carotenoids // *Organic Geochemistry*. 1993. V. 22. P. 703–725.
29. Brocks J.J., Schaeffer P. Okenane, a biomarker for purple sulfur bacteria (Chromatiaceae), and other new carotenoid derivatives from the 1, 640 Ma Barney Creek Formation // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. 2008. V. 72. P. 1396–1414.
30. Summons R.E., Powell T.G. Identification of aryl isoprenoids in source rocks and crude oils: Biological markers for the green sulfur bacteria // *Geochimica et cosmochimica acta*. 1987. V. 51. P. 557–566.
31. Bushnev D.A. Organic Matter of the Ukhta Domanik // *Doklady Earth Sciences*. 2009. V. 426, № 4. P. 677–680.
32. Hongfu Yin, Qinglai Feng, Shucheng Xie, Jianxin Yu, Weihong He, Handong Liang, Xulong Lai, Xianyu Huang. Recent achievements on the research of the Paleozoic–Mesozoic transitional period in South China // *Journal: Frontiers of Earth Science in China*. 2007. V. 1, № 2. P. 129–141.
33. Yvonne van Breuge, Marianne Baas, Stefan Schouten, Emanuela Mattioli, and Jaap S. Sinninghe Damste. Isorenieratane record in black shales from the Paris Basin, France: Constraints on recycling of respired CO₂ as a mechanism for negative carbon isotope shifts during the Toarcian oceanic anoxic event // *Paleoceanography*. 2006. V. 21. P. 1–8.
34. Bushnev D.A., Burdel'naya N.S. Organic Matter and Deposition Conditions of the Kashpir Oil Shales // *Geochemistry International*. 2008. V. 46, № 10. P. 971–984.
35. Requejo A.G., Allan J., Creany S., Gray N.R., Cole K.S. Aryl isoprenoids and diaromatic carotenoids in Paleozoic source rocks and oils from the Western Canada and Williston Basins // *Organic Geochemistry*. 1992. V. 19. P. 245–264.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 15 сентября 2014 г.

DEPOSITIONAL ENVIRONMENT AND COMPOSITION OF DISPERSED ORGANIC MATTER OF THE LOWER JURASSIC-PALEOZOIC ROCKS IN THE ARCHINSKAYA FIELD (SOUTH-EAST OF WESTERN SIBERIA)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 235–245. DOI: 10.17223/15617793/388/39

Krasnoyarova Nataliya A., Chirkova Diana Yu., Serebrennikova Olga V. Institute of Petroleum Chemistry, SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natalex@ipc.tsc.ru

Keywords: Togur formation; Paleozoic; source rock; aromatic biomarkers; aryl isoprenoids.

Numerous discussions raise the question about the origin of oil in the weathering crust during the Paleozoic era; the answer for this question may lead to a more accurate estimation of the oil and gas potential in these deposits. We characterized the composition of the maximum potential biomarker groups of eight rock samples from the contact zone of the Lower Jurassic and Paleozoic sediments from Archinskaya well 54, in order to reconstruct the paleo-conditions of organic matter accumulation and identify the oil-source potential. Extraction of bituminous components from rock samples was done using 7% methanol in chloroform. Concentrates of hydrocarbons (HC) and metalloporphyrins were obtained by adsorption chromatography at a column with alumina IV activity levels. Eluants were hexane, CCl₄, benzene, and benzene-chloroform mixture. Detailed analysis of the component composition of the hexane fraction containing HC was realized using magnetic chromatography-mass spectrometer DFS by "ThermoScientific" company (Germany). The analysis of the results demonstrates that the accumulation of organic matter (OM) in the investigated Paleozoic cross section occurred in the marine environment, which is evidenced by the presence of vanadil complexes of porphyrins, composition and distribution of n-alkanes, terpene composition and the ratio of isosterane isomers. Values of the ratio of gammacerane to hopane indicate low salinity of the sedimentary basin. OM is thermally mature, which is evidenced by the composition of hopanes, homohopanes, and the composition of phenanthrene isomers. The Togur suite OM is characterized by the heterogeneous composition in Tomsk Region, the distribution of n-alkanes varies considerably from well to well. The instability of paleoenvironments during the Togur time in comparison with the Paleozoic time is characterized by a wider range of values of geochemical parameters. Also values of geochemical parameters of Togur and Paleozoic OM associated with distribution of alkanes, steranes and hopanes are significantly different. Assemblage of the data indicates the variety of formation conditions of Togur and Paleozoic dispersed organic matter and makes them potential oil sources with higher thermal maturity of Paleozoic sediments. Aryl isoprenoids at the Archinskaya area were recorded for the first time. Aryl isoprenoid index (AIR), which reflects stability changes of hydrogen sulphide contamination zone during sedimentation, was calculated. Relative content of aryl isoprenoids, which decreases with the increasing AIR and the changing Pr/Ph ratio, also confirms this dependence, because stable photic anoxia zone allows to form big amount of aryl isoprenoids and vice versa, and aeration, in turn, leads to an increase of Pr/Ph ratio.

REFERENCES

1. Peters K.E., Walters C.C., Moldowan J.M. *The Biomarker Guide: Biomarkers in the Environment and Human History*. Cambridge: University Press, 2005. Vol. 1. 492 p.
2. Peters K.E., Walters C.C., Moldowan J.M. *The Biomarker Guide: Biomarkers and isotopes in Petroleum Exploration and Earth History*. Cambridge: University Press, 2007. Vol. 2. 1155 p.
3. Schwark L., Frimmel A. Chemostratigraphy of the Posidonia Black Shale, SW-Germany II. Assessment of extent and persistence of photic-zone anoxia using arylisoprenoid distributions. *Chemical Geology*, 2004, vol. 206, pp. 231-248.
4. Gustavo R. Sousa Júnior, Antônia L.S. Santos, Sidney G. de Lima, José A.D. Lopes, Francisco A.M. Reis, Eugênio V. Santos Neto, Hung K. Chang. Evidence for euphotic zone anoxia during the deposition of Aptian source rocks based on aryl isoprenoids in petroleum, Sergipe-Alagoas Basin, northeastern Brazil. *Organic Geochemistry*, 2013, v. 63, pp. 94-104. DOI: 10.1016/j.orggeochem.2013.07.009
5. Roger E. Summons, Trevor G. Powell. Chlorobiaceae in Paleozoic seas revealed by biological markers, isotopes, and geology. *Nature (London)*, 1986, vol. 319, pp. 763-765.
6. Leszek Marynowski, Sawomir Kurkiewicz, Michał Rakociński, Bernd R.T. Simoneit. Effects of weathering on organic matter: I. Changes in molecular composition of extractable organic compounds caused by paleoweathering of a Lower Carboniferous (Tournaisian) marine black shale. *Chemical Geology*, 2011, vol. 285, pp. 144-156. DOI: 10.1016/j.chemgeo.2011.04.001
7. ZhiHui Feng, Wei Fang, ZhenGuang Li, Xue Wang, QiuLi Huo, ChunYan Huang, JuHe Zhang, HuaSen Zeng. Depositional environment of terrestrial petroleum source rocks and geochemical indicators in the Songliao Basin. *Science China Earth Sciences*, 2011, vol. 54, pp. 1304-1317. DOI: 10.1007/s11430-011-4268-0
8. Bushnev D.A. *Osnovy geokhimicheskoy interpretatsii dannykh po sostavu i raspredeleniyu individual'nykh organicheskikh soedineniy v neftyakh i osadochnykh porodakh* [Fundamentals of geochemical data interpretation on the composition and distribution of individual organic compounds in oils and sediments]. Syktyvkar: Geoprint Publ., 1999. 48 p.
9. Vyshemirskiy V.S., Zapivalov N.P., Badmaeva Zh.O. et al. *Organicheskaya geokhimiya paleozoyskikh otlozheniy yuga Zapadno-Sibirskoy plity* [Organic geochemistry of Paleozoic rocks of the south of the West Siberian plate]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. 191 p.
10. Surkov V.S., Serebrennikova O.V., Kazakov A.M. et al. *Sedimentogenez i geokhimiya nizhne-sredneyurskikh otlozheniy yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri* [Sedimentogenesis and geochemistry of Lower-Middle Jurassic deposits of southeastern West Siberia]. Novosibirsk: Nauka; Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN Publ., 1999. 213 p.
11. Serebrennikova O.V., Filippova T.Yu., Krasnoyarova N.A. Integration between the composition of alkanes and metalloporphyrins in crude oils and rock organic matter as a reflection of formation conditions of oil-bearing strata in the southeast of West Siberia. *Petroleum Chemistry*, 2003, vol. 43, no. 3, pp. 145-149.
12. Krasnoyarova N.A., Chirkova D.Yu., Serebrennikova O.V., Kadychagov P.B. Biomarker composition of Paleozoic oils from the southeast of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 382, pp. 196-201. (In Russian).
13. Bagrintseva K., Dmitrievskiy A., Bocho R. *Atlas karbonatnykh kollektorov mestorozhdeniy nefti i gaza Vostochno-Evropeyskoy i Sibirskoy platform* [Atlas of carbonate reservoirs of oil and gas of the East European and Siberian platforms]. Moscow, 2003 264 p.
14. Serebrennikova O.V., Filippova T.Ju., Devyatov V.P. The geochemical composition of oils from palaeozoic reservoirs in the SE West Siberian basin. *Journal of Petroleum Geology*, 2003, vol. 26, no. 4, pp. 465-478. DOI: 10.1111/j.1747-5457.2003.tb00039.x
15. Krasnoyarova N.A., Serebrennikova O.V., Nikolaeva T.L., Min R.S., Mozhelina T.K. Composition of hydrocarbon, metalloporphyrins, and sulfur compounds in the oil from Lower Jurassic deposits of the southeastern part of West Siberia. *Petroleum Chemistry*, 1999, vol. 39, no. 1, pp. 20-24.
16. Lewan M.D. Factors controlling the proportionality of vanadium to nickel in crude oils. *Geochimica et Cosmochimica Acta*, 1984, vol. 48, pp. 2231-2238.
17. Gurari F.G., Devyatov V.P., Demin V.I. et al. *Geologicheskoe stroenie i neftegazonosnost' nizhney-sredney yury Zapadno-Sibirskoy provintsii* [Geological structure and petroleum potential of the lower-middle Jurassic West Siberian province]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 156 p.
18. Serebrennikova O.V., Filippova T.Yu., Krasnoyarova N.A. Interrelation between the composition of alkanes and metalloporphyrins in crude oils and rock organic matter as a reflection of formation conditions of oil-bearing strata in the Southeast of West Siberia. *Neftekhimiya – Petroleum Chemistry*, 2003, vol. 43, no. 3, pp. 163-167. (In Russian).
19. Wu Wang Hai. *Osobennosti sostava uglevodorodov v svyazi s genezisom neftey i bitumov v kristallicheskikh porodakh na shel'fe V'etnama i severe Khakasii*. Avtoref. dis. kand. khim. nauk [Features of hydrocarbons due to the genesis of oil and bitumen in crystalline rocks at Vietnam shelf and in the north of Khakassia. Abstract of Chemistry Cand. Diss.]. Tomsk: Tom. politekh. un-t IKhN SO RAN Publ., 2012. 24 p.
20. Krasnoyarova N.A. *Geokhimiya organicheskogo veshchestva nizhney yury Zapadnoy Sibiri*. Avtoref. dis. kand. geol.-min. nauk [Geochemistry of organic matter of the Lower Jurassic of Western Siberia. Abstract of Geology and Mineralogy Cand. Diss.]. Tomsk: Institute of Petroleum Chemistry Publ., 2007. 17 p.

21. Tissot B., Welte D. *Obrazovanie i rasprostranenie nefti* [Formation and distribution of oil]. Moscow: Mir Publ., 1981. 504 p.
22. Hughes W.B., Holba A.G., Dzou L.I.P. The ratios of dibenzothiophene to phenanthrene and pristane to phytane as indicators of depositional environment and lithology of petroleum source rocks. *Geochimica et Cosmochimica Acta*, 1995, vol. 59, pp. 3581-3598.
23. Volkman J.K., Jeffrey S.W., Nichols P.D., Rogers G.I., Garland C.D. Fatty acid and lipid composition of 10 species of microalgae used in mariculture. *Journal of Experimental Marine Biology and Ecology*, 1989, vol. 128, issue 3, pp. 219-240.
24. Kostyreva E.A. *Geokhimiya i genezis paleozoyskikh neftey yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri* [Geochemistry and genesis of Paleozoic oils of the southeast of Western Siberia]. Novosibirsk: Geo Publ., 2005. 183 p.
25. Bordyug E.V. *Geneticheskie tipy neftey produktivnykh otlozheniy yugo-vostochnoy chasti Zapadnoy Sibiri*. Avtoref. dis. kand. geol.-min. nauk [Genetic types of oils productive deposits of the southeastern part of Western Siberia. Abstract of Geology and Mineralogy Cand. Diss.]. Moscow: MMSU Publ., 2012. 26 p.
26. Huang W.Y., Meinschein W.G. Sterols as ecological indicators. *Geochimica et cosmochimica acta*, 1979, vol. 43, no. 5, pp. 739-745.
27. Radke M. Application of aromatic compounds as maturity indicators in source rocks and crude oils. *Marine Petroleum Geology*, 1988, vol. 5, pp. 224-236.
28. Hartgers W.A., Sinninghe Damste J.S., Requejo A.G., Allan J., Hayes J.M., Ling Y., Tiang-Min X., Primack J., de Leeuw J.W. A molecular and carbon isotopic study towards the origin and diagenetic fate of diaromatic carotenoids. *Organic Geochemistry*, 1993 vol. 22, pp. 703-725.
29. Brocks J.J., Schaeffer P. Okenane, a biomarker for purple sulfur bacteria (Chromatiaceae), and other new carotenoid derivatives from the 1, 640 Ma Barney Creek Formation. *Geochimica et Cosmochimica Acta*, 2008, vol. 72, pp. 1396-1414.
30. Summons R.E., Powell T.G. Identification of aryl isoprenoids in source rocks and crude oils: Biological markers for the green sulfur bacteria. *Geochimica et cosmochimica acta*, 1987, vol. 51, pp. 557-566.
31. Bushnev D.A. Organic Matter of the Ukhta Domanik. *Doklady Earth Sciences*, 2009, vol. 426, no. 4, pp. 677-680.
32. Hongfu Yin, Qinglai Feng, Shucheng Xie, Jianxin Yu, Weihong He, Handong Liang, Xulong Lai, Xianyu Huang. Recent achievements on the research of the Paleozoic–Mesozoic transitional period in South China. *Frontiers of Earth Science in China*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 129-141.
33. Yvonne van Breuge, Marianne Baas, Stefan Schouten, Emanuela Mattioli, and Jaap S. Sinninghe Damste. Isorenieratane record in black shales from the Paris Basin, France: Constraints on recycling of respired CO₂ as a mechanism for negative carbon isotope shifts during the Toarcian oceanic anoxic event. *Paleoceanography*, 2006, vol. 21, pp. 1-8.
34. Bushnev D.A., Burdel'naya N.S. Organic Matter and Deposition Conditions of the Kashpir Oil Shales. *Geochemistry International*, 2008, vol. 46, no. 10, pp. 971-984.
35. Requejo A.G., Allan J., Creany S., Gray N.R., Cole K.S. Aryl isoprenoids and diaromatic carotenoids in Paleozoic source rocks and oils from the Western Canada and Williston Basins. *Organic Geochemistry*, 1992, vol. 19, pp. 245-264.

Received: 15 September 2014

ЭКОЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПОВЕРХНОСТНЫХ ВОД И ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ДЕЛЬТЕ МЕКОНГА (ВЬЕТНАМ)

Работа выполнена при поддержке Правительства Российской Федерации (грант № 2013-220-04-157) и Томского политехнического университета (проект ВИУ_VAF_144_2014).

На основе результатов исследований, выполненных в 2001–2014 гг., получена общая характеристика химического состава вод и донных отложений в дельте реки Меконг (Вьетнам). Показано, что в по мере приближения к морю и роста времени взаимодействия воды с минералами происходит увеличение минерализации поверхностных вод и водных вытяжек из донных отложений. Состояние поверхностных вод и донных отложений оценивается как неудовлетворительное по содержанию NO_3^- , NH_4^+ , Hg, Cu, Zn, Mn, Fe, As, Al.

Ключевые слова: дельта Меконга; донные отложения; поверхностные воды; химический состав.

Введение

Река Меконг является одной из крупнейших рек в мире. Она играет исключительно важную роль в социально-экономическом развитии всей Юго-Восточной Азии. Особенно заметно влияние этой реки на жизнь людей на участке её нижнего течения – в Камбодже и Вьетнаме, где протоки и рукава Меконга – одновременно и важнейшая транспортная артерия, и источник водоснабжения, и приёмник сточных вод промышленных, сельскохозяйственных и коммунально-бытовых предприятий. В дельте Меконга в пределах Вьетнама к этому перечню следует добавить целый ряд проблем, связанных с влиянием морских вод на водные и наземные экосистемы, в том числе с засолением сельскохозяйственных земель, подтоплением и затоплением селитебных территорий, размывом берегов [1–3]. Всё это и обусловило цель исследования – оценку современного эколого-геохимического состояния рукавов и протоков дельты Меконга.

Согласно существующим представлениям, поверхностный водный объект – это водоток, водоём или болото с характерным для него водным режимом. Горизонтальные границы водотока определяются положением береговой линии по среднесовременному уровню вод в период открытого русла, а нижняя вертикальная граница соответствует верхней границе недр – части земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков [4, 5].

С учётом приведённых выше определений полноценная оценка эколого-геохимического состояния поверхностного водного объекта должна включать исследование как поверхностных вод, так и донных отложений, что и определило цель и структуру работы. Источниками информации послужили опубликованные результаты ряда авторов и организаций [3, 6–12] и материалы собственных исследований, выполненных в 2012–2013 гг.

Объект и методика исследований

Дельта Меконга занимает территорию площадью 46 700 км² и имеет сложное строение [13]. В её составе можно выделить два крупных комплекса рукавов –

Хаузанг и Тиензанг. Первый из них (Хаузанг) включает три крупных рукава, а второй (Тиензанг) – шесть, среди которых наибольший по водности – рукав Хамлуонг. Именно этот рукав и был основным объектом исследований, включавших отбор проб поверхностных вод и донных отложений на участке протяжённостью 77 км от устьевого взморья, в том числе: в январе 2013 г. – 12 проб; в январе 2014 г. – 3 пробы. Кроме того, в 2013 г. были отобраны 4 пробы донных отложений и поверхностных вод из протоков рукава Хамлуонг (Сонг Бен Тре, Сонг Ба Три, Сонг Вам Нуок Тронг, Сонг Рач Сау) и 4 пробы – из других рукавов дельты р. Меконг – Кочьен и Кыадай (рис. 1).

Полевые работы выполнены Фунг Тхай Зыонгом и сотрудниками университета Донгтхап (Вьетнам). Опробование поверхностных вод проводилось из слоя 0,3–0,4 м от поверхности, опробование донных отложений – из верхнего слоя около 0,2 м на расстоянии от берега: в рукавах – в 10–50 м; в протоках – в 5–10 м. Пробоподготовка включала: для донных отложений – высушивание при температуре 25°C и измельчение до фракции с диаметром частиц до 0,5 мм; для поверхностных вод – фильтрацию через фильтр с диаметром пор 1,5 мкм.

Лабораторные работы выполнялись в университете Донгтхап и Томском политехническом университете (ТПУ). При определении гидрохимических и геохимических показателей использовались следующие методы: pH – потенциометрический; удельная электропроводность χ – кондуктометрический; SO_4^{2-} – турбидиметрический; Ca^{2+} , Mg^{2+} , HCO_3^- , Cl⁻, бихроматная окисляемость (БО), перманганатная окисляемость (ПО) – титриметрический; соединения азота, фосфаты, Si, Fe – фотометрический и ионная хроматография; Hg, As, Zn, Pb, Cu, Cd, Mn, Al, Na⁺, K⁺ – атомно-абсорбционный, инверсионно-вольтамперометрический, пламенно-эмиссионная спектрометрия. В донных отложениях определение pH, удельной электропроводности, перманганатной окисляемости и содержаний макрокомпонентов проводилось в водной вытяжке, микроэлементов – в кислотной.

При сопоставлении полученных результатов с опубликованными материалами других авторов использовались данные по постам Тан Чау (Tan Chau), Ми Тхуан (My Thuan) и Кан Тхо (Can Tho). Статисти-

ческий анализ геохимических материалов проведён с учётом требований [14]. Для объяснения полученных результатов выполнена оценка условий взаимодей-

ствий в системе «вода – порода» на основе методов химической термодинамики с помощью программного комплекса Solution [15].

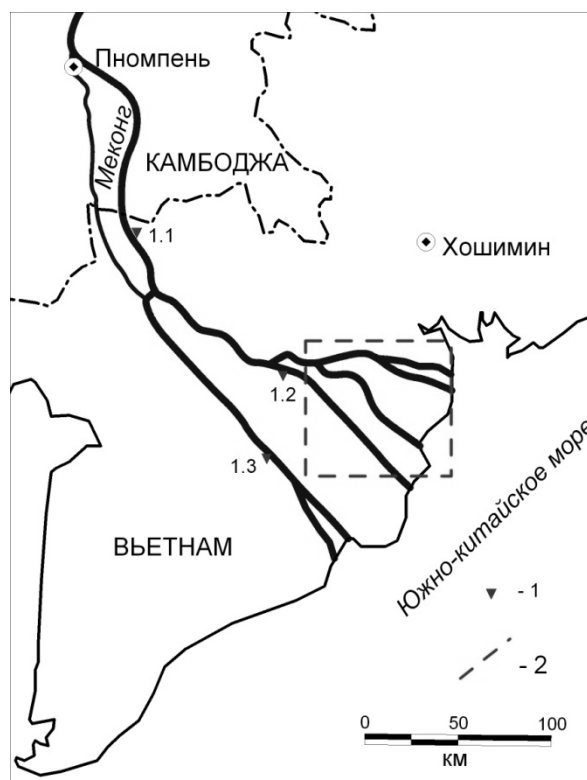

Рис. 1. Район исследования в нижнем течении р. Меконг: 1 – пункты наблюдений в рамках программы «Mekong river commission», в том числе: 1.1 – Тан Чау (Tan Chau); 1.2 – Ми Тхуан (My Thuan); 1.3 – Кан Тхо (Can Tho); 2 – участок исследований авторов в январе 2013 и 2014 гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Поверхностные воды. Воды изученных рукавов и проток на участке более 30 км от морского края дельты Меконга, в соответствии с классификациями О.А. Алёкина [16], относятся по минерализации к «пресным», по химическому составу – к гидрокарбонатным кальциевым (пост Тан Чау) и хлоридным кальциевым третьего типа (в 35 и 75 км от морского края дельты). По мере приближения к морю минерализация поверхностных вод увеличивается и на участке 4–10 км уже соответствует «солончатой» водам. При этом изменяется и химический состав вод за счёт увеличения вклада Cl^- и Na^+ (хлоридные натриевые воды второго типа). В целом можно констатировать существенные изменения абсолютного и относительного содержания главных ионов в водах рукавов и проток в дельте Меконга в зависимости от: 1) удалённости от её морского края; 2) приливов, оказывающих наиболее значительное влияние на участке около 40–50 км, слабое – до 60–65 км и более [13, 17]; 3) фазы водного режима (согласно [12], максимальные среднемесячные расходы воды р. Меконг у г. Пномпень составляют более 3 000 м³/с и обычно наблюдаются в августе – сентябре, минимальные – 200–300 м³/с – в феврале – апреле). При этом следует отметить, что наиболее резкие изменения приурочены к участку 35–42 км от морского края дельты (рис. 2).

По величине pH, согласно [18], поверхностные воды обычно нейтральные и слабощелочные в пределах

всей дельты (табл. 1), по жёсткости – от мягких в её верхней части до очень жёстких – в 4–10 км от морского края. Поверхностные воды содержат значительное количество соединений азота. Вследствие этого по классификации Водного агентства Франции, используемой для оценки качества речных вод в регионе [10], уже по концентрациям NO_3^- и NH_4^+ воды изученных рукавов и проток относятся к классу «очень плохие» («very bad») в 17% случаев и к классу «плохие» («bad») – в 31% (при оценке качества использовалось 42 пробы, в которых определялись значения pH и удельной электропроводности, концентрации NO_3^- , NH_4^+ , PO_4^{3-} , химическое потребление кислорода по бихроматной окисляемости). Сравнение имеющихся данных с российскими нормативами качества вод для водных объектов рыбохозяйственного и хозяйственно-питьевого назначения также свидетельствует о повышенных содержаниях ряда веществ, в том числе Hg, Cu, Zn, Mn, Al, Fe, Si, NH_4^+ , NO_3^- , органических веществ по биохимическому потреблению кислорода (БПК₅) за 5 сут (см. табл. 1).

Поверхностные воды в дельте Меконга в целом недонасыщены относительно первичных алюмосиликатов и незначительно пересыщены относительно кварца и соединений кальция и магния с гуминовыми кислотами (ГК). Содержание последних ориентировочно определено по зависимости $[\text{ГК}] = 0,076 \text{ БО} + 0,235$ (квадрат корреляционного отношения $R^2 = 0,5$), полученной для рек Северной

Азии. По мере приближения водных масс к морю отмечается уменьшение их недонасыщенности или

даже пересыщение относительно кальцита и доломита (табл. 2).

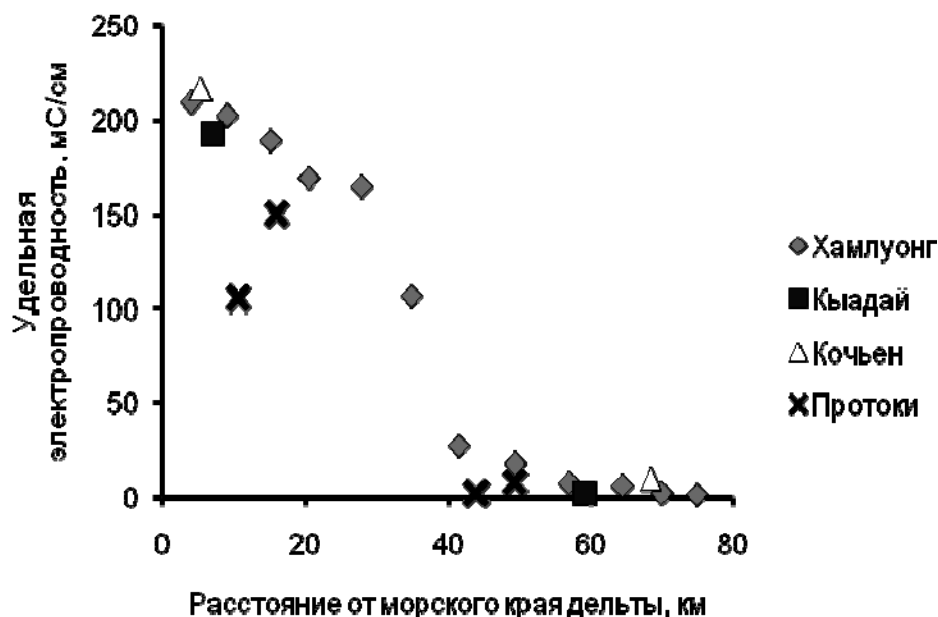

Рис. 2. Изменение удельной электропроводности поверхностных вод в рукавах Хамлуонг, Кыдай, Кочьен и протоках дельты Меконга в январе 2013 г.

Таблица 1

Химический состав поверхностных вод в дельте Меконга (4–77 км от морского края) в 2010–2014 гг.

Объект	Рукава Хамлуонг, Кочьен, Кыдай и малые протоки*					Рукав Хамлуонг					Предельно допустимые концентрации (ПДК) в Российской Федерации:	
	<i>A</i>	δ_A	min	max	<i>N</i>	<i>A</i>	δ_A	min	max	<i>N</i>	ПДК _{рх} для рек	ПДК _{хл}
pH	7,55	0,11	6,7	8,22	20	7,58	0,11	6,96	8,15	12	6,5–8,5	6,5–8,5
χ , мС/см	89,9	19,6	2	216,8	20	92,2	25,7	2	209,2	12	–	–
мг/дм ³												
Ca ²⁺	34,3	5	10,1	146,3	33	22,4	5,5	10,1	62,7	9	180	–
Mg ²⁺	29,2	6	2,9	141,7	33	22,1	15	4,8	141,7	9	40	50
Na ⁺	89,3	73,8	6,3	1270	17	154,3	139,6	6,3	1270	9	120	200
K ⁺	6,3	4,3	0,7	74,9	17	9,6	8,2	0,7	74,9	9	50	–
HCO ₃ [–]	63,9	59,1	4,8	182,1	3	63,9	59,1	4,8	182,1	3	–	–
Cl [–]	103,2	66,5	3,8	1823,2	27	166,3	110,8	3,8	1823,2	16	300	350
SO ₄ ^{2–}	154,7	42,6	1,7	1814,8	54	91	46,7	2,4	645,2	16	100	500
NO ₃ [–]	25,94	2,84	8,31	41,68	20	27,82	3,92	8,31	41,44	12	40	45
NO ₂ [–]	0,029	0,007	0,001	0,119	19	0,02	0,008	0,001	0,065	8	0,08	3,30
NH ₄ ⁺	4,59	0,68	0,67	11,39	20	4,68	0,98	0,67	11,39	12	0,50	1,93
PO ₄ ^{3–}	0,049	0,005	0,011	0,09	19	0,047	0,01	0,011	0,09	8	**	1,93
Si	4,658	0,429	1,008	10,051	19	5,224	0,792	2,382	10,051	8	–	10
BO ₃ , мгО/дм ³	5,30	0,53	2,95	11,29	22	4,78	0,75	2,95	11,29	11	–	15
БПК ₅ , мгО ₂ /дм ³	2,30	0,13	1,83	3,94	19	2,17	0,12	1,87	2,87	8	2	2
мкг/дм ³												
Fe	1549	161	598	4451	38	1736	273	598	3920	16	100	300
Al	120	39	12	553	19	217	81	19	553	8	40	200
Mn	22	7	4	63	11	22	7	4	63	11	10	100
Zn	353,0	12,8	228,0	453,3	23	343,3	16,6	228,0	453,3	15	10	1000
Cu	60,5	5,1	1,2	85,4	23	56,4	7,4	1,2	85,4	15	1	1000
Pb	0,5	0,3	<0,1	4,5	23	0,7	0,4	<0,1	4,5	15	6	10
Cd	0,2	<0,2	0,2	0,2	23	0,2	<0,2	0,2	0,2	15	5	1
As	0,4	<0,1	0,1	0,7	23	0,4	<0,1	0,1	0,7	15	50	10
Hg	0,1	<0,1	<0,1	0,5	23	0,1	<0,1	<0,1	0,5	15	0,01	0,50

Примечания: *A* – среднее арифметическое; *N* – объём выборки; δ_A – погрешность определения среднего арифметического, $\delta_A = \sigma \cdot N^{-0,5}$, где σ – среднее квадратическое отклонение; min, max – минимальное и максимальное измеренные значения. * Приведены результаты обобщения материалов [6–8] и данных, полученных авторами в 2011–2014 гг. ** ПДК для водных объектов: 0,153 – олиготрофных; 0,460 – мезотрофных; 0,613 – евтрофных.

Значения индекса насыщения поверхностных вод и водной вытяжки из донных отложений рукава Хамлуонг в январе 2014 г.

Формула	Поверхностные воды на расстоянии от морского края дельты			Водная вытяжка из донных отложений на расстоянии от морского края дельты		
	75 км	35 км	9 км	75 км	35 км	9 км
$\text{CaCO}_3(\text{кальцит}) = \text{Ca}^{2+} + \text{CO}_3^{2-}$	-2,33	-1,93	-0,72	-0,73	-0,12	-0,49
$\text{CaCO}_3(\text{кальцит}) + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O} = \text{Ca}^{2+} + 2\text{HCO}_3^-$	-2,27	-1,88	-0,39	-0,62	0,00	-0,27
$\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2(\text{доломит}) = \text{Ca}^{2+} + \text{Mg}^{2+} + 2\text{CO}_3^{2-}$	-4,24	-3,41	-0,06	-0,82	0,69	0,29
$\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2(\text{доломит}) + 2\text{CO}_2 + 2\text{H}_2\text{O} = \text{Ca}^{2+} + \text{Mg}^{2+} + 4\text{HCO}_3^-$	-4,13	-3,31	0,59	-0,61	0,92	0,72
$\text{MgCO}_3(\text{магнезит}) + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O} = \text{Mg}^{2+} + 2\text{HCO}_3^-$	-5,80	-5,38	-2,96	-3,93	-3,03	-2,95
$\text{CaГК} = \text{Ca}^{2+} + \text{ГК}$	0,62	0,61	0,73	1,17	0,99	0,84
$\text{MgГК} = \text{Mg}^{2+} + \text{ГК}$	0,73	0,75	1,80	1,50	1,60	1,80
$\text{SiO}_2(\text{кварц}) + 2\text{H}_2\text{O} = \text{H}_4\text{SiO}_4^0$	0,37	0,36	0,32	0,73	1,01	0,89
$\text{CaAl}_2\text{Si}_2\text{O}_8(\text{анортит}) + 3\text{H}_2\text{O} + 2\text{CO}_2 = \text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_7 \times 2\text{H}_2\text{O}(\text{каолинит}) + \text{Ca}^{2+} + 2\text{HCO}_3^-$	-258,0	-257,3	-257,3	-258,0	-257,2	-257,5
$\text{CaAl}_2\text{Si}_2\text{O}_8(\text{анортит}) + 2\text{H}^+ + \text{H}_2\text{O} = \text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_7 \times 2\text{H}_2\text{O}(\text{каолинит}) + \text{Ca}^{2+}$	-23,10	-21,52	-21,70	-23,00	-21,37	-21,97
$2\text{NaAlSi}_3\text{O}_8(\text{альбит}) + 11\text{H}_2\text{O} + 2\text{CO}_2 = \text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_7 \times 2\text{H}_2\text{O}(\text{каолинит}) + 2\text{Na}^+ + 2\text{HCO}_3^- + 4\text{H}_4\text{SiO}_4^0$	-10,74	-9,87	-6,00	-7,79	-5,56	-3,56
$3\text{KAlSi}_3\text{O}_8(\text{ортоклаз}) + 2\text{H}^+ + 12\text{H}_2\text{O} = \text{KAl}_3\text{Si}_3\text{O}_{10}\text{OH}_2(\text{мусковит}) + 2\text{K}^+ + 6\text{H}_4\text{SiO}_4^0$	-23,10	-22,29	-19,30	-19,33	-16,13	-15,64

Примечание. Отрицательные значения свидетельствуют о недонасыщенности раствора, положительные – о пересыщении.

Донные отложения. Водные вытяжки из проб донных отложений, отобранных в январе 2014 г. в рукаве Хамлуонг, имеют макрокомпонентный состав, соответствующий в створах 35 и 75 км от морского края дельты пресным, сульфатным кальциевым и сульфатным магниевым (второго типа) водам, а в 9 км от моря – солоноватым, хлоридным натриевым второ-

го типа. Изменения суммы главных ионов (Ca^{2+} , Mg^{2+} , Na^+ , K^+ , HCO_3^- , SO_4^{2-} , Cl^-) и перманганатной окисляемости в водной вытяжке повторяют на более высоком уровне тенденции изменения этих показателей в поверхностных водах и характеризуются резким увеличением в створе в 9 км от моря по сравнению с пунктами, расположенными выше по течению (рис. 3, 4).

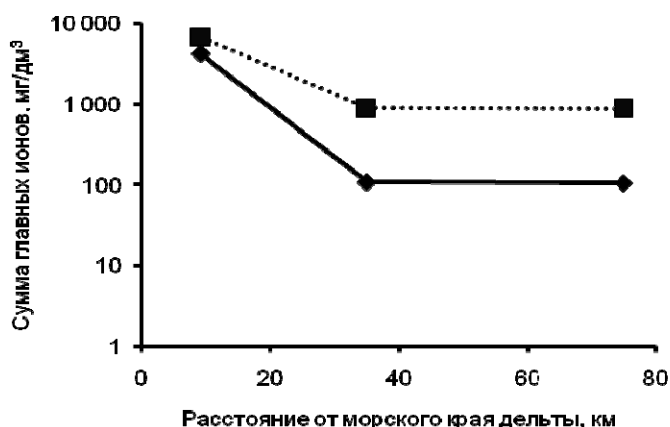

Рис. 3. Изменение суммы главных ионов в поверхностных водах (I) и водных вытяжках из донных отложений (II) рукава Хамлуонг в январе 2014 г.

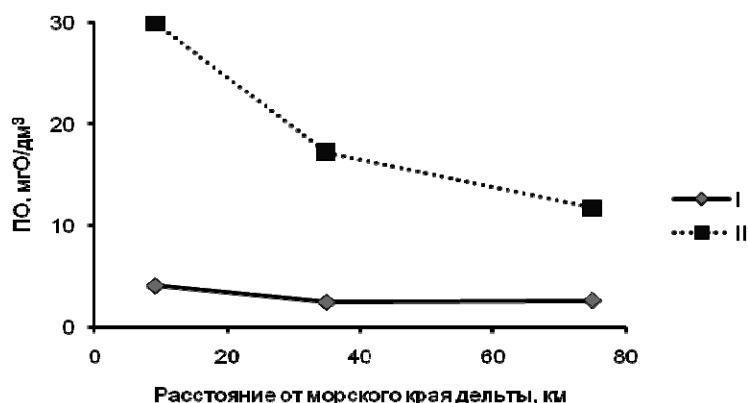

Рис. 4. Изменение перманганатной окисляемости (ПО) поверхностных вод (I) и водной вытяжки из донных отложений (II) рукава Хамлуонг в январе 2014 г.

И в 2014 г., и в 2013 г. отмечено увеличение удельной электропроводности и величины pH водных вытяжек по мере приближения к морю. Тенденции изменения концентраций микроэлементов по длине рукавов в разные годы не столь выражены и могут варьировать, что объясняется колебаниями факторов, определяющих уровень их содержания как в поверхностных водах, так и в донных отложениях. В частности, к таким факторам в первом приближении можно отнести образование малорастворимых соединений ряда металлов с карбонатами и органическими кислотами, особенно в поровом растворе донных отложений (табл. 2). При этом необходимо отметить, что пересыщение вод, оцениваемое методами химической термодинамики, является скорее потенциальным, чем реальным, и в значительной степени зависит от био-геохимических процессов, протекающих в водной

среде и донных отложениях [19]. Как показано в работе [20], важную роль в изменении концентраций ряда химических элементов играют и процессы сорбции (десорбции) на минеральных взвешах в зоне смешения речных и морских вод.

В целом донные отложения рукавов и протоков в дельте Меконга содержат тяжёлые металлы и мышьяк в количествах (табл. 3), сопоставимых с их концентрациями в Меконге в пунктах Тан Чау, Ми Тхуан, Кан Тхо и других крупных реках Южной и Юго-Восточной Азии [1–3, 8–12, 21]. В ряде случаев уровень содержания некоторых элементов (например, Zn и Cu) заметно превышает соответствующие показатели для других природных зон в Азии (Zn, мг/кг: тундра – 8,71; лесотундра – 10,04; тайга – 46,86; Cu, мг/кг: тундра – 1,69; лесотундра – 5,92; тайга – 22,28 [22]).

Таблица 3

Химический состав донных отложений в дельте Меконга (4–77 км от морского края)

Показатель	Дельта р. Меконг, январь 2013 г., $N = 20$		Рукава Хамлуонг, Кыадай и Кочен, январь 2013 г., $N = 16$		Рукав Хамлуонг, январь 2014 г., $N = 3$		Река Меконг – пункт Тан Чау (TanChau) [10]		Река Брахмапутра [21]	Река Ганг [21]
	A	δ_d	A	δ_d	A	δ_d	A 2003 г.	A 2004 г.	A	A
pH*	7,26	0,12	7,38	0,13	7,43	0,17	–	–	–	–
χ^* , мС/см	3,04	0,44	3,26	0,05	1,28	0,95	–	–	–	–
мг/кг										
Ca ²⁺ *	–	–	–	–	102,3	12,4	–	–	–	–
Mg ²⁺ *	–	–	–	–	96,0	41,2	–	–	–	–
Na ⁺ *	–	–	–	–	761,8	675,9	–	–	–	–
K ⁺ *	–	–	–	–	58,0	35,7	–	–	–	–
HCO ₃ ⁻ *	–	–	–	–	207,3	42,8	–	–	–	–
Cl ⁻ *	–	–	–	–	1024,6	980,2	–	–	–	–
SO ₄ ²⁻ *	–	–	–	–	584,8	193,7	–	–	–	–
NO ₃ ⁻ *	31,611	2,130	32,417	2,603	4,247	2,090	–	–	–	–
NH ₄ ⁺ *	47,268	2,889	49,683	3,294	3,072	1,113	–	–	–	–
Si*	–	–	–	–	118,667	9,945	–	–	–	–
ПО*, мгО/дм ³	–	–	–	–	19,667	5,397	–	–	–	–
Fe	–	–	–	–	32403,3	1872,5	–	–	–	–
Al	–	–	–	–	38393,3	6226,6	–	–	–	–
Mn	–	–	–	–	713,933	30,346	–	–	–	–
Zn	96,571	2,528	95,967	3,084	83,970	1,781	28,233	54,853	78,3	37,4
Cu	33,373	0,549	33,245	0,675	17,523	0,260	4,091	14,546	–	–
Pb	3,760	0,423	3,834	0,480	22,687	1,342	6,842	18,947	9,6	22,8
Cd	1,111	0,144	1,192	0,170	<0,5	–	–	–	–	–
As	5,889	0,351	6,204	0,382	<0,5	–	3,864	11,364	–	–
Hg	0,100	0,006	0,107	0,007	–	–	0,092	0,126	–	–

* Определение в водной вытяжке.

Нормативы качества для донных отложений поверхностных водных объектов не установлены, но если исходить из того, что донные отложения играют важную роль в формировании почвенного покрова в поймах и дельтах рек, то для приближённой оценки их экологического состояния можно использовать ПДК веществ в почвах. С учётом этого было проведено сравнение с ПДК, установленными для почв в Российской Федерации. Его результаты свидетельствуют о повышенном содержании Mn, As, Cu, Pb, Zn, что следует учитывать при ведении в регионе сельского хозяйства.

Заключение

Для дельты Меконга характерно достаточно резкое увеличение суммарного содержания растворён-

ных солей и электропроводности поверхностных вод и водных вытяжек из донных отложений в 35–42 км от морского края дельты по сравнению с вышерасположенными участками вследствие смешения морских и речных вод. Одновременно с ростом минерализации происходит изменение состояния системы «вода – порода» в зависимости от удалённости от моря и времени взаимодействия воды с минералами и органоминеральными соединениями. В частности, если поверхностные воды на участке, удалённом от морского края дельты более чем на 10 км, недонасыщены относительно карбонатных минералов, то водные вытяжки из донных отложений уже в 35 км от моря могут находиться в равновесном или пересыщенном состоянии относительно кальцита и доломита. При этом может происходить выведение из водной среды малорастворимых соединений кальция, магния и ряда дру-

гих металлов и их накопление в твёрдой фазе донных отложений, а также соосаждение ряда элементов в процессе аккумуляции речных наносов. Определённую роль в переходе металлов из растворённой формы миграции в коллоидную и взвешенную с последующей аккумуляцией в донных отложениях могут играть и органические кислоты, роль которых необходимо исследовать более детально.

Качество поверхностных вод и донных отложений определяется комплексом факторов, выделить среди которых преимущественно антропогенную и природную составляющие чрезвычайно сложно. Хозяйственное освоение бассейна Меконга продолжается в течение тысячелетий, причём деятельность человека основана на использовании природных процессов и явлений. В частности, сельское хозяйство функционирует с учётом водного режима, гидрохимического и теплового баланса в дельте Меконга. Как следствие,

антропогенное воздействие проявляется, прежде всего, в виде усиления ранее существующих миграционных потоков, что не исключает появления в водных объектах веществ исключительно или преимущественно антропогенного происхождения [10].

С учётом этого установить «природный фон» для поверхностных вод и донных отложений в дельте Меконга не представляется возможным, а их общее состояние может быть охарактеризовано в целом как неудовлетворительное по содержанию соединений азота, тяжёлых металлов и мышьяка. Это ограничивает использование вод в хозяйственно-питьевых целях и определяет необходимость специальной подготовки вод и донных отложений для нужд сельского хозяйства. Смысл такой подготовки может заключаться в активизации процессов образования малорастворимых соединений, менее токсичных, чем исходные вещества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hoa L.T.V., Nhan N.H., Wolanski E., Cong T.T., Shigeko H. The combined impact on the flooding in Vietnam's Mekong River delta of local man-made structures, sea level rise, and dams upstream in the river catchment // *Estuarine, Coastal and Shelf Science*. 2007. No. 71. P. 110–116.
2. Overview of wetlands status in Viet Nam following 15 years of Ramsar convention implementation. Hanoi, Viet Nam : Viet Nam Environment Protection Agency, 2005. 72 p.
3. The planning Atlas of the Lower Mekong River Basin // Mekong River Commission. Vientiane : MRC, 2011. 104 p.
4. Федеральный закон «О недрах» № 2396-1. М. : Гос. Дума РФ, СФ, 2011. 64 с.
5. Федеральный закон № 74-ФЗ. Водный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 25.06.2012 г.). М. : Гос. Дума РФ, СФ, 2012. 54 с.
6. Доан Ван Фук. Исследование воды для сельского хозяйства. Бен тре : Департамент науки и технологии, 2012. 77 с. (на вьетнам. яз.).
7. Тон Тхат Хань. Экологический мониторинг в провинции Бен Тре. Бен Тре : Департамент науки и технологии, 2013. 139 с. (на вьетнам. яз.).
8. Хо Тронг Тиен. Планирование орошения в провинции Бен Тре. Бен Тре : Южный гидротехнический институт, Академия науки и технологий Вьетнама, 2011. 43 с. (на вьетнам. яз.).
9. An assessment of water quality in the Lower Mekong Basin // Mekong River Commission Technical Paper. Vientiane, LAO DPR : MRC, 2008. No. 19. 70 p.
10. Diagnostic study of water quality in the Lower Mekong Basin // Mekong River Commission Technical Paper. Vientiane, LAO DPR : MRC, 2007. No. 15. 58 p.
11. Hurt B.T., Jones M.J., Pistone G. Transboundary Water Quality Issues in the Mekong River Basin // Mekong River Commission. Water Studies Centre, Monash University, Australia, 2001. 77 p.
12. The Mekong River Report Card on Water Quality. V. 2. Assessment of Potential Human Impacts of Mekong River water quality // Mekong River Commission. Vientiane, Lao DPR : MRC, 2010. 15 p.
13. Михайлов В.Н., Аракелянц А.Д. Особенности гидрологических и морфологических процессов в устьевой области р. Меконг // *Водные ресурсы*. 2010. Т. 37, № 3. С. 259–273.
14. Методические указания. Проведение расчетов фоновых концентраций химических веществ в воде водотоков. РД 52.24.622–2001. М. : Фед. служба России по гидрометеорологии и мониторингу окр. среды, 2001. 68 с.
15. Савичев О.Г., Колоколова О.В., Жуковская Е.А. Состав и равновесие донных отложений р. Томь с речными водами // *Геоэкология*. 2003. № 2. С. 108–119.
16. Справочник по гидрохимии / под ред. А.М. Никанорова. Л. : Гидрометеиздат, 1989. 391 с.
17. Михайлов В.Н. Гидрологические процессы в устьях рек. М. : ГЕОС, 1997. 172 с.
18. Гидрохимические показатели состояния окружающей среды / под ред. Т.В. Гусевой. М. : ФОРУМ ; ИНФРА-М, 2007. 192 с.
19. Океанология. Химия океана : в 2 т. Т. 1 : Химия вод океана / под ред. О.К. Бордовского и В.Н. Иваненкова. М. : Наука, 1979. 518 с.
20. Савенко А.В. Экспериментальное изучение сорбции Hg на минеральных взвешках в зоне смешения речных и морских вод // *Водные ресурсы*. 2000. Т. 27, № 6. С. 755–758.
21. Ramesh R., Ramathan A., Ramesh S., Purvaja R., Subramanian V. Distribution of rare earth elements and heavy metals in the surficial sediments of the Himalayan river system // *Geochemical Journal*. 2000. Vol. 34. P. 295–319.
22. Савичев О.Г., Фунг Тхай Зыонг. Зональные закономерности изменения химического состава речных отложений Сибири и условия его формирования // *Известия Томского политехнического университета*. 2013. Т. 323, № 1. С. 157–161.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 30 сентября 2014 г.

THE ECOGEOCHEMICAL CONDITION OF SURFACE WATERS AND BED SEDIMENTS IN THE DELTA OF THE MEKONG RIVER (VIETNAM)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 246–252. DOI: 10.17223/15617793/388/40

Savichev Oleg G., Phung Thai Duong. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: OSavichev@mail.ru; phungthaiduongdht@gmail.com

Keywords: delta of the Mekong River; bed sediments; surface waters; chemical composition.

The general characteristic of a chemical composition and quality of surface waters and bed sediments in the delta of the Mekong River in the territory of the Socialist Republic of Vietnam on the basis of the given geochemical research in 2001–2014 is received. Ranges of change and average values of pH, specific electric conductivity, bichromate oxidability and content of main ions (Ca^{2+} , Mg^{2+} , Na^+ , K^+ , HCO_3^- , SO_4^{2-} , Cl^-), biogenic substances (NH_4^+ , NO_3^- , NO_2^- , PO_4^{3-} , Si), iron and microelements (Al, Mn, Zn, Cu, Pb,

Cd, As, Hg) in the waters and sediments of the delta arm and branches are established. Comparison of the data on the chemical composition of bed sediments in the delta of the Mekong River, on upper sites and in other large rivers of Southern and Southeast Asia is carried out. The conclusion about the comparability of heavy metals and arsenic content is made. It is established that the content of some elements in the delta of the Mekong appreciably exceeds the corresponding parameters for other natural zones in Asia (Zn – by 9-11 times higher than in tundra and forest-tundra, about twice higher in comparison with taiga; Cu – by 6-20 times higher than in tundra and forest-tundra, and on the average by 1.5 times higher than in taiga). The increase in the sum of the dissolved substances in surface waters and water extracts from bed sediments is marked depending on the distance to the sea (in the process of mixture of sea and river waters) and the time of interaction of water with minerals and organic-mineral substances (within the hydrological year from summer-autumnal floods to winter-spring low water and in the transition from surface waters to porous solutions of bed sediments). A condition change of the system "water – gas – organic substance – rock" is also simultaneously observed. This change is connected with the reduction of unsaturation of surface waters, achievement of balance and even some supersaturation with carbonate minerals and humic acids compounds in water extracts of bed sediments on a site up to 10 km from the sea edge of the delta. The formation and subsequent removing of poorly soluble substances from water environment as well as the sorption processes connected with them can serve as a reason of accumulation of some microelements in bed sediments. The general condition of surface waters and bed sediments in the delta of the Mekong River can be characterized as unsatisfactory by the content of nitrogen compounds (NO_3^- , NH_4^+), iron and some microelements (Hg, Cu, Zn, Mn, Fe, As, Al). It limits the use of waters in the economic-drinking purposes and determines a necessity of special preparation of surface waters and bed sediments for the needs of agriculture and municipal services. Similar preparation should be directed on the activation of poorly soluble substance formation that are less toxic than initial substances.

REFERENCES

1. Hoa L.T.V., Nhan N.H., Wolanski E., Cong T.T., Shigeko H. The combined impact on the flooding in Vietnam's Mekong River delta of local man-made structures, sea level rise, and dams upstream in the river catchment. *Estuarine, Coastal and Shelf Science*, 2007, no. 71, pp. 110-116.
2. Overview of wetlands status in Viet Nam following 15 years of Ramsar convention implementation. Hanoi, Viet Nam: Viet Nam Environment Protection Agency, 2005. 72 p.
3. The planning Atlas of the Lower Mekong River Basin. Mekong River Commission. Vientiane: MRC, 2011. 104 p.
4. Federal Law "On Subsurface" no. 2396-1. Moscow: RF State Duma, Federation Council Publ., 2011. 64 p. (In Russian).
5. Federal Law no. 74-FZ. Water Code of the Russian Federation (as amended on 25.06.2012). Moscow: RF State Duma, Federation Council Publ., 2012. 54 p. (In Russian).
6. Doan Van Phuc. Investigation of water for agriculture. Ben tre: Department of Science and Technology, 2012. 77 p. (In Vietnamese).
7. Ton Nhat Han. Ecological monitoring in the province of Ben Tre. Ben Tre: Department of Science and Technology, 2013. 139 p. (In Vietnamese).
8. Ho Trong Tien. Scheduling irrigation in the province of Ben Tre. Ben Tre: Southern Institute of Hydraulic Engineering, Academy of Science and Technology of Vietnam Publ., 2011. 43 p. (In Vietnamese).
9. An assessment of water quality in the Lower Mekong Basin. Mekong River Commission Technical Paper. Vientiane, LAO DPR: MRC, 2008, no. 19, 70 p.
10. Diagnostic study of water quality in the Lower Mekong Basin. Mekong River Commission Technical Paper. Vientiane, LAO DPR: MRC, 2007, no. 15, 58 p.
11. Hurt B.T., Jones M.J., Pistone G. Transboundary Water Quality Issues in the Mekong River Basin. Mekong River Commission. Water Studies Centre, Monash University, Australia, 2001, 77 p.
12. The Mekong River Report Card on Water Quality. V. 2. Assessment of Potential Human Impacts of Mekong River water quality. Mekong River Commission. Vientiane, Lao DPR: MRC, 2010, 15 p.
13. Mikhaylov V.N., Arakel'yants A.D. Specific features of hydrological and morphological processes in the mouth area of the Mekong River. *Vodnye resursy – Water Resources Journal*, 2010, vol. 37, no. 3, pp. 259-273. (In Russian).
14. Metodicheskie ukazaniya. Provedenie raschetov fonovykh kontsentratsiy khimicheskikh veshchestv v vode vodotokov. RD 52.24.622–2001 [Guidelines. Calculations of the background concentrations of chemicals in water streams. RD 52.24.622–2001]. Moscow: Federal Service of Russia for Hydrometeorology and Monitoring of Environment Publ., 2001. 68 p.
15. Savichev O.G., Kolokolova O.V., Zhukovskaya E.A. Composition of the Tom' River bottom sediments and their equilibrium with river water. *Geoekologiya – Geoecology*, 2003, no. 2, pp. 108-119. (In Russian).
16. Nikanorov A.M. (ed.) *Spravochnik po gidrokhimii* [Handbook of hydrochemistry]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1989. 391 p.
17. Mikhaylov V.N. *Gidrologicheskie protsessy v ust'yakh rek* [Hydrological processes in estuaries]. Moscow: GEOS Publ., 1997. 172 p.
18. Guseva T.V. (ed.) *Gidrokhimicheskie pokazateli sostoyaniya okruzhayushchey sredy* [Hydrochemical characteristics of the environment]. Moscow: FORUM ; INFRA-M Publ., 2007. 192 p.
19. Bordovskiy O.K., Ivanenkov V.N. (eds.) *Okeanologiya. Khimiya okeana: v 2 t.* [Oceanology. Ocean Chemistry. In 2 volumes]. Moscow: Nauka Publ., 1979. Vol. 1, 518 p.
20. Savenko A.V. Experimental Studying Hg Sorption on Mineral Suspensions in the Zone of Sea and River Water Mixing. *Vodnye resursy – Water Resources Journal*, 2000, vol. 27, no. 6, pp. 755-758. (In Russian).
21. Ramesh R., Ramanathan A.L., Ramesh S., Purvaja R., Subramanian V. Distribution of rare earth elements and heavy metals in the surficial sediments of the Himalayan river system. *Geochemical Journal*, 2000, vol. 34, pp. 295-319.
22. Savichev O.G., Fung Thai Duong. Zonal'nye zakonomernosti izmeneniya khimicheskogo sostava rechnykh otlozheniy Sibiri i usloviya ego formirovaniya [Zonal patterns of change in the chemical composition of river sediments of Siberia and the conditions of its formation]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 323, no. 1, pp. 157-161.

Received: 30 September 2014

ИЗУЧЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МИКРОЛАНДШАФТОВ ВАСЮГАНСКОГО БОЛОТНОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ ДЕШИФРИРОВАНИЯ КОСМИЧЕСКИХ СНИМКОВ

Статья посвящена опыту картографирования ландшафтов участка Крапивинского нефтяного месторождения с использованием данных дистанционного зондирования (ДДЗ). Проведена спектральная классификация снимка RapidEye в специализированном программном обеспечении ENVI с помощью инструмента Decision Tree Classifier. Приведены алгоритмы обработки и значения яркостей спектральных каналов, используемые в автоматизированной классификации изображения. Выявлены наиболее значимые каналы КС RapidEye для идентификации различных поверхностей.

Ключевые слова: космические снимки; микроландшафт; верховое болото; морфологическая структура; спектральная классификация.

Введение

Западно-Сибирская равнина – один из крупнейших нефтегазоносных регионов мира. Освоение его богатств в значительной степени затруднено из-за высокой степени заболоченности. Зачастую территория нефтепромыслов – это участки междуречных равнин, занятые болотными массивами. Интенсивное развитие нефтегазового комплекса предполагает проведение большого объема инженерно-экологических изысканий (ИЭИ) с обязательным построением крупномасштабных ландшафтно-экологических карт на обширные территории, в том числе на участки верховых болот.

В основном эти болота труднопроходимы, из-за этого возникают проблемы с получением исходных данных о пространственной структуре их растительного покрова. Поэтому для проведения качественного дешифрирования растительного покрова верховых болот большую актуальность приобретают методы автоматизированного дешифрирования космических снимков (КС). Методы спектральной классификации изображений КС должны опираться на данные наземных наблюдений, которые можно использовать, например, в качестве обучающих выборок. Основной задачей данного исследования явилось определение наиболее значимых параметров классификации многозональных КС RapidEye с помощью методов спектрального анализа программного комплекса ENVI на участки верховых болот с использованием ботанических и ландшафтных описаний, выполненных ранее в рамках ИЭИ.

Материалы и методы исследования

В качестве ключевого участка для исследования был выбран болотный массив на юго-востоке Западно-Сибирской равнины, в районе Крапивинского нефтяного месторождения на границе Томской и Омской областей. Выбор основан на наличии первичных материалов и, прежде всего, материалов полевых исследований. Этот массив является частью Большого Васюганского болота – самого крупного болота в мире. Структуру микроландшафтов выбранного участка можно считать репрезентативной для большинства верховых болот.

Исследуемый болотный массив находится на междуречье рр. Бол. Юнкуль и Крапивная, левых притоков р. Ягыльях (левобережный приток р. Васюган). Абсолютные высоты междуречной равнины неоген-четвертичного возраста составляют 125–133 м, общий уклон местности – на северо-запад. Площадь ключевого участка около 90 км².

Для оценки достоверности результатов автором выполнен следующий объем работы:

1. Анализ полевых исследований (2009 г.).
2. Визуальное дешифрирование космоснимков.
3. Автоматическая классификация спектрально-зонального КС спутника RapidEye.

Материалы полевых исследований, на которых основано дешифрирование, включали описания ботанических площадок и почвенных профилей на территорию ключевого участка, фотоотчет.

Визуальное дешифрирование КС (RapidEye 2010 г., Landsat-7 2000 г., QuickBird 2006 г.) на территорию ключевого участка проведено на основе материалов ИЭИ 2009 г., материалов лесоустройства, крупномасштабных топографических карт и карт четвертичных отложений. В пределах контура верхового болота автором на основе исследований Е.Д. Лапшиной [1] выделено четыре основных типа биогеоценозов:

1. Озерково-грядово-мочажинные комплексы. Комплекс представляет собой сочетание гряд, сильно обводненных мочажин, чередующихся с озерами, занимающими центральные части крупных мочажин.

2. Выпуклые центральные участки верхового болота занимают сосново-кустарничково-сфагновые сообщества (низкий рям – местное название сосново-кустарничково-сфагновых болот в Западной Сибири). Древесный ярус образован сосной (*Pinus sylvestris* f. *Litwinii*, f. *willkomii*). Кустарниковый ярус представлен преимущественно хамедафной (*Chamaedaphne calyculata*), багульником (*Ledum palustre*), клюквой болотной и мелкоплодной (*Oxycoccus palustris*, *O. Microcarpus*). Среди травянистых растений обильно произрастает морошка (*Rubus chamaemorus*). Отдельные пятна формируют осока шаровидная (*Carex globularis*) и пушица влагалищная (*Eriophorum vaginatum*). Доминантом мохового покрова является сфагнум бурый (*Sphagnum fuscum*), с несколько меньшим покрытием представлены сфагнум магелланский (*Sph. Magellanicum*), сфагнум узколистный

(*Sph. Angustifolium*), плевроциум Шребера (*Pleurozium schreberi*).

3. Сфагново-кустарничково-сосновый тип биогеоценозов (рослый ряб – местное название сфагново-кустарничково-сосновых болот в Западной Сибири). Этот тип биогеоценозов характерен преимущественно для краевых участков верхового болота и занимает незначительные территории. Отличие высокорослого ряба от низкорослого заключается в обилии сфагнума узколистного (*Sph. Angustifolium*) и сфагнума магелланского *Sph. Magellanicum* в моховом ярусе, а также более высокой продуктивности древостоя сосны.

4. Пушицево-сфагновый тип биогеоценозов распространен на небольших площадях. Представляет собой топяные участки по периферии верховых болот, которые нередко заканчиваются ручейками или болотными речками. Основу растительного покрова образуют пушица влагалищная (*Eriophorum vaginatum*), осока топяная (*Carex limosa*), сфагнум балтийский (*Sphagnum balticum*), сфагнум папиллозный (*S. papillosum*), сфагнум бурый (*S. fuscum*).

Для выполнения автоматической классификации изображения был выбран спектрально-анализирующий КС спутника RapidEye с разрешением 6,5 м. Выбор этого типа снимка обусловлен его пространственным разрешением – оно оптимально для выполнения карт требуемого масштаба (М 1:25000). Спектральный диапазон КС RapidEye (от 0,44 до 0,85 мкм) охватывает видимую (4 канала) и ближнюю инфракрасную (1 канал) области. Наличие последнего особенно важно, так как это предоставляет расширенные возможности в индикации растительного покрова как одного из компонентов ландшафта.

Классификация изображения выполнялась в специализированном программном обеспечении ENVI с помощью инструмента Decision Tree Classifier, алгоритм которого предполагает пошаговое деление пространства пикселей на классы в соответствии с заданным условием. Условия обычно задают по граничным значениям яркостей пикселей как по отдельным каналам, так и по их комбинациям. В проведенной классификации КС использованы яркостные характеристики зеленого, длинноволнового красного и ближнего инфракрасного (БИК) каналов, а также вычисленных значений NDVI (нормализованный относительный индекс растительности).

$$NDVI = (p_{nir} - p_{red}) / (p_{nir} + p_{red}),$$

где p_{nir} – коэффициент отражения в ближней инфракрасной области спектра; p_{red} – коэффициент отражения в красной области спектра.

Назначение переменных (спектральный канал или значения NDVI), по характеристикам которых формируют условие, проводилось на основе сравнительного анализа изображений. Такой анализ предполагал выявление канала КС, где граница выделяемого класса поверхности прослеживается наиболее отчетливо. Для получения качественного результата условия часто содержали несколько переменных, т.е. выполнение условий проверялось одновременно по нескольким изображениям (таблица).

Для анализа растительного покрова была построена классификация КС RapidEye (рис. 1). Последова-

тельность выделения классов при построении классификации влияет на итоговый результат. Поэтому в первую очередь были выделены классы, которые не относятся к предмету исследования. В дальнейшем анализировался класс растительного покрова, результат которого во многом был предопределен правильностью выделения границы леса и болота.

Информативность спектральных каналов КС RapidEye

Класс объектов	Канал КС, в котором граница выделяемого класса отчетливо прослеживается
Водная поверхность	Ближний ИК
Антропогенно нарушенная поверхность, грунт	Значения NDVI
Лесная растительность	Длинноволновый красный, ближний ИК
Пушицево-сфагновые сообщества	Зеленый
Озерково-грядово-мочажинные комплексы	Длинноволновый красный
Сосново-кустарничково-сфагновые сообщества	Ближний ИК
Сфагново-кустарничково-сосновые сообщества	Ближний ИК, длинноволновый красный

Результаты исследования и их обсуждение

В результате пошагового деления болотной растительности нами выделено 4 класса:

- озерково-грядово-мочажинные комплексы;
- сосново-кустарничково-сфагновые сообщества;
- сфагново-кустарничково-сосновые сообщества;
- пушицево-сфагновые сообщества.

Анализ растительности верхового болота показал, что растительные сообщества с наличием древесного яруса целесообразно выделять по БИК, топяные участки по окраинам болотного массива с обилием травянистой растительности отчетливо отделяются по зеленому каналу. Граница озерково-грядово-мочажинных комплексов лучше всего прослеживается в длинноволновом красном канале.

Разнообразие растительного покрова верхового болотного массива объясняется неоднородностью рельефа и различиями в увлажнении. Так, озерково-грядово-мочажинные комплексы занимают центральные участки олиготрофного болотного массива с уклонами поверхности 0,0019, абсолютные высоты 125–133,4 м. Они представляют собой своеобразный водораздел, формирующий поверхностный сток. При визуальном дешифрировании КС RapidEye (31.08.2010) в видимой части спектра озерково-грядово-мочажинные комплексы имеют красный оттенок, что предопределило подбор значений спектральных яркостей, характерных для данного биогеоценоза именно в красной зоне спектра.

Сосново-кустарничково-сфагновые сообщества расположены по периферии озерково-грядово-мочажинных комплексов на центральных участках олиготрофного болотного массива и вдоль по склону, уклон поверхности 0,0028. При дешифрировании данного типа биогеоценоза отмечено, что, используя инструмент Decision Tree Classifier ПО ENVI, очень трудно провести границу между рослым и низким рядами. Предположительно это связано со схожим

составом растений данных фитоценозов. Анализ полевых материалов и КС показал, что спектральные яркости низкого ряма с высоким проективным покрытием очень близки к значениям спектральной яркости высокого ряма. Благодаря тому, что увеличение ярус-

ности растительности ведет к увеличению отражения в ближней инфракрасной зоне спектра, граница рослого и низкого рямов была определена сочетанием параметров длинноволнового красного и БИК зон спектра.

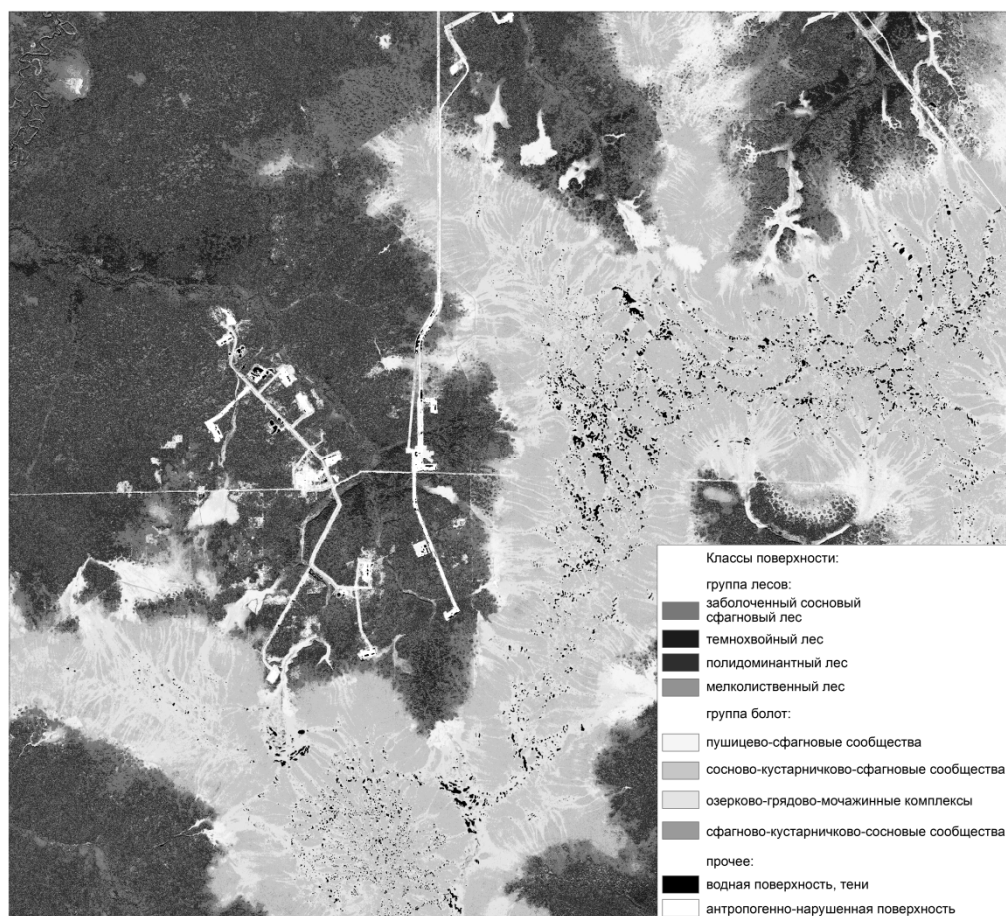

Рис. 1. Классифицированный КС RapidEye, территория ключевого участка

Пушицево-сфагновые сообщества преимущественно приурочены к сильно обводненным окраинам олиготрофного болота. Уклон поверхности 0,003. Для определения границ данного типа биогеоценоза выбрана зеленая зона спектра, так как она позволяет выявлять и изучать содержание хлорофилла на обводненных поверхностях, а именно в зеленом видимом спектральном диапазоне граница пушицево-сфагновых топей прослеживается наиболее отчетливо.

Заключение

В результате исследования отмечено, что применение инструмента Decision Tree Classifier для составления классифицированных изображений КС способствовало достаточно точному определению границ микроландшафтов верхового болотного массива по сравнению с визуальным дешифрированием. Анализ спектральной отражательной способности растительных сообществ по каналам КС RapidEye позволил

выявить наиболее предпочтительные каналы, а также диапазон значений яркости данных каналов для идентификации различных типов биогеоценозов. Данные значения яркостей спектральных каналов применены в дальнейшем в алгоритме построения автоматической классификации. Таким образом, анализ итогового классифицированного изображения КС позволил определить морфологическую структуру микроландшафтов исследуемого болотного массива.

Результаты данного исследования можно использовать при автоматическом дешифрировании основных типов микроландшафтов большинства верховых болот. Построение классифицированных изображений повышает точность и достоверность картографирования болотных микроландшафтов. Однако важно отметить, что значения яркостных характеристик различных типов биогеоценозов, полученные в результате исследования, справедливы только при схожих условиях, в данном случае это съемка КС RapidEye (август 2010 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапицина Е.Д. Флора болот юго-востока Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 296 с. Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 23 декабря 2014 г.

STUDYING THE MICROLANDSCAPE MORPHOLOGICAL STRUCTURE OF THE VASYUGAN PEAT BY SATELLITE IMAGES DECODING

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 253-256. DOI: 10.17223/15617793/388/41

Slabukhina Svetlana V. Tomsk Scientific Research Institute of Oil and Gas ("TomskNIPIneft") (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: slabuhinasv@mail.ru, slabuhinasv@nipineft.tomsk.ru

Keywords: satellite images; microlandscapes; top peat; morphological structure; spectral classification.

The Great Vasyugan Mire is a unique natural formation. Located in the area of two natural zones (taiga and parvifoliate forest), it has a complicated landscape structure. Such factors as the large terrain, high bogginess are obstacles to a detailed integrated study. The only source of reliable and current information on the ecosystem condition is remote sounding data. Consequently, at present the method of automatic decoding of aerospace images has become relevant. The research is aimed at studying the landscape structure of the Vasyugan peat with the use of geoinformation technologies. The object of study is the south-eastern edge of the Vasyugan peat, the interfluve area between the Bolshoy Unkul and the Krapivnaya Rivers (the left tributaries of the Yagiliakh River). The subject of research is the microlandscape morphological structure of the top peat on the territory of the key site. RapidEye and Landsat satellite images, on-site research data, digital base map at the 1: 25000 scale, Tomsk Region quaternary deposits map at the 1: 500000 scale were used. Visual decoding of RapidEye and Landsat satellite images based on on-site research data was made. The satellite images data were chosen basically on account of the near infrared region. During visual decoding in ArcGIS software by Landsat-7 ETM+ satellite images around the study peat, four types of geobiocoenosis were found: 1) lakelet-ridge-pattern; 2) pinaceous-scrubby-sphagnum; 3) sphagnum-scrubby-pinaceous; 4) eriophorum-sphagnum. The vegetation cover was further studied by RapidEye satellite images in ENVI software. The values of the Normalised Difference Vegetation Index (NDVI) were calculated for each every geobiocoenosis using the tools of the given program. The map of NDVI values, the types of geobiocoenosis were used to create the spectral classification of satellite images together with green, red and near infrared regions. In order to divide images into pixel classes the ENVI Decision Tree Classifier tool was used. It was noted that the usage of the Decision Tree Classifier tool to produce classified satellite images made it possible to define precisely the boundaries of microlandscapes of the peat as compared to visual decoding. The analysis of plant association spectral albedo by RapidEye satellite images allowed identifying the most preferable channels as well as spectral channel intensity values for identification of different types of geobiocoenosis. Therefore, the analysis of resulting classified satellite images made it possible to identify the morphological structure of microlandscapes of the peat under study.

REFERENCES

1. Lapshina E.D. *Flora bolot yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri* [Flora of the swamps of the southeast of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2003. 296 p.

Received: 23 December 2014

ХИМИЯ

УДК 622.276.8

Е.В. Кирбижекова, И.В. Прозорова, Н.В. Юдина

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА АСФАЛЬТОСМОЛОПАРАФИНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ОБРАТНЫХ ВОДОНЕФТЯНЫХ ЭМУЛЬСИЙ

Представлены результаты исследования состава АСПО, выделенных из водонефтяных эмульсий на основе высокопарафинистой смолистой нефти, в зависимости от содержания и минерализации водной фазы. Установлено, что с увеличением обводненности эмульсии содержание парафиновых углеводородов нормального строения и асфальтеновых компонентов в составе АСПО значительно возрастает, что приводит к изменению типа формирующихся АСПО. Показано, что концентрация карбоксильных групп и основного азота, входящих в состав гетероатомных соединений АСПО, экстремально зависит от обводненности эмульсий с максимумом, приходящимся на 30% водной фазы.

Ключевые слова: водонефтяная эмульсия; асфальтосмолопарафиновые отложения; парафиновые углеводороды; смолы; асфальтены; нефтяные кислоты; азотистые основания.

Одной из наиболее распространенных и серьезных проблем при добыче, транспорте и подготовке нефти является образование асфальтосмолопарафиновых отложений (АСПО) в призабойной зоне пласта и на поверхностях промыслового оборудования. Длительная эксплуатация месторождений приводит к росту обводненности добываемых нефтей и формированию в скважинах устойчивых водонефтяных эмульсий, что зачастую усиливает процессы осадкообразования. Для эффективного решения вопросов борьбы с АСПО необходимо учитывать особенности состава образующихся АСПО в зависимости от влияния тех или иных факторов.

Цель данной работы – установить зависимость состава АСПО от обводненности и минерализации водной фазы водонефтяных эмульсий на основе высокопарафинистой смолистой нефти.

В качестве объектов исследования были выбраны АСПО, выделенные из исходной нефти и модельных обратных водонефтяных эмульсий на основе высокопарафинистой смолистой нефти (содержание парафиновых углеводородов, смол и асфальтенов составляет 18,2; 9,9 и 2,8 мас.% соответственно). Водонефтяные эмульсии готовили на перемешивающем устройстве ПЭ-0118 мощностью 150 Вт со скоростью вращения лопасти 2000 об./мин в течение 10 мин. В качестве дисперсной фазы, содержание которой варьировалось от 10 до 70 об.%, использовали дистиллированную воду (ДВ) и пластовую воду (ПВ) хлоркальциевого типа с общей минерализацией 450 г/л и плотностью 1301 кг/м³. Минерализацию водной фазы регулировали разбавлением исходной пластовой воды дистиллированной водой.

Процесс осадкообразования моделировали с помощью установки, основанной на методе «холодного стержня». Температура среды и осадкообразующей поверхности составляла 70 и 12°C соответственно. Групповой состав АСПО определяли методом колонной жидкостно-адсорбционной хроматографии. Асфальтены выделяли «холодным» способом Гольде. Содержание парафиновых углеводородов (ПУ) нормального строения определяли с использованием метода высокотемпературной газожидкостной хроматографии. Концентрацию карбоксильных групп и основного азота в составе АСПО определяли с помощью неводного потенциометрического титрования.

Анализ группового состава АСПО показал, что добавление воды в нефтяную систему приводит к значительному увеличению содержания асфальтеновых компонентов и снижению доли смолистых веществ (табл. 1). Для осадка, выделенного из 10% эмульсии, наблюдаются повышение доли асфальтенов в 5 раз и снижение содержания смол почти в 1,5 раза, по сравнению с осадком, полученным из безводной нефти. С ростом обводненности эмульсии до 70% содержание смолистых компонентов в составе АСПО практически не изменяется. Максимальное содержание асфальтенов приходится на осадки, выделенные из 30 и 50% эмульсий. При этом в составе АСПО 50% эмульсии наблюдается существенное увеличение доли ПУ – в 2 раза, по сравнению с АСПО из 30% эмульсии. При обводненности 70% содержание ПУ в осадке выше в 2,5 раза, чем в осадке, выделенном из безводной нефти. Следует отметить, что в составе ПУ также происходят значительные изменения, которые подробно нами рассмотрены в [1].

Таблица 1
Групповой состав АСПО, выделенных из исходной нефти и эмульсий в зависимости от содержания водной фазы

Образец	Содержание, мас.%			β
	Масла (ПУ)	Смолы	Асфальтены	
Нефть	64,4 (11,6)	34,2	1,4	0,3
10% ДВ	69,4 (12,9)	23,2	7,4	0,4
30% ДВ	69,2 (13,8)	22,2	8,6	0,4
50% ДВ	69,1 (27,0)	22,2	8,7	0,9
70% ДВ	70,4 (31,9)	22,9	6,7	1,1

Увеличение доли асфальтеновых компонентов с появлением воды, вероятно, связано с фазовыми переходами в молекулярной подсистеме асфальтены / смолы [2]. В работах [3, 4] описаны два возможных типа структурных превращений при температурах выше 30°C. Первый тип – переход первого порядка между плотно упакованной и слабо связанной структурами в адсорбированных слоях молекул смол. Другой возможный механизм – изменение поверхностной энергии асфальтеновых агрегатов благодаря фазовому переходу в их внутренней молекулярной структуре.

Асфальтены, как известно, играют основную роль в стабилизации водонефтяных эмульсий. При этом чаще всего стабильность эмульсии определяется степенью агрегации асфальтенов, а не их концентрацией.

Тип сил, посредством которых асфальтены, смолы и ПУ взаимодействуют в нефтяных системах (в том числе в водонефтяных эмульсиях и АСПО), до сих пор является предметом обсуждения. В качестве основных механизмов рассматривают ассоциацию путем водородных связей и образование π - π комплексов

с переносом заряда [3]. Водородная связь образуется между донором протона (кислотой Льюиса) и донором неподеленной пары электронов (основанием Льюиса). Согласно М. Салимову [5], основанием Льюиса в водородной связи с молекулами воды могут служить ароматические секстеты π -электронов бензольного кольца, что позволяет утверждать, что водородные связи с молекулами воды могут возникать у всех высокомолекулярных соединений нефти, что хорошо согласуется с наблюдаемой легкостью образования и стойкостью эмульсий нефтей с высоким содержанием смолисто-асфальтеновых компонентов. Благодаря этим взаимодействиям молекулы асфальтенов могут влиять как на структуру эмульсий, формируя механические барьеры вокруг капель воды, так и структуру АСПО [3].

Увеличение концентрации солей в водонефтяной системе приводит к незначительному снижению доли масляной фракции (на 2–4%) в составе АСПО, полученных из эмульсий. При этом содержание ПУ в осадках практически не изменяется (табл. 2).

Таблица 2

Групповой состав осадков, выделенных из водонефтяных эмульсий, в зависимости от минерализации водной фазы

Образец	Содержание, мас. %			β
	Масла (ПУ)	Смолы	Асфальтены	
30% ДВ	69,2 (13,8)	22,2	8,6	0,4
30% ПВ 5 г/л	69,0 (13,0)	21,5	9,5	0,4
30% ПВ 50 г/л	67,0 (13,7)	21,8	11,2	0,4
30% ПВ 150 г/л	67,4 (13,7)	19,8	12,8	0,4
30% ПВ 250 г/л	66,1 (13,1)	19,9	14,0	0,4
30% ПВ 450 г/л	64,8 (12,7)	13,5	21,7	0,4

Повышение минерализации водной фазы эмульсии сопровождается значительным возрастанием содержания асфальтеновых компонентов в составе осадков. Так, в АСПО, выделенных из эмульсии на основе рассолной ПВ с минерализацией 450 г/л, доля асфальтенов увеличивается в 2,5–2,7 раза, по сравнению с АСПО, полученными из эмульсии на основе ДВ. При этом содержание смолистых компонентов в осадках снижается в 1,6–2,1 раза.

В зависимости от содержания парафиновых углеводородов, смол, асфальтенов и их соотношения ($\beta = \text{ПУ/САВ}$) нефтяные отложения подразделяются на следующие типы: парафиновый $\beta > 1,1$; смешанный $\beta \approx 0,9$ –1,1 и асфальтеновый $\beta < 0,9$ [6]. Следует отметить, что тип осадка является важной характеристикой, от которой во многом зависит выбор наиболее оптимальных условий и метода удаления АСПО.

С повышением обводненности нефтяной системы наблюдается снижение значений β , что приводит к изменению типа осадка: от асфальтенового (АСПО, выделенные из 10–30% эмульсий) до смешанного типа (АСПО, выделенные из 50–70% эмульсий), что происходит за счет роста доли н-алканов (табл. 1). Увеличение минерализации водной фазы эмульсий не изменяет тип образующихся АСПО (табл. 2).

В ИК-спектрах нефтяных фракций обнаруживаются практически все характеристические полосы поглощения (ПП) основных функциональных групп многоатомных органических молекул. Анализ ИК-спектров АСПО, выделенных из нефти и водонефтя-

ных эмульсий, показывает, что спектры исследуемых образцов имеют схожий характер. Разница в данных спектрах обусловлена различной интенсивностью ПП, что соответствует различному содержанию отдельных структурных групп (рис. 1). Количественные расчеты, связывающие интенсивность поглощения с содержанием той или иной функциональной группы, затруднены вследствие перекрывания и наложения ПП, сопровождающихся искажением их формы и интенсивности. Поэтому при рассмотрении ИК-спектров нефтяных образцов наибольший интерес представляет расчет спектральных коэффициентов – отношений оптических плотностей (D) характеристических ПП различных структур [7]. Использование таких соотношений позволяет провести сравнение содержания различных структурных групп гораздо точнее, чем при сопоставлении абсолютных интенсивностей полос (табл. 3).

Отмечено, что для АСПО характерно более высокое содержание ароматических и конденсированных ароматических фрагментов, по сравнению с исходной нефтью, что согласуется с данными по групповому составу осадков и, вероятно, связано с повышением доли САК в АСПО. Осадки, выделенные из нефти, характеризуются более высокой разветвленностью парафиновых структур, а также увеличением содержания полярных кислородсодержащих функциональных групп (карбонильных, сульфоксидных), что также связано с возрастанием доли САК в осадках.

В составе АСПО, выделенных из эмульсий, наблюдается снижение содержания конденсирован-

ных ароматических фрагментов (за исключением осадка, полученного из 30% эмульсии), по сравнению с АСПО, выделенными из безводной нефти. Снижается содержание метильных и повышается доля метиленовых групп, что свидетельствует об увеличении

длины алифатических заместителей. Наблюдаемые изменения согласуются с данными по групповому составу АСПО и обусловлены значительным возрастанием доли ПУ в осадках при увеличении содержания водной фазы в эмульсии.

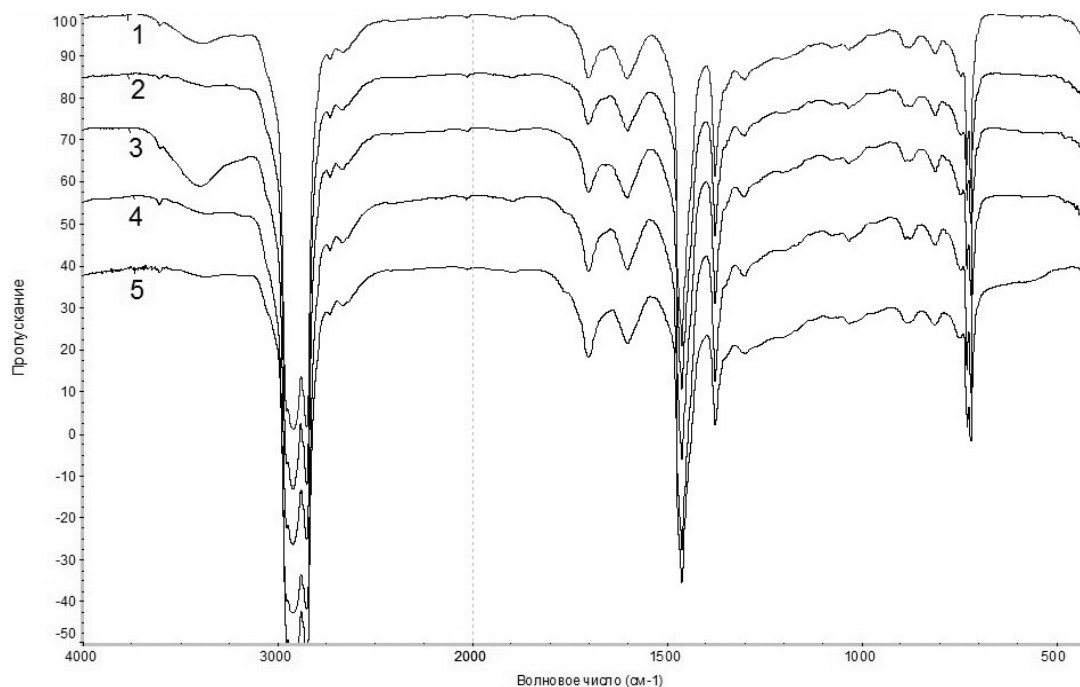

Рис. 1. ИК-спектры АСПО, выделенных из эмульсий с различным содержанием водной фазы: 10% ДВ (1); 30% ДВ (2); 30% ПВ 150 г/л (3); 50% ДВ (4); 70% ДВ (5)

Таблица 3
Спектральные коэффициенты для исходной нефти и АСПО, выделенных из нефти и водонефтяных эмульсий

Спектральные коэффициенты		Исх. нефть	Образец АСПО					
			Нефть	10% ДВ	30% ДВ	30% ПВ 150	50% ДВ	70% ДВ
Условное содержание конденсированных ароматических фрагментов	D_{750}/D_{725}	0,39	0,41	0,38	0,45	0,44	0,36	0,36
Условное содержание ароматических структур	D_{1610}/D_{1465}	0,07	0,12	0,11	0,11	0,12	0,11	0,11
Условное содержание парафиновых структур	D_{725}/D_{1465}	0,27	0,28	0,28	0,27	0,27	0,28	0,30
Коэффициент разветвленности – условное содержание CH_3 -групп	D_{1380}/D_{1465}	0,31	0,35	0,31	0,35	0,34	0,31	0,31
Условное соотношение $(-\text{CH}_2-)/(-\text{CH}_3 - \text{Содержание длинных цепей } (-\text{CH}_2-))$	D_{725}/D_{1380}	0,88	0,79	0,92	0,75	0,76	0,91	1,00
Условное содержание $-\text{C}=\text{O}$	D_{1710}/D_{1465}	0,04	0,12	0,11	0,11	0,13	0,11	0,13
Условное содержание $-\text{S}=\text{O}$	D_{1030}/D_{1465}	0,05	0,07	0,06	0,06	0,06	0,06	0,07

Для осадка, выделенного из 30% эмульсии, характерны максимальное содержание конденсированных ароматических и разветвленных парафиновых фрагментов, а также минимальное содержание длинных алифатических цепочек. Вероятно, это связано с максимальной концентрацией асфальтеновых компонентов, характерной для данного осадка, при относительно невысоком содержании ПУ, по сравнению с осадками, выделенными из эмульсий с 50–70% ДВ.

Спектральные коэффициенты для АСПО, выделенных из 30% эмульсии с ДВ и ПВ (с минерализацией 150 г/л), имеют близкие значения. Отмечено некоторое увеличение содержания ароматических структур и карбонильных групп в составе АСПО в присутствии солей.

Таким образом, с помощью ИК-спектроскопии были выявлены изменения в составе исследуемых АСПО, которые согласуются с данными по групповому составу.

Согласно литературным данным [8, 9], в АСПО концентрируются полярные природные ПАВ нефти, повышающие прочность их сцепления с металлическими поверхностями и облегчающие проникновение вглубь зазоров, трещин на поверхностях нефтепромыслового оборудования. Кроме того, природные ПАВ являются стабилизаторами водонефтяных эмульсий. Они способствуют образованию структурно-механического барьера на поверхности глобул воды и препятствуют их коалесценции, затрудняют разрушение эмульсии с образованием макрофаз.

К природным ПАВ нефти относятся полярные кислород-, азот- и серосодержащие компоненты, такие как нефтяные кислоты, фенолы, азотистые основания, смолисто-асфальтеновые вещества. Среди анионоактивных ПАВ нефти наибольшее значение имеют нефтяные кислоты, являющиеся наиболее изученным классом кислородсодержащих соединений нефти. Нефтяные кислоты представляют собой смесь органических кислот с различными молекулярными массами, содержащих в молекуле алифатические, циклоалкановые и ареновые радикалы. Основную массу нефтяных кислот составляют производные моноциклоалканов с общей формулой $C_nH_{2n-1}COOH$ ($n = 5, 6, 9$), которые получили название нафтеновых кислот [10, 11].

Среди катионоактивных ПАВ наибольшее значение имеют азотистые основания. Сильноосновные азотсодержащие соединения представлены пиридинами и их производными, к слабоосновным азотсодержащим соединениям относятся соединения ряда пиридонов [10].

Так как вещества, обладающие значительной поверхностной активностью, оказывают влияние на та-

кие процессы нефтедобычи, как эмульгирование, отложение парафинов и солей, было исследовано изменение концентрации карбоксильных групп и основного азота в составе АСПО в зависимости от содержания и минерализации водной фазы эмульсий.

По данным потенциометрического титрования установлено, что в исходной нефти содержится 0,203 мас.% карбоксильных групп, 0,036 и 0,062 мас.% сильноосновного и слабоосновного азота соответственно.

При исследовании влияния обводненности эмульсий на содержание природных нефтяных ПАВ в АСПО показано, что увеличение доли водной фазы в эмульсии до 30% приводит к увеличению содержания карбоксильных групп в составе осадка в 1,3–1,5 раза, по сравнению с АСПО, выделенного из нефти (рис. 2, а). При дальнейшем росте обводненности эмульсий до 70% наблюдается снижение концентрации карбоксильных групп в составе осадка в 2 раза, по сравнению с осадком, полученным из 30% эмульсии, и составляет 0,226 мас.%, что в 1,6 раза ниже, чем их содержание в АСПО, выделенного из безводной нефти.

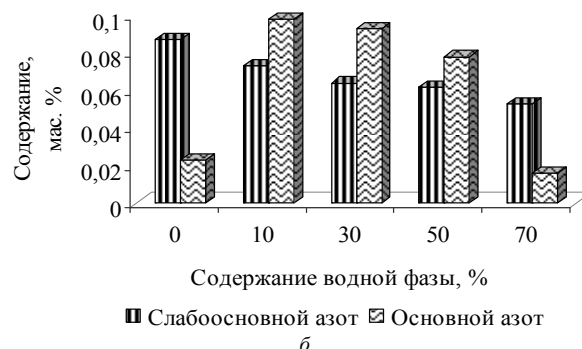
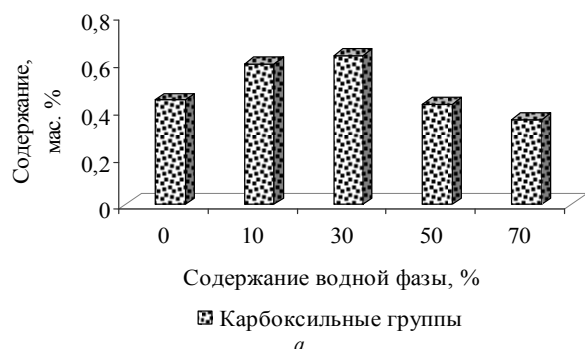

Рис. 2. Влияние обводненности эмульсий на содержание карбоксильных групп (а), основного и слабоосновного азота (б) в составе АСПО

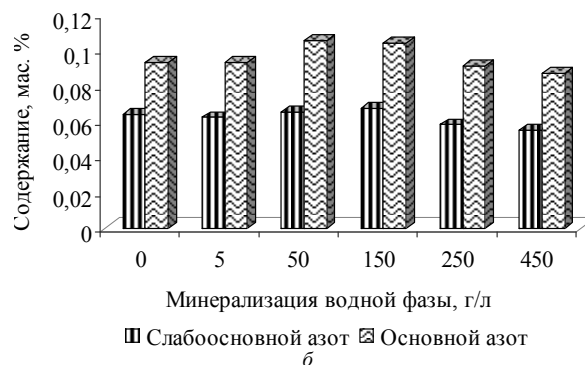
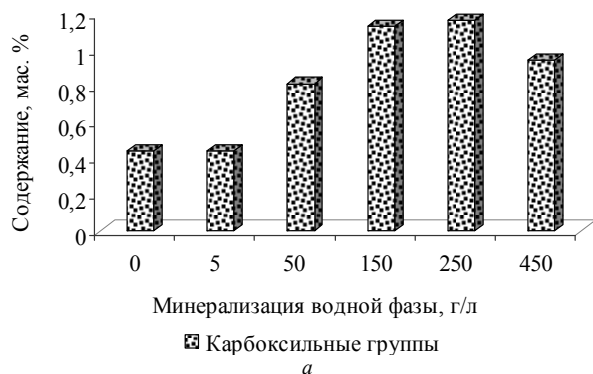

Рис. 3. Влияние минерализации водной фазы эмульсий на содержание карбоксильных групп (а), основного и слабоосновного азота (б) в составе АСПО

Наличие воды в нефтяной системе оказывает влияние и на содержание азотистых оснований: в составе осадка, выделенного из 10% эмульсии, наблюдаются увеличение доли основного азота в 4,3 раза, по сравнению с нефтяным осадком, и снижение доли слабоосновного азота в 1,2 раза (рис. 2, б). С увеличением содержания воды в эмульсиях до 70% наблюдается монотонное снижение концентрации основного и слабоосновного азота. При этом концентрация слабоосновного азота снижается почти в 1,4 раза по сравнению с осадком 10% эмуль-

сии, в то время как содержание основного азота уменьшается в 2 раза для этих же образцов.

Снижение концентрации нефтяных ПАВ в осадке при значительной обводненности эмульсий, вероятно, обусловлено формированием сильно развитой поверхности раздела фаз «нефть – вода», вследствие чего происходят перераспределение содержания ПАВ в объеме и их концентрирование в межфазных слоях эмульсий, а не в осадке [7].

При увеличении содержания солей в эмульсии содержание основного и слабоосновного азота в составе

АСПО практически не изменяется, однако наблюдается тенденция к увеличению доли карбоксильных групп (см. рис. 3). Максимум их содержания приходится на осадок, выделенный из эмульсии с минерализацией 250 г/л, и составляет 1,165 мас.%, что в 2,5 раза выше, по сравнению с осадком, выделенным из эмульсии на основе ДВ.

Таким образом, содержание водной фазы в эмульсии влияет как на содержание карбоксильных групп, так и на содержание основного азота в осадке, в то время как минерализация водной фазы эмульсий оказывает влияние в основном на концентрацию карбоксильных групп.

Таким образом, получены новые данные о составе АСПО, образующихся в водонефтяных эмульсиях на основе высокопарафинистой смолистой нефти с различным содержанием и минерализацией водной фазы. Установлено, что обводненность эмульсии оказывает значительное влияние на содержание парафиновых и асфальтеновых компонентов в АСПО. Для эмульсий с 10–30%-ным содержанием водной фазы характерно образование АСПО асфальтенового типа, как и для

исходной нефти. Максимальное содержание асфальтенов приходится на АСПО 30–50% эмульсий. При 50–70%-ной обводненности формируются АСПО смешанного типа вследствие значительного увеличения доли парафиновых углеводородов в их составе. Увеличение минерализации водной фазы приводит к увеличению доли асфальтеновых компонентов в осадке, но не влияет на содержание парафиновых углеводородов и тип АСПО.

Показано, что наличие воды в системе (в количестве 10–30%) усиливает концентрирование в АСПО карбоксильных групп и сильноосновного азота, входящих в состав природных ПАВ нефти – нефтяных кислот и азотистых оснований. Увеличение обводненности эмульсии до 70% приводит к снижению содержания данных функциональных групп в осадке, что, вероятно, связано с формированием развитой поверхности раздела фаз «нефть – вода» и концентрированием природных ПАВ в межфазных слоях эмульсии. Минерализация водной фазы эмульсий оказывает влияние преимущественно на концентрацию карбоксильных групп в АСПО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прозорова И.В., Кирбижекова Е.В., Юдина Н.В. Влияние температуры и степени обводненности нефти на состав асфальтосмолопарафиновых отложений // Нефтепереработка и нефтехимия. 2011. № 3. С. 18–21.
2. Евдокимов И.Н., Елисеев Н.Ю. Температурные особенности образования отложений из жидких сред с повышенным содержанием смолисто-асфальтеновых веществ // Наука и технология углеводородов. 2000. № 1. С. 52–56.
3. Поконова Ю.В. Химия смолисто-асфальтеновых веществ нефти. Л.: Изд-во ЛТИ, 1978. 85 с.
4. Евдокимов И.Н., Елисеев Н.Ю. Особенности вязкого течения жидких сред со смолисто-асфальтеновыми веществами // Химия и технология топлив и масел. 1999. № 6. С. 32–34.
5. Салимов М. Бич нефтяников – отложения парафина и асфальтосмолистых компонентов. URL: <http://www.msalmov/narod.ru/Parafin.htm>
6. Ибрагимов Г.З., Сорокин В.А., Хисамутдинов Н.И. Химические реагенты для добычи нефти: Справочник рабочего. М.: Недра, 1986. 240 с.
7. Калугина Н.П. Инфракрасная спектроскопия при геохимических исследованиях нефтей и конденсатов (на примере месторождений Туркменистана). Ашхабад: Ылым, 1986. 156 с.
8. Персиянцев М.Н. Добыча нефти в осложненных условиях. М.: Недра-Бизнесцентр, 2000. 653 с.
9. Тронов В.П. Механизм образования смолопарафиновых отложений и борьба с ними. М.: Недра, 1969. 192 с.
10. Поконова Ю.В., Гайле А.А., Спиркин В.Г. и др. Химия нефти. Л.: Химия, 1984. 360 с.
11. Сваровская Н.А. Подготовка, транспорт и хранение скважинной продукции: учеб. пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2004. 268 с.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 19 июня 2014 г.

THE STUDY OF ASPHALTENE-RESIN-PARAFFIN DEPOSITS COMPOSITION FROM WATER-IN-OIL EMULSIONS
Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 257-262. DOI: 10.17223/15617793/388/42

Kirbizhekova Ekaterina V., Prozorova Irina V., Yudina Natalia V. Institute of Petroleum Chemistry, SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirbizhekova@gmail.com; piv@ipc.tsc.ru; natal@ipc.tsc.ru

Keywords: water-in-oil emulsion; asphaltene-resin-paraffin deposit; paraffins, resins; asphaltenes; petroleum acids; nitrogenous bases.

Formation of asphaltene-resin-paraffin deposits (ARPD) is a serious problem during petroleum production. The deposition buildup decreases the pipeline radius available for flow, limits the operating capacities and even blocks the line. There are many factors that influence the ARPD process. The water presence in the paraffinic oil leads to formation of water-in-oil emulsions. These emulsions can be very stable as a result of the presence of polar components such as asphaltenes and resins. But very few studies have been conducted to investigate deposition process under different oil-water conditions. The effect of emulsion characteristics – water cut and water phase salinity – on deposition from water-in-oil emulsions was researched in this study. Oil-water paraffin deposit tests were conducted using paraffinic oil with high resin and asphaltene content. Invert emulsions were prepared with distilled water and brine using a blender with the mixing speed of 2000 rpm for 10 minutes. The deposits were recovered by the "cold finger" method. By the liquid adsorption column chromatography method it was shown that emulsion water cut has a significant influence on the content of paraffin an

d asphaltene components in deposits. Emulsions containing 10–30% of an aqueous phase are characterized by the formation of asphaltene ARPD type like parent oil. Maximum asphaltene content accounts for ARPD of 30–50% of emulsion water cut. Mixed type ARPD are formed due to a significant increase in the share of paraffinic hydrocarbons in their composition at 50–70% of water cut. Increasing salinity of the aqueous phase leads to an increase in the proportion of asphaltene components in the sludge, but does not affect the content of paraffinic hydrocarbons and deposit type. Using non-aqueous potentiometric titration it was found that the water presence in the oil system (10–30% of water cut) increases the concentration of the carboxyl groups and basic nitrogen which are part of the natural oil surfactants – petroleum acids and nitrogenous bases. The water cut increasing to 70% leads to the reduction

of these functional groups concentration in the studied deposits. This is probably due to the significant increasing of the interfacial (oil – water) area and concentrating of natural surfactants in the interfacial layer of the emulsion. It was established that the water phase salinity in emulsion mainly has an effect on the concentration of carboxyl groups in the asphaltene-resin-paraffin deposit.

REFERENCES

1. Prozorova I.V., Kirbizhekova E.V., Yudina N.V. Influence of temperature and water-content level of petroleum on structure of asphalt-tar-paraffin deposits. *Neftepererabotka i neftekhimiya*, 2011, no. 3, pp. 18-21. (In Russian).
2. Evdokimov I.N., Eliseev N.Yu. Temperaturnye osobennosti obrazovaniya otlozheniy iz zhidkikh sred s povysheym soderzhaniem smolisto-asfal'tenovykh veshchestv [The temperature characteristics of the deposits of liquid media with a high content of resin-asphaltenes]. *Nauka i tekhnologiya uglevodorodov – Science and Technology of Hydrocarbons*, 2000, no. 1, pp. 52-56.
3. Pokonova Yu.V. *Khimiya smolisto-asfal'tenovykh veshchestv nefi* [Chemistry of resin-asphaltene substances of oil]. Leningrad: LTI Publ., 1978. 85 p.
4. Evdokimov I.N., Eliseev N.Yu. Osobennosti vyazkogo techeniya zhidkikh sred so smolisto-asfal'tenovymi veshchestvami [Features of viscous flow of liquid media with resin-asphaltene substances]. *Khimiya i tekhnologiya topliv i masel – Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 1999, no. 6, pp. 32-34.
5. Salimov M. *Bich neftyanikov – otlozheniya parafina i asfal'tosmolistykh komponentov* [The problem of petroleum engineers – depositions of paraffin and asphaltene components]. Available at: <http://www.msalimov/narod.ru/Parafin.htm>.
6. Ibragimov G.Z., Sorokin V.A., Khisamutdinov N.I. *Khimicheskie reagenty dlya dobychi nefi: Spravochnik rabochego* [Chemicals for oil production: manual]. Moscow: Nedra Publ., 1986. 240 p.
7. Kalugina N.P. *Infrakrasnaya spektrometriya pri geokhimicheskikh issledovaniyakh nefey i kondensatov (na primere mestorozhdeniy Turkmenistana)* [Infrared spectrometry in geochemical studies of oils and condensates (by example of deposits of Turkmenistan)]. Ashkhabad: Ylym Publ., 1986. 156 p.
8. Persiyantsev M.N. *Dobycha nefi v oslozhnennykh usloviyakh* [Oil production in the complicated conditions]. Moscow: Nedra-Biznestsentr Publ., 2000. 653 p.
9. Tronov V.P. *Mekhanizm obrazovaniya smoloparafinovyykh otlozheniy i bor'ba s nimi* [The mechanism of formation of resin-paraffin deposits and fight with them]. Moscow: Nedra Publ., 1969. 192 p.
10. Pokonova Yu.V., Gayle A.A., Spirkin V.G. et al. *Khimiya nefi* [Chemistry of oil]. Leningrad: Khimiya Publ., 1984. 360 p.
11. Svarovskaya N.A. *Podgotovka, transport i khranenie skvazhinnoy produktsii* [Preparation, transportation and storage of well production]. Tomsk: TPU Publ., 2004. 268 p.

Received: 19 June 2014

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ МАТРИЦЫ СОРБЕНТОВ. СОЗДАНИЕ МОДЕЛИ ИХ СТРОЕНИЯ

Как нам представляется, структурная организация гелевых оксигидратов весьма напоминает белковую. Первичную структуру оксигидратов следует рассматривать как своеобразные критические точки некоторых комплексных гладких функций (по В.И. Арнольду). Физически эти особенности связаны с геометрией разрушения и связывания ДЭС макромолекул гелей оксигидратов и их старения.

Ключевые слова: лагранжевы отображения; оксигидратные гелевые системы; коллоидные кластеры; самопроизвольный пульсационный поток; спайковый выплеск; диффузный двойной электрический слой; диссоциативно-диспропорциональное разрушение макромолекул; теория Уитни.

Гелевые оксигидратные системы редкоземельных элементов, а также оксиды-гидроксиды некоторых d-элементов, таких как цирконий, ниобий, титан и другие, интересны тем, что, являясь весьма труднорастворимыми, они склонны к диссоциации по кислотно-основному механизму, а следовательно, к проявлению ионообменных и адсорбционных свойств.

Исследования нелинейных свойств подобных гелевых оксигидратных систем обнаружили следующие особенности: колебательную дилатантность, колебательную (пульсационную) электрическую проводимость, самопроизвольный электроток гелевой самоорганизации на фоне поляризационных явлений, окрашенность гелевых систем, колебательные оптические и сорбционные свойства и др.

Съемки экспериментальных фазовых портретов оксигидрата железа (III) на установке с вращающимся графитовым электродом и измерительной системой ZETLab позволили экспериментально обнаружить (увидеть) доменную природу строения коллоидной системы [1, 2].

Исследуя экспериментальные каустики оксигидрата железа (II, III) и оксигидрата иттрия, можно выделить кластерные перестроечные семейства, близкие или совпадающие с типичными перестройками каустик в трехмерном пространстве лагранжевых многообразий бесконечной серии группы симметрий A_k и D_k [2, 3].

Интенсивность каустиковых рефлексов пропорциональна симплексу $l^{-\alpha}$, где l – длина волны, а показатель α – рациональное число, зависящее от характера особенностей. Поэтому ярче всего отображаются особенности типа «пирамида» и «кошелек». Именно эти отображения являются наиболее характерными для каустиков оксигидрата иттрия, апплицированного бихромат-ионами, и менее выражены у оксигидрата железа [1].

В оксигидратных неравновесных гелях мы зачастую имеем дело с ионными потоковыми колебательными движениями. Даже при достаточно низкой температуре (298 К) поляризованные двойные электрические слои (ДЭС) макромолекул, имеющих пептизационно-полимеризационные конформеры, при развитии во времени либо разрушаются («разрываются») с выплеском ионно-молекулярных потоков, либо поглощают их. Причины этого – чисто термодинамические, при макромолекулярных пептизационно-полимериза-

ционно-конформерных неравновесных перестройках энергия формирования ДЭС, окружающих их, стремится к минимизации. Это достигается либо выплеском ионных потоков, либо их связыванием (причем в узких областях пространства, т.е. в условиях, далеких от равновесия).

Таким образом, в гелевых образцах оксигидрата иттрия, циркония и других наблюдается сложная система конформерного движения самих макромолекулярных образований и потокового (колебательного) ионно-кластерно-молекулярного движения внутри них. В качестве отображающей плоскости принимается или графитовый, или платиновый электроды, на которых замыкается ионно-молекулярный кластерный поток («протыкает» их).

Приведенные в работах [4–6] каустики (энергетическое отображение ионных потоков) вполне структурно очерчены. Модели, в которых рассматриваются (неупругие) соударения кластеров (т.е. составляющих коллоидную систему частиц), описываются и соответствуют формированию ударных волн в форме гелевых каустик в местах их взаимодействия, например. Эти энергетические рефлексы суть явления гелевой волновой интерференции или дифракции [7–10]. При этом наблюдаются многообразия движущихся волновых фронтов. Перестройки этих фронтов есть перестройки наших каустик, исследуемых в «пространстве-времени». Объединение фронтов в различные моменты времени образует некую гиперповерхность в этом пространстве. Эта гиперповерхность, образованная типичными движущимися фронтами, сама является фронтом типичного лежандрова отображения подмногообразия, размерность которого на 1 больше размерности изучаемого движущегося фронта [11]. Поэтому гиперповерхность в пространстве-времени, образованная фронтами в различные моменты времени, будет называться большим фронтом. Особенности больших фронтов, образованных в пространстве-времени перестройками в типичных семействах движущихся фронтов, известны. Иными словами, если исходное пространство трехмерно, то особенности типичных больших фронтов диффеоморфны дискриминантному многообразию группы A_4 или D_4 [2, 3, 11]. Возможны также трансверсальные их самопересечения.

Следовательно, кластеры гелей или их энергетические лагранжианы-каустики свидетельствуют об определенной кристаллографической симметризации

нанокластеров оксигидрата железа (II,III) и оксигидрата иттрия.

Лагранжевы особенности

По определению лагранжева особенность есть росток лагранжева отображения, рассматриваемый с точностью до лагранжевой эквивалентности.

Важными физическими явлениями, в которых встречаются лагранжевы особенности, являются каустики излучения, например световые и им подобные.

Кластерные ионно-потокковые каустики также являются каустиками типа излучения, как нам представляется. Пусть $F(x, q)$ обозначает оптическое (или некое излучательное) расстояние от точки x (например, когерентного) источника излучения на гладком многообразии до точки q многообразия наблюдения. Фазы волн на многообразии наблюдения определяют лагранжевым многообразием

$$L = \{(p, q) \mid \exists x : \frac{\partial F}{\partial x} = 0, p = \frac{\partial F}{\partial q}\}. \quad (1.1)$$

Семейство F функций переменной x , определяемых параметрами q , называется производящим семейством этого лагранжева подмногообразия (и его лагранжева отображения $(q, p) \rightarrow q$ на многообразии наблюдения). Каустики таких лагранжевых отображений – это места, где яркость рефлексных проявлений максимальна.

На основании общей теории лагранжевых особенностей типичных лагранжевых отображений многообразий размерности $n \leq 5$ содержатся в следующем списке лагранжевых особенностей, определенных производящими семействами $\mu \leq n+1$ [2, 5, 11]:

$$\begin{aligned} A_\mu : F &= \pm x^{\mu+1} + q_1 x^{\mu-1} + \dots + q_{\mu-1} x; \\ D_\mu : F &= x_1^2 x_2 \pm x_2^{\mu-1} + q_1 x_1^{\mu-2} + \dots + q_{\mu-2} x_2 + q_{\mu-1} x_1; \\ E_6 : F &= x_1^3 \pm x_2^4 + q_1 x_1 x_2^2 + q_2 x_1 x_2 + q_3 x_2^2 + q_4 x_1 + q_5 x_2; \\ E_7 : F &= x_1^3 + x_1 x_2^3 + q_1 x_1^2 x_2 + q_2 x_1^2 + q_3 x_1 x_2 + q_4 x_2^2 + q_5 x_1 + q_6 x_2; \\ E_8 : F &= x_1^3 + x_2^5 + q_1 x_1 x_2^3 + q_2 x_1 x_2^2 + q_3 x_2^3 + q_4 x_1 x_2 + q_5 x_2^2 + q_6 x_1 + q_7 x_2. \end{aligned} \quad (1.2)$$

Все особенности A, D, E , определенные этими производящими семействами, устойчивы и просты (не имеют модулей). Простейшие особенности A_2 (складка) и A_3 (сборка) явным образом задаются проекцией $(q, p) \rightarrow q$ лагранжевых многообразий:

$$\begin{aligned} A_2 : q_1 &= +3x^2, p_1 = x; \\ A_3 : q_2 &= +4x^3 - 2xq_1, p_1 = x^2, p_2 = x. \end{aligned}$$

Обе складки ($\mp$ в A_2) лагранжево эквивалентны, в отличие от лагранжевыхборок ($\mp$ в A_3).

Таким образом, типичные лагранжевы 2-поверхности в фазовом пространстве аттракторов определяют, при проекции на конфигурационную 2-плоскость, те же особенности Уитни, что и типичные (не лагранжевы) 2-поверхности. Это не очевидно априори, так как лагранжевы отображения достаточно специфичны. Есть отличия между типичными лагранжевыми и общими отображениями, а именно: некоторые типичные общие особенности не встречаются у ла-

гранжевых особенностей, в то время как некоторые типичные лагранжевы особенности не являются типичными для (не лагранжевых) общих особенностей.

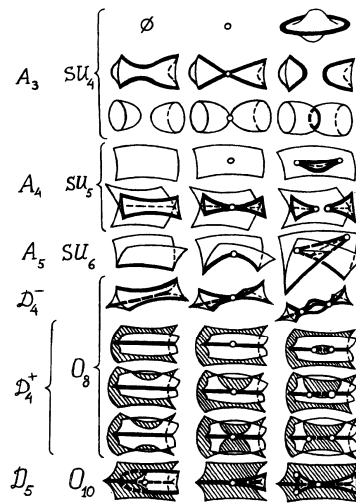

Рис. 1. Типичные перестройки каустик в трехмерном пространстве лагранжева многообразия [2, 11]

Типичная одномерная каустика имеет (помимо самопересечений) только полукубические точки возврата (особенности A_3). Типичная двумерная каустика имеет (помимо самопересечений) только «ласточкины хвосты» (A_4), «пирамиды» (D_4^-), и «кошелек» (D_4^+) (рис. 1). Эти D особенности были названы «омбилическими», так как они связаны с омбилическими точками на 2-поверхностях в евклидовом 3-пространстве. Они являются особенностями фокальных множеств поверхностей [2, 11].

Экспериментальная часть

Для анализа токовых процессов, протекающих в неравновесной гелевой фазе, временной интервал между замерами должен быть небольшим. С этой целью использовали модульные измерительные системы L-CARD с модулем E-270 с частотой опроса 5 замеров в секунду, а также измерительную систему ZETLab, включающую усилитель ZET410 с измерительным блоком ZET210. Данные модули являются современными универсальными программно-аппаратными устройствами для использования со стандартной шиной USB и предназначенными для построения многоканальных измерительных систем ввода, вывода и обработки цифровой информации в составе персональных IBM-совместимых компьютеров.

Выбираем графитовую плоскость S , заданную уравнением $x_i = \text{const}$, и отмечаем точки пересечения траектории орбиты Γ (решения уравнения (1) с плоскостью S , соответствующие заданному направлению эволюции ($\dot{x} < 0$)). Траектория Γ пересекает S в точках $P_0, P_1, P_2, \dots$.

Таким образом, можно получить множество точек, образующих сечение Пуанкаре, т.е. граф в двух измерениях. В оксигидратных гелях мы имеем дело именно с ионными потоковыми движениями. Как нам

представляется, для получения объемных фазовых изображений заряженных кластеров оксигидратных частиц необходимо получить точки (сечения) Пуанкаре всего объемно-пространственного кластерного габитуса. Для этого секущая поверхность или поверхности должны перемещаться в пространстве по определенному, известному закону, нормально пересекая орбиты движущихся кластеров.

С этой целью созданы установка с вращающимся графитовым цилиндрическим электродом, представленная на рис. 1, и приставка к прибору, показанная на рис. 3 в форме стакана с клееным электродом круглого сечения на его дне.

Анализ экспериментальных данных

Итак, мы рассмотрели и рассчитали некую форму волновых фронтов и, следовательно, границы раздела фаз в коллоиде, например, оксигидрата железа, имеющие форму «амёбы» – неопределённого гелевого гало с рукавами, которые, возможно, имеют самопересечения [13, 14]. Однако эта форма близка к сфероидальным гелевым частицам оксигидратных коллоидов, на которых удивительным образом отображаются особенности Уитни [6], применительно к особым точкам на складке фазовой каустики, так как на поверхности рассчитанного кластера отмечаются некие активные зоны, в которых идет стохастическое диссоциативно-диспропорциональное выталкивание в дисперсионную среду гидратированных ионных кластерных образований оксигидрата, связанное с разрушением слоев Гуи–Штерна.

Таким образом в оксигидратных системах роль последовательностей аминокислотных остатков в полипептидной цепи белков выполняют лагранжевы особенности гидратированных ионных кластерных образований, связанных с разрушением слоев Гуи–Штерна.

Важными особенностями первичной структуры белков являются консервативные мотивы – устойчивые сочетания аминокислотных остатков, выполняющие определённую функцию и встречающиеся во многих белках. В оксигидратах такими консервативными мотивами можно назвать типичные особенности каустик в трехмерном пространстве [2], а именно «ласточкин хвост», «пирамида», «кошелек», которые также сохраняются в процессе эволюции оксигидратов. Все более сложные особенности каустик в трехмерном пространстве при малом шевелении системы (перемешивании) рассыпаются на эти стандартные элементы. Для движущегося каустика и его волнового фронта характерна некая метаморфоза, которая изображена на рис. 1. Экспериментальные метаморфозы каустик отражают три вышеуказанных структурных мотива.

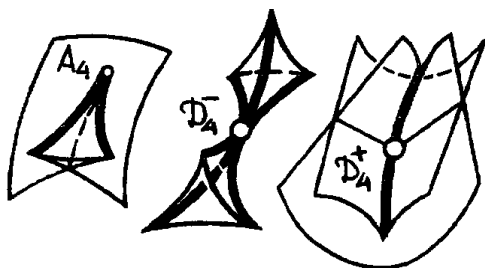

Рис. 2. Типичные особенности каустик в трехмерном пространстве

Теперь становится совершенно обоснованной необходимость рассматривать первичную структуру оксигидратов как своеобразные критические точки комплексных гладких функций [2. С. 89], список особенностей которых приведен выше. Физически эти особенности определяются характером разрушения и связывания ДЭС макромолекул оксигидратов и их старения. Пример таких экспериментальных особенностей каустик оксигидрата трехвалентного железа приводится в табл. 1.

Таким образом, энергетические каустики есть важнейшая экспериментальная и теоретическая характеристика самоорганизации коллоидных оксигидратных наноматериалов во времени. Это существенно отличает наши представления о пульсационно-волновом характере оксигидратов d- и f- элементов от общепринятых классических представлений. Эти воззрения позволяют нам говорить о вторичной, третичной и даже четвертичной структуре оксигидратных гелей.

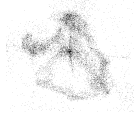
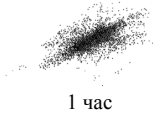
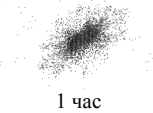
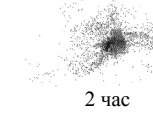
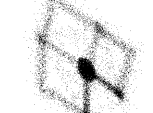
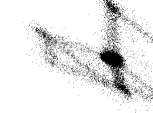
Вторичная структура оксигидратов, представляющая локальное упорядочивание фрагментов полимерной оксооловой цепи, стабилизированной водородными связями, показана на рис. 2–4. На рисунках прослеживается образование складчатых слоев. Это зигзагообразные оксооловые цепи, в которых водородные связи образуются между относительно удалёнными друг от друга плоскостными образованиями в первичной структуре. Приведены самые распространённые и типичные вторичные спиралеобразные структуры оксигидратов [9].

Третичная структура оксигидрата иттрия показана на рис. 5. В средней части рисунка мы видим спиралевидный мотив укладки. Такая укладка хорошо прослеживается для оксигидрата железа. Мотив укладки определяется взаимным расположением элементов вторичной структуры.

Следует сказать, что в ранее известной литературе [15. С. 108] также отмечается для фазовооднородных частиц α – FeOOH (полученных в нейтральной и слабодокислой среде ($2\text{OH}^-/\text{Fe}^{2+} \leq 1$ и $\text{pH} \leq 7$)) окислением суспензии из растворов FeSO_4 при температуре 40–50°C) формирование анизотропных пластин, состоящих из отдельных складчатых кристаллитных слоев, собранных в пучки вдоль длинной оси, или некие «снопики» из отдельных игольчатых кристаллитов. То есть и здесь образуется эта третичная структура на основе вторичных складчатых линейчатых образований.

Третичная структура, как правило, состоит из элементов вторичной структуры, стабилизированных похожими типами взаимодействий, в которых гидрофобные взаимодействия играют важнейшую роль. В стабилизации третичной структуры принимают участие: ковалентные связи, ионные связи между противоположно заряженными боковыми группами, водородные связи; гидрофобные взаимодействия неполярных участков оксигидратного геля на определенных спиралеобразно закрученных его участках с молекулами воды дисперсионной фазы отсутствуют. Наоборот, на поверхности взаимодействия оказываются противоположные полярные гидрофильные боковые группы, обладающие высокой химической активностью.

Типичные экспериментальные перестройки (метаморфозы) каустик оксигидрата железа в процессе старения
(выборочная экспериментальная съемка)

Время старения, сут	Фазовые портреты			Семейство
10	 1 час	 5 час		D
22	 1 час	 1 час	 2 час	D→A
66	 1 час	 2 час	 2 час	A
	 3 час	 4 час	 5 час	
81	 1 час	 5 час		A

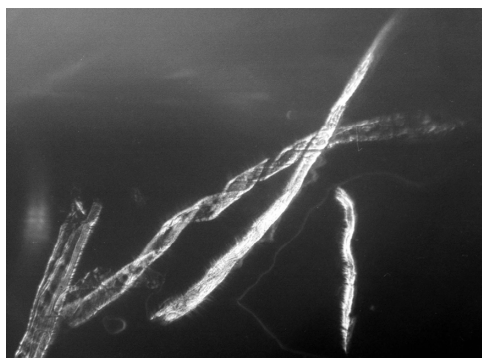

Рис. 3. Вторичные спиралеобразные образования геля оксигидрата лантана, х 400

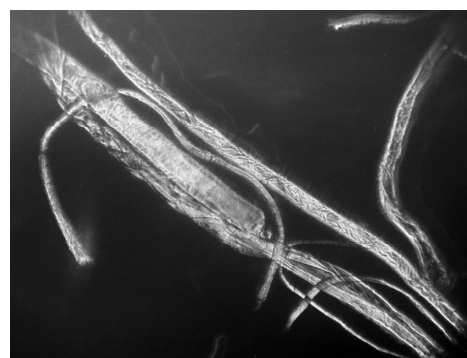

Рис. 4. Вторичные спиралеобразные образования геля оксигидрата иттрия, х 400

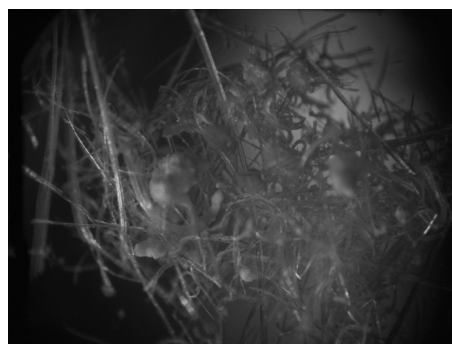

Рис. 5. Третичная структура оксигидрата иттрия

Четвертичная структура (или субъединичная, доменная) представляет собой взаимное расположение нескольких мотивов, например спиралевидной укладки в составе единого оксигидратного комплекса. Ок-

сигидратные макромолекулярные комплексы, входящие в состав четвертичной структуры, образуют после завершения синтеза и временной выдержки общую надмолекулярную структуру (рис. 6, 7).

Рис. 6. Четвертичные структуры оксигидрата циркония

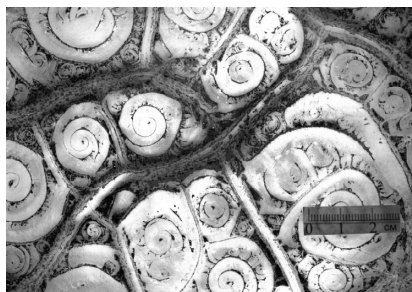

Рис. 7. Формирование синхронизированных спиральных волн в ячейках воздушно-сухого четвертичного оксигидрата железа (формирование волн в течение года выдержки)

В состав оксигидратной четвертичной структуры могут входить как идентичные, так и структурно различные оксигидратные фрагменты.

В стабилизации четвертичной структуры принимают участие те же типы взаимодействий, что и при стабилизации третичной. Надмолекулярные оксигидратные мотивы укладки определяются взаимным расположением элементов вторичной структуры, комплексы могут состоять из десятков макромолекул.

Условия стабилизации соответствуют различной окрашенности четвертичных оксигидратов. Известно, что окраска вещества определяется его струк-

турными особенностями, которые по-разному складываются при различных условиях получения [10. С. 248]. На рис. 6 можно отметить следующие цвета оксигидрата циркония: зеленый, коричневый, желто-коричневый, желтый, светло-желтый, бело-желтый, белый.

Нами исследовано влияние сдвиговых деформаций оксигидрата ниобия при различных pH на их окрашенность. В работах [16, 17] показано, что сдвиговая деформация определяет также изменения содержания воды в гелях. Эксперименты с гелями оксигидрата ниобия приведены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Влияние реологических характеристик на окрашенность гелей оксигидрата ниобия

Скорость сдвига γ , (sec ⁻¹)	pH геля в реологической головке прибора								
	2,0	2,25	2,5	2,75	3,0	3,25	3,5	3,75	4,0
13,5	Light yellow	Yellow-pink	—	Light yellow	Light yellow	White	Light yellow	Cream	White
16,2	Light yellow	Yellow-pink	Yellow	White with yellow specks	Sat. yellow-pink	—	Yellow-pink	White	—
24,3	Cream	Gray	White	Light yellow	Light yellow	White	Yellow	Light pink	Yellow-pink
27	—	Light yellow	Yellow-pink	Yellow-pink	Yellow-pink	Sat. yellow-pink	—	Yellow-pink	Yellow
40,5	Cream	Yellow-pink	White	Gray	Light yellow	Light yellow	—	White	Light yellow
48,6	Yellow-pink	Yellow	Light yellow	Cream	Light pink	—	Cream	Light yellow	Pink
72,9	Yellow-pink	Light yellow	White	Light yellow	—	White	White	Light yellow	Cream
81	—	Yellow-pink	Light yellow	Light yellow	Dark pink	Yellow-pink	Yellow-pink	Light pink	Light yellow
121,5	Light yellow	Light yellow	—	Light pink	Light yellow	Light yellow	Light yellow	Light pink	Cream
145,8	Yellow	Yellow-pink	Gray	Light yellow	Light pink	Light pink	—	Light yellow	White
218,7	Cream	Gray	Cream	Gray	White	Cream	Cream	White	Light yellow
243	Yellow	Yellow	Yellow	Yellow	Light yellow	—	—	Yellow	Yellow
364,5	Yellow-pink	Yellow	Gray	Yellow	Light yellow	Yellow	White	Light yellow	Yellow
437,4	Light yellow	Yellow-pink	Yellow-pink	Yellow-pink	Cream	Light yellow	—	Yellow	Light yellow
656	Light yellow	Cream	Gray	White	White	White	Yellow	White	Light yellow
729	Light yellow	Light yellow	Light yellow	White	—	—	Gray	Cream	Yellow
1312	Yellow	Light yellow	Light yellow	Yellow	Yellow	Cream	Yellow	White	Light yellow

Формированию подобных четвертичных структур на основе оксигидратов иттрия, лантана, ниобия, железа и других посвящены целые главы в наших монографиях [9, 10]. Правда, в данных работах эти структуры еще не были определены как четвертичные, так как мы еще не имели представления о лагранжевых особенностях оксигидратных систем. Для оксигидратных гелей ниобия, подвергнутых деформационному сдвигу, наблюдается несколько видов окрашивания: белый, серый, светло-розовый, светло-желтый, желтый, темно-розовый, кремовый, желто-розовый. Все эти цвета могут быть получены смешением трех основных цветов: белого, желтого и розового. Итак, окрашенность гелей подтверждает характерные осо-

бенности четвертичной укладки структуры оксигидратов. Следует сказать, что получить четвертичные цветные свертки структур из обычных белых оксигидратных гелей – задача далеко не простая, так как условия направленного свертывания гелевой структуры практически не изучены.

Таким образом, в работе прослежена сложная взаимосвязь свежеприготовленных гелей оксигидратов, описываемых структурно-энергетическими лагранжианами и последовательным формированием особенностей вторичной, третичной и четвертичной структур. Показаны стохастические причины получения окрашенных гелей четвертичной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухарев Ю.И., Марков Б.А., Крутикова О.М., Кузнецов А.Л. Форма и механизм разряда волновых стохастических кластеров вблизи углеродистых регистрирующих электродов // Бутлеровские сообщения. 2013. Т. 34, № 4. С. 21–38.
2. Арнольд В.И. Особенности каустик и волновых фронтов. М.: ФАЗИС, 1996. 334 с.
3. Сухарев Ю.И., Апаликова И.Ю., Тарамина Е.В., Азаров М.Б. Каустики лагранжевых отображений гелевой оксигидратной магнитной жидкости железа // Бутлеровские сообщения. 2012. Т. 31, № 8. С. 101–116.
4. Марков Б.А., Сухарев Ю.И., Апаликова И.Ю. Каустики стохастических потоковых кластеров и решение задачи формообразования самих кластерных частиц // Бутлеровские сообщения. 2012. Т. 31, № 8. С. 117–124.
5. Сухарев Ю.И., Верцюх Е.С. Эволюция особенностей Уитни стохастических экспериментальных потоковых кластерных каустик оксигидрата олова (IV) // Бутлеровские сообщения. 2012. Т. 30, № 4. С. 17–24.
6. Шемякин Ф.М., Михалев П.Ф. Физико-химические периодические процессы. М.; Л.: АН СССР, 1938. 185 с.
7. Sucharev Yu.I. Wave Oscillations in Colloid Oxyhydrates. Switzerland, UK, USA: Trans Tech Publications LTD, 2010. 497 p.
8. Sucharev Yu.I. Nonlinearity of Colloid Systems: Oxyhydrate Systems. Switzerland, UK, USA: Trans Tech Publications. 2007. 433 p.
9. Сухарев Ю.И., Марков Б.А. Нелинейность гелевых оксигидратных систем. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 468 с.
10. Арнольд В.И. Теория катастроф. 4-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 128 с.
11. Марков Б.А., Сухарев Ю.И., Апаликова И.Ю. Задача о каустиках стохастических потоковых кластеров оксигидратных систем // Бутлеровские сообщения. 2013. Т. 34, № 5. С. 16–21.
12. Марков Б.А., Сухарев Ю.И. Формообразование оксигидратных кластеров суть фазовые диаграммы регистрируемого тока в системе // Бутлеровские сообщения. 2012. Т. 31, № 8. С. 125–131.
13. Шабанова Н.А., Попов В.В., Саркисов П.Д. Химия и технология нанодисперсных оксидов: учеб. пособие. М.: Академкнига, 2007. 309 с.
14. Сухарев Ю.И., Луженкова О.В. Влияние сдвиговых деформаций на дегидратацию гелей оксигидрата ниобия // Известия ЧНЦ УРО РАН. 2002. № 4. С. 120–124.
15. Сухарев Ю.И., Луженкова О.В. и др. Эффект сильного влияния малых воздействий на свойства неравновесной гелевой системы оксигидрата ниобия // Известия ЧНЦ УРО РАН. 2002. № 3. С. 98–102.

Статья представлена научной редакцией «Химия» 9 июня 2014 г.

MECHANISM OF SORBENT MATRIX FORMATION. CREATING A MODEL OF ITS STRUCTURE

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 263-269. DOI: 10.17223/15617793/388/43

Sukharev Yuri I. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sucharev74@mail.ru

Апаликова Инна Ю. South-Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

Lebedeva Irina Yu. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

Kuzmina Natalia V. South-Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

Keywords: lagrangian mappings; oxyhydrate gel systems; colloidal clusters; arbitrary self-pulsating flow; spike splash; diffuse double electric layer; dissociative-disproportionate destruction of macromolecules; Whitney Theory.

As it now seems to us gel oxyhydrates structural organization is very similar to the protein. It was K. Lindstrom-Lang who proposed to allocate four levels of the structural organization of proteins: primary, secondary, tertiary and quaternary structures. Although this division is somewhat outdated, it is still used. The primary structure is natural for proteins when the amino acid residues sequence in the polypeptide is observed, which is determined by the structure of its gene and the genetic code. That is, the primary structure is a sequence of amino acid residues in the polypeptide chain. Oxyhydrates of d- and f-elements are different. The primary structure of oxyhydrates should be regarded as a kind of critical points of some complex smooth functions (by V.I. Arnold). Physically, these features are related to the geometry of disrupting and binding of EDL of oxyhydrate gel macromolecules and their aging. We are primarily interested in periodic crystallization, periodic diffusion, periodic adsorption, periodic condensation, periodic coagulation, periodic salting, chemotaxis, periodic phenomena of surfactants, Liesegang Rings, layers of soot, frequency during the solidification of metals, strain figures in metals breakdown, periodic processes in sedimentation of metals. Oxyhydrate gel system (GOS) of rare earth elements as well as oxides, hydroxides of some d-elements such as zirconium, niobium, titanium, and others are interesting due to the fact that, being quite hardly soluble, are prone to dissociation by acid-base mechanism and, hence, to the manifestation of ion exchange and adsorption properties. Their properties are little or not reproducible, although all efforts and means for a complete reproduction of the initial parameters seem to be used. Various methods of synthesis had been developed that were expected to lead to the desired result. However, these hopes were almost not to come true. The reason for this failure lies in the non-linear features of the various characteristics of gel oxyhydrates. Gel oxyhydrate systems have certain fractal and hence mesophase-like properties. This fact itself has a lot of meanings, as it forces to consider the self-organizing nature of particle interaction in the gel system. The study of the nonlinear properties of gel oxyhydrate systems found the following phenomena: vibrational dilatancy, vibrational

(fluctuating) electrical conductivity, spontaneous electric current of gel self-organization against polarization phenomena, stained gel systems, vibrational sorption and optical properties which we propose to examine in this work in more detail. We also study completely new optical characteristics of pulsating oxyhydrate systems – colloidal-chemical caustics responsible for the formation of the structure.

REFERENCES

1. Sukharev Yu.I., Markov B.A., Krutikova O.M., Kuznetsov A.L. Form and discharge mechanism of stochastic wave clusters near the carbon-graphite recording electrodes. *Butlerovskie soobshcheniya – Butlerov Communications*, 2013, vol. 34, no. 4, pp. 21-38. (In Russian).
2. Arnol'd V.I. *Osobennosti kaustik i volnovykh frontov* [Features of caustics and wave fronts]. Moscow: FAZIS Publ., 1996. 334 p.
3. Sukharev Yu.I., Apalikova I.Yu., Taramina E.V., Azarov M.B. Lagrangian mappings' caustics in gel oxyhydrate magnetic ferrofluid. *Butlerovskie soobshcheniya – Butlerov Communications*, 2012, vol. 31, no. 8, pp. 101-116. (In Russian).
4. Markov B.A., Sukharev Yu.I., Apalikova I.Yu. Caustics of stochastic flow clusters and a solution to the problem of formation of cluster particles themselves. *Butlerovskie soobshcheniya – Butlerov Communications*, 2012, vol. 31, no. 8, pp. 117-124. (In Russian).
5. Sukharev Yu.I., Vertsyukh E.S. Evolution of the features of Whitney stochastic experimental streaming cluster caustics of tin(VI) hydroxide. *Butlerovskie soobshcheniya – Butlerov Communications*, 2012, vol. 30, no. 4, pp. 17-24. (In Russian).
6. Shemyakin F.M., Mikhalev P.F. *Fiziko-khimicheskie periodicheskie protsessy* [Physico-chemical periodical processes]. Moscow; Leningrad: USSR AS, 1938. 185 p.
7. Sucharev Yu.I. *Wave Oscillations in Colloid Oxyhydrates*. Switzerland, UK, USA: Trans Tech Publications LTD, 2010. 497 p.
8. Sucharev Yu.I. *Nonlinearity of Colloid Systems: Oxyhydrate Systems*. Switzerland, UK, USA: Trans Tech Publications, 2007. 433 p.
9. Sukharev Yu.I., Markov B.A. *Nelineynost' gelevykh oksigidratnykh sistem* [Nonlinearity of oxyhydratal gel systems]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2005. 468 p.
10. Arnol'd V.I. *Teoriya katastrof* [Catastrophe theory]. 4th edition. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 128 p.
11. Markov B.A., Sukharev Yu.I., Apalikova I.Yu. The problem of stochastic flow cluster caustics in oxyhydrate systems. *Butlerovskie soobshcheniya – Butlerov Communications*, 2013, vol. 34, no. 5, pp. 16-21. (In Russian).
12. Markov B.A., Sukharev Yu.I. Shaping oxyhydrate clusters as the phase diagrams of the recorded current in the system. *Butlerovskie soobshcheniya – Butlerov Communications*, 2012, vol. 31, no. 8, pp. 125-131. (In Russian).
13. Shabanova N.A., Popov V.V., Sarkisov P.D. *Khimiya i tekhnologiya nanodispersnykh oksidov* [Chemistry and technology of nanosized oxides]. Moscow: Akademkniga Publ., 2007. 309 p.
14. Sukharev Yu.I., Luzhnova O.V. Vliyanie sdvigovykh deformatsiy na degidratatsiyu geley oksigiderata niobiya [Effect of shear deformation on the dehydration of niobium oxide hydroxide gels]. *Izvestiya ChNTs URO RAN*, 2002, no. 4, pp. 120-124.
15. Sukharev Yu.I., Luzhnova O.V. et al. Effekt sil'nogo vliyaniya malykh vozdeystviy na svoystva neravnovesnoy gelevoy sistemy oksigiderata niobiya [The effect of the strong influence of small effects on the properties of the nonequilibrium niobium oxide hydroxide gel system]. *Izvestiya ChNTs URO RAN*, 2002, no. 3, pp. 98-102.

Received: 9 June 2014

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АПАЛИКОВА Инна Юрьевна – канд. хим. наук, доцент кафедры экологии и природопользования Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: Apal-inna@yandex.ru

АТАМАНОВА Инна Викторовна – ст. преподаватель кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: iatamanova@yandex.ru

БЕРЛИЗОВА Татьяна Борисовна – преподаватель кафедры психологии Куйбышевского филиала Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: bervika06@mail.ru

БОКОВА Анна Викторовна – аспирант кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета; аспирант-стажер Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: avbokova@gmail.com

БОРОВИНСКАЯ Дарья Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: sweetharddk@mail.ru

БОХАН Татьяна Геннадьевна – д-р психол. наук, зав. кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета. E-mail: Filonenkoal@mail.ru

БУЛГАКОВА Анита Игоревна – магистрант факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: bylka-93@mail.ru

БЫЧКОВА Тамара Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: bych1941@yandex.ru

ВОЛОВ Всеволод Вячеславович – канд. психол. наук, доцент кафедры психология развития Самарского государственного университета. E-mail: volovvv@nm.ru

ВОЛОШИН Антон Владимирович – ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: volanttt@mail.ru

ГАЛАЖИНСКАЯ Оксана Николаевна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры теории вероятности и математической статистики Томского государственного университета. E-mail: oxanagala@yandex.ru

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета; докторант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: markgon73@rambler.ru

ГУБАНОВ Сергей Анатольевич – канд. филол. наук, доцент кафедры германских языков Международного института рынка (г. Самара). E-mail: gubanov5@rambler.ru

ГУТАК Ярослав Михайлович – д-р геол.-минерал. наук, зав. кафедрой геологии и геодезии Сибирского государственного индустриального университета (г. Новокузнецк). E-mail: tahizea@rambler.ru

ДМИТРИЕВА Анастасия Михайловна – магистрант факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: nastenka-dmitrieva92@mail.ru

ДОЛЖЕНКО Руслан Алексеевич – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, социологии труда и управления персоналом Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: snurk17@gmail.com

ДОНСКОВА Людмила Ивановна – канд. экон. наук, профессор кафедры сервиса и туризма Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул). E-mail: donskovaL@yandex.ru

ДУРАС Екатерина Евгеньевна – студентка факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: ekaterina.duras@gmail.com

ДЬЯЧЕНКО Наталия Константиновна – ассистент кафедры географии, геологии и методики преподавания географии Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк). E-mail: tahizea@rambler.ru

ЕРЛЫКОВА Юлия Николаевна – студентка факультета психологии Томского государственного университета. E-mail: yuliyashira89@mail.ru

ЗАЛЕСОВ Валерий Геннадьевич – канд. архитектуры, зав. кафедрой теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vzal@mail.tomsknet.ru

ЗАЛЕСОВ Геннадий Михайлович – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: gmzalesov@gmail.com

ЗЛЕНКО Константин Васильевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры организации социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. E-mail: bigbox@sibmail.com

ИСАБЕКОВ Кубанычбек Сатиндиевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Киргизского национального университета им. Баласагына (г. Бишкек, Киргизия). E-mail: isabekov_k@mail.ru

ИСУПОВ Владимир Анатольевич – д-р ист. наук, зав. сектором историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук; профессор кафедры истории России Новосибирского государственного университета. E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

КАБАЧКОВА Анастасия Владимировна – канд. биол. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: avkabachkova@gmail.com

КВЯТ Александра Георгиевна – канд. филол. наук, докторант кафедры социологии Уорикского университета (г. Ковентри, Великобритания). E-mail: akvyat@yandex.ru

КИРБИЖЕКОВА Екатерина Владимировна – канд. хим. наук, мл. науч. сотр. лаборатории реологии нефти Института химии нефти Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Томск). E-mail: kirbizhekova@gmail.com

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

КРАСНОЯРОВА Наталья Алексеевна – канд. геол.-минерал. наук, науч. сотр. лаборатории природных превращений нефти Института химии нефти Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Томск); доцент кафедры разработки и эксплуатации нефтяных месторождений Томского политехнического университета. E-mail: natalex@ipc.tsc.ru

КУЗНЕЦОВ Владимир Николаевич – врач психиатр-нарколог Каргасокской районной больницы (Томская обл.). E-mail: vnkuz@mail.ru

КУЗЬМИНА Наталья Владимировна – аспирант кафедры химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: Apal-inna@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА Ирина Юрьевна – канд. хим. наук, доцент кафедры химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: Apal-inna@yandex.ru

МАКАРОВА Елена Антониновна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: elena_mak2004@mail.ru

МАНОНИНА Татьяна Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vzal@mail.tomsknet.ru

МАЦУТА Валерия Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: matsuta-vv@mail.ru

МИКУЛИН Андрей Иванович – канд. юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и административного права Южно-Сахалинского института (филиала) Российского экономического университета. E-mail: plc.mikulin@gmail.com

МИШЕНИН Сергей Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, докторант кафедры истории России Кемеровского государственного университета. E-mail: s-e-m-57@mail.ru

МУРАВЬЁВА Ольга Ивановна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: muravey59@mail.ru

НЕГОДИНА Олеся Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: negodina.oa@yandex.ru

ПОЛЯКОВА Елена Александровна – канд. культурологии, профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: elena2873@mail.ru

ПОПЛАВСКАЯ Ирина Анатольевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: poplavskaj@rambler.ru, lady-plvs@yandex.ru

ПРОЗОРОВА Ирина Витальевна – канд. хим. наук, ст. науч. сотр. лаборатории реологии нефти Института химии нефти Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Томск). E-mail: piv@ipc.tsc.ru

ПРОКОФЬЕВА Варвара Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: prokofeva.varvara@yandex.ru / vava3@mail.ru

РУДИ Людмила Юрьевна – д-р экон. наук, зав. кафедрой экономической теории Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ». E-mail: l.y.rudi@nsuem.ru

САВИЧЕВ Олег Геннадьевич – д-р геогр. наук, профессор кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: OSavichev@mail.ru

СЕЛЕЗНЕВА Елена Валентиновна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета; преподаватель кафедры иностранного языка Томского политехнического университета. E-mail: longisquama-l@rambler.ru

СЕРЕБРЕННИКОВА Ольга Викторовна – д-р хим. наук, зав. лабораторией природных превращений нефти института химии нефти Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Томск); профессор кафедры геологии и разведки полезных ископаемых Томского политехнического университета. E-mail: ovs@ipc.tsc.ru

СЛАБУХИНА Светлана Викторовна – инженер 1 категории сектора экологического картографирования департамента экологии Томского научно-исследовательского и проектного института нефти и газа. E-mail: slabuhinasv@mail.ru / slabuhinasv@nipineft.tomsk.ru

СУХАРЕВ Юрий Иванович – д-р хим. наук, профессор, зав. каф. химии твёрдого тела и нанопроцессов Челябинского государственного университета. E-mail: sucharev74@mail.ru

ТРОПНИКОВА Татьяна Александровна – ст. преподаватель кафедры экономической теории Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ». E-mail: l.y.rudi@nsuem.ru

УЛЬЯНОВА Оксана Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры иностранных языков института природных ресурсов Томского политехнического университета; доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: shamaim_7@mail.ru

УЧИТЕЛЬ Константин Александрович – канд. искусствоведения, доцент кафедры продюсерства в области исполнительских искусств Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. E-mail: ucchitel@bk.ru

ФОМИНЫХ Сергей Федорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: fsf@mail2000.ru

ФОМЧЕНКО Виктория Витальевна – студентка факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: fomchenko_viktoriya@sibmail.com

ФОРТУНАТОВ Антон Николаевич – д-р филос. наук, зав. кафедрой электронных СМИ Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: anfort@mail.ru

ФРОЛОВА Юлия Сергеевна – аспирант факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: julia.s.frolova@gmail.com

ФУНГ Тхай Зыонг – аспирант кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: phungthaiduongdhd@gmail.com

ХИТРУК Екатерина Борисовна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: lubomudr@vtomske.ru

ХОДОВА София Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: sofia_khodova@mail.ru

ХОМУК Николай Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: homuk1@yandex.ru

ХОРОШЕНКОВА Анна Валерьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры теории методики преподавания истории, обществоведения и права Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: horav73@mail.ru

ЦИГУЛЕВА Олеся Владимировна – канд. пед. наук, профессор кафедры перевода и переводоведения Новосибирского военного института внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России. E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

ЧИРКОВА Диана Юрьевна – аспирант лаборатории природных превращений нефтей Института химии нефти Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Томск). E-mail: diana-260290@yandex.ru

ШУНКОВ Александр Викторович – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств; соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

ЮДИНА Наталья Васильевна – канд. техн. наук, зав. лабораторией реологии нефти Института химии нефти Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Томск). E-mail: natal@ipc.tsc.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2014 г. было выпущено 377 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2014 № 388 Ноябрь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ. ХИМИЯ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 18 ноября 2014 г.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 32. Тираж 250 экз. Заказ № 676.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина

Корректор – А.Н. Воробьёва

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28